ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ.

ДВАДЦАТЬ-ШЕСТОЙ ГОДЪ.—КНИГА 8-я.

АВГУСТЪ, 1891.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Сост. А. Шарлемань

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 лин., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 8-я. — АВГУСТЪ, 1891.

Стр.

I.—АРТИСТКА.—Романъ въ 4-хъ частяхъ. — Часть третья.—I-VIII.—**Мар. Крестовской** 445

II.—ДОЛГОЛѢТІЕ ЖИВОТНЫХЪ, РАСТЕНІЙ И ЛЮДЕЙ.—VI.—**Ив. Р. Тарханова** 486

III.—МАЛОРУССКОЕ ДВОРЯНСТВО и ЕГО СУДЬБА. — Историческій очеркъ.—I-VIII.—**Александры Ефименко** 515

IV.—ПАУПЕРИЗМЪ ВЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТАХЪ.—IV-VII.—Окончаніе.—**В. Макъ-Гаханъ** 570

V.—НЕУДАЧНИКЪ.—Un raté, par Gyp. — Окончаніе.—IX-XV.—**А. Э.** 606

VI.—НА ДАЛЕКОМЪ СѢВЕРѢ. — Изъ поѣздки на Бѣлое море и на океанъ. — I. Кандалакша. — II. На китобойномъ заводѣ. — III. Островъ Килдинъ.—**В. Фаусека** 665

VII.—СХОЛАСТИКА ПОДЪ ФИРМОЙ НАУКИ. — „Юридическая Энциклопедія“, Н. К. Ренненкампфа.—„Лекціи по общей теоріи права“, и „Сравнительный очеркъ государственнаго права иностранныхъ державъ“, Н. Коркунова. — **Л. З. Слонимскаго** 715

VIII.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Изъ Лонгфелло.—II. Свѣтъ и тѣнь.—**О. Михайловой** . 740

IX.—ПЕРВЫЯ ИЗВѢСТІЯ О СИБИРИ И РУССКОЕ ЕЯ ЗАСЕЛЕНІЕ.—**А. Н. Пыпина** 742

X.—ХРОНИКА.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Десятилѣтіе переселенческаго дѣла.—**Н. М. Ядринцева** 790

XI.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Оживленіе международной политики въ Европѣ.—Пребываніе французской эскадры въ Россіи.—Вопросъ о франко-русскомъ союзѣ.—Газетныя толкованія и предположенія по этому предмету.—Споры о внѣшней политикѣ въ Италіи и во Франціи 827

XII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Джьованни Боккаччьо, Декамеронъ; переводъ Александра Веселовскаго, томъ I.—Домра и сродные ей музыкальные инструменты русскаго народа. Историческій очеркъ, Ал. Фаминцына.—О студенческой жизни въ Дерптѣ.—**А. П.**—Сборникъ отвѣтовъ на вопросы церковной жизни, прот. А. А. Автономова.—**М. Э.** 839

XIII.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. Ein Rückblick aus dem Jahre 2037 auf das Jahr 2000. Aus den Erinnerungen des Herrn Julian West. Herausgegeben von Dr. Ernst Müller. — II. „Die Weltgeschichte ein Zufall?“ Ein Wort an die Gebildeten des deutschen Volkes, von Prof. Dr. B. Kneisel. — **Л. С.** 858

XIV.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ. — Недостатокъ въ народномъ продовольствіи.—Распространеніе законоположеній 12 іюля 1889 г. на новыя 12 губерній, съ нѣкоторыми измѣненіями въ нихъ и дополненіями.—Начало новаго учебнаго года въ столичныхъ начальныхъ училищахъ.—Училищное дѣло въ Одессѣ за послѣднія 15 лѣтъ, и одесская городская публичная библіотека.—По поводу министерскаго каталога книгъ для общественныхъ библіотекъ, и его неудовлетворительность. — Новые толки въ западной печати о русской культурѣ 866

XV.—ИЗВѢЩЕНІЯ. — Отъ Комитета Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 882

XVI.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Что такое научная философія? Этюдъ В. Лесевича. — И. Иванюковъ, Основныя положенія теоріи экономической политики съ Адама Смита до настоящаго времени.—Джонъ Ингремъ, Исторія политической экономіи. Пер. съ англ. И. И. Янжула. — М. Горенбергъ, Теорія союзнаго государства въ трудахъ современныхъ публицистовъ Германіи. — Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ, С. А. Венгерова.

Подписка на годъ, полугодіе и четверть года въ 1891 г.

(См. подробное объявленіе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

АРТИСТКА

Романъ въ 4-хъ частяхъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I *).

Чемезовъ вернулся въ Петербургъ совсѣмъ не въ томъ настроеніи, въ какомъ уѣзжалъ. Онъ отдохнулъ и запасся новыми силами и энергіей, а главное, не ощущалъ больше того удручающаго чувства одиночества, которое угнетало его все время передъ отъѣздомъ.

Хотя разстаться съ Ольгой ему было жаль, но съ другой стороны онъ былъ почти радъ, что вернулся домой. Нервная и суетливая жизнь Леонтьевыхъ успѣла надоѣсть ему.

Ольга провожала его на вокзалъ. Въ послѣдніе два дня предъ своимъ отъѣздомъ онъ еще яснѣе увидѣлъ, какъ привыкли они другъ къ другу. Ольга обѣщала провести въ Петербургѣ весну и лѣто и похлопотать о переводѣ ея изъ Москвы въ Петербургъ.

Съ пріятнымъ чувствомъ какого-то облегченія подъѣзжалъ Чемезовъ къ своему дому и съ удовольствіемъ увидѣлъ широко улыбавшуюся ему физіономію швейцара Степана, который стремительно бросился принимать съ извозчика вещи.

— Ну что, какъ у васъ, все ли благополучно?—спрашивалъ Чемезовъ.

— Все-съ, слава Богу; у Натальи Кириловны только зубы очень сильно болѣли да на прошлой недѣлѣ Семенъ Архипычъ

---

*) См. выше: іюль, 5 стр.

палецъ немножко ожегъ, а то все, слава Богу, благополучно обстоитъ.

— Ну это еще не велика бѣда,—сказалъ Чемезовъ, входя на свою лѣстницу. Онъ только-что хотѣлъ сказать Степану, чтобы тотъ не звонилъ, желая сюрпризомъ обрадовать стариковъ, но тотъ уже успѣлъ дать нѣсколько такихъ энергичныхъ звонковъ, что и няня, и Архипычъ сразу догадались, въ чемъ дѣло, и выбѣжали на встрѣчу.

— Батюшка ты мой...—няня заплакала отъ радости, тутъ же на лѣстницѣ дрожащими руками обнимая его:—дождались мы тебя...

Архипычъ не выражалъ своего восторга такъ стремительно, но и онъ былъ видимо чрезвычайно доволенъ возвращеніемъ своего барина и, ревнуя по обыкновенію не только его, но даже и вещи его, онъ отнялъ ихъ отъ Степана, желавшаго внести ихъ на верхъ.

— Подай сюда, подай!—сердито говорилъ онъ, вырывая ихъ у него изъ рукъ:—самъ донесу, самъ...

И съ трудомъ взваливъ себѣ на спину чемоданъ и плэдъ съ подушкой, онъ поплелся на верхъ, никому не позволяя подсобить себѣ и всѣхъ отстраняя съ дороги.

Въ квартирѣ все было чисто-на-чисто прибрано, и Чемезову, съ радостнымъ чувствомъ вошедшему въ нее, казалось, что каждая вещь точно ждала его и радовалась теперь его возвращенію.

— Ну, прежде всего давайте мыться, няня, а потомъ и чай будемъ пить!

— Ахъ ты, красавецъ ты мой, пополнѣлъ вѣдь, слава Богу! —сказала няня, съ умиленіемъ глядя на него и радуясь, что ея питомецъ возвратился къ ней опять цѣлъ и невредимъ.

За умываньемъ она разсказала ему всѣ новости, все происшедшее безъ него: и о томъ, какъ у нея зубы болѣли, и о томъ, что у маленькой Леночки была краснуха и Елена Николаевна было-думала, не скарлатина ли, и очень боялась за дочку, и о томъ, какъ Зиночка на балу очень одному полковнику понравилась, и что онъ даже ужъ и не одинъ разъ у Олениныхъ послѣ того былъ.

— Ну что-жъ,—сказала няня съ удовольствіемъ:—можетъ, и посватается, тогда на красной горкѣ и свадьбу сыграемъ; мужчина еще очень бравый, бакенбарды такія красивыя, большія, да и сказываютъ—у него въ курской губерніи очень большое имѣнье есть.

Но Чемезову было непріятно, что какой-то неизвѣстный ему

полковникъ, совсѣмъ чужой имъ человѣкъ, уже имѣетъ виды на Зину, а няня по наивности даже и радуется этому.

— Ну, рано ей еще замужъ,—сказалъ онъ сухо.

— Да вѣдь я такъ только; конечно, рано,—согласилась няня, чувствуя, что ея сообщенія не очень почему-то понравились Юрію Николаевичу, и чтобы загладить дурное впечатлѣніе, стала разсказывать другія новости, уже не семейныя, но сосѣдскія. Няня, живя въ этомъ домѣ четвертый годъ, не только знала всѣхъ его жильцовъ, но имѣла свѣденія даже о жильцахъ другихъ, ближайшихъ сосѣднихъ домовъ и, интересуясь ими, думала, что и Чемезовъ также ихъ всѣхъ знаетъ и интересуется ими. И она разсказала ему, какъ въ сосѣднемъ домѣ умеръ ударомъ генералъ Теплицевъ и въ какомъ гробѣ его хоронили и отъ какой церкви пѣвчихъ брали.

— А у аптекаря сынишка родился,—заявила она не безъ торжества.

— Какого аптекаря?—удивился Чемезовъ, не помнившій въ числѣ своихъ знакомыхъ никакихъ аптекарей.

— А напротивъ-то,—пояснила няня, удивляясь въ свою очередь, какъ это онъ не понимаетъ, про кого она говоритъ:—у котораго мы лекарства-то беремъ; такой славный, говорятъ, мальчишка, большой страсть какой; самъ-то, разсказываютъ, какъ родился, такъ прежде всего свѣсилъ его, такъ—что̀ вы думаете?—всѣ даже удивились, сколько въ немъ вѣсу оказалось. Но только, говорятъ, мало онъ на отца-то похожъ; самъ-то плюгавый, бѣлобрысый такой, а мальчишка-то совсѣмъ чернявый вышелъ; тутъ больше на его помощника думаютъ; положимъ, сама-то тоже чернобровая такая, глаза на выкатѣ, краснощекая, здоровая нѣмка; да вы развѣ ее никогда не видали?

— Кого, няня?

— Да аптекаршу-то; она тутъ, почитай, каждый день мимо оконъ проходитъ, все на Невскій гулять ходитъ! Еще пальто бархатное съ бобрами все носитъ; на нее вѣдь взглянешь и не скажешь, что аптекарша, подумаешь—генеральша...

Чемезовъ давно привыкъ машинально слушать нянины разсказы, которые сначала коробили и раздражали его, какъ раздражаютъ большинство мужчинъ мелкія женскія сплетни, но старуха обижалась, когда онъ обрывалъ ее, и никакъ не могла понять, что̀ тутъ дурного. Къ тому же такіе праздники ей рѣдко все-таки доставались; она выбирала для этого тѣ минуты, когда онъ былъ наиболѣе въ духѣ, и тогда, не желая огорчать ее, онъ позволялъ ей болтать о разныхъ лицахъ, которыхъ ни-

когда даже не видалъ, самъ же думалъ въ это время совсѣмъ о другомъ и почти не слушалъ ее.

Няня потихоньку отъ него послала дворника къ Еленѣ Николаевнѣ сказать, что Юрій Николаевичъ-молъ пріѣхали, но на извозчика дать пожалѣла, и потому, когда Чемезовъ, уже умывшись и переодѣвшись, пришелъ въ столовую пить чай, сестеръ еще не было.

Въ столозой мѣсто няни, оставшейся прибирать спальню, занялъ Архипычъ.

— Ну что, Архипычъ!—сказалъ ему Чемезовъ, желая и старику доставить удовольствіе, еще болѣе рѣдкое, чѣмъ для няни, поболтать съ нимъ.

Чемезовъ зналъ, что, несмотря на видимую неразговорчивость, Архипычъ подчасъ очень любилъ поговорить и особенно съ нимъ, такъ какъ одного его, кажется, считалъ за вполнѣ серьезнаго человѣка, съ которымъ стоитъ разговаривать.

— Какъ вы тутъ безъ меня поживали? Разсказывай, что̀ новенькаго есть.

— Да что̀ же новенькаго-то!—хмуро, стараясь скрыть внутреннее удовольствіе, сказалъ Архипычъ, закладывая по своей привычкѣ руки за спину.—Новенькое-то вамъ, поди, вѣдь Наталья Кириловна ужъ все разсказать успѣла?

— Да вѣдь я не знаю,—замѣтилъ Чемезовъ, угадывая и тутъ обычную ревность стариковъ:—можетъ быть, она чего-нибудь и не разсказала.

— Ну, ужъ это очень даже сомнительно будетъ,—сказалъ старикъ съ пренебрежительной насмѣшкой:—онѣ своего не упустятъ!—И помолчавъ минутку, онъ спросилъ, точно больше для доказательства своихъ словъ:

— Что-жъ, онѣ вамъ про барышнину краснуху разсказывали?

— Про краснуху разсказывала.

Архипычъ опять немного помолчалъ.

— А про полковника г-на Озерова разсказывали?

— И про полковника разсказывала.

— Ну вонъ видите... А про генерала Теплищева разсказывали?

— И про генерала Теплищева, Архипычъ, разсказывала,—сказалъ Чемезовъ, невольно смѣясь надъ этой конкурренціей новостей.

— Ну, вонъ видите! Ужъ послѣ нихъ развѣ что̀ останется! Вѣдь я-то ихъ ужъ доподлинно, можно сказать, знаю. А вотъ про мой палецъ, поди, не разсказывали?—спросилъ онъ вдругъ съ укоризной.

— Нѣтъ, про палецъ ничего не говорила.

— Ну вотъ то-то же и есть! Я вотъ ихнихъ болѣзней никогда не скрываю, а ужъ онѣ мои... тутъ хоть помри, такъ и то не скажутъ!

— Да что же такое у тебя съ пальцемъ было?

— Что! И опять изъ-за нихъ же и дѣло-то все вышло, онѣ и пальцу моему причина.

— Да что такое? въ чемъ дѣло-то было?

— Да обжегъ, значитъ. Пошелъ это я въ трактиръ за кипяткомъ—онѣ же и чаю-то захотѣли, для нихъ же и пошелъ-то—ну вотъ пришелъ я это въ трактиръ, спрашиваю кипятку, а кипятокъ-то страсть какой крутой былъ, прямо съ пара, мнѣ еще поваренокъ-то наливалъ, такъ говорилъ: „не ожгитесь, Семенъ Архипычъ, больно крутъ", и я-то еще подумалъ, что жечься не въ первой! И вѣдь что̀ бы вы думали—всю дорогу благополучно несъ, до самыхъ дверей дошелъ—капельки не пролилъ, а тутъ только это за ручку, значитъ, взялся, а онѣ—хвать, прямо мнѣ на встрѣчу, какъ дверь-то распахнутъ, такъ чайникъ весь заколыхался и вода-то, т.-е. не вода, опять же значитъ, а кипятокъ-то крутой, прямо мнѣ на руку весь и выплеснулся. И на счастье бо̀льшая-то часть на рукавъ, значитъ, пришлась, ему извѣстно ничего, ну а палецъ-то очень, можно сказать, пострадалъ! весь какъ есть вѣдь обваренъ былъ; другого-то только чуточку задѣло, а съ этого даже кожа вся слѣзла. Больше недѣли я съ нимъ промучился, ночей пять, поди, не спалъ, повязку-то вонъ и до сихъ поръ еще ношу,—потому снять опасаюсь, какъ бы не засорить или не повредить чѣмъ; кожа-то новая, нѣжная, какъ разъ опять разболится.

— Конечно, пока совсѣмъ не заживетъ, лучше не снимать! Теперь вѣдь больше не болитъ?—сказалъ успокоивающимъ тономъ Чемезовъ, чтобы сколько-нибудь умирить расходившагося старика. Но Архипычъ, казалось, только хуже обидѣлся на это.

— Да теперь-то не болитъ,—отвѣтилъ онъ съ неудовольствіемъ:—да вѣдь раньше-то какъ болѣлъ!

— Ну что дѣлать, Богъ дастъ, скоро и совсѣмъ заживетъ.

— Да заживетъ-то, извѣстно, заживетъ. Такъ неужели же онѣ вамъ ничего объ этомъ не говорили?—спросилъ онъ опять, помолчавъ нѣсколько секундъ.

— Нѣтъ, ничего.

— Такъ-таки ровно ничего?

— Да она, вѣроятно, забыла; сразу вѣдь всего не припо-

мнишь,—сказалъ Чемезовъ, не зная, какъ выгородить провинившуюся няню.

— Ну нѣтъ, онѣ не забудутъ!—сказалъ Архипычъ, язвительно усмѣхаясь и покачивая головой:—онѣ всякую бездѣлицу запоминаютъ, не то что это... помнить-то онѣ, можно сказать, очень даже хорошо помнятъ, а это онѣ просто отъ умысла умолчали!

— Да какой же тутъ можетъ быть умыселъ? просто такъ.

— Нѣтъ, ужъ вы мнѣ не говорите, я ихъ очень хорошо понимаю; это онѣ для того, чтобы такой видъ, значитъ, придать, что, молъ, сущіе пустяки, не стоющіе даже и упоминанія, а я отъ пальца-то, можетъ быть, помереть бы могъ!

— Ну вотъ ужъ и помереть! Богъ дастъ, Архипычъ, еще поживемъ.

— Да вы-то, Господь помилуй, поживете, ну а я-то ужъ и не того... въ наши-то годы долго ли помереть! Вѣдь мнѣ, слава тебѣ Господи, 69-й годъ пошелъ, самый, можно сказать, опасный возрастъ наступилъ—тутъ ужъ не больно разживешь-то!—заключилъ Архипычъ съ сердцемъ, точно сердясь на Чемезова за то, что тотъ такъ моложе его.

Чемезовъ зналъ, что когда старикъ попадалъ на этого любимаго конька своего, то философствованія его будутъ безконечны, и онъ сталъ поспѣшно доканчивать завтракъ, торопясь въ департаментъ, куда его нетерпѣливо тянуло все время съ тѣхъ поръ, какъ онъ еще подъѣзжалъ утромъ къ Петербургу.

Но онъ еще не успѣлъ кончить, какъ раздался звонокъ и пріѣхали Аркадій Петровичъ и Зина.

Елена Николаевна не могла: она все еще не выходила, ухаживая за своей дочуркой.

Начались шумныя привѣтствія и объятія; Зина, отъ восторга, чуть не задушила брата, повисши у него на шеѣ; Аркадій Петровичъ находилъ, что Чемезовъ очень поправился и пополнѣлъ, и съ удовольствіемъ похлопывалъ его по плечу, разсматривая такъ, точно не видѣлъ его три года.

— Вотъ!—воскликнулъ онъ съ торжествомъ, въ увлеченіи приписывая идею Чемезовской поѣздки исключительно себѣ:—я зналъ, что это принесетъ тебѣ пользу! Только жаль, что ты все время просидѣлъ въ Москвѣ; и чего ты тамъ сидѣлъ! слѣдовало все-таки проѣхать въ Сосновки, да хоть недѣльку прожить на деревенскомъ воздухѣ; это бы еще больше поправило тебя.

— Да не пришлось, — сказалъ Чемезовъ, слегка краснѣя при словахъ Аркадія Петровича: „чего ты тамъ сидѣлъ“. Но

Аркадій Петровичъ, сказавшій ихъ безъ всякаго умысла, уже перескочилъ мыслью на другой предметъ.

— Ну, а тутъ, батюшка,—воскликнулъ онъ съ удовольствіемъ, потирая руки,—безъ тебя у насъ такія дѣла, я тебѣ скажу, натворились! Римваль-то полетѣлъ! слышалъ?

— Слышалъ, слышалъ, въ Москвѣ еще слышалъ.

— Да помилуй, его давно пора было смѣстить: вѣдь онъ старъ, какъ вѣчный жидъ; изъ него на засѣданіяхъ, бывало, вмѣсто рѣчей одинъ песокъ сыпался.

— Ахъ!—воскликнула Зина, схватывая со стола большой кабинетный портретъ, принесенный няней изъ чемодана вмѣстѣ съ другими вещами:—это, кажется, Леонтьева? Ахъ, Юрій, миленькій, подари мнѣ его! ну на что онъ тебѣ!..

Чемезовъ быстро, съ неожиданнымъ для себя смущеніемъ, вырвалъ у нея Ольгинъ портретъ и быстро спряталъ его къ себѣ въ столъ.

— Не шарить!—сказалъ онъ, слегка ударяя Зину:—знаешь, вѣдь не люблю этого.—А вотъ какого вы тамъ полковника ей нашли?—спросилъ онъ шутя, но пытливо взглядывая на сестру.

— А какъ же, какъ же, полковникъ! — засмѣялся Аркадій Петровичъ:—несомнѣнный полковникъ, съ орденами и густыми эполетами! Какъ же, претендентъ.

— Ну, это все Аркадьины да нянины выдумки!—сказала Зина, вспыхивая и сердито блестя глазами на Аркадія Петровича.—Нашли какого-то противнаго старикашку, даже плѣшивый и зубы вставлены, и воображаютъ, что женихъ! Вотъ ужъ лучше бы умерла, чѣмъ пошла бы за такого!

И негодующій, обиженный тонъ Зины, которымъ всегда говорятъ молоденькія дѣвочки о неправящихся имъ поклонникахъ, которыми ихъ дразнятъ другіе, былъ почему-то пріятенъ Чемезову; онъ засмѣялся и съ удовольствіемъ поцѣловалъ сестренку, сразу успокоившись насчетъ ея замужства, котораго совсѣмъ не одобрялъ.

Прежде чѣмъ ѣхать въ свой департаментъ, Чемезовъ все-таки заѣхалъ къ Еленѣ, посмотрѣть дѣвочекъ. Елена Николаевна чрезвычайно обрадовалась брату; она тоже нашла, что онъ очень поправился, но зато сама она за это время похудѣла и поблѣднѣла, какъ всегда случалось съ ней, когда заболѣвалъ кто-нибудь изъ ея дѣтей.

— Ну, смотри же, непремѣнно приходи обѣдать!—сказала она, когда онъ, перецѣловавъ всѣхъ дѣвочекъ, радостно визжавшихъ и бросавшихся къ нему, спѣшилъ уходить.

— Да, да непремѣнно! —сказалъ онъ, съ нѣжнымъ чувствомъ цѣлуя ея руку.

Чемезову послѣ разлуки и Hélène, и Зина, и дѣти, и старики, и даже Аркадій Петровичъ, все казалось еще ближе и милѣе прежняго; онъ радостно сознавалъ, что вернулся домой, къ своимъ, въ свой уголъ, гдѣ у него все на мѣстѣ, все свое, не то что тамъ, въ Москвѣ, въ бивуачной, трактирной обстановкѣ, которую онъ терпѣть не могъ.

Даже самый видъ петербургскихъ улицъ, такъ надоѣвшій ему передъ отъѣздомъ, теперь былъ ему пріятенъ, и онъ, идя въ департаментъ, съ удовольствіемъ смотрѣлъ на знакомые дома, улицы и людей, которые теперь ему, съ его окрѣпшими нервами, казались точно тоже какими-то обновленными и посвѣжѣвшими.

Въ департаментѣ удивились его неожиданному приходу; ждали, что онъ предварительно дастъ телеграмму, а онъ нагрянулъ какъ снѣгъ на голову.

Но его тронуло, какъ обрадовались ему. Къ тому же почти всѣ, за самымъ малымъ исключеніемъ, были на своихъ мѣстахъ за работой и это тоже было ему очень, очень пріятно.

Послѣ первыхъ минутъ привѣтствій онъ прошелъ къ себѣ, позвавъ въ свой кабинетъ нѣсколькихъ, наиболѣе близкихъ ему сослуживцевъ и разспрашивая ихъ, какъ шли безъ него дѣла. Дѣла, поставленныя въ правильную, разъ заведенную имъ колею, шли недурно; работали всѣ тоже хорошо, но все-таки всѣ самыя важныя и значительныя дѣла откладывались до его возвращенія,—не столько по невозможности рѣшить ихъ безъ него, сколько въ силу того авторитета, которымъ онъ пользовался среди своихъ служащихъ, привыкшихъ во всѣхъ наиболѣе важныхъ вопросахъ поступать по его совѣтамъ и указаніямъ.

Поэтому за его отсутствіе для него накопилось уже достаточно работы и онъ довольнымъ бѣглымъ взглядомъ проглядывалъ всѣ эти приготовленныя для него бумаги.

— Ну, теперь за работу! —весело сказалъ онъ, чувствуя, какъ много въ душѣ его бодрости, свѣжести и усиленнаго, почти страстнаго желанія работать.

Настроеніе его невольно передалось и всѣмъ другимъ. Чувствовалось, что вернулся хозяинъ—душа дѣла, и присутствіе его точно всѣхъ одушевляло.

Въ немъ былъ этотъ рѣдкій даръ силы вліянія,—вліянія не насильственнаго, не вынужденнаго и давящаго, но безотчетнаго и добровольнаго для другихъ.

Онъ любилъ свое дѣло—и любовь эта невольно передавалась отъ него и другимъ служащимъ. Онъ любилъ работать —и работать вмѣстѣ съ нимъ было пріятно и легко, хотя сама работа была трудная. Но трудность какъ бы исчезала предъ той энергіей, съ которой онъ брался за дѣло и которая въ большей или меньшей степени передавалась отъ него и другимъ служившимъ съ нимъ. Много значило то, что въ него вѣрили, что въ немъ дѣйствительно чувствовали главу и хозяина, хотя онъ никогда не только не злоупотреблялъ своей властью, но избѣгалъ даже прибѣгать къ ней. Онъ былъ скорѣе товарищемъ, чѣмъ начальникомъ, но власть его чувствовалась все-таки, почти помимо его желанія и стараній, не вслѣдствіе его дѣйствій, а вслѣдствіе той нравственной силы, которая была въ немъ, которую невольно сознавали другіе и которой такъ же невольно подчинялись.

Но главная его заслуга и сила была въ томъ что, требуя работы отъ другихъ, онъ самъ работалъ еще вдвое и втрое болѣе ихъ. И это всѣ прекрасно знали и потому охотнѣе слѣдовали его примѣру. Оттого и теперь, когда онъ вернулся съ новымъ, свѣжимъ запасомъ энергіи, это невольно отразилось сейчасъ же и на другихъ—и работа закипѣла.

Даже посѣтители и просители, каждый день по различнымъ дѣламъ являвшіеся въ департаментъ, были рады, что онъ вернулся: — Ну вотъ отлично, слава Богу! — говорили они, предчувствуя, что теперь всѣ ихъ личныя просьбы, адресованныя въ департаментъ, разрѣшатся гораздо скорѣе.

Чемезовъ и самъ инстинктивно сознавалъ все это; онъ всегда любилъ возвращаться въ Петербургъ, потому что каждый разъ послѣ отсутствія ясно ощущалъ подобное же чувство и оно въ глубинѣ души его было главной его гордостью. Но въ этотъ разъ, когда онъ вернулся, оправившійся и душой, и тѣломъ, онъ чувствовалъ это еще сильнѣе и въ немъ поднимался усиленный приливъ какой-то благодарной нѣжности къ дѣлу, къ департаменту и ко всѣмъ сослуживцамъ, и онъ вдругъ почувствовалъ себя счастливымъ человѣкомъ, для котораго ясна цѣль жизни.

II.

Какъ-то такъ случилось, что между Чемезовымъ и Еленой Николаевной ни слова не было сказано объ Ольгѣ, хотя Чемезовъ вернулся уже болѣе двухъ недѣль и хотя онъ привыкъ быть откровеннымъ съ сестрой.

Зина, правда, очень интересовалась ею, не разъ разспрашивала его о ней, но подозрѣнія на его счетъ почему-то совсѣмъ исчезли у Елены Николаевны и она не придавала больше особеннаго значенія тому, что братъ въ бытность свою въ Москвѣ бывалъ у Леонтьевыхъ—это даже и ей, несмотря на склонность къ ревнивой подозрительности, казалось естественнымъ,—но то безотчетное непріятное чувство, которое родилось въ ней тогда къ Ольгѣ, осталось въ ней и до сихъ поръ, и потому она не хотѣла говорить о ней.

Но Чемезову, которому недоставало Ольги, хотѣлось порой хоть поговорить о ней съ кѣмъ-нибудь и естественнѣе всего говорить ему было бы объ этомъ, конечно, съ Hélène. Иногда ему даже хотѣлось разсказать ей про все, но что-то точно удерживало его отъ этого. Чѣмъ меньше знали объ этомъ другіе, хотя бы даже и Hélène, тѣмъ дороже и милѣе было это для него самого.

Къ тому же онъ предчувствовалъ, что это не только не порадуетъ сестру, но скорѣе огорчитъ ее и снова расхолодитъ ихъ отношенія.

Онъ думалъ объ Ольгѣ почти постоянно, думалъ съ отраднымъ, успокоивавшимъ его чувствомъ; онъ не скучалъ по ней, занятый своей работой и ожидая ее чрезъ мѣсяцъ въ Петербургъ, но порой его все-таки охватывало страстное желаніе увидѣть ее, ея милое ему лицо, глаза, ея улыбку, прижать ее крѣпко къ себѣ и говорить съ ней, какъ привыкъ говорить въ Москвѣ и какъ теперь безъ нея ему не съ кѣмъ было говорить.

Но, съ другой стороны, онъ былъ почти доволенъ, что ея не было тутъ; она невольно отвлекала бы его отъ работы и мѣшала бы ему въ ней, тогда какъ именно теперь-то немножко запущенная его отъѣздомъ работа брала у него особенно много времени и труда.

Но зато они переписывались почти каждый день. Онъ писалъ ей обо всемъ, хотя писать такъ откровенно, какъ говорить съ ней, онъ почему-то не могъ; онъ даже не умѣлъ писать съ той нѣжностью и теплотой, которая была у него въ душѣ,

и ея письма къ нему были гораздо длиннѣе и страстнѣе, чѣмъ его къ ней.

Сама жизнь ея была богаче и разнообразнѣе да и она всѣмъ сейчасъ же спѣшила дѣлиться съ нимъ.

Она скучала сильнѣе его и не могла ждать такъ разсудительно и спокойно, какъ онъ, того времени, когда они снова увидятся. Она волновалась въ каждомъ письмѣ и съ неразсудительностью женщины звала его, уговаривая пріѣхать хоть на одинъ день, хоть на нѣсколько часовъ.

Ей казалось, что ему это легче сдѣлать, чѣмъ ей, у которой каждый день то спектакли, то репетиціи.

Онъ уговаривалъ ее быть благоразумной и успокоивалъ; но письма ея были для него искушеніемъ тѣмъ бо̀льшимъ, что онъ самъ съ каждымъ днемъ все сильнѣе начиналъ чувствовать потребность увидѣть ее и невольно рвался въ Москву; она не вѣрила ему, не слушала его доводовъ и совѣтовъ и почти упрекала его за то равнодушіе, съ которымъ онъ будто бы относился къ разлукѣ съ нею.

Разъ какъ-то Чемезовъ, передъ уходомъ на службу, завтракалъ у себя въ столовой.

Няня, подававшая кушанье, стояла по обыкновенію противъ него и докладывала разныя новости, которыхъ онъ тоже по обыкновенію не слушалъ. Вдругъ раздался сильный, рѣзкій звонокъ и въ то же мгновеніе Чемезовъ, еще за минуту ничего не ожидавшій, вдругъ силой какого-то инстинкта встрепенулся съ еще смутнымъ, но уже тревожнымъ и радостнымъ предчувствіемъ.

Архипычъ, растворившій дверь, съ кѣмъ-то разговаривалъ въ передней и видимо кого-то не пускалъ; но вдругъ голосъ Ольги раздался совсѣмъ ясно и отчетливо и въ ту же секунду Чемезовъ, все съ тѣмъ же испуганно радостнымъ чувствомъ, бросился въ переднюю.

— Юрій! — вскрикнула она, быстро отстраняя отъ себя Архипыча, загораживавшаго ей дорогу и не желавшаго пускать ее, — и кинулась къ Чемезову, что-то скоро и взволнованно говоря ему, и оба они тутъ же въ передней, на глазахъ пораженныхъ няни и Архипыча, обнялись и онъ, осыпая ея лицо и руки поцѣлуями, прижималъ ее къ себѣ, точно не вѣря своему счастью и тому, что она, сама она, опять тутъ, подлѣ него.

Она все тѣмъ же быстрымъ, волнующимся голосомъ разсказывала ему что-то о томъ, какъ ей удалось вырваться и выхлопотать себѣ новыя гастроли, и какъ она не могла больше ждать,

и какъ она нарочно, чтобы обрадовать его внезапно, не давала ему знать и ничего не писала ему о томъ раньше; но онъ, все еще не придя въ себя отъ изумленія, не слушая ее и только радостно смѣясь и цѣлуя ее, помогалъ ей снимать пальто и шляпу и для чего-то усаживалъ ее въ кресло. Няня стояла тутъ же, полная изумленія, негодованія и даже испуга, не понимая, откуда явилась эта „ошалѣлая“ (какъ мысленно уже назвала ее она) и съ чего это Юрій Николаевичъ такъ обрадовался ей, и какъ это обоимъ имъ не совѣстно при людяхъ такъ цѣловаться и обниматься!..

— Господи ты, Боже ты мой!—сказала няня съ сердитымъ неодобреніемъ, не придумавши отъ удивленія и негодованія, что даже и сказать еще больше на все это; но Архипычъ, угрюмо и исподлобья смотрѣвшій на Ольгу и Чемезова, ничего не сказалъ и только круто повернулся и вышелъ.

— А это твоя няня?—спросила вдругъ Ольга, увидѣвъ наконецъ Наталью Кириловну.

— Да, это няня... вотъ...—сказалъ Чемезовъ съ смущеніемъ, только теперь соображая, какую сцену разыграли они при старикахъ и какое невыгодное впечатлѣніе она должна была произвести на нихъ.

Но Ольга, очевидно ничего этого не думавшая, безсознательно помогла ему, и отъ того наплыва нѣжности, счастія и любви, которыя наполняли ее въ эту минуту и которыя ей невольно хотѣлось изливать на всѣхъ окружающихъ, она радостно встала и крѣпко поцѣловала эту старуху, глядѣвшую на нее подозрительными, ревнивыми глазами. Но она въ своемъ порывѣ не замѣчала этого и женщина эта казалась ей мила и близка уже оттого, что была его нянькой.

— Ну, няня,—сказала она, привѣтливо улыбаясь ей:—полюбите меня немножко! вѣдь мы обѣ любимъ его...

Няня не ожидала ни поцѣлуя, ни подобнаго обращенія къ себѣ; ее они не тронули и нисколько не расположили больше къ Ольгѣ, которую она не взлюбила съ первой минуты,—съ той минуты, когда она кинулась на шею ея воспитанника и когда этотъ воспитанникъ осыпалъ ее поцѣлуями.

— За что же мнѣ васъ не любить?—сказала она сухо, степенно и съ достоинствомъ, и Чемезовъ видѣлъ по лицу ея, что Ольга далеко не подкупила ее своей лаской.

Все это было ему непріятно и невольно смущало его, портя ему радость свиданія съ Ольгой, ставя въ какое-то новое, непріятное и какъ будто смѣшное или глупое даже положеніе

предъ слугами. Онъ чувствовалъ, что онъ недоволенъ и няней, не поддавшейся Ольгиной ласкѣ и укоризненными глазами смотрѣвшей на нихъ, и самой Ольгой, за тѣ неловкости и безтактности, которыя она дѣлала такъ неразсудительно, и не только сама она, но въ которыя втягивала и его.

— Ну,—сказалъ онъ, для того, чтобы какъ-нибудь покончить непріятную ему сцену:—вѣдь ты вѣрно еще ничего не кушала; пойдемъ въ столовую, няня сейчасъ тебѣ подастъ чего-нибудь.

Но Ольга ничего не хотѣла; она рѣшила посидѣть у него еще полчаса и ѣхать потомъ къ Милочкѣ, чтобы не задерживать его долго.

— Я знаю,—сказала она шутя, но не безъ упрека,—что если я не пущу тебя сегодня на твою службу, то ты въ душѣ разсердишься на меня. Я не хочу этого и рѣшила не мѣшать тебѣ заниматься.—Ей хотѣлось прибавить: „потому что я по твоимъ письмамъ замѣтила, что ты боишься этого“,—но она подумала, что это будетъ похоже на упрекъ и удержалась, хотя ей очень и именно съ упрекомъ хотѣлось сказать ему это. Онъ крѣпко поцѣловалъ ея руку, какъ бы благодаря за благоразумное рѣшеніе, на которое въ душѣ не вполнѣ надѣялся.

— Покажи мнѣ лучше твою квартиру!—сказала она, беря его за руку и превозмогая въ себѣ то маленькое, вдругъ поднявшееся въ ней неудовольствіе противъ него.

Онъ обнялъ ее и они вмѣстѣ прошли по всѣмъ комнатамъ. Она все хотѣла видѣть, и съ любопытствомъ, смѣшаннымъ съ какимъ-то другимъ, нѣжнымъ чувствомъ, разсматривала всѣ его вещи, начиная отъ портретовъ сестеръ до прессъ-папье на письменномъ столѣ, и къ полному негодованію няни и Архипыча заглянула даже въ кухню.

— А это вѣрно Архипычъ?—сказала она, улыбаясь Архипычу и узнавая его по тѣмъ разсказамъ, которые уже слышала про него въ Москвѣ.—Онъ ни за что не хотѣлъ меня пускать,—прибавила она, смѣясь,—и увѣрялъ даже, что на дому не принимаютъ, а пожалуйте-молъ въ департаментъ отъ двухъ до трехъ часовъ пополудни.

— Приказано такъ было,—сумрачно, не глядя на нее, сказалъ Архипычъ.

— Онъ у меня на этотъ счетъ строгъ,—сказалъ Чемезовъ, смѣясь, но опять съ чувствомъ замѣшательства предъ Архипычемъ, какъ раньше было съ няней.

И онъ повелъ Ольгу опять въ свой кабинетъ; ему было

пріятно показывать ей свое крохотное хозяйство и пріятно, что она такъ интересовалась всѣмъ, что̀ принадлежало ему.

Послѣ дороги она казалась немного усталой и пожелтѣвшей, и ея растрепавшіеся тяжелые волосы кое-какъ были закручены большимъ узломъ, но ему она казалась такъ еще милѣе и лучше, и онъ съ любовью смотрѣлъ на ея лицо, которое не видѣлъ такъ давно, и въ то же время невольно думалъ о томъ, что̀ скажетъ Hélène, когда узнаетъ...

Но какъ имъ ни хорошо было тутъ, ему все-таки пора было уже ѣхать. Они сговорились обѣдать вмѣстѣ у Донона и онъ долженъ былъ для этого ѣхать за ней къ Милочкѣ, что̀ ему не очень улыбалось, а потомъ весь вечеръ провести у него дома.

Когда они уѣхали, няня, раздраженно стуча ножами и тарелками, стала прибирать столовую, съ тѣмъ двиганьемъ стульевъ и хлопаньемъ дверей, которыми всегда, когда была не въ духѣ, отводила душу.

— Это что же еще за госпожа такая?—спросилъ Архипычъ, входя въ комнату.

— А я почемъ знаю!—сердито, не отрываясь отъ своей уборки, сказала няня.

Архипычъ прислонился къ стѣнѣ и, заложивъ руки за спину, нѣсколько времени хмуро слѣдилъ за няней.

— Что же это, значитъ, она и проживать у насъ теперь станетъ?—спросилъ онъ ее опять съ ядовитой насмѣшкой.

— Да чего вы ко мнѣ-то пристали!—крикнула няня со злостью и слезами въ голосѣ и на глазахъ:—что они совѣщались со мной, что-ли? И безъ васъ тутъ тошно...

И она вдругъ всхлипнула и, бросивъ свои тарелки, заплакала, присѣвъ на стулъ.

Архипычъ молча, изъ-подъ насупленныхъ бровей, смотрѣлъ на нее.

— Вотъ то-то-же и есть, — началъ онъ внушительно: — не слушались вы меня, когда время было, а теперь каково на старости лѣтъ маяться-то придется! Ужъ когда этакая нечисть въ домѣ завелась, тутъ добра не жди... А были бы вы въ тѣ поры, какъ я васъ просилъ, разсудительны, такъ жили бы теперь припѣваючи, сами себѣ господа, честно и спокойно...

— Ахъ, отстаньте!—сказала няня, сердясь и на Архипыча, и на Ольгу, и на Чемезова даже, но больше всѣхъ все-таки на Ольгу:—и какъ это вамъ до сихъ поръ глупости такія въ голову лѣзутъ!.. помирать ужъ время, а вы все свое!

— Да вотъ и я про то же говорю,—только помирали бы

мы теперь на рукахъ родимыхъ дѣточекъ,—дочка милая, либо сынокъ глаза закрыли бы,—а теперь чтò! Вотъ придетъ, возьметъ эдакая госпожа да и скажетъ: пошли вонъ отсюда! И пойдешь! И околѣвай потомъ какъ собака какая, прости Господи, въ гниломъ углу, либо подъ заборомъ гдѣ!

Няня не слушала его и плакала. Она совсѣмъ была сбита съ толку и не знала, чтò теперь дѣлать и какъ быть! А что быть какъ-то иначе, чѣмъ до сихъ поръ были, непремѣнно придется—въ этомъ она была убѣждена.

То, чтò случилось, совсѣмъ сразило ее. Она такъ привыкла считать своего „дѣточку", какъ называла она Чемезова въ минуты умиленія, чуть не дѣвственникомъ, что внезапное, никогда ею неожидавшееся и упавшее ей какъ снѣгъ на голову, вторженіе къ нимъ какой-то чужой, да еще такой безсовѣстной, какъ казалось нянѣ, женщины, было, по ея мнѣнію, почти несчастіемъ— и тѣмъ бòльшимъ, что касалось не только одного Чемезова, но кидало стыдъ, какъ думала няня, на всю семью, т.-е. и на нихъ, и на Елену Николаевну, и на Зину даже.

Няня всегда притворялась, что ей очень бы хотѣлось, чтобы ея Юрій Николаевичъ женился, и даже любила разсуждать объ этомъ съ Еленой Николаевной. Но въ сущности это была неправда и няня только притворялась; а въ душѣ эта мысль скорѣе тревожила, чѣмъ радовала ее, потому что ставила ея собственное положеніе въ неизвѣстность и зависимость отъ его жены, съ которой избалованная няня могла и не поладить. Но теперь было куда хуже женитьбы! Тамъ, по крайней мѣрѣ, была бы настоящая барыня, взятая изъ хорошей, а можетъ быть даже и важной семьи, выбранная самой Еленой Николаевной, къ которой няня чувствовала глубокое уваженіе,—той и покориться и обиду какую отъ нея перенести было бы не такъ горько. Все-таки же законная, Богомъ поставленная жена и хозяйка. А теперь... хуже этого уже и не придумаешь! Богъ вѣсть откуда взялась— мало ли ихъ всякихъ бываетъ—обошла, обворожила,—его долго ли обойти, все равно какъ малый ребенокъ,—да и пойдетъ теперь всѣмъ домомъ командовать и хороводить. Такъ-то въ руки заберетъ, совсѣмъ разоритъ еще пожалуй, какъ липку оберетъ да, чего добраго, и вправду выгонитъ. Отъ нихъ, отъ этихъ безстыжихъ, всего ждать можно; ужъ, значитъ, чести не много, коли при всѣхъ на шею бросается... А то и самимъ уйти придется— вѣдь не давать же надъ собой на старости лѣтъ помыкать всякой...

И Наталья Кириловна, поплакавъ еще немножко, одѣлась и побѣжала къ Еленѣ Николаевнѣ.

III.

Елена Николаевна и Зина сидѣли въ залѣ за работой, гдѣ дѣвочки брали урокъ музыки.

Няня часто заходила къ нимъ днемъ и потому онѣ не удивились, увидѣвъ ее; но когда Елена Николаевна взглянула на нее попристальнѣе и замѣтила ея красные, заплаканные глаза и какое-то растерянное выраженіе на лицѣ, она поняла, что съ ней что-то случилось, и хотя няня часто приходила съ разными жалобами то на Чемезова, то на Архипыча, то просто на свои болѣзни, но почему-то на этотъ разъ въ Еленѣ Николаевнѣ точно поднялось смутное, тревожное предчувствіе.

— Ну, няня, какъ поживаешь?—спросила она, внимательно оглядывая ее и по лицу ея стараясь угадать, въ чемъ дѣло.

— Да ужъ какое наше житье!—безнадежно сказала няня и печально вздохнула:—вотъ пришла къ вамъ объ одномъ дѣлѣ поговорить.

— Что такое?

— Нѣтъ, ужъ я потомъ, — сказала она, показывая, что не желаетъ говорить при посторонних.

— Ну, сейчасъ,—сказала Елена Николаевна, наклонясь надъ пяльцами и торопясь дошить шерстинку.

— А Юрій чтò?—спросила Зина.

— Ничего,—отвѣтила няня такъ безнадежно и такъ опять печально вздохнула, что Елена Николаевна, не докончивъ своей шерстинки, поспѣшно встала и увела ее въ свою комнату.

— Ну чтò такое? — спросила она, притворяя дверь и предчувствуя, что услышитъ нѣчто не особенно пріятное.

— Да что, хорошаго-то мало. Вѣдь къ намъ какая-то барыня пріѣхала.

— Какая барыня?—удивилась Елена Николаевна, чувствуя только, что дѣло касается какъ-то Юрія, но еще ничего не понимая. Но няня подробностей никакихъ не могла сообщить, кромѣ того, что барыня пріѣхала, кажется, изъ Москвы, какъ она поняла изъ ея разговоровъ, и прямо, безъ стыда и совѣсти, бросилась на шею къ Юрію Николаевичу, а онъ — къ ней; что Юрій Николаевичъ ей очень обрадовался и все руки и лицо ей цѣловалъ, а она чего-то болтала и смѣялась, а потомъ побѣжала вмѣстѣ съ нимъ всю квартиру смотрѣть и даже въ кухню прибѣгала и всѣ вещи его перебрала и перeглядѣла и,

должно быть, надо полагать, что она и жить теперь у насъ станетъ.

Елена Николаевна слушала ее блѣдная и взволнованная, почти не вѣря ей и готовая скорѣе думать, что старуха что-нибудь перепутала; но по мѣрѣ того, какъ та разсказывала, одно подозрѣніе, неизвѣстно откуда и по какимъ соображеніямъ возникшее у нея въ головѣ, все росло и крѣпло.

Женщинъ на бѣломъ свѣтѣ было, конечно, много и трудно было, хоть приблизительно, угадать, которая изъ нихъ явилась теперь къ ея брату; но Елена Николаевна угадала какъ-то безотчетно, инстинктивно.

— А ты не разслышала, какъ ее зовутъ?—спросила она нетвердымъ голосомъ, сквозь поблѣднѣвшія губы.

— Кто ее знаетъ,—сказала няня съ неудовольствіемъ:—Ольгой что-ли, должно быть Ольгой, онъ-то все ее Оленька да Олечка звалъ. Высокая такая, худощавая, глаза такъ и горятъ.

Елена Николаевна окончательно убѣдилась въ своей догадкѣ и молча опустилась на стулъ.

— Такъ вотъ какъ онъ обманулъ ее! Такъ все скрыть, не проговориться ни однимъ словомъ... отстранить ее какъ чужую... ее, съ которой всѣмъ всегда дѣлился!..

И вдругъ то недоброе, предубѣжденное чувство, которое чуть не съ перваго же дня явилось у нея къ этой женщинѣ, снова съ удвоенной силой охватило ее, наполнивъ ее страстнымъ, раздраженнымъ негодованіемъ противъ этой женщины и жалостью и страхомъ за брата, для котораго она теперь, также какъ и няня, не расположена была ждать ничего хорошаго.

— Ужасно!..—сказала она глухо, не столько нянѣ, сколько самой себѣ, съ ужасомъ думая о томъ, что отнынѣ жизнь ея брата, такого честнаго, любящаго, благороднаго, свяжется—если и не навсегда, то во всякомъ случаѣ надолго—съ женщиной хотя и геніальной, какъ нѣкоторые называли ее (и чему теперь Елена Николаевна не хотѣла больше вѣрить), но все же какой-то подозрительной, которая, по всей вѣроятности, только погубитъ и испортитъ не только его жизнь, но даже, быть можетъ, и его самого.

Няня, услыхавъ такое слово, опять заплакала.

— И съ нами-то теперь что̀ будетъ?..—заговорила она, всхлипывая, и при мысли о себѣ растрогиваясь еще больше.

— Выгонитъ еще, пожалуй, и придется на старости лѣтъ въ чужомъ углу помирать... — сказала она, вспоминая и невольно повторяя слова Архипыча.

— Ну, до этого, Богъ дастъ, не дойдетъ!—поспѣшно сказала Елена Николаевна. Она чувствовала, что ея долгъ, насколько возможно, оправдывать и защищать брата въ этомъ несчастномъ увлеченіи, и хоть сама она презирала эту женщину, безъ стѣсненія бросавшуюся на шею посторонняго для нея въ глазахъ свѣта человѣка,—хотя изъ-за нея она почти готова была разочароваться даже и въ самомъ братѣ, но предъ няней она считала своей обязанностью заступиться за нее.

— Быть можетъ,—сказала она успокоивающимъ тономъ,—она очень хорошая женщина и дѣйствительно любитъ Юрія; къ тому же она совсѣмъ не то, чтѣ ты думаешь—она извѣстная, очень уважаемая актриса...

— Актриса!..—воскликнула няня въ ужасѣ:—еще того хуже!..—прибавила она тихо и совсѣмъ уже безнадежно.

— Ну да, актриса,—сказала Елена Николаевна съ сердцемъ какъ будто на няню, потому что мнѣніе няни очень походило въ этомъ случаѣ и на ея собственное, а она должна была скрывать это и, превозмогая себя, защищать эту женщину.

— Она не какая-нибудь, — продолжала она, стараясь говорить болѣе понятнымъ для няни языкомъ: — она считается одной изъ самыхъ лучшихъ актрисъ въ Россіи и жалованья она получаетъ не меньше самого Юрія, такъ что это, конечно, не изъ-за денегъ вѣроятно... Но главное,—воскликнула она, вспыхивая и возмущаясь при одной подобной мысли,—я никакъ не думаю, чтобы она поселилась у васъ: во-первыхъ, у нея есть своя семья и она всегда живетъ въ Москвѣ, а во-вторыхъ, Юрій и самъ никогда этого не допуститъ. Во всякомъ случаѣ будь съ ней вѣжлива и даже любезна; ты должна сдѣлать это для него, потому что ему это будетъ пріятно, ну, а тамъ... Богъ дастъ, это скоро все и кончится...—вздыхая, сказала Елена Николаевна для успокоенія няни, но сама, зная хорошо привязчивую натуру брата, почти не надѣялась на это. Но няня только плакала и по виду ея нельзя было предположить, чтобы она была расположена къ большимъ любезностямъ.

— Если же когда-нибудь тебѣ пришлось бы ужъ очень плохо,—снова прибавила Hélène,—ты всегда можешь перейти опять ко мнѣ; ты знаешь, что я всегда буду тебѣ рада.

Зина, соскучившись сидѣть одна и задѣтая няниной таинственностью и долгими совѣщаніями ея съ Hélène, заглянула-было къ нимъ, и при видѣ няниныхъ слезъ и взволнованнаго вида сестры ея любопытство разгорѣлось еще больше и она хотѣла войти,

но на нее замахали сердито руками и она по-неволѣ поспѣшила скрыться, хотя очень желала узнать, чтò такое случилось.

Послѣ этого онѣ еще долго совѣщались, и няня, опасливо поглядывая на дверь, полушопотомъ и со слезами повторила опять всю исторію о томъ, какъ Ольга пріѣхала, какъ цѣловалась, какъ смотрѣла, чтò говорила, и т. д., видимо наслаждаясь этимъ раздраженіемъ своихъ ранъ.

Наконецъ, вдоволь наплакавшись и наговорившись, няня собралась уходить, обѣщая денька черезъ два опять забѣжать и разсказать, чтò случится.

Но Елена Николаевна сухо остановила ее.

— Пожалуйста не трудись этого дѣлать!—сказала она недовольно. Она совсѣмъ не интересовалась этой особой и не намѣревалась давать брату никакихъ совѣтовъ ни за, ни противъ. Это было не ея дѣло и она вовсе не хотѣла вмѣшиваться и слушать объ этой исторіи, одна возможность которой ей была уже тяжела, и вообще, по ея мнѣнію, чѣмъ меньше было говорить обо всемъ этомъ, тѣмъ лучше, и потому она твердо повторила нянѣ нѣсколько разъ, никому ни на что не жаловаться и ужъ, конечно, на сторонѣ ничего не разсказывать.

— Чѣмъ меньше будутъ объ этомъ знать и говорить, тѣмъ лучше,—сказала она ей на прощаньѣ.

Въ корридорѣ, когда няня уже уходила, ее опять поймала Зина.

— Нянечка, душечка!—сказала она, обхватывая и цѣлуя ее: —что такое? разскажи!

— Да что разсказывать-то?—спросила няня, притворяясь ничего непонимающей: —братъ у меня боленъ, такъ я и спрашивала у Елены Николаевны, какого лекарства ему дать. Только и всего.

— Неправда!—сказала Зина, съ сомнѣніемъ покачивая головой и не зная, вѣрить ли нянинымъ словамъ—хотя у той дѣйствительно былъ братъ, который часто болѣлъ,—или нѣтъ.

Лгать, да еще на болѣзнь брата, суевѣрной нянѣ было очень непріятно, но это все же было лучше, чѣмъ сказать Зинѣ правду, которую няня считала такимъ срамомъ и позоромъ для нихъ, что и думать-то при Зинѣ объ этомъ не годилось, не только что говорить.

И она увѣрила ее, что братъ ея такъ заболѣлъ, что она даже и не знаетъ, поправится ли онъ на этотъ разъ.

Зина было-убѣдилась, но, придя къ сестрѣ и увидѣвъ, какъ та блѣдна и разстроена, тогда какъ съ утра была въ прекрасномъ расположеніи духа, она опять разубѣдилась въ истинѣ няниныхъ

словъ, и поняла, что отъ нея что-то скрываютъ; ей казалось, что это „что-то“ чѣмъ-то касается Юрія, но чѣмъ и что̀ это такое именно—она не могла все-таки придумать, хотя это страшно интересовало ее.

IV.

Елена Николаевна между тѣмъ серьезно обдумывала все, что̀ разсказала ей няня.

Она предвидѣла, что теперь все перемѣнится, не только жизнь брата, но даже и ихъ отношенія—и послѣднія скорѣе всего другого, потому что хотя она могла молчать, притворяясь, что ничего не знаетъ, но не могла уже быть съ нимъ вполнѣ искренней.

Ее страшно оскорбило, что братъ при тѣхъ отношеніяхъ, которыя съ дѣтства были между ними, ни однимъ словомъ не подѣлился съ ней этимъ; но съ другой стороны она понимала, что чувства и отношенія его съ „этой женщиной“ (Елена Николаевна каждый разъ произносила это слово съ содроганіемъ и каждый разъ почему-то именно на этомъ словѣ ей опять представлялось, какъ Ольга при нянѣ и Архипычѣ бросилась на шею Юрію и цѣловалась съ нимъ)—не изъ тѣхъ, о которыхъ пріятно говорить, хотя бы даже и съ такой близкой родной, какою была для него она.

Но ее интересовало, будетъ ли онъ молчать и теперь, когда, благодаря безтактности этой женщины, все само собой открылось?

— Господи!—воскликнула она съ ужасомъ и тоской, вспоминая вдругъ, какъ сама же она послала ему тогда записку на тотъ злополучный спектакль, съ котораго все началось.—Въ сущности я же сама во всемъ и виновата: я тогда уговорила его ѣхать, самъ онъ никогда бы не подумалъ о томъ; а не поѣзжай онъ—не увидь ея—никогда не возобновилось бы ихъ знакомство и никогда онъ не увлекся бы ею! И кто знаетъ,—быть можетъ, теперь Мери была бы уже его невѣстой—до того дня такъ все хорошо шло между ними! Думала ли она тогда, что этотъ несчастный спектакль будетъ имѣть для всѣхъ нихъ такое роковое значеніе и поведетъ за собой такія послѣдствія! Господи, на какихъ мелкихъ пустякахъ создается и разрушается иногда судьба человѣка! Да и не только въ спектакль, но даже и въ Москву ѣхать она же его опять уговорила! Судьба, точно смѣясь надъ нею, выбирала ее своимъ орудіемъ.

Теперь она мучилась этимъ и не могла простить себѣ несмотрительности и близорукости, съ которой уговаривала брата

ѣхать въ Москву,—непростительной тѣмъ болѣе, что она раньше уже имѣла какое-то инстинктивное предчувствіе противъ этой женщины.

Но если такъ уже все случилось, Елена Николаевна предпочла бы, чтобы братъ продолжалъ молчать, потому что если онъ заговоритъ, она невольно выскажетъ свой взглядъ и они только поссорятся—и поссорятся, быть можетъ, такъ, какъ никогда еще не ссорились. Въ то же время она сомнѣвалась однако, имѣютъ ли они право безучастно глядѣть, какъ мало-по-малу станетъ портиться вся жизнь Юрія! Не ея ли долгъ—ея и ея мужа—вò-время остановить это, такъ или иначе раскрыть глаза брату и постараться разорвать эту несчастную связь! Но она была почти увѣрена, что это не подѣйствуетъ на него и что разъ онъ чтò рѣшитъ и чего захочетъ, то уже не приметъ ничьихъ совѣтовъ.

Конечно, эта женщина въ концѣ концовъ, а можетъ быть, даже и очень скоро женитъ его на себѣ—такъ всегда это кончается, да и онъ самъ, влюбившись въ нее, навѣрное пожелаетъ сдѣлать это,—онъ изъ тѣхъ, которые, привязавшись къ женщинѣ, привязываются къ ней уже всецѣло и навсегда!

— Ужасно, ужасно!—повторила она съ болью, закрывая себѣ лицо руками, точно защищаясь ими отъ какого-то кошмара:— И это вмѣсто Мери! чистой, невинной, любящей Мери!.. безнравственная женщина, съ сомнительнымъ прошлымъ и настоящимъ, съ сомнительными принципами и взглядами на жизнь, на обязанности жены, и къ тому же, навѣрное, имѣвшая уже не одинъ романъ въ жизни!..

Елена Николаевна признавала, что въ сущности не знаетъ ни этой женщины, ни ея прошлаго, ни ея убѣжденій, и что все это можетъ быть гораздо лучше, чѣмъ она воображаетъ и даже, пожалуй, вполнѣ безупречно и прекрасно.

Но силой того внутренняго предубѣжденія, которое было въ ней, она была склонна вѣрить всему дурному и инстинктивно протестовала всѣмъ существомъ противъ всего хорошаго.

Когда вернулся со службы Аркадій Петровичъ, Елена Николаевна заперлась съ нимъ послѣ обѣда въ своей комнатѣ и подробно передала ему нянинъ разсказъ, а также и свои опасенія.

Аркадій Петровичъ былъ очень удивленъ, но къ ея огорченію принялъ это извѣстіе съ нѣсколько легкой стороны, совсѣмъ повидимому не раздѣляя „трагическихъ“, какъ онъ выразился, предположеній жены.

— Вотъ ужъ не ожидалъ-то!—сказалъ онъ, смѣясь и какъ

будто съ оттѣнкомъ легкой зависти:—каковъ! Вотъ вамъ и тихоня, какую пташку поймалъ!

Тонъ мужа покоробилъ и огорчилъ Елену Николаевну.

— Я не понимаю,—сказала она съ упрекомъ,—какъ ты можешь смѣяться и шутить надъ такой ужасной вещью!

Но Аркадій Петровичъ на этотъ счетъ не раздѣлялъ мнѣнія жены.

— Да помилуй, мой другъ,—сказалъ онъ, продолжая смѣяться:—что же тутъ ужаснаго? Я, правду сказать, ничего особеннаго въ этомъ не вижу; вѣдь это ты только воображала, что Юрій, дѣйствительно, чуть не монашескимъ извѣстенъ поведеньемъ, а я этому никогда не вѣрилъ! Да и отчего ему не позабавиться,—онъ человѣкъ молодой!

— Позабавиться!!.. хороша забава!—съ негодованіемъ воскликнула Елена Николаевна:—да развѣ ты не понимаешь, что̀ можетъ выйти изъ этой забавы?

— Да что же особеннаго можетъ выйти?—искренно удивился Аркадій Петровичъ, въ свою очередь не понимая, изъ-за чего его жена такъ волнуется.

— А если онъ женится на ней?

Но Аркадій Петровичъ только расхохотался на это.

— Да помилуй!—воскликнулъ онъ:—кто же на подобныхъ госпожахъ женится! У каждаго изъ насъ по десятку такихъ романовъ бывало—такъ неужели же на каждой изъ нихъ сейчасъ и жениться? Вѣдь этакъ всѣ порядочныя дѣвушки въ старыхъ дѣвкахъ оставались бы, потому что эти дамы всѣхъ мужчинъ забрали бы себѣ.

— Ну, я не знала,—сухо и искоса взглядывая на мужа сказала Елена Николаевна,—что у тебя у самого десятокъ такихъ романовъ былъ! Когда же это?

Аркадій Петровичъ понялъ, что самъ себѣ поставилъ ловушку, и слегка смутился.

— Ну нельзя же,—сказалъ онъ съ замѣшательствомъ,—все понимать буквально; вѣдь это просто façon de parler...

— Я нахожу, что такой манерой лучше не говорить...—еще суше сказала Елена Николаевна, сердясь на мужа и за то, какъ онъ принялъ ея извѣстіе, и еще больше за его послѣднія слова.

А Аркадій Петровичъ, сознавая, что немного проштрафился, и желая скорѣе загладить свою вину, началъ разсуждать объ этомъ уже инымъ, болѣе подходящимъ къ жениному, тономъ.

— Положимъ,—сказалъ онъ уже гораздо серьезнѣе и слегка

даже озабоченно нахмуриваясь:—Юрій вѣдь какъ-то совсѣмъ особенно скроенъ, отъ него дѣйствительно этой глупости, пожалуй, станетъ.

Но или Елена Николаевна была особенно не въ духѣ, или ужъ Аркадію Петровичу суждено было говорить сегодня невпопадъ, но только фраза эта опять очень не понравилась ей.

— Положимъ,—сказала она, тоже нахмуриваясь,—я совсѣмъ не нахожу, чтобы Юрій былъ особенно склоненъ къ глупостямъ и не могу сказать, чтобы онъ дѣлалъ ихъ прежде, а потому не понимаю, на какомъ основаніи ты это говоришь!

— Да вѣдь ты же сейчасъ говорила,—съ недоумѣніемъ сказалъ Аркадій Петровичъ, начиная совсѣмъ сбиваться, чего хочетъ отъ него жена, но Елена Николаевна быстро перебила его:

— Я говорила,—сердито заговорила она, волнуясь все больше и больше,—что это очень серьезно, но совсѣмъ не глупо! Это несчастье, а несчастье можетъ случиться съ каждымъ и по большей части случается всегда именно съ наиболѣе достойными и умными людьми.

— Несчастья пока еще нѣтъ,—замѣтилъ, пожимая плечами, Аркадій Петровичъ.

— Если онъ женится на ней, то будетъ несчастье!

— А я нахожу,—воскликнулъ Аркадій Петровичъ тоже съ раздраженіемъ, потому что упорное разногласіе съ женой и ея безпричинное, какъ ему казалось, раздраженіе противъ него стали переходить и на него,—я нахожу, что если онъ женится на ней, то это будетъ глупость, а не несчастье! Потому что повторяю, что на подобныхъ госпожахъ не женятся; съ ними имѣютъ романы, связи, на нихъ спускаютъ состоянія, пожалуй даже стрѣляются, но на нихъ не женятся!

И онъ, сердито заложивъ руки въ карманы, заходилъ по комнатѣ, что̀ всегда служило у него признакомъ сильнаго раздраженія. Елена Николаевна видѣла это и понимала; ей было непріятно ссориться съ любимымъ мужемъ, съ которымъ они ссорились очень рѣдко, но какой-то злой, упорный духъ вселился въ нее и она уже не могла остановиться, хотя и видѣла, что они сейчасъ совсѣмъ разсорятся; къ тому же въ ней было больше чувства справедливости и хотя она ненавидѣла и презирала эту женщину, но все-таки же помнила, что это знаменитая, прекрасная артистка, которой всѣ они еще недавно восхищались и которой она готова была бы восхищаться и до сихъ поръ, еслибы только она не трогала ея брата, поэтому она не могла

ставить ее на одну доску съ „этими госпожами“, къ которымъ вздумалъ приравнивать ее съ чего-то Аркадій Петровичъ.

— Это большая разница,—сказала она ему рѣзко и запальчиво: — она и эти твои дамы! Она — извѣстная артистка и ты самъ три мѣсяца тому назадъ восхищался ею!

— Ну, мало ли кѣмъ мы восхищаемся! изъ этого еще ничего не слѣдуетъ! И потомъ, позволь,—что же ты такъ волнуешься, если сама находишь, что это—женщина достойная всякаго уваженія и восхищенія?

— Нѣтъ, я совсѣмъ этого не нахожу! Зачѣмъ ты переиначиваешь мои слова!

— Да вѣдь не ты же ли это сейчасъ сказала?

— Нѣтъ, я совсѣмъ не это сказала!—вскрикнула Елена Николаевна, чувствуя, какъ въ ней закипаютъ и слезы, и еще болѣе рѣзкія слова, и нарочно вставая, чтобы уйти и кончить это: —я совсѣмъ не это сказала! Ты нарочно притворяешься, что не понимаешь меня сегодня! Я сказала и повторяю, что она замѣчательная артистка, талантъ которой можно и должно даже цѣнить и уважать. Но изъ этого совсѣмъ еще не слѣдуетъ, чтобы я находила ее подходящей женой для моего брата и чтобы могла одобрять ихъ... ихъ любовь... потому что увѣрена—она приведетъ только къ несчастью... Отъ жены моего брата я желаю и требую совсѣмъ другого, чѣмъ отъ актрисы, которую пріѣзжаю смотрѣть въ театръ!

Аркадій Петровичъ хотѣлъ что-то возразить ей, но Елена Николаевна не дала ему этого.

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказала она рѣшительно,—намъ лучше прекратить этотъ разговоръ; я жалѣю, что начала его. Мы, очевидно, не расположены согласиться другъ съ другомъ!..

— Да,—сказалъ Аркадій Петровичъ, сердито и небрежно пожимая плечами и закуривая въ утѣшеніе себѣ сигару: — когда женщины бываютъ въ такомъ состояніи, какъ ты сегодня, то съ ними, разумѣется, никакой логичный споръ невозможенъ!

И онъ вышелъ, оставивъ жену одну. Еленѣ Николаевнѣ было очень тяжело. Она сознавала, что была не совсѣмъ справедлива къ мужу, ссора съ которымъ произошла больше изъ-за ея дурного расположенія, чѣмъ изъ-за несходства взглядовъ. Но съ другой стороны она была очень недовольна и обижена имъ, потому что въ такую тяжелую ей минуту онъ не только не успокоилъ и не ободрилъ ее, но говорилъ нарочно такъ, что только больше еще оскорблялъ и раздражалъ ее.

Все это было очень тяжело, а впереди предстояло еще болѣе тяжелое объясненіе съ братомъ.

— Да,—сказала себѣ съ тоскливымъ предчувствіемъ Елена Николаевна:—вотъ я поссорилась уже изъ-за нея съ мужемъ... а съ братомъ будетъ и того еще хуже. Нѣтъ, очевидно, что эта женщина—не изъ тѣхъ, которыя приносятъ семьѣ счастье и покой...

V.

Ольга на этотъ разъ остановилась у Милочки. Чемезову это не очень нравилось,—ему не нравилась и Милочка, и вся ея обстановка,—но Ольга заупрямилась, говоря, что у сестры ей гораздо удобнѣе и спокойнѣе, чѣмъ въ гостинницѣ; но главная причина, которой она не высказала Чемезову, была та, что у нея не было довольно денегъ, а житье въ гостинницѣ при ея неумѣньѣ всегда обходилось ей очень дорого.

Квартира у Милочки была въ лучшей части города, прелестная и довольно большая. Милочка жила на ней уже давно и считалась въ домѣ одною изъ лучшихъ жилицъ, хотя случалось, что по нѣскольку мѣсяцевъ сряду не платила за нее денегъ, но случалось также, что платила и за цѣлый годъ впередъ. Все зависѣло отъ того, какъ шли дѣла Ардальона Михайловича.

Отъ успѣха этихъ дѣлъ зависѣло все въ жизни Милочки, начиная отъ новыхъ брилліантовыхъ серегъ и поѣздокъ въ Крымъ или за границу до хорошаго расположенія духа включительно. Обстановка Милочкиной квартиры была очень нарядна и эффектна, хотя это было не столько дѣломъ рукъ или, вѣрнѣе, бумажника Ардальона Михайловича, сколько другихъ Милочкиныхъ поклонниковъ.

Ардальонъ Михайловичъ поставлялъ только главное, существенное, какъ, напримѣръ, квартира, лошади, брилліанты, счеты модисткамъ и т. д. Поклонники же украшали Милочкину квартиру. Одинъ всегда подносилъ ей цвѣты, другой—фарфоръ, третій—разныя красивыя бездѣлушки, четвертый—картины и т. д.

Милочка каждому изъ нихъ открывала по секрету свою страсть, говоря одному:

— Ахъ, я обожаю фарфоръ, особенно старинный! знаете, это моя страсть, я способна разоряться на него!

И услужливый влюбленный galant homme принималъ это къ свѣденію и, конечно, не допускалъ разоряться такую хорошенькую женщину, предпочитая это дѣлать за нее самому.

Другому говорилось то же самое о цвѣтахъ или кружевахъ и каждому опредѣлялась роль спеціальнаго поставщика какого-нибудь предмета.

Милочка находила, что это очень выгодно для нея и удобно для поклонниковъ. По крайней мѣрѣ, никто слишкомъ сильно все-таки не разорялся и каждый зналъ свой отдѣлъ, а у Милочки, такимъ образомъ, скоплялись постепенно цѣлыя богатства разныхъ рѣдкихъ и дорогихъ вещей.

Ардальонъ Михайловичъ тоже ничего противъ этого не имѣлъ; во-первыхъ, это и для него тоже имѣло свои выгоды и удобства, а во-вторыхъ, онъ зналъ, что такія вздорныя, въ сущности, подношенія ни на что серьезное женщину еще не обязываютъ. Да еслибы даже Милочка и сочла себя предъ кѣмъ-нибудь изъ нихъ обязанной, то и на этотъ счетъ у Ардальона Михайловича былъ свой философскій взглядъ.

За его богатую всякими приключеніями жизнь, у него бывало не мало всевозможныхъ романовъ, изъ которыхъ онъ вынесъ положительное убѣжденіе, что женщина, да еще хорошенькая, все равно не можетъ обходиться безъ маленькихъ обмановъ и измѣнъ, — не безразлично ли, которая изъ нихъ будетъ обманывать его? Милочка на этотъ счетъ, благодаря нѣкоторой холодности темперамента, была даже воздержнѣе другихъ; да къ тому же онъ и самъ не могъ похвалиться безукоризненной вѣрностью ей и потому благоразумно воздерживался поднимать ссору и исторіи, къ которымъ у него всегда было чуть не физическое отвращеніе, изъ-за такихъ пустяковъ. Его девизъ былъ: живи и давай жить другимъ! И онъ всегда старался устроить свою жизнь такъ, чтобы она текла пріятно, весело и беззаботно, и чтобы отъ нея насколько возможно получалось бы больше удовольствій.

Вслѣдствіе этого Ардальонъ Михайловичъ давно усвоилъ себѣ тотъ „философскій“, какъ онъ говорилъ, взглядъ на вещи, позволявшій ему ко всѣмъ неудачамъ и непріятностямъ относиться легко, почти небрежно, не удостоивая ихъ большого вниманія. Отъ этого Ардальонъ Михайловичъ всегда былъ въ ровномъ, прекрасномъ расположеніи духа, которое, кажется, сильнѣе всего прочаго привязывало къ нему Милочку, тоже не любившую ни непріятностей, ни ревности, ни скупости, ни даже озабоченныхъ, серьезныхъ лицъ.

Злые языки говорили, что это пріятное настроеніе духа не покидало Ардальона Михайловича даже и въ такія минуты, какъ, напримѣръ, когда у него умеръ единственный сынъ, или когда,

послѣ какой-то неудачно кончившейся для него аферы, у него произошло съ кѣмъ-то изъ заинтересованныхъ очень крупное объясненіе, коснувшееся отчасти даже его красивой физіономіи, и черезъ часъ послѣ котораго его уже видѣли у Бореля, благодушно возсѣдающимъ съ сигарой въ зубахъ предъ блюдомъ устрицъ и бутылкой шампанскаго, и все съ той же пріятной улыбкой разсуждающаго о томъ, что непріятности съ каждымъ могутъ случиться, но что на нихъ слѣдуетъ только не обращать много вниманія и относиться къ нимъ философски.

Милочка не очень удивилась, увидѣвъ сестру и узнавъ, что она пріѣхала на цѣлыхъ десять дней.

Положимъ, раньше Ольга почти никогда этого не дѣлала, но Милочка знала, что теперь Ольга влюбилась и потому отъ нея можно ожидать всякихъ сюрпризовъ.

— Я не удивлюсь, если ты даже совсѣмъ бросишь сцену!— сказала она шутливо, но съ маленькой насмѣшкой.

Ольга чуть-чуть нахмурилась.

— Ну, положимъ,—сказала она съ недобрымъ, вдругъ загорѣвшимся въ глазахъ ея огнемъ,—этого никогда не будетъ.

Но Милочка съ хитрой усмѣшкой пожала плечами.

— Не ручайся,—сказала она:—мнѣ кажется, онъ театра не долюбливаетъ...

— Изъ этого еще ничего не слѣдуетъ,—сказала Ольга съ хмурымъ выраженіемъ на лицѣ: — театру служу я, а не онъ. Я знаю, — запальчиво прибавила она вдругъ черезъ минуту, — что онъ тебѣ не нравится... я это знаю...

Милочка немножко смутилась и покраснѣла, но Леонтьевская искренность была свойственна и ей.

— Это правда,—сказала она откровенно,—то-есть,—быстро прибавила она, замѣтивъ, какъ вспыхнула Ольга,—онъ, можетъ быть, отличный человѣкъ, и очень умный, и очень честный... но онъ не по мнѣ... мнѣ онъ не симпатиченъ.

— А мнѣ,—сказала, сдвигая брови, Ольга,—не симпатиченъ Ардальонъ Михайловичъ... однако... однако я никогда не позволяла себѣ говорить тебѣ, что онъ мнѣ не нравится!..

Милочка смѣшалась еще больше, но ей не хотѣлось ссориться съ сестрой, которой она была искренно рада,—и къ тому же еще въ первый же день ея пріѣзда,—и она сдержала себя.

— Ну, Оленька,—заговорила она ласково,—не будемъ ссориться изъ-за нихъ; право, они этого не стоятъ... Ты воображаешь, что мнѣ очень нравится Ардальонъ Михайловичъ! Совсѣмъ нѣтъ; я лучше чѣмъ кто-нибудь знаю всѣ его недостатки,

но въ концѣ концовъ всѣ они другъ друга стоятъ, ихъ даже и мѣнять не стоитъ,—это все равно, что прислуга: прогонишь пьяницу—наймешь воровку! Всѣ они хороши! Ужъ я-то ихъ достаточно знаю, повѣрь мнѣ!

Но Ольга, задѣтая въ своей любви, молчала, не поддаваясь на ласку сестры и сердясь, какъ та можетъ сравнивать Чемезова со всѣми подобными господами.

— Пойдемъ лучше завтракать, — сказала Милочка, уводя сестру въ столовую, но, не дойдя до дверей еще, она раскаялась уже, что огорчила сестру, и вдругъ остановилась и, обнявъ крѣпко, поцѣловала ее.

— Если ты будешь счастлива съ нимъ и если онъ будетъ любить тебя, то я сама готова полюбить его! — сказала она горячо:—только... только я боюсь, Оленька...

— Чего? — спросила Ольга, сознавая невольно, что этотъ какой-то неясный и безпричинный страхъ есть и въ ней самой.

— Я не знаю, чего,—сказала Милочка съ замѣшательствомъ, не умѣя ясно объяснить словами свое чувство:—только мнѣ кажется, что изъ этого ничего не выйдетъ... хорошаго; можетъ быть, я ошибаюсь, но право... вы не созданы другъ для друга.

Ольга молча стояла предъ ней, задумчиво и печально смотря чуть прищуренными глазами куда-то выше головы сестры.

— Можетъ быть... можетъ быть... — сказала она, глубоко о чемъ-то вздохнувъ... Но будь чтò будетъ!—воскликнула она вдругъ, рѣшительно встряхнувъ головой, точно отгоняя отъ себя какія-то тяжелыя мысли:—я его люблю и ничего не боюсь!

VI.

Нельзя сказать, чтобы Чемезовъ съ большимъ удовольствіемъ ѣздилъ къ Милочкѣ. Ему не нравилась ни она, ни ея общество, ни даже ея квартира; но иначе трудно было устроить: то ему приходилось заѣзжать за Ольгой, то провожать ее туда.

Милочка встрѣчала его каждый разъ очень любезно, съ той свойственной всѣмъ Леонтьевымъ простотой и безцеремонностью, которая такъ многихъ привлекала къ нимъ.

Но даже и подъ этой простотой и любезностью чувствовалась ихъ скрытая непріязнь другъ къ другу, которую каждый изъ нихъ, ради Ольги, старался по возможности маскировать и подавлять.

Чемезовъ избѣгалъ подолгу оставаться здѣсь, стараясь ско-

рѣе уводить Ольгу изъ этого непріятнаго ему общества, да она и сама предпочитала быть съ нимъ вдвоемъ, глазъ на глазъ, когда имъ бывало такъ хорошо и легко другъ съ другомъ.

Но видѣться за эту недѣлю имъ сравнительно приходилось все-таки мало.

Утромъ онъ былъ на службѣ, вечеромъ она часто играла. Онъ уже не ходилъ, какъ въ первый ея пріѣздъ и въ Москвѣ, въ театръ, каждый разъ что она играла. Во-первыхъ, у него не было времени, потому что всѣ вечера у него проходили въ работѣ, которую онъ спѣшилъ оканчивать къ ея приходу; а во-вторыхъ, ему было какъ-то странно и даже жутко и непріятно видѣть ее теперь на сценѣ, обнимающуюся съ разными мужчинами, изображавшими ея мужей и любовниковъ, и зависящую всецѣло отъ прихотливой, непостоянной толпы, которая сегодня осыпала ее рукоплесканіями, а завтра могла освистать.

Они старались обѣдать вмѣстѣ гдѣ-нибудь въ ресторанѣ, чтò такъ не любилъ Чемезовъ и къ чему привыкла и чтò любила она, и это было единственное время въ продолженіе дня, которое они могли проводить вмѣстѣ.

Зато вечера,—правда, уже очень поздніе, потому что большей частью она могла пріѣзжать только къ 11-ти часамъ,—принадлежали имъ вполнѣ.

Придя послѣ обѣда домой и занимаясь своими бумагами, Чемезовъ въ то же время мысленно слѣдилъ за ней: „теперь она гримируется и одѣвается, теперь идетъ вѣрно первый актъ“, затѣмъ второй и такъ далѣе, съ каждымъ часомъ все нетерпѣливѣе взглядывая на часы и поджидая ее. Няню и Архипыча онъ обыкновенно отправлялъ спать. Ихъ вытянутыя, недовольныя лица портили ему радость свиданія съ ней и стѣсняли его.

Въ концѣ 11-го часа онъ начиналъ чутко прислушиваться къ шагамъ на лѣстницѣ, которые глухо доносились до его кабинета. Но ея шаги, легкіе и торопливые, онъ уже научился узнавать изъ-за всѣхъ другихъ; мало того, она еще только звонила внизу въ швейцарской, какъ онъ какимъ-то чутьемъ угадывалъ, что это она, и торопливо, съ радостной, невольно являвшейся на лицѣ его улыбкой, выскакивалъ ей на встрѣчу и, тихонько отворяя ей двери, съ учащеннымъ біеніемъ сердца поджидалъ ее за ними. Она поднималась своимъ быстрымъ, легкимъ бѣгомъ и каждый разъ, увидѣвъ его, радостно и тихо вскрикивала и бросалась къ нему, еще вся свѣжая и холодная отъ морознаго воздуха, принесеннаго ею съ улицы.

Онъ снималъ съ нея ротонду, съ занесеннымъ снѣгомъ мѣ-

ховымъ воротникомъ, цѣловалъ ея заиндевѣвшіе волосы и разрумянившееся на морозѣ лицо и они вмѣстѣ шли въ кабинетъ.

Она еще по дорогѣ начинала что-нибудь оживленно разсказывать ему о томъ, гдѣ была, какъ играла, кого видѣла, какъ принимали и такъ далѣе. Онъ усаживалъ ее на ея любимое мѣсто, подлѣ камина, огонь въ которомъ, къ полному негодованію Архипыча, поддерживалъ теперь для нея весь вечеръ. На лицѣ ея еще виднѣлись легкіе слѣды грима и онъ тщательно стиралъ эти остатки пудры и карандаша, которые портили, на его взглядъ, любимое лицо, и шутя заставлялъ ее иногда даже умываться, не позволяя ей послѣ ни завиться, ни напудриться и увѣряя ее, что такъ она нравится ему гораздо больше.

Она покорно, съ шутливымъ протестомъ, но съ удовольствіемъ въ душѣ, покорялась ему и исполняла всѣ его желанія.

Затѣмъ онъ приносилъ ей уже остывшій чай и закуски, и она заставляла его, сидя на одномъ креслѣ съ нею, пить изъ одной чашки и ѣсть съ одной тарелки. Это доставляло имъ какое-то забавное удовольствіе,—точно имъ казалось, что они все еще не достаточно близки другъ къ другу и хотѣлось быть все ближе и еще ближе.

Порой они засиживались такъ до глубокой ночи и, не отводя одинъ отъ другого влюбленныхъ глазъ, говорили цѣлыми часами, то о себѣ, о своихъ дѣлахъ и своихъ близкихъ, то о разныхъ серьезныхъ вопросахъ и извѣстныхъ людяхъ—тэма горячая для него и живая для нея только потому, что онъ говорилъ объ этомъ,—то о театрѣ и великихъ писателяхъ, поэтахъ и историческихъ лицахъ, которые, благодаря сценѣ, всегда были въ ея памяти, и о множествѣ другихъ и близкихъ и отвлеченныхъ для нея вещей, приходившихъ имъ въ голову и дѣлавшихся особенно интересными для нихъ уже потому, что одинъ слушалъ другого всѣмъ своимъ существомъ.

И все это она, съ свойственной ей манерой, нервной и неожиданной, быстро скользящей по всему, пересыпала новыми ласками и признаніями, трогавшими и порабощавшими ей его еще больше.

Но иногда они сидѣли молча, только обнявшись и прижимаясь другъ къ другу и задумчиво, съ безотчетно блуждающей улыбкой, смотрѣли на огонь камина. Угольки въ немъ то тихо вспыхивали синеватыми, перебѣгающими огоньками, то вдругъ, слегка встрескивая, разсыпались во всѣ стороны блестящими, огненными звѣздочками, точно крохотный фейерверкъ.

И вмѣстѣ съ теплотой, все больше разливавшейся въ комнатѣ

и по ихъ тѣламъ, разливалась сладостная лѣнивая истома и имъ было точно лѣнь двигаться, говорить и даже думать... Они только безсознательно наслаждались близостью другъ друга и теплыя руки ихъ тихо вздрагивали и крѣпче сжимались одна въ другой...

Ни одна еще женщина не дѣйствовала на Чемезова такъ сильно и ни съ одной изъ нихъ прелесть счастья не ощущалась имъ такъ ярко и такъ властно, какъ съ Ольгой. Хотя въ чемъ собственно состояло это счастье — онъ затруднился бы объяснить. Оно было во всемъ — въ каждой минутѣ, въ каждомъ взглядѣ и движеніи! Оно было въ ея улыбкѣ, въ ея словахъ, въ ея глазахъ, въ ея ласкѣ, также въ этомъ нравственномъ сродствѣ душъ, въ которомъ сливались ихъ натуры, такъ несходныя въ сущности между собою. Каждый изъ нихъ какъ бы дополнялъ одинъ другого — и выходило нѣчто цѣлое, стройное и прекрасное! Это было лучшее время ихъ любви, то время, когда люди не могутъ встрѣтиться глазами безъ того, чтобы не улыбнуться другъ другу.

Даже когда ея не было, то все было полно ею. Его мысли, его чувства и даже самыя комнаты, казалось, въ нѣсколько дней пріобрѣли и усвоили себѣ отпечатокъ чего-то присущаго ей одной.

Брошенный на креслѣ шарфъ ея, весь еще какъ бы пропитанный тонкимъ запахомъ ея прикосновенія, роль, забытая ею на столѣ, шпильки и булавки на его комодѣ, которыхъ раньше никогда не водилось у него, все говорило и напоминало о ней, и прикасаться къ этимъ вещамъ, когда ея не было, доставляло ему какое-то странное наслажденіе и онъ съ растроганной нѣжностью убиралъ всѣ эти вещи, которыя, приходя, она сейчасъ же снова вездѣ разбрасывала.

У сестеръ за все это время Чемезовъ еще ни разу не былъ и что-то останавливало его отъ того, чтобы пойти туда. Онъ сознавалъ, что въ жизни его совершился такой переломъ, который нельзя да и не слѣдуетъ скрывать отъ Hélène. Онъ и не желалъ скрывать этого, — напротивъ, счастье его было такъ полно, что онъ чувствовалъ даже потребность подѣлиться имъ съ сестрой, съ которой вообще всегда и всѣмъ привыкъ дѣлиться. Но онъ чувствовалъ, что на этотъ разъ не найдетъ въ ней обычнаго сочувствія себѣ, а хмурыя лица няни и Архипыча еще больше убѣждали его въ этомъ. Архипычъ былъ пасмурнѣе чѣмъ когда-либо; онъ почти совсѣмъ уже не говорилъ и даже и въ комнаты не входилъ, ограничиваясь только мрачными докладами, когда кто приходилъ, да явленіями по вечерамъ со связкой дровъ, которую клалъ предъ каминомъ молча, чуть не съ трагическимъ ожесточеніемъ на лицѣ.

Няня тоже ходила вся заплаканная, тихо и горько вздыхала по угламъ, мазалась разными мазями и говорила о смерти.

Чемезовъ прекрасно понималъ, изъ-за чего всѣ эти исторіи, но дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ, и не обращалъ вниманія на трагическій и оскорбленный видъ своихъ стариковъ, которые, кажется, считали романъ его съ Ольгой чуть не личной и кровной себѣ обидой.

Но какъ бы тамъ ни было, какъ бы ни приняла Hélène его признаніе, онъ все-таки рѣшилъ сходить къ ней въ первый свободный вечеръ, когда у него будетъ поменьше работы, и поговорить съ ней, если это выйдетъ кстати и онъ почувствуетъ, что она расположена выслушать его. Это вышло скорѣе и удачнѣе даже въ томъ отношеніи, что ни Аркадія, ни Зины не было дома. Чемезовъ желалъ высказаться только сестрѣ, но никому больше, и совсѣмъ не чувствовалъ себя расположеннымъ говорить объ этомъ съ Аркадіемъ Петровичемъ, который только бы помѣшалъ имъ, и потому онъ былъ очень доволенъ, узнавъ, что Hélène совсѣмъ одна.

VII.

Чемезовъ не былъ вполнѣ спокоенъ, идя къ сестрѣ. Онъ слишкомъ любилъ Hélène и слишкомъ привыкъ уважать ея мнѣніе, чтобы ея неодобреніе въ такомъ важномъ для него вопросѣ могло оставить его равнодушнымъ.

Но въ то же время онъ и къ Ольгѣ относился уже настолько горячо и болѣзненно, что его не могло не задѣть и не оскорбить малѣйшее неодобреніе ей.

Елена Николаевна приняла брата очень спокойно и даже ласково, какъ еслибы ничего не знала о случившемся, но она избѣгала смотрѣть на него, притворяясь, что занята своимъ вышиваньемъ, и не могла говорить съ нимъ вполнѣ просто и непринужденно, что̀ всегда случалось съ ней, когда она была недовольна имъ или вообще кѣмъ-нибудь изъ домашнихъ.

Она спросила его, не хочетъ ли онъ чаю, но не спросила его, отчего онъ такъ давно не былъ у нихъ, какъ спросила бы непремѣнно, еслибы дѣйствительно ничего не знала. Чемезовъ замѣтилъ это, но не придалъ этому особеннаго значенія, думая, что это просто случайность. Они говорили сначала о разныхъ незначительныхъ и ненужныхъ ни ему, ни ей пустякахъ и говорила больше Елена Николаевна, которая боялась, что братъ

заговоритъ съ ней именно о томъ, о чемъ она боялась говорить и о чемъ въ то же время почти желала заговорить.

Но Чемезову, пришедшему съ желаніемъ подѣлиться съ ней своимъ чувствомъ, скучно было разсуждать о погодѣ, и о томъ, какое Зинѣ сшили новое платье, и о томъ, какъ Аркадій Петровичъ остался на-дняхъ у Веригиныхъ безъ шести на шлемѣ.

— Послушай, Hélène,—заговорилъ онъ нѣжнымъ, слегка взволнованнымъ голосомъ, съ лаской беря ее за руку: — я хочу разсказать тебѣ одну вещь, которой ты еще не знаешь, но которая очень важна и дорога для меня...

Сердце Елены Николаевны тревожно дрогнуло, и она поспѣшно, какъ бы за шерстями, отняла у брата руку.

— Я думаю,—сказала она чуть-чуть задрожавшимъ голосомъ и по лицу ея пошли вдругъ багровыя пятна, чтѣ всегда дѣлалось съ ней въ минуты сильнаго волненія,—что знаю... о... о чемъ ты хочешь говорить со мной и... и думаю, что намъ лучше вовсе не говорить объ этомъ!—докончила она вдругъ быстро и рѣзко, болѣе рѣзко, чѣмъ желала бы того сама.

Чемезовъ съ удивленіемъ, пораженный ея жесткимъ и волнующимся голосомъ, взглянулъ на нее и понялъ, что няня вѣрно была уже у Елены и успѣла обо всемъ разсказать ей. Онъ удивлялся, какъ раньше не пришло ему этого въ голову, и обвинялъ себя за это; но тонъ, которымъ Елена отвѣтила на его дружеское, довѣрчивое признаніе, оскорбилъ его и за себя, и за Ольгу, о которой сестра его не желала даже ничего слушать.

— Почему? — спросилъ онъ ее сухо и строго, точно давая ей время лучше и серьезнѣе обдумать свой жесткій, оскорбившій его отказъ.

— Потому что мы въ *этомъ* (Елена Николаевна особенно подчеркнула это слово) никогда но сойдемся.

Чемезовъ, сумрачно и машинально глядя на работу сестры, помолчалъ нѣсколько секундъ.

— Очень жаль!—сказалъ онъ, наконецъ, такимъ тономъ, что Елена Николаевна сразу почувствовала, что ихъ теплыя и сердечныя отношенія порвались въ эту минуту если и не совсѣмъ и не навсегда, то сильно и надолго; ей было это мучительно больно и горько, но постараться поправить ихъ тѣмъ путемъ, какого желалъ отъ нея братъ ея, она все-таки не могла и не хотѣла.

— Очень жаль...—повторилъ онъ тѣмъ же новымъ для нея въ немъ холоднымъ, враждебнымъ тономъ:—я думалъ, что моя жизнь интересуетъ тебя.

— Да, Юрій!—воскликнула она горячо, едва сдерживая слезы, рѣдко подступавшія къ ней.—Да, Юрій, она меня очень интересуетъ, но оказывается, что мы слишкомъ разно смотримъ на нее... и вообще на вещи... и потому намъ лучше вовсе объ этомъ не говорить, потому что... потому что мы все равно не согласимся другъ съ другомъ!..

— До сихъ поръ мы въ большинствѣ случаевъ соглашались.

— Да, до сихъ поръ, но не съ этихъ поръ!

— Ну что-жъ,—сказалъ онъ, поднимаясь съ болью въ душѣ и рѣшаясь отнынѣ никогда больше не говорить съ ней ни объ чемъ, что̀ будетъ ему дорого и близко, потому что она оттолкнула и не поняла его въ самую нужную и дорогую ему минуту.—Такъ какъ мы не можемъ согласиться, а я не стану поддѣлывать свою жизнь подъ чужія требованія, то намъ, конечно, лучше вовсе никогда больше не говорить объ этомъ.—И онъ взялъ шляпу и холодно, какъ чужой, потому что въ эту минуту она была для него хуже чѣмъ чужая—она была непріятная для него женщина, протянулъ ей руку.

— Нѣтъ, Юрій, нѣтъ!—быстро сказала она, удерживая его руку въ своей рукѣ и не отпуская его:—я прошу тебя не уходить; это будетъ похоже на ссору, а я, конечно, не хочу ссоры! Я только... не могу и не хочу говорить объ этомъ; но это не должно и не можетъ вліять на наши отношенія вообще!

— Я думаю, что можетъ, Hélène! — сказалъ онъ мягче, всей душой желая, чтобы она одумалась и поняла его, и готовый простить ей всѣ ея рѣзкія слова, если она хоть немного уступитъ ему.—Невольно, быть можетъ даже безсознательно, но можетъ, Hélène!—повторилъ онъ твердо.

— Я не вѣрю этому!—воскликнула она горячо:—мы съ тобой жили душа въ душу тридцать лѣтъ, неужели же...—Елена Николаевна остановилась на мгновеніе, не зная, какъ мягче высказать свою мысль, но не удержалась и высказала ее рѣзко:—неужели же разойдемся теперь, изъ-за чужой, посторонней женщины, которую ты даже не зналъ полгода тому назадъ и которую, быть можетъ, не захочешь знать еще чрезъ полгода!

Чемезовъ вспыхнулъ и сильно нахмурился.

— Эта женщина,—сказалъ онъ рѣзко, взглядывая на сестру раздраженнымъ, гнѣвнымъ взглядомъ,—мнѣ не чужая! Она дорога мнѣ такъ же, какъ ты и Зина, и я желаю знать ее не только полгода, но и всю мою послѣдующую жизнь!

Онъ поблѣднѣлъ, говоря это, и голосъ его звучалъ властно, въ немъ былъ тонъ, которымъ онъ рѣдко говорилъ, но которымъ

говорилъ всегда, когда хотѣлъ твердо выразить желаніе, въ которомъ ему противорѣчили; этотъ тонъ, а еще больше слова его, въ свою очередь задѣли ее.

— Я могу только сказать на это,—заговорила она запальчиво, оскорбляясь тѣмъ, что онъ признавалъ эту женщину одинаково дорогой для себя, какъ ее и Зину,—что все это очень печально и что я желаю для твоего же счастія, чтобы этого не случилось...

— Ну, довольно, Hélène!—прервалъ онъ ее съ утомленіемъ и холодно.—Ты права! не будемъ больше никогда объ этомъ говорить и не удерживай меня теперь; я ухожу не потому, чтобы считалъ наши отношенія порванными или желалъ бы ссоры, но потому, что въ данную минуту не расположенъ оставаться здѣсь и говорить о чемъ бы то ни было. До свиданья; дня чрезъ два я зайду, конечно,—прибавилъ онъ нарочно, чтобы она никакъ не могла думать, что онъ совсѣмъ желаетъ разсориться съ ней и даже перестать бывать, чтò, какъ ему казалось, она думаетъ, но... было слишкомъ много этихъ *но*, чтобы онъ, съ его нервнымъ и не любящимъ притворства характеромъ, могъ продолжать спокойно сидѣть съ ней теперь.

— До свиданія...—сухо, почти не глядя на него и не отрывая отъ работы глазъ, сказала она.

Они холодно пожали другъ другу руки и каждый изъ нихъ сознавалъ, что порвалось очень много изъ того, чтò такъ тѣсно связывало ихъ прежде, и что поправить это будетъ трудно, трудно тѣмъ болѣе, что ни тотъ, ни другой не пожелаютъ уступить другъ другу.

Когда братъ ушелъ, Елена Николаевна нѣсколько минутъ, молча, нервно продолжала свою работу, почти не видя ея и не думая о ней. Горло ея сжимала какая-то судорога, а глаза застилались туманомъ.

— Господи!—воскликнула она вдругъ—и сама же я послала его въ Москву!..—Она отбросила въ сторону свою работу и заплакала тяжелыми, горькими слезами... А Елена Николаевна плакала очень рѣдко и въ послѣдній разъ плакала года полтора тому назадъ, когда ея средняя дѣвочка была при смерти.

VIII.

Чемезовъ ожидалъ, что сестра отнесется къ тому, чтò онъ скажетъ ей, не очень сочувственно, но что она отнесется *такъ*—этого онъ никакъ не ожидалъ и тѣмъ больнѣе это оскорбило его.

Онъ удивлялся, почему это точно всѣ сговорились противиться его любви къ Ольгѣ! Онъ еще понялъ бы это, еслибы вздумалъ жениться на ней, потому что понималъ, что такимъ людямъ какъ его родные такая женщина какъ Ольга, конечно, не можетъ казаться подходящей для него партіей; но вѣдь онъ и не говорилъ ничего о женитьбѣ! Онъ вообще не былъ склоненъ къ этому, а на Ольгѣ—какъ это ни странно было для него самого—онъ чувствовалъ, что склоненъ жениться даже еще менѣе, пожалуй, чѣмъ на Мери. Мысль о женитьбѣ на ней представлялась ему невозможной по важнымъ и неотстранимымъ причинамъ.

Прежде всего онъ никогда бы не допустилъ, чтобы его жена была на сценѣ; въ его глазахъ это было почти такъ же невозможно, какъ поступить на сцену самому. А Ольга никогда не согласилась бы бросить сцену; она не разъ сама говорила ему это, прибавляя, не безъ умысла повидимому, что пожертвуетъ для любимаго человѣка всѣмъ, но для сцены пожертвуетъ даже и любимымъ человѣкомъ.

Съ другой стороны, если даже допустить, что она и согласится бросить сцену, чтò, въ сущности, невозможно, то и тогда бы, положа руку на сердце, Чемезовъ не могъ сказать, что пожелалъ бы тотчасъ же жениться на ней.

Возможность этой женитьбы на ней, когда-то впослѣдствіи, еще чрезъ нѣсколько лѣтъ впереди, но отнюдь не теперь, мелькала порой въ его представленіи, но какъ-то смутно и неопредѣленно. Для этого, прежде всего, потребовалось бы всю ее передѣлать, начиная отъ ея взглядовъ на вещи и манеръ до самой натуры включительно. Пришлось бы артистку пересоздать въ семьянинку, чтò съ ея характеромъ было очень трудно и потребовало бы нѣсколько лѣтъ упорной работы надъ нею. Да и вопросъ еще, имѣлъ ли онъ на это право? Лично для себя и для своихъ отношеній съ ней, даже и помимо женитьбы, онъ, пожалуй, предпочелъ бы, чтобы она дѣйствительно бросила сцену; но относясь къ этому вопросу съ отвлеченной стороны, онъ невольно сознавалъ, что не имѣетъ на это права и что требовать отъ нея подобной вещи, даже давая ей взамѣнъ замужство — недобросовѣстно.

Къ тому же, какъ ни была она знаменита, какъ ни заискиваютъ въ ней теперь всѣ, благодаря ея имени, успѣху и таланту, но разъ что она сойдетъ со сцены и изъ знаменитой актрисы превратится въ обыкновенную женщину, съ сомнительнымъ прошлымъ вдобавокъ, она тотчасъ же потеряетъ всю свою прелесть и силу для большинства, и въ томъ же самомъ обществѣ, которое теперь бѣгаетъ за ней, не найдется ничего, кромѣ злобныхъ сплетенъ, клеветы и презрѣнія, которымъ оно отплатитъ ей за всѣ прежніе успѣхи и за прежнее балованіе.

Ея замужство не принесетъ ей съ собой того забвенія и прощенія, какъ часто многія женщины прикрываютъ свои грѣхи и ошибки прошлаго именемъ и положеніемъ того человѣка, за котораго выходятъ замужъ.

Оно скорѣе только повредитъ и этому мужу, который отниметъ у общества любимую игрушку; и чѣмъ сильнѣе баловали ее прежде, чѣмъ снисходительнѣе глядѣли на всѣ ея слабости и проступки, тѣмъ строже взыщутъ съ нея потомъ, когда она сойдетъ со сцены и, выйдя замужъ, измѣнитъ этой толпѣ, которую забавляла столько лѣтъ и которая не проститъ ей этого.

Ему же, у котораго и безъ того столько враговъ, подобная женитьба повредитъ болѣе чѣмъ кому-либо. Всѣ его недоброжелатели обрадуются случаю какъ-нибудь оскорбить и унизить его жену, прошлое которой дастъ къ этому такой благопріятный матеріалъ, ужъ для одного того только, чтобы задѣть этимъ его.

Женѣ мстили бы за мужа, мужу за жену; вся его карьера, въ которой и безъ этого онъ долженъ былъ тяжелой борьбой отвоевывать себѣ каждый шагъ, окончательно бы рушилась и погубила бы вмѣстѣ съ собой и дорогое ему дѣло, потому что очень можетъ быть, что этимъ воспользовались бы, какъ орудіемъ и средствомъ выжить его, чего многіе такъ давно уже добивались, и путемъ различныхъ оскорбленій ему и ей заставить, наконецъ, самого его бросить все и уйти.

А онъ не хотѣлъ этого; онъ любилъ свою службу и свое дѣло не меньше, если даже не больше еще, чѣмъ Ольга свой театръ, и если она говорила, что для сцены пожертвуетъ всѣмъ, даже любимымъ человѣкомъ, то и онъ могъ сказать почти то же самое о своей службѣ.

И, наконецъ, послѣдняя и почти главная причина невозможности ихъ брака были его семейныя отношенія къ роднымъ.

Не только Hélène, но даже тѣ же няня и Архипычъ—со всѣми съ ними пришлось бы, вѣроятно, все порвать, потому что они

никогда бы не признали ее подходящей для него женой и всѣми силами возстали бы противъ этого. А Hélène, съ той долей прямолинейности, которая была въ ней отчасти, по всей вѣроятности не согласилась бы ее даже принимать. А все это были привязанности долгихъ лѣтъ, глубокой любви, дружбы, уваженія и привычки, безъ которыхъ ему уже тяжело было бы обходиться теперь. Да онъ и не считалъ себя въ правѣ промѣнивать ихъ всѣхъ на ее одну и ради нея оторваться отъ всѣхъ тѣхъ, съ которыми его связывала цѣлая предъидущая жизнь.

Нѣтъ, бракъ потребовалъ бы отъ нихъ обоихъ столько тяжелыхъ жертвъ и лишеній, что о немъ не стоило и думать; но зато онъ желалъ имѣть Ольгу своей любимой подругой, съ которой ему такъ отрадно было дѣлить свою жизнь, и въ этомъ случаѣ онъ уже не желалъ, чтобы кто-нибудь, хотя бы даже сама Hélène, вмѣшивался въ ихъ отношенія. Онъ вообще не любилъ вмѣшательства въ свою жизнь, а въ подобномъ случаѣ и тѣмъ болѣе, и потому онъ рѣшился сразу же дать это понять и Hélène, и всѣмъ другимъ, кто вздумаетъ дѣлать то же.

Но все это было очень непріятно и тяжело ему. Это были уже первые шипы радостной и прекрасной до сихъ поръ любви ихъ! И онъ невольно обвинялъ Ольгу за ея неожиданный, такъ все спутавшій и преждевременно все открывшій пріѣздъ ея! Еслибы она благоразумно дождалась поста, какъ они условились, то онъ успѣлъ бы въ это время постепенно все устроить и подготовить къ ея пріѣзду. И тогда это произошло бы гораздо спокойнѣе и лучше; а то теперь дѣйствительно вышелъ чуть не скандалъ, который уже невозможно поправить, и взглядъ его родныхъ на Ольгу навсегда испорченъ.

Но что̀ его окончательно поражало и раздражало, такъ это точно такое же несочувствіе и противодѣйствіе ихъ отношеніямъ и со стороны родныхъ Ольги.

Какъ у него были свои Елены, няни и Архипычи, такъ и тамъ были свои Милочки, Настасьи, tutti quanti. Даже Пелагея Семеновна, сначала встрѣтившая его такъ сердечно, охладѣла къ нему, стала его какъ-то стѣсняться и уже не называла его больше ни „ты“, ни „Егорушка“.

Варенька, Борисъ и Павля тоже относились къ нему холодно и натянуто, видимо не желая признавать его членомъ своей семьи, какъ признавали Ардальона Михайловича. Ольга и на этотъ разъ, по обыкновенію, привезла съ собой Настасью, но онъ почти не видѣлъ ея, потому что какъ только онъ приходилъ, она, сухо поклонившись ему, тотчасъ же уходила съ тѣмъ самымъ выра-

женіемъ обиды и неудовольствія на лицѣ, съ какими встрѣчали Ольгу его собственные няня и Архипычъ.

Замѣчала ли все это Ольга и если замѣчала, то обращала ли на это вниманіе—трудно было сказать. Съ ея чуткостью довольно мудрено было не замѣтить этого, но, вѣроятно, не желая еще больше разстроивать его и портить мелочами ихъ общее счастье, она скрывала отъ него свои наблюденія на этотъ счетъ и относилась къ нимъ, повидимому, очень легко, съ присущимъ ей добродушіемъ. Порой она даже шутливо подтрунивала надъ няней и Архипычемъ, улавливая, съ свойственной ей мѣткостью, тотъ комизмъ ихъ натуръ, который занималъ ее какъ артистку и который почти ускользалъ до сихъ поръ отъ него, всегда занятаго другими, болѣе серьезными вещами. Она въ насмѣшку прозвала Архипыча „Архивычемъ", увѣряя, что это больше идетъ къ нему, и въ минуту нерѣдко находившей на нее шаловливости, когда она могла дурачиться какъ дѣвочка, съ такимъ юморомъ копировала стариковъ, что Чемезовъ невольно смѣялся вмѣстѣ съ нею.

До ея отъѣзда въ Москву оставалось всего два дня. Время это для нихъ пролетѣло такъ быстро, что они даже не замѣтили его; но на второй недѣлѣ поста она опять должна была пріѣхать въ Петербургъ и тогда уже совсѣмъ и со всей семьей.

У нихъ уже были переговоры объ этомъ съ матерью, которыхъ подробно она ему не передала, сказавъ только, что хотя Пелагеѣ Семеновнѣ это и непріятно, но она согласилась. Были также и продолжали вестись очень дѣятельно и энергично такіе же переговоры и съ дирекціей театра о томъ, чтобы ее перевели изъ Москвы въ Петербургъ. Просьба эта такъ поразила московскую дирекцію, привыкшую къ тому, что Леонтьевы всегда служили въ Москвѣ, что она сначала даже и не принимала этой просьбы серьезно, почти не вѣря ей. Но Ольга пугала, что иначе совсѣмъ броситъ казенную сцену и перейдетъ на частную. Къ тому же въ Петербургѣ отъ ея предложенія были въ восторгѣ, и разныя вліятельныя въ этомъ мірѣ лица, къ которымъ она обратилась за содѣйствіемъ, и сама дирекція усердно хлопотали объ успѣхѣ этого дѣла, хотя пока все это держалось еще въ секретѣ. Но давно уже замѣчено, что именно всѣ подобные секреты, начиная отъ государственныхъ тайнъ и кончая романомъ актрисы, тотчасъ же, неизвѣстно какъ и откуда, дѣлаются всѣмъ извѣстными.

И теперь, несмотря на то, что Ольга не хотѣла до поры до времени этого разглашать и всѣ преданныя ей и хлопотавшія за нее лица тоже какъ будто молчали объ этомъ по ея просьбѣ,

но слухъ о переходѣ ея былъ все-таки уже кѣмъ-то пущенъ въ публику и теперь разошелся повсюду. Объ этомъ говорили еще неувѣренно и нерѣшительно, почти не довѣряя интересной новости и всячески комбинируя и разъясняя ее. Имя Чемезова—тоже неизвѣстно гдѣ и кѣмъ—было уже произнесено и присоединилось къ слуху, какъ причина. Больше всего говорили, конечно, въ сферахъ, ближе стоявшихъ къ театру, гдѣ это произвело настоящую сенсацію.

По какимъ-то странно сложившимся обстоятельствамъ, въ Москвѣ объ этомъ говорили гораздо меньше, чѣмъ въ Петербургѣ; тамъ этому просто не вѣрили и слухъ почти не проникъ еще въ публику; а если кто и слышалъ его, то глядѣлъ на него просто какъ на сплетню, пущенную кѣмъ-нибудь въ насмѣшку или со злости на Леонтьеву.

Даже въ театральномъ кружкѣ, гдѣ уже было извѣстно о прошеніи Ольги въ дирекцію и гдѣ Пелагея Семеновна почти и не скрывала этого, почему-то не хотѣли вѣрить, что это серьезно. Театральные увѣряли, что это просто минутная фантазія, которая пройдетъ, прежде чѣмъ начнется зимній сезонъ, и что за это время Ольга одумается и сама возьметъ назадъ свое прошеніе, потому что не рѣшится промѣнять московскую сцену на петербургскую, на которой еще неизвѣстно, какъ-то ей повезетъ и полюбятъ ли ее такъ, какъ любили здѣсь.

За Ольгой уже водилось нѣсколько странныхъ фантазій, о которыхъ товарищи ея болѣе или менѣе всѣ знали, но которыя всегда проходили сами собой и не оставляли серьезныхъ слѣдовъ; такъ выйдетъ и на этотъ разъ,—пророчили всѣ, недовѣрчиво улыбаясь этой новой, неожиданной и болѣе чѣмъ всѣ другія нелѣпой фантазіи ея.

Но въ Петербургѣ, напротивъ, вѣрили. Самый, небывалый еще до сихъ поръ, фактъ ея вторичныхъ гастролей въ одну зиму подтверждалъ это.

И весь театръ волновался. Публика, до которой тоже дошло это и въ гораздо бо̀льшихъ размѣрахъ, чѣмъ въ московской, радовалась этому и хвалила дирекцію, которая будто бы устроила это. Но актрисы и даже нѣкоторые актеры, заранѣе боясь успѣховъ Ольги, были этимъ недовольны.

Петербургскія примадонны потихоньку интриговали противъ этого плана у всѣхъ вліятельныхъ лицъ, которыхъ знали и которыя могли помочь въ этомъ, и распускали объ Ольгѣ разныя ужасные слухи, но въ глаза любезно улыбались ей и увѣряли, что въ восторгѣ отъ этого ея намѣренія, потому что она сво-

имъ талантомъ подниметъ репертуаръ и принесетъ тѣмъ много пользы и добра.

Но Ольга, вся поглощенная своей любовью, хотя и знала по опыту и чутьемъ цѣну всѣхъ этихъ мнимыхъ любезностей, была въ такомъ радостномъ и нервномъ состояніи, что почти не замѣчала той бури въ театрѣ, которую подняла своимъ внезапнымъ рѣшеніемъ, и все казалось ей такъ же радостно и хорошо, какъ было у нея самой на сердцѣ.

Мар. Крестовская.

ДОЛГОЛѢТІЕ
ЖИВОТНЫХЪ, РАСТЕНІЙ и ЛЮДЕЙ.

VI *).

Въ дополненіе къ высказаннымъ выше положеніямъ считаемъ нелишнимъ остановиться на нѣкоторыхъ теоретическихъ соображеніяхъ.

Замѣчательно, что все разнообразіе формъ и функцій живыхъ организмовъ, а слѣдовательно, и все разнообразіе въ продолжительности ихъ жизни, обусловливается не столько различіемъ и многообразіемъ входящихъ въ составъ ихъ простыхъ элементовъ, сколько ихъ разнообразнымъ сочетаніемъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ составъ всѣхъ почти живыхъ существъ входятъ всего 12 простыхъ элементовъ: углеродъ, кислородъ, водородъ, азотъ, сѣра, фосфоръ, хлоръ, калій, натрій, кальцій, магній и желѣзо. Къ приведеннымъ элементамъ должны быть прибавлены еще кремній и фторъ, въ особенности въ растительныхъ и нѣкоторыхъ животныхъ организмахъ и то въ самыхъ небольшихъ количествахъ.

Въ отдѣльныхъ живыхъ тѣлахъ можетъ быть доказано еще присутствіе слѣдующихъ элементовъ: марганца—въ овощахъ и крови морскихъ животныхъ; мѣди—въ крови головоногихъ животныхъ и въ перьяхъ писанга; литія, рубидія, цезія, стронція, іода, брома—въ морскихъ животныхъ и растеніяхъ; цинка—въ нѣкоторыхъ растеніяхъ; аллюминія—въ плаунахъ. Во всякомъ случаѣ постоянной общей составной частью являются, въ сущности,

*) См. выше: іюль, 77 стр.

только 12 выше перечисленныхъ элементовъ, составляющихъ, слѣдовательно, менѣе даже $1/5$ всѣхъ извѣстныхъ намъ пока простыхъ элементовъ, которыхъ насчитывается болѣе 60.

Эти 12 простыхъ элементовъ, входящихъ въ составъ живыхъ тѣлъ, представляютъ весьма характеристичныя особенности. Многіе изъ нихъ представляются въ газообразномъ видѣ или способны давать газообразныя соединенія въ родѣ углекислоты, амміака, сѣроводорода и т. д. Всѣ они обладаютъ сравнительно болѣе легкимъ удѣльнымъ вѣсомъ и, слѣдовательно, большей подвижностью атомовъ; соединенія ихъ легко растворимы въ водѣ и, слѣдовательно, способны къ дѣятельному обмѣну; всѣ они—плохіе проводники тепла и электричества и, слѣдовательно, способствуютъ экономіи животной теплоты, и, наконецъ, всѣ они обладаютъ высокой скрытой теплотой и, слѣдовательно, колебанія внѣшней теплоты слабо отражаются на температурѣ животныхъ и растительныхъ тѣлъ и только отражаются на взаимныхъ перемѣщеніяхъ атомовъ, лежащихъ въ основѣ жизненныхъ функцій. Очевидно, что физико-химическими свойствами этихъ 12 простыхъ элементовъ обусловливаются многія типическія черты жизненныхъ функцій, и поэтому созиданіе живыхъ существъ именно изъ этихъ 12 элементовъ является въ высокой степени цѣлесообразнымъ.

Считаемъ нужнымъ, прежде чѣмъ идти дальше, отвѣтить на слѣдующее мыслимое возраженіе: возможно, что въ составъ тѣла входятъ не только эти 12 элементовъ, но и другіе, ускользающіе отъ опредѣленія вслѣдствіе недостатка способовъ изслѣдованія, открывающихъ только опредѣленныя извѣстныя намъ простыя тѣла.

Опровергнуть подобное возраженіе можно съ вѣсами въ рукахъ: если взвѣсить любую живую ткань, разложить ее на простые химическіе элементы, то въ ней и будутъ найдены только эти 12 элементовъ и сумма ихъ будетъ равняться вѣсу живой ткани, взятой для изслѣдованія. Очевидно, что ни одна матеріальная частица живой ткани не ускользнула отъ изслѣдованія, всѣ онѣ были схвачены изслѣдователемъ, и можно было бы говорить еще развѣ о невѣсомыхъ элементахъ, присущихъ живой ткани, объ эѳирѣ, наполняющемъ промежутки между атомами живыхъ тканей, также какъ и все міровое пространство.

Итакъ, въ составъ живыхъ тѣлъ входятъ всего только 12 элементовъ; а какъ велико разнообразіе органическихъ соединеній, заложенныхъ въ тканяхъ, и какъ, въ зависимости отъ этого, разнообразны формы и функціи живыхъ существъ, тѷ извѣстно, конечно, каждому. Какъ же согласовать это разнообразіе состава

и отправленій живыхъ тканей съ столь скуднымъ числомъ входящихъ въ составъ ихъ простыхъ элементовъ? Выходъ, конечно, одинъ, это—допустить возможность самыхъ разнообразныхъ сочетаній изъ этихъ 12 элементовъ, при чемъ каждому особому сочетанію соотвѣтствуютъ опредѣленныя химическія соединенія, присущія живому веществу.

Если мы ограничимся однѣми бѣлковыми частицами, состоящими изъ 5 простыхъ элементовъ, и если мы зададимся вопросомъ, сколько можетъ получиться сочетаній изъ 12 элементовъ группами въ пять элементовъ, то число это возростетъ до болѣе чѣмъ 700 сочетаній. Но вѣдь въ тѣлѣ существуютъ сочетанія не только по 5 элементовъ, но и по 2, по 3, 4 и т. д., и, слѣдовательно, число всѣхъ этихъ сочетаній изъ основныхъ 12 элементовъ можетъ достигнуть громадной величины, причемъ каждому такому сочетанію соотвѣтствуетъ особое соединеніе, играющее опредѣленную роль въ экономіи живого тѣла.

Между тѣмъ частицы живой матеріи, благодаря крайней нестойкости своей, благодаря подвижности составляющихъ ее атомовъ, крайне склонны къ перемѣщеніямъ, къ составленію новыхъ сочетаній, съ которыми идетъ рука объ руку и измѣненіе функцій. Итакъ, элементовъ, изъ которыхъ сотканы живыя ткани, въ сущности всего 12, а сочетаній, въ которыя они могутъ вступать во время жизни, можетъ быть безчисленное множество.

Распознать эти прижизненныя сочетанія намъ пока не суждено, да и врядъ ли удастся это когда-нибудь и въ далекомъ будущемъ. Почему?—Потому, что эти нестойкія сочетанія элементовъ живыхъ тканей быстро распадаются при прекращеніи жизни и переходятъ въ форму болѣе стойкихъ соединеній, которыя только и доступны нашему опредѣленію. Представимъ себѣ пирамиду, прикрытую непроницаемымъ для глазъ футляромъ и выстроенную изъ шариковъ только 12 различныхъ цвѣтовъ, причемъ шариковъ этихъ находится безчисленное количество и они сложены другъ на другѣ самымъ неустойчивымъ образомъ и въ самыхъ разнообразныхъ сочетаніяхъ. Задача въ томъ, чтобы опредѣлить взаимное расположеніе шариковъ какъ въ цѣлой пирамидѣ, такъ и въ отдѣльныхъ ея частяхъ. Малѣйшее прикосновеніе къ футляру съ цѣлью раскрытія пирамиды уже рушитъ неустойчивую пирамиду, шарики располагаются въ формы устойчиваго равновѣсія и отъ прежнихъ сочетаній шариковъ не остается и слѣда. Въ такомъ же положеніи находится, въ сущности, изслѣдователь при изученіи состава живыхъ тканей вообще и въ частности оплодотвореннаго зародышеваго яйца—этого глав-

наго фактора, опредѣляющаго будущее развитіе организмовъ въ пространствѣ и во времени. Очевидно, что этотъ источникъ продолжительности жизни останется для насъ навсегда непостижимой, величайшей тайной. Съ точки зрѣнія развиваемаго взгляда о нестойкости сочетаній, въ которыя вступаютъ 12 простыхъ элементовъ въ живыхъ организмахъ животныхъ и растеній, понятна и измѣнчивость, обнаруживаемая живыми организмами подъ вліяніемъ разнообразнѣйшихъ внѣшнихъ условій существованія. Очевидно, что упрочиваться должны будутъ лишь перемѣны во внутреннихъ сочетаніяхъ элементовъ организма, обезпечивающія наилучше всего его цѣлость, а равнымъ образомъ и сохраненіе рода, такъ какъ всѣ измѣненія противоположнаго характера должны будутъ вести къ вырожденію индивидуумовъ, къ гибели ихъ въ общей борьбѣ за существованіе. А слѣдовательно, явленіями подбора должны будутъ закрѣпляться въ организмахъ такія сочетанія состава ихъ тканей и зародышеваго яйца, которыя наиболѣе всего благопріятны для индивидуальной долговѣчности и для сохраненія тѣмъ самымъ и рода.

Наслѣдственность и измѣнчивость живыхъ существъ при содѣйствіи подбора являются, слѣдовательно, главными факторами, опредѣляющими продолжительность жизни; остальныя же условія, въ зависимости отъ которыхъ стоитъ продолжительность жизни, а именно, медленность развитія организмовъ, ихъ сложная организація и сравнительно бо̀льшая величина тѣла и медленный темпъ жизни являются уже сами по себѣ факторами, обусловливающими сравнительно бо̀льшую дугу жизни, такъ какъ при этомъ требуется больше времени какъ для полнаго развитія силъ организма, такъ и для израсходованія ихъ.

Прежде чѣмъ разстаться съ животнымъ и растительнымъ міромъ, бросимъ еще взглядъ на то, сознаютъ ли представители этихъ міровъ предѣльность своей жизни, сознаютъ ли, что они смертны?

Вопросъ этотъ можетъ показаться, конечно, страннымъ въ особенности по отношенію къ растеніямъ: о какомъ сознаніи можетъ быть у нихъ рѣчь, разъ онѣ лишены, повидимому, всякихъ слѣдовъ психической жизни, разъ онѣ не обнаруживаютъ ни чувствительности, ни какихъ-нибудь слѣдовъ осмысленныхъ активныхъ движеній? Оно, конечно, было бы такъ, еслибы не существовало вообще растеній, явно обнаруживающихъ свою чувствительность и проявляющихъ ее въ формѣ совершенно цѣлесообразныхъ движеній. На самомъ же дѣлѣ имѣются растенія, обладающія этими свойствами. Такъ, растеніе, извѣстное подъ именемъ

мухоловки (Dionaea muscipula), обладаетъ способностью схватывать мухъ, касающихся до ихъ листьевъ, причемъ листъ завертывается такъ, что муха уже не въ состояніи бываетъ изъ него выскочить, и мало того—пойманная муха переваривается вытекающимъ изъ железокъ листа сокомъ и развертывается только по завершеніи этого акта.

Другое растеніе—стыдливая мимоза (Mimosa pudica) обладаетъ также въ рѣзкой степени способностью реагировать на внѣшнія возбужденія движеніемъ листьевъ и листовыхъ черешковъ. Листья мимозы расположены въ формѣ сложныхъ перистыхъ листьевъ на четырехъ вторичныхъ черешкахъ, поддерживаемыхъ однимъ общимъ черешкомъ. Когда на растеніе подѣйствовало какое-нибудь внѣшнее раздраженіе, то общій черешокъ опускается, вторичные черешки сближаются и листья складываются, соединяясь другъ съ другомъ своими верхними поверхностями; чѣмъ сильнѣе было раздраженіе, тѣмъ на большее число листьевъ и черешковъ распространяется это движеніе. Раздражителями являются всѣ обычные возбудители животной клѣточной протоплазмы. У мимозы замѣчается даже какъ бы утомленіе вслѣдствіе повторныхъ раздраженій.

Наконецъ, важно еще и то, что, какъ показалъ Клодъ Бернаръ, анестезирующія вещества, хлороформъ и эѳиръ, уничтожающія раздражительность животной протоплазмы, раздражительность нервовъ, нервныхъ центровъ и т. д., уничтожаютъ также и раздражительность или чувствительность мухоловки, мимозы, и эти послѣднія уже не реагируютъ на внѣшнія возбужденія. Раздражительность эта вновь постепенно возстановляется по удаленіи анестезирующихъ средствъ. Аналогіи, какъ видимъ, полныя между раздражительностью животныхъ и растительныхъ образованій. Указанныя особенности присущи не только мухоловкѣ, мимозѣ, но и тычинкамъ росянки, барбариса, качающагося идизора, многимъ бобовымъ растеніямъ, принадлежащимъ къ родамъ Smithia, Aeschynamene, Desmontus, Robinia, бѣлой акаціи, индійской чувствительной кислицѣ (Oxali sensitiva) и т. д.

Многіе ученые, и въ числѣ ихъ Дютроше, Леклеркъ, Детуръ, видѣли въ чувствительности растеній доказательство того, что онѣ имѣютъ органъ, аналогичный нервамъ, головному мозгу и т. д. Нечего говорить, конечно, что все это было временнымъ увлеченіемъ и что раздражительность, существующая въ той или другой животной или растительной ткани, вовсе не служитъ еще выраженіемъ существованія сознательной дѣятельности, примѣромъ чего могутъ служить мышцы, нервы и т. д.,—ткани, крайне воз-

будимыя, раздражительныя, но въ то же время, конечно, не служащія вовсе анатомическимъ субстратомъ сознанія. Для возникновенія сознанія въ растеніяхъ не существуетъ у нихъ соотвѣтствующихъ органовъ, и если допустить его, то развѣ только въ тѣхъ низкихъ степеняхъ смутнаго его развитія, которыя приписываются обыкновенно всякимъ раздражительнымъ живымъ клѣткамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ нервными центрами. Раздражительность и реакціи раздражительныхъ растеній могутъ быть много-много отнесены къ типу чувствительныхъ рефлекторныхъ актовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ сознательными актами. На основаніи всего этого едва ли можно допустить, чтобы растительные организмы, проходя свою дугу жизни, имѣли какое-либо представленіе о предѣльности ея, т.-е. о конечности своей жизни.

Вовсе не то представляетъ на нашъ взглядъ животный міръ, хотя мнѣніе это и расходится съ господствующимъ взглядомъ на дѣло. Обыкновенно полагаютъ, что ни одно животное не имѣетъ представленія о смерти, о конечности какъ своей жизни, такъ и жизни себѣ подобныхъ. Это воззрѣніе едва ли, однако, можетъ считаться достовѣрнымъ. Во-первыхъ, многія животныя, судя по наблюденіямъ, вполнѣ сознаютъ актъ прекращенія жизни и нерѣдко прибѣгаютъ къ смертной казни въ различныхъ обстоятельствахъ жизни.

Напримѣръ, кроличихи послѣ разрѣшенія отъ бремени строго слѣдятъ за своимъ потомствомъ. Стоитъ тронуть новорожденныхъ кролятъ и заглянуть въ ихъ гнѣзда, чтобы мать прибѣгла вскорѣ къ умерщвленію своихъ дѣтенышей, причемъ она съѣдаетъ ихъ сполна. То же, оказывается, продѣлываютъ и львицы. Такъ, въ берлинскомъ зоологическомъ саду львица, разрѣшившаяся нѣсколькими львенками, послѣ того какъ ихъ начали трогать, прибѣгла тоже къ умерщвленію многихъ изъ нихъ, поѣла ихъ и успѣли спасти лишь одного львенка, котораго дали на вскормленіе собакѣ, исполняющей роль кормилицы. Еще въ прошломъ году можно было видѣть въ клѣткѣ уже значительно подросшаго львенка у ногъ своей кормилицы. Грачи, по словамъ одного англійскаго орнитолога прибѣгли однажды при немъ къ военному суду надъ однимъ изъ своихъ товарищей и подвергли его смертной казни. Собравшись въ военный совѣтъ въ количествѣ 50 штукъ и расположившись въ видѣ круга, грачи впустили на середину круга одного изъ своихъ товарищей, который при шумѣ и крикахъ остальныхъ расхаживалъ взадъ и впередъ; затѣмъ мѣсто послѣдняго заступилъ другой грачъ, который, повидимому, дер-

жалъ обвинительную рѣчь, послѣ которой вся стая накинулась на перваго грача и, заклевавъ его на смерть, моментально разлетѣлась, оставивъ на мѣстѣ трупъ казненнаго.

Среди аистовъ казнь измѣнницъ супружеской вѣрности является фактомъ, повидимому, достовѣрнымъ.

Наконецъ, и самоубійство представляетъ, повидимому, явленіе не чуждое животнымъ. Такъ скорпіонъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ наблюдателей, кончаетъ жизнь самоубійствомъ, укалывая себя въ голову своимъ ядоноснымъ хвостомъ въ случаѣ, когда онъ видитъ себя окруженнымъ непроницаемымъ для него кругомъ раскаленныхъ углей.

О томъ, наконецъ, какъ ясно могутъ сознавать животныя близость смерти въ опасныхъ случаяхъ, свидѣтельствуетъ прекрасный разсказъ Некрасова въ стихахъ „Дѣдушка Мазай и зайцы". Тутъ съ точностью приводятся слова стараго охотника Мазая, передающаго то, что̀ онъ дѣлалъ съ зайцами во время разлива рѣкъ. Зайцы при этомъ настолько страшатся гибели, что они охотно отдаются въ руки охотника, плывущаго въ лодкѣ, и сами даже вскакиваютъ въ лодку, лишь бы спастись отъ неминуемой смерти.

А собака, не отходящая отъ могилы своего хозяина и умирающая отъ голода, несмотря на подносимую ей пищу, развѣ не добивалась своей смерти, чтобы положить конецъ своему невыносимому горю? Нѣтъ, всѣ эти факты, взятые въ совокупности, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что животныя имѣютъ представленіе о смерти. Да и какъ не имѣть имъ его, разъ онѣ обладаютъ замѣчательной наблюдательностью и чрезвычайно стойкой памятью. Видя вокругъ себя смерть себѣ подобныхъ, трудно допустить, чтобы онѣ не понимали, что и онѣ являются также смертными. При всемъ томъ едва ли можно допустить, чтобы сознаніе о предѣльности жизни было у нихъ развито въ такой степени, какъ у человѣка. Извѣстно, что животныя, даже высшія, не отличаются особенной дальновидностью; онѣ неспособны вникать въ болѣе или менѣе отдаленное будущее и живутъ въ настоящемъ и въ недалекомъ еще прошломъ. Пѳэтому онѣ и неспособны заглядывать въ будущее жизни, въ неминуемый мрачный финалъ ея, и имъ вслѣдствіе этого должно житься легче при отсутствіи въ ихъ сознаніи мрачной перспективы смертнаго часа. Если имъ и живется поэтому легче, то все же привилегіей человѣка является его „memento mori", дающій ему возможность бороться съ надвигающимся грознымъ часомъ и отодвигать насколько возможно дальше наступленіе послѣдняго вздоха жизни.

Человѣкъ, находящійся во главѣ всего животнаго царства, не можетъ, конечно, дѣлать исключенія изъ общаго закона предѣльности индивидуальной жизни, проходящаго неразрывной нитью чрезъ всѣ формы животнаго и растительнаго царствъ, начиная отъ простѣйшихъ и кончая высшими формами. Судя по тому, что онъ обладаетъ самой сложной и совершенной организацiей, судя по сравнительно большимъ размѣрамъ его тѣла, по медленности его развитія, т.-е. по протяженности періода роста и развитія и, наконецъ, по высшему разуму, которымъ онъ обладаетъ для оцѣнки вліяній, дѣйствующихъ вредно на срокъ его жизни, судя, говоримъ мы, по всему этому, онъ долженъ относиться къ ряду организмовъ, отличающихся долговѣчностью. И на самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что въ благопріятныхъ случаяхъ организмъ человѣка можетъ надолго переживать столѣтній возрастъ. Какъ бы долго, однако, ни жилъ человѣкъ, все же на дугѣ его жизни, рано или поздно вслѣдъ за восходящей частью, соотвѣтствующей періоду роста и развитія, вслѣдъ за періодомъ баланса силъ и матеріи, соотвѣтствующимъ полному расцвѣту или апогею развитія, наступаетъ періодъ нисходящій, соотвѣтствующій упадку жизненныхъ процессовъ, ведущій его постепенно къ кончинѣ. Упадокъ этотъ, какъ видѣли, зависитъ отъ нормальнаго истощенія созидающихъ силъ клѣтокъ, благодаря которому процессы прижизненнаго разрушенія живого клѣточнаго вещества берутъ полный перевѣсъ и разрушающееся живое вещество не возстановляется уже ни въ количественномъ, ни въ качественномъ отношеніи въ тѣхъ размѣрахъ и въ той формѣ, которые требуются для поддержанія нормальной жизни организма.

Прослѣдимъ теперь ближе и шагъ за шагомъ измѣненія тканей и органовъ, наступающія при ослабленіи созидающихъ силъ клѣточныхъ образованій тѣла и ведущія къ постепенному и безвозвратному угасанію въ немъ жизни.

Спрашивается: какимъ образомъ человѣкъ старѣетъ, черезъ рядъ какихъ измѣненій духа и тѣла проходитъ онъ при своемъ угасаніи?

Въ самомъ началѣ старость подкрадывается такъ, что человѣкъ ее почти вовсе не замѣчаетъ; онъ едва вѣритъ въ ея наступленіе, онъ еще бодръ, такъ какъ чувствуетъ въ себѣ достаточную энергію для поддержанія всей своей нормальной дѣятельности. Между тѣмъ уже начинаютъ постепенно проявляться явные признаки наступающаго ослабленія и органическія измѣненія тканей уже начинаютъ сказываться все съ большей и большей ясностью. Чувство постоянной силы и хорошее самочувствіе,

существовавшія раньше, не сразу, конечно, исчезаютъ, а ослабѣваютъ постепенно. Человѣкъ самый сильный, самый самоувѣренный уже начинаетъ не вѣрить въ свою непобѣдимость; онъ сознаетъ все чаще и чаще свое безсиліе во многихъ случаяхъ обыденной жизни; уже нѣтъ тогда безграничной вѣры въ свои силы, въ самого себя; ослабленіе здоровья, увеличивающіеся недуги начинаютъ приковывать его вниманіе: онъ мечтаетъ, размышляетъ, разсчитываетъ и начинаетъ подумывать о надвигающемся возрастѣ и о пространствѣ, которое ему остается еще пройти. Обыкновенно отъ 50 до 60 лѣтъ приблизительно балансъ тѣла и силъ еще поддерживается кое-какъ, но мало-помалу человѣку кажется, что время ускоряетъ свой ходъ и что жизнь катится все съ большей и большей быстротой по направленію къ той пропасти, которая поглощаетъ всѣ преходящія существованія и гдѣ они отдаютъ землѣ и воздуху то, чѣмъ они пользовались во время жизни.

Чтò же лежитъ въ основѣ этого измѣняющагося самочувствія, т.-е. какія реальныя несознаваемыя измѣненія въ тѣлѣ и òрганахъ лежатъ въ основѣ этого процесса состариванія?

Одной изъ характеристическихъ особенностей старости является атрофія или худощавость всѣхъ клѣтокъ и òрлановъ тѣла, съ жировымъ, пигментнымъ или амилоиднымъ перерожденіемъ клѣточной протоплазмы, и все это, конечно, является результатомъ упадка созидающихъ силъ организма, неспособныхъ поддерживать клѣтки не только въ ихъ нормальныхъ размѣрахъ, но и въ нормальномъ ихъ составѣ. Результатомъ этого является измѣненіе нормальнаго жизненнаго пороха, одного только способнаго къ правильнымъ взрывчатымъ разложеніямъ, лежащимъ въ основѣ всѣхъ формъ жизнедѣятельности. Рядомъ съ уменьшеніемъ объема òрлановъ тѣла и клѣтокъ, входящихъ въ ихъ составъ, онѣ становятся жестче, менѣе податливы, менѣе упруги. Многіе òрганы при этомъ пропитываются солями извести, и это вторженіе извести въ экономію тѣла, съ послѣдующимъ пропитываніемъ ею различныхъ системъ òрлановъ, какъ бы служитъ сигналомъ начинающагося поворота тѣла къ землѣ, къ превращенію его въ неорганическія соединенія мертвой природы.

Другою особенностью надвигающейся старости является то, что жизнь какъ бы угасаетъ, уходитъ отъ периферіи къ центру, сосредоточиваясь все болѣе и болѣе на внутреннихъ растительныхъ процессахъ, и нѣтъ ни единаго òргана, ни единой клѣтки, ни единаго сока организма, которые въ той или другой степени

не подверглись бы вліянію старости, т.-е., медленнаго изсяканія созидающихъ силъ организма.

Неудивительно поэтому, что тѣло подпадаетъ при этомъ все болѣе и болѣе усиливающейся слабости, что ѝрганы чувствъ отказываются постепенно отъ дѣятельности, зрѣніе и слухъ притупляются, ослабѣваютъ, вслѣдствіе чего рѣзко ограничивается сфера чувственныхъ воспріятій, умственныя способности ослабѣваютъ, мышцы менѣе подчиняются велѣніямъ воли, движенія становятся трудными, тягостными и неточными, родъ оцѣпенѣнія обхватываетъ всѣ члены и наступаетъ общая наклонность къ покою и неподвижности.

Вездѣ почти гармонія функцій разстроивается вслѣдствіе разстройства нервной регуляціи и вся человѣческая машина подъ конецъ расшатывается, разваливается и на вѣки погибаетъ.

Рядомъ съ началомъ внутреннихъ старческихъ измѣненій ѝргановъ, процессъ состариванія сказывается и внѣшними, сперва едва замѣтными, признаками. Взглядъ еще можетъ сохранять свой блескъ, свою живость, лицо свою свѣжесть и волосы свой нормальный цвѣтъ, но вѣко уже начинаетъ легче опускаться и прикрывать глазъ и окружается многочисленными складками, странно называемыми „гусиными лапами"; затѣмъ волосы свѣтлѣютъ и между ними замѣчаются бѣлыя, какъ бы серебряныя, нити, указывающія уже на то, что жизнь уходитъ постепенно въ глубину организма. Весь волосяной покровъ бѣлѣетъ или выпадаетъ и голова тогда лысѣетъ и представляетъ рѣзкій контрастъ съ миніатюрностью лица, обусловленной сближеніемъ челюстей вслѣдствіе потери зубовъ. Морщины, начавшіяся на лицѣ въ формѣ гусиныхъ лапокъ, расположенныхъ у наружнаго угла вѣкъ, распространяются по всему лицу, избороздживаютъ лобъ, цвѣтъ лица темнѣетъ и желтѣетъ, дѣлается почти землистымъ; все тѣло наклоняется, сгибается къ переди, грудь вдавливается, голосъ измѣняется—слабѣетъ и дѣлается дребезжащимъ вслѣдствіе ослабленія гортанныхъ мышцъ. Животъ то бываетъ ху̀дощавымъ и плоскимъ, то, наоборотъ, онъ выпячивается въ случаяхъ ожирѣнія. Руки слабы, неловки, иногда дрожатъ; ноги худѣютъ, дѣлаются безсильными, тонкими, что̀ затрудняетъ ходьбу, дѣлаетъ ее ненадежной и вынуждаетъ старика прибѣгать къ палкѣ или трости, этимъ печальнымъ признакамъ разрушенія и будущаго возврата къ землѣ. У женщинъ эти признаки старости наступаютъ нѣсколько раньше, хотя это имъ и не мѣшаетъ, какъ увидимъ позже, достигать болѣе глубокой старости сравнительно съ мужчинами.

Остановимся на двухъ внѣшнихъ признакахъ наступающей старости: на морщинахъ и сѣдыхъ волосахъ. Могутъ ли служить морщины выраженіемъ наступающей старости человѣка? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, слѣдуетъ выяснить механизмъ образованія стойкихъ морщинъ. Ихъ образованіе находится въ зависимости какъ отъ строенія кожи, такъ и наступающихъ въ ней измѣненій во время старости, а также и отъ подвижности мѣстъ, прикрытыхъ кожей. И въ самомъ дѣлѣ, излюбленными мѣстами морщинъ являются подвижныя части кожи, напр. возлѣ суставовъ, гдѣ совершаются сгибанія и разгибанія, напр. пальцевъ, колѣна, локтя и т. д., и тутъ онѣ имѣются во всѣхъ возрастахъ жизни, или мѣста кожи, покрывающія очень подвижныя мышечныя группы, напр. завѣдующія мимическими движеніями, ведущими по-неволѣ къ тому, что кожа, покрывающая эти мышцы, при сокращеніи ихъ должна, хотя бы на время, ложиться въ складки.

Кожа обладаетъ различной растяжимостью въ различныхъ направленіяхъ, и это, между прочимъ, зависитъ и отъ различнаго расположенія въ ней волоконъ. Упругими свойствами и расположеніемъ волоконъ кожи обусловливается та или другая форма и степень морщинистости кожи. Но морщинистость эта является въ юномъ возрастѣ слабо выраженной и только во время самыхъ движеній, тогда какъ, напр., во время покоя лица складки кожи стираются. Спрашивается: почему?—Во-первыхъ, потому, что въ юномъ возрастѣ подкожная ткань содержитъ всегда достаточное количество жира, играющаго роль какъ бы подушки, растягивающей сверху лежащіе слои кожи и не дающей ей возможности ложиться въ постоянныя складки; къ тому же результату ведетъ и то, что юная кожа отличается большой подвижностью и упругостью.

Въ старости же замѣчается исчезновеніе жира въ подкожной ткани и весьма трудное возстановленіе его вслѣдствіе упадка созидающихъ силъ клѣтокъ; кромѣ того, эластичность собственно самой кожи падаетъ. Отсюда понятно, что морщины, появляющіяся въ формѣ складокъ всегда на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, теряютъ способность расправляться и сглаживаться, мало-помалу какъ бы окоченѣваютъ въ своемъ положеніи и, дѣлаясь неисправимыми вслѣдствіе отсутствія жировой подкладки и потери упругости собственно кожи, остаются поэтому постоянными.

Стойкая старческая морщина и является поэтому выраженіемъ увяданія кожи, упадка въ ней созидающихъ силъ и жизненной упругости, характеризующихъ печальную фазу старости.

А что̀ обозначаетъ сѣдой волосъ? Чтобы отвѣтить на это, слѣдуетъ прежде всего сказать, чѣмъ онъ отличается по своему строенію и составу отъ волоса юнаго въ пору полнаго расцвѣта человѣка.

Цвѣтъ волосъ зависитъ, какъ извѣстно, съ одной стороны, отъ присутствія въ нихъ воздуха, съ другой же—отъ пигмента или красящаго вещества, отложеннаго или въ формѣ зернышекъ, или частью раствореннаго въ клѣткахъ, изъ которыхъ состоитъ волосъ. Чѣмъ меньше въ волосѣ пигмента, чѣмъ многочисленнѣе и мельче въ нихъ пузырьки воздуха, тѣмъ волосъ свѣтлѣе; волосъ, лишенный пигмента или съ уменьшеннымъ содержаніемъ его и пропитанный пузырьками воздуха, представляется совершенно бѣлымъ или сѣдымъ по той же въ сущности причинѣ, по которой морская или мыльная пѣна представляется намъ бѣлой. Пузырьки воздуха, окруженные безцвѣтной оболочкой, сильно отражаютъ бѣлый свѣтъ, падающій на нихъ, и представляются потому бѣлыми. Волосы, содержащіе пигментъ, бываютъ тѣмъ свѣтлѣе, чѣмъ больше въ нихъ воздуха; поэтому волосъ, вымоченный въ водѣ и лишившійся части или всего воздуха, всегда принимаетъ болѣе темный, блестящій оттѣнокъ. Въ свѣтлыхъ волосахъ блондиновъ красящее вещество находится въ болѣе растворенномъ состояніи; въ темныхъ же волосахъ брюнетовъ пигментъ отлагается больше въ видѣ зеренъ. Появленіе сѣдинъ зависитъ главнымъ образомъ не отъ исчезновенія пигмента изъ клѣтокъ старыхъ волосъ и усиленнаго пропитыванія ихъ воздухомъ, но отъ того, что старые волоса постепенно выпадаютъ и замѣняются новыми, въ которыхъ отсутствуетъ пигментъ, но зато имѣется на лицо масса пузырей воздуха. Эти явленія, обусловливающія посѣдѣніе волоса, должны появиться какъ разъ тогда, когда созидающая сила клѣтокъ образовательнаго слоя волосяной луковицы ослабѣваетъ и уже неспособна развивать пигментированныя клѣтки, а также и клѣтки опредѣленнаго объема, выполняя всѣ слои волоса: его сердцевину, корковый слой. Вслѣдствіе атрофированнаго состоянія клѣтокъ и невыполненія ими всей полости волосяного стержня, окружающій воздухъ быстро проникаетъ въ остающіеся промежутки и обусловливаетъ сѣдой видъ волоса. Очевидно, что сѣдина является выраженіемъ ослабленія образовательныхъ силъ клѣтокъ, съ котораго и начинаются характеристичныя измѣненія старости. Многимъ, конечно, приходилось слышать о случаяхъ внезапнаго посѣдѣнія у людей, испытавшихъ глубокое нравственное потрясеніе, внезапное горе и т. д. Вопросъ и тутъ можетъ быть сведенъ на моментальный упадокъ

питанія волоса, вслѣдствіе, напр., страшнаго сокращенія кровеносныхъ сосудовъ, питающихъ волосяной сосочекъ и луковицу, вызваннаго возбужденіемъ ихъ сосудодвигательныхъ нервовъ, или же на угнетеніе тѣхъ прямыхъ нервныхъ вліяній, которыя завѣдуютъ питательными процессами въ ткани волоса. И такъ, появленіе сѣдинъ, также какъ и морщинъ, служитъ довольно надежнымъ признакомъ начинающагося ослабленія образовательныхъ силъ клѣтокъ, если не въ цѣломъ организмѣ, то во всякомъ случаѣ въ кожномъ покровѣ. И въ самомъ дѣлѣ, старость не вездѣ начинается одновременно, а прежде всего сказывается въ областяхъ, обладающихъ у того или другого человѣка наименьшимъ жизнеупорствомъ, т.-е., представляющихъ punctum minoris resistentiae даннаго организма. Поэтому нерѣдко наблюдается, что человѣкъ, повидимому еще въ цвѣтѣ силъ, представляетъ уже морщинистую кожу и сѣдые волосы, и потому правы французы, говоря: „qu'il y a des volcans sous la neige et l'amour sous les cheveux blancs“.

Несравненно болѣе важное значеніе для жизни представляютъ тѣ измѣненія, которыя наступаютъ во внутреннихъ ѳрганахъ тѣла при наступленіи преклоннаго возраста.

Измѣненія кровеносныхъ сосудовъ, выражающіяся такъ-называемымъ артеріосклерозомъ ихъ, являются обычнымъ спутникомъ старости, и эта связь настолько постоянна, что по состоянію артерій можно до извѣстной степени судить о возрастѣ человѣка, что и выражено въ извѣстномъ афоризмѣ Cazalis'а: „On a l'âge de ses artères“. Чтò наблюдается при этомъ въ стѣнкахъ сосудовъ? Клѣтки ихъ эндотелія жировымъ образомъ перерождаются и рядомъ съ ними есть мѣста, гдѣ клѣтки эти усиленно размножаются. Стѣнки сосудовъ пропитываются известковыми солями, наружная оболочка сосуда представляетъ разростаніе соединительной ткани, мышечный слой атрофируется, вслѣдствіе чего упругость и эластичность стѣнокъ падаетъ. Функція сосудовъ поэтому рѣзко измѣняется; они не въ состояніи уже такъ наполняться кровью, какъ при нормальныхъ условіяхъ, и поддерживать правильное кровообращеніе. Перерожденныя такимъ образомъ стѣнки легко распознаются при ощупываніи на живыхъ даже субъектахъ въ видѣ твердыхъ, мало податливыхъ узловатыхъ шнурковъ.

Сердце, этотъ центръ сосудистой системы, точно также подвергается старческимъ атрофическимъ измѣненіямъ, рѣзко отражающимся на его дѣятельности. Деманжъ обстоятельно изслѣдовалъ 23 сердца старцевъ, отъ 70 до 90 лѣтъ отъ роду, причемъ въ рукахъ его имѣлись вполнѣ чистые случаи старческихъ

измѣненій сердца, не осложненныхъ какими-нибудь посторонними болѣзнями. Онъ во всѣхъ случаяхъ наблюдалъ артеріосклерозъ вѣнечныхъ артерій сердца вплоть до мельчайшихъ развѣтвленій, вслѣдствіе чего правильное питаніе сердечной мышцы было, конечно, нарушено. Сердца были блѣдны, съ желтоватымъ оттѣнкомъ, мягки, дряблы и податливы. Оболочки внутренняя и наружная были неровны, шероховаты, въ нихъ наблюдалась жировая инфильтрація и бляшки молочнаго цвѣта, пропитанныя известью. Мышцы сердца жирно-перерождены. Клапаны утолщены. Сердце увеличено въ объемѣ, расширено и стѣнки его утончены. Понятно, что при такомъ состояніи сердца оно не въ состояніи правильно выполнять своего назначенія.

Въ 500 случаяхъ вскрытія старческихъ труповъ Деманжъ нашелъ артеріосклерозъ сосудистыхъ стѣнокъ и жировое перерожденіе не только стѣнокъ аорты, лучевой и височной артеріи, но и мелкихъ артерій во всѣхъ почти органахъ тѣла. Только у одной 104-лѣтней дѣвы, отличавшейся правильной жизнью и никогда не употреблявшей спиртныхъ напитковъ, сосуды были едва измѣнены. При описанныхъ старческихъ измѣненіяхъ сердца и сосудовъ они не въ состояніи, конечно, поддерживать правильнаго кровообращенія и питанія въ виду слабой дѣятельности сердца и потери упругости стѣнокъ, столь необходимой для поддержанія ровности теченія кровяной струи. Кровообращеніе сильно нарушается, также какъ и обмѣнъ между питательными веществами крови и различными клѣточными образованіями тканей и органовъ. Эти-то старческія измѣненія сосудовъ и лежатъ обыкновенно въ основѣ тѣхъ пораженій, которыя наблюдаются и въ остальныхъ органахъ старцевъ.

Невольно возникаетъ вопросъ: почему же старческія измѣненія первѣе всего поражаютъ сосудистую систему, эту великую внутреннюю среду, на счетъ которой живутъ всѣ остальныя клѣтки тѣла? Можно было бы сослаться прежде всего на то, что не всѣ ткани тѣла обладаютъ одинаковымъ жизнеупорствомъ, и допустить, что стѣнки сосудовъ и сердца представляются наиболѣе всего уязвимыми прогрессомъ нашихъ лѣтъ. Но полагаю, что нѣтъ надобности обращаться къ такой аргументаціи, разъ мы вспомнимъ, что никакія другія ткани тѣла не подвергаются такому механическому изнашиванію въ виду того, что стѣнки сосудовъ, также какъ и сердце, во все время жизни, и днемъ, и ночью, подвергаются безпрерывно механическому тренію кровью, вслѣдствіе быстраго обращенія послѣдней по тѣлу (менѣе чѣмъ въ 1/2 минуты кровь дѣлаетъ полный оборотъ по тѣлу); такимъ образомъ

старѣющія съ теченіемъ лѣтъ клѣтки сосудистыхъ стѣнокъ наиболѣе всего изнашиваются, и на нихъ скорѣе всего должны сказаться старческія измѣненія, которыя въ свою очередь ускоряютъ появленіе старческихъ измѣненій въ другихъ тканяхъ и органахъ, вслѣдствіе разстройства ихъ питанія.

И въ самомъ дѣлѣ, въ преклонномъ возрастѣ вездѣ въ тканяхъ мы видимъ простую или комбинированную съ жировымъ перерожденіемъ атрофію клѣточныхъ элементовъ органовъ.

Костная и мышечная системы, разныя железы, въ томъ числѣ и лимфатическія, подвергаются атрофіи и жировому перерожденію. Подкожная жировая клѣтчатка исчезаетъ, легкія атрофируются, дѣлаются эмфизематозными. Жизненная емкость легкихъ страшно падаетъ, дыханіе становится слабымъ. Гортань, трахея, бронхи оплотнѣваютъ, пропитываются известковыми солями. Кости дѣлаются хрупкими и ломкими вслѣдствіе нарушенія въ нихъ питанія. Питательныя отверстія въ нихъ съуживаются почти до полнаго исчезанія ихъ просвѣта. Черепныя кости становятся иногда чрезвычайно тонкими и даже прозрачными, обыкновенно же склерозируются, и промежутокъ между наружной и внутренней поверхностью костей исчезаетъ. Швы окостенѣваютъ. Атрофія черепныхъ костей находится обыкновенно въ прямомъ отношеніи къ вышеописанному атероматозному измѣненію сосудовъ. Хрящи и ихъ капсули и клѣтки жирно-перерождаются, пропитываются известью, дѣлаются мало подвижными, теряютъ свою упругость и распадаются иногда на волокна. Крестцовая кость окостенѣваетъ въ одну неразрывную массу съ хвостцовой, рукоятка и мечевидный отростокъ—съ тѣломъ грудной кости; реберные хрящи, которыми ребра прикрѣпляются къ грудной кости, тоже частью окостенѣваютъ, пропитываются известью, что уменьшаетъ ихъ подвижность и затрудняетъ дыханіе.

Межпозвоночные хрящи до того утончаются, что тѣла позвонковъ мѣстами соприкасаются другъ съ другомъ, вслѣдствіе чего уменьшается ростъ субъекта и измѣняется форма позвоночника, изгибающагося дугой къ переди или въ бокъ.

Пищеварительные аппараты ослабѣваютъ въ своихъ функціяхъ: зубы теряютъ крѣпость, атрофируются, выпадаютъ. По составу они приближаются къ таковому у дѣтей. Всѣ железы, приготовляющія пищеварительные соки, постепенно атрофируются, жирноперерождаются. Печень значительно уменьшается въ объемѣ, цвѣтъ ея блѣдно-желтоватый, она тверда и бугриста. Печеночныя клѣтки ясно уменьшены въ объемѣ, содержатъ желчный пигментъ. Въ пузырѣ часто развиваются желчные камни. Желчь

бываетъ густа и содержитъ много холестеарина, изъ котораго и образуются камни. Поджелудочная железа также бываетъ атрофирована. Понятно послѣ всего этого, почему у старцевъ пищевареніе бываетъ въ большинствѣ случаевъ ослаблено и даже разстроено. Недостатокъ зубовъ и худое черезъ это разжевываніе пищи, недостатокъ пищеварительныхъ соковъ и, наконецъ, атонія мышечныхъ стѣнокъ, слабость и вялость ихъ суть достаточные мотивы для разстройства пищеваренія.

И выдѣлительные ѣрганы, въ силу тѣхъ же атрофическихъ измѣненій, также отказываются служить мало-по-малу. Почки сильно уменьшаются въ объемѣ. Всѣ спеціальныя ткани почекъ атрофируются и часто въ почкахъ разростается соединительная ткань, чтѣ ведетъ еще къ болѣе быстрому исчезанію почечныхъ функцій. Суточное количество почечныхъ выдѣленій уменьшается сравнительно съ взрослымъ возрастомъ на половину. Мочевины, вмѣсто 20—24 грм. въ сутки, выдѣляется всего 12—6 грм. Количество пота также падаетъ, вслѣдствіе атрофіи кожныхъ железъ. Половыя железы атрофируются и уже неспособны развиват ни зародышеваго яйца, ни оплодотворяющихъ соковъ.

Понятно послѣ всего этого, почему и кровь представляетъ рѣзкія измѣненія въ своемъ составѣ и количествѣ. Будучи лишена, съ одной стороны, достаточнаго подвоза питательныхъ веществъ изъ пищеварительнаго канала, достаточнаго подвоза кислорода воздуха чрезъ атрофированныя легкія и мало возобновляясь въ своихъ форменныхъ элементахъ, вслѣдствіе атрофіи кровеобразовательныхъ органовъ—селезенки, костнаго мозга и лимфатическихъ железъ, кровь рѣзко бѣднѣетъ по содержанію въ ней шариковъ, въ особенности красныхъ, рѣзко измѣняетъ свой цвѣтъ изъ алаго въ болѣе темный, венозный, и дѣлается бѣднѣе всѣми питательными веществами.

Такимъ образомъ и эта великая внутренняя среда, на счетъ которой живутъ всѣ элементы тѣла, рѣзко измѣняется, и это, въ свою очередь, ведетъ къ дальнѣйшимъ старческимъ измѣненіямъ тканей и ѣргановъ, которыя въ свою очередь влекутъ за собою дальнѣйшее обѣднѣніе крови—и такъ до конца существованія организма.

На этомъ основаніи уже a priori можно было бы заключить, что и центральная нервная система, т.-е. головной и спинной мозгъ, должна слѣдовать общему закону увяданія, подвергаясь тѣмъ атрофическимъ, дегенеративнымъ измѣненіямъ своихъ клѣточныхъ элементовъ, т.-е. нервныхъ центровъ, которыя наблюдаются на всѣхъ почти элементахъ остальныхъ ѣргановъ.

И въ самомъ дѣлѣ, Канштатъ показалъ, что объемъ и вѣсъ мозга у старцевъ менѣе нормальнаго и мозгъ далеко не выполняетъ всей черепной полости; между нимъ и твердой оболочкой образуется полость, выполненная сывороточной жидкостью съ примѣсью иногда крови. Полость эта постепенно увеличивается какъ на счетъ атрофіи самого мозга, такъ и черепныхъ костей, что̀ благопріятствуетъ кровоизліяніямъ. Мозговыя извилины уменьшаются, дѣлаются площе; вся жировая ткань представляется вообще болѣе сухой и грязно-желтоватаго цвѣта. Части мозга у основанія его тоже представляютъ частичныя атрофіи.

И спинной мозгъ оказывается также уже на глазъ атрофированнымъ, уменьшеннымъ въ объемѣ. Мозговыя артеріи всегда почти атероматозно измѣнены. Гейстъ путемъ ряда наблюденій пришелъ къ тѣмъ же результатамъ и прибавляетъ, что атрофія мозга бываетъ общая и при томъ симметричная въ обоихъ полушаріяхъ. Частичныя же атрофіи получаются при мѣстномъ воспаленіи, кровоизліяніи или размягченіи мозга и, какъ общее явленіе въ мозгу, онъ встрѣчалъ разростаніе соединительной ткани. Изслѣдованія Меттенгеймера, Дюранъ-Фарделя привели къ тѣмъ же результатамъ, причемъ ими было замѣчено, что атрофія получается больше на выпуклой поверхности извилинъ, нежели на основаніи мозга, и начинается съ психомоторныхъ областей и переходитъ на лобныя доли.

Чтобы представить себѣ наглядно паденіе вѣса мозга, отмѣтимъ вообще, что, по Бишофу, наибольшій вѣсъ мозга достигается въ 30 лѣтъ, а именно, въ среднемъ около 1.420 граммовъ. Конечно, есть мозги, вѣсящіе и больше; такъ, у Байрона мозгъ вѣсилъ 2.238 гр., у Кромвеля—2.233 гр., у Кювье—1.861 граммъ, у Канта—1.600 гр., и т. д. Но число Бишофа есть наиболѣе обыкновенное. Паденіе вѣса мозга начинаетъ обнаруживаться, по Бишофу, между 60—70 г., прогрессируетъ съ лѣтами и достигаетъ максимума убыли въ 117 грам. Паденіе не особенно большое, если въ особенности принять въ разсчетъ, что по приблизительнымъ вычисленіямъ извѣстнаго невропатолога и психіатра Мейнерта число нервныхъ центровъ въ мозговой корѣ человѣка болѣе милліарда! Одно только паденіе вѣса мозга въ старческомъ возрастѣ еще вовсе не говоритъ о томъ, измѣняются ли самыя дѣятельныя части мозга, а именно нервные центры и нервныя волокна. Для этого требуются, конечно, спеціальныя микроскопическія изслѣдованія ткани старческаго мозга, которыя и были произведены цѣлымъ рядомъ авторовъ, а именно: Марэ, Майоромъ, Виллемъ, Гоаллемъ, Шамбо-

ромъ, Менделемъ, проф. Бехтеревымъ, Костюринымъ и д-ромъ Бѣляковымъ.

Всѣ эти авторы солидарны въ томъ, что кровеносные сосуды при атрофіи мозга подвергаются описанному выше жировому перерожденію, пропитываются солями извести, стѣнки ихъ утолщаются иногда до полнаго уничтоженія просвѣта. Нервныя клѣтки и волокна въ извилинахъ головного мозга атрофируются, подвергаясь пигментно-жировому перерожденію, и на атрофированныхъ мѣстахъ замѣчается развитіе соединительной ткани.

Нервные центры теряютъ свои контуры, отростки ихъ разрушаются, внутри-исчерченность нормальная совершенно пропадаетъ и замѣняется зернистостью жировой или пигментной; кромѣ того, въ нервныхъ центрахъ появляются вакуоли, ядра становятся мутными и также подвергаются жировому распаду и, наконецъ, все, чтò относилось къ нервному центру, можетъ исчезать и оставлять пустыя мѣста, вѣроятно благодаря поглощающей дѣятельности фагоцитовъ, которые вѣчно занимаются расчисткою почвы. По крайней мѣрѣ, возлѣ такихъ атрофирующихся клѣтокъ часто находятъ массу крупныхъ зернистыхъ шаровъ, содержащихъ жировыя зерна и пигментныя зерна. Рядомъ съ этимъ наблюдается разростаніе въ атрофированныхъ мѣстахъ ткани, находящейся между нервными центрами, а именно нейрогліи, и нерѣдко съ размноженіемъ такъ-называемыхъ паукообразныхъ клѣтокъ, вѣроятно соединительно-тканнаго происхожденія. Разростающаяся ткань эта съ своими паукообразными клѣтками тѣснитъ со всѣхъ сторонъ и безъ того страждущіе нервные элементы и ускоряетъ весь ходъ ихъ разрушенія.

Старческое разрушеніе нервныхъ элементовъ начинается обыкновенно съ мозговыхъ извилинъ, а именно съ лобныхъ извилинъ, переходитъ на центры узловъ основанія мозга и только позже появляется въ спинномъ мозгу. Но къ этому сроку уже погибаетъ организмъ, и въ рѣдкихъ только случаяхъ то же перерожденіе начинаетъ сказываться и на межпозвоночныхъ узлахъ. Вотъ собственно ходъ атрофіи нервныхъ элементовъ; изъ него мы видимъ, что ему подвергаются прежде всего тѣ части нервной системы, которыя развились позже остальныхъ, а именно полушарія головного мозга, представляющія болѣе сложную и тонкую организацію. Замѣчательно, что и на животныхъ Майору удалось прослѣдить тѣ же старческія перерожденія нервныхъ центровъ, сопровождающіяся измѣненіемъ ихъ интеллекта и поведенія, указывающимъ на развивающееся при этомъ старческое слабоуміе животныхъ. Такъ, имъ изслѣдованы 13-лѣтняя собака, 8-лѣтняя кошка

и старыя лошади. У всѣхъ нихъ было указано, что во всѣхъ слояхъ корковаго вещества мозга находились нервные центры, пигментно-жировымъ образомъ перерожденные съ разрушеніемъ ядеръ и отростковъ, и мозгъ уменьшенъ былъ въ объемѣ.

Такъ какъ нервная система регулируетъ у высшихъ животныхъ и человѣка всѣ почти функціи тѣла и приводитъ ихъ въ извѣстную гармоническую связь, а съ другой же служитъ и анатомическимъ субстратомъ всѣхъ нервныхъ психическихъ функцій, то легко себѣ представить, какую массу разстройствъ должны вносить столь рѣзкія старческія перерожденія нервныхъ элементовъ въ область какъ чисто тѣлесныхъ процессовъ, такъ и психическихъ функцій организма, разумѣя подъ этимъ всю область чувствованій, мышленія и произвольныхъ движеній.

И въ самомъ дѣлѣ, главныя невзгоды нормальной старости и самая предѣльность жизни опредѣляются главнымъ образомъ атрофіей и перерожденіемъ мозговыхъ элементовъ, и чѣмъ дальше они сохраняются въ нормальномъ видѣ, тѣмъ легче бываетъ старость и тѣмъ долговѣчнѣе сама жизнь.

Вотъ та невзрачная картина разрушенія, которую вноситъ съ собою старость въ одно изъ совершеннѣйшихъ созданій живой природы—въ человѣческое тѣло! Неутѣшительна, въ самомъ дѣлѣ, перспектива жизни человѣка, даже въ лучшемъ ея случаѣ, когда она не сопровождается никакими болѣзнями, никакими насиліями! Ничто не въ состояніи остановить поступательнаго хода нормальныхъ старческихъ измѣненій и разрушеній нашего тѣла, нашихъ органовъ, и единственнымъ утѣшеніемъ нашимъ можетъ служить лишь сознаніе неизбѣжности общаго закона, тяготѣющаго надъ всей живой природой и предписывающаго ей жить для того, чтобы умереть.

Быть здоровымъ и жить какъ можно дольше, если уже нельзя вѣчно жить, вотъ, въ сущности, цѣль, къ которой стремятся всѣ люди. Какъ мало, однако, такихъ привилегированныхъ лицъ, которыя бы достигали этой цѣли! Одни умираютъ въ дѣтствѣ, другіе—въ юношескомъ возрастѣ, третьи—въ полномъ расцвѣтѣ силъ, наконецъ—во взросломъ возрастѣ; меньшинство достигаетъ старости, нѣкоторые успѣваютъ пользоваться ею и, наконецъ, самое малое число выживаетъ вѣкъ и больше. Столѣтніе старцы, при настоящихъ условіяхъ жизни, по справедливости считаются счастливыми исключеніями изъ общаго правила, и это на самомъ дѣлѣ такъ. Съ одной стороны, было высчитано, что изъ тысячи рожденныхъ одновременно половина погибаетъ въ первомъ періодѣ

жизни, нѣсколько болѣе четверти—въ слѣдующіе періоды жизни, и что 1/20, т.-е. 50 лицъ изъ 1000 рождаемыхъ, достигаетъ старости. Что же касается до преклонныхъ старцевъ, то на 1 мил. жителей приходится 207 девяностолѣтнихъ старцевъ, или 1 старецъ приблизительно на 5000 человѣкъ и всего 2—3 столѣтнихъ старцевъ.

Изъ сказаннаго ясно, какъ рѣдѣютъ ряды родившихся людей по мѣрѣ теченія лѣтъ и какой громадной счастливой случайностью являются люди, достигающіе преклоннаго и въ особенности столѣтняго и свыше того возраста. Конечно, это вымираніе нейдетъ въ одинаковой прогрессіи во всѣхъ странахъ и въ однѣхъ оно выражается несравненно рѣзче, чѣмъ въ другихъ. Изъ таблицъ, любезно предоставленныхъ намъ проф. Янсономъ,—за что мы приносимъ ему искреннюю благодарность,—слѣдуетъ, что у насъ въ Петербургѣ изъ 1000 живорожденныхъ до 70-лѣтняго доходятъ 62, въ то время какъ въ Норвегіи—цѣлыхъ 349 человѣкъ. До 80-лѣтняго у насъ доживаетъ 15 человѣкъ, въ Норвегіи же—157! До 90-лѣтняго возраста у насъ выживаетъ 1, а въ Норвегіи—26! А свыше этого возраста изъ 1000 человѣкъ у насъ не выживаетъ ни одинъ, въ то время какъ въ Норвегіи до 99-лѣтняго возраста доходятъ еще 2 человѣка. То же въ общихъ чертахъ сказывается при сравненіи Петербурга съ другими европейскими странами, хотя и далеко не въ столь рѣзкой степени. Петербургъ въ дѣлѣ выживанія людей представляетъ, очевидно, самыя неблагопріятныя условія. Къ счастью еще ходъ вымиранія въ Россіи оказывается гораздо болѣе медленнымъ, чѣмъ въ Петербургѣ. Такъ, изъ 1000 живорожденныхъ до 20-лѣтняго возраста въ Петербургѣ выживаетъ 405, въ Россіи же—523; до 50-лѣтняго возраста въ Петербургѣ 201, въ Россіи же--340; до 70-лѣтняго возраста въ Петербургѣ 62, въ Россіи—156; до 90-лѣтняго въ Петербургѣ 1, а въ Россіи—5.

Изъ таблицъ переживанія ясно видно также, что возрастъ, достижимый еще сравнительно многими лицами, данъ у насъ въ Петербургѣ 60 годами, послѣ чего наступаетъ рѣзкое уменьшеніе выживающихъ лицъ. Въ другихъ государствахъ возрастъ этотъ болѣе отдаляется, а именно доходитъ до 70 лѣтъ, а въ Норвегіи даже и до 80 лѣтъ, послѣ чего шансы выживанія сразу рѣзко падаютъ. Тѣмъ не менѣе, есть такіе счастливцы судьбы, которые, не взирая на всѣ опасности жизни человѣка, обусловленныя какъ природными, такъ и общественными вредными вліяніями, все же продолжаютъ свой жизненный путь и достигаютъ глубокой старости, не только достигая столѣтія, но

и переходя за предѣлы вѣка, иногда на нѣсколько десятковъ лѣтъ. На этихъ-то Несторовъ человѣческой жизни разныхъ эпохъ и народовъ вплоть до настоящихъ дней мы и обратимъ теперь наше вниманіе. Они своимъ существованіемъ доказываютъ, что естественная нормальная продолжительность жизни человѣка, счастливо ускользнувшаго отъ насильственной смерти, есть, въ самомъ дѣлѣ, сто и болѣе лѣтъ, т.-е. тотъ срокъ, который столь остроумно былъ выведенъ Флурансомъ путемъ сопоставленія теченія жизненныхъ процессовъ у человѣка и животныхъ.

Обыкновенно думаютъ, что наши давніе предки обладали бо̀льшимъ жизнеупорствомъ, большею силой и, слѣдовательно, болѣе длинной дугой жизни, чѣмъ современный человѣкъ, и въ этихъ предположеніяхъ и гаданіяхъ заходили такъ далеко, что жизнь Адама оцѣнивали въ тысячу лѣтъ, жизнь Маѳусаила—въ 900 лѣтъ, жизнь многихъ героевъ и аркадскихъ королей—въ нѣсколько сотъ лѣтъ и т. д. Но нѣкоторые проницательные теологи, и между ними Гензелеръ, съ достаточной вѣроятностью выяснили, что хронологія старыхъ временъ отличалась отъ таковой нашего времени и что годъ нашихъ предковъ вплоть до Авраама считался въ 3 мѣсяца, послѣ того въ 8 мѣсяцевъ и только начиная съ Іосифа годъ включалъ въ себѣ 12 мѣсяцевъ. Это предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что вплоть до недавняго еще времени нѣкоторые народы Востока измѣряли годъ тремя мѣсяцами. Такимъ образомъ, 900-лѣтняя жизнь Маѳусаила свелась бы по нашему счисленію на 200 съ малымъ лѣтъ, т.-е. на возрастъ, не представляющій, какъ увидимъ, ничего безусловно невѣроятнаго. Начиная съ Авраама, мы уже встрѣчаемся съ возрастами, не имѣющими ничего необыкновеннаго. Исторія іудейства даетъ слѣдующія указанія: Авраамъ прожилъ 175 лѣтъ, Исаакъ—180, Іаковъ—107, Сарра—127, Іосифъ—110 лѣтъ. Моисей, этотъ человѣкъ замѣчательнаго духа и силы, богатый дѣяніями и нещедрый на слова, довелъ жизнь свою до 120 лѣтъ. Но и онъ оцѣниваетъ обыкновенную жизнь въ 70 и много-много въ 80 лѣтъ и тѣмъ самымъ показываетъ, что болѣе чѣмъ за 3000 лѣтъ до нашего времени вопросъ о продолжительности жизни человѣка стоялъ такъ, какъ и въ настоящее время.

У грековъ мы находимъ много примѣровъ весьма преклоннаго возраста. Такъ, Солонъ достигъ 80-лѣтняго возраста, Эпименидъ—157 лѣтъ, Анакреонъ, Софоклъ и Пиндаръ—80-лѣтняго возраста, Горгіасъ—108 лѣтъ, Демокритъ—109 лѣтъ, Діогенъ—90 лѣтъ, Зенонъ—100 лѣтъ и т. д. Пиѳагоръ дожилъ до глубокой старости. У римлянъ—Валерій Корвинъ жилъ свыше ста лѣтъ,

Фабій и Катонъ достигли 90-лѣтняго возраста; Теренція, жена Цицерона, достигла, несмотря на свою подагру, 103 лѣтъ. Нѣкая актрисса Лучеія была 100 лѣтъ актрисой и на 112-мъ году своего возраста появилась еще въ театрѣ. Галерія Капіола, актриса, танцовщица, спустя 90 лѣтъ послѣ поступленія ея на сцену, снова была приведена въ театръ, чтобы поздравить Помпея, и то же самое спустя нѣсколько лѣтъ продѣлала она и съ Августомъ.

Весьма цѣнныя указанія даетъ Плиній о результатахъ ревизіи, произведенной во времена императора Веспасіана. Изъ нея оказалось, что въ части Италіи, лежащей между Апеннинами и По, въ 76 году нашего счисленія находилось 124 столѣтнихъ и болѣе старцевъ, изъ которыхъ 54 имѣли 100 лѣтъ; 57—110 лѣтъ; 2—125 лѣтъ; 4—130 лѣтъ; 4—отъ 135 до 137 лѣтъ и 3 старца—140 лѣтъ. Кромѣ того, въ Пармѣ находилось 5 человѣкъ, изъ которыхъ 3 имѣли по 120 лѣтъ и двое по 130 лѣтъ, и т. д.

Всѣ приведенные примѣры цѣнны намъ потому, что они доказываютъ, что продолжительность жизни во времена Моисея, древнихъ грековъ и римлянъ, въ сущности, не представляла отличій отъ того, что̀ мы видимъ въ ближайшее къ намъ время, и что, слѣдовательно, возрастъ земли не имѣлъ существеннаго вліянія на высшіе предѣлы жизни ея обитателей, и потому человѣкъ и теперь можетъ достигать того преклоннаго возраста, до котораго доходилъ онъ и прежде.

И въ самомъ дѣлѣ, обратимся теперь къ примѣрамъ столѣтнихъ старцевъ, отмѣченнымъ въ ближайшія къ намъ времена въ различныхъ странахъ. Кентигернъ, извѣстный подъ названіемъ св. Мунго, былъ основателемъ епископства глазговскаго и умеръ 185 лѣтъ отъ роду. Въ 1724 году умеръ Петраркъ Кцартенъ 185 лѣтъ отъ роду въ Венгріи и за нѣсколько дней до смерти онъ еще прогуливался съ палкой въ рукѣ. Замѣчательно, что при немъ былъ сынъ 95 лѣтъ отъ роду. Въ 1670 году умеръ въ Англіи въ возрастѣ 169 лѣтъ Іенкинъ; онъ былъ воиномъ и окончилъ жизнь рыбакомъ; въ возрастѣ болѣе ста лѣтъ онъ еще свободно переплывалъ рѣки. Другой англичанинъ, Томасъ Парръ, былъ бѣднымъ земледѣльцемъ, и когда ему стукнуло 120 лѣтъ, онъ женился на вдовѣ, съ которой прожилъ еще 12 лѣтъ. На 152 году, король англійскій, заинтересовавшись имъ, призвалъ его къ себѣ, обласкалъ, наградилъ его щедротами, отъ непривычки къ которымъ онъ и погибъ 152 и 9 мѣсяцевъ отъ роду. Онъ пережилъ 9 англійскихъ королей. Замѣчательно, что при вскрытіи его тѣла знаменитымъ Гарвеемъ въ немъ не найдено было никакихъ важныхъ старческихъ измѣненій о̀ргановъ. Даже реберные хрящи

не были окостенѣвшими, какъ это встрѣчается у большинства старцевъ. За нѣсколько лѣтъ умерла его правнучка на 103 году своей жизни. Матросъ Дракенбергъ на 111 году своей жизни женился и взялъ въ супруги 60-лѣтнюю даму, которую пережилъ, и на 130 году жизни вновь увлекся молодой крестьянской дѣвушкой, которая оставалась равнодушною ко всѣмъ его притязаніямъ. Успокоившись послѣ этого, онъ погибъ на 146 г. отъ роду. Въ 1757 году умеръ въ Англіи солдатъ Эссинкгамъ на 144 году отъ роду. И такихъ примѣровъ можно бы привести еще не мало. Интересно, что всѣ эти примѣры крайней долговѣчности встрѣчались среди людей физическаго труда, проводившихъ время на свободномъ воздухѣ, и умѣренной жизни, а именно: среди земледѣльцевъ, солдатъ, рыбаковъ, матросовъ и т. д.

Мы видимъ, слѣдовательно, что во времена сравнительно неотдаленныя отъ насъ человѣкъ могъ достигать старости, которая по преклонности своей не уступала старости извѣстныхъ библейскихъ патріарховъ.

По Истону, въ 1801 году въ Россіи умерло 216 столѣтнихъ старцевъ, 37—101 года, 32—102 лѣтъ, и т. д. вплоть до 4 умершихъ въ возрастѣ 130 лѣтъ. Въ 1804 умерло въ той же Россіи 1.145 человѣкъ въ возрастѣ отъ 95 до 100 и болѣе лѣтъ; 158 человѣкъ—отъ 100 до 105 лѣтъ; 90—отъ 105 до 110 лѣтъ; 34—отъ 110 до 115 лѣтъ; 36—отъ 115 до 120 лѣтъ; 15—отъ 120 до 125 лѣтъ; 5—отъ 125 до 130 лѣтъ и 1—отъ 145 до 150 лѣтъ.

Изъ сказаннаго видимъ, что Россія въ началѣ этого столѣтія не отставала со стороны содержанія въ ней вѣковыхъ старцевъ отъ другихъ странъ и, напротивъ того, даже славилась ими, такъ что заставила нѣкоторыхъ авторовъ, въ томъ числѣ и Гуфеланда, признать, что сѣверная полоса Европы благопріятствуетъ достиженію человѣкомъ глубокой старости. Но сильный холодъ едва ли способствуетъ этому, такъ какъ, напримѣръ, въ Исландіи и въ сѣверной Сибири наибольшій возрастъ, до котораго достигаютъ люди, не превышаетъ, какъ говорятъ, 60—70 лѣтъ.

Кромѣ Англіи и Шотландіи, пользовавшихся въ началѣ этого вѣка славой долгой жизни, Ирландія тоже отличалась тѣмъ же свойствомъ и въ одномъ только мѣстечкѣ Дёнсфордъ насчитывалось въ началѣ столѣтія 80 лицъ, перевалившихъ черезъ девятый десятокъ, и уже Бэконъ указывалъ, что во всей Ирландіи не существуетъ ни одной деревушки, гдѣ бы не было старцевъ свыше 80 лѣтъ. Во Франціи высшій преклонный возрастъ встрѣчался не такъ часто, но все же въ 1757 году умеръ человѣкъ 121 года.

Также и въ Италіи и Испаніи. За прекрасной Греціей и до первой половины нашего столѣтія сохранялась слава долгой жизни, и Турнефоръ встрѣтилъ въ Аѳинахъ консула 118 лѣтъ отъ роду. Даже въ Египтѣ и Индіи встрѣчаются примѣры чрезвычайно долгой жизни, въ особенности между браминами, анахоретами и пустынниками. Нѣкоторыя мѣстности Венгріи отличаются долголѣтіемъ человѣка.

Германія имѣетъ много старцевъ, но они рѣдко достигаютъ необыкновенно преклоннаго возраста.

Перепись населенія въ Россіи въ 1819 году дала 1.789 столѣтнихъ старцевъ, изъ которыхъ двое достигли почти возраста въ 160 лѣтъ.

Въ 1829 году также отмѣчено было 869 еще живыхъ старцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые имѣли 160 лѣтъ. Въ 1838 году перепись дала аналогичные результаты. На 60-милліонное населеніе было 858 старцевъ отъ 100 до 105 лѣтъ; 125—отъ 110 до 115 лѣтъ и т. д. до 1, имѣвшаго возрастъ 165 лѣтъ!

Польша также отличалась долгой жизнью нѣкоторыхъ изъ своихъ обитателей, судя по донесенію Паскевича императору Николаю въ 1839 г., въ которомъ было указано, что на населеніе въ 4½ милліона было 90 лицъ въ возрастѣ отъ 100 до 120 лѣтъ.

Числа эти, вѣроятно, преувеличены, судя по тому, что̀ наблюдалось въ другихъ странахъ и къ чему мы вернемся еще впослѣдствіи. Не менѣе преувеличенными представляются и данныя переписи, произведенной въ Соединенныхъ Штатахъ Америки. Такъ, въ 1830 году на населеніе въ 13.000.000 считалось 2.618 столѣтнихъ старцевъ. Фактъ невѣроятный по сравненію съ другими странами, гдѣ, напр. какъ въ Англіи, въ то же время ежегодно умирало, по Рикману, всего 105 столѣтнихъ старцевъ на все населеніе.

По болѣе точнымъ переписямъ, произведеннымъ во Франціи въ 1860 году, оказалось, что ежегодно умираетъ въ возрастѣ 100 и болѣе лѣтъ около 148 человѣкъ; въ 1866 году одинъ столѣтній старецъ приходился на 1.700.000 жителей.

Въ настоящее время переписи населенія съ обозначеніемъ возраста обитателей ведутся почти во всѣхъ странахъ съ несравненно большей тщательностью и провѣркой; обратимся поэтому къ матеріаламъ, выясняющимъ, въ какомъ количествѣ достигаютъ люди преклоннаго возраста въ различныхъ странахъ въ наши приблизительно дни, другими словами, каковъ составъ населенія по возрастамъ свыше 60 лѣтъ въ различныхъ государствахъ Европы.

Свѣденія относительно точнаго числа лѣтъ преклонныхъ старцевъ, встрѣчающихся въ той или другой странѣ, должны собираться на основаніи документальныхъ данныхъ, т.-е. должны провѣряться по метрикамъ или по достовѣрнымъ свидѣтельскимъ показаніямъ и въ связи съ различными обстоятельствами жизни, и при этомъ вовсе не слѣдуетъ руководствоваться голословнымъ заявленіемъ старцевъ, которые, по забывчивости или по свойственной этому возрасту кокетливости щеголять своей старостью передъ другими, могутъ набавлять число прожитыхъ лѣтъ и изъ 90—95-лѣтнихъ превращаться для переписи въ вѣковыхъ старцевъ, что вводило неоднократно статистику въ крупныя ошибки, какъ это несомнѣнно было доказано Томсомъ въ его книгѣ о продолжительности жизни. Обратимся поэтому къ новѣйшимъ даннымъ, свободнымъ отъ ошибокъ. Эти матеріалы поучительны во многихъ отношеніяхъ.

Десять лѣтъ тому назадъ въ „Statistische Monatschrift", издаваемой бюро статистической центральной коммиссіи въ Вѣнѣ, были опубликованы весьма цѣнныя указанія насчетъ содержанія въ населеніи различныхъ странъ лицъ, достигшихъ старости и весьма преклоннаго возраста. Изъ нихъ мы узнаемъ, что относительное содержаніе старцевъ свыше 90 лѣтъ всего больше въ Греціи, хотя она и относится къ числу тѣхъ государствъ, въ которыхъ содержаніе стараго населенія свыше 60 лѣтъ вообще представляется наименьшимъ. Франція, какъ разъ наоборотъ, стоитъ по числу старцевъ свыше 60 и до 100 лѣтъ во главѣ всѣхъ государствъ, тогда какъ по отношенію къ старцамъ свыше 90 лѣтъ она занимаетъ одно изъ самыхъ второстепенныхъ мѣстъ и содержитъ ихъ всего 0,04%. Германія и Испанія содержатъ наименьшее количество обитателей свыше 90 лѣтъ, тогда какъ Австрія и Венгрія содержатъ ихъ немного больше Германіи.

Относительно Россіи недостаетъ цифръ, но все же Леруа-Больё упоминаетъ, что на 1.000 жителей едва 45 человѣкъ достигаютъ возраста 60 и свыше лѣтъ. Въ сѣверныхъ губерніяхъ увеличивается число это до 63 на 1.000; зато въ южныхъ оно падаетъ до 30. Если вѣрить этимъ числамъ, то Россія заключаетъ всего 4,5% людей свыше 60-лѣтняго возраста и слѣдовательно занимаетъ послѣднее мѣсто среди европейскихъ государствъ, такъ какъ во Франціи число это равно 11,5%; въ Бельгіи 10%; въ Италіи 9,1%; въ Великобританіи 8,6%; въ Германіи 8,3%; въ Австріи 7,5%; въ Греціи 5,5%; въ Испаніи 5,3%. Къ такимъ же результатамъ, повидимому, привела и оффиціальная ста-

тистическая хроника русскаго государства, опубликованная въ Петербургѣ въ 1871 г. о населеніи Россіи.

Но къ утѣшенію тѣхъ, которыхъ можетъ смущать по своей малости число людей, достигающихъ старости, упомянемъ, что въ Европѣ по точнымъ вычисленіямъ находится около 25 милліоновъ людей свыше 60-лѣтняго возраста! Безъ Турціи и Россіи и маленькихъ европейскихъ государствъ, Европа содержитъ изъ этого числа 18 милліоновъ старцевъ свыше 60-лѣтняго возраста.

Интересно знать, каковъ процентъ мужчинъ и женщинъ въ старческомъ населеніи Европы, уже перешагнувшемъ 90-лѣтній возрастъ. Изъ разбора соотвѣтствующихъ данныхъ мы видимъ, что на 102.831 людей свыше 90-лѣтняго возраста, имѣющихся въ наиболѣе крупныхъ европейскихъ государствахъ, находится 42.528 мужчинъ и 60.303 женщинъ, и такимъ образомъ поразительное преобладаніе женщинъ надъ мужчинами въ послѣднемъ преклонномъ возрастѣ не оставляетъ уже болѣе никакого сомнѣнія, несмотря на прежнія противоположныя завѣренія Бернулли.

Еще убѣдительнѣе въ этомъ смыслѣ говорятъ слѣдующія данныя, относящіяся къ людямъ, достигшимъ безусловно 100-лѣтняго или болѣе возраста.

Въ Италіи	на 161	подобныхъ	старцевъ	приходится	241	старушка.
Въ Австріи	183	„	„	„	229	„
Въ Германіи	224	„	„	„	423	„

Замѣчателенъ также одинъ изъ результатовъ переписи, приводимый относительно Австріи. Нѣмецкія провинціи Австріи содержатъ явно меньшій процентъ столѣтнихъ и свыше старцевъ, нежели славянскія, которыя ими сравнительно богаты. Очевидно, тутъ сказываются расовыя отличія въ жизнеспособности людей. Венгрія, въ противоположность Цислейтаніи, имѣетъ больше стариковъ, нежели старушекъ, и это зависитъ отчасти оттого, что въ венгерскихъ провинціяхъ женское населеніе лишь очень мало преобладаетъ надъ мужскимъ, а въ Кроаціи и Славоніи мужское населеніе даже преобладаетъ. Тѣмъ не менѣе въ Кроаціи и въ Военной Границѣ имѣется все же больше преклонныхъ свыше 90 лѣтъ старухъ, нежели стариковъ.

Въ Германіи въ 1871 году на населеніе въ 41 милліонъ жителей находилось въ возрастѣ свыше 90 лѣтъ 12.658 человѣкъ и между ними 5.105 мужчинъ и 7.553 женщины. Вообще люди самаго преклоннаго возраста свыше 90 лѣтъ составляютъ

въ лучшихъ провинціяхъ Германіи около 0,03% всего населенія. Норвегія въ этомъ отношеніи очень поучительна; на населеніе въ 1.762.266 она содержитъ 1.596 старцевъ свыше 90-лѣтняго возраста, слѣдовательно 0,09%. Это самый высшій процентъ во всей Европѣ, что̀ согласуется съ благопріятными числами переживанія, съ которыми мы встрѣчались уже раньше.

Обратимся теперь къ даннымъ, вытекающимъ изъ ревизіи въ 1886 году, произведенной во Франціи. Статистика указала на присутствіе 184 живыхъ столѣтнихъ и свыше старцевъ. Точное изслѣдованіе Тюркана установило, что изъ всего этого числа доказанныхъ случаевъ 100-лѣтняго возраста было всего 83, стариковъ 31, а женщинъ 52. Женщины такимъ образомъ преобладаютъ, и вдовы, какъ оказалось, въ 4 раза превосходятъ число незамужнихъ. Возрастъ этихъ старцевъ колебался между 100 и 116 годами.

Одинъ изъ столѣтнихъ старцевъ, родившійся въ 1783 г. и 103 лѣтъ отъ роду, находился во главѣ пяти поколѣній, окруженъ былъ 95 дѣтьми и внуками и напоминалъ собою старыхъ патріарховъ, тѣмъ болѣе, что онъ еще въ 1886 году исправлялъ обязанности пастуха. Другой былъ во главѣ 70 потомковъ и т. д.

По изслѣдованіямъ Тюркана, за послѣдніе 32 года во Франціи умирало 7 столѣтнихъ старцевъ на 100.000 жителей въ годъ; но эта пропорція рѣзко колеблется для разныхъ департаментовъ, и въ то время, какъ въ Пиренеяхъ приходилось 38 столѣтнихъ на 100.000, ихъ приходилось въ болѣе сѣверныхъ департаментахъ всего лишь 20 на сто тысячъ. Едва ли это зависитъ отъ вліянія только гористой мѣстности, такъ какъ въ Швейцаріи, напр., многіе гористые кантоны даютъ всего 2 смерти въ годъ на 100.000 жителей.

Въ общемъ, во Франціи вышеуказанные 83 столѣтнихъ старца, разсчитанные на все населеніе, даютъ 2,18 старца на милліонъ живущихъ, слѣдовательно одинъ столѣтній приходится на 458.700 жителей.

Въ Пруссіи ревизія 1885 года указала на присутствіе въ живыхъ 91 старца, имѣвшихъ несомнѣнный возрастъ отъ 100 до 115 лѣтъ. Изъ нихъ 24 мужчины и 67 женщинъ. Изъ результатовъ ревизіи оказалось, что одинъ 90-лѣтній старецъ приходится на 5.000 жителей и всего 3 столѣтнихъ старца приходится на милліонъ жителей; слѣдовательно, нѣсколько больше, чѣмъ во Франціи.

Взглянемъ теперь, какъ дѣло стоитъ теперь у насъ въ нашей

средѣ, въ самомъ Петербургѣ. Послѣдняя точная перепись жителей Петербурга съ обозначеніемъ возраста показала, что въ 1881 году находилось въ преклонномъ возрастѣ 100 и болѣе лѣтъ въ живыхъ всего 16 человѣкъ; если вспомнить, что въ 1881 году населеніе Петербурга равнялось 861.303 жителей, то на милліонъ жителей у насъ въ Петербургѣ пришлось бы 18 столѣтнихъ старцевъ! И это въ то время, какъ во Франціи мы имѣемъ всего 2,18 столѣтнихъ старца, а въ Пруссіи 3 старца на 1 милліонъ жителей. Едва-ли, конечно, это число можетъ быть принято за достовѣрное и распространено на всю Россію; надо принять въ разсчетъ, что Петербургъ богатъ богадельнями, разными богоугодными заведеніями и, слѣдовательно, сюда могутъ стекаться для спокойнаго окончанія своей жизни люди съ различныхъ концовъ Россіи и тѣмъ увеличивать искусственно процентное содержаніе столѣтнихъ старцевъ. Возможно, что статистическія данныя о возрастѣ старцевъ не свободны отъ ошибокъ. Во всякомъ случаѣ мы лишены возможности сравнить Петербургъ съ остальными столицами Европы, а также и съ остальными областями Россіи за неимѣніемъ статистическихъ данныхъ. Но если мы уменьшимъ даже вдвое, втрое число обнаруженныхъ послѣдней ревизіей въ Петербургѣ столѣтнихъ старцевъ и старухъ, то все-таки получимъ 9 или 6 старцевъ на милліонъ, что̀ стоитъ несравненно выше чиселъ, полученныхъ для Франціи и Германіи.

Изъ списка смертности столѣтнихъ старцевъ въ Петербургѣ мы видимъ, что они могутъ достигать почтеннаго возраста въ 110, 118, 123 и 128 лѣтъ; факты эти отмѣчены за 1888 годъ, за 1886, за 1883 и 1882 года. Замѣчательно, что это были все старухи и ни одного старика! Итакъ, Петербургъ съ честью поддерживаетъ исконную славу славянской расы по долгой жизни.

Какъ, однако, помирить этотъ фактъ съ слабой переживаемостью въ Россіи и въ особенности въ Петербургѣ, указанной выше? Выходъ изъ этого видимаго противорѣчія на нашъ взглядъ можетъ быть лишь одинъ, а именно тотъ, что хотя въ Россіи и въ особенности въ Петербургѣ смертность и высока и переживаемость низка, вслѣдствіе неблагопріятныхъ суровыхъ условій жизни, тѣмъ не менѣе тѣ изъ жителей, которые вынесли на себѣ въ теченіе первой половины всѣ условія тяжелаго существованія, настолько закалились въ жизненной борьбѣ, что затѣмъ въ состояніи съ успѣхомъ тянуть дугу своей жизни до глубокихъ предѣловъ старости, тѣмъ болѣе, что имъ, повидимому, помогаетъ высокое жизнеупорство, присущее славянской расѣ, о чемъ поговоримъ еще впослѣдствіи.

Итакъ, старцы столѣтніе не перевелись въ наше время. И если мы примемъ въ среднемъ, что на милліонъ живущихъ имѣется только 3 старца, то на все населеніе Европы, оцѣненное въ 1886 году въ 347.000.000 жителей, мы будемъ имѣть почтенную цифру въ 1.040 столѣтнихъ старцевъ, составляющихъ какъ бы золотую роту долговѣчности, указывающую намъ на осуществимый идеалъ долговѣчности, къ которому долженъ стремиться человѣкъ.

Ив. Тархановъ.

МАЛОРУССКОЕ ДВОРЯНСТВО

И

ЕГО СУДЬБА

Историческій очеркъ.

I.

Великій переворотъ 1648 г. снесъ, можно сказать, южно-русское дворянство съ лица малорусской земли, т.-е. лѣвобережной Украйны. Однако оно въ самомъ непродолжительномъ времени появляется снова. Одновременно съ тѣмъ, какъ начинаютъ приходить въ равновѣсіе взбудораженные переворотомъ общественные элементы, начинается и процессъ новообразованія дворянскаго сословія. Вотъ этотъ-то процессъ и служитъ содержаніемъ настоящаго очерка.

Но было ли дворянство уничтожено Хмельнищиной цѣликомъ, или кое-какіе его остатки на лѣвомъ берегу пережили катастрофу?

Пережили, несомнѣнно. Триста шляхтичей (по счету Карпова, на основаніи переписныхъ дворянскихъ книгъ) присягнули въ январѣ 1654 г. на вѣрность Алексѣю Михайловичу, который обѣщалъ оставить ихъ „въ своихъ шляхетскихъ вольностяхъ, правахъ и привилеяхъ и „добра имѣть свободно, какъ и при польскихъ короляхъ бывало“ [1]). Недаромъ же и Хмельницкій выговаривалъ въ своихъ статьяхъ, чтобы шляхтѣ „позволено было

---

[1]) Карповъ, О крѣпостномъ правѣ въ Малороссіи, Русск. Арх., 1875, кн. 6.

маетностями своими владѣть по-прежнему и судитця своимъ стародавнимъ правомъ" и „вообще при своихъ шляхетскихъ вольностяхъ пребывать" [1]). Конечно, это была шляхта „благочестивые христіанскіе вѣры". По всей вѣроятности, ея главный контингентъ составляли бывшіе земяне, низшія наслоенія шляхетскаго сословія, родственныя шляхтѣ литовскихъ „застѣнковъ" или еще ближе извѣстной овручской лычаковой шляхтѣ, которая ходила за плугомъ съ саблями, подвязанными мочалой, и хотя могла себя мнить de jure „равной воеводѣ", но de facto должна была взирать на недосягаемую воеводскую высоту изъ своихъ общественныхъ доловъ чуть не съ тѣмъ же чувствомъ, какъ и любой подданный.

Но какъ бы то ни было, разъ установленъ фактъ, что дворянство, хоть и въ жалкихъ остаткахъ, пережило переворотъ, является естественное предположеніе, что именно оно и послужило ферментомъ, благодаря вліянію котораго такъ быстро образовалось въ лѣвобережной Украинѣ новое дворянство. Однако такое предположеніе ошибочно. Старая шляхта осталась въ сторонѣ, и процессъ новообразованія дворянскаго сословія пошелъ такъ, какъ бы ея и не было вовсе. Причина ясна, если представить себѣ тогдашнее положеніе вещей.

Хмельнищина, вмѣстѣ съ политической зависимостью, уничтожила и сложившійся общественный строй, въ фундаментѣ котораго лежало закрѣпощеніе земледѣльческаго труда. Малорусскій народъ очутился въ положеніи калифа на часъ: онъ могъ осуществить свой идеалъ общественнаго благополучія. Идеалъ его не поражалъ размахомъ фантазіи: это былъ простой и естественный идеалъ каждаго закрѣпощеннаго—свободный трудъ на свободной землѣ. Форма осуществленія этого идеала была готовая: это—козакъ, единственный извѣстный южно-русскому хлопу видъ свободнаго земледѣльца. Итакъ, вся масса освобожденнаго южно-русскаго народа устремилась въ козачество. Страна приняла своеобразный видъ мирнаго военнаго лагеря; впрочемъ, надо сказать, первое время не было недостатка и въ военной дѣятельности, до извѣстной степени оправдывавшей такое положеніе вещей. Верховная власть въ лицѣ гетмана, администрація, судъ—все было организовано по военному типу на демократической подкладкѣ: источникомъ власти былъ народъ, и потому всюду, гдѣ можно, господствовало выборное начало. Разумѣется, мы говоримъ лишь о первомъ періодѣ этой новой эпохи въ южно-русской исторіи,

---

[1]) Маркевичъ, Исторія Малороссіи, т. 3. Акты гетманскіе.

такъ какъ основы, на которыхъ держался строй, довольно быстро измѣнились, съ одной стороны подъ вліяніемъ внѣшнихъ неблагопріятныхъ условій, съ другой—собственныхъ своихъ внутреннихъ противорѣчій. Старая шляхта со всѣми своими, гарантированными ей, „правами и привилеями“ оказалась, такъ сказать, за штатомъ: ей не было мѣста въ новомъ общественномъ строѣ, не на чемъ было осуществлять своихъ правъ и привилегій. „Шляхетскія вольности“ сводились, какъ свидѣтельствуютъ и статьи Хмельницкаго, къ двумъ главнымъ пунктамъ: „чтобъ маетностями владѣть по-прежнему“, т.-е. сохранять за собой право неограниченной частной собственности на землю и „чтобъ судитця своимъ стародавнимъ правомъ“. Шляхетскіе судьи, земскіе и градскіе, были выговорены статьями Хмельницкаго и, слѣдовательно, могли бы существовать. Но они никогда не существовали, такъ какъ шляхта была слишкомъ ничтожной горстью, разбросанной въ массѣ оказачившагося населенія, чтобъ стоило для нея обзаводиться цѣлымъ особымъ сложнымъ институтомъ, который естественно потребовалъ бы и своего центральнаго, апелляціоннаго органа въ родѣ трибунала. Такимъ образомъ, шляхта должна была судиться у тѣхъ же сотниковъ, полковниковъ, апеллировать къ тому же гетману, какъ и все остальное населеніе. Не больше выгодъ принесло шляхтѣ также выговоренное ей право „маетностями владѣть по-прежнему“. При старыхъ порядкахъ, право владѣть земельной маетностью на положеніи неограниченной частной собственности было исключительно шляхетскимъ правомъ: такое шляхетское право признавалось и за козаками. Но теперь все населеніе оказалось пользующимся тѣмъ же шляхетскимъ правомъ, такъ что право это, потерявъ свою исключительность, потеряло вмѣстѣ съ нею и смыслъ. Правда, къ шляхетскому праву на землю ходомъ исторіи приросло еще и право на личность земледѣльца, сидящаго на этой землѣ. Никто и ничто не отрицало у шляхты и этого ея права; но дѣло въ томъ, что не оказывалось объекта, на которомъ бы его можно было практиковать, такъ какъ всѣ бывшіе зависимые земледѣльцы подѣлались козаками, сидящими на шляхетскомъ правѣ на своей собственной землѣ. Крѣпостное право, какъ государственное учрежденіе, само собой, безъ всякихъ спеціальныхъ законовъ, упразднилось. На чужой землѣ садились лишь по договору, и степень зависимости, вытекающая изъ этого факта, опредѣлялась исключительно объемомъ и содержаніемъ договора. Этимъ путемъ, въ извѣстной степени симулирующимъ крѣпостное право, могъ имѣть зависимыхъ отъ себя людей любой земледѣлецъ, и, случалось,

дѣйствительно имѣлъ ихъ. Такимъ образомъ, шляхетскія права и тутъ оказывались ни при чемъ, и маетностями владѣть по прежнему шляхта не могла, несмотря ни на какое признаніе ея правъ. Но, кромѣ того, для земельныхъ правъ шляхты явилось и еще фактическое ограниченіе, вытекавшее изъ положенія вещей. Эту сторону разъясняетъ интересный универсалъ 1690 г. [1]) полковника Лизогуба, управлявшаго полкомъ черниговскимъ, гдѣ наиболѣе удержалось старой шляхты. Дѣло въ томъ, что въ періодъ хаотическаго состоянія, сопровождавшаго переворотъ, шляхта позабрасывала свои грунты, можетъ быть изъ страха народнаго, можетъ быть потому, что некому было ихъ обработывать. Когда край успокоился, шляхта, опираясь на законное признаніе своихъ правъ, начала возвращаться на земли. Но земли эти оказались занятыми: разные люди поосѣдали на нихъ на основаніи того же самаго jus primum occupandi, на какомъ занимались земли по всей малорусской территоріи. Перекраивать положеніе на старый юридическій ладъ значило бы оскорбить народъ въ его глубокомъ ощущеніи верховнаго права на землю, освобожденную его кровью, и, такимъ образомъ, снова дать толчокъ только-что улегшимся политическимъ страстямъ—на это не рѣшился бы и Хмельницкій. Естественно, что полковникъ Лизогубъ безъ всякаго опасенія „касуетъ" старыя шляхетскія права, утвержденныя гетманскими статьями и царскимъ одобреніемъ, въ пользу новыхъ, которыми не обмолвился ни одинъ документъ, но за которыя было сознаніе народной массы. Мало того: универсалъ этотъ даетъ еще такое любопытнѣйшее распространеніе или толкованіе новому положенію: „На чомъ хто оседѣлъ (осѣлъ) зъ шляхти и всякихъ людей по селахъ описанныхъ прошлими часы и теперъ сколко собою розробленихъ своихъ уживае и держить кгрунтовъ (какимъ количествомъ земли, своими силами разработанной, пользуется), а болше роспахати и розробити *самъ не може*, абы тимъ ся контентовали (чтобы тѣмъ довольствовались) и тые за власность свою мѣли (и тѣ считали за свою собственность), а що над-то иными хто розробилъ (сверхъ того чужими силами кто разработалъ) и еще не розробленихъ и запустѣлыхъ мѣло бы бути въ тѣ околичности кгрунтовъ, которіе за отчискіе (вотчинные) собѣ иле шляхта звыкла ославлювати (привыкли называть) и давнимъ шляхецкимъ правомъ граничити (межевать), присвоюють и не допускають сполмешканцомъ (сосѣднимъ жителямъ) своимъ розробляти и поидати, тое цале касую и овшемъ, жебы ровне и спокойне зъ шляхтою и

---

[1]) Кіевск. Старина, 1885, III.

всякіе люди, якихъ хто може, каждіе селяне въ своемъ ограниченію лежачіе пустуючіе кгрунта посѣдали, розробляли и ку пожиткове своему приводили"... Ясно, что при такой радикальной постановкѣ земельнаго вопроса, какая принята полковникомъ Лизогубомъ „за сполною обрадою (общимъ совѣтомъ) съ полковою старшиною и значнымъ войсковымъ товариствомъ", не только ничего не оставалось отъ исключительныхъ шляхетскихъ правъ, но очень немногое осталось и отъ фактическаго владѣнія, которое сводилось все на тотъ же трудовой захватъ.

Такимъ образомъ, всѣ права старой шляхты сводились на нѣтъ; слѣдовательно, отъ нея осталась только тѣнь, которой предстояло исчезнуть. И она исчезла. Послѣ Хмельницкаго уже нигдѣ въ гетманскихъ статьяхъ не упоминается о шляхтѣ и ея правахъ; не упоминается о нихъ и въ другихъ документахъ. Только позже, когда начало совсѣмъ независимо складываться новое дворянство, старая шляхта тоже стала вытаскивать изъ сундуковъ свои залежавшіеся документы, у кого они сохранились, и пользоваться ими: они стали тогда въ большей пригодѣ. Но все это дѣла дней грядущихъ, о которыхъ будетъ рѣчь впереди. Пока же съ насъ довольно положенія, которое, кажется, достаточно нами установлено: что старая шляхта не участвовала въ образованіи малорусскаго дворянства, къ которому оно лишь примкнуло позже, да и то не въ цѣломъ своемъ составѣ.

II.

Итакъ, повторимъ: Малороссія въ первый періодъ [1] послѣ своего освобожденія отъ Польши представляла, по типу своей соціальной организаціи, военный лагерь на демократической подкладкѣ. Равенство правъ и обязанностей было полное: каждый могъ занимать изъ неисчерпаемаго запаса свободныхъ земель столько, сколько могъ захватить фактическимъ, трудовымъ захватомъ; каждый могъ участвовать въ выборѣ уряда, начиная отъ сельскаго атамана, кончая гетманомъ; каждый могъ быть выбранъ на всякій урядъ. Слабо намѣчались кое-какія общественныя дифференціаціи—оказачившійся мѣщанинъ, выборный попъ—но онѣ не мѣняли общаго фона картины. Самое важное, что между казакомъ и посполитымъ, между которыми исторія въ теченіе слѣдующаго полустолѣтія успѣла вырыть пропасть, лежала пока лишь легко

[1]) Считаемъ этотъ первый періодъ приблизительно до начала XVIII-го в.

стираемая черта чисто-фактическаго различія: кто хотѣлъ и могъ отправлять козацкую службу—былъ козакомъ; кто не хотѣлъ или не могъ, оставался посполитымъ, замѣняя казацкую службу отбываніемъ податей и повинностей [1]). При такомъ строѣ общества—демократическомъ, такъ сказать, до мозга костей—не было мѣста дворянству. И однако оно явилось, и явилось не актомъ внѣшняго насилія, а естественнымъ путемъ внутренняго роста. Дѣло въ томъ, что въ нѣдрахъ этого демократическаго общества укрывались аристократическія idées-mères, которыя дѣлали появленіе дворянства не только возможнымъ, но въ извѣстномъ смыслѣ и необходимымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Малороссія разорвала свой политическій союзъ съ Польшей. Но не такъ-то легко было порвать духовную связь съ ней,—связь, которая не могла же не образоваться годами тѣснаго общенія. Какъ бы мы ни оцѣнивали размѣры тяготѣній тогдашняго малорусскаго общества къ высшей культурѣ, но тяготѣнія эти несомнѣнно существовали, и за удовлетвореніемъ ихъ малорусскому человѣку некуда было обращаться помимо Польши: тогдашняя Малороссія стояла сама на слишкомъ низкомъ уровнѣ, чтобы обойтись безъ культурнаго посредника, а ея новый патронъ, Москва, была и чужда, и груба. Неудивительно поэтому, что кіевская академія продолжала быть сколкомъ съ польскихъ коллегій, что высшее образованіе покоилось на той же польской латыни, что польская книга вмѣстѣ съ латинской была главнымъ содержаніемъ книжнаго богатства образованнаго малорусса, что польскій обычай связывался съ представленіемъ объ утонченномъ. Юношей посылали заканчивать образованіе во Львовъ, въ Вроцлавъ. Гетманы старались изо всѣхъ силъ подражать въ обстановкѣ своихъ дворовъ дворамъ магнатскимъ и потому съ удовольствіемъ принимали на свою службу выходцевъ изъ-за Днѣпра, цѣня въ нихъ знаніе магнатскихъ порядковъ; за гетманами, естественно, тянулись и другія лица войскового уряда, устанавливая, такимъ образомъ, господствующій тонъ. Всѣ сравнительно образованные люди тогдашняго малорусскаго общества, черпая свою образованность изъ польскаго источника, необходимо проникались польскими соціальными идеями, альфой и омегой которыхъ былъ панъ и хлопъ, и польскими идеалами прекраснаго и желаемаго, которые могли расцвѣтать только на дворянской почвѣ. Но обра-

[1]) „Можнѣйшіе пописались въ козаки, а подлѣйшіе остались въ мужикахъ"—подлинное выраженіе одного документа 1729 г., въ которомъ населеніе давало само показанія о своемъ происхожденіи. Лазаревскій, Малороссійскіе посполитые крестьяне. Записки Черниг. Губ. Стат. Комитета 1865 г., кн. 1, стр. 6.

зованный человѣкъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ, въ значительномъ большинствѣ случаевъ, и болѣе обезпеченный, а матеріальная обезпеченность вмѣстѣ съ образованностью—хотя бы въ видѣ простой письменности—только и были тѣми условіями, въ силу которыхъ люди въ тѣ времена всплывали наверхъ и группировались около власти. Такимъ образомъ, всѣ вліятельные и руководящіе элементы общества находились подъ вліяніемъ польско-шляхетскихъ идей соціальнаго порядка. Понятно, не могли же эти идеи не отражаться на дѣйствіяхъ, проникнутыхъ ими лицъ, на томъ направленіи, которое эти лица давали, стоя у кормила, общественнымъ дѣламъ. Но поперекъ дороги этому идейному теченію лежала страшная по своимъ размѣрамъ, хотя и косная, народная масса. Удалось ли бы вдвинуть ее въ намѣчающееся русло, еслибы не явился на помощь новый могучій двигатель? Этимъ двигателемъ, сила котораго росла съ прогрессирующей быстротой, былъ союзъ съ Россіей.

Политическій союзъ Малороссіи съ московскимъ государствомъ скоро превратился въ политическую зависимость, а затѣмъ и въ политическое объединеніе. Чѣмъ дальше уходилъ этотъ процессъ, тѣмъ сильнѣе становилось непосредственное вліяніе сѣверно-русскихъ порядковъ на строй малорусской жизни, независимо даже отъ какихъ-либо преднамѣренныхъ дѣйствій русской государственной власти. Меньшее и слабѣйшее, вдвинутое въ извѣстное положеніе, естественно уподоблялось большему и сильнѣйшему. Всякій актъ центральной государственной власти, направленный на Малороссію и, конечно, не имѣвшій въ основаніи полнаго знакомства съ ея положеніемъ и особенностями, былъ лишнимъ шагомъ на пути этого уподобленія. Такъ было во всемъ, такъ было и относительно дворянства. Разъ въ Великороссіи существовало дворянство, хотя бы и съ служилымъ, а не самодовлѣющимъ характеромъ польской шляхты,—этотъ фактъ долженъ былъ тяготѣть надъ Малороссіей, давая направленіе, усиливая, подчеркивая все, что̀ было ему родственнаго въ здѣшнихъ условіяхъ. Великая Россія тянула Малую въ ту же сторону, куда послѣднюю толкали унаслѣдованныя отъ Польши идеи соціальнаго порядка.

Нельзя не упомянуть еще объ одной стихійной силѣ, которая должна была незримо, но могуче работать для распаденія соціальнаго демократическаго равенства на привилегированное и непривилегированное. Эта стихійная сила—рѣзко очерченный личный интересъ той группы, которая, ставши около власти, должна была образовать собою малорусское дворянство.

III.

Новое малорусское дворянство все цѣликомъ образовалось изъ войскового уряда, сначала исключительно выборнаго, затѣмъ и назначаемаго. Столѣтіе спустя, въ концѣ XVIII-го в., когда малорусскому привилегированному сословію надо было во что бы то ни стало доказать свои права на дворянство, оно аргументировало, между прочимъ, такъ: „по древнему праву выборовъ, малороссійскому прâву присвоенныхъ, всякій, кто только носилъ на себѣ чинъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и шляхтичъ, а не бывъ шляхтичемъ невозможно было никому быть избираемому и имѣть чинъ“ [1]). Легко замѣтить натяжку уже и въ редакціи этого положенія; исторія же опровергаетъ его совершенно: кто выбирался на войсковой козацкій урядъ, не дѣлался и не могъ дѣлаться тѣмъ самымъ шляхтичемъ, и ужъ, конечно, не шляхтичи выбирались на уряды. Правда, въ средѣ козацкой старшины, какъ до Хмельнищины, такъ и послѣ нея, встрѣчались отдѣльныя лица, носившія шляхетское или дворянское достоинство, но онѣ получали нобилитацію или путемъ сеймовой конституціи за особыя услуги Рѣчи-Посполитой, или позже черезъ государево пожалованіе. Не только потомки этихъ немногихъ счастливцевъ, но и все окружающее панство, конечно, знало наперечетъ всѣ эти случаи со всѣми сопровождавшими ихъ обстоятельствами, но оно было слишкомъ заинтересовано въ томъ, чтобы дѣлать видъ невѣдѣнія.

Козацкій лагерь, какой представляла собою страна послѣ своего освобожденія отъ Польши, былъ организованъ такъ. Войско козацкое, или Малороссія—чтò было одно и тоже—дѣлилось на полки, полки на сотни. Каждая сотня выбирала себѣ свой сотенный урядъ, полкъ—полковой, наконецъ все войско—общій войсковой или генеральный урядъ. Выборное начало рано начало подвергаться ограниченіямъ, какъ со стороны центральной, такъ и мѣстной гетманской власти, причемъ чѣмъ выше и значительнѣе былъ урядъ, тѣмъ раньше выборъ замѣнялся назначеніемъ; но форма организаціи сохранилась въ неприкосновенности до самой той поры, пока Екатерина II не распространила и на Малороссію предпринятую ею реформу русскаго административнаго строя, чѣмъ и положенъ былъ конецъ своеобразному общественному строю Украины. Уряды генеральный, полковой и сотенный

[1]) Записка изъ дѣла, произведеннаго въ комитетѣ, Высочайше утвержденномъ при правительствующемъ сенатѣ касательно правъ на дворянство бывшихъ малороссійскихъ чиновъ.

повторяли другъ друга, лишь съуживаясь книзу въ своемъ объемѣ. Во главѣ войска стоялъ гетманъ, за которымъ слѣдовали генеральные войсковые чины: обозный, судья, подскарбій, писарь, асаулъ, хорунжій—каждый чинъ съ прибавленіемъ эпитета: „генеральный войсковой". Во главѣ полка стоялъ полковникъ, опять съ полковыми: обознымъ, судьей, писаремъ, асауломъ, хорунжимъ. Во главѣ сотни стоялъ сотникъ, съ сотенными чинами: писаремъ, асауломъ, хорунжимъ. Первое лицо каждаго изъ трехъ концентрическихъ круговъ войсковой іерархіи, т.-е. гетманъ, полковникъ и сотникъ пользовались въ районѣ своей власти огромнымъ значеніемъ, такъ какъ совмѣщали въ своемъ лицѣ не только военную и административную, но и судебную власть, несмотря на то, что существовали отдѣльные судьи, какъ полковой, такъ и генеральный, и даже былъ генеральный войсковой судъ. Подобное смѣшеніе функцій распространялось, хотя не въ такой степени, и на остальные уряды, которые были какъ бы больше чинами въ позднѣйшемъ смыслѣ этого слова, чѣмъ дѣйствительными должностями: напр., генеральный обозный отправлялъ дѣла, не имѣющія ничего общаго съ войсковымъ обозомъ, т.-е. артиллеріей, засѣдалъ какъ одно изъ первыхъ лицъ въ войсковой генеральной канцеляріи. Оно и не могло быть иначе, такъ какъ приходилось съ упрощенными средствами чисто-военной организаціи заправлять всею развивающеюся сложностью цѣльнаго общественнаго строя. Въ первые моменты послѣ переворота между урядомъ и массой рядового казачества не было, повидимому, никакого посредствующаго звена. Но по мѣрѣ того, какъ край умиротворялся и общественные элементы осѣдали, кристаллизуясь, сверху козацкой массы поднялся слой „можнѣйшаго" козачества. Это было такъ-называемое „знатное войсковое товариство"—переходный слой между массой и войсковымъ урядомъ: одной своей стороной онъ сливался съ рядовымъ козачествомъ, другимъ—съ козацкой старшиной. Знатное войсковое товариство составляло какъ бы резервъ, изъ котораго постоянно выдѣлялись лица, занимавшія уряды, и куда они опять уходили, когда оставляли свои посты. Что знатное войсковое товариство пользовалось значительнымъ вліяніемъ на общій ходъ дѣлъ—это несомнѣнно, но оформливалось ли чѣмъ-нибудь это вліяніе—намъ неизвѣстно. Позже неопредѣленная стихія знатнаго товариства стала принимать болѣе опредѣленныя очертанія. Выдвинулась изъ нея войсковая аристократія—бунчуковое товариство, состоящее при генеральномъ урядѣ, собственно при гетманѣ, „подъ бунчукомъ", изъ котораго назначались болѣе важные генеральные урядники или полковники; вы-

дѣлилось „значковое“ или полковое товариство, состоявшее при полковомъ значкѣ, число котораго было точно опредѣлено указомъ Анны Іоанновны для всѣхъ десяти полковъ въ 420 человѣкъ. Низшая ступень знатнаго войскового товариства былъ простой знатный или славетный козакъ, который могъ попадать на низшіе сотенные уряды.

Вотъ этотъ-то войсковой урядъ со своей стихіей знатнаго товариства, которая его постоянно выдвигала и поглощала, и составилъ малорусское привилегированное сословіе, которое впослѣдствіи обратилось въ дворянство.

Конечно, если малорусскому народу, волею историческаго рока, не суждено было удержать первоначальное демократическое равенство, то разложить это равенство долженъ былъ урядъ. По самому своему существу онъ былъ привилегированъ; лица уряда необходимо должны были освобождаться отъ тяготѣющихъ на всемъ остальномъ населеніи службъ и повинностей; они были необходимо выше средняго уровня массы по образованію,—получалось ли оно путемъ книжнымъ и школьнымъ, или путемъ житейской опытности и натертости; они стояли выше средняго уровня и по матеріальной обезпеченности, такъ какъ избирались на урядъ люди болѣе свободные отъ гнета насущныхъ потребностей, да и самъ урядъ соединялся съ вознагражденіемъ, которое выдвигало пользующихся имъ лицъ изъ массы. Само это вознагражденіе, по своему характеру, было такого рода, что рѣзко оттѣняло привилегированность уряда. Какъ извѣстно, этимъ вознагражденіемъ служили „ранговыя маетности“. Ранговыя маетности, это—населенныя земли, находящіяся въ распоряженіи войска и имѣющія спеціальное назначеніе служить вмѣсто жалованья войсковому уряду. Къ каждому уряду, или рангу, было приписано точно опредѣленное количество этихъ маетностей. Значеніе этого вознагражденія заключалось не въ землѣ—какую цѣнность сама по себѣ имѣла въ тѣ времена земля?—а въ службѣ и повинностяхъ сидящаго на этой землѣ поспольства, которое должно было отбывать ихъ въ этихъ маетностяхъ уже не въ пользу войскового скарба, а въ пользу того или другого лица изъ войскового уряда. Такой, а не иной способъ вознагражденія за службу лицъ войскового уряда обусловливался исключительно необходимостью, положеніемъ вещей; но онъ чрезвычайно способствовалъ превращенію войскового уряда въ панское сословіе.

Разумѣется, извѣстной группѣ, чтобы принять видъ сословія, недостаточно было стать лично въ привилегированное положеніе: необходимо было такъ или иначе упрочить его за собой и за

своими. Но къ фактическому упроченію (юридическое пришло лишь позже и на иныхъ путяхъ) не встрѣтилось большихъ затрудненій. Здѣсь пришли на помощь тѣ свойства человѣческой природы, которыя могутъ быть охарактеризованы извѣстнымъ изреченіемъ: „всякому имѣющему дастся и пріумножится". Казалось естественнымъ, чтобы какой-нибудь сотничѐнко, наслѣдовавшій имущество, обстановку, жизненныя привычки своего отца, наслѣдовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и преимущества, какія давалъ отцу его урядъ,—и вотъ сотниченко предпочтительно передъ другими кандидатами выбирается въ сотники. Конечно, отецъ, въ интересахъ сына долженъ былъ позаботиться, чтобы дать ему своевременно и соотвѣтствующее образованіе и практическій навыкъ, долженъ былъ хоть до нѣкоторой степени позаботиться и о томъ, чтобы удержать за собой, а слѣдовательно и за сыномъ также, симпатіи населенія, отъ котораго зависѣлъ выборъ. Такимъ образомъ, при господствѣ выборнаго начала могли быть даже извѣстныя выгоды въ передачѣ власти по наслѣдству; при назначеніяхъ же такая передача сопровождалась часто интригами и подкупами вліятельныхъ лицъ, на что человѣкъ, стоящій у уряда, имѣлъ обыкновенно больше способовъ. Такимъ образомъ, уряды удерживались въ извѣстной группѣ семей, составлявшихъ своего рода сеньорію: если назначеніе свыше и вводило сюда иногда совсѣмъ чуждые элементы, то рѣдко случалось, чтобы совсѣмъ выпускали уряды изъ рукъ сѐмьи, не запятнавшія себя ни политической измѣной, ни безтактностью поведенія по отношенію къ власть имѣющимъ, чѣмъ предки малорусскаго дворянства, повидимому, не склонны были грѣшить.

Итакъ, посполитый, пока еще онъ пользовался свободой, стремился въ козаки; козакъ желалъ выдвинуться въ передніе ряды своей группы, въ знатные войсковые товарищи; знатный войсковой товарищъ стремился попасть на какой-нибудь урядъ. Такимъ образомъ, урядъ, со всѣми связанными съ нимъ дѣйствительно, значительными—преимуществами, былъ центромъ всѣхъ вожделѣній, и много тратилось энергіи для проложенія къ этому центру или прямого пути, или кривыхъ обходныхъ тропинокъ. Болѣе или менѣе состоятельные родители изъ простыхъ козаковъ или мѣщанъ, озабоченные жизненной карьерой своихъ сыновей, имѣли еще подъ рукой такой способъ выдвигать ихъ въ привилегированную группу: они давали имъ образованіе съ латынью или хотя бы и безъ нея, и приписывали ихъ затѣмъ къ генеральной восковой канцеляріи и суду въ войсковые канцеляристы. Это было заимствованіемъ польскаго обычая: тамъ къ правитель-

ственнымъ канцеляріямъ и въ особенности къ такъ-называемой палестрѣ (при судахъ) приписывалась масса молодежи съ цѣлью получить, кромѣ нѣкоторыхъ спеціальныхъ познаній, свѣтскій лоскъ и житейскую опытность. Такъ и въ Малороссіи сотни молодыхъ людей, включая сюда и сыновей важнѣйшихъ урядниковъ, состояли при генеральной войсковой канцеляріи, имѣя въ виду пробиться со временемъ такимъ путемъ въ сотенную или полковую старшину. Болѣе богатые жили на своемъ содержаніи на своихъ квартирахъ; остальные, по старымъ войсковымъ традиціямъ, жили въ куренѣ, большомъ общемъ домѣ, и на содержаніе ихъ были отписаны такія же маетности, какъ и на ранги [1]).

IV.

Допустимо ли, что извѣстная обособленная общественная группа можетъ имѣть присущіе ей инстинкты, руководящіе дѣйствіями отдѣльныхъ ея членовъ? Какъ бы то ни было, та группа, которой предстояло сдѣлаться малорусскимъ дворянствомъ, обнаружила замѣчательное единодушіе и цѣлесообразность въ выборѣ средствъ для достиженія этой общей цѣли. И то сказать, впрочемъ: здѣсь интересы группы слишкомъ тѣсно сливались съ эгоистическими интересами каждаго отдѣльнаго ея члена.

Сеньоріи войскового уряда, чтобы сдѣлаться дворянствомъ, необходимо было создать себѣ прочное экономическое обезпеченіе, въ основѣ котораго лежала бы земельная собственность. Только на этомъ фундаментѣ могло бы быть заложено дворянство. И вотъ цѣлое столѣтіе, которое потребовалось, чтобы завершить циклъ этой общественной метаморфозы, наполнено страстной, хищнически-беззастѣнчивой погоней за наживой и землей, землей, землей. Трудно заподозрить въ этихъ рыцаряхъ кармана и кулака дѣдовъ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ, или безсмертнаго Аѳанасія Ивановича съ своей Пульхеріей Ивановной, или прадѣдовъ теперешняго малорусскаго пана и полупанка, у которыхъ предпріимчивость во всякомъ случаѣ не составляетъ слишкомъ замѣтной черты. Вся общественная энергія, вызванная возстаніемъ Хмельницкаго и сопровождавшими это возстаніе обстоятельствами, въ слѣдующемъ поколѣніи разошлась на пріобрѣтенія и захватъ.

Каждый выдвигавшійся изъ рядовой массы мнилъ себя „па-

[1]) Кіевская Старина, 1884, I: Записки ген. судьи А. С. Сулимы.

номъ“ независимо отъ какихъ-либо юридическихъ опредѣленій, а панъ прежде всего долженъ былъ владѣть болѣе или менѣе крупной земельной собственностью. Къ этому приводили и воззрѣнія, унаслѣдованныя отъ старой исторіи, и данный экономическій строй съ его чисто патріархальнымъ характеромъ. При первоначальномъ, т.-е. имѣвшемъ мѣсто послѣ переворота, обиліи свободныхъ земель, доступныхъ каждому, кто бы могъ и хотѣлъ ихъ эксплуатировать, казалось, ничего не стоило—особенно при извѣстномъ положеніи у власти—сдѣлаться владѣльцемъ какого угодно земельнаго района. Но на дѣлѣ было не такъ. Наоборотъ, самая эта свобода клала на первое время почти непреодолимыя преграды къ скопленію въ однѣхъ рукахъ крупной земельной собственности. Откуда было ей образоваться? Выше было указано на то, что первоначальная вольная заимка ограничивалась фактическимъ, трудовымъ захватомъ; каждый могъ занять лишь столько земли, сколько могъ обработать силами своей семьи, можетъ быть, въ иныхъ случаяхъ, расширенной небольшимъ числомъ подсусѣдковъ или сябровъ. Чужой рабочей силы, въ видѣ ли наемнаго или иного зависимаго труда, взять было негдѣ, и слѣдовательно къ нему нельзя было прибѣгнуть для фактическаго захвата. Такимъ образомъ и знатный урядникъ, первое время послѣ переворота, долженъ былъ довольствоваться, наряду съ простымъ козакомъ или посполитымъ, тѣмъ немногимъ, что онъ могъ занять изъ общаго запаса, плюсъ ранговыя маетности, количество которыхъ сначала было очень скромно: по статьямъ Богдана Хмельницкаго, полагалось на полковника и нѣкоторыхъ лицъ войсковой генеральной старшины лишь по мельницѣ. Позже ранговыя маетности стали составляться изъ населенной земли. Но ранговыя маетности уже по тому, что онѣ связаны были съ урядомъ, а не съ лицомъ, тѣмъ менѣе родомъ, не могли лечь въ фундаментъ земельнаго богатства: по крайней мѣрѣ, таково было общее правило, допускавшее, впрочемъ, огромное число исключеній. Затѣмъ единственный путь для пріобрѣтенія земельной собственности, оправдываемый и закономъ, и общепринятой обычной нравственностью, была покупка земли, уже перешедшей въ частную собственность. Но хотя земля была и обильна, и дешева, деньги были и рѣдки, и дороги. Конечно, отъ эпохи смутъ, всегда богатой всякими случайностями, могли сберечься въ нѣкоторыхъ рукахъ значительныя цѣнности, которыя, можетъ быть, и дали въ иныхъ случаяхъ возможность выдвинуться въ привилегированное положеніе той или другой семьѣ. Но случайность есть случайность, а деньги нужны были каждому честолюбивому

человѣку, чтобы выдвинуться и удержаться на выдающемся положеніи, чтобы окружить себя панскою обстановкой, чтобы сглаживать себѣ пути впередъ подарками, а главное, чтобы скупать землю. Каждому лицу войскового уряда перепадало кое-что со стороны низшихъ и подчиненныхъ отъ приношеній, такъ-называемыхъ „на ралецъ“—одно изъ видоизмѣненій довольно извѣстныхъ и по великорусской старинѣ праздничныхъ поздравленій. Если Кочубей, на допросахъ въ Витебскѣ, показывалъ правду, что „случалось, и нерѣдко, что кто талеромъ другимъ поклонится, то я не бралъ, а отдавалъ назадъ“—онъ составлялъ для своего времени рѣдкое исключеніе. Полковники и сотники получали также доходы отъ суда.

Но если кто хотѣлъ себѣ наживать состояніе помимо широкаго и торнаго пути злоупотребленій властью и положеніемъ, то единственнымъ средствомъ было обратиться къ дѣятельности торговой или промышленной. И удивительное дѣло: то самое малорусское привилегированное сословіе, которое видѣло въ польскомъ шляхетствѣ идеалъ и стремилось его осуществить въ формахъ быта, какъ общественнаго, такъ и частнаго, на этомъ пунктѣ рѣшительно отказывалось отъ шляхетскихъ традицій. Вмѣсто польско-шляхетскаго презрѣнія къ торговлѣ, мы видимъ страстную погоню за торговой наживой. Правда, для большихъ успѣховъ въ этой области существовали естественныя ограниченія, лежащія въ самыхъ условіяхъ тогдашняго производства, связаннаго узами патріархальнаго земледѣльческаго хозяйства,—къ тому же хозяйства вначалѣ крайне стѣсненнаго недостаткомъ рабочей силы. Но малорусское дворянство en herbe раскидывало какъ могло свои торговыя и промышленныя операціи, въ фундаментѣ которыхъ лежало вначалѣ лишь то небольшое количество обязательнаго труда, которое было связано съ ранговыми маетностями. Хлѣбъ, почти единственный продуктъ южной полосы края, не имѣлъ сбыта, ни внутренняго,—такъ какъ населеніе, вообще говоря, не нуждалось въ покупномъ хлѣбѣ,—ни внѣшняго: хлѣбъ, по своей дешевизнѣ и по затруднительности транспорта, не выносилъ сколько-нибудь отдаленной перевозки. Чтобы обратить хлѣбъ въ деньги, необходимо было его переработать. И вотъ, первою страстною заботой каждаго пана стало всѣми правдами и неправдами завладѣть возможно бо̀льшимъ числомъ мельницъ и мѣстъ, для нихъ удобныхъ, а затѣмъ и понастроить винокуренъ съ возможно бо̀льшимъ количествомъ казановъ, т.-е. винокуренныхъ котловъ. Свобода винокуренія, предоставленная московскимъ правительствомъ украинскому народу, была такою важной при-

вилегіей, что, конечно, та болѣе обезпеченная часть населенія, которая могла извлекать изъ этой привилегіи непосредственныя выгоды, дорожила ею не менѣе, чѣмъ всѣми своими политическими правами и преимуществами. Водка распродавалась и на мѣстѣ по шинкамъ, выдерживала и отдаленную перевозку; паны даже брали ее для распродажи съ собой въ походы, и куда бы случайности войны ни загоняли нашихъ воиновъ—всюду находилъ себѣ рынокъ этотъ ходкій товаръ. Вторымъ предметомъ торговыхъ оборотовъ былъ скотъ, главнымъ образомъ волы, которые такъ отлично выпасались „вольны, нехранимы" на безграничномъ свободномъ степу. Скотъ гоняли въ Москву, Петербургъ, гоняли и за границу: главными заграничными мѣстами сбыта были Гданскъ и Шленскъ (Данцигъ и Силезія). Иной хозяйственный складъ представляла сѣверная полоса края собственно такъ-называемый стародубскій полкъ. Здѣсь имѣло мѣсто разведеніе промышленныхъ растеній, главнымъ образомъ конопли; болѣе скудная почва, песчаная и болотистая, покрытая лѣсами, давала побужденіе искать въ землѣ иныхъ источниковъ дохода. Предпріимчивость обратилась на устройство руденъ (заводы для добыванія и обработки желѣзной руды), будъ (поташныхъ) и гутъ (стеклянныхъ заводовъ); бортное пчеловодство, исконный мѣстный промыселъ, также обратило на себя вниманіе пановъ, которые стали захватывать въ свои руки борти. Уряды стародубскаго полка, въ особенности, конечно, стародубское полковничество, стали считаться завиднѣйшими изъ урядовъ. Пунктами сбыта, въ особенности для пеньки, служили Рига и Кенигсбергъ. Наконецъ, для всего края издавна были проторены торговые пути на югъ, въ Крымъ, куда также находили свой сбытъ различные продукты и откуда вывозилась главнымъ образомъ соль.

Бѣглыми и сухими чертами отмѣтили мы направленіе хозяйственной дѣятельности будущаго малорусскаго панства. Но если заглянуть въ дневники, письма и т. п. документы этой эпохи, почувствуешь напряженіе жизненнаго пульса, бьющаго въ этихъ отмѣткахъ, записяхъ, извѣстіяхъ о цѣнахъ на пеньку въ Ригѣ, о волахъ, проданныхъ по такой-то цѣнѣ въ Гданскѣ, о куфахъ водки, отправленныхъ въ Сулакъ. Нужны были крайне деньги, и онѣ стекались потихонечку да помаленечку, и собирались не въ дворянскіе „атласные дырявые карманы", а въ крѣпкія кишени, которыя не такъ-то легко выпускали то, что разъ попало въ нихъ, развѣ что на подарки и угощеніе сильнымъ міра сего и на покупку земли.

Земля была дешева, какъ мы только-что сказали: объ этомъ

свидѣтельствуетъ масса сохранившихся актовъ земельной купли-продажи. Но, тѣмъ не менѣе, на пути къ составленію крупныхъ земельныхъ владѣній часто лежали большія препятствія. Чтобы составить настоящее владѣніе, цѣнное въ хозяйственномъ отношеніи, надо было, конечно, не просто зря покупать землю, а скупать или прикупать ее, расширяя и закругляя первоначальное, обыкновенно очень незначительное, хозяйственное ядро. Будущіе малорусскіе дворяне, вѣроятно, больше чѣмъ понимали—чувствовали, что именно здѣсь, въ этомъ расширеніи и округленіи земельныхъ владѣній, ключъ къ росту и значенію не только личному, но и групповому, сословному. На этомъ пунктѣ они чуть не отрѣшались отъ своей національной несчастной черты—постояннаго тяготѣнія къ разрозненности и раздробленію, чуть не выростали до полнаго пониманія солидарности своихъ интересовъ. По крайней мѣрѣ, есть указанія на то, что паны не только старались не вторгаться перекуплями въ районы взаимныхъ владѣній, но и помогали другъ другу въ округленіи владѣній. Выработалось даже нѣчто въ родѣ обычно-правовой нормы, въ силу которой никто въ районѣ владѣній извѣстнаго пана не смѣлъ продавать земли никому помимо этого пана. Въ свою очередь, гетманы, плоть отъ плоти и кость отъ костей того же панства, вполнѣ сочувствовавшіе его интересамъ, дѣйствовали въ его пользу по мѣрѣ силъ и возможности: не боялся отказа панъ, обращающійся къ гетману съ просьбою разрѣшить занять всякое удобное и свободное мѣстечко, могущее служить къ округленію панскаго владѣнія.

Но ни панское взаимное содѣйствіе, ни гетманская власть не могли устранить иныхъ препятствій. Центральное правительство относилось очень неблагосклонно къ скуплѣ земель, какъ свободныхъ посполитскихъ, пока были еще свободные посполитые, такъ и козачьихъ. И не могло быть иначе: государственный интересъ требовалъ, чтобы земля не выходила изъ тягла и службы. Такой слабый гетманъ, какъ Скоропадскій, надъ которымъ постоянно тяготѣла рука Петра, самъ издавалъ универсалы съ цѣлью прекратить скуплю; но другіе гетманы, какъ напр. Полуботокъ и Апостолъ, были за-одно съ панами и, наоборотъ, дѣйствовали такъ, чтобы парализовать правительственныя мѣры противъ скупли. Такимъ образомъ, изъ Петербурга шелъ указъ за указомъ, запрещающій скуплю, а скупля шла себѣ да шла своимъ порядкомъ. Бывало и такъ, что ослушниковъ, какимъ-нибудь образомъ подвернувшихся подъ правительственную руку, предавали суду; подобное случилось съ нѣжинской старшиной въ 1741 г., хотя она

все-таки была прощена, только земля была отобрана безъ вознагражденія. Но тѣмъ не менѣе паны покупали, разумѣется, не безъ нѣкотораго трепета: нельзя имъ было рости безъ этого. „Пожалуйте, мцѣ добродѣю, о скупляхъ постарайтеся, гдѣ надлежитъ, чтобъ были сохранены, понеже не едного мене тое долягаетъ, но почитать безъ виключенія всѣхъ",—такъ пишетъ одинъ панъ другому, пребывающему по дѣламъ въ Москвѣ [1]). Гетманъ Разумовскій, обреченный и внутренними своими свойствами, и внѣшнимъ положеніемъ на то, чтобъ сидѣтъ между двухъ стульевъ, придумалъ такой компромиссъ: запретилъ скупать козачьи грунты цѣликомъ—свободныхъ посполитыхъ къ этому времени панство уже поглотило,—но разрѣшилъ покупать ихъ „малою частью". Конечно, положеніе дѣлъ едва ли бы мѣнялось такимъ распоряженіемъ, еслибъ даже оно и исполнялось. А могло ли оно исполняться при такомъ, напр., отношеніи власти къ своимъ распоряженіямъ. Одинъ изъ панскаго легіона, нѣкій Ханенко, проситъ у Разумовскаго утвердить скупли его отца. Разумовскій въ своемъ универсалѣ заявляетъ, что это скупли незаконныя, которыя слѣдовало бы отобрать, но тѣмъ не менѣе, „респектуя на службы" и иныя заслуги просителя, оставляетъ за нимъ эти противозаконныя скупли въ вѣчное владѣніе [2]). Въ концѣ концовъ, паны остались, какъ и слѣдовало ожидать, при своихъ скупляхъ.

Но съ петербургскими указами легче было справиться, чѣмъ съ какимъ-нибудь упрямымъ козакомъ, который врѣзался съ своимъ участкомъ въ средину панскаго владѣнія или сидѣлъ по несомнѣннѣйшимъ документамъ на части мельницы, скупленной паномъ, и т. п. Малоруссъ упрямъ по природѣ; къ тому же, какъ исконный земледѣлецъ, онъ привязанъ къ своему клочку и естественно наклоненъ относиться къ нему не такъ, какъ къ простому предмету купли-продажи. Какъ ни велика была власть урядника, напр. полковника или сотника, совмѣщавшихъ въ своемъ лицѣ и военачальниковъ, и администраторовъ, и судей, надъ простымъ рядовымъ козачествомъ, но и ея часто не хватало, чтобъ склонить какого-нибудь маленькаго владѣльца на добровольную сдѣлку. И видѣлъ себя вынужденнымъ панъ урядникъ сломить рога строптивому.

Вотъ мы подходимъ вплотную къ той темной сторонѣ предмета, которой не можетъ обойти добросовѣстный историкъ, какихъ бы общественныхъ взглядовъ и симпатій онъ ни держался. Вмѣстѣ

---

[1]) Архивъ Сулимъ, № 152.

[2]) Обозрѣніе Румянцовской описи, изд. Черниг. Губ. Стат. Комитета, стр. 761—2.

съ г. Лазаревскимъ, который посвятилъ десятки лѣтъ добросовѣстнаго труда детальному выясненію фактической стороны происхожденія большей части малорусскихъ крупныхъ дворянскихъ родовъ, мы должны признать, что малорусское панство выросло на всяческихъ злоупотребленіяхъ своею властью и положеніемъ. Насиліе, захватъ, обманъ, вымогательство, взяточничество—вотъ содержаніе того волшебнаго котла, въ которомъ перекипала болѣе удачливая часть козачества, превращаясь въ благородное дворянство. Съ своей стороны мы прибавимъ: у него не было другого пути. Конечно, можно бы спросить: было ли тамъ неизбѣжно необходимо—съ исторической ли, общественной, нравственной или иной какой точки зрѣнія—войсковому уряду превращаться въ дворянство? Но чтобъ избѣжать риску заблудиться безповоротно въ дебряхъ подобныхъ вопросовъ, лучше избѣжать соблазна ихъ ставить.

Непривлекательный видъ кулака и міроѣда являетъ собою панъ, когда онъ, какъ напр. отецъ Даніила Апостола, въ дорогой годъ даетъ деньги нуждающимся, которые берутъ ихъ, „чтобъ дѣтокъ своихъ голодною смертію не поморити", и затѣмъ отбираетъ землю за эти деньги [1]); или, какъ Тернавскій, Лизогубъ отнимаетъ землю за долгъ, напитый въ гостепріимномъ панскомъ шинкѣ [2]); или какъ Гамалѣя—„привозитъ въ село горѣлки и всякаго яствія", сбираетъ народъ, въ томъ числѣ „старинныхъ людей", всѣхъ чествуетъ и „подъ веселую мысль" проситъ, чтобъ уступили ему „общевольную дубраву" [3]); такимъ образомъ, Гамалѣя пріобрѣтаетъ землю даромъ, въ то время какъ полковникъ Свѣчка, „не хотячи себѣ ничего дарма взяти у поссессію свою", на самомъ же дѣлѣ, чтобъ попрочнѣе закрѣпить пріобрѣтеніе, покупаетъ у громады за двѣсти талеровъ десятки верстъ побережья Сухой Оржицы [4]), и т. д., и т. д. Конечно, все это были дѣйствія, съ одной стороны, не предусматриваемыя уголовными законами, съ другой—не только не порицаемыя, но можетъ быть и одобряемыя общественнымъ мнѣніемъ своей группы, единственнымъ, которымъ человѣкъ обыкновенно дорожитъ серьезно. Но паны видѣли себя вынужденными далеко переходить за барьеръ этого — относительно дозволеннаго—на ту территорію, которую всегда болѣе или менѣе строго отгораживалъ правовой смыслъ всякаго человѣческаго общества. Можно думать, что и здѣсь паны нахо-

[1]) Лазаревскій, Очерки малорусск. фамилій, Русск. Архивъ, 1875, кн. 1-я.
[2]) Обозрѣніе Румянцовской описи, стр. 77.
[3]) Русск. Архивъ, 1875, кн. 4.
[4]) Кіевск. Стар., 1882, кн. 8.

дили себѣ поддержку въ атмосферѣ того же снисходительнаго общественнаго мнѣнія; иначе трудно объяснить себѣ ту массовую беззастѣнчивость, съ какой дѣйствовали люди, не сплошь же лишенные нравственныхъ инстинктовъ разумѣнія добра и зла.

Панъ жаждетъ пріобрѣсти кусокъ земли, принадлежащій козаку или посполитому: тотъ рѣшительно не хочетъ отъ него отступиться. Панъ пробуетъ ласку, просьбу, угрозу, взываетъ къ своей власти: „знать ты противишься власти нашей!“ Ничто не помогаетъ. Остается одно: залучить какъ-нибудь непокорнаго, написать купчую, насильно поставить рукою продавца крестъ, а деньги, по своей оцѣнкѣ, вкинуть за пазуху—и сдѣлка готова. Акты свидѣтельствуютъ, что паны нерѣдко такимъ способомъ совершали земельныя купли-продажи. Или, напр., раздаетъ Лизогубъ нуждающимся деньги взаймы, какъ это обыкновенно дѣлали паны, и даетъ, между прочимъ, козаку Шкуренку 50 золотыхъ (10 рублей). „Дай мнѣ въ арештъ грунта свои, а я буду ждать долга, пока спроможешься съ деньгами“. „Я и отдалъ“, разсказываетъ козакъ, „свой грунтикъ, но не во владѣніе, а въ застановку (въ закладъ). А какъ пришелъ срокъ уплаты, сталъ я просить Лизогуба подождать, пока продамъ свой скотъ, который нарочно выготовилъ для продажи. А Лизогубъ задержалъ меня въ своемъ дворѣ и держалъ двѣ недѣли, требуя отдачи долга. Со слезами просилъ я отпустить меня домой, такъ какъ жена моя лежала на смертной постели. Но Лизогубъ тогда же вмѣстѣ со своимъ господаремъ (управляющимъ) оцѣнилъ мой грунтикъ и насильно послалъ меня къ конотопскому попу, говоря: „иди къ попу, и какъ попъ будетъ писать—будь при томъ“. Попъ написалъ купчую, но безъ свидѣтелей съ моей стороны и безъ объявленія въ ратушѣ. Такъ панъ Лизогубъ и завладѣлъ моимъ грунтомъ, хотя я и деньги ему потомъ носилъ“ [1]).

И попробуй затѣмъ продавецъ доказать неправильность сдѣлки. Всякая власть, къ которой онъ долженъ обратиться, есть панъ; всякій панъ знаетъ хорошо пословицу: „рука руку моетъ“, прекрасно понимаетъ всю закулисную сторону дѣла и глубоко сочувствуетъ положенію своего собрата, вынужденнаго прибѣгать къ такому непріятному и хлопотливому способу устроивать сдѣлки. Разумѣется, отъ такой насильственной покупки уже полъ-шага до прямого, ничѣмъ не прикрытаго, насилія. Еще въ XVII вѣкѣ, когда значеніе массы было несравненно больше, чѣмъ въ XVIII в., когда полковники даже подлежали суду своихъ полчанъ, и тогда

---

[1]) Кіевск. Стар., 1882, I.

имъ случалось „силомоцю посѣдати людскіе грунта“. А ужъ позже, когда они стали назначаться гетманами или русскимъ правительствомъ, являясь въ своемъ полку иногда настоящими бичами божіими, какъ напр. Милорадовичъ, насиліе стало практиковаться въ очень беззастѣнчивыхъ и очень широкихъ размѣрахъ. „Гдѣ было какое годное къ пользѣ людской мѣсто, все онъ (полк. Горленко, любимецъ Мазепы) своими хуторами позанималъ; а дѣлалъ это такъ, что одному заплатитъ, а сотни людей должны неволею свое имущество оставлять. Куда ни глянешь, все его хутора, и все будто купленные, а купчія беретъ, хотя и не радъ продавать“ [1]).

Рядомъ съ захватомъ—на законномъ и на незаконномъ основаніи—имущества частныхъ лицъ, шло усиленное расхищеніе общественнаго достоянія. Мы уже не говоримъ о заимкахъ свободныхъ земель; заимки эти, вначалѣ стѣсненныя господствовавшимъ въ первое время народнымъ правовымъ смысломъ, не позволявшимъ захватывать землю иначе какъ фактическимъ, трудовымъ захватомъ, затѣмъ, съ устраненіемъ народа на задній планъ, стали практиковаться въ такихъ размѣрахъ, что уже въ половинѣ XVIII-го столѣтія почти не оставалось свободныхъ земель, земли не заселялись, а просто разбивались панами въ чаяніи будущихъ благъ. Земельный народный фондъ, единственное обезпеченіе будущихъ поколѣній, исчезъ безслѣдно. Но захватъ земель, свободныхъ и пустыхъ, все-таки не такъ оскорблялъ правовое чувство, какъ расхищеніе ранговыхъ маетностей.

Ранговыя маетности—тѣ населенныя земли, доходъ съ которыхъ, главнымъ образомъ, въ видѣ обязательнаго труда населенія, шелъ вмѣсто жалованья войсковымъ чинамъ. Земля оставалась собственностью населенія. Но паны принялись за аттаку ранговыхъ маетностей съ двухъ сторонъ. Съ одной стороны, они старались лишить и въ концѣ концовъ, конечно, лишили посполитыхъ правъ собственности на эту землю; съ другой, каждый панъ стремился обратить ранговую маетность, т.-е. собственность войсковую, въ свою личную, наслѣдственную, и если только пользовался расположеніемъ сильныхъ міра сего, т.-е. имѣлъ связи при дворѣ, знакомство съ вельможами или былъ простонапросто хорошъ съ гетманомъ или великорусскими правителями Малороссіи, то всегда и успѣвалъ. Такимъ образомъ и ранговыя маетности шли, а въ концѣ-концовъ и ушли, вслѣдъ за свободными землями, на расширеніе и округленіе панскаго владѣнія.

---

[1]) Русскій Арх. 1875, кн. 9.

Но пріобрѣсти такъ или иначе землю—это было еще полдѣла: надо было ее закрѣпить за собой. Всякое пріобрѣтеніе само по себѣ было крайне шатко. Ранговую маетность, даже перешедшую по наслѣдству, всегда могъ оттягать другой войсковой чинъ, ссылаясь на ея общественный характеръ; занятую свободную землю, хотя бы занятую и съ законнаго разрѣшенія, могъ оттягать и сосѣдъ, которому она была также нужна, и громада, изъ земельнаго фонда которой она была извлечена; даже купля съ несомнѣннѣйшими документами—и та сама по себѣ не гарантировала вполнѣ прочности владѣнія, если только она встрѣчалась съ интересами лица болѣе сильнаго. Если кто-нибудь, ведя тяжбу, убѣждался, что его сторона не возьметъ верхъ, то онъ уступалъ свои права вліятельному лицу, и такимъ образомъ донималъ противника не мытьемъ, такъ катаньемъ, потому что чашка его правъ тотчасъ же начинала перевѣшивать [1]). Все было шатко, непрочно, все зависѣло отъ случайности и произвола, отъ того, кто раньше подсунетъ нужному лицу пріятный подарокъ, съумѣетъ лучше угостить это нужное лицо, успѣетъ съ нимъ покумиться и т. п. Никакой панъ, сидя на благопріобрѣтенныхъ маетностяхъ, не могъ быть увѣренъ, что такая или иная перемѣна въ Петербургѣ, смѣна гетмана или правителя, не лишитъ его если не всего, то хоть части его пріобрѣтеній, совсѣмъ даже помимо какихъ-либо политическихъ или иныхъ его провинностей, просто потому, что его благопріобрѣтеніе приглянется другому, болѣе сильному или ловкому. Единственной гарантіей прочности, и то далеко не полной, хотя все-таки практически удовлетворительной, была царская грамота на владѣніе, въ меньшей мѣрѣ гетманскій универсалъ. Конечно, выхлопотать царскую грамоту было нелегко: много было надо на это времени, хлопотъ въ Петербургѣ, а главное поклоновъ и подарковъ. Но зато самое сомнительное право, граничащее съ беззастѣнчивѣйшимъ самоуправствомъ, могло укрываться и дѣйствительно укрывалось за царской грамотой, какъ за каменной стѣной. Оттого добиться царской грамоты было мечтой каждаго пана; заграмотныя или просто „грамотныя“ маетности цѣнились чрезвычайно.

---

[1]) Архивъ Сулимъ, № 155.

V.

Мы говорили исключительно о землѣ. Но права на землю такъ тѣсно переплетались съ правами на обязательный трудъ населенія, сидящаго на этой землѣ, что трудно и разграничить эти два предмета—или скорѣе двѣ стороны одного и того же предмета.

Исходный пунктъ положенія, послѣ Хмельницкаго, указанъ нами выше: вся земля была совершенно свободна; свободенъ былъ и человѣкъ, которому предстояло занять эту землю. Прошло столѣтіе. Что̀ сталось съ землей—видно и изъ предъидущей главы; а свободный земледѣлецъ, которому переворотъ открывалъ, казалось, такую лучезарную перспективу?

Болѣе сильная экономически часть свободныхъ земледѣльцевъ успѣла, подъ именемъ козаковъ, сохранить свою свободу; но зато болѣе слабая часть, такъ-называемые посполитые, очутились въ полной зависимости отъ пановъ. Любопытно, что весь этотъ процессъ совершился чисто фактическимъ, а не юридическимъ путемъ, безъ всякаго вмѣшательства, по крайней мѣрѣ, непосредственнаго вмѣшательства государственной власти. Указъ 3 мая 1783 г., съ котораго считаютъ крѣпостное право въ Малороссіи, лишь далъ санкцію, а вмѣстѣ съ нею, конечно, и устойчивость, существующему положенію,—не больше.

Если войсковой урядъ для превращенія въ дворянство не могъ обойтись безъ земли, то онъ не могъ, конечно, обойтись и безъ обязательнаго труда. Съ одной стороны, по понятіямъ времени, пользованіе обязательнымъ трудомъ входило необходимой составной частью въ понятіе дворянской привилегированности; съ другой, и въ силу экономическихъ условій, невозможно было крупному землевладѣльцу вести хозяйство безъ обязательнаго труда. Предложеніе свободныхъ рабочихъ рукъ было слишкомъ ничтожно, и мало-мальски усиленный спросъ поднялъ бы тотчасъ же цѣны до полной невозможности продолжать дѣло. Но какимъ образомъ могъ войсковой урядъ закрѣпить за собой свободное населеніе, еще такъ недавно освободившееся „отъ ига лядскихъ пановъ“, по тогдашнему выраженію, еще полное сознанія совершоннаго имъ дѣла и пріобрѣтенной свободы? Никакихъ правовыхъ средствъ для этого у него въ рукахъ не было. На русское правительство нечего было въ данномъ случаѣ разсчитывать: какъ союзъ Малороссіи съ Россіей возникъ въ силу тяготѣній къ нему массы, такъ и дальнѣйшая политика русскаго правительства, вплоть до

второй половины XVIII-го столѣтія, имѣла демократическій характеръ, не допускавшій никакой рѣшительной мѣры, направленной въ интересахъ привилегированнаго сословія противъ непривилегированнаго.

И однакожъ панскій интересъ, поддерживаемый взаимной солидарностью и относительной организованностью панства, какъ правящей группы,—поддерживаемый, конечно, также независимо отъ какой-либо политической тенденціи самымъ строемъ русскаго государства,—былъ настолько сильнѣе народной слѣпоты и разрозненности, что свершилось то, чего довольно трудно было ожидать: народъ, только-что освободившійся изъ-подъ ига лядскихъ пановъ, самъ подставилъ шею подъ иго своихъ пановъ, которые часто были, по его же собственному сознанію, „хуже лядскихъ".

Конечно, выраженіе: „народъ самъ подставилъ шею", не совсѣмъ точно: точнѣе сказать, онъ по своей пассивности не замѣтилъ, какъ панство понемножку втянуло его въ ярмо. Шло дѣло къ этому своему окончательному результату двумя совсѣмъ различными путями, тѣми же, впрочемъ, по существу, несмотря на различіе формы, какими шелъ аналогичный процессъ и въ Великой Россіи, съ тою разницей, что онъ здѣсь растянулся на нѣсколько столѣтій, а въ Малой весь закончился меньше чѣмъ въ одно столѣтіе. Эти два различные пути были такіе. Съ одной стороны, панство лишало свободныхъ земледѣльцевъ ихъ земли и свободы; съ другой, садило свободныхъ, но безземельныхъ людей, по договору, на свои пустыя земли, а затѣмъ прикрѣпляло ихъ къ этой землѣ.

Въ основаніе процесса легли, какъ это и можно было ожидать, ранговыя маетности.

При Богданѣ Хмельницкомъ войсковой урядъ не смѣлъ ничего себѣ назначить въ вознагражденіе за свой трудъ управленія, кромѣ мельницъ. Но уже скоро послѣ Хмельницкаго стали раздаваться на уряды населенныя земли. Впрочемъ, раздача эта не заключала въ себѣ ничего иного, кромѣ права на обязательный трудъ населенія, сидящаго на этой землѣ, и то права крайне ограниченнаго: напримѣръ, на подданныхъ лежало гаченье плотинъ, уборка сѣна и доставка дровъ на панскій дворъ [1])—и только. Вообще, надо думать, что размѣры этихъ повинностей приспособлялись къ тому, чтò платило или отбывало остальное свободное населеніе въ пользу войсковаго скарба. Тотъ фактъ,

[1]) Лазаревскій, Посполитые крестьяне, 30.

что населеніе этихъ земель отбывало свои повинности не въ пользу войскового скарба, а въ пользу пана полковника или пана есаула, не должно было ничѣмъ отражаться на личной свободѣ земледѣльца, ни на его правахъ на землю, которая была его полной собственностью. Но первый комъ снѣга былъ пущенъ по наклонной плоскости и въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій выросъ въ снѣжную гору, задавившую всѣ посполитскія вольности. Тоненькая ниточка зависимости, первоначально связавшая пана съ посполитымъ, обратилась въ мертвую петлю. Чрезвычайная быстрота, съ какой пошелъ процессъ, объясняется, кромѣ связи съ русскимъ государственнымъ организмомъ, уже имѣвшимъ развитое крѣпостное право, и тѣмъ фактомъ, что лица, успѣвшія захватить въ свои руки ниточку, къ которой привязана была свобода—личная и имущественная—населенія, были, вмѣстѣ съ тѣмъ, администраторами, судьями—однимъ словомъ, полновластными правителями того же самаго населенія. Между какимъ-нибудь московскимъ испомѣщеннымъ боярскимъ сыномъ и населеніемъ, на тягло и службы котораго онъ получалъ право, какъ-ни-какъ, а все-таки стояло государство и его агенты; между посполитымъ и паномъ полковникомъ или сотникомъ не было никого. Пришло и тутъ и тамъ къ одному, но пришло тамъ въ сотни лѣтъ, тутъ—въ какіе-нибудь десятки.

Даже не зная фактовъ, легко представить себѣ, какъ шло дѣло. Количество обязательнаго труда въ пользу пана все увеличивалось, стремясь, при отсутствіи противодѣйствія, къ своему естественному предѣлу, какой кладется минимальнымъ уровнемъ потребностей и привычекъ населенія, ниже котораго оно уже не сможетъ или не захочетъ опуститься. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ростетъ и личная зависимость подданнаго отъ пана, какъ прямой и необходимый результатъ двойной зависимости отъ него, какъ господина и правителя. Къ землѣ подданный привязанъ и безъ того: вѣдь она его собственность. Но какое значеніе могъ имѣть этотъ фактъ, когда собственникомъ земли былъ человѣкъ, лишенный перваго изъ личныхъ правъ—права распоряжаться своимъ трудомъ? Мало-по-малу паны начали толковать универсалы и грамоты на ранговыя или жалуемыя маетности не въ первоначальномъ смыслѣ права на распоряженіе извѣстнымъ количествомъ труда населенія, сидящаго на этихъ земляхъ, а въ смыслѣ полнаго права собственности и на самую землю. Встрѣчныя права посполитыхъ, иногда также утверждаемыя законными документами, хотя въ большинствѣ случаевъ, конечно, лишенныя юридическихъ закрѣпленій, теряли передъ этими универсалами и грамотами всякое значеніе.

Такимъ образомъ, быстро, но все-таки съ извѣстной постепенностью, безъ рѣзкихъ насилій, безъ всякихъ рѣшительныхъ мѣропріятій со стороны законодательной власти, свободные земледѣльцы превратились въ зависимыхъ. При этомъ, разумѣется, не обошлось и безъ массы прямыхъ значительныхъ злоупотребленій. Напр., выпрашиваетъ войсковой канцеляристъ Романовичъ у гетмана Скоропадскаго за свою „службу" при описи раскольничьихъ слободъ право на то, чтобъ крестьяне села Случка обработывали принадлежащую ему въ этомъ селѣ „чвертку" земли. Изъ этого маленькаго факта черезъ три только года выростаетъ такое положеніе: „село старинное ратушное Случокъ объялъ въ подданство панъ Романовичъ и тимъ бѣднымъ людемъ не даетъ отпочинку; по цѣлой недѣлѣ загнанніе въ Погаръ (за три милѣ) матери его отправують великія работизны безъ перемѣны; а другіе тутъ на мѣстцѣ не зиходять зъ пригону, будують, брусся возять, пашуть, на сторожу по два человѣка ходять на отмѣну, а когда ѣдетъ до города, то беретъ у людей коней у подводы, изъ каждого двора по возу беретъ сѣна, посопъ (отсыпъ) хлѣбный и поборъ приказалъ себѣ готовити" [1])... Или позволяетъ полковникъ сотнику взять изъ крестьянъ села четырехъ человѣкъ „для домовой прислуги": этого оказывается достаточнымъ, чтобы сначала оказалось въ подчиненіи сотника все крестьянское населеніе села, а затѣмъ и все село въ полномъ его составѣ переходитъ во власть сотника [2]). Однимъ словомъ, постоянно разыгрывается въ лицахъ сказка о волкѣ, который позволилъ положить лисицѣ одну лапу въ свою хату; какъ разъ то, что выражаетъ собою малорусская пословица: „дай панові пучку (палецъ), а вінъ и за ручку". Но, собственно, рѣзкія насилія и выдающіяся злоупотребленія не составляютъ характерной черты этого процесса: весь онъ, несмотря на быстроту, закончился относительно спокойно, почти безъ сопротивленія и протестовъ со стороны посполитыхъ. Зато панамъ выпало-таки порядкомъ хлопотъ при обращеніи козаковъ въ подданные.

Во II главѣ мы сказали, что послѣ Хмельницкаго первое время не было разницы между козакомъ и посполитымъ, кромѣ чисто фактической: кто хотѣлъ и могъ быть козакомъ—вписывался въ козацкіе компуты и отправлялъ военную службу; кто не хотѣлъ или не могъ—оставался посполитымъ. Это чисто фактическое различіе къ началу XVIII-го стол. обратилось уже въ юридическое: образовались двѣ сословныя группы, хотя все еще равныя по

---

[1]) Лазаревскій, Стародубскій полкъ, 164.
[2]) Тамъ же, 164.

своимъ личнымъ и имущественнымъ правамъ. Переходы были еще возможны, но уже до нѣкоторой степени затруднены юридической стороной положенія. Параллельно шедшій процессъ надавливанія панства на посполитыхъ съ каждымъ шагомъ своимъ все углублялъ и углублялъ борозду, разграничивавшую эти двѣ сословныя группы. Крайне жаль, что нѣтъ никакой возможности точно опредѣлить относительныя цифры козачества и посполиства къ началу XVIII-го вѣка. Какъ бы то ни было, панамъ очевидно не хватало посполитыхъ—иначе они не гнались бы такъ за хлопотливымъ дѣломъ обращенія въ подданные козаковъ. Хлопотливость обусловливалась тѣмъ, что за козаковъ были законы, „Литовскій Статутъ", какъ они ни были неопредѣленны и шатки, былъ обычай, наконецъ было даже и русское правительство; свобода же посполитыхъ, существовавшая вначалѣ какъ фактъ, не была гарантирована буквой закона, ни традиціей, ни центральной властью, какъ она ни стремилась быть демократичной: посполитый есть мужикъ, а что такое мужикъ—Петербургъ это зналъ. Противъ свободы посполитыхъ, какъ голаго факта, выступилъ другой фактъ—потребность привилегированнаго сословія въ обязательномъ трудѣ, и болѣе сильное взяло верхъ. Свобода козаковъ была особь-статья, и если панство рѣшилось воевать и съ нею, то, значитъ, ему дѣйствительно было слишкомъ мало посполитыхъ. Впрочемъ, надо замѣтить, что тутъ все переплетается съ вопросомъ о землѣ, и трудно сказать, былъ ли въ томъ или другомъ случаѣ нуженъ пану самъ козакъ или его земля.

Хаотическое состояніе общества, невыясненность и неопредѣленность всѣхъ общественныхъ отношеній давали постоянно предлоги и поводы панству „ухватывать за ручку" и козака. Больше всего мутило воду, чтобъ панамъ удобнѣе было ловить рыбу, то̀, что движеніе земельной собственности между посполитыми—пока паны еще не закрѣпили ихъ окончательно—и козаками было свободно. А между тѣмъ отправленіе тѣхъ или иныхъ повинностей, козацкихъ или посполитскихъ, связано было болѣе съ землей, чѣмъ съ лицомъ. Какъ быть, если козакъ продавалъ или иначе какъ-нибудь отчуждалъ свой „козацкій грунтъ" посполитому? какъ быть, если козакъ оказывался владѣющимъ посполитскимъ грунтомъ? Однимъ словомъ, путаница выходила страшная, и паны имѣли полную возможность, какъ господа, судьи и администраторы, въ каждомъ данномъ случаѣ поворачивать дѣло такъ, какъ имъ было удобнѣе. Болѣе сильные изъ нихъ, напр. вліятельные полковники, имѣвшіе сильную руку у пана гетмана, а еще лучше прямо въ Петербургѣ, не нуждались въ мутной водѣ, а прямо

брали свое, гдѣ оно имъ полюбится. „Мы купили себѣ козацкіе плецы для житя и хотѣли козацкую службу служить, такъ якъ и отецъ нашъ, но понеже тое село было за разними панами полковниками Чернѣговскими въ подданствѣ и нельзя было такъ сильной власти противиться, ибо не токмо намъ невозможно было, але въ нѣкоторыхъ маетностяхъ и зажилые старые козаки подвернены были въ подданство, а другіе въ боярскую службу, того ради мусѣли усиловне отбувать подданскую повинность“ [1]),—такъ жалуются одни изъ массы козаковъ, обращаемыхъ въ подданство. Но такой львиный способъ дѣйствій, приличный гетману или сильному полковнику, былъ не по чину лицамъ низшаго войскового уряда. Имъ приводилось или придираться къ путаницѣ положенія, или самимъ его спутывать, а затѣмъ приводить дѣло къ концу или при помощи законной власти, или при помощи насилія, вплоть до настоящаго мучительства: приковыванія на арматѣ, привязыванія къ сволоку за руки или стремглавъ [2]) и т. п. Чаще всего дѣлалось такъ. Панъ прежде всего отбиралъ землю за просроченный долгъ, какъ это было показано въ предъидущей главѣ. Обезземеленнаго козака онъ принималъ къ себѣ подсосѣдкомъ, оставляя его жить на той же самой землѣ, которую онъ уже обратилъ въ свою собственность; а потомъ принуждалъ его отбывать повинности наравнѣ съ подданными, угрожая въ противномъ случаѣ выгнать со двора. Впрочемъ, способы были различны. Напримѣръ, былъ обычай, чтобъ лицамъ войскового уряда опредѣлять извѣстное число „куренчиковъ“, т.-е. козаковъ „до всякихъ къ покоямъ службъ и до посилокъ з письмами“, нѣчто въ родѣ деньщиковъ: этихъ куренчиковъ, пользуясь ихъ зависимымъ положеніемъ, паны обращали въ подданныхъ и т. д. Способы различны, результатъ одинъ. Архивы лѣвобережной Украйны переполнены жалобами козаковъ на пановъ, обратившихъ ихъ изъ козацкой службы въ „послушенство“: все это такъ-называемыя дѣла „объ ищущихъ козачества“. Русское правительство довольно рано обратило вниманіе на эти дѣйствія войскового уряда, въ которыхъ видѣло злоупотребленія, вредящія государственнымъ интересамъ: вмѣстѣ съ запрещеніемъ скупли козачьихъ земель, запрещалось и обращеніе козаковъ въ подданство. Но судьба и тѣхъ и другихъ запрещеній была одна и та же.

Итакъ, свободные земледѣльцы — посполитые въ полномъ своемъ составѣ, козаки частью—составили первую категорію за-

---

[1]) Архивъ Сулимъ, № 178.

[2]) Кіевск. Стар. 1882, № 3. Лазаревскій, Очерки, и пр.: Милорадовичи.

висимаго населенія: но панство имѣло и еще способъ обезпечивать за собой обязательный трудъ населенія, подготовлять себѣ въ немъ будущихъ крѣпостныхъ. Этотъ способъ былъ: заселеніе пустыхъ земель, по договору, свободными людьми.

Какъ только положеніе вещей открыло къ тому возможность, панство начало усиленно пріобрѣтать пустыя земли. Имѣя въ распоряженіи такую землю, панъ обращался къ гетману за разрѣшеніемъ осадить на этой землѣ слободу, и обыкновенно не получалъ отказа. Въ XVII-мъ вѣкѣ разрѣшеніемъ опредѣлялось число людей, которое можно было посадить, напримѣръ человѣкъ десять. Но позже гетманы, въ огражденіе интересовъ какъ казны, такъ и остального панства, ставили лишь такое ограниченіе: чтобъ на новую слободу созывались люди „непенные лечъ съ заграницы захожіе“ (изъ-за Днѣпра, изъ Польской Украйны), или если это были люди мѣстные, то „жебы не были господари изъ жилищъ осѣдлыхъ на певныхъ селахъ маючихся для вольности слободской оттоль ухилялися, але жебы люди вольные, легкіе, жилища и притулиска своего слушного и жадного не маючіе“ [1]), а просто „волочачіеся“ люди. Конечно, каждый гетманъ, самъ панъ, первый между равными, отлично понималъ, какимъ сильнымъ средствомъ для роста панства были слободы съ одной стороны, но какъ онѣ могли, при отсутствіи юридическаго прикрѣпленія населенія къ землѣ, съ другой стороны, и вредить этому росту, еслибъ онѣ заселялись людьми, которые, въ виду возростающихъ стѣсненій, кидали свои старыя земли, хотя и собственныя, но ускользающія изъ рукъ, и уходили на новыя, хотя и панскія, но привлекательныя „своею слободскою вольностію“. Эта слободская вольность заключалась въ томъ, что панъ, призывая людей на свои земли, договаривался съ ними такъ: на первое время, обыкновенно на нѣсколько лѣтъ, они совсѣмъ освобождались отъ какихъ бы то ни было обязательствъ, затѣмъ по истеченіи льготныхъ лѣтъ должны были платить легкій чиншъ. Въ болѣе отдаленное будущее договаривающіяся стороны не заглядывали, по крайней мѣрѣ не заглядывали открыто, хотя про себя панъ, умудренный политическимъ опытомъ, могъ кое-что провидѣть, что̀ ускользало отъ менѣе дальнозоркаго слобожанина. Но будущее и само не замедливало разворачивать свои перспективы. Чинши все росли; къ нимъ присоединялись и другія обязательства, и вольность слободская быстро обращалась въ тяжелую, сначала только

---

[1]) Напр. универсалы Мазепы, Апостола: Обозрѣніе Румянцовской описи, 355, 364, 433.

экономическую, а затѣмъ и юридическую неволю. Ка̀къ это дѣлалось—пусть за насъ говорятъ документы. Вотъ панъ черезъ двухъ осадчихъ „закликаетъ слободу“. Свободы дается „на десять лѣтъ и когда выйдутъ тѣ годы, то болшъ никакихъ долегливостей отъ слобожанъ не требовать, какъ только давать имъ въ годъ по сто талеровъ, да досматривать тамошній млинокъ и отвозить изъ млинка розмѣръ“. Годовой чиншъ панъ начинаетъ требовать уже въ 1719 г., хотя очевидно еще не истекъ условленный срокъ, но тѣ не спорятъ и платятъ. А въ 1727 г. положеніе слобожанъ принимаетъ такой оборотъ. Владѣлица присылаетъ въ слободу и требуетъ, чтобъ ѣхали на панщину въ то село, гдѣ она жила. „Мы не поѣхали“, разсказываютъ слобожане, „помня договоръ, чтобы платить только годовой чиншъ по сто талеровъ и быть уже свободнымъ отъ всякой панщины. Понорови̇вши нѣкоторое время, Даровская (имя владѣлицы) снова прислала намъ приказъ, чтобы ѣхали мы на ту панщину неотмовно; и мы, исполняя тотъ приказъ Даровской яко комендѣрки своей, выслали на панщину тридцать-пять своихъ парубковъ, которыхъ Даровская приказала всѣхъ безъ исключенія тирански батожьемъ бить, приписуючи вину сію, что за первымъ разомъ не поѣхали на панщину. А потомъ позваны были во владѣльческое село и всѣ мы, хозяева, гдѣ, зазвавши насъ во дворъ, приказала Даровская, по одному оттуда выводя, нещадно кіями бить, отъ котораго бою недѣль по шесть и побольше многіе изъ насъ пролежали“ [1]). Конечно, не все панство было такъ энергично, какъ Даровская, хотя подобное утвержденіе своихъ правъ было очень въ духѣ тогдашнихъ пановъ, практиковавшихъ, главнымъ образомъ, на этомъ поприщѣ свои наслѣдственные воинственные инстинкты. Если панъ иногда не обнаруживалъ большой наступательной энергіи, то процессъ обращенія населенія въ зависимое затягивался, но онъ неизбѣжно приходилъ къ тому же своему естественному концу. Опять-таки приходилъ, конечно, лишь фактически: земледѣлецъ былъ привязанъ къ панской землѣ своимъ хозяйствомъ, которымъ онъ обзавелся, очень часто задолженностью передъ паномъ, тѣмъ, что ему некуда было дѣться, такъ какъ на новыя слободы не принимали „господарей изъ жилищъ осѣдлыхъ на певныхъ селахъ маючихся“; а иногда распоряженіями, казалось бы, совершенно произвольными, не имѣющими подъ собой никакой правовой подкладки, но тѣмъ не менѣе вполнѣ

[1]) Стародубскій полкъ, вып. II, 353.

дѣйствительными, мѣстныхъ властей. А не за горами было и законное юридическое закрѣпленіе.

Вообще, съ людьми, посаженными по договору на землю,— пустую ли, какъ садились на слободы, или уже съ устроеннымъ хозяйствомъ, какъ подсосѣдки,—съ такими людьми легче было управляться, легче было приводить ихъ въ вполнѣ зависимое положеніе, подготовлять полное крѣпостное право, чѣмъ съ посполитыми, сидящими на своей собственной землѣ. Отсюда вытекало такое злоупотребленіе, повидимому довольно распространенное, и вызывавшее частыя и горькія жалобы. Панъ, получивъ какимъ-нибудь образомъ въ свое владѣніе населенную маетность—на рангъ ли, въ видѣ ли пожалованія и т. п.,— старался о томъ, чтобы заставить населеніе маетности покинуть свои земли. „Обнявши оное селцо Хмелевку въ подданство", жалуются посполитые на одного изъ подобныхъ пановъ, „немѣрными и несносными работизнами и податками насъ утѣснилъ для того, чтобы смо по слободахъ расходилися, а ему чтобъ грунта наши и дворы остались, яко съ десяти тяглыхъ человѣкъ одинъ только остался человѣкъ; прочіи по слободахъ, оставивши свои осѣдлости, мусѣли разволоктися" [1]... Разумѣется, не мало хлопотъ стоило пану добиться того, чтобъ населенію стало настолько не въ моготу, что оно покидало бы свои родныя батьковскія земли.

Итакъ, закрѣпощеніе населенія шло двумя руслами. Съ одной стороны, посполитые, свободные землевладѣльцы, лишались понемногу и правъ на землю, и личной свободы; съ другой, лично свободные, но безземельные люди, садившіеся по договору на владѣльческія земли, также теряли свои права свободныхъ людей. Знаменитый указъ Екатерины II, 3-го мая 1783, слилъ оба эти теченія въ одно, и они утратили такимъ образомъ свои особенности: въ общей массѣ крѣпостного населенія уже нельзя было разобрать, — да и не къ чему,—кто происходилъ отъ крестьянъ-собственниковъ, кто отъ вольныхъ перехожихъ людей.

Выше было сказано, что указъ Екатерины лишь далъ устойчивость существовавшему положенію,—не больше. Но можно ли сказать это, если только въ силу упомянутаго указа крестьяне были прикрѣплены къ землѣ, а до тѣхъ поръ сохраняли свободу передвиженія, какъ это принято думать? Въ томъ-то и дѣло, что свобода передвиженія уже задолго передъ указомъ была если не отнята юридически,—такъ какъ этого нельзя было сдѣлать безъ законодательнаго акта, исходящаго отъ верховной власти,—

[1]) Стародубскій полкъ, 165.

то отнята фактически. А сдѣлалось это такъ. Паны войскового уряда, господа населенія и правители края, конечно, ощущали постоянно и напряженно, что свобода передвиженія, которая была гарантирована народу, какъ одно изъ его правъ и вольностей, хороша лишь до тѣхъ поръ, пока, благодаря ей, можно заставить покинуть свои земли старое населеніе, съ которымъ неудобно имѣть дѣло, и заселить эти земли новымъ. Дальше же этого она есть страшное зло, подводящее постоянно мины подъ всѣ панскія сооруженія, воздвигаемыя съ такими усиліями. Неудивительно поэтому, что войсковой урядъ началъ дѣлать натиски на эту свободу еще въ то время, когда они совсѣмъ еще, повидимому, не оправдывались обстоятельствами, когда посполитому и во снѣ не грезилась его будущая судьба. Такъ сохранился, напр., приказъ Мазепы 1707 г. полтавскому полковнику, чтобы онъ людей, уходящихъ на слободы, „не только переймалъ, грабилъ, забиралъ, вязеннемъ мордовалъ, кіями билъ, лечъ безъ пощадѣння вѣшати разсказовалъ“ [1]). Конечно, это можно счесть за выходку „малороссійскаго владыки“, желающаго насолить своимъ личнымъ врагамъ, которые осмѣлились, безъ его разрѣшенія, осаживать слободы. Но любопытно, что его гнѣвная мысль принимаетъ именно это, а не иное направленіе. Какъ бы то ни было, уже въ 1739 г. генеральная войсковая канцелярія, пользуясь, вѣроятно, обстоятельствами тогдашняго военнаго времени, считаетъ себя въ правѣ, подъ угрозой смертной казни, запретить переходы, чтобы пресѣчь будто бы такимъ образомъ побѣги за границу. Но русское правительство, слѣдуя своей традиціонной демократической политикѣ, черезъ три года (1742 г.) именнымъ указомъ уничтожаетъ это запрещеніе. Но положеніе теперь уже было иное, чѣмъ при Мазепѣ, всего 35 лѣтъ тому назадъ, и иную силу имѣютъ и приказанія и запрещенія. Несмотря на указъ 1742 г., какъ бы возстановлявшій старыя права посполитыхъ, они уже не могли быть старыми, такъ какъ свершилось нѣкоторое перемѣщеніе соціальнаго центра тяжести: теперь уже даже полковыя канцеляріи рѣшаются въ спорныхъ дѣлахъ съ посполитыми обращаться къ статьямъ Литовскаго Статута, трактующимъ земледѣльца какъ несвободнаго, и на основаніи этихъ статей своею властью ограничиваютъ право перехода [2]). Еще 18 лѣтъ, и гетманъ Разумовскій уже считаетъ возможнымъ узаконить своею властью такое ограниченіе, почти равняющееся за-

---

[1]) Русскій Арх. 1875, кн. 8, стр. 408.

[2]) Кіевск. Стар. 1885, кн. 7. Универсалъ Разумовскаго.

прещенію: чтобъ посполитые, намѣревающіеся оставить владѣльца, не брали съ собой никакого имѣнія, „какъ нажитаго съ владѣльческихъ грунтовъ" и кромѣ того обязательно брали у владѣльца при отходѣ письменное свидѣтельство [1]). Такимъ образомъ, и овцы были цѣлы, и волки сыты,—и императорскіе указы соблюдены, и владѣльцы вполнѣ удовлетворены: куда пойдетъ посполитый, ободранный отъ своей движимости, да еще связанный обязательствомъ имѣть письменное свидѣтельство отъ пана? Болѣе энергичная часть населенія, не имѣя права легальнаго перехода, просто бѣжала куда глаза глядятъ, въ новороссійскія степи, въ Запорожье,—благо по сосѣдству былъ еще земельный просторъ,—чтобъ укрыться отъ панскихъ притязаній [2]).

Какой горькой насмѣшкой, хотя, конечно, не преднамѣренной, надъ судьбой народа звучатъ тѣ слова только-что упомянутаго универсала Разумовскаго, гдѣ онъ въ доказательство необходимости сдѣлать ограниченіе переходовъ, обращается къ „стародавнимъ правамъ и вольностямъ народа малороссійскаго": эти права и вольности, на которыя еще такъ недавно ссылались указы въ защиту народной свободы, теперь оказались не чѣмъ инымъ, какъ Литовскимъ Статутомъ, который такъ хорошо знаетъ различіе между свободнымъ и несвободнымъ. Какъ будто и не бывало того, что народъ разрушилъ своими руками общественный строй, находившій свое юридическое выраженіе въ Литовскомъ Статутѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, казалось, и на вѣки вѣковъ похоронилъ этотъ законодательный памятникъ своего рабства.

VI.

Малорусское панство обезпечило себя землей; обезпечило себя обязательнымъ трудомъ. Слѣдовательно, были на-лицо тѣ главнѣйшія соціальныя условія, на которыхъ зиждется дворянская привилегированность. И однако оно все еще не было дворянствомъ. Русское правительство, которое одно могло дать свою верховную санкцію факту, и собственно должно было бы дать, такъ какъ фактъ этотъ уже существовалъ въ полной гармоніи со всѣмъ государственнымъ и общественнымъ строемъ, тѣмъ не менѣе упорно продолжало видѣть въ малорусскомъ панствѣ простую козацкую старшину, недостойную стать въ рядъ съ благо-

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Есть указъ (10 дек. 1763 г.), подтверждающій это распоряженіе Разумовскаго.

роднымъ русскимъ дворянствомъ. Однако панство не унывало и прямо шло къ намѣченной цѣли.

Но можно ли, однако, сказать, что цѣль эта была сознательно намѣчена? Можно ли предположить, что малорусское панство—не въ отдѣльныхъ единицахъ, а въ цѣломъ составѣ своей группы—было настолько политически опытно и проницательно, чтобъ умѣть заглядывать въ будущее? Нѣтъ, по всей вѣроятности; но поступало оно, тѣмъ не менѣе, вполнѣ сообразно съ интересами своей сословной группы. Надо было, прежде всего, заставить забыть другихъ—а лучше всего и самому забыть—свое близкое родство, свою недавнюю связь съ черной костью народной массы. А забыть это было нелегко: общность типа и уровня культурности, языкъ, формы быта, господствовавшія не только въ XVII-мъ, но еще и въ началѣ XVIII-го вѣка, все твердило о тождествѣ происхожденія привилегированныхъ съ непривилегированными. Необходимо было добиться того, чтобъ панское благородство, помимо какихъ-либо юридическихъ или историческихъ доказательствъ, било въ глаза изъ всѣхъ мелочей и подробностей жизненной обстановки.

Обезпеченность и досугъ, какъ результатъ обладанія землей и обязательнымъ трудомъ, открыли малорусскому панству широкую и торную дорогу такъ-называемаго европейскаго „образованія", смѣси формъ внѣшней полировки съ нѣкоторыми условно-необходимыми навыками и свѣденіями, приправленной, впрочемъ, иногда и крупицами настоящей науки. Малорусское панство кинулось на эту дорогу съ большой энергіей, нѣтъ спору. Великорусское дворянство той же эпохи, стремившееся въ Европу со всей силой инерціи, какую сообщилъ гигантскій размахъ Петра, все-таки уступало въ этомъ отношеніи малорусскому панству. Забота объ образованіи дѣтей, забота о томъ, чтобъ и въ себѣ поддержать путемъ чтенія, путемъ сношеній съ образованными людьми усвоенные начатки образованности, были однѣми изъ главнѣйшихъ заботъ обезпеченнаго человѣка. На образованіе дѣтей выпрашиваются и жалуются маетности; въ духовныхъ образованіе дѣтей упоминается на первомъ планѣ, а книга есть такая же важная статья завѣщанія, какъ плецъ или млинъ; люди не особенно богатые разстроиваютъ свое состояніе на образованіе дѣтей.

Эта энергія довольно быстро подняла уровень образованности войсковой старшины, вначалѣ очень незначительный, едва ли сколько-нибудь замѣтно возвышавшійся надъ общимъ уровнемъ образованности всей народной массы. Достаточно сказать, что

даже сотники, на обязанности которыхъ лежалъ, между прочимъ, и судъ, были еще въ XVII-мъ в. часто неграмотны. Мало того, даже въ началѣ XVIII-го в. встрѣчаются неграмотные полковники. Неграмотны были женщины въ средѣ высшей старшины, вращающейся около гетманскаго двора; напр., не умѣла подписать своего имени жена извѣстнаго Кочубея, врага Мазепы; сомнительно, умѣла ли это сдѣлать и жена гетмана Даніила Апостола.

Конечно, первое время для Малороссіи окномъ въ Европу, издавна прорубленнымъ, была Польша. Люди болѣе бѣдные и менѣе требовательные довольствовались домашними латинскими школами, кіевскими, переяславскими или новгородъ-сѣверскими, позже перенесенными въ Черниговъ. Но и въ этихъ школахъ юношество получало лишь то, чтò было аппробовано польской педагогической мудростью, питавшейся западно-европейскими уроками; латинскій языкъ, немножко Аристотелевой философіи, краснорѣчія и богословія, а въ добавокъ польскій языкъ [1]), какъ необходимое орудіе для дальнѣйшихъ успѣховъ и въ наукѣ, и въ свѣтѣ. Изъ этихъ школъ выходили „латинщики“, которые стремились въ канцеляристы генер. войсковой канцеляріи, разсчитывая отсюда уже пробиться на какой-нибудь урядъ, имѣющій превратить канцеляриста изъ „судоваго панича“ въ пана. Но люди болѣе состоятельные не довольствовались домашними школами, а посылали дѣтей заканчивать образованіе въ Польшу, преимущественно во Львовъ и Бреславль. Естественно, что въ библіотекахъ образованныхъ людей первой половины XVIII-го вѣка, и даже далѣе, наряду съ латинскими книгами мы встрѣчаемъ довольно много книгъ польскихъ, историческихъ и философскихъ. Такимъ образомъ шло дѣло образованія по изстари намѣченной колеѣ приблизительно до второй половины XVIII-го вѣка. А между тѣмъ подготовлялась перемѣна. Великая Россія, съ Петровскими реформами, получила для Малороссіи притягательную силу, какой не имѣла раньше; политическое сближеніе, двигавшееся по направленію къ полному сплоченію, усиливало эту притягательность. Въ мѣру сближенія Великой Россіи съ Малой, Польша теряла свой старый престижъ и такимъ образомъ перемѣщался центръ тяжести культурныхъ тяготѣній малорусскаго человѣка. Вслѣдъ за Великой Россіей и Малая стала признавать за своего руководителя въ дѣлѣ культуры Германію, нѣсколько позже Францію. Къ половинѣ XVIII-го вѣка малорусское панство начало посылать своихъ дѣтей въ нѣмецкіе университеты. Отдѣльные

[1]) Шафонскій, Описаніе Черниговскаго намѣстничества.

случаи бывали и раньше: такъ Томара учился въ нѣмецкихъ земляхъ еще въ началѣ XVIII-го вѣка. Но лишь со второй половины столѣтія, и, кажется, съ легкой руки М. В. Скоропадскаго, зятя Апостола, Гёттингенъ и другіе центры нѣмецкой учености сдѣлались постояннымъ ученымъ прибѣжищемъ малорусскаго панскаго юношества. Много ли науки вывозили съ собой оттуда малорусскіе паничи—дѣло темное, но несомнѣнно, что они возвращались оттуда отполированными по-европейски. Впрочемъ, насчетъ науки есть указанія, что, случалось, паничи и учились со страстью („когда мнѣ не пришлютъ денегъ, то хочъ хлѣба просячи, буду учитися“, пишетъ Обидовскій своимъ роднымъ [1]) и вывозили кое-какія, а иногда и довольно значительныя знанія, какъ свидѣтельствуетъ переписка съ сыновьями Ханенка, Сулимы. Свѣтская же полировка сдѣлала особенно большіе успѣхи съ тѣхъ поръ, какъ малорусское панство, вслѣдъ за великорусскимъ, обратилось за образованіемъ къ Франціи, приблизительно съ Елизаветинскихъ временъ. Со второй половины XVIII-го вѣка большое, а слѣдовательно, и болѣе образованное панство начинаетъ употреблять французскій языкъ, хлопочетъ о французскихъ гувернерахъ и гувернанткахъ,—вообще, сливается съ великорусскимъ дворянствомъ въ одинаковомъ стремленіи отполировать своихъ дѣтей на свѣтски-французскій ладъ, безусловно необходимый для ихъ успѣховъ въ жизни, такъ какъ дорога къ этимъ успѣхамъ уже теперь лежала одинаково для малорусскаго панства, какъ и для великорусскаго дворянства, черезъ Петербургъ. Теперь малорусскіе паничи уже обучаются и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, подготовляясь къ карьерѣ или при дворѣ, или при разныхъ русскихъ общегосударственныхъ учрежденіяхъ. Хлопочетъ панство усердно и о томъ, чтобъ завести у себя дома высшія училища, университеты, корпуса, институты и т. п., съ цѣлью облегчить себѣ трудное и дорого стоющее дѣло образованія: ни одно почти коллективное заявленіе правительству, о нуждахъ ли края или своей мѣстности, при какихъ бы обстоятельствахъ оно ни дѣлалось, не обходится безъ просьбъ о высшихъ образовательныхъ заведеніяхъ.

Итакъ, только одно столѣтіе прошло послѣ Хмельнищины и даже сама до чрезвычайности благосклонная къ малороссіянамъ Елизавета еще не могла признать за малорусскимъ панствомъ дворянскихъ правъ, а уже войсковой урядъ значительно успѣлъ отполироваться на европейски-космополитическій ладъ, оставивъ

---

[1]) Архивъ Сулимъ, № 34.

своимъ недавнимъ близкимъ родичамъ, козаку и посполитому, ихъ національный, немножко татарско-польскій обликъ.

Могъ ли малорусскій панъ, стремившійся къ образованію сначала на манеръ польскаго, затѣмъ великорусскаго дворянина, сохранить настолько уваженія къ языку своихъ простонародныхъ предковъ, чтобы попытаться положить именно этотъ языкъ въ основу своей новой, нарождающейся культурности? Могъ или нѣтъ—во всякомъ случаѣ онъ этого не сдѣлалъ, хотя языкъ, полученный имъ въ наслѣдство, уже, можно сказать, былъ возведенъ на степень языка литературнаго, и потому не требовалъ спеціальной работы надъ своимъ приспособленіемъ къ требованіямъ болѣе сложныхъ формъ жизни. Слѣдовательно, не отъ этой работы—можетъ быть, и непосильно трудной—уклонился панъ, а просто увлекся опять-таки заботой о томъ, чтобы забыть свое простонародное происхожденіе. Еще и въ XVIII столѣтіи, по крайней мѣрѣ въ первыя его десятилѣтія, малорусское панство любило щеголять польскимъ языкомъ, который такъ тѣсно связывался въ панскихъ представленіяхъ съ благородствомъ происхожденія; но въ силу историческихъ и политическихъ причинъ польскій языкъ все-таки не могъ завоевать себѣ полныхъ правъ гражданства. Совсѣмъ иное дѣло былъ языкъ Великой Россіи; онъ самъ навязывался, какъ языкъ оффиціальныхъ сношеній, хотя, конечно, малорусскому обществу вольно было усвоить или не усвоить его, какъ языкъ частной жизни или литературы. Но оно предпочло къ нему обратиться, хотя не могло, разумѣется, долго его усвоить вполнѣ, а лишь пользовалось имъ, чтобы на основѣ все-таки родной малорусской рѣчи образовать свой, панскій, тяжелый, искусственный языкъ: польскія слова, выраженія, обороты, господствовавшіе раньше, стали уступать мѣсто великорусскимъ, пока, наконецъ, великорусскій языкъ не получилъ полнаго и окончательнаго господства. За всю разсматриваемую нами эпоху, ни въ перепискѣ, ни въ какомъ другомъ документѣ, мы ни разу не встрѣчаемся съ тѣмъ прекраснымъ, чистымъ, сильнымъ народнымъ малорусскимъ языкомъ, который такъ плѣняетъ насъ, напр., въ письмахъ кошевого Сирка, хотя не могло же малорусское панство не владѣть этимъ языкомъ въ совершенствѣ: изъ живой рѣчи, при всѣхъ стараніяхъ, изгнать народный духъ было несравненно труднѣе, чѣмъ изъ письменнаго языка. Долго и упорно должны были отцы и наемные воспитатели бранить своихъ воспитанниковъ „мужиками“ и наказывать ихъ за „грубыя слова“, пока воспитанники не пріучались выражаться „по-пански“.

Панство достигло своей цѣли. Еслибы его простонародные

дѣды могли теперь снова выглянуть на свѣтъ божій, едва ли бы они признали за своихъ внучатъ людей, которые забыли или дѣлали видъ, что забыли то, безъ чего не можетъ быть и родственной связи—родной языкъ. Къ счастью или несчастью, малорусское панство не видѣло и не могло въ то время видѣть, какое преступленіе сдѣлало оно всѣмъ этимъ противъ своего народа. Оно его ограбило въ конецъ духовно, ограбило тотъ самый народъ, на плечахъ котораго воздвигло свое матеріальное благосостояніе. Въ самомъ дѣлѣ, разъ языкъ народной массы превращался изъ національнаго языка въ простонародный, мужицкій, онъ переставалъ проводить въ массу культурность извнѣ, и народъ оскудѣвалъ духовно. Такъ это и было съ малорусскимъ народомъ. Этимъ обстоятельствомъ на первомъ планѣ, а затѣмъ уже крѣпостнымъ правомъ, надо объяснить то рѣзкое паденіе уровня культурности малорусскаго народа, какое бьетъ въ глаза человѣку, изучающему съ бытовой точки зрѣнія два послѣднія столѣтія. Не вѣдало панство, что̀ творитъ.

Конечно, панъ, по-европейски образованный, не могъ остаться при старой простотѣ въ своей обстановкѣ, благо были и средства, чтобы ее измѣнить. Одежда, жилище, пища, экипажъ—все должно было приспособляться къ новымъ, болѣе утонченнымъ вкусамъ, и приспособлялось тѣмъ быстрѣе, что паны не могли не чувствовать себя заинтересованными въ этой перемѣнѣ, такъ рельефно выставляющей на видъ ихъ панскую отличность. Въ одеждѣ, правда, съ самаго начала господствовали польскіе жупаны и кунтуши и вообще польскій покрой; но такъ какъ тотъ же покрой принятъ былъ всей болѣе зажиточной частью населенія, то панство не удовольствовалось тѣмъ отличіемъ, какое клалось цѣнностью и качествомъ матеріала—у пановъ обыкновенно очень дорогого,—а рано начало переходить къ нѣмецкой или французской одеждѣ. „Для успѣха въ свѣтѣ“, пишетъ бѣдный слободской дворянинъ въ 1769 г., „нужно было имѣть нѣмецкое платье, а я имѣлъ черкасское (малорусское), недорогое“ [1])... Простая хата уступила мѣсто панскому „будинку“, свѣтлицы котораго украшались портретами, картинами, коврами, а простыя лавки вытѣснялись креслами, клавесинами и тому подобными затѣями. Вмѣсто галушекъ и пампушекъ являются на панскомъ столѣ марципаны; вмѣсто горѣлки, оковитой—цинемоновыя, ганусовыя и иныя настойки, заграничныя вина. Уже не „кованный

[1]) Кіевск. Стар. 1886, II, 363.

возъ" подъѣзжалъ къ рундуку панскаго будинка, чтобы принять пана сотника или пана полковника, а рыдванъ, берлинъ, карета.

Конечно, измѣнить обстановку было не трудно, разъ было желаніе и необходимыя средства. Гораздо труднѣе было самому человѣку приспособиться къ тѣмъ требованіямъ, какія вытекали изъ формъ усвоиваемой имъ высшей культурности. Но панство едва ли думало объ этомъ. По крайней мѣрѣ, малорусскій панъ XVIII-го в. рисуется намъ, несмотря на всѣ внѣшніе признаки европейства, человѣкомъ довольно первобытнымъ. Нравы его грубы и жестки, но не испорчены,—грубы настолько, насколько это совмѣстно съ его малорусской природой, вообще мягкой и гуманной. Какъ онъ проявлялъ себя въ своихъ отношеніяхъ къ низшему классу населенія, который ему приходилось завоевать—это мы видѣли выше: надо сказать, что мы, во избѣжаніе упрековъ въ односторонности и пристрастіи, не приводили наиболѣе рѣзкихъ фактовъ панской жестокости и беззастѣнчивости. Но тутъ была дѣйствительно соціальная война, отъ исхода которой зависѣло быть или не быть пану уряднику дворяниномъ, а ужъ извѣстно, что à la guerre comme à la guerre. Важнѣе для характеристики нравовъ малорусскихъ пановъ ихъ взаимныя отношенія. Но и здѣсь кулачная расправа является дѣломъ довольно обыкновеннымъ; взаимные заѣзды напоминаютъ нравы польскаго дворянства. Попойки—главнѣйшее развлеченіе, все содержаніе панскихъ „бенкетовъ", праздничныхъ или простыхъ сосѣдскихъ гостинныхъ съѣздовъ; даже дневникъ такого по своему времени высоко-культурнаго человѣка, какъ Яковъ Маркевичъ, густо пересыпанъ сообщеніями, въ родѣ: „куликали изрядно", „подпіяхомъ жестоко зѣло", „обѣдали и подпивали" [1]) и т. д.

Нельзя не отмѣтить также отношенія панства къ общественнымъ дѣламъ. Оно, очевидно, въ новомъ положеніи утратило то простое, непосредственное чувство общественности, которое заправляло посполитскою громадой, копой или козацкою радой, а взамѣнъ не успѣло пріобрѣсть гражданскаго смысла, являющагося спутникомъ человѣка на болѣе высокихъ ступеняхъ культурнаго развитія. Отсюда масса несимпатичныхъ явленій, поражающихъ насъ въ общественномъ быту, въ теченіи общественныхъ дѣлъ, которыми панство заправляло всецѣло. Расхищеніе общественнаго достоянія, взяточничество и кумовство, всякіе виды заискиванія передъ власть имущими—все это даже и не прячется отъ дневного свѣта, не прикрывается ничѣмъ. До общественнаго

---

[1]) Дневныя записки малор. подскарбія генеральнаго Якова Маркевича.

блага—какъ бы его ни понимать—повидимому, никому нѣтъ дѣла, всякъ тянется только за кускомъ общественнаго пирога; даже отъ войны козацкая старшина начинаетъ отлынивать еще до начала XVIII-го в., а къ концу его „духъ геройства“ уже исчезаетъ совершенно [1]).

Нравы были грубы, но не испорчены, сказали мы выше. Панъ оставался все-таки религiознымъ, въ кругу своихъ узенькихъ требованiй, пожалуй и нравственнымъ человѣкомъ, радушнымъ и гостепрiимнымъ, хорошимъ семьяниномъ. Несмотря на всѣ измѣненiя, какiя вошли теперь вмѣстѣ съ образованностью въ формы его быта, онъ продолжалъ уважать дѣдовскiй обычай: тотъ же „родинный хлѣбъ“, разсылаемый по всѣмъ родичамъ, возвѣщалъ его появленiе на свѣтъ божiй съ тою разницею, что вмѣсто узвара, слишкомъ простонароднаго, посылалось французское вино; то же „весiлле“, со всей его сложной обрядностью, сопровождало его женитьбу, съ той разницей, что ѣли и пили не простые, а панскiе кушанья и напитки; съ тѣмъ же звономъ по церквамъ и обѣдомъ старцямъ сходилъ онъ въ могилу. Все это и не могло быть иначе, такъ какъ обрядовая сторона слишкомъ тѣсно сростается съ религiозной и разрушается вмѣстѣ съ нею, а случается даже переживаетъ и ее.

Но правовой обычай, связывавшiй пана съ простолюдиномъ, панъ все-таки нашелъ возможнымъ порвать, такъ какъ это было существенно важно для его интересовъ. Это очень любопытная, хотя, къ сожалѣнiю, трудная по существу и мало выясненная сторона. Хмельнищина, вмѣстѣ со старымъ соцiальнымъ строемъ, снесла и право, которое его облекало. Малорусскiй народъ остался безъ права, кромѣ того, которое жило въ его сознанiи. Но жизнь предъявляла свои требованiя; возникали суды, хотя и очень упрощенные, на основѣ существующей военно-козацкой организацiи, общiе для всего народа; возникло и право. Что же это было за право? „Не ясное право, состоящее въ смѣшенiи войсковыхъ обычаевъ съ Литовскимъ Статутомъ“,—отвѣчаетъ знатокъ этой эпохи г. Лазаревскiй [2]),—„состоящее въ смѣшенiи обычнаго права старой козацкой громады и народной копы съ отголосками писаннаго права“, сказали мы бы. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что Литовскiй Статутъ не былъ не только единственнымъ, но и главнымъ источникомъ права до второй половины XVIII-го вѣка. Онъ признанъ былъ за таковой лишь указомъ Екатерины II, от-

---

[1]) Кiевск. Стар. 1883, I, 893.

[2]) Русскiй Арх. 1875 г. II, 257.

носящимся къ 1768 г. Однако малорусское панство стало обращаться къ Статуту гораздо раньше. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ оно начало сознавать себя панствомъ, оно, конечно, всей душой радо было бы сдѣлать Статутъ исключительнымъ источникомъ права, такъ какъ на немъ можно было бы вполнѣ удовлетворительно основать и свою шляхетскую привилегированность и народную безправность; но этого нельзя было сдѣлать до тѣхъ поръ, пока соціальный центръ тяжести устойчиво не перемѣстился на сторону панства. До тѣхъ же поръ панство подготовляло почву такимъ образомъ, что обращалось къ нормамъ Статута для опредѣленія своихъ личныхъ и семейныхъ частно-правовыхъ отношеній. Любопытно, хотя трудно прослѣдить по документамъ, какъ панство, живя, очевидно, сначала общею правовою жизнью съ массой, начинаетъ затѣмъ обособляться. Сначала панъ, какъ и козакъ и посполитый, знаетъ лишь обычное право, то, которое и до сихъ поръ заправляетъ юридическими отношеніями южнорусскаго крестьянства. „Женить меньшого сына мимо старшаго противно общенародному обычаю", —пишетъ вдова Лубенскаго полковника Савича и также остерегается отъ такого „незвычайнаго" поступка, какъ и теперь остережется любая вдова въ любомъ селѣ, нетронутомъ городскою цивилизаціей; неженатые сыновья не отдѣляются, —„але и оженившіеся еще терпятъ, если живы суть отцы и матери" [1]); на свадьбѣ племянницы гетмана Апостола вѣнчанье съ шлюбомъ также отдѣляется отъ „весілля", какъ это до сихъ поръ имѣетъ мѣсто въ малорусскомъ крестьянствѣ; наслѣдство дѣлится поровну между сыновьями и дочерьми: „одной руки равные пальцы" [2]). и т. д., и т. д. Но Статутъ мало-помалу начинаетъ вытѣснять обычное право: сначала панство обращается къ нему главнымъ образомъ для опредѣленія юридическихъ отношеній брачущихся сторонъ, затѣмъ правъ и порядка наслѣдованія. Въ концѣ концовъ Статутъ завоевываетъ себѣ полное господство, и панство крайне дорожитъ имъ, что видно изъ его заявленій и просьбъ русскому правительству.

VII.

Уже малорусскій панъ давно чувствовалъ, что не простонародная, а настоящая шляхетская кровь течетъ въ его жилахъ,

---

[1]) Архивъ Сулимъ, № 60.

[2]) Русск. Арх. 1875, т. I, кн. 2.

но тѣмъ не менѣе не только польскій магнатъ, а даже и простой великорусскій дворянинъ не хотѣлъ признать его за равнаго себѣ; онъ не имѣлъ еще государственнаго признанія своихъ правъ. Русское правительство было глухо къ такимъ доводамъ, что „по древнему праву выборовъ, малороссійскому праву присвоенныхъ, всякій, кто только носилъ на себѣ чинъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и шляхтичъ, и не бывъ шляхтичемъ, невозможно было быть избираемому и имѣть чинъ". Не дѣйствовала и ссылка на Статутъ, гдѣ было сказано: „достоинства и чиновъ простолюдинамъ не давать, а давать только одной шляхтѣ каждаго рыцарскаго состоянія человѣку" (артик. 18, раздѣлъ 3). Но остаться въ такомъ межеумочномъ положеніи, въ какомъ находился малорусскій панъ, было не только непріятно, но даже и просто опасно: только дворянское достоинство давало санкцію обладанію землей, а главное обязательнымъ трудомъ—иначе вся панская сила была лишь простымъ голымъ фактомъ, создать и поддерживать который было очень трудно, а уничтожить, однимъ почеркомъ пера изъ Петербурга, ничего не стоило.

Но пассивное выжиданіе того момента, когда раздастся сверху властное слово, открывающее войсковому уряду прямой путь въ лоно русскаго дворянства, было слишкомъ тягостно, и малорусское панство кинулось на отыскиваніе побочныхъ тропинокъ и лазеекъ, какими бы можно было туда пробраться. Здѣсь уже приходилось дѣйствовать въ-разбродъ, въ-разсыпную—каждой малорусской панской фамиліи за свой собственный счетъ и рискъ. Каждому надо было для себя доказать во что бы то ни стало, что онъ „не здѣшней, простонародной малороссійской" [1]), а какой-нибудь особенной шляхетской породы. Это было, съ одной стороны, и очень трудно, такъ какъ приходилось утверждать очевиднѣйшую неправду, но съ другой стороны и очень легко, такъ какъ при беззастѣнчивости и матеріальной силѣ, да еще сочувствіи и поддержкѣ окружающихъ, всегда на свѣтѣ можно было, въ дѣлахъ общественнаго характера, гдѣ замѣшаны сильные личные интересы, доказать, что дважды два пять.

Сподручнѣе и легче всего было доказывать свое непростонародное происхожденіе чрезъ посредство Польши. Ляхъ и шляхтичъ всегда былъ въ глазахъ малоросса одно и то же; престижъ шляхетства всегда окружалъ все польское. И вотъ какой-нибудь самый обыкновенный козацкій сынъ Василенко (по Василью-отцу), выдвинувшись на маленькій урядъ, начинаетъ подписы-

---

[1]) Обозр. Рум. опис., 21.

ваться на польскій манеръ Базилевскимъ, Силенко—Силевичемъ, Гребенка — Грабянкою и т. д.; а то и просто беретъ любую польско-шляхетскую фамилію, безъ всякаго на то основанія, какъ напр. сдѣлали Будлянскіе, родственники Разумовскихъ, да и козаки Розумы по тому же пріему превратились въ Разумовскихъ. Съ теченіемъ времени всѣ эти самозванные Базилевскіе, Силевичи, Тарасевичи успѣвали увѣрить другихъ, а можетъ быть и себя, въ своемъ польско-шляхетскомъ происхожденіи. Оставалось его утвердить документомъ. Съ деньгами это было дѣломъ уже не такъ труднымъ. Можно было добиться частною сдѣлкой того, чтобъ какой-нибудь—конечно, незначительный—шляхетскій родъ согласился принять въ свой гербъ; можно было склонить того или другого польскаго магната похлопотать передъ сеймомъ о внесеніи въ сеймовую конституцію и выдачѣ диплома на шляхетство подъ предлогомъ яко бы утраты документовъ во время смутъ; но можно было также и обойти всѣ эти формальности. На этотъ случай были подъ рукой евреи, которые охотно брались за фабрикацію необходимыхъ документовъ. Вѣроятно, это стоило не особенно дорого, такъ какъ ко времени возникновенія коммиссій о разборѣ дворянскихъ правъ въ Малороссіи оказалось до 100.000 дворянъ съ документами [1]), между тѣмъ какъ лѣтъ за 15—20 передъ тѣмъ малорусское панство въ лицѣ своихъ депутатовъ заявляло, что у него документовъ нѣтъ, такъ какъ „имѣвшіеся у предковъ ихъ на шляхетство дипломы и другія доказательства пропали, растеряны чрезъ бывшія въ Малой Россіи междуусобные брани и многочисленные отъ турковъ, татаръ и поляковъ войны, нападенія, разоренія, плѣненія и пожары, такъ что многія фамиліи лишились всего имѣнія своего и, будучи многіе годы въ плѣну, *переименованы*, и нынѣ едва ли у кого сыщется собственно служащаго ему на шляхетство доказательства“. Довольно правдоподобно, но, къ сожалѣнію, совершенно невѣрно: не для нелегальнаго возстановленія легальныхъ правъ работалъ Бердичевъ. И что за фантастическія генеалогіи появились на свѣтъ божій! Еще хорошо, когда генеалогія примыкала (конечно, при помощи гербовника Нѣсецкаго, экземпляръ котораго всегда находился при генеральной войсковой канцеляріи) къ простому шляхетскому роду или придумывала какого-нибудь никогда не существовавшаго предка „референдарія надъ тогобочной Украиною“, какъ у Скоропадскихъ. А то случалось, что фантазія самозван-

---

[1]) Кіевск. Старина, 1888, т. I. Романовичъ-Славатинскій, Дворянство въ Россіи, 107—8.

ныхъ генеалоговъ залетала по истинѣ въ высокія хоромы. Рославцы, напр., производили свой родъ немного-немало, какъ отъ извѣстной магнатской фамиліи Ходкевичей. Одинъ слободско-украинскій панокъ, единственно на томъ основаніи, что его предки были родомъ изъ Острога, изъявлялъ претензію на происхожденіе отъ князей Острожскихъ, для которыхъ не слишкомъ высокъ былъ и польскій престолъ.

Конечно, малорусское панство заинтересовано было въ польскомъ своемъ происхожденіи исключительно постольку, поскольку съ нимъ было легче доказать свое шляхетство. А за шляхетство панъ готовъ былъ объявить себя не только полякомъ, но венгромъ, сербомъ, грекомъ, кѣмъ угодно, такъ какъ лишь домашнее свое малорусское происхожденіе клало безповоротно клеймо простонародности. Карновичи производили себя отъ венгерскаго дворянскаго рода, Кочубеи—отъ татарскаго мурзы, Афендики—отъ какого-то молдавскаго бурколаба, Капнисты—отъ миѳическаго венеціанскаго графа Капнисси, жившаго на о. Зантѣ, Иваненки—отъ не менѣе миѳическаго волоха дубосарскаго гетмана Ивана Богатаго Іоненка. Правда, между малорусскимъ панствомъ было довольно людей иностраннаго происхожденія, были и потомки польскихъ выходцевъ, особенно любимыхъ гетманами за знакомство съ обстановкою магнатскихъ дворовъ; но насколько ихъ иностранные предки были у себя дома „князья въ своихъ породахъ“—дѣло темное.

Лишь малорусское происхожденіе клало безповоротно клеймо простонародности, сказали мы только-что. Но нѣкоторые малорусскіе роды съумѣли обойти это: сохранили національное происхожденіе, успѣвъ окружить его ореоломъ исключительности. Такъ, Тарасевичи устроили себѣ, при помощи сфабрикованнаго документа, происхожденіе отъ гетмана Тараса Трясилы; Искры—отъ не менѣе извѣстнаго Остранина, или Остряницы.

Впрочемъ, было нѣсколько счастливыхъ фамилій, которыя не нуждались въ сочиненныхъ генеалогіяхъ и фабрикованныхъ документахъ. Такъ одинъ изъ Лизогубовъ былъ нобилитованъ польскимъ сеймомъ еще во времена Хмельнищины за нѣкоторыя заслуги въ пользу Польши, и такимъ образомъ Лизогубы имѣли права шляхетства; имѣли ихъ подобнымъ же путемъ и Дмитрашки-Ранчи. Затѣмъ въ разное время и по различнымъ соображеніямъ русское правительство давало отдѣльнымъ лицамъ дворянское достоинство. Это началось еще съ Алексѣя Михайловича: напр., Горленки основывали свое благородство на таковомъ пожалованіи, сдѣланномъ еще въ 1665 г. полковнику Горленку, вышедшему

изъ рядового козачества; Божко произведенъ былъ въ дворяне Елизаветой „за вѣрную службу въ уставщикахъ спѣвальной музыки при дворѣ“ и т. д. Наконецъ были еще остатки старой шляхты, о которой шла рѣчь выше (въ I главѣ). Кое-кто изъ этой шляхты примкнулъ къ войсковому уряду и, выдвинувшись этимъ путемъ въ панство, вытащилъ изъ-подъ спуда свои старые документы: таковы были Рубцы, Бороздны, Бакуринскіе, Случановскіе. Здѣсь любопытно то, что часть старой шляхты, которая не примкнула своевременно къ уряду, такъ и осталась на непривилегированномъ положеніи, несмотря на свои документы: примѣръ Богуши [1]).

Какого же на самомъ дѣлѣ былъ происхожденія войсковой урядъ, которому предстояло сдѣлаться дворянствомъ?

Румянцовъ жаловался Екатеринѣ въ своихъ письмахъ (1766 г.), что при выборѣ депутатовъ малороссійскимъ шляхетствомъ „не обошлося безъ того однако ни одно собраніе, чтобъ кто-либо въ началѣ онаго не всталъ, укоряя другого не быть шляхтичемъ, а таковой раздраженный имѣлъ готовую генеалогію всѣмъ самознатнѣйшимъ вельможамъ, обыкновенно начиная родъ ихъ вести или отъ мѣщанина или отъ жида“ [2]). Конечно, это было полемическое преувеличеніе. Бо̀льшая часть малорусскихъ дворянскихъ родовъ вышла изъ той безразличной народной массы, въ какую Хмельнищина слила все малорусское,—масса, которая скоро опять сама собою подраздѣлилась на козаковъ и посполитыхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ образовалась и группа мѣщанъ, опять-таки вначалѣ существовавшая лишь фактически, сливаясь въ правахъ и обязанностяхъ какъ съ посполитствомъ, такъ и съ козачествомъ. Извѣстныхъ родовъ, которые бы имѣли своимъ предкомъ выкрещеннаго еврея, кажется, было немного: Маркевичи, Даровскіе, Герцики, Крыжановскіе. „Славетныхъ“ (мѣщанскихъ) предковъ было, конечно, значительно больше; но попрекать ими или стыдиться ихъ малорусское дворянство могло лишь на томъ же общемъ основаніи, на какомъ оно вообще стыдилось своего національнаго, или простонароднаго, происхожденія. Впрочемъ, можетъ быть, обличители намекали здѣсь на то, что славетные предки примыкали къ панству не на пути воинскихъ заслугъ отечеству, единственно приличествующихъ шляхетству. Хотя на это можно бы было сказать, что все малорусское панство сплошь занималось торговлею, винокуреніемъ и другими промыслами, совершенно

---

[1]) Записки Черниг. Стат. Ком., 1866, ч. 2, стр. 52.

[2]) Романовичъ-Славатинскій, прим. 7.

игнорируя традиціонныя представленія о занятіяхъ, соотвѣтствующихъ шляхетскому достоинству, — но относительно славетныхъ, примкнувшихъ къ панству, дѣйствительно дѣло обстояло нѣсколько особымъ образомъ. А именно, нѣкоторые изъ нихъ, благодаря богатству и связямъ, добивались привилегированнаго положенія, не примыкая къ уряду. Такъ было съ Кулябками, предокъ которыхъ, мѣщанинъ г. Лубенъ, держалъ одно время на откупу мѣстные шинки [1]) и получилъ привилегію свободы отъ налога для своихъ мельницъ — привилегія, которою пользовался лишь урядъ; или съ Скоруппами, славетный предокъ которыхъ получилъ отъ гетмана Скоропадскаго за какія-то заслуги, а можетъ быть и просто по кумовству, право „заживати до работизнъ людей посполитыхъ села Кустичъ“ [2]). Дѣти эти привилегированныхъ славетныхъ уже непремѣнно вступали въ войсковой урядъ, сначала въ войсковые канцеляристы, такъ какъ родители обыкновенно заботились о томъ, чтобъ дать имъ необходимое образованіе, изъ канцеляристовъ въ сотники или на какую-нибудь другую должность и, благодаря богатству, быстро достигали высокихъ степеней въ войскѣ, занимая мѣсто въ ряду войсковой аристократіи.

Не мало было такихъ панскихъ фамилій, которыя позже заявляли претензіи насчетъ того, чтобы ихъ внесли въ четвертую дворянскую книгу, книгу иностранныхъ родовъ. Происхожденіе ихъ было большею частью темное, претензіи большія. Выше мы упомянули нѣсколько дворянскихъ родовъ этой категоріи. Сюда же относятся Вишневскіе, родоначальникъ которыхъ былъ сербъ, поставщикъ венгерскаго вина ко двору Елизаветы; Томары, предокъ которыхъ, гречанинъ, въ концѣ XVII-го вѣка торговалъ въ Малороссіи „турскими товарами“; Милорадовичи, происходящіе отъ сербскаго торговца, назначеннаго Петромъ Великимъ въ гадяцкіе полковники; Галаганы и нѣкоторые другіе.

Какъ ни заинтересовано было панство въ томъ, чтобъ дѣлать видъ взаимнаго довѣрія къ своимъ генеалогическимъ фантазіямъ, но не могло же оно не чувствовать, что дѣло не совсѣмъ ладно. „Всѣ въ Малой Россіи не князья въ своихъ породахъ и въ свѣтѣ люди творятся болѣе нежели родятся“ [3]), сознается одинъ такой панъ, когда его упрекнули въ томъ, что онъ отдаетъ дочь замужъ за потомка выкрещеннаго еврея. Оскорбленное естественное чувство правдивости прорывалось насмѣшками и сатирой—

[1]) Кіевск. Стар. 1886, I.

[2]) Архивъ Сулимъ, № 116.

[3]) Архивъ Сулимъ, № 153.

выходившими, конечно, изъ той же панской среды надъ дворянскимъ самозванствомъ. Сохранились кое-какіе образчики обличительной литературы этого рода. Напримѣръ, есть юмористическая генеалогія подъ названіемъ „Доказательства Хама Данилея Куксы потомственны“. „Да вже-жь наши дворяне гербы посилають, а що я бувъ дворянинъ, то-то й не знають“, говоритъ самозванный дворянинъ. „Онъ у мене гербъ якій, въ деревянимъ цвити, що ни в кого не було в остерськимъ повити: лопата написана держаломъ у гору, — побачивши, скаже всякъ, що воно безъ спору,—у середыни грабли, вила и сокира, якими було роблю, хоть якая сквира, такжеципомъ молотывъ, скажу правду матку, що ажь скинешь було шапку“ и т. д. При этомъ приложенъ и рисованный гербъ въ видѣ внушительной лопаты съ остальными принадлежностями по срединѣ. „Дали трохи якъ розживсь“, продолжаетъ претендентъ на дворянство, „той годи робыти, а надумавсь отдати въ школу свои дѣти. Якъ вывчились, въ судъ упхавъ, учиця писаты“ [1]) и т. д.

Такъ, вѣроятно, смѣялся настоящій панъ, т.-е. такой, который имѣлъ два-три поколѣнія предковъ, не жившихъ трудами своихъ рукъ, надъ такимъ, который только-что выклевывался изъ рабочей скорлупы. Въ томъ же родѣ юмористическое прошеніе депутата Плящинскаго, который проситъ его уволить отъ обязанностей выборной своей службы на томъ основаніи, что онъ „посвятилъ всю свою жизнь шинковому промыслу“ [2]). Но, разумѣется, и Данилей Кукса, и депутатъ Плящинскій съ полнымъ правомъ могли сказать любому изъ пановъ, которые изощряли свое остроуміе въ обличеніяхъ этого рода: „чему смѣешься? надъ собой смѣешься“...

VIII.

Трудно сказать, почему русское правительство такъ долго отказывалось признать дворянскія права за малорусскимъ панствомъ. Что панство это было не чѣмъ инымъ, какъ козацкой старшиной, конечно, это трудно было забыть; но вѣдь также не могъ еще придти въ забвеніе и служилый характеръ русскаго дворянства. Не допуская дѣтей малороссіянъ въ Шляхетный кадетскій корпусъ, основанный въ 1731 г., „поелику-де въ Малой Россіи нѣтъ дворянъ“—запрещеніе, подтвержденное еще при

---

[1]) Кіевск. Стар. 1882, II.

[2]) Тамъ же, 1888, III.

Елизаветѣ Петровнѣ, русское правительство тѣмъ не менѣе постоянно подтверждало грамотами малорусскимъ панамъ „для совершенной въ вѣчные часы твердости“ ихъ права на землю, обращая, по позднѣйшему выраженію, въ вѣчное и потомственное владѣніе ихъ земельныя пріобрѣтенія, часто очень сомнительнаго характера. Въ принципѣ стоя до поры до времени на стражѣ народныхъ интересовъ, Петербургъ не могъ или не хотѣлъ видѣть тѣмъ не менѣе, что земли эти въ массѣ случаевъ есть прямая и самая несомнѣнная собственность того земледѣльческаго населенія, которое на нихъ сидѣло. Каждый актъ такого подтвержденія былъ лишнимъ шагомъ въ сторону крѣпостного права и дворянской привилегированности.

Наказы депутатамъ въ Екатерининскую коммиссію отъ малорусскаго шляхетства наполнены аргументаціею въ пользу его полноправности съ русскимъ дворянствомъ, заявленіями и просьбами о необходимости сравнять ихъ права. Единодушнѣе и настоятельнѣе всего хлопочутъ малорусскіе паны насчетъ общаго законодательнаго утвержденія своихъ земельныхъ правъ; конечно, они понимали, что добиться полнаго юридическаго закрѣпленія земель было то же самое, что и добиться формальнаго утвержденія своего въ дворянскомъ достоинствѣ. Разъ было первое,— второе, какъ необходимо вытекающее изъ перваго, дѣлалось лишь вопросомъ времени.

Екатерина II, стремясь къ объединенію государства, приняла такія мѣры, изъ которыхъ само собою вытекало признаніе дворянскаго достоинства за малорусскимъ панствомъ. Въ 1782 г. законъ о губерніяхъ 1775 г. распространенъ былъ и на Малороссію: такъ какъ законъ этотъ требовалъ участія дворянства, то для примѣненія его приходилось признать въ Малороссіи за дворянство тамошнее шляхетство. Въ слѣдующемъ же году, указомъ 3-го мая 1783 г., малорусское посполитство было лишено права перехода, которое до тѣхъ поръ юридически все-таки еще ему принадлежало, и такимъ образомъ великорусское крѣпостное право распространено и на Малороссію. Малорусскіе паны, признанные за дворянъ закономъ 1782 г., указомъ 1783 г. уже сдѣлались настоящими дворянами, полноправными владѣльцами своихъ крестьянъ. Когда въ 1785 г. явилась на свѣтъ жалованная грамота россійскому дворянству, уже нельзя было не распространить ее и на дворянство малорусское. Прекратилось многолѣтнее томленіе малорусскаго панства: врата въ недоступное до тѣхъ поръ святилище были ему открыты.

Но дѣло не приходило этимъ къ ясному и положительному

концу. Одинъ большой вопросъ размѣнялся теперь на массу маленькихъ вопросовъ, требовавшихъ разрѣшенія. Малорусское панство не составляло сплошной массы, рѣзко отдѣлявшейся отъ остального населенія; паны обращались въ полу-панковъ, полупанки примыкали къ простому козачеству. Козаки всегда пользовались нѣкоторыми спеціально шляхетскими правами, но нельзя же было признать за ними правъ дворянства. Если же признать за дворянъ лицъ войскового уряда, то опять-таки низшій урядъ слишкомъ тѣсно примыкалъ къ переднимъ рядамъ козачества. Приходилось рѣшать вопросъ о томъ, какія степени уряда даютъ права на дворянство, какія нѣтъ, а для того необходимо было перевести малорусскіе чины на языкъ табели о рангахъ. Стали дѣлать попытки такого перевода. Войсковой урядъ раздѣленъ былъ на военный и гражданскій. Для тѣхъ, кто состоялъ на военной службѣ, чины были переведены такъ: полковые есаулы, хорунжіе и писаря—ротмистрами, сотники — поручиками, войсковые товарищи—корнетами, а прочіе низшіе чины—унтеръ-офицерами. Для оставшихся у гражданскихъ дѣлъ переводъ имѣлъ такой видъ: бунчуковые товарищи оказались премьеръ-маіорами, полковые обозные есаулы, хорунжіе и писаря—секундъ-маіорами, сотники—ротмистрами, полковники—бригадирами. Но, вѣроятно, въ переводѣ этомъ встрѣтились какія-нибудь немаловажныя затрудненія, такъ какъ не выработывалось для него точныхъ правилъ, и когда сенату приходилось рѣшать дѣла о переименованіи малорусскихъ чиновъ въ русскіе, то онъ переименовывалъ то такъ, то иначе. А тутъ еще усложнили дѣло крайнія злоупотребленія со стороны дворянскихъ депутатскихъ собраній, которымъ порученъ былъ разборъ правъ малорусскаго шляхетства. Депутаты завели чуть-что не открытую торговлю дворянскими правами и дипломами. Предупрежденная объ этомъ герольдія—къ тому же смущенная, конечно, отсутствіемъ точнаго руководящаго закона—въ 1790-хъ годахъ прикрыла поплотнѣе двери заповѣднаго святилища, которыя держались до тѣхъ поръ довольно свободно: герольдія стала требовать неопровержимыхъ доказательствъ дворянства, отказывая въ признаніи тѣмъ, кто его основывалъ лишь на томъ, что его предки были полковыми есаулами, хорунжими, писарями, сотниками. Такая строгость вызвала, уже въ царствованіе Александра I, новыя хлопоты со стороны дворянъ, такъ какъ многіе изъ нихъ не могли представить болѣе вѣскихъ доказательствъ; хлопоты эти нашли энергическую поддержку въ лицѣ малороссійскаго военнаго губернатора кн. Репнина. Результатомъ этихъ хлопотъ оказалось заключеніе особаго комитета

при сенатѣ, въ томъ смыслѣ, что права потомственныхъ дворянъ признаются за тѣми малорусскими чинами, которые переименованы въ чины генералитетскіе и штабъ-офицерскіе, т.-е. за генеральной старшиной, полковниками и т. п.; прочіе же малорусскіе чины даютъ права лишь на личное дворянство. На основаніи этого заключенія и состоялся указъ 1835 г. Но и это еще былъ не послѣдній указъ по дѣлу о правахъ малорусскаго панства; послѣдній имѣлъ мѣсто въ 1855 г. Такимъ образомъ, почти до самой крестьянской реформы тянулось запутанное дѣло о водвореніи малорусскаго панства въ лоно русскаго дворянства [1]).

Какъ бы то ни было, малорусскій панъ сдѣлался русскимъ дворяниномъ. Къ началу настоящаго столѣтія, малорусское общество уже успѣло выработать такое панство, которое могло занять мѣсто въ переднихъ рядахъ русскаго дворянства. Небольшая рѣдкость были паны изъ старой козацкой старшины, числившіе за собой 8.000—10.000 крестьянскихъ душъ (напр. Апостолъ, Галаганъ и ин.); они уже не довольствовались придворными должностями камеръ-лакеевъ—такъ начинало свою служебную карьеру малорусское панство при Елизаветѣ, а пробивались на высшія ступени чиновной іерархіи (прим. Безбородко). Это новое малорусское магнатство увеличивалось чиновными и случайными людьми, которые получали, черезъ пожалованіе, имѣнія въ Малороссіи (прим. Разумовскіе, Завадовскій). На другомъ, противоположномъ, концѣ стояли безчисленные полу-панки и подпанки, по народной терминологіи, которымъ, конечно, приличнѣе было бы остаться въ старой юридической категоріи козаковъ, чѣмъ дворянъ: это потомки войсковыхъ, значковыхъ товарищей и другихъ разныхъ маленькихъ чиновъ, пробивавшіеся въ дворянство, пользуясь той смутой, которая царствовала первое время разбора дворянскихъ правъ.

Чѣмъ же и какъ проявило себя это новое дворянство?

Сначала по отношенію къ закрѣпощенному имъ населенію. Вопросъ темный, требующій спеціальныхъ изысканій, въ область которыхъ мы пускаться не можемъ. Воспользуемся готовымъ выводомъ, къ которому пришелъ единственный, можно сказать, русскій историкъ дворянства, г. Романовичъ-Славатинскій. Онъ утверждаетъ, что въ Великой Россіи чаще встрѣчались добрыя патріархальныя отношенія между помѣщикомъ и крѣпостнымъ, чѣмъ въ

[1]) Романовичъ-Славатинскій, 104—110.

Малой, гдѣ „помѣщичій классъ подлежалъ въ своемъ историческомъ образованіи вліянію польскихъ шляхетскихъ началъ [1]). Надо принять этотъ выводъ добросовѣстнаго и осторожнаго историка за правильный; но едва ли правильно самое объясненіе факта. Давно уже успѣло изгладиться непосредственное вліяніе польскаго строя, которое одно могло въ данномъ случаѣ имѣть воспитывающее значеніе. Скорѣе, намъ кажется, надо принять за объясненіе то простое психологическое основаніе, по которому простолюдинъ, вышедшій въ господа, напряженнѣе обращаетъ свое вниманіе на демаркаціонную линію, отдѣляющую его отъ низшаго себя; къ тому же и эти низшіе, закрѣпощенная масса малорусскаго народа, не могли такъ скоро забыть свою свободу, и затаиваемая, но все-таки такъ или иначе прорывающаяся озлобленность должна была обострять сильнѣе взаимное недоброжелательство.

Теперь нѣсколько словъ о томъ, какъ проявило себя малорусское дворянство въ качествѣ „ума и души своего народа", по выраженію имп. Александра I.

Въ теченіе второй половины XVIII-го и первыхъ годовъ настоящаго столѣтія малорусское дворянство имѣло не разъ случай высказаться коллективно, отъ лица всего сословія, и въ этихъ коллективныхъ заявленіяхъ выразить какъ степень своего пониманія, такъ и свое внутреннее отношеніе къ своей соціальной роли. Такихъ случаевъ мы знаемъ три: прошеніе малорусскаго шляхетства Екатеринѣ II при восшествіи ея на престолъ; наказы депутатамъ въ Екатерининскую коммиссію; прошеніе Александру I также при восшествіи его на престолъ. Два первые случая имѣли мѣсто еще до жалованной грамоты, слѣдовательно, до оффиціальнаго признанія малорусскаго шляхетства россійскимъ дворянствомъ; но это обстоятельство формальнаго характера едва ли имѣетъ какое-нибудь значеніе, такъ какъ и въ прошеніи Екатеринѣ, и въ наказахъ малорусское панство выступаетъ въ роли отдѣльнаго высшаго сословія. Вся разница заключается въ томъ, что и прошеніе, и наказы на-половину наполнены домогательствами въ разныхъ видахъ уравненія своихъ правъ съ русскимъ дворянствомъ, что̀ уже было излишнимъ послѣ жалованной грамоты.

Разумѣется, все, что̀ касается вопроса о дворянскихъ прерогативахъ малорусскаго панства, все это выдвигается имъ на первый планъ крайне внимательно, настоятельно, съ тщательнымъ

---

[1]) Стр. 331.

подборомъ всѣхъ аргументовъ въ пользу своего дѣла. Вслѣдъ за этимъ, такъ сказать, спеціально дворянскимъ вопросомъ, выступаютъ на сцену два вопроса, которымъ панство придавало, видимо, особенно большую важность: это вопросы, по теперешней терминологіи, экономическій и образовательный. Конечно, на ряду идутъ усиленнѣйшія домогательства насчетъ прикрѣпленія посполитыхъ, разрѣшенія скупли козачьихъ земель и т. п. предметы, которые мы разсматривали въ особыхъ главахъ.

Хотя свою экономическую обезпеченность панство видѣло въ землѣ и укрѣпленіе земель составляетъ существенную часть его хлопотъ о дворянствѣ, но оно не упускаетъ изъ виду и другія стороны, которыя способствовали бы его экономическому преуспѣянію. Прежде всего оно хлопочетъ о томъ, чтобы обезпечить себѣ свободный сбытъ своихъ продуктовъ. Въ прошеніи, поданномъ Екатеринѣ II при восшествіи ея на престолъ, панство проситъ объ уничтоженіи вновь учрежденныхъ внутреннихъ таможенъ и возстановленіи взамѣнъ ихъ старыхъ сборовъ, такъназываемые индукты и эвекты,—финансовая мѣра общаго характера. Позже оно уже не возвращается къ этому предмету, а хлопочетъ лишь о томъ, чтобъ получить экономическія льготы для себя: „чтобъ свободныя въ собственномъ каждаго имѣніи винокуренныя дѣланія всякихъ напитковъ, шинкованіе и продажа оптомъ всего того, обращеніе всякаго рода внутреннихъ продуктовъ, для лучшей каждому прибыли, чтобъ внутренніе промыслы намъ безъ пошлины и безпрепятственны были навѣки, такожъ дабы шляхетство имѣло свободу въ привозѣ крымской соли, въ отгонѣ скота, въ вывозѣ пеньки и другихъ всѣхъ въ ихъ земляхъ родящихся товаровъ въ чужіе края“... [1]). Впрочемъ, нѣкоторыя шляхетства просили объ уничтоженіи пошлины на крымскую соль въ видѣ общей мѣры для всего края. Въ дополненіе къ этимъ льготамъ шляхетство проситъ сначала объ освобожденіи отъ консистентской дачи, т.-е. содержанія натурой русскихъ войскъ (прошеніе Екатеринѣ); а когда эта дача замѣнена была рублевымъ окладомъ съ хаты, то объ освобожденіи и отъ этого налога, какъ такого, который, за скудостью подданныхъ, владѣльцы вынуждены часто уплачивать сами, и о возстановленіи дачи натурой; вмѣстѣ съ тѣмъ хлопочутъ объ освобожденіи своего сословія отъ постойной повинности или о расквартированіи войскъ исключительно въ городахъ. Но малорусское панство понимаетъ свое экономическое преуспѣяніе не только подъ условіемъ вышеупомя-

[1]) Наказы малоросс. депутатамъ 1767 г., Кіевъ, 1889, стр. 18.

нутыхъ отрицательныхъ мѣръ, т.-е. освобожденія его промышленности отъ пошлинъ, налоговъ и иныхъ стѣсненій и ограниченій; оно желаетъ и кое-какихъ положительныхъ экономическихъ мѣръ въ свою пользу. Главнѣйшая изъ этихъ мѣръ, о которыхъ проситъ панство, это—учрежденіе для него спеціальнаго государственнаго банка, потому что „крайняя въ деньгахъ скудость лишаетъ способовъ распространять коммерцію и промыслы", и чтобъ такимъ образомъ шляхетство „могло бы подкрѣплять себя въ случаѣ нужды отъ слѣдующаго имъ крайняго разоренія", происходящаго отъ того, что „занимая деньги принуждено бываетъ закладывать имѣнія свои на-упадъ" (т.-е. безъ выкупа по прошествіи срока). Къ этой же категоріи мѣръ, хотя и не съ такимъ исключительнымъ сословнымъ характеромъ, относятся просьбы панства, обращенныя къ Екатеринѣ II, объ уничтоженіи откупной системы вообще, а прежде всего табачнаго откупа, а затѣмъ о дозволеніи „свободное въ Малой Россіи торговъ отправленіе имѣть жидамъ", которые до запрещенія имъ жительства и въѣзда въ 1742 г. „наибольшее въ малороссійскихъ торгахъ имѣли участіе". Неловко чувствовалъ себя безъ жида и новый панъ лѣвобережной Украйны.

Такими мѣрами думало малорусское панство благоустроить себя въ экономическомъ отношеніи. Значительное число этихъ мѣръ, какъ можно видѣть, разсчитано лишь на сословные интересы дворянства; очень немногія, какъ просьба о сложеніи пошлины на соль, объ отмѣнѣ откупной системы, обнимаютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и экономическіе интересы всего края.

Но образовательный вопросъ панство, очевидно, считало исключительно своимъ дворянскимъ вопросомъ. Хлопочетъ оно о заведеніи разныхъ образовательныхъ учрежденій чрезвычайно; мысли о необходимости просвѣщенія высказываетъ самыя возвышенныя: „ничто въ жизни для честнаго шляхетства не можетъ быть столь полезно, какъ знаніе наукъ, составляющее въ человѣкѣ цѣлость его собственнаго благоденствія и пользы государственной. Сему основанію послѣдуя, малороссійское шляхетство отдаетъ своихъ дѣтей въ разныя отдаленныя науки, какъ-то въ университетъ московскій, въ С.-Петербургъ, а другіе посылаютъ въ чужія далекія государства и, достигая наукъ, лишаются по своимъ недостаткамъ чрезъ великіе убытки имущества и приходятъ къ бѣдности". Паны просятъ о разныхъ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ, для себя полезныхъ: гимназіяхъ, шляхетскихъ корпусахъ, „особо же для ученія высшимъ наукамъ и распространенія воспитаній, которыми ученые люди государственной и собственной каждаго

пользѣ, въ домостроительствѣ и въ прочемъ жизни человѣческой нужномъ, служить могутъ"—университетахъ или академіяхъ, „для благородныхъ же дѣвицъ, какъ и женскій полъ имѣетъ необходимую нужду въ добромъ воспитаніи", просятъ устроить „особливый домъ воспитанія". Не забыты и типографіи „при университетахъ, а гдѣ запотребно судится и при гимназіяхъ для печатанія какъ церковныхъ, такъ и гражданскихъ книгъ, которыя, чтобы не были противны вѣрѣ и самодержавному правленію, всегда будутъ свидѣтельствуемы отъ цензоровъ". Но обнаруживая такое большое пониманіе пользы наукъ, панство, тѣмъ не менѣе, не обнаруживаетъ желанія взять на свои плечи поддержку проектируемыхъ имъ разсадниковъ просвѣщенія. Напримѣръ, оно для всего разсчитываетъ „на казенный коштъ" хотя и изъ малороссійскихъ таможенныхъ доходовъ; въ прошеніи же Екатеринѣ II шляхетство изъявляетъ желаніе возложить тяготу по своему образованію на имѣнія духовенства.

Таковы два важнѣйшихъ предмета, на которыхъ сосредоточивается панская заботливость. Затѣмъ шляхетство проситъ обыкновенно о сохраненіи Литовскаго Статута, хотя нѣкоторая часть шляхетства и понимаетъ его несообразность съ требованіями времени, и не только допускаетъ, но даже желаетъ нѣкоторыхъ въ немъ исправленій: напримѣръ, черниговское шляхетство въ своемъ наказѣ находитъ, что статьи Статута о верховной власти несообразны съ началомъ самодержавія, что другія статьи противны естественному праву [1]) и т. д. Впрочемъ, просьба черниговскаго шляхетства о важныхъ измѣненіяхъ въ Статутѣ приписывается личной инициативѣ Безбородки, которому далеко не сочувствовало остальное панство. Довольно любопытнымъ является въ наказахъ шляхетства отвращеніе малорусскихъ пановъ къ переписямъ вообще, въ частности къ генеральной переписи, предпринятой около того времени (такъ-называемой Румянцовской), которую они очень настоятельно, хотя мало убѣдительно, просятъ прекратить. Наконецъ, съ общимъ характеромъ являются хлопоты панства о средствахъ къ защитѣ ихъ имѣній и подданныхъ отъ притѣсненій и обидъ со стороны расквартированныхъ войскъ.

Когда сличишь между собою всѣ эти документы, въ которыхъ малорусское панство выражало свои желанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и степень пониманія какъ своихъ сословныхъ, такъ и интересовъ своего общества и народа, необходимо является такой выводъ. По мѣрѣ того, какъ панство обращалось въ дворянство и прочнѣе

---

[1]) Наказы, 11.

устанавливалось въ новомъ своемъ положеніи, кругъ его общественнаго пониманія, сколько о немъ можно судить по указаннымъ документамъ, какъ будто не только не расширялся, а наоборотъ, рѣзко съуживался. Въ прошеніи Екатеринѣ II при восшествіи ея на престолъ, самомъ раннемъ изъ разсматриваемыхъ документовъ, панство еще, какъ бы въ качествѣ войскового уряда, плохо или хорошо, но заботится объ интересахъ всего общества, которымъ управляетъ. Оно проситъ правительство и о вольностяхъ духовнаго чина, и о вольностяхъ мѣщанъ, о лучшей организаціи войска, объ обезпеченіи козаковъ жалованьемъ, особенно въ заграничныхъ походахъ, вообще о всяческомъ облегченіи козачества: конечно, все это стоитъ на заднемъ планѣ по сравненію съ тѣмъ, чего панство хочетъ для себя, но все это есть все-таки; только одни посполитые всецѣло исчезаютъ изъ перспективы, въ какой панство располагаетъ свои соціальныя пожеланія. Въ Наказахъ депутатамъ, которые дѣлались если еще не отъ имени дворянства, то все-таки малорусскаго шляхетства, сословные шляхетскіе интересы заполняютъ собою почти все; лишь кое-гдѣ проскальзываетъ просьба о какой-нибудь мѣрѣ, которая захватываетъ собою общенародный интересъ, но непремѣнно такой, который совпадаетъ и съ интересами самого шляхетства. Наконецъ, въ прошеніи Александру I, при восшествіи его на престолъ, малорусское панство, являясь уже настоящимъ дворянствомъ, какъ будто утрачиваетъ и представленіе о томъ, что оно есть „умъ и душа народа“; мало того, какъ будто даже и сословные свои интересы оно начинаетъ понимать очень узко. Наряду съ просьбами объ удержаніи Литовскаго Статута и возстановленіи гродскихъ судовъ, оно проситъ лишь, пространно и краснорѣчиво, о сохраненіи своихъ старыхъ правъ свободнаго винокуренія и продажи вина, затѣмъ о нѣкоторомъ участіи въ выгодахъ городского хозяйства, наконецъ о льготахъ по сдачѣ рекрутъ; только лаконическая просьба объ университетѣ въ Черниговѣ еще напоминаетъ старое шляхетство, такъ хлопотавшее объ образованіи своихъ дѣтей [1]).

Были ли у малорусскаго дворянства какіе-либо политическіе идеалы? У болѣе передовой, образованной, его части были несомнѣнно. Но идеалы эти являются не какъ плодъ труда, изученія, знакомства съ разными формами жизни, а лишь какъ результатъ исторической традиціи. Когда останавливаешься на удивительныхъ генеалогическихъ фантазіяхъ малорусскаго панства, когда видишь то крайнее искаженіе историческихъ фактовъ, на какомъ оно

[1]) Кіевск. Стар. 1890, 8.

основывало обыкновенно свою аргументацію въ пользу благородства своего происхожденія, можно подумать, что имѣешь дѣло съ крайнимъ историческимъ невѣжествомъ. Но это ошибочно: на самомъ дѣлѣ, панство порядочно знало исторію своего края и любило въ нее углубляться—на это есть довольно много указаній. И несомнѣнно, оно увлекалось этой исторіей, которая такъ хорошо гармонировала съ его нарождающимися шляхетскими вкусами, и черпало изъ нея готовыя соціально-политическія идеи, хотя прекрасно понимало также и необходимость, въ настоящемъ своемъ положеніи, держать эти идеи подъ прикрытіемъ. Прошеніе къ Екатеринѣ II написано подъ сильнымъ вліяніемъ этихъ идей: очевидно, панство считало моментъ благопріятнымъ, чтобы высказаться откровеннѣе. Тутъ есть просьба и о вольномъ избраніи гетмана, и о шляхетскихъ судахъ, земскихъ, гродскихъ и подкоморскихъ по польскому образцу, съ малороссійскимъ трибуналомъ взамѣнъ Люблинскаго, а главное, о генеральной радѣ или сеймѣ, какъ воспроизведеніи польскаго шляхетскаго сейма; панство имѣло даже смѣлость увѣрять Екатерину II, что именно такая рада была подтверждена Малороссіи „пунктами, данными прежнимъ гетманомъ и другими документами", а не извѣстная войсковая козацкая рада. При восшествіи на престолъ Александра I изъ среды малорусскаго дворянства опять раздались голоса въ томъ же смыслѣ [1]). Но теперь уже преобладающимъ является иное настроеніе, толковымъ выразителемъ котораго является желчный авторъ „Замѣчаній о Малой Россіи". Реформы Екатерины II создали для дворянства такое statu quo, для котораго оно охотно отрекалось отъ старыхъ историческихъ традицій, и въ массѣ оно желало теперь одного: чтобы никакія случайныя вмѣшательства, въ родѣ того, какое имѣло мѣсто при Павлѣ, не мѣшали мирному процвѣтанію великихъ реформъ Великой Государыни.

А. Ефименко.

---

[1]) Романовичъ-Славатинскій, 483.

ПАУПЕРИЗМЪ
ВЪ
СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТАХЪ.

Окончаніе *).

IV.

Цѣли Общества Организаціи Благотворительности.—„Дружественные посѣтители".—Искорененіе нищенства.—Изобличеніе мошенничества „благотворительныхъ" начинаній. — Свѣденія о бѣдныхъ въ справочномъ отдѣленіи Общества.—Моральное воздѣйствіе Общества на подпадающихъ его опекѣ людей.—Что мѣшаетъ успѣшному развитію учрежденія „посѣтителей"?—Тяжелыя задачи посѣтителя. — Первый шагъ человѣка на пути къ самостоятельности.—Сохранныя кассы для дѣтей.—Трущобные капиталисты.—Система пріученія взрослыхъ къ сбереженіямъ.

Идея, лежащая въ основѣ „Общества Организаціи Благотворительности", заключается въ томъ, чтобы учредить совмѣстную систему дѣятельности всѣхъ существующихъ въ странѣ филантропическихъ учрежденій въ видахъ извлеченія изъ нихъ наибольшей пользы. Пока еще идея эта здѣсь не осуществилась вслѣдствіе тенденціи многихъ подобныхъ учрежденій работать исключительно за свой счетъ и по своей излюбленной методѣ—преимущественно притомъ на подкладкѣ религіозной. Это же Общество, напротивъ, обязывается по своему уставу вести свою дѣятельность безъ всякаго отношенія къ вопросамъ религіи, политики или національности и, главное, никогда, ни подъ какимъ видомъ

*) См. выше: іюль, 274 стр.

не вдаваться въ прозелитизмъ; оно ставитъ также правиломъ никогда не раздавать подаяній въ какой бы то ни было формѣ. Всѣ суммы, жертвуемыя на пользу Общества, должны идти на дѣло классификаціи и организаціи уже существующей въ городѣ благотворительности, на сборъ свѣденій о лицахъ, просящихъ помощи, на веденіе списковъ такихъ лицъ, съ краткимъ, но точнымъ обозначеніемъ всѣхъ собранныхъ о нихъ свѣденій, равно какъ и того, какимъ путемъ эти свѣденія добыты; затѣмъ ассигнуются деньги на учрежденіе и поддержку участковыхъ комитетовъ Общества, состоящихъ при его девяти отдѣленіяхъ въ различныхъ частяхъ Нью-Іорка.

Помимо сбора справокъ о просящихъ помощи, Общество направляетъ своихъ наемныхъ агентовъ и доброхотныхъ „дружественныхъ посѣтителей", набираемыхъ имъ изъ класса людей обезпеченныхъ и досужныхъ—въ дома бѣдныхъ съ порученіемъ помогать, кому нужно, словомъ и дѣломъ: доставлять работу, своевременно направлять достойныхъ помощи нуждающихся къ способнымъ имъ помочь благотворителямъ, стараться прививать въ невѣжественныхъ массахъ идеи санитарныя и гигіеническія. Эти посѣтители—friendly visitors — стараются также обращать вниманіе кого слѣдуетъ на наиболѣе цѣлесообразные способы улучшенія условій жизни въ центрахъ наибольшей скученности населенія, а паче всего заботятся о томъ, чтобы своевременной поддержкой ставить нуждающихся снова на ноги, внушать имъ бодрость и стремленіе жить собственнымъ трудомъ, не разсчитывая на помощь извнѣ. Эта послѣдняя задача, проводимая Обществомъ черезъ своихъ „дружественныхъ посѣтителей" — самая полезная, но вмѣстѣ и самая трудная, и мы еще вернемся къ ней, когда перейдемъ къ подробному обзору дѣятельности этихъ добровольныхъ агентовъ Общества.

Особенно успѣшна оказывается дѣятельность Общества въ дѣлѣ искорененія нищенства. За первыя пять лѣтъ со времени учрежденія его въ Нью-Іоркѣ до 1888 года его изслѣдованію подверглось 407.664 отдѣльныхъ лицъ и членовъ семей, обращавшихся за помощью и подаяніемъ, какъ по дѣйствительной нуждѣ, такъ и по лѣности или порочности. Изъ числа этихъ лицъ общество направило на заработокъ 2.594 чел., состоявшихъ до того уличными нищими, 1.474 чел. нищихъ арестовало и препроводило въ исправительныя тюрьмы, а 4.548 семей, давно уже впавшихъ въ привычку жить подаяніемъ, выведено Обществомъ на путь самопомощи, такъ что теперь эти семьи существуютъ уже на свои собственные заработки.

Я по необходимости выбираю лишь самыя выдающіяся статистическія данныя изъ сферы дѣятельности Общества. Какъ ни полезна его активная борьба противъ нужды, заѣдающей отдѣльныхъ людей, еще выше, кажется мнѣ, стоитъ „Организація Благотворительности" по заслугамъ своимъ въ дѣлѣ экономіи тѣхъ суммъ, какія удѣляются отъ имущихъ на поддержку неимущихъ. Не говоря уже о томъ, что, поднимая бѣдняка изъ круга зависимости въ кругъ производительнаго труда, оно заставляетъ его содѣйствовать обогащенію страны, Общество приноситъ неисчислимую пользу своими изслѣдованіями и смѣлыми изобличеніями всякаго рода псевдо-благотворительныхъ начинаній, затѣваемыхъ здѣсь всякаго рода мошенниками и тунеядцами, цѣль которыхъ состоитъ не столько въ подачѣ помощи нуждающимся, сколько въ томъ, чтобы самимъ примоститься въ качествѣ организаторовъ къ какой-нибудь денежной затѣѣ. За пять лѣтъ въ одномъ Нью-Іоркѣ стараніями Общ. Орг. Благотв. упразднено 63 такого рода „благотворительныхъ" обществъ; но до многихъ учрежденій, основанныхъ на какой-нибудь религіозной подкладкѣ, Общество не имѣетъ средствъ добраться, несмотря на явную ихъ недобросовѣстность. Значительныя сбереженія въ сферѣ филантропіи получаются еще благодаря тому, что Общество въ кругѣ своей дѣятельности предотвращаетъ возможность того, чтобы слишкомъ много вспомоществованій направлялось на однихъ лицъ въ ущербъ возможности распространенія своевременной помощи на другихъ. Многія благотворительныя общества состоятъ теперь въ числѣ „Обществъ-корреспондентовъ" Общества Орг. Благотвор., и общества тѣ, прежде чѣмъ подавать кому-либо помощь, посылаютъ запросъ въ Общ. Орг. Благотв. насчетъ того, получаетъ ли данный проситель уже другое вспомоществованіе. Сообразно отвѣту, они и дѣйствуютъ или же, въ случаѣ неимѣнія о данномъ лицѣ свѣденій, поручаютъ Общ. Орг. Благотв. навести справки.

Здѣсь не мѣсто вдаваться въ подробное описаніе устройства Общества Орг. Благотв.; не безъинтересно, однакоже, я полагаю, будетъ, въ сопоставленіи съ достигаемыми результатами, отмѣтить, что всѣ расходы на содержаніе Общества исчислялись за 1888 годъ скромною суммою 31.000 долларовъ, сполна составившейся изъ пожертвованій частныхъ лицъ. Пожертвованія эти весьма скудны сравнительно съ тѣми огромными суммами, которыя идутъ на дѣла изощренія благотворительности по старымъ пріемамъ, или же на тайную благотворительность, согласно евангельскому предписанію: „да не вѣдаетъ лѣвая рука твоя, что̀ творитъ правая". Многихъ доброхотныхъ дателей отвра-

щаетъ самое заявленіе Общества, что на раздачу прямыхъ подаяній не истрачено будетъ ни единаго гроша изъ собранныхъ денегъ, что всѣ онѣ пойдутъ на дѣло „организаціи". На жалованье служащимъ при Обществѣ тратится всего 8.000 долларовъ—на канцелярію, и 7.000 долларовъ — платы агентамъ при девяти отдѣленіяхъ Общества и наемнымъ „посѣтителямъ" бѣдныхъ; 16.000 долларовъ расходуется на наемъ помѣщеній, печатаніе отчетовъ, брошюръ и на другіе мелкіе расходы; изъ этого можно видѣть, что поживиться при этомъ не на что.

А между тѣмъ, какъ много на эти малыя деньги дѣлается! Американскія библіотеки гордятся совершенствомъ, до котораго доведено у нихъ дѣло, и въ настоящее время щеголяютъ его результатами на Парижской выставкѣ; но классификація, введенная въ справочномъ бюро Общ. Орг. Благотв., ничѣмъ не уступаетъ столь прославленному дѣлу библіотечному. Вдоль трехъ стѣнъ большой комнаты тянутся шкафы съ выдвижными ящиками, наполненными карточками размѣромъ въ 5 $\times$ 4 дюймовъ, на лицевой сторонѣ которыхъ по различнымъ печатнымъ графамъ вписана въ сокращенномъ видѣ вся прошлая исторія лицъ, къ которымъ данная карточка относится. По одну сторону комнатъ находятся карточки, сложенныя въ алфавитномъ порядкѣ, и на нихъ занесены по фамиліямъ всѣ лица, просившія помощи, прошлое которыхъ когда-либо подпадало изслѣдованію Общества; на каждой карточкѣ помѣчены имена, лѣта и національность отца и матери семьи, число и имена ихъ дѣтей, причина ихъ матеріальнаго упадка, перечислены личные пороки, доведшіе ихъ до такого состоянія (если есть таковые), отмѣчено, давно ли семья находится въ странѣ и на настоящемъ своемъ мѣстѣ жительства, въ какомъ этажѣ и какой сторонѣ дома она помѣщается, гдѣ проживала до того времени, откуда она родомъ, какого когда придерживалась ремесла; на той же разграфленной карточкѣ такимъ же сокращеннымъ способомъ отмѣчено, числится ли эта семья въ благотворительныхъ спискахъ и отъ какого именно общества получалось ею вспомоществованіе; когда, долго ли и въ какомъ видѣ, кѣмъ изъ благотворительныхъ агентовъ Общ. Орг. Благотв. семья посѣщалась, и, наконецъ, тутъ же приписаны частныя замѣчанія, вносимыя собиравшимъ эти свѣденія агентомъ или „посѣтителемъ" отъ Общества.

По другую сторону комнаты въ такомъ же порядкѣ размѣщены въ ящикахъ карточки, на которыхъ занесены извѣстные Обществу бѣдняки уже по названію улицъ и нумеровъ домовъ, въ которыхъ они помѣщаются; на одной и той же карточкѣ

заносится новый адресъ семьи при каждой перемѣнѣ ею мѣста жительства и хранится эта карточка подъ литерой, соотвѣтствующей начальной буквѣ названія улицы, въ которой живетъ семья въ данное время.

Лишь только поступаетъ запросъ о комъ изъ нуждающихся, вся исторія этого лица немедленно прослѣживается по карточкамъ регистраторомъ Общества и требуемыя свѣденія выписываются; вся процедура занимаетъ не болѣе двадцати минутъ времени—и письмо отправляется сдѣлавшему запросъ, по городской почвѣ.

Все, что̀ до сихъ поръ сказано мною о постановкѣ дѣла Общества Орг. Благотворительности, далеко, конечно, не исчерпываетъ объема его дѣятельности; я почти не коснулась проявляемаго имъ воспитательнаго и морализирующаго воздѣйствія на бѣднѣйшую часть народныхъ массъ—поднятія имъ не только матеріальнаго, но и нравственнаго уровня людей, отставшихъ отъ привычки къ самодѣятельности и независимости. А въ этомъ-то постепенномъ перевоспитаніи отдѣльныхъ лицъ и семействъ и заключается главная польза Общества, равно какъ и отличіе его дѣятельности отъ многочисленныхъ религіозныхъ и благотворительныхъ начинаній въ странѣ. Съ постояннымъ приливомъ сюда европейскихъ бѣдняковъ, американцы признаютъ, что имъ слѣдуетъ стоять теперь постоянно на-сторожѣ: мало устроивать бытъ недостаточнаго люда, такъ, чтобы сдѣлать его независимымъ отъ поддержки Общества—слѣдуетъ еще обезпечить то, чтобы люди, выходящіе изъ этой среды, становились достойными гражданами страны, сознательно относящимися къ своимъ обязанностямъ человѣка и семьянина. Школа, конечно, дѣлаетъ свое дѣло, но все еще оставляетъ не мало пробѣловъ въ перевоспитаніи массъ; эти-то пробѣлы и восполняются, по мѣрѣ возможности, „дружественными посѣтителями“ Общества въ тѣхъ районахъ, которые подлежатъ его дѣятельности.

Наемные „посѣтители“—самые опытные, но ихъ весьма немного; остальные—добровольцы и, конечно, по большей части женщины, которыя имѣютъ въ своемъ распоряженіи больше свободнаго времени, надѣлены бо̀льшею выносливостью, а главное, тактомъ, столь необходимымъ въ щекотливомъ дѣлѣ прирученія людей, озлобленныхъ или испорченныхъ нищетою. Само собою разумѣется, что наборъ подобныхъ лицъ далеко не легкое дѣло. Нью-iоркская жизнь такъ полна возбужденія, заботъ, борьбы и развлеченій, что печать суетности и поверхностности легла на самое населеніе города. Нью-iоркцы веселѣе, эгоистичнѣе и вѣт-

ренѣе, чѣмъ американцы какого бы то ни было другого пункта страны: здѣшній обыватель отстраняется отъ всего, способнаго затмить беззаботное теченіе его жизни; онъ готовъ подать нищему милостыню, но терпѣть не можетъ останавливаться на мысли о людскомъ горѣ и нуждѣ; этими мѣстными чертами характера нью-іоркскихъ жителей, въ значительной мѣрѣ навѣваемыми самымъ климатомъ города, и объясняется тотъ странный фактъ, что при полутора-милліонномъ населеніи Нью-Іорка здѣсь состоитъ всего 180 человѣкъ добровольныхъ „посѣтителей“ бѣдныхъ при здѣшнемъ Общ. Орган. Благотв., тогда какъ въ Бостонѣ при 400.000 населенія имѣется ихъ 500, а въ Филадельфіи при 900.000 нас. насчитывается таковыхъ 800 человѣкъ; въ другихъ городахъ принимаетъ дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ и учащаяся молодежь: такъ, въ Бостонѣ въ 1887 г. состоялъ 41 студентъ въ числѣ „дружественныхъ посѣтителей“, а въ Балтиморѣ 25 студентовъ высшаго образовательнаго учрежденія Америки, John's Hopkins University. При томъ, тогда какъ въ другихъ городахъ одни и тѣ же посѣтители состоятъ въ распоряженіи Общества въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, въ Нью-Іоркѣ большинство отпадаетъ отъ дѣла послѣ перваго года восторженной преданности ему. Много тормозится дѣло опрометчивыми дилеттантами-посѣтителями; но руководители дѣла не утрачиваютъ своей вѣры въ „свѣжія силы извнѣ“; они владѣютъ по истинѣ неистощимымъ терпѣніемъ и даже съ этой шаткой поддержкой добиваются блестящихъ результатовъ.

Нельзя, впрочемъ, серьезно обвинять въ легкомысліи и непостоянствѣ всѣхъ отпадающихъ отъ дѣла „дружественныхъ посѣтителей“; задача эта иногда такъ невыносимо тяжела, что подкашиваетъ не только благороднѣйшія стремленія молодыхъ „посѣтителей“, но порою разрушаетъ въ нихъ самую вѣру въ людей.

Доброволецъ-посѣтитель, предлагающій даромъ свои услуги Обществу, зачисляется въ ряды другихъ дѣятелей того же рода, и ему тотчасъ поручаютъ три-четыре бѣдныхъ семьи въ томъ участкѣ города, гдѣ онъ предпочитаетъ дѣйствовать. Эти семьи „посѣтитель“ берется посѣщать, какъ часто можетъ, не дожидаясь того, чтобы тѣ обращались къ нему за помощью. Собственно говоря, посѣтителю строго предписывается и не пытаться предлагать какой бы то ни было помощи, пока онъ основательно не ознакомится съ бытомъ семьи и особенностями членовъ ея въ отдѣльности. Сдержанность собственныхъ порывовъ постановляется первою обязанностью посѣтителю: ему даются инструкціи въ томъ смыслѣ, чтобы ему стать по возможности

на одну доску съ поручаемыми ему людьми, стараясь смотрѣть на вещи съ ихъ собственной точки зрѣнія такъ, чтобы пріучить семью къ себѣ и своимъ посѣщеніямъ, какъ къ посѣщеніямъ простого знакомаго.

Казалось бы, не до посѣтителей тамъ, гдѣ людямъ не удается просуществовать безъ подаянія; но дѣло обстоитъ, однако, далеко не такъ, какъ можно бы судить со стороны. Нигдѣ не видала я въ Америкѣ такого множества досужаго люда, и женщинъ, и мужчинъ, какъ при обходѣ нью-іоркскихъ трущобъ: не было дома, на крыльцѣ котораго не толпилось бы праздныхъ людей; во всякой квартирѣ, гдѣ мы заставали хозяевъ, почти всегда сидѣли также и гости, и всѣ были не прочь съ нами поболтать, если только мало-мальски понимали англійскій языкъ. Конечно, досугомъ не могли похвастаться тѣ „узники бѣдности", что работаютъ по домамъ машиной или руками за самую нищенскую плату; но не этотъ классъ нуждался въ воспитательномъ воздѣйствіи „дружественныхъ посѣтителей": имъ требовался воздухъ, свѣтъ, пища, а главное—хотя бы маленькій проблескъ какого-нибудь развлеченія въ ихъ угнетенномъ, не знающемъ никакой радости существованіи.

Вначалѣ, конечно, къ присутствію посѣтителя относятся съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, подозрѣваютъ его въ намѣреніи шпіонить, „учить", а не то и въ миссіонерскихъ планахъ. Но такъ какъ всѣмъ лицамъ, дѣйствующимъ отъ имени Общества Орган. Благотв., строжайшимъ образомъ запрещено вдаваться въ прозелитизмъ, то подозрѣнія семьи не оправдываются и мало-помалу исчезаютъ сами собою; тѣмъ временемъ посѣтитель успѣваетъ присмотрѣться къ быту семьи, познакомиться съ дѣтьми, войти къ нимъ въ довѣріе принятіемъ участія въ ихъ дѣтскихъ забавахъ (устраняя наиболѣе предосудительныя изъ нихъ), равно какъ и въ интересахъ болѣе взрослыхъ членовъ семьи.

Такъ какъ въ настоящее время даже наиболѣе пылкіе оптимисты вынуждены признавать тотъ фактъ, что огромному большинству неимущихъ суждено весь свой вѣкъ жить въ тѣхъ же условіяхъ, безо всякой особенно рѣзкой перемѣны въ обстоятельствахъ, то „дружественные посѣтители" главныя свои старанія направляютъ къ тому, чтобы побудить людей пользоваться тѣми рессурсами, которые у нихъ находятся подъ руками, чтобы сдѣлать ихъ жизнь нѣсколько болѣе сносною, не пробуждая въ нихъ, однако, неосуществимыхъ стремленій и надеждъ; даже въ дѣлѣ направленія дѣтей стараются держаться такихъ границъ, чтобы, давая имъ образованіе, не слишкомъ отчуждать ихъ отъ роди-

телей, не подвергать дѣтей риску „стыдиться“ своихъ родныхъ и среды; если же въ комъ изъ подростающаго поколѣнія и оказываются задатки недюжинныхъ дарованій, то дарованіямъ этимъ, при всеобщей распространенности грамотности, не трудно бываетъ заявить себя и найти средства пробиться впередъ.

Крайне тяжела эта пассивная сторона дѣятельности „посѣтителей“: обязательство не предпринимать ничего, не успѣвъ основательно присмотрѣться къ обстоятельствамъ, не смѣть подавать помощь иначе, какъ совѣтомъ и направленіемъ даже въ случаяхъ крайней нужды; въ практикѣ Общества Орган. Благотворительности бывали случаи, что посѣтителямъ удавалось возвращать на путь самостоятельности и независимаго заработка даже слѣпыхъ рабочихъ, которыхъ въ прежнее время неизмѣнно сдавали въ пріюты, сажали на даровой хлѣбъ. Конечно, запрещеніе подачи непосредственной помощи деньгами и вещами иногда обходится посѣтителями, но все же, по большей части, имъ удается удерживаться въ предначертанной имъ рамкѣ дѣятельности,—они стараются по возможности пользоваться тѣмъ, что̀ находится подъ руками, заставляя самую семью позаботиться о томъ, гдѣ бы раздобыться работой, къ кому бы изъ прежнихъ или наличныхъ друзей обратиться за временной поддержкой или указаніемъ работы. Всѣ усилія „посѣтителя“ направлены на возбужденіе самодѣятельности въ бѣднякахъ, опустившихъ уже безпомощно руки. Ихъ систематично стараются отъучить отъ самой мысли о томъ, что имъ можетъ придти помощь извнѣ.

Исходя изъ этого принципа, американская „научная филантропія“ стремится придерживаться системы извѣстной благотворительницы Октавіи Хилль, которая организовала въ Лондонѣ общество оздоровленія жилищъ бѣднаго населенія, опираясь на житейскій опытъ, доказывающій, что невѣжественныя массы цѣнятъ лишь то, что̀ дается имъ постепенно, цѣною ихъ же усилій. Извѣстное дѣло, что когда переселяютъ нечистоплотный, неряшливый людъ въ образцовый новый домъ, то онъ въ какой-нибудь мѣсяцъ времени успѣваетъ обращать тотъ домъ въ совершенный свиной хлѣвъ, а если станутъ его принуждать къ порядку и чистотѣ, то и вовсе предпочтетъ сбѣжать въ прежнюю свою трущобу. Теперь и здѣсь признается болѣе практичнымъ брать старые дома, производить въ нихъ возможныя санитарныя и другія улучшенія проведеніемъ воды, пробитіемъ оконъ на темныхъ лѣстницахъ, освѣщеніемъ послѣднихъ по вечерамъ, такъ какъ замѣчено, что свѣтлыя, теплыя помѣщенія отвлекаютъ мужчинъ отъ тяготѣнія къ кабаку по вечерамъ и значительно содѣйствуютъ

развитію чувства добропорядочности среди обитателей дома. Затѣмъ остальныя улучшенія предоставляются на выборъ и иниціативу самихъ жильцовъ, причемъ, не взимая съ нихъ дорого за квартиры, заставляютъ ихъ уплачивать часть издержекъ на улучшеніе, чтобы больше ими потомъ дорожили.

Эта-то мысль о желательности и возможности подобныхъ улучшеній въ ихъ бытѣ и вкладывается „посѣтителями" постепенно въ умы бѣдныхъ семей, освоившихся со своимъ положеніемъ и уже утратившихъ самое стремленіе къ лучшей обстановкѣ. Сплошь и рядомъ нерадивость и расточительность идутъ рука объ руку съ нищетою: ни въ какой средѣ не дѣлается сравнительно такъ много непроизводительныхъ тратъ, и тутъ-то участіе, совѣтъ посѣтителя, въ особенности женщины, имѣетъ наибольшіе шансы попасть на плодовитую почву. Женщина-посѣтительница склоняетъ отца семьи на починку стула вмѣсто покупки новаго по „дешевой" хотя бы цѣнѣ, научаетъ жену стряпать, чтобы обезпечить хоть какое-нибудь разнообразіе пищи, извлечь всю возможную питательность изъ купленной провизіи, доставляетъ молодымъ членамъ семьи возможность раздобыться старыми книгами, картинками, которыми бы увѣсить стѣны ихъ комнаты, мало-по-малу заинтересовываетъ людей въ украшеніи ихъ жилищъ и тѣмъ привязываетъ ихъ къ очагу, будитъ въ нихъ гордость достигнутыми успѣхами.

Большимъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ поднятія соціальнаго положенія бѣдняка почитается то время, когда онъ сознательно и добровольно принимается откладывать часть своего скуднаго заработка на черный день; и къ этому его опять-таки исподволь пріучаютъ „дружественные посѣтители": они стараются по возможности посѣщать ввѣренныя имъ семьи въ день полученія ими заработной платы и тогда же уговариваютъ ихъ отложить нѣсколько сентовъ въ сберегательную кассу, часто сами же съ нихъ собираютъ деньги—куютъ желѣзо, пока оно горячо. Обыкновенно вызываютъ людей на сбереженія, склоняя ихъ къ заранѣе намѣченной цѣли: покупкѣ угля на зиму, сапогъ, необходимаго платья, и когда, наконецъ, эта покупка совершается, она представляется бѣдняку, съ непривычки, тѣмъ же подаркомъ. Но тѣмъ не менѣе, мало-по-малу, привычка откладывать деньги грошами, хотя бы и изъ самаго скуднаго заработка, укореняется въ человѣкѣ: все равно привычно сидѣть впроголодь, на гривенникъ-другой меньше въ недѣлю поѣшь и не почувствуешь.

Прежде „посѣтители" обходили дома, собирали сбереженія въ семьяхъ и откладывали ихъ въ банкъ; это и теперь продол-

жаетъ дѣлаться въ извѣстныхъ случаяхъ. Но въ настоящее время Общество Орг. Бл. учредило въ бѣднѣйшихъ кварталахъ города цѣлую систему Penny-Savings-Banks—сберегательныхъ кассъ, разсчитанныхъ, главнымъ образомъ, на привлеченіе дѣтей. Въ эти кассы можно дѣлать вклады хотя бы по одному сенту; если желаете отдать въ сохранную кассу сентъ, два, десять, двадцать-пять сентовъ, вамъ выдаютъ марку на сумму вклада, и эту марку вы вклеиваете въ свою книгу и тѣмъ отмѣчаете сумму своихъ сбереженій вплоть до десяти долларовъ, когда вамъ выдается, если желаете, настоящая банковая книжка—обыкновенно на Bowery Bank,—куда заносятся уже вклады обычнымъ образомъ. Марки сберегательныхъ кассъ Общества заказываются имъ самимъ по особымъ рисункамъ и походятъ размѣромъ на марки почтовыя. Для ребенка же красивая марка—большая приманка: уличный оборванецъ готовъ себѣ отказать въ любимомъ лакомствѣ, въ папиросѣ, лишь бы только урвать сентъ-другой на покупку кассовой марки, которую тутъ же и вклеиваетъ въ свою книжку, доставляя себѣ притомъ удовольствіе пересчитать и всѣ свои прежнія сбереженія, изображаемыя марками.

Цѣлыхъ два часа просидѣла я однажды въ одной изъ такихъ сохранныхъ кассъ, съ трехъ до пяти, наблюдая гурьбы школьниковъ, тѣснившихся къ кассѣ покупать марку или вынимать свои сбереженія. Сколько тутъ было оживленія, шутокъ, разсужденій о томъ, какая марка красивѣе! И каждый тутъ безпрестанно лѣзъ со своими разговорами и замѣчаніями къ молодой кассиршѣ, которая выглядывала на шумливыхъ дѣтей изъ окна своей будочки и не выдавала своего нетерпѣнія даже при самыхъ нелѣпыхъ просьбахъ и выходкахъ.

— Миссъ Гринъ, а, миссъ Гринъ!—неустанно приставалъ къ ней оборванецъ, едва носомъ достававшій до окошечка въ кассу.—Миссъ Гринъ, правду это Майкъ говорилъ намедни, будто у него долларъ въ банкѣ?

— Проходите, мальчикъ, проходите!—спокойно возражаетъ кассирша:—хотя бы и помнила, я права не имѣю разсказывать о томъ, какія у кого сбереженія.

— Миссъ Гринъ, послушайте хоть на минуточку, миссъ Гринъ! я пари съ Майкомъ держу, что къ Рождеству я столько же, сколько и онъ, накоплю, такъ неужто мнѣ...—но тутъ настойчивый банковый вкладчикъ сметается въ сторону локтемъ десятилѣтняго чумазаго малаго, который, съ чувствомъ собственнаго достоинства, уставясь въ упоръ на кассиршу, твердо заявляетъ ей требованіе получить сейчасъ же три доллара сорокъ девять

сентовъ: толпа въ молчаніи разступается передъ капиталистомъ, на него обращаются пытливые взгляды, окружающая мелюзга становится на цыпочки, чтобы посмотрѣть, не даромъ ли только куражится вкладчикъ,—полно, выдадутъ ли ему еще такую махину денегъ сполна?.. Но нѣтъ, капиталистъ это оказывается настоящій: кассирша, ни слова не говоря, выдаетъ ему требуемую сумму, накладывая штемпель на соотвѣтственное ей число марокъ, подлежащихъ погашенію; мальчикъ методично, не спѣша, пересчитываетъ деньги и прячетъ ихъ въ карманъ жилета: „а остальные-то два доллара я ужъ себѣ на разживу, такъ и быть у васъ, миссъ Гринъ, оставлю“...

Капиталистическія замашки коренастаго мальчика, самоувѣренность тона его, насупленный видъ и разсмѣшили, и заинтересовали меня.—Зачѣмъ вамъ разомъ понадобилась такая большая сумма?—спрашиваю его. Онъ взглянулъ на меня, точно будто сожалѣя о моей простотѣ:

— А гдѣ же я возьму сапоги? Да и жилетку я себѣ высмотрѣлъ въ Baxter street,—не удержался онъ похвастать, вскидывая на меня глазами и переходя въ болѣе мягкій тонъ.

— Миссъ Гринъ, послушайте, миссъ Гринъ! дайте мнѣ марку въ четыре сента!—раздается тутъ тонкій голосокъ маленькой дѣвочки у окна:—а я вѣдь эту недѣлю на цѣлыхъ семь сентовъ марокъ купила,—не правда ли, купила, миссъ Гринъ?

— Какъ ваше имя, дѣвочка? Скажите ваше имя и фамилію, чтобы можно мнѣ было вашу книжку сыскать,—говоритъ кассирша.

— Анни,—заявляетъ дѣвочка, уставляясь на нее жадными, круглыми глазенками.—Анни Догерти, миссъ Гринъ!—хоромъ добавляетъ за дѣвочку болѣе нея навострившаяся „въ дѣлахъ“ публика.

— Долларъ изъ причитающихся мнѣ суммъ дозвольте получить!—рѣзкимъ дискантомъ выпѣваетъ, подходя къ окну, мальчикъ лѣтъ семи по росту, но, очевидно, старше, судя по лицу и манерѣ выражаться:—Тому Смедли выдайте долларъ по книжкѣ!

— Цѣлый долларъ, Томми?—съ улыбкой переспрашиваетъ кассирша.

— Ровно долларъ, миссъ Гринъ: въ торговлю пуститься хочу.

— Леденцами Томми торговать станетъ, миссъ Гринъ,—восторженно провозглашаетъ, не выдержавъ, одинъ изъ спутниковъ Томми; съ нимъ явилась цѣлая орава мальчиковъ, кажется, для того одного, чтобы только взглянуть, какъ тотъ свой капиталъ вынимать станетъ.

Такимъ-то порядкомъ, подъ градомъ совѣтовъ, шутокъ, остротъ,

проходятъ десятки вкладчиковъ мимо оконца кассирши; всякій тутъ смотритъ смѣло, въ явномъ сознаніи того, что пріобрѣлъ себѣ право входа въ просторное помѣщеніе, полное право распоряжаться какъ хочетъ своими сбереженіями; весело было при этомъ смотрѣть на оживленныя, смышленыя дѣтскія лица. Прибавить не мѣшаетъ, что пока деньги вкладчиковъ остаются въ кассѣ, на нихъ выдается по 2%.

Старшихъ не такъ, говорятъ, легко приручать къ банку: то не выберется времени зайти туда, а тамъ и деньги изъ рукъ уплывутъ. Система же сбереженій только тогда и дѣйствительна, когда преслѣдуется постоянно, безъ особенныхъ скачковъ. Сознавая это, агенты сберегательныхъ кассъ Общества Орган. Благотв. систематически обходятъ всѣ квартиры въ бѣднѣйшихъ кварталахъ, предлагая каждому отдать на сбереженіе хотя бы нѣсколько сентовъ. Конечно, на это уходитъ у „сборщика" много времени, но еще болѣе времени уходитъ на то, чтобы подавать требуемые у него при этомъ совѣты; весьма часто „сборъ сбереженій" является для агентовъ Общества прекраснымъ средствомъ къ знакомству съ семьями и направленію ихъ на путь самостоятельности. Не даромъ гласитъ американская поговорка: „человѣкъ съ деньгами въ банкѣ вдвойнѣ человѣкъ противъ того, у кого нѣтъ банковаго кредита" (A man with a bank account is twice the man without it)...

V.

Еще о дружественныхъ посѣтителяхъ.—Ободряющее вліяніе личнаго участія.—Непопулярность больницъ.—Методы американскихъ врачей.—Трудность подбора хорошихъ посѣтителей.—Опасенія соблазна благотворительныхъ фондовъ.—Провинціальныя Общества Организаціи Благотворительности и ихъ уклоненія отъ основныхъ правилъ учрежденія.—Цѣли „научной благотворительности" вообще.

Но вернемся къ дѣятельности дружественныхъ посѣтителей. Конечно, имъ часто приходится встрѣчаться съ случаями болѣзней или безъисходной, крайней нужды, гдѣ прямая матеріальная помощь является неотложною необходимостью. И тогда „дружественный посѣтитель" все же не спѣшитъ отправлять человѣка въ пріютъ или больницу, не спѣшитъ затеривать его личность въ какомъ бы то ни было учрежденіи подъ видомъ „входящаго нумера", а старается какъ можно скорѣе разыскать кого-либо изъ его родныхъ или прежнихъ друзей, которые могли бы помочь бѣдняку

временно, изъ личнаго къ нему расположенія. Самое сознаніе того, что у него есть еще *личные* доброжелатели, ободрительно дѣйствуетъ на забитаго жизнью человѣка, побуждаетъ его встряхнуться, оправдать оказываемое ему довѣріе, найти работу, расплатиться при первой возможности, тогда какъ помощь, подаваемая ему въ общественномъ учрежденіи, часто ведетъ неудачника къ обидному сознанію отрѣзанности своей отъ остального человѣчества, убиваетъ въ немъ послѣднюю искру гордости и самодѣятельности.

Равнымъ образомъ поступаютъ и съ больными. „Посѣтитель" выспрашиваетъ у врача, чтò требуется для быстрѣйшаго поправленія больного, и направляетъ родныхъ этого послѣдняго въ мѣста, гдѣ можно временно достать для больного вещи по дешевой цѣнѣ. Въ больницу и здѣсь, какъ въ Европѣ, недостаточные люди терпѣть не могутъ поступать, и отправляютъ ихъ туда врачи лишь въ крайнихъ случаяхъ. Изъ числа наиболѣе патетическихъ проявленій гнетущей нужды, встрѣченныхъ мною въ бѣдныхъ кварталахъ города, едва ли не самое удручающее было положеніе одной престарѣлой четы: семидесяти-трехъ-лѣтній, едва ноги передвигавшій, мужъ завѣдывалъ тутъ всѣмъ хозяйствомъ въ единственной ихъ бѣдной и грязной комнаткѣ и одинъ ухаживалъ за 65-ти-лѣтней женою, медленно угасавшею отъ послѣдствій остраго воспаленія легкихъ. Старикъ видимо уже съ ногъ смотался, ни отъ кого не имѣя помощи ни днемъ, ни ночью: онъ безпомощно мигалъ своими голубыми, кроткими старческими глазами изъ-подъ сдвинутыхъ на лобъ круглыхъ очковъ въ желѣзной оправѣ, шамкалъ что-то на непонятномъ нѣмецко-англійскомъ жаргонѣ, суетился передъ врачомъ, который упрекалъ его за неряшливость и за то, что старикъ не можетъ отказаться отъ обычной своей порціи пива. Молодой врачъ былъ коренной американецъ, выросшій въ провинціи, и, подобно большинству такихъ людей, почиталъ даже умѣренное питье пива чуть ли не серьезнымъ порокомъ.

Пока распекалъ его врачъ за то, что полъ въ комнатѣ не мытъ, старикъ еще крѣпился; но лишь только тотъ пригрозился, въ случаѣ неприведенія помѣщенія въ приличный видъ, перевезти больную въ больницу, старикъ вдругъ расплакался—расплакался тихо, какъ плачутъ старики: лицо точно застыло въ одномъ выраженіи безпомощности, и слезы одна за другой выкатывались изъ глазъ, расходясь по избороздившимъ лицо морщинамъ. Но черезъ минуту на его лицѣ явилась примирительная улыбка, и онъ принялся разсыпаться въ самыхъ нелѣпыхъ обѣщаніяхъ доктору, лишь бы тотъ оставилъ дорогую ему больную въ его нищенской каморкѣ. И надо видѣть было, какъ по-дѣтски просіяло

лицо старика, когда и докторъ, улыбнувшись, заявилъ, что не тронетъ больную, если только старикъ приберетъ комнату.

Какъ узнала я потомъ, эта умирающая жена нѣмца-старика была природная американка, образованная женщина, которая, оставшись вдовою послѣ своего перваго богатаго мужа, вышла замужъ за полюбившагося ей нѣмца-наѣздника и ни словомъ, какъ увѣряютъ, за всю ихъ жизнь не попрекнула его за то, что онъ потерялъ все ея состояніе на разныхъ спекуляціяхъ и довелъ ее до крайней нищеты: какъ видно, въ иныхъ случаяхъ любовь такъ живуча, что ея не убиваетъ и нищета.

Не мѣшаетъ отмѣтить, что, какъ бы бѣдны ни были паціенты, здѣшніе доктора даромъ ихъ не лечатъ, хотя немедленной платы и не требуютъ. Выходя разъ изъ квартиры рабочаго, цѣлыхъ пять мѣсяцевъ сидѣвшаго безъ заработка, жена котораго успѣла уже все, чтѐ могла, заложить, чтобы просуществовать, при уходѣ за больными скарлатиною дѣтьми, молодой и весьма, казалось, сердобольный врачъ, сопровождавшій меня, сказалъ мнѣ: „Угадайте, зачѣмъ меня кликнула назадъ мать этого умирающаго ребенка? Это она хотѣла заплатить мнѣ за визитъ. Я теперь, конечно, не взялъ денегъ, но потомъ непремѣнно ихъ стребую, такъ ей и сказалъ“. — Но откуда же ей взять денегъ? — вырвалось у меня. —„Ну, ужъ это ея дѣло. Не возьми я съ нея денегъ, она пришлетъ мнѣ двадцать своихъ пріятельницъ, разрушитъ мою хорошую практику, а сама станетъ тратить на пустяки деньги, которыя „съэкономила“ на докторѣ“.

Противъ этого довода, конечно, и спорить было нечего: мало на свѣтѣ людей, способныхъ пускать на дѣло неожиданно оставшіяся на рукахъ деньги.

Понятное дѣло, что со стороны участковыхъ комитетовъ Общ. Орг. Бл. требуется чрезвычайно много такта для того, чтобы руководить посѣтителями, направлять ихъ; но всѣ организаторы дѣла согласно заявляютъ, что невозможно заранѣе сказать, какой требуется въ человѣкѣ темпераментъ, чтобы вышелъ изъ него хорошій „дружественный посѣтитель“—такъ разносторонни требованія, налагаемыя на этихъ лицъ. Посѣтитель зорько слѣдитъ за тѣмъ, чтобы дѣти бѣдныхъ семей не оставались необученными; онъ долженъ притомъ располагать основательнымъ знаніемъ по части законовъ страны и статутовъ штата, чтобы быть въ состояніи неотлагательно подать благой совѣтъ человѣку, обращающемуся къ нему, а иногда и для того, чтобы ограждать бѣдняковъ отъ зловредныхъ филантропическихъ затѣй извѣстнаго Эльбриджа Герри, стоящаго во главѣ „Общества Предотвращенія Жестокости къ

дѣтямъ“ и доходящаго въ своемъ фанатическомъ преклоненіи передъ „системой“ до того, что съ какою-то жадностью забираетъ дѣтей при первой возможности и нерѣдко отказывается возвращать ихъ родителямъ въ видахъ будто бы „блага дѣтей“. Общество Орган. Благотв. рѣшительно противится раздѣленію семей и готово бороться всѣми средствами противъ фанатиковъ-филантроповъ этого пошиба. Тутъ-то и проявляется польза отъ „посѣтителей“ законниковъ.

Основное правило здѣшней „научной“ филантропіи состоитъ въ томъ, какъ объяснено выше, чтобы старательно обходить все, что̀ можетъ располагать бѣдняка къ тунеядству, и чтобы непрестанно оказывать нравственную поддержку нуждающимся въ ободреніи,—и это вплоть до самой той поры, когда онъ рѣшительно станетъ на ноги.

Нѣтъ того вида человѣческой нужды, на запросъ которой о помощи Общ. Организаціи Благотворительности посмѣло бы отвѣтить: „это дѣло до насъ не относится“. Если Обществу предъявлены будутъ требованія, удовлетворить которыхъ само оно не въ состояніи, оно поставляетъ себѣ непремѣнной задачей *немедленно* направить нуждающагося въ то общество или къ тому лицу, которое ему можетъ оказать помощь, такъ какъ первая функція Общества Орг. Благотв. состоитъ въ томъ, чтобы служить справочною конторою всѣхъ существующихъ на мѣстѣ благотворительныхъ обществъ.

Участковымъ комитетамъ своимъ Общество Орг. Бл. предоставляетъ большую свободу дѣйствій и выбора средствъ, но оно рѣшительно запрещаетъ имъ производить какіе бы ни было сборы фондовъ на дѣла благотворительности; оно предпочитаетъ отсылать пока всѣхъ бѣдныхъ, нуждающихся въ пособіяхъ, въ другія общества, спеціально занимающіяся раздачею таковыхъ. „Какъ бы совершенна ни была постановка нашего Общества,—говорятъ здѣшніе его руководители,—однимъ механизмомъ многаго не добьешься. Для успѣшнаго веденія дѣла требуются честность, умъ и бездна доброй воли; а лишь только заведется у насъ при Обществѣ небольшой „благотворительный фондъ“, такъ найдутся и между нами желающіе поживиться отъ него“.

Вотъ и ведется все это широкое благое дѣло на какихъ-нибудь 30.000 долларовъ въ годъ, въ полутора-милліонномъ городѣ съ безпримѣрно смѣшаннымъ населеніемъ!..

Разсѣянныя по всему союзу 60 Обществъ Орг. Благотв. постоянно ведутъ обмѣнъ свѣденій и сообщеній какъ между собою, такъ и съ европейскими обществами того же характера, такъ что

если гдѣ въ районѣ дѣятельности какого-либо общества появляется новый нищій и, обращаясь за помощью, заявляетъ, откуда прибылъ,—то въ указанное мѣсто немедленно посылается Обществомъ запросъ, и въ отвѣтъ получаются имъ всѣ извѣстныя данныя о новомъ просителѣ.

Воздержаніе отъ раздачи пособій вполнѣ удобно для „Общества“ лишь въ такихъ городахъ какъ Нью-Іоркъ, Бостонъ, Филадельфія, гдѣ существуетъ огромное разнообразіе въ методахъ благотворительности, преслѣдуемыхъ отдѣльными обществами. Провинціальныя же отдѣленія Общества Орг. Благотв., пользуясь широкою свободою въ выработкѣ собственныхъ способовъ дѣйствія и не имѣя подъ рукою требуемыхъ союзниковъ, нерѣдко сами вдаются въ разныя филантропическія начинанія. Такимъ путемъ, по иниціативѣ разныхъ отдѣленій Общества, устроиваются ремесленныя школы, образцовыя кухни, швейныя, читальни въ бѣднѣйшихъ кварталахъ города, вечерніе классы для мастеровыхъ, crêches для малыхъ дѣтей поденщицъ, общества для вывоза дѣтей и слабыхъ матерей на берегъ моря, дневныя экскурсіи для неимущихъ, фермы для болѣзненныхъ дѣтей; организуются общества для снабженія больныхъ въ госпиталяхъ игрушками, книгами, живыми цвѣтами,—всѣхъ добрыхъ затѣй и не перечтешь. Конечно, вдаваясь въ такого рода благотворительныя начинанія, провинціальныя отдѣленія Общества Орган. Благотворительности выступаютъ изъ рамокъ, предначертанныхъ этимъ учрежденіемъ. Но помѣшать этому невозможно; въ этой жаждѣ разносторонней дѣятельности сказывается національная американская идея о томъ, что если нельзя достигнуть успѣха „по правиламъ“, то слѣдуетъ попытаться достичь какъ можно лучшихъ результатовъ, не придерживаясь никакихъ прецедентовъ. Такъ поступаютъ американцы въ дѣлѣ народнаго образованія, поручая сельскія школы полуграмотнымъ учителямъ, лишь бы дѣти не выросли неграмотными тамъ, гдѣ средства не позволяютъ людямъ заручиться учителемъ образованнымъ.

Впрочемъ, разнообразя предпріятія свои на почвѣ филантропіи, американцы не слишкомъ отдаляются отъ цѣлей научной благотворительности, которыя достигаются мѣрами предохранительными столько же, сколько и цѣлительными, и потому представляютъ большой выборъ для дѣятельности людямъ, желающимъ быть полезными. Притомъ предохранительная дѣятельность гораздо полезнѣе и лучше вознаграждается, чѣмъ цѣлительная; объ этомъ единодушно свидѣтельствуютъ руководители всѣхъ многочисленныхъ

учрежденій такого рода, возникающихъ въ Соединенныхъ Штатахъ, равно какъ и въ другихъ странахъ.

Задачи, затрогиваемыя научной благотворительностью, троякаго рода и всѣ онѣ разсчитаны на обезпеченіе благъ для всего общества.

Первый разрядъ услугъ, оказываемыхъ научною благотворительностью обществу, идетъ на прямую пользу каждаго члена его: сюда относится забота объ устройствѣ хорошаго дренажа, хорошихъ школъ, общественныхъ читаленъ и библіотекъ, приличныхъ бань и купаленъ, поддержка улицъ въ чистотѣ и порядкѣ, заботы объ ограждени общественной нравственности и о примѣнени законовъ, регулирующихъ продажу спиртныхъ напитковъ. Конечно, въ большихъ центрахъ населенія эти заботы уже отошли въ вѣденіе спеціальныхъ вѣдомствъ и расходы ихъ покрываются налогами на гражданъ; но въ тѣхъ первобытныхъ общинахъ, которыя еще не доросли до сознанія необходимости этихъ мѣръ, научная филантропія признаетъ прямой своей обязанностью проводить ихъ въ жизнь.

Второй разрядъ услугъ, оказываемыхъ обществу научной филантропіей, является въ формѣ прямого служенія лишь извѣстному классу гражданъ, но косвенно утверждаетъ общественную жизнь на болѣе оздоровленныхъ началахъ и тѣмъ идетъ всѣмъ гражданамъ на пользу. Сюда относятся лекціи для рабочихъ, ремесленныя школы и артистическіе классы для взрослыхъ и дѣтей, сборъ сбереженій, популяризація изящныхъ искусствъ въ народныхъ массахъ. Этотъ второй отдѣлъ благотворительной дѣятельности весьма важенъ въ дѣлѣ упроченія здоровыхъ общественныхъ функцій въ странѣ, подобной Соединеннымъ Штатамъ, такъ какъ въ этой сферѣ дѣятельности постоянно возникаютъ случаи сближенія людей различныхъ классовъ общества для оказанія ими другъ другу взаимныхъ услугъ не будь этихъ точекъ соприкосновеннія между невѣжественными и учеными, между бѣдными и богатыми, они и по сю пору продолжали бы жить въ полнѣйшемъ разобщеніи другъ съ другомъ.

Третій разрядъ дѣятельности органовъ научной благотворительности уже чисто цѣлительный: дѣйствію его подпадаютъ лишь отдѣльныя личности, неспособныя собственными усиліями подняться изъ нищеты и порочности, въ которую впали въ жизненной борьбѣ. До сей поры огромному большинству обездоленныхъ міра сего предоставлялось, какъ говорится, „отправляться къ чорту каждому на свой манеръ“, пока не попадали они въ рабочіе и исправительные дома, въ тюрьмы, пріюты или больницы. Меньшинство

попадало въ руки людей и обществъ, руководимыхъ духомъ религіи, и стараніями этихъ послѣднихъ извѣстное число обездоленныхъ иногда перерождалось въ дѣйствительно богобоязненныхъ людей, становилось хорошими гражданами; но зато множество другихъ обращалось подъ давленіемъ религіозныхъ идей лишь въ лицемѣровъ, носящихъ личину благочестія изъ личныхъ соображеній, изъ-за чревоугодія; иные обращались въ психопатовъ, которымъ религія сладка лишь какъ средство раздраженія нервовъ; а нерѣдко случались и такіе, что прямо, сознательно, зачислялись въ ту касту состоящихъ при богатыхъ приходахъ „бѣдныхъ", на которыхъ направляютъ богачи свои „душеспасительныя щедроты". Какимъ порядкомъ дѣло ни велось, все же въ результатѣ частной благотворительности являлось умноженіе паразитовъ націи, сидящихъ на шеѣ у трудящихся, добропорядочныхъ людей.

Въ настоящее время все болѣе и болѣе упраздняется, однако, прежній взглядъ на неудачника, какъ на лицо, несущее кару за собственные свои проступки и пороки, и все болѣе утверждается увѣренность въ томъ, что отдѣльный человѣкъ повсемѣстно является лишь тѣмъ, чѣмъ сдѣлала его среда, и что, слѣдовательно, все общество обязано нести отвѣтственность за вредныхъ членовъ своихъ, употребляя всѣ средства къ искорененію имъ самимъ причиненнаго зла.

Отсюда и возникаютъ „научные принципы" благотворительности, которые у образованныхъ американцевъ, какъ на скалѣ, зиждутся на слѣдующихъ излюбленныхъ ими девизахъ. Знаменитый американскій мыслитель Эмерсонъ провозгласилъ, что „невелика для меня польза отъ того, если мнѣ кто дастъ что-нибудь; но зато великая для меня польза кроется въ томъ, если кто поставитъ меня въ возможность совершить что-нибудь мнѣ самому на пользу". Другой писатель, Drummond, въ своей книгѣ: „Natural Laws in the Spiritual World", прямо установляетъ тотъ законъ, что: „вреденъ всякій принципъ, въ силу котораго за человѣкомъ обезпечивается пища безъ расхода съ его стороны; введеніе въ жизнь принципа такого свойства всегда сопровождается вырожденіемъ общества и утратою отдѣльныхъ частей".

VI.

Опасности обособленія классовъ при республиканскомъ образѣ правленія.—Неравномѣрность распредѣленія гражданъ, способныхъ настаивать на повсемѣстномъ примѣненіи законовъ. — Англійскіе прецеденты.—People's Palace.—Движеніе, организованное оксфордскимъ университетомъ. — Принципы, легшіе въ основаніе Toynbee Hall.—Сходство жизненныхъ условій недостаточныхъ классовъ въ Лондонѣ и Нью-Іоркѣ.—Движеніе, направляемое американцами высшаго образованія.—„Народный Дворецъ" въ Чикаго. —Сфера дѣятельности образованной мужской молодежи.

Послѣ всего приведеннаго выше, положеніе дѣлъ, безпокоящее мыслящихъ людей Америки, становится, я надѣюсь, понятнымъ. Изъ Европы продолжаютъ устремляться сюда цѣлыя орды полудикихъ людей, а билль Форда, представленный въ конгрессъ въ видахъ ограниченія эмиграціи въ страну, до сей поры остается еще проектомъ. Да если билль и пріобрѣтетъ силу закона, станетъ даже примѣняться въ полномъ объемѣ своемъ, то и тогда невѣжественный, полудикій элементъ европейскаго населенія все же будетъ сюда прибывать по прежнему, такъ какъ, по разсчету самого Форда, принятіе его билля закроетъ доступъ не болѣе какъ 150.000 человѣкъ изъ тѣхъ 450.000 или полу-милліона переселенцевъ, какіе прибываютъ сюда ежегодно: американцы и тогда могутъ разсчитывать получать изъ Европы отъ трехъ до четырехъ сотъ тысячъ эмигрантовъ ежегодно, и большинство ихъ, подчиняясь общей тенденціи бѣдняковъ, будутъ по прежнему тѣсниться въ грязи и духотѣ большихъ городовъ. Такимъ путемъ на низшей ступени городской жизни будетъ все болѣе и болѣе размножаться классъ почти дикій, не цивилизованный, по той простой причинѣ, что цивилизація никогда еще не касалась его: отцы и дѣды этого класса были нецивилизованы, и если дѣйствительно этотъ классъ поставляетъ людей жестокихъ, преступныхъ и безнравственныхъ, какъ многіе теперь утверждаютъ, то это потому лишь, что люди эти ничего другого не видали передъ собою съ самой своей колыбели.

И съ каждымъ годомъ это городское населеніе будетъ увеличиваться. Будь этотъ людъ равномѣрно распредѣленъ по лицу всей страны, онъ несомнѣнно, какъ и утверждаетъ докторъ Макъ Глиннъ, слился бы съ туземнымъ населеніемъ и обратился бы, въ свою очередь, въ добропорядочныхъ гражданъ; но бѣда въ томъ, что невѣжественный элементъ скученъ по большимъ городамъ. Въ сельскихъ мѣстностяхъ болѣе достаточные жители знаютъ

нужды бѣднѣйшихъ и, по мѣрѣ возможности, облегчаютъ ихъ, но въ городахъ этого нѣтъ. Въ такихъ многолюдныхъ центрахъ населенія, какъ Нью-Іоркъ, Филадельфія, Чикаго, достаточные слишкомъ далеко отстоятъ отъ бѣдныхъ, у нихъ нѣтъ досуга, они могутъ подавать нуждающимся лишь денежную помощь, которая только развиваетъ пауперизмъ.

Тѣмъ временемъ въ тѣхъ частяхъ города, гдѣ болѣе всего тѣснятся бѣдняки, совсѣмъ нѣтъ просвѣщенныхъ обывателей, способныхъ располагать своимъ временемъ на служеніе общему дѣлу мѣстнаго самоуправленія, нѣтъ людей, которые бы знали городскія постановленія и могли бы настаивать на исполненіи санитарныхъ и другихъ предписаній.

Такая рѣшительная обособленность людей достаточныхъ, съ одной стороны, и бѣдныхъ обитателей города, съ другой, сопряжена, какъ всѣ здѣсь сознаютъ, съ большими опасностями при республиканскомъ образѣ правленія и даже грозитъ водвореніемъ хаоса, среди котораго не удержится никакая цивилизація. И здѣсь, какъ почти вездѣ, законовъ довольно, и законовъ весьма хорошихъ; но въ томъ бѣда, что есть мѣста, гдѣ некому настаивать на томъ, чтобы они примѣнялись.

Какимъ же образомъ создать въ средѣ нуждающихся такой классъ населенія, который бы способенъ былъ оцѣнивать мѣстныя нужды и выработывать мѣры къ ихъ удовлетворенію? Какимъ образомъ установить то общеніе между высшими и низшими классами страны, которое, какъ утверждаютъ такіе авторитетные люди, какъ членъ палаты общинъ Гошенъ, проф. Гёксли, одно можетъ содѣйствовать разрѣшенію труднаго соціальнаго вопроса?

Въ штатахъ съ самыхъ различныхъ сторонъ подходятъ къ разрѣшенію этой задачи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возникаютъ организаціи, подобныя „клубамъ націоналистовъ", воскрешающія идеи фурьеристовъ, предлагающія соціалистическія мѣры леченія, могущественную государственную организацію для предотвращенія бѣдности или, по крайней мѣрѣ, нищеты. Съ другой стороны, большинство просвѣщенныхъ американцевъ судитъ такъ, что какіе бы ни проводились законы, какая бы ни выработана была крѣпкая государственная организація—въ этомъ никогда не можетъ быть прочнаго залога успѣха, такъ какъ никакіе законы не могутъ проявлять той эластичности, какая требуется для примѣненія къ вѣчно мѣняющимся фазисамъ и условіямъ соціальнаго быта. Не привлекаетъ этихъ людей и та панацея для искорененія всѣхъ соціальныхъ золъ, которая предлагается Генри Джоржемъ.

Въ такомъ-то затрудненіи многіе энергическіе люди Америки

снова обратили свои взоры на Европу, стали приглядываться къ тѣмъ мѣрамъ, которыя недавно стали примѣняться просвѣщенными англичанами въ видахъ улучшенія положенія въ Восточномъ Лондонѣ, бѣдные кварталы котораго представляютъ ту же опасность для большого города, какъ нижніе кварталы города для Нью-Іорка. И вотъ, въ старомъ Лондонѣ, глазамъ американцевъ предстало два грандіозныхъ начинанія: на первомъ планѣ въ трущобныхъ кварталахъ его возвышается великолѣпное зданіе Народнаго дворца—People's palace, построеннаго на деньги богатыхъ людей, аристократовъ, открытаго года два-три тому назадъ самой королевой Викторіей и предназначеннаго служить клубомъ для бѣднѣйшаго населенія, гдѣ оно могло бы имѣть развлеченія, удаляющія его отъ кабака, и въ то же время находило бы средства къ собственному развитію и усовершенствованію.

Сначала идея основанія и у себя „Народнаго Дворца“ показалась американцамъ весьма привлекательной, такъ какъ и они сознаютъ, что тяжесть существованія бѣднаго человѣка кроется не въ одной недостаточности пищи, но и въ нравственномъ голодѣ, въ неимѣніи какихъ бы то ни было развлеченій, какой бы то ни было приличной арены общенія съ себѣ подобными, особенно съ людьми высшаго развитія. Но увлеченіе этой идеей было среди американцевъ весьма кратковременно, такъ какъ даже просвѣщеннѣйшіе люди, наилучшіе друзья бѣднаго человѣка, стали заявлять, что „Народный Дворецъ“ въ Америкѣ неосуществимъ, такъ какъ здѣсь ничто не прививается, чтò не выработано стараніями самого народа. Примѣры этого весьма многочисленны. Въ одномъ изъ городовъ штата Нью-Іорка даже образовалась ассоціація благотворительныхъ женщинъ, которыя наняли помѣщеніе именно для того, чтобы доставить фабричнымъ дѣвушкамъ мѣсто для отдыха и развлеченій. Помѣщеніе это убрали, увѣсили стѣны картинами, наняли рояль, припасли разныя игры, подготовили даже туманныя картины. Объ открытіи помѣщенія толковали въ городѣ много, во всѣхъ газетахъ опубликовано было приглашеніе всѣмъ фабричнымъ и бѣднымъ дѣвушкамъ придти на открытіе и веселиться сколько ихъ душѣ угодно... Наступило время открытія помѣщенія; три изъ дамъ-организаторовъ явились спозаранку встрѣчать ожидаемыхъ гостей, ободрять наиболѣе робкихъ и застѣнчивыхъ—и что же? Сколько ни ждали дамы гостей—не явилась къ нимъ ни одна дѣвушка, и дѣло этой ассоціаціи рушилось само собою. Слишкомъ уже противно духу американскаго рабочаго человѣка, когда на него смотрятъ какъ на особое существо, когда богатые начинаютъ дѣйствовать въ его интересахъ,

будто на пользу какого-то отрѣзаннаго класса. Однако, что въ странѣ существуетъ требованіе на подобныя учрежденія—фактъ неоспоримый: въ газетахъ ежедневно попадаются сообщенія о томъ, что то здѣсь, то тамъ, во всѣхъ концахъ и закоулкахъ страны, какъ грибы выростаютъ разные клубы и ассоціаціи рабочихъ женщинъ, организуемыя ими же самими; возникаютъ кооперативныя мастерскія, вѣтви организаціи „Рыцарей труда" и многіе другіе кружки; все это ведется на гроши самого рабочаго люда, безъ всякаго участія выше стоящихъ по достатку и развитію классовъ.

„Намъ нуженъ не одинъ „Народный Дворецъ", не одна дюжина такихъ учрежденій, какъ „Cooper Union" здѣсь въ Нью-Іоркѣ, а сотни такихъ учрежденій,—заявляютъ Генри Джорджъ, докторъ Макъ-Глиннъ, миссіонеръ Хёнтингтонъ—и „Народные Дворцы" у насъ возникнутъ: будутъ выстроены народомъ, для народа—и дѣйствительно пойдутъ тогда на пользу народную".

Но „Народный Дворецъ"—не единственное грандіозное образовательно-филантропическое предпріятіе, организованное за послѣдніе года англичанами. Соціальные вопросы въ теченіе цѣлаго десятка лѣтъ сильно занимаютъ умы въ англійскихъ университетахъ: а эти учрежденія изстари производятъ большое вліяніе на общественное мнѣніе своей страны. Давно уже въ Оксфордѣ додумались до того, что разрѣшенія соціальнаго вопроса слѣдуетъ искать только путемъ сближенія высшихъ классовъ и низшихъ. Въ результатѣ этого сознанія явились сначала единичныя попытки личнаго воздѣйствія на массы со стороны такихъ энергичныхъ молодыхъ реформаторовъ, каковъ былъ Эдвардъ Денисонъ, а затѣмъ Арнольдъ Тойнби, изъ которыхъ послѣдній провелъ нѣсколько вакаціонныхъ мѣсяцевъ въ лондонскихъ трущобахъ, организуя вокругъ себя кружокъ невѣжественной мѣстной молодежи и обучая ее гимнастикѣ, боксу, играмъ, всѣми силами стараясь внести лучъ радости, развлеченій въ среду страшнаго умственнаго угнетенія трущобнаго міра, гдѣ даже нерѣдки самоубійства отъ того, что нѣтъ ни малѣйшаго просвѣта въ трудовой жизни. Энергичная дѣятельность юнаго оксфордскаго студента увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, но стоила ему самому жизни; живое дѣло его не угасло вмѣстѣ съ нимъ, а разрослось на широкихъ основахъ, поддерживаемое какъ оксфордскимъ, такъ и кэмбриджскимъ университетомъ, которые пришли къ заключенію, что такіе умственные центры, какъ университеты, призваны и должны служить соединительнымъ звеномъ между богатыми и бѣдными,

между безпечнымъ Западнымъ Лондономъ и угнетеннымъ нищетою Восточнымъ.

Какъ извѣстно, оксфордцы собрали деньги и построили на Commercial Street, Whitechapel, въ самой центральной части Восточнаго Лондона, группу зданій, которую и назвали въ честь автора идеи, руководящей ими: Toynbee Hall. Здѣсь многіе молодые оксфордцы и кэмбриджцы поселяются на жительство вскорѣ по оставленіи ими университета, въ тотъ первый періодъ своей дѣятельности, когда молодой человѣкъ только кладетъ основаніе профессіи своей и не заваленъ еще дѣлами. Тѣ же, кто сочувствуетъ идеѣ, но не располагаетъ досугомъ на личное проведеніе ея въ жизнь, жертвуютъ деньги на поддержку и расширеніе благого дѣла. Живущіе въ этомъ „университетскомъ поселеніи“ молодые люди проводятъ каждый по нѣскольку часовъ въ день въ обществѣ трущобной молодежи, ежедневно навѣщающей ихъ въ Тойнби-Голлъ: они направляютъ ихъ игры, устроиваютъ хоры, ободряютъ тѣхъ, кто стремится обучаться музыкѣ, организуютъ бѣгъ и атлетическія игры на призы, снабжаютъ молодежь книгами, написанными понятнымъ для нихъ языкомъ, но не заключающимъ никакой скрытой морали. Главнымъ же образомъ эти университетскіе реформаторы заботятся о томъ, чтобы добиться полнаго довѣрія молодыхъ обитателей трущобъ, въ обмѣнъ на что они со своей стороны предлагаютъ имъ свое содѣйствіе и дружбу, на которыя тѣ могутъ опереться въ случаѣ нужды. Они вызываютъ молодыхъ людей Восточнаго Лондона на разговоры, вліяютъ на нихъ своимъ примѣромъ, исподволь прививаютъ имъ болѣе высокіе идеалы, понятія о чести и долгѣ, а въ тѣхъ случаяхъ, когда встрѣчается на то предлогъ, направляютъ ихъ совѣтами, а при новыхъ начинаніяхъ и болѣе существенными средствами снаряжаютъ ихъ въ жизненную борьбу: вселяютъ въ нихъ увѣренность въ томъ, что не только сами они способны стать людьми, но могутъ и должны помочь подняться другимъ.

Англійская университетская молодежь заинтересовала въ этомъ дѣлѣ и образованныхъ женщинъ своего круга, которыя, въ свою очередь, открыли подобный же клубъ съ гимнастическими и музыкальными приспособленіями для дѣвушекъ бѣднѣйшихъ слоевъ, и благое дѣло англійской молодежи приноситъ теперь, какъ говорятъ, богатые плоды; пребываніемъ своимъ въ трущобномъ мірѣ эти образованные люди зажиточныхъ слоевъ скрашиваютъ также жизнь интеллигентовъ-отшельниковъ, миссіонеровъ интеллигенціи—народныхъ учителей и священниковъ, которые, живя постоянно среди невѣжественныхъ массъ, томятся иногда отъ не-

имѣнія человѣка, съ которымъ бы побесѣдовать по душѣ. Университетскіе молодые люди не проводятъ, однакоже, въ University Settlement болѣе нѣсколькихъ лѣтъ: это мѣшаетъ имъ впасть въ рутину, поддерживаетъ въ нихъ свѣжесть силъ и мысли и снабжаетъ ихъ опытностью, крайне цѣнной для дальнѣйшей службы этихъ образованныхъ людей на пользу своего поколѣнія, будетъ ли то въ парламентѣ, или на другихъ поприщахъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ мѣстные университеты и коллегіи не производятъ почти ровно никакого вліянія на общественное мнѣніе. Причинъ на то весьма много; но главная, какъ мнѣ кажется, кроется въ томъ, что, за исключеніемъ нѣсколькихъ интеллигентныхъ центровъ восточныхъ штатовъ „Новой Англіи", обитатели Штатовъ проявляютъ чрезвычайно мало интереса къ какимъ бы то ни было идеямъ отвлеченнаго характера, не касающимся прямо политики или матеріальнаго благосостоянія страны. Объ „университетскомъ вліяніи", „университетскомъ движеніи" здѣсь не можетъ быть и серьезной рѣчи.

Но все-таки и здѣшняя молодежь не остается безучастной къ тому, что̀ волнуетъ остальной образованный міръ. Слышатся теперь и здѣсь отголоски оксфордскаго движенія въ Англіи, а въ средѣ здѣшней женской университетской молодежи сѣмена идеи Арнольда Тойнби уже начинаютъ пускать корни.

Что и здѣсь въ трущобномъ мірѣ существуютъ приблизительно тѣ же условія, какъ и въ Лондонѣ, о томъ свидѣтельствуютъ хотя бы газетные отрывки, случайно попавшіеся мнѣ на этихъ дняхъ. Въ одномъ изъ нихъ разсказывается о самоубійствѣ молодой рабочей дѣвушки чуть не наканунѣ свадьбы и приводится прощальное ея письмо къ жениху, въ которомъ она ссылается на тяжелую, лишенную всякихъ просвѣтовъ удовольствія, жизнь, которую оба они вели съ дѣтства,—говоритъ, что устала жить такъ, но знаетъ, что въ будущемъ ихъ ждетъ то же тяжелое существованіе; притомъ же, пораздумавъ, она заключила, что не имѣетъ права выходить замужъ и обрекать потомство свое на то, чтобы нести то же тяжелое ярмо, а жизнь одинокая такъ ей прискучила, что самоубійство представляется ей самымъ простымъ исходомъ изъ тяжелаго положенія.

Не менѣе знаменателенъ и другой частный отрывокъ, сообщающій о самоубійствѣ пятнадцати-лѣтняго мальчика, который, возвращаясь съ работы, жаловался товарищамъ на то, что нѣтъ, видно, на этомъ свѣтѣ ничего, кромѣ тяжелаго, скучнаго труда. Забросивъ въ душу товарищей эти пессимистическія воззрѣнія на жизнь, мальчикъ свернулъ въ свой домъ и въ чуланѣ повѣсился.

И вотъ, въ надеждѣ внести хотя лучъ свѣта, надежды, удовольствія въ эту безпроглядную тьму, молодыя американки высшаго образованія собираются, въ свою очередь, идти по стопамъ учредителей лондонскаго Тойнби-Голлъ. До меня дошли слухи о томъ, что молодыя дѣвушки богатаго нью-іоркскаго круга образовали ассоціацію изъ тысячи женщинъ, все бывшихъ студентокъ американскихъ университетовъ и коллегій, съ цѣлью учредить свое „Коллегіальное Поселеніе“, „College Settlement“, въ центральномъ пунктѣ нью-іоркскихъ трущобъ, и установить въ немъ дѣло на тѣхъ же принципахъ, какіе провозглашены оксфордскими студентами. Вскорѣ затѣмъ случай свелъ меня и съ одной изъ молодыхъ дѣвушекъ, вызвавшихся жить въ этомъ поселеніи,— это миссъ Рыкова, дочь извѣстнаго въ Штатахъ педагога и внучка русскаго выходца; какъ водится, ни дочь, ни отецъ не знаютъ ни слова по-русски; люди они очень достаточные и вращаются въ лучшихъ провинціальныхъ и столичныхъ кругахъ.

Миссъ Рыкова—единственная дочь, привыкшая ко всей той роскоши, которою обставлена жизнь образованныхъ американокъ богатыхъ слоевъ, получила воспитаніе въ высшемъ женскомъ учебномъ заведеніи штатовъ, въ „Vassar College“, и проявляла, на мой взглядъ, чисто славянскую черту въ той жаждѣ самопожертвованія и труда на пользу другихъ, которая такъ и сквозила въ ней при каждомъ разговорѣ о затѣянномъ ими дѣлѣ. Она видимо съ нетерпѣніемъ ждала той поры, когда придетъ время испробовать свои силы на новомъ трудномъ поприщѣ, вообще проявляла большую сдержанность, увлекаясь лишь тогда, когда принималась разсказывать о томъ, какъ всѣ онѣ будутъ жить въ своемъ домѣ среди трущобнаго населенія, платя каждая по пяти долларовъ въ недѣлю за содержаніе свое и отдавая бо̀льшую часть своего времени на то, чтобы занимать и просвѣщать бѣднѣйшихъ дѣвушекъ.

Вскорѣ затѣмъ состоялось и мое знакомство съ дѣвушкой, которая затѣяла здѣсь это дѣло, насмотрѣвшись въ Лондонѣ на то, какъ ведется дѣло въ женскомъ отдѣленіи Тойнби-Голлъ. Долгій разговоръ съ этой практичной молодой особой, миссъ Файнъ (Fine), убѣдилъ меня въ томъ, что ихъ предпріятію не грозитъ той печальной участи, которая—какъ описано выше—постигла клубъ, открытый для фабричныхъ дѣвушекъ дамами одного нью-іоркскаго провинціальнаго города.

— О, нѣтъ, далеко не всѣ члены нашей ассоціаціи примутъ дѣятельное участіе въ нашемъ предпріятіи!—возразила, смѣясь, миссъ Файнъ на вопросъ мой:—мы и домъ-то сняли небольшой

и дѣло сначала поведемъ въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Правда, что въ нашей ассоціаціи принимаютъ участіе представительницы большинства женскихъ коллегій Америки, въ особенности воспитанницы Vassar, Smith, Cornell, Wellesley и Bryn-Mawr, Harvard Annex, университетовъ Мичигана и Бостона, но дѣятельныхъ членовъ у насъ пока всего тридцать пять. Постоянно жить въ Ривингтонъ-стритѣ буду только я сама да одна женщина-врачъ; остальныя будутъ поселяться у насъ по семи человѣкъ заразъ, причемъ каждая будетъ жить въ нашемъ „Поселеніи" два мѣсяца, по истеченіи которыхъ первый отрядъ замѣненъ будетъ семью новыми дѣвушками, а проработавшія два мѣсяца молодыя особы вернутся въ свою обычную обстановку, пока не придетъ опять ихъ чередъ отбывать два мѣсяца службы въ Ривингтонъ-стритѣ. Вѣдь и въ оксфордскомъ поселеніи было замѣчено, что для этого дѣла полезнѣе всего энтузіазмъ свѣжихъ дѣятелей. Откроется, надѣюсь, нашъ домъ этой же осенью, въ октябрѣ.

— Что̀ васъ навело на мысль объ этомъ филантропическомъ дѣлѣ, миссъ Файнъ?

— Не умѣю вамъ сказать, когда эта мысль впервые возникла у меня въ головѣ, хотя, конечно, оформилась она подъ вліяніемъ того, что̀ видѣла я въ Тойнби-Голлъ, въ Лондонѣ... Вы назвали это дѣло филантропическимъ, а я и до сей поры не могу рѣшить, кому наша дѣятельность принесетъ больше пользы: намъ ли самимъ, образованнымъ дѣвушкамъ богатаго круга—или же тѣмъ дѣвушкамъ, жизнь которыхъ мы собираемся разнообразить.

— Да, я не разъ слыхала уже ссылки на то, что человѣкъ, занесенный на нѣсколько недѣль въ трущобную среду, никогда уже не бываетъ способенъ смотрѣть на жизнь прежними глазами,— замѣтила я, стараясь удержать собесѣдницу на томъ же предметѣ.

Но миссъ Файнъ не нуждалась въ поощреніи: она видимо вся предана была своей идеѣ и говорила о ней съ удовольствіемъ.

— Подумайте, намъ читаютъ въ коллегіяхъ политико-экономическія лекціи, даютъ намъ высшее образованіе, но что же мы изъ всего этого извлекаемъ? А между тѣмъ всѣ мы имѣемъ хорошія средства или же имѣемъ средства воздѣйствія на людей богатыхъ; деньги намъ собирать —дѣло не трудное, отчего же не затѣять живого дѣла? Хотя бы для того чтобы провѣрить наши собственныя теоретическія познанія въ политической экономіи...

— Съ чего же вы думаете начать?—спросила я.

— О, у меня уже дѣло начато, я совсѣмъ не такой новичокъ, за какого вы меня, кажется, принимаете. Я два года уже учу шитью и кройкѣ дѣвочекъ въ устроенной на частныя

средства ремесленной школѣ въ нѣмецкихъ кварталахъ бѣднѣйшей части города. У насъ въ Ривингтонъ-стритѣ на первый разъ наберется побольше сотни прежнихъ моихъ ученицъ: мы ихъ и тутъ станемъ обучать шитью, стряпнѣ и тому подобнымъ занятіямъ. Мы не воображаемъ, чтобы намъ удалось оказать серьезное вліяніе на взрослыхъ дѣвушекъ; мы, главнымъ образомъ, собираемся сосредоточить усилія свои на прирученіи и развитіи дѣвочекъ лѣтъ отъ 10 до 15. Послѣ этого возраста, уже втянувшись въ общество своихъ фабричныхъ подругъ и вкусивъ развлеченій, „flirtations“ и дешевыхъ театровъ, дѣвушка уже не придетъ къ намъ,—развѣ что залучимъ мы какую-нибудь изъ тѣхъ „бѣлыхъ рабынь“, что заморены на работѣ, не интересны уже ни для молодыхъ людей, ни для товарокъ своихъ... Какъ видите, мы не собираемся привлекать къ себѣ самое низменное населеніе трущобъ, а скорѣе хотимъ просвѣтить немного жизнь молодежи тѣхъ слоевъ, что держатся постояннымъ трудомъ, стремятся улучшить свое положеніе... Уже и тѣмъ мы останемся довольны, если вложимъ въ этихъ дѣтей нѣсколько болѣе свѣтлыхъ мыслей, наведемъ ихъ на новыя формы развлеченія, привьемъ имъ отвращеніе къ грязи и безпорядку и недовольство ихъ низменнымъ положеніемъ; черезъ дѣтей мы надѣемся также внушить и взрослымъ сознаніе того, что законы, предписывающіе чистоту, свѣтъ и порядокъ, должны равно примѣняться ко всѣмъ частямъ города.

Слушая эти рѣчи, мнѣ припомнился возбужденный тонъ доктора Макъ-Глинна, когда онъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ, описывалъ мнѣ страшную борьбу, на которую ежечасно обречены честные, работящіе обитатели трущобъ, старающіеся уберечь своихъ дѣтей отъ заѣдающаго вліянія среды, разсказывалъ мнѣ о людяхъ, которые, съ отчаяніемъ утопающихъ, цѣпляются за свою „респектабельность“, зная, что имъ ежечасно грозитъ опасность спуститься на почву практической дикости тѣхъ слоевъ, съ которыми они постоянно соприкасаются. Если этимъ людямъ помогутъ богатыя барышни—по-истинѣ не даромъ онѣ родились на этотъ свѣтъ...

— Мы уже устроили у себя гимнастику, lawn-tennis, ванны для желающихъ; станемъ въ хорошіе дни устроивать экскурсіи въ парки и за городъ; по вечерамъ можно и исторіи разсказывать; а съ самыми развитыми мы можемъ даже впослѣдствіи навѣщать музеи,—продолжала развивать мнѣ свои планы миссъ Файнъ.

— Какая, по вашему мнѣнію, національность подаетъ наи-

лучшія надежды на то, чтобы воспользоваться вашимъ примѣромъ и воздѣйствіемъ?—спросила я свою собесѣдницу.

— О, несомнѣнно нѣмцы и ирландцы; на нихъ мы и будемъ сосредоточивать наши усилія; почти у всѣхъ людей этихъ національностей есть стремленіе къ тому, чтобы вывести дѣтей въ люди. Дѣйствовать среди нѣмцевъ всего легче; они не такъ подчиняются воздѣйствію католическаго духовенства, которое съ недовѣріемъ относится ко всѣмъ попыткамъ посторонняго вліянія на молодежь ихъ исповѣданія.

— Остается пожелать вамъ полнаго успѣха въ такомъ благомъ начинаніи,—замѣтила я, собираясь покончить разговоръ.

— Если не удастся намъ многаго сдѣлать, то мы можемъ хоть показать на собственномъ примѣрѣ, что можно жить чисто и сносно хотя бы и въ трущобной средѣ... Но въ одномъ отношеніи наше поселеніе въ этой жалкой части города должно принести хорошіе плоды: живя тамъ постоянно, мы, дѣвушки зажиточныя, можемъ заставлять власти и тамъ исполнять законы, содержать улицы въ порядкѣ. Мы вѣдь не побоимся говорить о томъ, что̀ видимъ, съумѣемъ разбудить сонный Совѣтъ народнаго здравія, и у насъ такъ много вліятельныхъ друзей, что мы можемъ настоять на исполненіи нашихъ законныхъ требованій.

Какъ ни свѣтло было впечатлѣніе, произведенное на меня искренностью этой энергичной, веселой, молодой дѣвушки, во мнѣ остается однако сомнѣніе въ ея знакомствѣ съ бытомъ бѣднѣйшихъ классовъ,—иначе не могла бы она и говорить о томъ, что собирается подавать имъ примѣръ того, какъ поддерживать порядокъ и чистоту въ домахъ, гдѣ иногда и метлы ни у кого не отыщется. Все же предпріятія молодыхъ особъ нельзя не привѣтствовать всѣмъ, кто успѣлъ убѣдиться, что неимущимъ, но еще отбивающимся отъ пауперизма людямъ нельзя помочь съ высоты положенія посторонняго обезпеченнаго человѣка, а слѣдуетъ работать надъ ними, такъ сказать, изнутри ихъ собственной жизни.

— Вы не можете помочь людямъ, когда вы ихъ презираете; помощь ваша будетъ дѣйствительна только тогда, когда вы протягиваете руку помощи людямъ потому, что сочувствуете имъ, уважаете ихъ,—сказалъ мнѣ кто-то изъ ветерановъ дѣятелей на этомъ поприщѣ, и всякій знающій дѣло человѣкъ, конечно, съ этимъ согласится.

Я не стану, конечно, и пытаться предугадывать, насколько будетъ плодотворна дѣятельность молодыхъ, свѣтскихъ дѣвушекъ въ трущобной средѣ Нью-Іорка. Весьма много обѣщаетъ, на мои глаза, то обстоятельство, что руководительница этого движенія,

миссъ Файнъ, провела уже цѣлыхъ два года среди того населенія, съ которымъ онѣ теперь будутъ имѣть дѣло, и не только не утратила бодрости, но готовится организовать свое дѣло въ значительно болѣе широкихъ размѣрахъ. Если „Коллегіальное Поселеніе“ будетъ имѣть успѣхъ, то за денежными средствами дѣло не станетъ, и сколько бы свѣта ни внесли эти одушевленныя идеей дѣвушки въ ту среду, которая находится въ полной власти тьмы, за все имъ можно будетъ сказать спасибо. Хотя дѣло „Коллегіальнаго Поселенія“ затѣвается чуть ли не втайнѣ, почему-то скрывается насколько возможно отъ печати, но общественное положеніе дѣвушекъ, принимающихъ въ немъ участіе, настолько видно, что заставитъ говорить объ ихъ дѣятельности, возбудитъ всестороннія обсужденія того, чтò вызвало ихъ на такое предпріятіе, и насколько этотъ методъ борьбы съ соціальнымъ зломъ оправдывается обстоятельствами. Главная же польза учреждаемаго въ № 95 Ривингтонъ-стрита поселенія, на мой взглядъ, состоитъ въ томъ, что это предпріятіе, какъ и всякое живое дѣло, возникающее подъ давленіемъ настоятельныхъ требованій времени, непремѣнно должно вызвать себѣ многочисленныхъ подражателей, изъ которыхъ каждый будетъ постепенно вводить улучшенія для наилучшаго приспособленія дѣла къ требованіямъ американской жизни. Это одинъ изъ тѣхъ ручьевъ, которые при стеченіи своемъ образуютъ мощные потоки.

Уже и теперь слухи о затѣваемомъ нью-іоркскими дѣвушками предпріятіи начинаютъ оказывать вліяніе на богатыхъ женщинъ въ другихъ мѣстахъ, и оно пріобрѣтаетъ симпатіи тѣхъ изъ нихъ, которыя рады бы обратить свою энергію на какое-либо плодотворное дѣло помимо пріѣвшихся свѣтскихъ развлеченій. Откликается первымъ чуткій до всякихъ нововведеній „вульгарный“, по мнѣнію многихъ, Чикаго. Нѣкая миссъ Джэнъ Адамсъ, богатая обитательница Чикаго, такъ прельстилась идеями, воодушевляющими учредительницъ „Коллегіальнаго Поселенія“ въ Нью-Іоркѣ, что нарочно съѣздила въ Лондонъ для изученія постановки дѣла въ Тойнби-Голлъ и, вполнѣ ознакомившись тамъ съ требованіями и условіями веденія дѣла, вернулась въ Чикаго въ твердомъ намѣреніи устроить и тамъ нѣчто въ родѣ лондонскаго „Народнаго Дворца“, по принципамъ, легшимъ въ основу здѣшняго „Коллегіальнаго Поселенія“. Она уже наняла для этого домъ покойнаго милліонера J. C. Hall, на углу Halstead и Polk-streets въ Чикаго, устроиваетъ тамъ ванны, гимнастику, библіотеку, читальню, бальную залу; даже садъ разводится ею на крышѣ этого большого зданія. Но миссъ Адамсъ выбираетъ себѣ нѣсколько иную сферу дѣйствія,

чѣмъ какая намѣчена дѣвушками „Коллегіальнаго Поселенія“: главной цѣлью миссъ Адамсъ и ея помощниковъ въ Чикаго будетъ не столько сближеніе молодежи трущобъ съ молодежью интеллигентныхъ слоевъ, сколько просвѣщеніе и нравственное поднятіе низшаго класса иностранцевъ—поляковъ, чеховъ и нѣмцевъ, которые находятся въ Чикаго въ огромномъ числѣ и анархическія тенденціи которыхъ почитаются постоянною угрозою благоденствію мирныхъ гражданъ Чикаго. Конечно, миссъ Адамсъ и не думаетъ отстранять природныхъ американцевъ отъ своего благого учрежденія, но главною цѣлью себѣ она ставитъ гуманизирующее воздѣйствіе на „нигилистовъ“, „анархистовъ“ и „динамитчиковъ Чикаго“. Предпріятіе ея, а главное, ближайшая цѣль, намѣченная ею, представляются обитателямъ ея города до того своевременными, что предложенія денегъ и помощи, какъ увѣряютъ, такъ и сыплются на нее отъ благотворительныхъ богачей Чикаго.

Но, быть можетъ, спроситъ читатель: неужели же однѣ интеллигентныя молодыя дѣвушки чувствуютъ призваніе къ подобной плодотворной дѣятельности? Неужели молодые американцы, воспринявшіе новѣйшіе принципы политической экономіи и научной филантропіи, не принимаютъ участія въ этомъ живомъ дѣлѣ молодыхъ, энергичныхъ женщинъ?

Нѣтъ, университетская молодежь также не сидитъ сложа руки. Мнѣ уже приходилось ссылаться на полезную дѣятельность молодыхъ ученыхъ, врачей, священниковъ; но, кромѣ лицъ, будящихъ мысль въ достаточныхъ классахъ, образованная американская молодежь, проникнутая важностью требованій настоящаго времени, постоянно старается завязывать сношенія съ молодежью рабочихъ классовъ. Главными пунктами сближенія являются политическія организаціи отдѣльныхъ партій, а также и разсыпанные по всему Союзу рабочіе кружки организаціи „Рыцарей труда“ и тому подобныя общества, гдѣ мужчины всѣхъ занятій сходятся на равной ногѣ, гдѣ всякому представляется случай сказать свое слово. Что же касается до низшаго класса мужчинъ и трущобныхъ молодыхъ людей, то до нихъ еще не дошла очередь, но есть надежда, что по мѣрѣ поднятія нравственнаго и умственнаго уровня части женскаго подростающаго поколѣнія низшихъ слоевъ вліяніе женщинъ будетъ отчасти сказываться и на молодыхъ мужчинахъ, а въ концѣ концовъ наведетъ ихъ на потребность устройства такихъ обществъ, гдѣ можетъ находить пріятный отдыхъ и развлеченіе человѣкъ даже послѣ тяжкаго дневного физическаго труда.

Лишь такія организаціи, устроенныя людьми для себя, будутъ устойчивы и прочны, какъ это и предсказываютъ люди, наиболѣе

близко изучившіе бытъ низшихъ слоевъ, а между прочимъ и знаменитый нынѣ американскій дѣятель, Генри Джорджъ, самъ когда-то бывшій простымъ наборщикомъ.

VII.

Дѣятельность образованныхъ молодыхъ американцевъ въ трущобныхъ слояхъ.— Разнообразіе принятыхъ ими методовъ.—Клубы „Соціальнаго Знанія“.—Neighborhood Guild.—Новая серія клубовъ „Дружественнаго Общества“.—Мистеръ Стоверъ и его питомцы.—Цѣли руководителей клубовъ Д. О.—Общительные инстинкты молодежи.—Борьба противъ трущобныхъ „Клубовъ Развлеченія“.— Система пробужденія инстинктовъ гражданственности въ молодежи.—„Дѣтскіе Сады“ и система просвѣщенія, принятая клубами.—Развлеченія.—Сообщеніе, установляемое для трущобной молодежи съ зажиточными семьями города.

Не слѣдуетъ, однако, воображать, что молодыя американки, устроивающія „Коллегіальное Поселеніе“ на Ривингтонъ-стритѣ, являлись первыми піонерками примѣненія въ Соединенныхъ Штатахъ методовъ англійскаго Тойнби-Голлъ. Главная дѣятельница въ устройствѣ этого „Поселенія“, миссъ Джанета Файнъ, всю свою организаторскую опытность пріобрѣла за тѣ два года, когда состояла начальницей отдѣленія для дѣвочекъ въ „Neighborhood Guild“, въ системѣ клубовъ, возникшей недавно въ трущобныхъ кварталахъ Нью-Іорка по почину одного образованнаго молодого американца, m-r Stanton Coit, который съумѣлъ привлечь къ своему дѣлу и заинтересовать небольшой, но энергичный кружокъ представителей американской университетской молодежи.

Главными пособниками мистера Койта въ этомъ дѣлѣ были E. S. Forbes, W. B. Thorp и Charles B. Stover; всѣ они окончили курсъ въ американскихъ университетахъ и коллегіяхъ, а вслѣдъ затѣмъ путешествовали по Европѣ, изучая соціальный строй тамошней жизни и слушая лекціи, преимущественно въ университетѣ берлинскомъ. Нѣкоторые изъ нихъ наблюдали на мѣстѣ методъ дѣйствій въ оксфордскомъ университетскомъ поселеніи и горѣли желаніемъ устроить нѣчто подобное и въ Соединенныхъ Штатахъ. Мистеръ Койтъ стремился притомъ провести въ дѣйствіе, примѣнить къ жизни свою собственную излюбленную систему, состоящую въ томъ, чтобы группировать трущобный людъ преимущественно вокругъ „семьи“, какъ единицы, съ тѣмъ, чтобы вызвать новыя силы на подмогу дѣла соціальнаго обновленія трущобныхъ слоевъ. Съ этой цѣлью мистеръ Койтъ навѣстилъ

важнѣйшіе здѣшніе университеты, набирая себѣ добровольцевъ-дѣятелей, но цѣли его еще далеко не достигнуты.

Тѣмъ временемъ помощникъ Койта, мистеръ Свифтъ, успѣшно организовывалъ другую вѣтвь затѣяннаго этой молодежью общаго дѣла и основывалъ „Клубы Соціальнаго Знанія“ (Social Science Clubs). Эти клубы снимали дешевыя помѣщенія въ кварталахъ Нью-Іорка, гдѣ селится рабочее населеніе, привлекали къ участію въ своихъ собраніяхъ молодыхъ профессоровъ, инженеровъ, адвокатовъ и всякаго рода реформаторовъ, устроивали у себя публичные дебаты; на этихъ собраніяхъ университетская молодежь часто приходитъ въ близкое соприкосновеніе съ ремесленниками, но отнюдь не оказываетъ на этихъ послѣднихъ какого бы то ни было „подавляющаго“ вліянія. Простолюдины не стѣсняются высказывать свои взгляды и протестовать противъ ученыхъ теорій, когда эти послѣднія представляются имъ непрактичными. Эти клубы въ Нью-Іоркѣ множатся и процвѣтаютъ. Недоброжелатели въ насмѣшку зовутъ ихъ „клубами пролетаріевъ и профессоровъ“; вооружается противъ нихъ и часть „воинственнаго“ протестантскаго духовенства; но аргументы послѣднихъ молодые руководители клубовъ встрѣчаютъ неопровержимыми доводами въ образѣ статистическихъ таблицъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что съ 1880 года по 1889 годъ населеніе Нью-Іорка увеличилось на 300.000 душъ, а церквей прибавилось въ городѣ всего четыре, изъ чего ясно, что религіозные дѣятели не могутъ отвѣчать на всѣ потребности просвѣщенія и моральнаго прогресса, проявляемыя трущобнымъ міромъ,—слѣдовательно, имъ слѣдуетъ лишь радоваться полезной дѣятельности „Клубовъ Соціальнаго Знанія“, организуемыхъ тамъ, гдѣ иначе вполнѣ бы преобладала власть тьмы.

Этимъ же кружкомъ преобразованной молодежи произведена была первая и весьма скромная попытка подражанія англійскому Тойнби-Голлъ. Въ первыхъ мѣсяцахъ 1887 года ими основанъ былъ такъ-называемый Neighborhood Guild въ Forsyth-street, одной изъ бѣднѣйшихъ улицъ нижней части Нью-Іорка, въ 10-мъ городскомъ участкѣ (ward), пользующемся самою незавидною репутаціею: въ этомъ участкѣ на 47.554 душъ населенія приходилось тогда всего пять церквей, но зато въ немъ было чрезвычайно много кабаковъ и существовало широкое поле къ успѣшному примѣненію — черезъ кабатчиковъ — системы поголовнаго почти подкупа избирателей.

Поселясь въ 1887 г. въ этомъ трущобномъ кварталѣ, мистеръ Стантонъ Койтъ сталъ у себя въ комнатѣ собирать съ пол-

дюжины юношей, которые передъ тѣмъ устроили-было себѣ клубъ въ „углу“, снимаемомъ одной слѣпой старухой. Эти мальчики стали приводить другихъ, такъ что, наконецъ, мистеръ Койтъ снялъ подвальный этажъ того дома, гдѣ жилъ, и устроилъ въ немъ клубъ для молодыхъ людей, средній возрастъ которыхъ равнялся 17 годамъ.

По мѣрѣ того, какъ клубъ этотъ росъ и вокругъ его организатора набирались новые дѣятели, стали открываться добавочные клубы: одинъ для молодыхъ дѣвушекъ, подъ руководствомъ вышеупомянутой миссъ Файнъ, другой—для дѣвочекъ и еще одинъ для мальчиковъ. Вслѣдъ за тѣмъ открытъ былъ и дѣтскій садъ. Всѣ эти клубы организованы были подъ общимъ названіемъ Neighborhood Guild, „Дружественнаго Общества“. Это общество приняло девизомъ своимъ слѣдующее изреченіе: „Порядокъ—наша основа, улучшеніе—наша цѣль, а дружба—наша награда“, которое для краткости помѣчается начальными буквами: O. I. F. (Order, Improvement, Friendship). Въ 1888 году такая же серія клубовъ была организована въ Cherry-street и управляется теперь мистеромъ Мозенталемъ.

Въ этомъ году мнѣ довелось провести лѣто въ горахъ Catskills близь Нью-Іорка, въ только-что отвоеванномъ отъ дѣвственнаго лѣса поселеніи, организаторъ котораго, отчасти по добротѣ душевной, а отчасти въ виду рекламы, предложилъ мистеру Стоверу, руководителю клуба „Дружественнаго Общества“ въ Forsyth-street, прислать къ нему на побывку нѣсколько молодыхъ людей его клуба, изъ тѣхъ, которые наиболѣе нуждаются въ отдыхѣ. Мистеръ Стоверъ принялъ предложеніе и за лѣто прислалъ нѣсколько смѣнъ юношей лѣтъ 16—18, которые вели себя вполнѣ прилично, ничѣмъ почти не отличаясь отъ мальчиковъ другихъ классовъ; получая ѣду на застольной, съ отельной прислугой, они рубили деревья, сожигали березнякъ и расчищали мѣста подъ постройки, въ отплату за свое содержаніе, работая отъ четырехъ до шести часовъ въ день. Къ мистеру Стоверу эта молодежь проявляла восторженную привязанность, очевидно готова была идти за него и въ огонь, и въ воду, по обычаю увлекающихся юношей. Отъ самого мистера Стовера, за двухнедѣльное его пребываніе въ нашемъ паркѣ, мнѣ и удалось собрать добавочныя свѣденія о дѣлѣ, на которое этотъ энергичный молодой человѣкъ положилъ много собственныхъ денегъ и которому посвящаетъ онъ почти все свое время.

Конечно, для своего предпріятія мистеръ Стоверъ предусматриваетъ блестящую будущность, видитъ въ клубахъ „Дружествен-

наго Общества“ залогъ успѣшнаго противодѣйствія изощренію политическаго подкупа и твердо надѣется на то, что скоро будетъ насчитываться по клубу ихъ общества на каждый избирательный пунктъ печальной извѣстности 10-го городского участка. Мистеръ Стоверъ и помощники его предполагаютъ впредь широко пользоваться тѣмъ общительнымъ инстинктомъ, который уже теперь начинаетъ сказываться въ трущобной молодежи: теперь она стремится учреждать такъ-называемые „Клубы Развлеченія“, увеселительные клубы, которые поощряютъ мотовство въ молодежи, прививаютъ ей низменные вкусы и являются чрезвычайно удобными центрами для примѣненія системы подкупа во время выборовъ,—а руководители Neighborhood Guild будутъ стараться, на мѣсто замышляемыхъ „Клубовъ Развлеченія“, насаждать, гдѣ только можно, клубы своего „Дружественнаго Общества“, которые уже успѣли заявить себя тѣмъ, что прививаютъ молодежи бережливость, возбуждаютъ въ ея средѣ взаимопомощь, облагороживаютъ вкусы, возбуждаютъ противъ всякаго рода несправедливости и пробуждаютъ въ молодежи преданность общему благу. Каждый клубъ „Дружественнаго Общества“ собирается дважды въ недѣлю. Въ старѣйшихъ клубахъ одна четверть еженедѣльной членской платы въ десять сентовъ (двадцать коп.) отчисляется, съ согласія членовъ, на дѣло вспомоществованія извѣстнымъ клубу неимущимъ и больнымъ. Дальнозоркіе организаторы клубовъ стремятся довести ихъ до того, чтобы каждый клубъ несъ на себѣ часть расходовъ по практическимъ реформамъ. Такъ, прошлымъ лѣтомъ 1888 г. клубы эти отъ себя уплатили одну треть расходовъ по очисткѣ улицъ въ ихъ околодкахъ. Не скупятся они и на траты для содержанія „дѣтскихъ садовъ“, которыхъ учреждено два; сады эти прекрасно дѣйствуютъ, несмотря на обычныя неудобства, которыми обставлены занятія съ дѣтьми въ трущобныхъ кварталахъ, гдѣ семьи бѣдняковъ чуть не по нѣскольку разъ въ годъ мѣняютъ квартиры; напр., изъ 50 человѣкъ дѣтей, обучавшихся въ одномъ изъ клубныхъ „садовъ“ въ прошломъ году, въ настоящемъ году остается всего три человѣка, остальные всѣ —новопоступившія дѣти. Мальчики, привлекаемые въ члены клубовъ, очень шумливы, но ихъ успѣшно усмиряютъ до извѣстной степени пѣніемъ и музыкой. Дѣвушекъ учатъ кройкѣ и ремесламъ и позволяютъ имъ устроивать, сообща съ членами мужского клуба, музыкальные и литературные вечера, а иногда и любительскіе спектакли. Юношамъ представляютъ возможность, по ихъ собственному выбору, обучаться рѣзьбѣ по дереву, лѣпкѣ,

искусству вести дебаты, публичной декламаціи, парламентской практикѣ, пѣнію, черченію, гимнастикѣ. Прошлою зимою устроивали въ клубахъ лекціи, съ тѣмъ чтобы дать трущобной молодежи болѣе или менѣе систематичное понятіе о всеобщей исторіи; также организовано было нѣсколько классовъ элементарныхъ наукъ. Всѣ эти предметы преподавались конечно, добровольцами, ничего не взимавшими за свои уроки, а плата за помѣщеніе клуба и другіе расходы покрываются изъ членскихъ взносовъ и суммъ жертвователей, которые, однако, не могутъ быть велики, потому что организація Neighborhood Guild весьма скромна и мало извѣстна; а такъ какъ она не допускаетъ у себя никакого религіознаго прозелитизма, то не получаетъ вспомоществованій ни отъ какой изъ церквей. Насколько мнѣ удалось замѣтить, духовныя лица относятся къ клубамъ Дружественнаго Общества весьма недовѣрчиво, чтобы не сказать недружелюбно.

Два раза въ мѣсяцъ, зимою, устроиваются въ клубахъ танцовальные вечера. Хотя самъ мистеръ Стоверъ не танцуетъ и даже не особенно одобряетъ танцы и для другихъ, онъ тѣмъ не менѣе сознается, что танцовальные вечера въ клубѣ имѣли прекрасные результаты „по части развитія въ молодежи хорошихъ манеръ и привитія молодымъ мужчинамъ рыцарской вѣжливости къ дѣвушкамъ“; конечно, недоброжелатели организаціи обвиняютъ руководителей клуба въ томъ, что этими танцовальными вечерами тѣ готовятъ лишь кандидатовъ для трущобныхъ баловъ при кабакахъ.

Лѣтомъ клубы иногда переѣзжаютъ изъ города въ окрестныя сельскія или приморскія мѣстности, дѣвочки и мальчики каждый проводятъ по недѣлѣ въ деревнѣ; но тѣмъ, кто побольше, хозяева рѣдко даютъ вакаціи.

Небезъинтересной чертой въ дѣятельности „Дружественныхъ Клубовъ“ являются попытки ихъ къ установленію общенія на болѣе или менѣе равной ногѣ между зажиточными семьями города и трущобною молодежью. Нѣкоторыя богатыя женщины, живущія въ элегантныхъ кварталахъ города, сдались на увѣщанія руководителей клубовъ Д. О. и вызвались давать у себя на дому даровые уроки музыки, рисованья, лѣпки или рукодѣлья мальчикамъ или дѣвочкамъ, присылаемымъ къ нимъ руководителями клуба. По мѣрѣ того, какъ продолжается это даванье уроковъ, между семьей преподавательницы и ученикомъ возникаетъ извѣстнаго рода симпатія, общительность, даже близость, ведущая къ установленію взаимнаго пониманія другъ друга между людьми такихъ

различныхъ слоевъ, которые иначе никогда не приходили бы въ соприкосновеніе. Все дѣло клубовъ „Дружественнаго Общества“ ведется дѣятелями-волонтерами, ничего не берущими за свои труды; всего ихъ числомъ пока двадцать два человѣка, изъ которыхъ половина женщинъ, а половина мужчинъ, и, конечно, все люди молодые, образованные и воодушевленные вѣрой въ свои силы и въ успѣхъ дѣла, предпринятаго въ видахъ внесенія свѣта и довольства въ трущобный міръ тьмы и лишеній.

В. Макъ-Гаханъ.

НЕУДАЧНИКЪ

— Un raté, par Gyp.

Окончаніе.

IX *).

Цѣлую недѣлю послѣ скачекъ Ганюжъ не видѣлъ г-жи Миръ. Онъ регулярно каждый день являлся къ ней въ обычный часъ съ визитомъ, но каждый разъ слуга ему говорилъ: „барыня вышла". Сусанна была такъ напугана неожиданнымъ для нея проявленіемъ страсти со стороны до тѣхъ поръ—какъ она вѣрила—платоническаго любовника, что одна мысль остаться съ нимъ наединѣ пугала ее. Съ другой стороны, она очень жалѣла молодого человѣка, представляя себѣ его тоску и, быть можетъ, отчаяніе, понимая, какъ она его мучитъ. Ей была тяжела разлука съ нимъ, но тѣмъ не менѣе ежедневно, какъ только приближался часъ, когда Ганюжъ долженъ былъ явиться, она выходила изъ дому, нервная, взволнованная, и, чтобы избѣжать встрѣчи съ нимъ, выбирала уединенную улицу за городскимъ паркомъ, а затѣмъ шла черезъ поля на дорогу, ведшую въ Флавиньи. Она не смѣла, запершись у себя, велѣть сказать слугѣ, что ея нѣтъ дома. Она боялась, что онъ выдастъ ее неловкимъ отвѣтомъ или дѣти проболтаются. И въ то время, какъ молодой человѣкъ, выслушавъ лаконическій отвѣтъ слуги, возвращался въ Нанси и, оставивъ лошадь въ гостинницѣ, отправлялся искать ее на улицѣ Доминиканцевъ, въ питомникѣ парка и во всѣхъ тѣхъ

*) См. выше: іюль, 220 стр.

мѣстахъ, гдѣ надѣялся ее встрѣтить, Сусанна бродила въ окрестностяхъ города. Возвращалась она поздно, усталая и разстроенная.

Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнилось ея отношеніе къ мужу. До сихъ поръ, всецѣло поглощенная романомъ съ Ганюжемъ, очарованная платонической и, если можно такъ выразиться, „литературной“ формой выраженія ихъ взаимныхъ чувствъ, она весьма мало интересовалась будничной, обыденной жизнью; ревность въ ней замолкла; она болѣе не старалась узнать имя возлюбленной своего мужа; мысль—изобличить его, доказать осязательными фактами его невѣрность, не приходила ей въ голову. Задумчиво улыбаясь, ждала она обыкновенно прихода „своего милаго поэта“; она считала часы, которые должны были протечь съ минуты ихъ разлуки до слѣдующаго свиданія на другой день, и ни о чемъ, кромѣ него, не думала.

Но съ тѣхъ поръ, какъ она перестала видѣться съ Ганюжемъ, не проводила утреннихъ часовъ въ разговорахъ съ нимъ, а затѣмъ все остальное время не было у нея занято ожиданіемъ новаго свиданія, она опять возвратилась къ прежней своей жизни; интересы домашняго очага снова выдвинулись, разъ исчезъ розовый туманъ ея мечтательной любви; теперь она уже не могла не замѣчать подозрительности поведенія своего мужа, его постоянныхъ исчезновеній, продолжительныхъ отлучекъ изъ дома, не могла не замѣтить того радостно-возбужденнаго состоянія, въ которомъ онъ возвращался домой, и все это ее волновало до глубины души. Она видѣла, что онъ спокоенъ и удовлетворенъ, въ то время, какъ она находилась постоянно въ лихорадочномъ волненіи, и это возмущало ее.

Теперь она проводила долгіе часы, вновь и вновь перебирая въ своей бѣдной, усталой, хорошенькой головкѣ все, что̀ произошло за эти три послѣдніе мѣсяца, все, наполнявшее ея жизнь, до сихъ поръ такую пустую и безсодержательную. Она принимала за добродѣтель то, что̀ было не болѣе какъ страхъ послѣдствій физической любви, и утѣшала себя сознаніемъ, что она жертвуетъ своими чувствами долгу и материнскимъ обязанностямъ.

Мужъ ея, безъ особенно глубокихъ размышленій, скоро понялъ, что спокойствію и независимости, которыми онъ пользовался послѣднее время, приходитъ конецъ. Онъ замѣтилъ перемѣну въ жизни, въ привычкахъ своей жены. Изъ разспросовъ, которымъ онъ подвергъ дѣтей, г-нъ Миръ узналъ, что „мама каждый день уходитъ гулять, что какъ только она уйдетъ, къ садовой рѣшеткѣ подъѣзжаетъ верхомъ на Аполлонѣ Ганюжъ и, когда ему скажутъ, что мамы нѣтъ дома, удаляется съ печаль-

нымъ лицомъ; а какъ-то разъ онъ подозвалъ ихъ и разспрашивалъ, что неужели мама больше не принимаетъ знакомыхъ даже и въ назначенный ею день". Инженеръ, въ концѣ концовъ, понялъ причину нервнаго, растеряннаго состоянія жены. Несомнѣнно оно было результатомъ какого-либо недоразумѣнія; между ними шли даже прямо ссоры.

Кромѣ того, г-жа Лемо, съ которою онъ встрѣчался три раза въ недѣлю въ маленькой квартиркѣ въ улицѣ Станислава, разсказала ему однажды, какъ г-жа Миръ хорошо относилась къ ея брату и какъ съ нѣкоторыхъ поръ совершенно измѣнилась и не хочетъ даже принимать его больше. „Этотъ милый Гастонъ", конечно, тщательно скрываетъ отъ всѣхъ свои чувства, но друзья его хорошо знаютъ, какъ онъ огорченъ, какъ тоскуетъ и грустить...

Не можетъ быть, чтобы онъ обманывался! Гастонъ обладаетъ необыкновенной чувствительностью. Перемѣна къ нему г-жи Миръ можетъ положительно убить его. Онъ, какъ и всѣ геніи, обладаетъ необыкновенно нервной и воспріимчивой натурой, и нравственное страданіе можетъ привести къ тому, что онъ заболѣетъ, прямо заболѣетъ!..

Найдя на этотъ разъ жену архитектора болѣе несговорчивой и угрюмой, чѣмъ всегда, и слыша отъ нея хвалебные гимны ея брату и сѣтованія на ту, которая заставляетъ его такъ страдать, г-нъ Миръ, человѣкъ практическій, и какъ буржуа, и какъ прошедшій Политехническую школу, сейчасъ же понялъ, что въ данномъ случаѣ спокойствіе и благополучіе его двойной семьи зависитъ отъ одного и того же лица, именно отъ самого этого „генія", Гастона Ганюжа. Необходимо, чтобы юный декадентъ снова проводилъ утренніе часы въ чувствительныхъ разговорахъ съ Сусанной. Тогда она станетъ опять такой же равнодушной ко всему, мечтательной и разсѣянной, какою была эти три мѣсяца; съ другой стороны, Гортензія, успокоившись насчетъ своего брата, вновь отдастся исключительно влеченіямъ своей страстной натуры, такъ по вкусу пришедшейся грубому темпераменту инженера.

По прежнему чувствуя обожаніе къ Сусаннѣ и признавая силу ея привлекательности, г-нъ Миръ тѣмъ не менѣе находилъ, что ей недостаетъ чего-то, что̀ было въ Гортензіи. Г-жа Лемо была претенціозная маленькая женщина; она старалась придать какъ можно болѣе томности своимъ страстнымъ глазамъ, окруженнымъ широкой синевой; неправильныя черты лица, толстыя губы, худое, но сильное тѣло, все въ ней свидѣтельствовало о натурѣ

склонной къ чувственности, обладающей особою, свойственной такого рода женщинамъ, нервностью, вовсе не связанной съ какимъ-либо особо высокимъ строемъ душевныхъ силъ. Если она дѣйствовала чарующимъ образомъ на инженера, то именно этою страстностью; безъ сомнѣнія, эта женщина была дурна собой, но она брала подвижностью и пламенностью своихъ желаній.

Г-жа Лемо, будучи возлюбленной инженера, не переставала находиться въ самыхъ дружныхъ отношеніяхъ съ его женой. Она знала, что Сусанна сама ни въ какомъ случаѣ не догадается объ отношеніяхъ, существующихъ между ея „другомъ“ и г. Миръ. Если кто-либо не откроетъ ей глаза, то сама она никогда не узнаетъ истины. Сусанна очень любила своего друга, но находила ее изъ ряду вонъ дурной собою и часто, смѣясь, повторяла:—Къ счастію для этого бѣдняка Лемо, Гортензія настолько безобразна, что нельзя опасаться, что кому-нибудь придетъ въ голову разрушить его семейное счастье!

Что касается Ганюжа, то г-нъ Миръ отлично видѣлъ, что тотъ ухаживаетъ за его женой и даже ей нравится. Это послѣднее повергало его въ изумленіе. Онъ не могъ никогда понять ни слова изъ его длинныхъ монологовъ на „тарабарскомъ“ языкѣ; Сусанна — онъ зналъ это—еще меньше его способна понять тутъ хоть слово. Онъ порою, когда до него долетали обрывки этихъ безконечныхъ разсужденій, гдѣ было что-то о лунѣ, о звѣздахъ, объ Альфредѣ де-Виньи, о желудочныхъ боляхъ, о душѣ и, наконецъ, о „la raréfaction vibralite du moi“, задавалъ себѣ вопросъ, какое удовольствіе можетъ доставлять Сусаннѣ слушаніе этихъ пустопорожнихъ словоизверженій,—ей, которая до сихъ поръ никогда кромѣ тряпокъ и кавалеровъ ни о чемъ не думала и не говорила? Что же касается серьезной страсти, которая могла зародиться въ сердцѣ молодой женщины къ Гастону, то это и на мысль не приходило инженеру. Онъ былъ вполнѣ увѣренъ въ этомъ отношеніи въ своей женѣ. Онъ, положительный и прозаическій по натурѣ своей человѣкъ, не могъ придавать никакого значенія чувствамъ своей жены къ юному декаденту, разъ это не болѣе какъ платоническія воздыханія. А главное, онъ слишкомъ хорошо зналъ Сусанну, чтобы допустить возможность съ ея стороны какого-либо рискованнаго шага.

О, они могутъ сколько ихъ душѣ угодно разсуждать о чувствахъ, дарить другъ другу сушеные цвѣты, пожимать другъ другу руки, толковать объ Альфредѣ де-Виньи и плакать надъ идіотическими, чувствительными стишками! Чѣмъ бы дитя ни тѣ-

шилось, лишь бы не плакало, а слишкомъ далеко это никогда не зайдетъ, онъ знаетъ это.

Вечеромъ, за обѣдомъ, онъ сказалъ съ равнодушнымъ видомъ:

— Что это Ганюжа такъ давно не видно?

— О!—вскричала маленькая Люси:—онъ каждый день здѣсь бываетъ!

А Ренѐ прибавила:

— Да... но его никогда не принимаютъ; мамы всегда не бываетъ въ это время дома.

Молодая женщина смущенно пробормотала:

— Дѣйствительно, я должна теперь по утрамъ гулять...

И поискавъ съ секунду подходящаго предлога, почему она теперь должна это дѣлать, она добавила:

— Докторъ мнѣ велѣлъ больше быть на воздухѣ, въ движеніи...

Г. Миръ спросилъ съ интересомъ:

— Ты, однако, не больна?

— Нѣтъ, только небольшая усталость... я совсѣмъ потеряла аппетитъ...

Помолчавъ, инженеръ снова приступилъ къ интересовавшей его темѣ:

— Мнѣ жалко Ганюжа: каждый день приходить и не заставать дома; я думаю, это ему весьма непріятно. Въ первый же разъ, что его увижу, приглашу къ намъ обѣдать!

Сусанна не протестовала. Въ глубинѣ души она страстно желала свидѣться съ молодымъ человѣкомъ, и тѣмъ болѣе ей улыбалось предстоящее свиданіе, что оно произойдетъ въ присутствіи ея мужа. Инженеръ не могъ помѣшать ихъ чувствительнымъ разговорамъ. Послѣ обѣда онъ или писалъ письма, или просматривалъ газеты и научные журналы; только густое облако табачнаго дыма обозначало мѣсто, гдѣ онъ сидѣлъ. Восхищенная мыслью провести одинъ изъ тѣхъ вечеровъ, когда „ея душа сливалась въ согласныхъ біеніяхъ сердца, сливалась съ душою ея возлюбленнаго поэта", Сусанна погрузилась въ сладостныя мечтанія. На другой день съ утра она принялась за сооруженіе туалета, въ которомъ бы особенно могла понравиться своему поэту.

Сначала она думала на этотъ разъ просидѣть все утро дома за своимъ платьемъ, но не осмѣлилась этого сдѣлать, боясь, что, замѣтивъ у рѣшетки молодого человѣка, не справится съ собою и выйдетъ къ нему. И опять, какъ и въ предшествующіе дни, она отправилась на свою уединенную прогулку. Когда, наконецъ, она очутилась на голой, гладкой равнинѣ, ея веселыя мысли раз-

сѣялись и черное облако печали опустилось на ея душу. Она сѣла недалеко отъ дороги на камень. Небольшой пригорокъ скрывалъ ее отъ глазъ тѣхъ, которые ѣхали по ней. Она долго сидѣла такъ, разсѣянно вслушиваясь въ глухой гулъ катящихся каретъ и слѣдя за пожелтѣвшими листьями, которые осыпались съ дерева, стоявшаго у дороги, и, медленно крутясь въ воздухѣ, съ меланхолическимъ шелестомъ падали на землю.

Вдругъ она услышала топотъ лошадиныхъ копытъ. Вѣроятно, нѣсколько всадниковъ ѣхало изъ Нанси. Приподнявшись немного, чтобы разсмотрѣть, кто бы это былъ, она увидѣла Ганюжа, сопровождаемаго его друзьями, Томасомъ и Барбарà, верхомъ на манежныхъ лошадяхъ.

Съ горемъ она принуждена была сознаться самой себѣ, что всѣ трое представляли изъ себя необыкновенно комичное зрѣлище. Къ эксцентрическому виду Ганюжа, когда онъ былъ „пѣшкомъ", Сусанна привыкла довольно быстро; мало того, она кончила тѣмъ, что именно эта эксцентричность его наружности и стала предметомъ ея удивленія—въ ея глазахъ она являлась печатью генія,—но къ костюму, позамъ и посадкѣ Ганюжа „верхомъ" привыкнуть она никакъ не могла.

Несмотря на искреннѣйшее желаніе найти его живописнымъ и изящнымъ на конѣ, она не могла, увидавъ его, не вспомнить актера изъ какой-то нелѣпой мелодрамы, которую какъ-то играли въ воскресенье въ мѣстномъ театрѣ. Ей казалось, что она видитъ передъ собой театральнаго „похитителя", въ надвинутой на глаза высокой шляпѣ, драпирующагося въ плащъ и въѣзжающаго на подмостки наклячѣ съ спутанными ногами, медленно, съ величайшимъ трудомъ перебирающагося черезъ покатую сцену съ похищенной имъ примадонной въ объятіяхъ. Ганюжъ проѣзжалъ въ эту минуту мимо пригорка, за которымъ скрывалась Сусанна, весело болтая съ пріятелями, и она услышала, какъ Томасъ спросилъ его:

— Почему же ты не хочешь у нея отъужинать сегодня вечеромъ? Эта дѣвочка очень мила, право!

Ганюжъ отвѣчалъ на это слѣдующими словами, которыя отчетливо разслышала Сусанна:

— Провести съ нею вечеръ изрѣдка—это еще ничего, но каждый день регулярно бывать у нея... это ужъ слишкомъ! А главное, я боюсь, это кончится тѣмъ, что этотъ дуракъ Дюплé меня заколетъ!..

Г. Барбарá пожалъ плечами:

— Право, не понимаю твоихъ заботъ объ этомъ Дюплé!..

Если ты отказываешься сегодня быть у Лолотты, то, вѣроятно, имѣешь въ перспективѣ что-либо болѣе пріятное?..

И такъ какъ Ганюжъ покачалъ отрицательно головой, онъ насмѣшливо прибавилъ:

— Какъ, ты еще ничего не добился? Право, мой милый, у тебя было достаточно времени для этого!

Они проѣхали, и молодая женщина не могла уже болѣе ничего разслышать; но и того, что̀ она узнала, было слишкомъ достаточно; она была ошеломлена. Итакъ, у него есть любовница! у него?!.. и кто же, кто же эта его возлюбленная! Какая-то Лолотта!.. Она знаетъ ее, видѣла на подмосткахъ. Некрасивая, вульгарная, на содержаніи у Дюпле! Съ какихъ поръ онъ познакомился съ этой „пѣвичкой“? Безъ сомнѣнія послѣ того, какъ она, Сусанна, его оттолкнула! И она вдругъ почувствовала страхъ, что потеряла его. Если онъ ѣхалъ съ друзьями, то, безъ сомнѣнія, онъ у нея не былъ! Ясно, онъ рѣшилъ прекратить свои ежедневные визиты, видя ихъ безполезность. Все кончено... Она его болѣе не увидитъ! Взволнованная, она поднялась и быстро пошла домой, почти побѣжала. Ея дѣти играли въ саду—она крикнула имъ:

— Онъ заѣзжалъ?

— Кто?—спросила маленькая Рене́, руки который были выпачканы въ землѣ.

— Ганюжъ...—отвѣчала взволнованно мать.

— Былъ, разумѣется,—сказала Люси:—вѣдь онъ каждый день сюда заѣзжаетъ.

Сусанна вздохнула съ облегченіемъ.

— Только,—продолжала дѣвочка,—онъ не одинъ сегодня былъ. Онъ былъ съ двумя господами,—помнишь, съ тѣми, которые у насъ какъ-то разъ обѣдали... Они тоже были верхами и такіе же смѣшные. Скажи, почему они не такіе, какъ Жакъ, или г. де-Тренъ, или г-нъ Дюпле... ну, и всѣ другіе, которые ѣздятъ верхомъ, мама? У нихъ такой странный видъ... такіе они потѣшные!

Рене́, копавшая яму, поднялась, оперлась на свою лопаточку и объявила:

— Самый смѣшной изъ нихъ Ганюжъ... На немъ такой странный нарядъ!

Г-жа Миръ болѣе не слушала. Она прошла въ свою комнату и заперлась тамъ, чтобы на свободѣ все обдумать. Она теперь могла успокоиться: Ганюжъ былъ съ визитомъ, но одна изъ тѣхъ отрывочныхъ фразъ, слышанныхъ ею на дорогѣ, и на которую

она въ первую минуту не обратила особаго вниманія, припомнилась теперь съ особою ясностью и взволновала ее до глубины души:

„Если отказываешься сегодня быть у Лолотты, — вспомнились ей слова Барбара̀,—то, вѣроятно, имѣешь въ перспективѣ что-либо болѣе пріятное?"

И затѣмъ, на отрицательный отвѣтъ Ганюжа, онъ выразилъ удивленіе, что тотъ еще до сихъ поръ ничего не добился, хотя времени было достаточно!..

Что̀ онъ этимъ хотѣлъ сказать?

Единственный смыслъ, который могли имѣть эти слова, тотъ, что Ганюжъ не только завелъ возлюбленную, но и еще затѣялъ какую-то интригу, которая, по мнѣнію его друзей, туго подвигалась впередъ. Мысль, что эта особа, съ которой онъ завелъ интригу, она сама, никакъ не могла придти ей въ умъ. Выросшая въ порядочной средѣ, среди воспитанныхъ и деликатныхъ людей, она не подозрѣвала тѣхъ мелкихъ низостей и подлостей „дурного тона", на которыя способны субъекты той категоріи, къ какой принадлежалъ ея обожаемый поэтъ. Она, нимало не подозрѣвая истины, ломала себѣ голову, кто бы могла быть эта „соперница".

Вечеромъ г-нъ Миръ, проведшій все послѣ-полудня въ маленькой квартиркѣ въ улицѣ Станислава, сказалъ своей женѣ:

— Сегодня я видѣлъ г-жу Лемо. Я пригласилъ ее къ намъ обѣдать въ четвергъ съ ея мужемъ, братомъ и двумя его пріятелями, которые у нихъ живутъ... Ты напишешь также отъ себя нѣсколько словъ Дюкло? Пригласи и ихъ обѣдать.

Сусанна считала часы до желаннаго обѣда и успокоилась лишь тогда, когда въ четвергъ, въ семь часовъ, усѣлась въ своемъ большомъ креслѣ, съ открытымъ на 39-ой страницѣ романомъ Эдуарда Ро въ рукахъ. Но до самой послѣдней минуты она боялась, что вдругъ придетъ письмо, извѣщающее, что Ганюжъ боленъ или отказывается обѣдать у нихъ.

Когда г-нъ Миръ также явился въ гостиную, чтобы ждать гостей, онъ воскликнулъ въ удивленіи:

— Чортъ побери! Вотъ такъ туалетъ! А я-то еще сказалъ Гортен... г-жѣ Лемо, что она можетъ явиться въ домашнемъ, утреннемъ платьѣ!..

— Что же въ немъ особеннаго?—возразила Сусанна:—самое простое платье.

— Прекрасно, съ большимъ вкусомъ! право, съ большимъ вкусомъ! легкое, изящное, точно ты закуталась въ облако... И,

знаешь, оно на меня производитъ впечатлѣніе бальнаго,—это платье, которое ты называешь простенькимъ.

Молодая женщина встала и подошла къ зеркалу поглядѣться.

На ней было надѣто платье изъ нѣжно-голубого газа, воздушнаго и легкаго, какъ туманъ. Воротъ былъ немного вырѣзанъ на груди и спинѣ, открывая ея бѣлое, стройное горло и круглый, красиво сформированный, точно выточенный, затылокъ, на который падалъ каскадъ пепельныхъ, завитыхъ въ небольшіе локоны, прядей ея волосъ. Подойдя къ зеркалу, она пальцами слегка взбила такіе же мелкіе локоны, падавшіе ей на лобъ, и не могла не улыбнуться отъ радости—такой хорошенькой она показалась себѣ самой.

Едва зазвенѣлъ звонокъ, возвѣщая о прибытіи гостей—она уже сидѣла на прежнемъ мѣстѣ съ раскрытой книгой въ рукахъ. Когда, обнявшись съ г-жею Лемо и пожавъ руки гг. Томаса и Барбарà, она подняла глаза на Ганюжа, она увидѣла, что онъ стоитъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея и смотритъ на нее съ восторгомъ, доходящимъ до экстаза.

Она протянула ему руку, но не отвѣчала на его—немного слишкомъ уже сильное и долгое—пожатіе. Съ взволнованнымъ, восторженнымъ видомъ онъ прислонился къ косяку двери и остался такъ, съ видимой намѣренной аффектаціей, не говоря ни слова и не глядя ни на кого, кромѣ Сусанны. Онъ все время держалъ себя особнякомъ отъ всего маленькаго общества, состоявшаго съ хозяевами изъ семи человѣкъ, какъ будто онъ находился на шумномъ, многолюдномъ балѣ.

Прибытіе супруговъ Дюкло не вывело его изъ оцѣпенѣнія, и только когда Сусанна, найдя, что для гостей недостаточно удобныхъ креселъ, пошла за ними въ сосѣднюю комнату, онъ тронулся съ своего мѣста и пошелъ за нею, шепча ей на ухо:

— Простите меня! Я безумецъ!.. но, клянусь вамъ, съ этихъ поръ я буду только однимъ изъ самыхъ почтительныхъ вашихъ друзей!

Она ничего не отвѣчала, возясь со стульями.

Онъ продолжалъ:

— Будьте завтра утромъ дома и примите меня, я васъ умоляю! Я былъ такъ несчастенъ всѣ эти десять дней, что не видѣлъ васъ!

Она быстро повернулась къ нему и отвѣчала рѣзкимъ, срывающимся голосомъ, коротко и холодно:

— Вы были несчастны? Развѣ m-lle Lolotte не съумѣла васъ утѣшить?—И презрительно отвернувшись, она прошла мимо него

и вышла въ гостиную къ гостямъ, съ громомъ волоча за собою кресло.

Ганюжъ сначала опѣшилъ, но послѣ нѣкотораго размышленія успокоился и обычный апломбъ вернулся къ нему. Онъ вышелъ вслѣдъ за г-жею Миръ, неся тоже нѣсколько стульевъ, и затѣмъ немедленно сѣлъ въ уголъ. Онъ сидѣлъ угрюмый, принималъ жалостныя мины, нѣсколько разъ высморкался и провелъ платкомъ по глазамъ.

Онъ слишкомъ хорошо зналъ Сусанну, чтобы повѣрить, что она „выдержитъ характеръ“ и оставитъ его страдать, когда достаточно было только одного слова съ ея стороны, чтобы прекратить эти страданія. Онъ изучилъ ея сердце и научился играть на ея слабыхъ стрункахъ съ чудесною ловкостью.

Онъ не обманулся въ своихъ предположеніяхъ. Когда слуга объявилъ, что „кушать подано“, г-жа Миръ подошла къ маленькому столику, возлѣ котораго сидѣлъ въ мрачномъ уединеніи Ганюжъ, и, кладя на него свой вѣеръ, быстро шепнула ему взволнованнымъ, задыхающимся голосомъ, который онъ такъ хорошо зналъ:

— Вы можете придти завтра!

Мгновеніе онъ оставался неподвижнымъ, какъ будто неожиданное счастье ошеломило его; затѣмъ, прижавъ къ сердцу сжатыя руки, онъ съ благодарной нѣжностью пробормоталъ:

— Merci!..

Когда Сусанна, взявъ подъ руку архитектора, вышла изъ гостиной, а за ней двинулся ея мужъ съ г-жею Дюкло, оба пріятеля Ганюжа, съ интересомъ слѣдившіе за сценой, происходившей у столика, слегка похлопали ему.

Г-нъ Томасъ, предложившій руку г-жѣ Лемо, проходя мимо молодого человѣка, сказалъ ему въ полголоса: „Браво, Ганюжъ!“ тогда какъ г. Барбара́, нѣжно охватившій его за талію и поведшій въ столовую, сказалъ ему:

— Милый геній, я только изумлялся твоему неподражаемому искусству!

За столомъ разговоръ угрожалъ совсѣмъ замяться, какъ это всегда случается на обѣдахъ, при немногочисленности собравшихся, и когда они къ тому же мало знаютъ другъ друга и мало имѣютъ общаго между собою, что̀ называется, еще не „спѣлись“; но, къ счастію, г-жа Лемо напала на подходящій сюжетъ:

— Угадайте, что̀ сдѣлала ваша крестная!—обратилась она вдругъ къ Сусаннѣ.

Сусанна, знавшая, съ какой антипатіей относится г-жа де-Гюре къ архитектору и его женѣ, испугалась.

— Моя крестная?—сказала она, волнуясь:—право, не могу догадаться!

— И не старайтесь, не угадаете! Говорю вамъ, это нѣчто невѣроятное!..

Видя, что молодая женщина ждетъ съ тревогой разъясненія, толстякъ Дюкло крикнулъ:

— Ничего особеннаго, не волнуйтесь! Она насъ пригласила завтракать... Въ этомъ нѣтъ ничего худого или удивительнаго!

— Неужели?—пробормотала оторопѣвшая Сусанна. И какъ бы не вѣря своимъ ушамъ, повторила:

— Она пригласила васъ завтракать!

Ганюжъ вмѣшался.

— О!—сказалъ онъ иронически:—не слѣдуетъ особенно гордиться этимъ приглашеніемъ! Моя сестра желала видѣть у себя Гюре послѣ „rallye-paper"... И дѣйствительно, маркизъ снизошелъ и отобѣдалъ у насъ... Теперь они платятъ вѣжливостью за вѣжливость,—вотъ и все.

Г-жа Лемо съ жаромъ протестовала:

— Напрасно ты думаешь, что я такъ добивалась чести видѣть у себя Гюре! Я просто должна была это тогда сдѣлать, такъ какъ мы въ тотъ день пользовались ихъ экипажемъ!

— Но,—замѣтилъ толстякъ Дюкло,—они и насъ пригласили также, а мы ужъ совсѣмъ въ сторонѣ.

Ганюжъ фыркнулъ.

— Они не хотятъ разлучать двѣ такія дружескія семьи!

— Въ такомъ случаѣ,—спросила Сусанна,—и вы тоже будете у крестной?

— О, да... Я тамъ буду... Если только могу надѣяться видѣть васъ тамъ?..

И послѣ краткаго молчанія онъ продолжалъ въ томъ же ироническомъ тонѣ:

— Г-жа де-Гюре простерла свою любезность до того, что включила въ число приглашенныхъ моихъ друзей: „Если только они еще будутъ здѣсь,—сказала она сестрѣ,—то привезите ихъ съ собою".

— А они еще долго здѣсь пробудутъ?—полюбопытствовала г-жа Миръ.

— Конечно, само собою разумѣется!—горячо вскричала г-жа Лемо:—надѣюсь, что они проведутъ съ нами весь ноябрь... Въ Нанси мы такъ же удобно можемъ ихъ помѣстить, какъ и въ

Бельфонтенѣ. Они хоть немного разсѣиваютъ нашего милаго Гастона, который безъ нихъ совсѣмъ бы стосковался!

И замѣтивъ выразительный взглядъ брата, она прибавила:

— Эту недѣлю онъ особенно грустилъ! Онъ почти не ѣлъ... запирался въ своей комнатѣ на цѣлые часы...

— Я работалъ!—прервалъ сестру Ганюжъ, какъ будто онъ очень сожалѣлъ, что она начала говорить объ этой „несчастной недѣлѣ“.

Когда вышли изъ-за стола, Сусанна получила отъ посланнаго, пришедшаго во время обѣда, письмо своей крестной, приглашавшее ее на завтракъ „Подъ Буками“, вмѣстѣ съ Лемо и Дюкло.

Ганюжъ остался вѣренъ самому себѣ. Прислонившись къ камину и закуривъ крѣпкую сигаретку, онъ принялся разглагольствовать о вещахъ, непонятныхъ всѣмъ присутствующимъ, за исключеніемъ развѣ друзей и учениковъ его, Томаса и Барбара̀. Онъ даже прочелъ стихи одного изъ своихъ друзей—геніальнаго поэта, разумѣется,—единственнаго въ наше скудное талантами время! Съ первыхъ же строфъ, пивовара съ инженеромъ стало клонить ко сну. Жены же ихъ таяли отъ восхищенія.

Г-нъ Миръ, какъ вѣжливый хозяинъ дома, мужественно боролся со сномъ; но когда Ганюжъ умолкъ, онъ осмѣлился его спросить, какой смыслъ того поэтическаго произведенія, которое онъ только-что прочелъ. Ганюжъ отвѣчалъ, что чувство находитъ понятное выраженіе въ непонятныхъ, но полныхъ гармоніи звукахъ и что стихи эти полны очаровательной гармоніи.

И въ теченіе всего вечера онъ говорилъ печальнымъ тономъ, медленно и немного нараспѣвъ, о себѣ, своихъ будущихъ книгахъ и о своихъ друзьяхъ.

Сусанна не сводила съ него глазъ, ловила каждое слово, и вечеромъ, ложась спать, инженеръ сказалъ себѣ:

— Все идетъ какъ нельзя лучше! Можно разсчитывать, что скоро она опять оставитъ меня въ покоѣ.

X.

На другое утро Ганюжъ отправился пѣшкомъ къ г-жѣ Миръ. Друзья проводили его до входа въ аллею, ведшую къ дому инженера. Онъ разсказалъ имъ все, что̀ произошло наканунѣ между имъ и Сусанной, и они вмѣстѣ обсудили, какъ онъ долженъ вести дальнѣйшую аттаку. Разставаясь съ Ганюжемъ, они еще разъ повторяли ему свои совѣты.

— Въ особенности,—настаивалъ Томасъ,—если всѣ ея подозрѣнія ограничиваются одною m-lle Lolotte, смѣло отрицай все... Не признавайся ни за что!

— А главное, настаивай,—рекомендовалъ Барбара,—если тебѣ придется все-таки, въ концѣ концовъ, сознаться, что причиной здѣсь она одна... Ты хотѣлъ убить въ себѣ чувство къ ней, забыть ее... Упрекай ее, что, благодаря ея жестокости, ты низошелъ до грязной любви... Постарайся даже возбудить ея ревность: нѣтъ болѣе прямого пути къ тому, чтобы воспламенить женщину, какъ возбудить ея ревность!..

— Ахъ!—вскричалъ Ганюжъ съ безнадежнымъ видомъ:—развѣ я могу знать напередъ, что̀ сдѣлаю или скажу? Когда я вижу ее, я уже болѣе не господинъ своей воли!

Ему вдругъ пришла мысль помистифицировать своихъ добрыхъ пріятелей, разыгравъ передъ ними комедію пламенной страсти; онъ яркими красками описалъ имъ то высокое чувство, неизвѣстное такимъ, какъ они, не знавшимъ иной любви, кромѣ продажной, и которое въ эту минуту наполняетъ священнымъ трепетомъ его душу. Онъ понималъ, что его „успѣхи“ поднимутъ и безъ того чрезвычайно высокій „престижъ“ его, но надо было еще убѣдить ихъ, что дѣло здѣсь шло о „настоящей“, „особенной“ любви, придать своей страсти роковой оттѣнокъ, трагическій характеръ, вообще пустить пыль въ глаза своимъ почитателямъ.

Такъ какъ молодые люди слушали съ удивленіемъ его признанія, то онъ продолжалъ:

— Или вы удивляетесь, видя меня въ такомъ состояніи? Меня, который уже болѣе, казалось, не могъ ничему повѣрить! меня, разочаровавшагося въ жизни! Ахъ, еслибы знали, какъ сладко любить! какъ сладко сознавать себя любимымъ такъ, какъ любимъ я!.. Да, до сихъ поръ я не зналъ истинной любви... Все это такъ ново для меня и такъ чисто, такъ возвышенно... Мнѣ кажется, что я плыву, плыву къ вратамъ рая, на волнахъ божественныхъ чувствованій...—Замѣтивъ, что они совершенно ошеломлены необыкновеннымъ состояніемъ своего друга, онъ прибавилъ:

— Вы находите, что я перемѣнился, не правда ли? Только съ сегодняшняго дня я, наконецъ, сталъ вполнѣ ясно читать въ самомъ себѣ... Иду! Она меня ждетъ!.. Прощайте!..

Когда молодые люди остались посреди дороги одни, Томасъ сказалъ, указавъ на Ганюжа, удалявшагося отъ нихъ большими шагами:

— Можно предсказать успѣхъ нашему милому генію... Какая возвышенная душа! И какая богатая организація!

— И какое золотое сердце, замѣть къ тому же!—прибавилъ съ сочувственнымъ вздохомъ Барбара̀: — какъ хватаетъ духа у этой женщины мучить его столько времени!

— Это буржуазка! Она не можетъ понять, какъ преступно съ ея стороны мертвить холодностью эту избранную натуру! Но кто знаетъ? быть можетъ, надо благословлять небо за то, что оно послало страданіе Гастону! Страданіе пробуждаетъ вдохновеніе поэтовъ:

Les plus désespérés sont les chants les plus beaux,
Et j'en sais d'immortels, qui...

— Довольно!—прервалъ Барбара́,—довольно! Ты мнѣ прожужжалъ уши твоимъ Мюссе́! Не понимаю, что̀ ты въ немъ находишь... грубъ, вялъ, не умѣлъ даже риѳмы подбирать какъ слѣдуетъ! Но, оставивъ Мюссе́, ты правъ... Отчаяніе извлекаетъ изъ души поэта гармоничные вопли! Оно заставляетъ звучать самыя сокровенныя струны и драгоцѣнные звуки...

Онъ посмотрѣлъ на часы и неожиданно перемѣнилъ тонъ:

— Не зайти ли намъ пропустить по маленькой?

И, обнявшись и съ нѣжностью другъ друга поддерживая, они двинулись въ предмѣстье Сенъ-Пьеръ, въ знакомое кафе, переглядываясь съ попадавшимися на пути молоденькими работницами, не осмѣливаясь, однако, заговорить съ какой-либо изъ нихъ.

Взволнованная, нервно возбужденная, воображая, что̀ скажетъ ей Ганюжъ и что̀ она ему скажетъ, Сусанна ждала его въ маленькомъ кабинетѣ, гдѣ она никогда прежде никого не принимала. На этотъ разъ она ничего не имѣла противъ того, чтобы мужъ ея исчезъ послѣ завтрака изъ дому. Провожая его насмѣшливыми взглядами и колкими словами, она, напротивъ, боялась одного, чтобы онъ не остался дома.

Когда Ганюжъ вошелъ, она была во всеоружіи; но, увы, это ни къ чему не послужило. Какъ ни готовилась она къ этой встрѣчѣ, а вышло все совсѣмъ не такъ, какъ она ожидала. Дверь внезапно отворилась, и Ганюжъ, блѣдный и унылый, быстро подошелъ къ ней и, склонивъ передъ ней колѣни, сталъ просить у нея прощенія.

Она сдѣлала ему знакъ встать и попросила сѣсть. Прошло нѣсколько мгновеній въ молчаніи. Она была холодна, неловка, она забыла всѣ фразы, еще наканунѣ заготовленныя ею.

Онъ заговорилъ. Не желая выдавать себя, слѣдуя совѣтамъ друзей, но всё же рѣшившись ощупать почву и вывѣдать, что̀ собственно ей про него извѣстно, онъ спросилъ:

— О чемъ вы вчера меня спросили вечеромъ? Я не понялъ положительно ни слова!

Она ничего не отвѣчала. Онъ продолжалъ:

— Вы меня спросили... да, вспоминаю, о какой-то Лили... или нѣтъ, о m-lle Lolotte—такъ, кажется, вы ее назвали?

Она сдѣлала утвердительный знакъ головой.

— Но что же это значитъ?—спросилъ молодой человѣкъ.

Сусанна должна была сдѣлать усиліе надъ собой, чтобы заговорить. Слова не шли съ ея губъ.

— Это значитъ, что у васъ есть любовница, пѣвица изъ „Эдена", по имени Лолотта!.. что это мнѣ извѣстно и я желаю, чтобы и вы знали, что это мнѣ извѣстно... Довольно съ васъ?

— Не могу понять, кто могъ вамъ передать такую низкую сплетню!

— Знаете ли, вѣдь вы мнѣ говорите какъ разъ то самое, что̀ сказалъ мнѣ мужъ на мой вопросъ о... вы знаете—о чемъ! Помните, когда еще вы мнѣ сказали, что онъ меня обманываетъ? Вѣдь это вы...

Молодой человѣкъ рѣзко прервалъ ее:

— Но кто же теперь вамъ разсказалъ?.. Кто посмѣлъ выговорить эту низкую...

— Вы сами!..

И такъ какъ онъ въ недоумѣніи смотрѣлъ на нее, широко раскрывъ глаза и безмолвствуя, она повторила ему слово въ слово, что̀ говорилъ онъ и его друзья на дорогѣ изъ Нанси.

Ганюжъ въ первую минуту почувствовалъ себя такъ, какъ будто подъ нимъ подломился полъ. Но затѣмъ быстро сообразилъ, что въ томъ, что̀ узнала Сусанна, не было такого, чего нельзя было бы представить въ иномъ свѣтѣ, и онъ произнесъ, съ упрекомъ глядя въ красивые, горѣвшіе огнемъ негодованія, глаза молодой женщины:

— Неужели вы, такая великодушная, полная высшихъ стремленій женщина, могли повѣрить, что я васъ обманываю?.. Да, именно это вы сейчасъ предположили,—не возражайте... Неужели вы не догадались, что я обманывалъ не васъ, а этихъ двухъ безумцевъ? Я нарочно старался увѣрить ихъ, что эта пѣвичка—моя возлюбленная, но на самомъ дѣлѣ ноги моей у нея не было!..

— Зачѣмъ же вамъ понадобилось увѣрять ихъ въ этомъ?—спросила она.

— Зачѣмъ?—вскричалъ возбужденно Ганюжъ:—зачѣмъ? чтобы отвлечь ихъ на ложную дорогу, скрыть истину... Потому что разъ ихъ подозрѣніе коснется моей завѣтной тайны—она уже потеряетъ свою абсолютную идеальность и чистоту! Потому что ради васъ я все готовъ сдѣлать!—И онъ заключилъ съ горечью:

— А вы сейчасъ же предположили обманъ съ моей стороны!

Онъ хотѣлъ придвинуться къ Сусаннѣ, но та отстранилась и спросила:

— Ну, а это еще что за исторія... Какъ вы объясните слова вашего друга: „неужели ты до сихъ поръ ничего не добился у нея"?

Онъ не ожидалъ этого вопроса и не приготовился къ нему; онъ заволновался и отвѣчалъ растерянно, подыскивая слова:

— Ахъ! это... это, видите ли... это... другое дѣло...

— Я такъ и думала! но я, кажется, имѣю право спросить у васъ, что это за „другое дѣло"?..

Но онъ уже овладѣлъ собою.

— Боже мой!—сказалъ онъ, принявъ скучающій видъ:—тутъ я, можетъ быть, проявилъ излишнюю дальновидность и напрасно возвелъ еще и съ этой стороны защиту отъ подозрѣній моихъ пріятелей... И я даже нѣсколько компрометировалъ, да... одну даму, которая...

Онъ остановился, затрудняясь, кого бы ему назвать. Сусанна спросила нетерпѣливо:

— Которая что̀?..

— Которая проявляетъ ко мнѣ... не скажу расположеніе, но... это не то слово... но мои друзья такъ думаютъ,—основательно или нѣтъ, другой вопросъ,—что эта дама питаетъ ко мнѣ нѣкоторое... нѣкоторое чувство... И они меня упрекали...

— За что?.. Да говорите, не тяните!

— Ну, за то, что я не пользуюсь...

— А! ну, а почему же вы не воспользуетесь?

— Потому что я васъ обожаю, васъ одну и кромѣ васъ для меня никого не существуетъ!

— Кто эта женщина?—спросила Сусанна рѣзко.

— Какая женщина?

— Та, которая въ васъ влюблена!

Ганюжъ замялся. Онъ чувствовалъ, что запутывается все больше и больше.

— Позвольте!.. я вовсе не говорилъ, что она въ меня влюблена.

— Перестаньте играть словами... и скажите мнѣ ея имя! Я желаю знать это!

На самомъ дѣлѣ онъ подыскивалъ, на комъ бы ему остановить

свой выборъ. Съ самаго пріѣзда въ Нанси онъ почти не встрѣчалъ женщинъ у своихъ сестеръ. Онѣ не любили принимать у себя женщинъ, предпочитая единолично царить въ своемъ кружкѣ; кромѣ Сусанны и г-жи Жювизи, никого у нихъ не бывало. Но слишкомъ неправдоподобно было бы указать на послѣднюю. Она была такъ давно и почти не замѣтила Ганюжа.

Эта добродушная, полная, свѣжая и красивая женщина была существомъ слишкомъ прозаическимъ; она не понимала декадента и онъ произвелъ на нее отталкивающее впечатлѣніе.

— Скажите же, кто она?..—повторила нетерпѣливо Сусанна, волненіе которой все возростало.

Не зная, что̀ сказать, онъ отвѣчалъ:

— Сами угадайте!..

— Какъ же я могу угадать!.. Я могу только подозрѣвать тѣхъ женщинъ, которыя—знаю, что знакомы съ вами и съ которыми вы при мнѣ видѣлись...

Подумавъ немного, она сказала:

— Это не г-жа Жювизи? Но она васъ всего разъ и видѣла!

— Это ничего не значитъ!

— Какъ? Неужели она? О!!

И, смѣясь отъ души, она прибавила:

— Вотъ такъ славная побѣда!

Онъ почувствовалъ, что становится смѣшнымъ въ ея глазахъ, и поспѣшно сказалъ:

— Ну, разумѣется, не она!

— Еще менѣе можно предположить,—продолжала Сусанна, —что это герцогиня де-Реаль, которую вы у меня видѣли раза два... Это святая женщина. Она ни на кого не обращаетъ вниманія и ни до кого не снизойдетъ.

— Ну, конечно, это не она...

— Ну, такъ больше мнѣ и не кого назвать, кромѣ самой себя и крестной. Но вѣдь не она же это?..

Она вдругъ умолкла, пораженная неопредѣленнымъ выраженіемъ лица молодого человѣка.

Когда она назвала маркизу, Ганюжа вдругъ осѣнила мысль: почему бы ему не направить ревность Сусанны,—что она ревновала, это было ясно, — противъ ея крестной, которая до сихъ поръ имѣла на нее такое вліяніе? Намекнуть, возбудить подозрѣніе, не говоря прямо, а при случаѣ, если понадобится, можно и отпереться... Маркиза прямо объявила себя его врагомъ—ну, онъ и будетъ съ нею поступать какъ съ врагомъ.

Внимательно посмотрѣвъ на молодого человѣка, Сусанна спросила:

— Не скажете же вы, надѣюсь, будто г-жа де-Гюре?..

Онъ отвѣчалъ холодно и вмѣстѣ съ тѣмъ крайне значительно:

— Я ничего вамъ не скажу.

Но Сусанна уже не слушала и вся отдалась внезапно возникшему подозрѣнію.

„Почему же это не можетъ быть? — думала она: — весьма естественно. Почему она не можетъ увлечься имъ?" И ей внезапно припомнилось множество мелочей, ничтожныхъ фактовъ, которые всѣ, освѣщенные такъ, какъ ей хотѣлось, сгруппировывались, подтверждая ея подозрѣнія.

Почему крестная, которая такъ любитъ современную литературу, восхищается произведеніями молодыхъ писателей, почему она отнеслась такъ враждебно къ одному изъ представителей „новой школы"? Развѣ онъ хуже другихъ? Съ какой стати она — то все отъ него отворачивалась, а тутъ вдругъ приглашаетъ его къ себѣ?

И наконецъ, эта исторія, когда они вмѣстѣ ѣздили и лошадь Ганюжа вырвалась... Если въ этомъ ничего не было особеннаго, почему она тогда никому о ней не сказала? Она видимо хотѣла замять эту исторію.

— Скажите мнѣ,—начала, наконецъ, Сусанна,—почему г-жа де-Гюре никому ни слова не сказала о вашемъ приключеніи съ лошадью,—помните, тогда?

Ганюжъ вдругъ сильно покраснѣлъ. Ему представилось, что Сусанна знаетъ о его комическомъ прыжкѣ черезъ заборъ. Сообразивъ, что̀ должно было теперь происходить въ умѣ молодой женщины, онъ отвѣчалъ по возможности самымъ естественнымъ и безпечнымъ тономъ:

— Но я, право, не знаю, почему она тогда не разсказала никому? Спросите объ этомъ ее самоё,—она навѣрно вамъ объяснитъ.

Довольный своимъ отвѣтомъ, онъ подумалъ про себя:

„Маркиза, конечно, сдержитъ свое слово и Сусанна отъ нея ничего не добьется и непремѣнно вообразитъ, что между мною и ею произошло нѣчто особенное. Только чтобы г-жа де-Гюре не подумала, что я самъ все разсказалъ Сусаннѣ о томъ, какъ скакалъ черезъ барьеръ,—не то она сочтетъ себя свободной отъ даннаго слова и выдастъ меня". И онъ сказалъ:

— Только вотъ въ чемъ дѣло: я далъ слово никому не разсказывать о томъ, что̀ произошло тогда; а если вы заведете

объ этомъ разговорѣ съ маркизой,—она можетъ подумать, что я не сдержалъ слово.

— Повѣрьте, что я съумѣю такъ завести разговоръ, чтобы она этого не подумала,—отвѣчала Сусанна, про себя между тѣмъ отмѣчая:—А, такъ между ними тогда дѣйствительно что-то „произошло"!..

— Дайте слово!

— Съ охотой.

„Ну, вотъ какъ все прекрасно устроивается!—думалъ Ганюжъ:—обѣ онѣ настолько глупы, что сдержатъ свои обѣщанія... и все обойдется какъ нельзя лучше!"

Онъ поднялся и приблизился къ ней.

— Неужели вы до сихъ поръ гнѣваетесь на меня? Неужели вы меня не простите?

— Я прощаю васъ... но вы обѣщайтесь болѣе не повторять этого... никогда больше!

И такъ какъ онъ смотрѣлъ съ недоумѣніемъ, видимо не понимая, о чемъ она говоритъ,—прибавила:

— Какъ тогда въ лѣсу, во время скачекъ. Я такъ испугалась, такъ боюсь...

Онъ пригнулся къ рукѣ, которую она ему протянула, и почтительно поцѣловалъ ее, едва касаясь до нея губами.

— Я буду, такъ какъ вы этого требуете, самымъ почтительнымъ и самымъ несчастнымъ изъ любовниковъ...

Сусанна открыла окно и Ганюжъ выпрыгнулъ черезъ него въ садъ. Можно было бы выйти и прямо въ дверь, но такъ казалось имъ обоимъ поэтичнѣе. Когда онъ прошелъ черезъ садъ, Сусанна крикнула ему въ догонку:

— До завтра!

Къ ней возвратилось вновь полное довѣріе къ нему и она только о томъ и мечтала, чтобы возобновить платоническій романъ, прерванный на время взрывомъ страсти ея возлюбленнаго.

XI.

— Желаете сыграть партію въ теннисъ?—спросила г-жа де-Гюре.—Жакъ, пожалуйста, устрой все, я прошу тебя, дитя мое!

Послѣ завтрака она рѣшительно не знала, чѣмъ развлечь гостей, бродившихъ по заламъ и видимо не собиравшихся идти гулять въ паркъ.

Жакъ сидѣлъ на углу билліарда, приготовляясь послать шаръ; онъ отвѣчалъ:

— Я съ удовольствіемъ всѣмъ распоряжусь, тетя Шарлотта, только кто будетъ играть?

— Сусанна, эти господа.

Но гг. Томасъ и Барбара́ отказались.

— Мы ничего не смыслимъ въ лоунъ-теннисѣ, сударыня.

— Вотъ видите!—сказалъ Жакъ:—остаются только г-жа Миръ и Ганюжъ... Да и онъ, можетъ быть, не играетъ?

И оглядѣвшись, онъ прибавилъ:

— Гдѣ же, однако, Ганюжъ?

Маркиза указала рукой на библіотеку.

Ганюжъ забрался туда, не обращая ни на кого вниманія, какъ будто онъ былъ одинъ.

— Онъ тамъ,—сказала она,—читаетъ „Адольфа".

Услышавъ, что говорятъ о Ганюжѣ, Сусанна, покачивавшаяся на гамакѣ, повернула къ нимъ голову и, заинтересовавшись новымъ для нея наименованіемъ, спросила, желая быть „au courant" того, что̀ чи́талъ „ея поэтъ":

— „Адольфъ"? Что это за книга „Адольфъ"? Вѣрно недавно вышла?

— О!—только и произнесъ г-нъ Томасъ, а Барбара̀ замѣтилъ иронически:

— Не совсѣмъ, сударыня, не совсѣмъ!

По тону молодого человѣка Сусанна догадалась, что сказала глупость; однако, считая себя обязанной интересоваться всѣмъ, что̀ нравилось ея обожаемому Ганюжу, она продолжала:

— Кто же написалъ этого „Адольфа"?

— Нѣкто Бенжаменъ Констанъ!

— А!.. — пробормотала Сусанна, которой это имя ничего ровно не сказало:—я и не знала!

Молодые люди засмѣялись. Жакъ пожалъ плечами.

— Вы отлично дѣлаете, Сусанна,—сказалъ онъ,—что живете въ невѣденіи о Бенжаменѣ Констанѣ и его ученикахъ. Нѣкоторое невѣжество служитъ только къ украшенію хорошенькой женщины.

Г-жа Миръ посмотрѣла на него. Ей бы хотѣлось повѣрить его словамъ. Съ тѣхъ поръ, какъ она полюбила декадента, ея невѣжество въ литературѣ заставляло ее жестоко страдать. Она не могла не сознаться самой себѣ, что очень мало понимаетъ изъ монологовъ Ганюжа, и послѣ бесѣды съ нимъ,—впрочемъ, больше говорилъ онъ одинъ, — она чувствовала, что голова ея разбита, утомлена и что она ничего изъ этого разговора не вынесла.

Дѣлая сверхъестественныя усилія, чтобы усвоить и запомнить хоть что-нибудь изъ странныхъ идей Ганюжа, она забывала и то немногое, чтò знала. Воспитанная въ монастырѣ въ то еще время, когда знанія для женщинъ считались совершенно излишними, она весьма поверхностно знала исторію, географію, грамматику и ариѳметику.

„Athalie“ Шатобріана, нѣсколько басенъ изъ Лафонтена, нѣсколько отрывковъ изъ Расина—вотъ почти все по части поэзіи, съ чѣмъ ознакомилась она въ бытность свою въ монастырѣ. Потомъ, когда она была уже замужемъ, она какъ-то разъ взяла у крестной Мюссé и Бодлера, но возвратила ихъ черезъ нѣсколько дней, объявивъ, „что она не могла дочитать, такъ какъ это совсѣмъ не такъ интересно, какъ ей говорили, и она ничего не поняла“.

Съ тѣхъ поръ она стала относиться къ стихамъ съ глубокимъ презрѣніемъ, и только ужъ Коппé, въ которомъ она все понимала, нѣсколько примирилъ ее съ ними. Зато она зачитывалась романами, поглощая ихъ въ громадномъ количествѣ. Конечно, любила лишь „интересные“, гдѣ описывались „возвышенныя чувства“ и много было любовныхъ перипетій. Герой и героиня должны были постоянно балансировать на краю бездны, однако постоянно удерживаясь отъ рокового шага, и это-то безконечное томленіе страстей и колебанія „надъ бездной“ и дѣлало ихъ въ глазахъ Сусанны „симпатичными“, а романъ „интереснымъ“.

Правдивое изображеніе жизни и людей казалось ей грязнымъ и скучнымъ.—Какое удовольствіе,—говаривала она,—читать въ книгѣ о томъ, чтò и такъ видишь на каждомъ шагу въ жизни, въ обыденной дѣйствительности?

Ганюжъ, узнавъ литературные вкусы хорошенькой Сусанны, пришелъ въ ужасъ и принялся ей растолковывать красоты произведеній декадентовъ. Онъ не сталъ просвѣщать ее насчетъ общепризнанныхъ великихъ писателей,—онъ самъ ихъ презиралъ отъ всей души,—но лишь объяснялъ ей величіе и оригинальность геніевъ, извѣстныхъ только ему и его друзьямъ.

И бѣдная Сусанна, искренно сожалѣя, что она такъ долго оставалась въ невѣденіи о такихъ великолѣпныхъ вещахъ, прилежно внимала чтенію—на-распѣвъ и нѣсколько въ носъ—своего поэта, познакомившаго ее съ головокружительными сонетами, а также съ нелѣпымъ романомъ, написаннымъ на такомъ французскомъ языкѣ, на какомъ еще дотолѣ никто не писалъ, и носившимъ заглавіе: „Janik d'Argent“. Этотъ романъ въ особен-

ности приводилъ ее въ отчаяніе, но она не смѣла сказать, чтѣ думала, и съ негодованіемъ отнеслась къ откровенному мнѣнію, высказанному ея мужемъ, который, прочитавъ двѣ страницы, объявилъ, „что авторъ этой идіотской книги, безъ сомнѣнія, круглый дуракъ“. Для нея мнѣніе Ганюжа было закономъ, и она не могла понять смѣлости оспаривавшихъ его. Слова Жака о томъ, какъ идетъ хорошенькимъ женщинамъ нѣкоторая доля невѣжества, она склонна была принять какъ насмѣшку. Отвѣты друзей Ганюжа пуще только сбили ее съ толку. Она не знала теперь, Адольфъ ли написалъ Бенжамена Констана, или наоборотъ, но она не могла не видѣть, что то и другое имя было слишкомъ извѣстно, чтобы не знать его.

— Ты будешь играть въ теннисъ, Сусанна? — спросила ее г-жа де-Гюре.

Голосъ крестной вывелъ ее изъ задумчивости.

Послѣдніе дни она постоянно заставала себя на обсужденіи того, чтѣ намеками высказалъ Ганюжъ о маркизѣ. На первый взглядъ, конечно, казалось невѣроятнымъ, чтобы юный поэтъ нравился г-жѣ де-Гюре. Сусанна знала, какую инстинктивную антипатію чувствуетъ маркиза къ „худосочнымъ“ сантиментальнымъ позёрамъ. Тѣмъ не менѣе, въ поведеніи маркизы относительно его Сусанна теперь находила много необъяснимо страннаго. Она искренно обожала Ганюжа и глубоко была убѣждена въ томъ, что весь литературный міръ удивляется его генію, такъ что, въ концѣ концовъ, ей стало казаться совершенно естественнымъ, что всѣ женщины отъ него безъ ума. Она напоминала себѣ, что вѣдь маркиза уже давно считается въ рангѣ старыхъ женщинъ, что она годится въ матери юному декаденту, но всѣ эти соображенія все-таки не могли погасить ея ревнивыхъ подозрѣній, и, въ концѣ концовъ, она говорила себѣ:

„Безъ сомнѣнія, это все такъ, но... между ними нѣчто произошло... Вотъ только чтѣ именно?..“

— Крестная,—спросила она вдругъ,—скажите, что это за необыкновенное происшествіе, которое произошло съ Ганюжемъ, когда вы вмѣстѣ ѣздили по скаковому полю?

Вопросъ былъ неожиданный, но г-жа де-Гюре отвѣчала совершенно естественно и даже не сразу очевидно припомнила, о чемъ говоритъ крестница:

— Необыкновенное? Право, не могу тебѣ сказать, чтѣ такое необыкновенное произошло съ нимъ!

— Неужели вы забыли? Еще у него вырвалась лошадь...

— Ахъ, да! вѣрно! Онъ упустилъ лошадь... Такъ это-то называешь ты необыкновеннымъ происшествіемъ?

— Почему же онъ упустилъ?

— Потому, вѣрно, что плохо держалъ.

Ганюжъ услышалъ, о чемъ зашелъ разговоръ, и хотѣлъ устраниться отъ него, но маркиза крикнула ему:

— М-г Ганюжъ, m-me Миръ желаетъ знать, какъ это вы противъ своего желанія пустили на свободу Аполлона, помните? Вы можете лучше меня объяснить ей это!

Ганюжъ сконфуженно пробормоталъ:

— Обыкновенно все это происходитъ такъ неожиданно, что не успѣешь замѣтить, какъ...

Г-жа де-Гюре засмѣялась. Молодой человѣкъ еще болѣе смутился. Сусанна замѣтила это и съ любопытствомъ смотрѣла на нихъ.

— Вы похожи на двухъ сообщниковъ! — сказала она, наконецъ.

Маркиза, г-нъ Лемо и толстякъ Дюкло начали партію на билліардѣ.

Г-жа Дюкло заговорила съ Сусанной о своей сестрѣ Гортензіи, которая „крайне сожалѣетъ, что не могла принять любезнаго приглашенія г-жи де-Гюре, но она такъ страдаетъ,—докторъ совѣтуетъ ей переселиться въ Нанси“.

— Итакъ, — обратилась Сусанна къ мужу Гортензіи, — вы скоро переѣдете въ городъ?

— Завтра,—отвѣчалъ архитекторъ: — докторъ боится лихорадки...

— Еще бы!—прервалъ г-нъ Миръ:—неужели же вы думали провести осень въ Бельфонтенѣ, среди этихъ болотъ? Мѣстность эта въ высшей степени нездоровая.

Переѣздъ супруговъ Лемо изъ деревни былъ какъ нельзя болѣе на руку инженеру. Свиданія въ улицѣ Станислава могли происходить теперь гораздо чаще и съ бо̀льшимъ удобствомъ.

— Кажется, будетъ гроза! — сказалъ маркизъ, выходя на крыльцо.

Ганюжъ уже давно ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, какъ звѣрь въ клѣткѣ.

— Да, я чувствую, что будетъ гроза, — восклицалъ онъ:— каждый нервъ во мнѣ это предчувствуетъ и мучительно дергается...

Ганюжъ и самъ такъ же „дергался“, какъ и его нервы. Онъ имѣлъ чрезвычайно странный видъ, бѣгая вдоль анфилады комнатъ съ необыкновенными жестами. Онъ производилъ жалкое и

комическое впечатлѣніе со своими длинными, костлявыми руками, громадной головой, качающейся на длинной, тонкой шеѣ, и выпяченными колѣнками.

Замѣтивъ улыбку, съ какою посматривала маркиза на метавшагося съ ошалѣлымъ видомъ декадента, Сусанна подумала:

„Положительно, онъ и его друзья ошибаются! Она постоянно надъ нимъ смѣется... Несомнѣнно онъ производитъ на нее самое неблагопріятное впечатлѣніе".

Тѣмъ не менѣе, она не чувствовала упрековъ совѣсти за то, что загрязнила пошлыми подозрѣніями свои чувства къ крестной. Она просто убѣдилась въ невѣрности этихъ подозрѣній и, страдая отъ того, что надъ ея идоломъ смѣются, тѣмъ болѣе, что и сама не могла не сознаться въ комичности его прыжковъ, подсѣла къ крестной и сказала ей въ полъ-голоса:

— Кажется, васъ смущаетъ Ганюжъ? Будьте къ нему снисходительны—онъ не похожъ на другихъ людей.

— Не знаю, на кого онъ похожъ, — рѣзко отвѣчала маркиза:—по моему, онъ дѣйствительно ни на что не похожъ!

Сусанна знала этотъ тонъ. Онъ означалъ, что маркиза сердится. Она не отвѣчала, но Томасъ вмѣшался въ разговоръ. Онъ замѣтилъ, съ какой насмѣшливой миной посматривала маркиза на фантастическія позы его друга, и почелъ долгомъ косвенно вступиться за него:

— Какъ тяжело,—заговорилъ онъ задумчиво,—быть созданнымъ иначе, чѣмъ остальные смертные, чувствовать такъ сильно, такъ глубоко, любить, плакать, страдать такъ, какъ не любитъ, не плачетъ, не страдаетъ никто другой изъ тѣхъ существъ, которыя хлопочутъ и суетятся вокругъ тебя, поглощенныя обыденными мелочами...

И такъ какъ толстякъ Дюкло, хлопотавшій около билліарда, съ удивленіемъ обернулся, услышавъ эти меланхолическія слова, онъ уже прямо объявилъ:

— Жизнь нашего закала людей слагается совершенно иначе, чѣмъ у окружающихъ насъ. Существуетъ безконечная разница между нашею индивидуальностью и ихъ. Мы не можемъ жить ихъ жизнью, а они нашей, мы не можемъ...

Но тутъ маркизъ перебилъ его. Г-нъ Томасъ начиналъ раздражать его своими разглагольствованіями.

— Я не раздѣляю вашего мнѣнія,—сказалъ онъ.—Конечно, были, есть и будутъ исключительныя натуры, которымъ тѣсно въ условіяхъ обыденной жизни, которыя носятъ великую печаль въ душѣ своей: это—Руссо, Байроны и имъ подобные; эти люди

живутъ какъ и всѣ прочіе смертные, и по виду ничѣмъ отъ нихъ не отличаются, но чувствуютъ иначе, какъ никто. Но вотъ последняго-то и нельзя сказать о тѣхъ иначе организованныхъ субъектахъ, о которыхъ вы изволите распространяться...

— Но почему же? — спросилъ Ганюжъ, подошедшій, чтобы поддержать въ спорѣ своего ученика.

— Потому что, на мой взглядъ, по крайней мѣрѣ, эти господа, какъ разъ наоборотъ, живутъ такъ, какъ никто не живетъ, а чувствуютъ рѣшительно такъ же, какъ всѣ!

— Милостивый государь! — вскричалъ Ганюжъ, задѣтый за живое:—вы не можете знать, чтò происходитъ въ нашихъ сердцахъ, въ мозгу нашемъ... Возьмемъ, напримѣръ, любовь; изъ васъ нѣтъ ни одного, кто бы могъ понять и судить насъ! Да,—продолжалъ онъ, выразительно взглянувъ на Сусанну,—да, наша любовь, это—палящая страсть, это—огонь, молнія... И если намъ отказано въ счастіи любви, зато мы съумѣемъ умереть любя!..

— Неужели?—насмѣшливо подхватилъ маркизъ.—Вотъ еще свойство, которое меня въ васъ поражаетъ: вы то-и-дѣло твердите о смерти... Я думаю, что всѣ эти ваши восклицанія неискренни. Кто и дѣйствительно не боится смерти, и тотъ даже никогда не скажетъ, что онъ ея желаетъ.

— Что касается меня,—мрачно произнесъ молодой человѣкъ съ видомъ галлюцината, вперившаго взоръ въ представшее ему видѣніе,—то мысль о смерти есть любимая мечта моя! Любить женщину... обожать ее... не имѣть въ жизни ничего, кромѣ нея... желать обладать ею, ждать и томиться... И когда, наконецъ, она будетъ тебѣ принадлежать, не дожидаясь охлажденія, страданій, всего того пошлаго и мизернаго, чтò слѣдуетъ за удовлетвореннымъ чувствомъ, умереть съ нею, умереть, не выпуская ея изъ объятій, еще не охлажденныхъ пресыщеніемъ... Умереть?.. не уснуть ли, слившись въ согласномъ, вѣчномъ поцѣлуѣ?..

Сусанна сидѣла съ опущенными рѣсницами, но щеки ея пылали, губы дрожали; она, видимо, всѣмъ существомъ своимъ прислушивалась къ словамъ безумнаго декадента. Жакъ печально смотрѣлъ на нее; онъ вспомнилъ, какъ она спрашивала его на балу, рѣшится ли онъ умереть съ тою, которая отдастся ему; теперь онъ зналъ, откуда взялась эта дикая идея.

За тирадой Ганюжа послѣдовало общее молчаніе. Наконецъ, съ горькой улыбкой, какъ бы про себя, онъ добавилъ:

— Одно только: вѣдь для осуществленія этой прекрасной мечты должна найтись женщина, способная любить.

— Надо полагать, что найдется!—замѣтила, улыбаясь, маркиза.

— Способная любить?—вскричалъ тотъ съ горячностью: — о, нѣтъ, нѣтъ! Женщины—кокетки; онѣ желаютъ нравиться, онѣ доводятъ насъ до безумія своими взглядами, которые обѣщаютъ такъ много; онѣ стараются держать насъ въ заблужденіи, будто любятъ насъ, и такимъ образомъ держатъ насъ въ своей власти; а когда мы имъ надоѣдимъ, онѣ отталкиваютъ насъ съ цинической откровенностью, со смѣхомъ объявляя намъ: „Мы на все готовы... но только не на любовь... Любовь! Взаимность!—это пугаетъ насъ!"

Сусанна молча ощипывала своими бѣлыми зубками лепестки бѣлой гвоздики. Она съ нѣжностью прикоснулась губами къ цвѣтку и съ улыбкой, спокойно, — впрочемъ легкая блѣдность разлилась по ея лицу и глаза засверкали, выдавая ея внутреннее волненіе,—бросила его молодому человѣку, воскликнувъ:—Браво!

Онъ поднялъ цвѣтокъ, упавшій къ его ногамъ, и съ аффектаціей поднесъ къ губамъ.

Эта выходка возмутила маркизу. Она сердилась не столько на Ганюжа, сколько на Сусанну. Этотъ поступокъ еще разъ какъ нельзя лучше доказывалъ, какую опасную игру завела она съ молодымъ человѣкомъ и какъ далеко заходило ея кокетство.

Маркиза взглянула на Жака и его разстроенное лицо заставило мучительно сжаться ея сердце.

XII.

Ноябрь мѣсяцъ прошелъ очень скучно для Сусанны. Время тянулось медленно. Домашнія невзгоды докучали ей. Предсказаніе доктора сбылось: г-жа Лемо заболѣла лихорадкой, и настроеніе духа мужа Сусанны, обыкновенно ровное и веселое, измѣнилось. Онъ въ первый разъ послѣ двѣнадцати лѣтъ ихъ супружеской жизни позволилъ себѣ говорить съ женою рѣзко, грубо, не уступалъ ея капризамъ, которые доселѣ переносилъ, не говоря ни слова. Это огорчало Сусанну, но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ глубинѣ души, она рада была, что имѣетъ теперь основательныя причины упрекать мужа и жаловаться крестной.

— Чего же ты хочешь отъ меня?—отвѣчала та.—Ты знаешь сама—не я подала тебѣ совѣтъ выйти замужъ за Поля. Неси же теперь терпѣливо свои невзгоды, хотя вѣдь, въ сущности, это

такіе пустяки, что тебѣ грѣшно быть такой нетерпѣливой! Какъ бы то ни было, но онъ тебя обожаетъ.

— Обожаетъ?—вскричала молодая женщина.—Если бы вы только знали все, вы бы этого не сказали!..

И она разсказала крестной все, что только сама знала. Ея мужъ завелъ возлюбленную... Она знаетъ это... Ей говорили...

Маркиза прежде всего стала допытываться, кто это смѣлъ передать ей эту сплетню.

— Тебя или предупредили анонимнымъ письмомъ, или кто-либо изъ знакомыхъ наговорилъ... И я даже знаю, кто этотъ негодяй, догадываюсь... Это, конечно, ему на-руку какъ нельзя болѣе.

— Во всякомъ случаѣ, поведеніе моего мужа неизвинительно, —горячо заявила Сусанна, понявъ, что маркиза говоритъ о Ганюжѣ.

— Твой мужъ поступилъ, конечно, непохвально, если только это правда, но, тѣмъ не менѣе, онъ имѣлъ основанія такъ поступить...

— Какъ! — вскричала Сусанна: — и это вы... вы мнѣ говорите!

— Да, я говорю тебѣ это. Неужели же ты думаешь, что еще не старый человѣкъ, въ полной силѣ, будетъ проводить монашескую жизнь, потому что того желаетъ капризная и взбалмошная психопатка?

Сусанна сообщала крестной объ отношеніяхъ, существовавшихъ между ею и мужемъ.

— Это вы меня называете психопаткой, крестная?

Маркиза была внѣ себя отъ гнѣва. Она находила поведеніе своей крестницы неизвинительнымъ. Она мучитъ Жака, мучитъ мужа и тѣмъ разстроиваетъ свой семейный очагъ, поступаетъ какъ безсердечная кокетка. Эта маленькая, хорошенькая женщина дѣлаетъ несчастными двухъ честныхъ, добрыхъ мужчинъ—и ради кого? Кого она имъ предпочитаетъ?.. Маркиза была возмущена до глубины души.

— Да, да, психопатка!—съ яростью накинулась она на молодую женщину:—совершенная „литературная“ психопатка! Существо безполезное, зловредное и недостойное сожалѣнія! Вотъ во что ты превратилась,—ты, въ которой до сихъ поръ было такъ много женственности и здраваго смысла!..

Возвратившись „Подъ Буки“, маркиза, какъ ураганъ, ворвалась въ библіотеку, гдѣ ея мужъ съ племянникомъ читали газеты.

— Вы знаете? Говорите сейчасъ, если знаете! Правда, будто Поль Миръ завелъ семью на сторонѣ?

— Ну, семью не семью...—отвѣчалъ невозмутимо маркизъ, не замѣчая знаковъ, которые ему дѣлалъ племянникъ.

Жакъ находилъ, что прежде, чѣмъ отвѣчать маркизѣ, надо узнать, что̀ ей самой извѣстно. Если она не знаетъ имени возлюбленной инженера, то самое благоразумное оставить ее въ этомъ невѣденіи.

— Итакъ, вамъ все извѣстно!—вскричала маркиза:—почему же вы ничего мнѣ объ этомъ не сказали?

— Къ чему же было торопиться?—отвѣчалъ маркизъ съ бѣсившимъ ее спокойствіемъ: — все равно, вы и сами узнали же, когда пришло время.

— Ты сказалъ: „не семью"; ты въ какомъ это смыслѣ сказалъ?—горячилась маркиза.

— То-есть, видишь ли, тутъ такое сплетеніе обстоятельствъ... Это связь... или даже нѣсколько связей, навѣрное не знаю...

— Я ничего не понимаю! Но кто она?

— Я предпочитаю умолчать объ этомъ, такъ какъ...

Маркиза съ живостью обернулась къ племяннику:

— Ну, а ты, Жакъ, можешь мнѣ все это растолковать?

— Увольте, тетя Шарлотта.

Маркиза не настаивала. Она положила разспросить о всемъ Дюпле, которому всѣ сплетни были всегда отлично извѣстны. Жакъ угадалъ сейчасъ же намѣренія тетки и съ своей стороны рѣшилъ предупредить Дюпле, чтобы онъ не болталъ. Онъ зналъ, какую антипатію питала маркиза къ женѣ архитектора, и могъ представить себѣ, въ какомъ гнѣвѣ будетъ она, узнавъ истину. Онъ боялся буйнаго и рѣшительнаго характера маркизы. Г-жа Лемо больна и вѣроятно не встанетъ съ постели до отъѣзда Гюре. Въ Парижѣ можно будетъ все открыть маркизѣ. Къ тому времени она успокоится, да еще и неизвѣстно, что̀ будетъ къ тому времени.

Къ концу мѣсяца г-жа Лемо стала поправляться и Сусанна ежедневно навѣщала ее и подолгу у нея сидѣла. Она оказывала ей тысячи маленькихъ услугъ: принимала на себя разныя хлопоты по дому и исполняла коммиссіи въ городѣ и на виллѣ Бель-Фонтенъ. Переѣздъ по случаю болѣзни Лемо произошелъ такъ быстро и неожиданно, что не успѣли захватить съ собою многихъ необходимыхъ вещей. Вотъ за ними-то и отправлялась Сусанна. Въ каждый свой визитъ она заставала у больной Ганюжа. Онъ былъ скроменъ, нѣженъ и почтителенъ. Если она возвра-

щалась домой пѣшкомъ, молодой человѣкъ вызывался проводить ее, и такимъ образомъ почти каждый день они проходили черезъ весь городъ.

Въ часъ, когда на улицахъ можно было встрѣтить всѣхъ знакомыхъ, они, миновавъ площадь Станислава, шли улицею Доминиканцевъ, и горожане не могли не обратить на нихъ вниманія; Ганюжъ для того и носилъ свой удивительный нарядъ, чтобы не остаться какъ-нибудь незамѣтнымъ въ толпѣ. Въ Нанси только и разговоровъ было, что объ этихъ прогулкахъ г-жи Миръ съ юнымъ декадентомъ. Благосклонность одной изъ самыхъ хорошенькихъ женщинъ въ городѣ много способствовала его славѣ. О немъ начинали всюду говорить, какъ о необыкновенно талантливомъ молодомъ человѣкѣ. Говорили о сочиненіи, которое онъ пишетъ; называли даже его заглавіе и нѣкоторые изъ заинтересованныхъ Ганюжемъ, думая, что книга уже вышла, спрашивали у мѣстныхъ книгопродавцевъ „la Raréfaction vibratile du moi".

Съ своей стороны, Ганюжъ употреблялъ всѣ старанія, чтобы скомпрометировать молодую женщину.

Онъ говорилъ о ней со слезами въ голосѣ, но тономъ глубоко почтительнымъ, своимъ друзьямъ Томасу и Барбара́, которые, казалось, думали всю жизнь провести у гостепріимнаго архитектора, и прочимъ пріятелямъ своимъ, которыхъ встрѣчалъ въ кафе, какъ изучавшимъ медицину, такъ и стремившимся постигнуть право.

Съ нѣкоторыхъ поръ Ганюжъ выдумалъ такую штуку: каждый разъ, какъ онъ шелъ съ друзьями въ кафе-концертъ, такъ какъ путь ихъ лежалъ по сосѣдству съ той улицей, гдѣ жила Сусанна, онъ ихъ оставлялъ, объявляя, что пойдетъ пройтись мимо оконъ Сусанны и обмѣняться съ нею воздушными поцѣлуями. Онъ бы не прочь былъ поселить въ своихъ друзьяхъ убѣжденіе, что молодая женщина ему ни въ чемъ не отказываетъ, но тогда его возвышенная „страсть" превратилась бы въ самую банальную любовную связь. Обыкновенная интрижка „какъ у всѣхъ". Онъ превратится въ пошлаго любовника хорошенькой буржуазки. Любя какъ всѣ, онъ не сдѣлается знаменитостью. Онъ желалъ достигнуть одного, какою бы то ни было цѣною,—извѣстности, чтобы о немъ говорили, чтобы его имя было у всѣхъ на устахъ.

Что ему нерѣдко приходилось дѣйствительно платить дорогою цѣною за свое тщеславіе—можно видѣть изъ слѣдующаго. Порою онъ напускалъ на себя особую мрачность, съ остановив-

шимся взглядомъ, съ мучительно сведенными бровями, отчего лобъ его пересѣкался глубокою поперечною морщиною; онъ автоматически прохаживался взадъ и впередъ и походилъ въ эти минуты на человѣка, пораженнаго такою безконечною ужасною скорбью, что онъ ею какъ бы загипнотизированъ. Эта поза стоила ему дорого; требовалось большое напряженіе ума, чтобы сохранять ее, и такое напряженіе мускуловъ лица, что всякій разъ послѣ того, какъ онъ игралъ свою „заглавную" роль, у него дѣлался жесточайшій мигрень.

Итакъ, въ ожиданіи лучшаго, Ганюжъ изобрѣлъ исторію съ воздушными поцѣлуями. Оставивъ своихъ друзей, онъ нѣкоторое время прохаживался въ сосѣдней съ кафе улицѣ и затѣмъ медленно шелъ въ него, съ тѣмъ разсчетомъ, однако, чтобы его друзья успѣли раньше туда войти. Но вотъ, однажды вечеромъ, Томасъ, разставаясь съ другомъ, отправлявшимся по обычаю „подъ окна" прекрасной Сусанны, крикнулъ ему почти съ явной насмѣшкой:

— Скажи, скоро это у васъ, наконецъ, кончится? Я ужъ не спрашиваю, будетъ это сегодня или завтра, но, по крайней мѣрѣ, не скажешь ли, въ этомъ ли мѣсяцѣ, или въ слѣдующемъ?

Изъ этого восклицанія Ганюжъ понялъ, что становится смѣшнымъ въ глазахъ своихъ друзей и ихъ благоговѣніе передъ нимъ падаетъ, что необходимо вновь поднять свой кредитъ и выкинуть что-нибудь такое, что̀ сразило бы ихъ однимъ ударомъ.

Онъ отвѣчалъ съ сосредоточеннымъ видомъ, понизивъ голосъ:

— Она давно бы уже была моею, еслибы эта женщина походила на остальныхъ, а главное, еслибы я могъ примириться съ ужасною мыслью раздѣлить обладаніе ею съ другимъ. Нѣтъ! Сусанна будетъ принадлежать мнѣ одному! Мы убѣжимъ съ нею далеко, далеко, подъ голубыя, горячія небеса...

— Ты это хорошо придумалъ!—прервалъ Барбара̀, поднимая воротникъ пальто:—теперь какъ разъ самый подходящій моментъ для осуществленія твоего плана, такъ какъ становится дьявольски холодно!..

Когда же Ганюжъ удалился „получить вечерній поцѣлуй отъ г-жи Миръ", онъ, обратившись къ своему сотоварищу, сказалъ:

— Зачѣмъ ты заговорилъ объ этомъ съ Ганюжемъ? Ты его огорчилъ. Онъ такъ тонко чувствуетъ!

— Пустое!.. Надо было его немного подбодрить. Онъ совсѣмъ заснулъ. Меня очень интересуетъ развязка этой исторіи; но чтобы увидѣть ее, надо, чтобы дѣло не затягивалось такъ долго, потому-что, наконецъ, не можемъ же мы всю зиму провести здѣсь!

— Да, дѣйствительно, нельзя!—отвѣчалъ Барбара̀.

Въ голосѣ его почувствовалось сожалѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, что могло быть пріятнѣе, какъ жить, ничего не дѣлая, у гостепріимныхъ и любезныхъ хозяевъ, занимать свѣтлыя, прекрасно меблированныя, комфортабельныя комнаты; тонкій обѣдъ съ винами тоже доставлялъ не мало удовольствія; пріятно проводить время въ безконечной болтовнѣ, потягивая шартрёзъ.

Тунеядство въ большомъ почетѣ у этой школы, гдѣ взаимное восхваленіе возведено въ принципъ, гдѣ поэты обходятся безъ писанія стиховъ, а живописцы пользуются славою, не рисуя картинъ. Высшія, непонятыя натуры, принадлежащія къ ней, ищутъ своего вдохновенія на днѣ стакановъ, и генія—въ дыму папиросъ. Въ этомъ странномъ мірѣ недоучившихся докторовъ и юристовъ, редакторовъ уличныхъ шантажныхъ листковъ, разныхъ искателей приключеній и одержимыхъ маніею величія, а главнымъ образомъ неудачниковъ всѣхъ родовъ, лѣность называлась мечтательностью, а надувательство—займомъ. Эти господа умѣли необыкновенно ловко пользоваться довѣрчивостью лавочниковъ и поставщиковъ, обѣщая имъ уплатить съ лихвою, когда будетъ готова еще ненаписанная картина или „выйдетъ въ свѣтъ“ книга; не менѣе ловко эксплуатировали они друзей побогаче, занимая у нихъ деньги и такъ или иначе живя на ихъ счетъ.

— Гастонъ обожаетъ эту женщину,—продолжалъ Томасъ:—онъ отдаетъ ей всѣ богатства своего высокаго ума и великаго сердца. Только способна ли она въ достаточной мѣрѣ оцѣнить, понять его?

— Да,—сказалъ Барбара̀:—выпадаютъ дни, когда онъ такъ грустить, что я положительно боюсь за него.

И вздохнувъ, онъ прибавилъ:

— А между тѣмъ какого прекраснаго будущаго достоинъ нашъ милый, великій Гастонъ!

Между тѣмъ какъ они, такъ разсуждая, направлялись въ кафе, Ганюжъ прохаживался одиноко по пустынной улицѣ, обсуждая въ головѣ развязку романа, который онъ затѣялъ не на бумагѣ, а въ дѣйствительности и который долженъ былъ принести ему славу бо̀льшую даже, чѣмъ его: „la Raréfaction vibratile du moi“. Что ему предпринять?

Убѣдить Сусанну бѣжать съ нимъ? Но куда? И что̀ потомъ дѣлать? Возбудить ревность въ мужѣ? Драться съ нимъ? Но инженеръ былъ въ связи съ его сестрою Гортензіей; ему отлично извѣстно, что онъ, Ганюжъ, ухаживаетъ за его женой, и тѣмъ не менѣе онъ смотритъ на это сквозь пальцы. Вотъ ужъ сколько

времени тянется его ухаживанiе за Сусанной, а онъ—ничего... А главное, надо дѣйствовать осмотрительно и не доводить дѣла до слишкомъ большого скандала, который заставилъ бы его покинуть Нанси.

Уже поздно ночью присоединился Ганюжъ къ своимъ друзьямъ, принявъ опредѣленное рѣшенiе относительно дальнѣйшаго образа дѣйствiй.

Въ началѣ декабря г-жа Лемо въ первый разъ могла выйти на улицу. Въ первое же воскресенье супруги Миръ пригласили къ себѣ знакомыхъ на вечеръ. Когда Сусанна подошла къ чайному столу, собираясь заняться его приготовленiемъ, къ ней подошелъ Ганюжъ. Съ начала вечера, казалось, онъ былъ какъ въ лихорадкѣ; взволнованный, съ удрученнымъ видомъ толкался онъ между гостей. Нарочно выбравъ такую минуту, когда всѣ окружали хозяйку, онъ приблизился къ ней съ таинственнымъ и сумасшедшимъ видомъ и, неожиданно вложивъ ей въ руку записку, быстро удалился.

Сусанна была поражена и нѣсколько мгновенiй оставалась неподвижной, не смѣя шевельнуть рукой, въ которой лежала записка, чувствуя, что всѣ на нее смотрятъ. Наконецъ, она овладѣла собою, спрятала ее и, взявъ чашку, понесла ее г-жѣ Лемо, лежавшей въ отлогомъ креслѣ передъ каминомъ. Проходя черезъ гостиную, она услышала, какъ маленькая Люси сказала отцу:

— Папа, ты видѣлъ? Ганюжъ положилъ записку въ руку мамы!..

И такъ какъ инженеръ сдѣлалъ видъ, будто не слышитъ, ребенокъ принялся теребить его за рукавъ; наконецъ, онъ нетерпѣливо замѣтилъ:

— Дѣти не должны высматривать, чтò дѣлаютъ большiе.

Затѣмъ онъ прошелъ вслѣдъ за своей женой къ Лемо.

— Что ты объ этомъ скажешь?—обернулась маркиза къ Жаку, пораженная тѣмъ, чтò произошло у чайнаго стола.

Онъ замѣтно поблѣднѣлъ и слѣдилъ за Сусанной, которая, желая скрыть смущенiе, оживленно толковала о чемъ-то съ Лемо. На вопросъ маркизы онъ пожалъ плечами.

— Какъ?—нетерпѣливо заговорила маркиза:—ты можешь къ этому относиться безучастно? Нѣтъ, это не можетъ такъ продолжаться! Необходимо попытаться.

— Всѣ попытки ни къ чему не приведутъ!

— Но—вскричала маркиза—развѣ Поль не видитъ? Не мо-

жетъ же онъ не понять, что это бросаетъ тѣнь на жену, что она себя компрометируетъ?.. Я сама ему скажу; пусть узнаетъ...

— Онъ и такъ знаетъ!—раздался вдругъ возлѣ нихъ голосъ толстяка Дюкло.

— Знаетъ?—повторила пораженная маркиза:—помилуйте, что́ вы говорите!

— Я говорю,—повторилъ пивоваръ,—что г-ну Миръ отлично извѣстно все, онъ все знаетъ, но молчитъ и закрываетъ глаза на это, такъ какъ боится за свое спокойствіе и никогда,—слышите, никогда не станетъ онъ ссориться съ моимъ шуриномъ...

— Но, почему, почему?

— Потому что онъ въ связи съ его сестрой...

— Въ связи съ вашей женой!?—пробормотала потерянно г-жа де-Гюре.

— Э, нѣтъ!—сказалъ толстякъ:—не съ моей женой... Жена моя женщина несносная, но она честная женщина.

— Какъ!—еще болѣе изумилась маркиза:—такъ это Гортензія Лемо!..

Мысль, что такой красивый, рослый, веселый мужчина, каковъ былъ инженеръ, плѣнится г-жею Лемо, никогда не могла придти ей въ голову. Съ удивленіемъ сравнивала она съ нимъ эту худенькую, маленькую дурнушку:—чѣмъ только увлекаются мужчины!

— Ну, а ты зналъ объ этомъ?—повернулась она къ племяннику.

— Я не знаю, извѣстно ли это имъ,—сказалъ пивоваръ, указывая на Жака;—что касается вашего мужа, то я давно уже сообщилъ ему объ этомъ, чтобы меня не заподозрили въ укрывательствѣ этихъ грязныхъ дѣлъ.

Г-жа де-Гюре обвела гостиную негодующимъ взглядомъ и прошептала:

— Хороша компанія, нечего сказать! Жена съ братомъ, мужъ съ сестрой... Вотъ такъ салатъ!

И сдѣлавъ знакъ мужу, что она хочетъ уѣхать, заявила:

— Только они меня и видѣли! Пусть меня повѣсятъ, если нога моя будетъ еще хоть разъ здѣсь. Bonsoir, monsieur Дюкло! вы—честный и хорошій человѣкъ, знайте, это—твердое мое о васъ мнѣніе!..

XIII.

Прошла недѣля. Г-жа де-Гюре ни разу за этотъ срокъ не была у Сусанны, такъ что та начала безпокоиться, не видя ее.

Она подумала, что, вѣроятно, маркиза не можетъ простить ей исторіи съ запиской, такъ неловко переданной ей Ганюжемъ, но не осмѣливалась сама пойти къ ней за объясненіями. Съ другой стороны, содержаніе записки взволновало ее необыкновенно. Молодой человѣкъ писалъ, что принялъ рѣшеніе покончить съ собою, если она будетъ по прежнему мучить его, и несмотря на то, что она ни на волосъ не повѣрила ему, тѣмъ не менѣе тревожилась. Ей все не удавалось увидѣться съ нимъ съ глазу на глазъ. Какъ-то всегда такъ приходилось, что при встрѣчахъ съ нимъ присутствовала г-жа Лемо или мужъ.

Стояло чудное утро, какія бываютъ только въ началѣ зимы: ясное, морозное; казалось, холодные лучи безстрастнаго солнца гасли прежде, чѣмъ коснуться земли. Уже третій день какъ поверхность канала покрылась настолько прочной ледяной корой, что могла сдержать человѣка. На этомъ каналѣ, возлѣ одного изъ мостовъ, катался на конькахъ весь элегантный Нанси.

Проснувшись, Сусанна подумала, видя, какая стоитъ чудная погода:

„Безъ сомнѣнія, крестная тоже катается. Пойду и я на каналъ... Такимъ образомъ я увижусь съ нею... И такъ какъ тамъ будутъ всѣ, она не станетъ ворчать на меня при народѣ“...

Она знала, что маркиза предпочитаетъ кататься на каналѣ, чѣмъ въ паркѣ своего за́мка, на озерѣ.

„Да, мнѣ полезно будетъ покататься. Это меня разсѣетъ,— сказала себѣ молодая женщина;—никогда я еще не чувствовала себя болѣе грустно настроенной... А между тѣмъ такое великолѣпное утро!“

Она одѣлась и сошла внизъ къ завтраку какъ разъ въ одно время съ мужемъ.

— А, ты уже готова! — вскричалъ инженеръ, увидѣвъ ее: —вотъ и прекрасно.

— А что, ты думаешь со мной куда-нибудь отправиться?— спросила Сусанна.

— Нѣтъ... я-то не думаю, но Ганюжъ...

— Monsieur Ганюжъ!—повторила она, удивленная.

— Да... Я только-что видѣлъ его. Онъ долженъ быть здѣсь

въ половинѣ второго. Онъ хочетъ просить тебя отправиться съ нимъ на виллу.

— Отправиться на виллу?—какъ эхо повторила Сусанна.

— Ну да, на виллу. Г-жа Лемо забыла захватить съ собою банки съ вареньемъ, консервы и еще что-то... Бездѣлушки какія-то... Ну, такъ вотъ она и проситъ тебя отправиться съ Ганюжемъ и все это забрать и привезти.

Сусанна, казалось, содрогнулась.

— Ѣхать на виллу... такъ далеко, въ такой холодъ?

И съ возрсстающимъ волненіемъ продолжала:

— А ты не находишь это... немного страннымъ?

— Что-жъ тутъ такого?

— Что я отправлюсь одна съ Ганюжемъ въ каретѣ?

— Другъ мой, еслибы ты отправилась съ турецкимъ султаномъ, который, конечно, не отличается строгостью нравовъ, то и тогда я былъ бы спокоенъ! Я знаю твой темпераментъ. Я не встрѣчалъ еще въ жизнь мою женщины болѣе разсудительной, чѣмъ ты!

И такъ какъ Сусанна насмѣшливо смотрѣла на него, онъ прибавилъ, не желая показаться въ ея глазахъ простакомъ:

— Ты не воображай однако, будто я ничего не вижу! Ганюжъ за тобою ухаживаетъ. Ты ему нравишься, онъ тебѣ напѣваетъ всякія нѣжности... кажется, даже посылаетъ тебѣ записочки... если только глаза мнѣ не измѣняютъ?

И такъ какъ она покраснѣла, онъ продолжалъ, въ свою очередь, насмѣшливо поглядывая на нее:

— Но какъ бы то ни было, Ганюжъ, если ему это нравится, можетъ совать тебѣ въ руку хоть цѣлые пакеты нѣжныхъ записокъ—я за тебя не боюсь и смотрю на это сквозь пальцы! Сантиментальные охи и вздохи, разочарованные стишки о лунѣ и могильной тишинѣ, клятвы: „ахъ, никогда! ахъ, навсегда!“—во всемъ этомъ нѣтъ ничего серьезнаго и я закрываю на это глаза!

Г-жа Миръ молча кусала свои свѣжія губки. Звякнулъ звонокъ.

— Вотъ онъ!—вскричалъ инженеръ, подходя къ окну.

— Уже!—прошептала Сусанна.

Г-нъ Миръ посмотрѣлъ на часы.

— Двадцать минутъ второго! Однако какъ мы запоздали сегодня съ завтракомъ!

Ганюжъ вошелъ развязно, улыбаясь.

— Вашъ супругъ уже сообщилъ вамъ, сударыня,—обратился онъ къ Сусаннѣ,—какія хлопоты мы собираемся на васъ навязать?

Она отвѣчала, обрадованная тѣмъ, что видитъ его въ такомъ хорошемъ настроеніи:

— Но это не составитъ для меня ни малѣйшаго затрудненія! Для меня будетъ удовольствіемъ совершить эту прогулку въ такое чудное утро!

— Намъ нужно отправиться какъ можно скорѣе. Придется отобрать порядочно вещей,—на это уйдетъ не мало времени!

— А вы знаете, что̀ именно надо захватить?

Онъ вынулъ изъ кармана бумагу.

— Вотъ списокъ!—сказалъ онъ, протягивая ей листъ.

— Что-жъ это?—спросила она съ удивленіемъ, посмотрѣвъ въ запись:—я не узнаю почерка Гортензіи! Это не она писала?

— Нѣтъ, это я... я писалъ подъ ея диктовку,—отвѣчалъ Ганюжъ немного неувѣренно:—она чувствовала себя такой слабой сегодня поутру!

Г-нъ Миръ, испугавшись, не отложитъ ли она и на этотъ разъ свиданія въ улицѣ Станислава,—что̀ должно было возобновиться съ этого дня,—живо спросилъ:

— Надѣюсь, что ничего серьезнаго?..

Ганюжъ поспѣшилъ успокоить инженера:

— О, ничего особеннаго! Она совершенно поправилась. Докторъ сказалъ, что ей теперь вполнѣ можно возвратиться къ обычному образу жизни...

И такъ какъ онъ сообщилъ, что Сусанна можетъ удивиться, почему же въ такомъ случаѣ она посылаетъ въ деревню ее, когда бы могла сама туда отправиться, то прибавилъ:

— Докторъ запретилъ ей только эту поѣздку въ Бельфонтенъ. Это слишкомъ бы ее утомило.

Молодая женщина надѣла плюшевую ротонду и плюшевый же маленькій, легкій и изящный токъ на голову, украшенный крыломъ дикаго голубя, и они вышли. Инженеръ самъ помогъ усадить ее въ фіакръ.

— Ну, смотрите, не замерзните! не возвращайтесь слишкомъ поздно!—крикнулъ онъ на прощанье.—Трогай, кучеръ!

Экипажъ покатился, и нѣсколько мгновеній инженеръ провожалъ его взглядомъ, весело насвистывая какую-то арію.

Затѣмъ онъ направился черезъ желѣзно-дорожный мостъ, желая пройти въ улицу Станислава кратчайшимъ путемъ.

Прислушиваясь къ дребезжащему стуку экипажа, Сусанна предалась грустнымъ мыслямъ. Уже не въ первый разъ она ѣхала въ этой колымагѣ. Ей была знакома внутренность ея, обитая ситцевой матеріей съ большими розовыми бутонами,—теперь, бла-

годаря морозу, покрытой бѣлымъ инеемъ. Съ этимъ экипажемъ связывалось у нея воспоминаніе о приключеніи съ Жакомъ де-Гюре. Теперь уже отношенія ея съ нимъ, другомъ дѣтства, на вѣки испорчены. Въ его глазахъ она читала теперь безнадежную скорбь. Онъ всячески избѣгаетъ оставаться съ нею наединѣ. И естественно, мысль ея обратилась къ тому, кто произвелъ такой переворотъ въ ея жизни. Она смотрѣла на Ганюжа, на его покраснѣвшій отъ холода носъ, и онъ показался ей такимъ пошлымъ и дурно одѣтымъ, въ желтомъ мѣховомъ воротникѣ à la Robespierre, значительно вытершемся, съ небольшими лысинами тамъ и сямъ.

Впервые съ тѣхъ поръ какъ она любила его, онъ ей вновь показался такимъ же смѣшнымъ, какъ и въ первый разъ, когда его представили ей. Но впечатлѣніе это быстро разсѣялось.

Ганюжъ взялъ ея руку и съ почтительной нѣжностью поцѣловалъ ее на глазахъ у прохожихъ и къ глубокому изумленію пассажировъ трамвая, путь котораго въ эту минуту пересѣкалъ фіакръ. Удивленное лицо юнаго Монтрё, стоявшаго на платформѣ съ коньками въ рукахъ, напомнилъ Сусаннѣ, что она не наединѣ со своимъ возлюбленнымъ. Она вырвала руку, ожидая, что онъ этому воспротивится; но молодой человѣкъ покорно извинился, почтительно отодвинулся въ уголъ кареты и, прижавшись въ немъ, болѣе не шевелился.

Г-жа Миръ не ошиблась, предположивъ, что маркиза катается на каналѣ. Она явилась сюда въ сопровожденіи мужа и племянника. Народа было много, и все представители высшаго общества Нанси, и въ особенности много дамъ и хорошенькихъ барышенъ. Нанси славится красотою и изяществомъ своихъ женщинъ.

Иветта де-Шампрё совершенно завладѣла Жакомъ. Маркиза, любуясь его стройной фигурой, на мгновеніе подумала, какъ бы хорошо было, еслибы этотъ ловкій, веселый малый выбралъ себѣ жену изъ этихъ розовыхъ, хорошенькихъ дѣвушекъ. Но, посмотрѣвъ на блѣдную герцогиню де-Реаль, печальный взоръ которой безучастно скользилъ по толпѣ катающихся, вспомнивъ также все, что̀ она узнала насчетъ супруговъ Миръ, она покачала головой и въ ней поднялось всегдашнее ея злобное чувство противъ брака. Нѣтъ, пусть лучше Жакъ остается холостякомъ!

Замѣтивъ скучающій взглядъ Іоланды, Жакъ отдѣлился отъ катавшихся и подбѣжалъ къ ней.

Съ тѣхъ поръ какъ Жакъ самъ былъ несчастенъ, онъ научился сочувствовать и чужому горю. По крайней мѣрѣ бѣдная маленькая герцогиня внушала ему безконечную жалость—столько

грусти было въ ея большихъ глазахъ, уже начинавшихъ терять первый блескъ юности. Ему доставляло большую радость вызвать на блѣдныхъ губкахъ ея улыбку, заставить ее забыть хотя на мгновеніе ея горе.

— Не желаете ли, я васъ покатаю въ креслѣ?—весело крикнулъ онъ, протягивая ей руку, чтобы помочь ей сойти на ледъ. Но она отказалась, ссылаясь на то, что боится разбиться, и Жакъ видѣлъ, что глаза ея ищутъ въ толпѣ мужа.

Она все еще любила его.

— Г-жа де-Гюре довезетъ меня до Сенъ-Николá! Мы воротимся въ каретѣ. Папа находитъ, что такъ будетъ лучше... Ѣдете вы съ нами, m-r Жакъ?—закричала, подкатываясь къ нему, Иветта.

— Къ вашимъ услугамъ, Bébé!—отвѣчалъ онъ, смѣясь.

Онъ былъ, въ глубинѣ души, тронутъ той цѣломудренной и спокойной отвагой, съ какимъ этотъ ребенокъ при всякомъ удобномъ случаѣ обнаруживалъ передъ нимъ симпатію своего сердечка, въ надеждѣ, что рано или поздно, а онъ пойметъ, что оно стòитъ того, чтобы его похитить. Иветта знала, какъ отнесся Жакъ къ предложенію ея родителей, сдѣланному черезъ маркизу. Она знала, что онъ отвѣчалъ, что не хочетъ жениться. Ей это тогда доставило много горя. Она объяснила этотъ отказъ тѣмъ, что Жакъ любитъ другую. Однако потомъ, часто видаясь съ нимъ, она убѣдилась, что онъ свободенъ и нѣтъ серьезнаго препятствія. Надежды ея вновь воскресли.

Въ сердцѣ этой дѣвушки распускалось первое, чистое чувство. Она была слишкомъ невинна, чтобы бояться скомпрометировать себя.

Чтò можетъ быть тутъ дурного, когда она твердо рѣшила не выходить ни за кого замужъ, если не выйдетъ за Гюре?

Жакъ понималъ ее и нѣжно любилъ, но лишь какъ милую маленькую сестричку. Онъ всегда радъ былъ доставить ей удовольствіе, сохраняя тѣмъ не менѣе должную осторожность. Маркиза между тѣмъ сидѣла на откосѣ канала, возясь со своими коньками, которые надо было привязать, и раздумывая о разныхъ вещахъ. Итакъ, Жакъ любимъ и любимъ страстно! Его любятъ два существа... Она, принужденная скрывать глубокое чувство, въ которомъ материнская любовь непонятнымъ образомъ сливалась съ любовью женщины, и эта хорошенькая, молоденькая дѣвочка, юное, граціозное существо съ ямочками на нѣжныхъ какъ розовый лепестокъ щекахъ, существо, которое все, казалось, состоитъ изъ перваго великодушнаго восторга юности, изъ улыбокъ и беззавѣтнаго веселья. И эта дѣвочка была такъ влюблена, что

ея чувство помимо воли ея вырывалось наружу и было ясно для всѣхъ.

И глядя на Иветту, маркиза не могла сомнѣваться въ ея искренности. Она была невинна, беззаботна какъ птичка,—и какая милая и хорошенькая птичка!

И тетя Шарлотта думала о томъ, что между тѣмъ какъ онѣ обѣ—одна почти уже старушка, другая только-что начинающій жить ребенокъ—ни о комъ не думали, кромѣ Жака и только для него и жили,—онъ... онъ не любилъ никого, кромѣ Сусанны.

Она, наконецъ, справилась съ коньками и поднялась, намѣреваясь догнать Иветту, когда услышала съ моста, что кто-то называетъ ее по имени.

Какой-то господинъ, высунувшись изъ кареты, дѣлалъ ей знаки. Она посмотрѣла въ лорнетъ и сейчасъ же узнала прекрасную сѣрую лошадь, принадлежавшую Дюкло.

„Что нужно отъ меня этому толстяку?“ подумала она.

Между тѣмъ пивоваръ уже вылѣзъ изъ экипажа и, поддерживаемый слугою, со всей возможной для него быстротой, спускался, переваливаясь съ боку на бокъ какъ утка, по спуску, шедшему отъ моста. Г-жа де-Гюре сошла со льда на берегъ и сдѣлала нѣсколько шаговъ на встрѣчу толстяку, съ трудомъ ступая коньками. Разстроенное лицо пивовара поразило ее.

— Чтò съ вами? чтò случилось?—вскричала она.

— Со мной ничего рѣшительно... а съ г-жею Миръ... тутъ мой шуринъ... я боюсь скандала или прямо несчастія...

Толстякъ совсѣмъ задохся и остановился, чтобы отдышаться.

— Боже мой! — произнесла маркиза, чувствуя, что ноги ея слабѣютъ и сердце перестаетъ биться:—чтò такое? разскажите скорѣй!

— Вотъ въ чемъ дѣло. Все это утро мой шуринъ со своими милыми друзьями шлялся по городу, ища, гдѣ бы занять десять тысячъ франковъ. Какъ вы, конечно, можете угадать, такого дурака не нашлось, который бы далъ этимъ уродамъ такую сумму. Гастонъ былъ, говорятъ, въ страшно возбужденномъ состояніи и все повторялъ: „Мнѣ непремѣнно нужно достать десять тысячъ, чтобы уѣхать съ нею!“ Когда онъ убѣдился, что денегъ ему никто не дастъ, онъ зашелъ въ аптеку и спрашивалъ тамъ, какого количества синильной кислоты будетъ достаточно, чтобы отравить двоихъ человѣкъ...

— Какъ двоихъ?..—вскричала г-жа Миръ въ страшномъ волненіи.

— Да... такъ и спросилъ: двоихъ человѣкъ... Аптекарь ему

отвѣчалъ, что давать совѣты въ подобнаго рода дѣлахъ не его дѣло, и попросилъ оставить его въ покоѣ... Тогда онъ отправился къ оружейнику и купилъ револьверъ.

— Ну, а потомъ?

— Потомъ онъ нанялъ фіакръ и отправился къ г-жѣ Миръ, которую и пригласилъ съѣздить съ нимъ на виллу Бельфонтенъ, подъ тѣмъ предлогомъ, будто его сестра проситъ ее взять на себя коммиссію... вещи какія-то тамъ отобрать и привезти въ Нанси...

— Но какъ вы объ этомъ узнали?

— Я былъ у нихъ! И мужа, и жены, обоихъ нѣтъ дома, но горничная и дѣти разсказали мнѣ все, что̀ я вамъ передаю... Сусанна Миръ съ Гастономъ отправились въ наемномъ экипажѣ на виллу Бельфонтенъ!..

— Нужно сейчасъ же ѣхать туда! Гдѣ мой мужъ? Онъ сейчасъ здѣсь былъ!

— Я не вижу его.

— Такъ сыщите его и отправляйтесь съ нимъ на виллу!

— А вы?—спросилъ пивоваръ, видя, что маркиза сошла на ледъ.

Она понеслась какъ стрѣла вдоль канала, крикнувъ ему:

— Я буду тамъ прежде васъ!

— Куда это устремилась г-жа де-Гюре?—сказала удивленная Иветта:—или она уже отложила намѣреніе отправиться въ Сенъ-Николá?

— А ну-ка, догонимъ ее!—отвѣчалъ Жакъ. Они взялись за руки, собираясь догнать маркизу, но Дюкло ихъ остановилъ:

— Оставьте, не догоняйте ее! Она отправилась по дѣлу.

— По дѣлу!—вскричалъ Жакъ. И посмотрѣвъ вслѣдъ исчезавшей вдали маркизѣ, онъ, смѣясь, прибавилъ:

— Положительно выдаются дни, когда тетя Шарлотта шалитъ какъ маленькая!

XIV.

До подгородной деревушки Шампиньеля Ганюжъ оставался недвижнымъ въ своемъ углу. Голова его вздрагивала и покачивалась при каждомъ толчкѣ экипажа. Молчаніе его, неподвижность начинали удивлять Сусанну. Она нѣсколько разъ взглядывала на него, чтобы убѣдиться, не спитъ ли онъ.

Когда они проѣзжали деревню, онъ вышелъ изъ своего оцѣпенѣнія и, опустивъ стекло, посмотрѣлъ вдоль улицы: она была

пустынна и никого не было видно на ней,—только около гостиницы стоялъ чей-то экипажъ. Проѣзжая мимо этого экипажа, молодой человѣкъ заслонился занавѣской, а Сусанна, тоже наклонившаяся къ окну, чтобы посмотрѣть на деревню, быстро отодвинулась въ глубь кареты.

Угадавъ ея движеніе, Ганюжъ открылъ голову и повернулся къ ней. На губахъ его играла улыбка, которую, казалось, онъ забылъ стереть, и которая предназначалась кому-то, кого онъ замѣтилъ на улицѣ.

— Кто это сидѣлъ въ этомъ фіакрѣ?—спросила Сусанна съ тревогой.

— Въ какомъ фіакрѣ?..

— А тотъ, что̀ стоялъ тамъ, около гостиницы?.. Мнѣ показалось, что то были Томасъ и Барбара̀...

Онъ съ убѣжденіемъ отвѣчалъ:

— Вамъ такъ показалось! Что̀ могутъ они дѣлать въ деревнѣ, да еще въ такой холодъ?

— Положимъ, такъ, но все же ихъ трудно смѣшать съ кѣмъ-либо другимъ.

Она говорила правду. Хотя друзья Ганюжа и не одѣвались такъ странно, какъ онъ, но все же представляли изъ себя довольно удивительныя фигуры, такъ что ихъ легко было издали признать.

Карета свернула на дорогу, огибавшую шампиньельскій паркъ, и скоро они очутились въ настоящей деревнѣ, среди полей и луговъ. Сусанна думала, что въ этомъ уединеніи ея спутникъ станетъ смѣлѣе. Къ ея изумленію, онъ продолжалъ сидѣть въ своемъ углу и, казалось, принялъ твердое рѣшеніе болѣе не тревожить ее. Ей подумалось, что онъ держитъ себя ужъ слишкомъ почтительно; его молчаніе наскучило ей и даже немножко укололо ея самолюбіе. Улыбаясь, она сказала ему:

— Какъ вы разсудительны сегодня, я васъ не узнаю!

Онъ отвѣчалъ, глядя ей прямо въ лицо:

— Вы какъ-то сказали мнѣ, что мои чувства васъ пугаютъ. Вы взяли съ меня обѣщаніе болѣе не докучать вамъ своею любовью; я держу слово!

Сусаннѣ стало немного досадно. Въ глубинѣ души она находила, что онъ держитъ свое слово съ излишнею пунктуальностью. Ея кокетство не могло примириться съ холодностью молодого человѣка. Она любила долгіе, горячіе поцѣлуи, такъ пріятно щекотавшіе ея пальцы, оставлявшіе ее спокойной и въ то же время свидѣтельствовавшіе о покорности и пылкости чувствъ поклонника.

Конечно, еслибъ онъ вздумалъ поцѣловать ее въ губы, ей это было бы непріятно, слишкомъ бы ее взволновало, разстроило бы нервы; ей непріятно было бы ощущать на щекахъ его горячее дыханіе, это было бы слишкомъ грубо...

Она уже привыкла къ его обожанію, къ тѣмъ пламеннымъ, но почтительнымъ признаніямъ, къ тому поклоненію, которое въ часы ихъ уединенныхъ бесѣдъ такъ льстило ея самолюбію. Казалось, онъ обращался съ нею не какъ съ женщиною, которую любилъ, которою жаждалъ овладѣть, а какъ съ идоломъ—онъ поклонялся ей съ боязливымъ благоговѣніемъ.

Послѣ того, какъ онъ во время скачекъ позволилъ себѣ слишкомъ вольное обращеніе съ нею, онъ сталъ ухаживать за нею съ необыкновеннымъ вниманіемъ; Сусанна привыкла къ этому, и теперь его безучастность была ей тяжела.

На этотъ разъ она уже сама взяла его руку и, притянувъ къ себѣ, сказала:

— Вы отлично сами знаете, чтò я имѣла въ виду, когда просила васъ не пугать меня. Я хотѣла также попросить васъ объяснить мнѣ, зачѣмъ вы тогда сдѣлали это вечеромъ?..

— А!.. ну, что же?

— Ну, эта записка, которую вы мнѣ передали на глазахъ у всѣхъ?..

— Никто не замѣтилъ!

— Ну, а если замѣтили? Мой мужъ, напримѣръ...

Ганюжъ сдѣлалъ жестъ, какъ бы говорившій: „мнѣ все равно“.

— Да и не одинъ мужъ замѣтилъ,—продолжала Сусанна:—замѣтилъ и Дюкло, и моя крестная... и Жакъ! Къ чему эта неосторожность? Какъ будто вы не видите меня каждый день съ глазу на глазъ!

— Я обезумѣлъ, потерялъ голову... Тутъ вы всему причиной... Благодаря вамъ, я потерялъ покой, забросилъ работу...

Онъ громко вздохнулъ и жестомъ, полнымъ безнадежности, закрылъ лицо руками и такъ остался недвижный, съ опущенной головой.

— Зачѣмъ вы это говорите?—прошептала молодая женщина, прижимаясь къ нему:—зачѣмъ? О, если бы вы знали, какъ мучительно мнѣ слышать это отъ васъ!

Но онъ съ прежнимъ равнодушіемъ сидѣлъ какъ статуя, какъ будто не замѣчая приникшаго къ нему, стройнаго, волнующагося стана хорошенькой женщины. Это начинало приводить ее въ нервное настроеніе.

— Зачѣмъ также, — продолжала она, — вы въ запискѣ написали всѣ эти злыя вещи?.. Вы такъ меня огорчили этимъ... Я такъ безпокоилась!

Онъ отнялъ отъ лица руки. Злая улыбка кривила его губы:

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, я васъ обезпокоилъ! — сказалъ онъ съ ироніей. — Но если я написалъ вамъ всѣ эти „злыя вещи", какъ вы называете, то лишь потому, что намѣренъ такъ и поступить, какъ написалъ. Я хотѣлъ въ послѣдній разъ воззвать... не скажу къ вашему сердцу — я знаю, что его у васъ нѣтъ — но къ чувству гуманности, воззвать въ послѣдній разъ...

— Но это невозможно! — вскричала она: — неужели вы серьезно намѣрены убить себя?

— А какъ бы вы думали? Впрочемъ, увидите...

Г-жа Миръ вновь забилась въ свой уголъ; у нея стало тяжело на сердцѣ; она пожалѣла, что поѣхала съ нимъ; ей стало страшно.

Карета поднималась въ это время на гору, ведшую къ виллѣ.

— Ну, вотъ мы и пріѣхали! — сказалъ Ганюжъ.

Она отвѣчала машинально, не сознавая, чтò говоритъ:

— Ахъ, тѣмъ лучше!

Фіакръ остановился у подъѣзда. Они поднялись по ступенямъ и молодой человѣкъ не безъ труда отперъ входную дверь. Ключъ плохо дѣйствовалъ въ заржавленномъ замкѣ. Сусанна замедлила на секунду прежде чѣмъ войти и, посмотрѣвъ на бѣлую опушку лѣса, сказала:

— Какъ красивъ этотъ нѣжный уборъ на деревьяхъ, а все-таки, несмотря на солнце, есть что-то печальное въ этомъ пейзажѣ! — Войдя въ домъ, она вскричала:

— Ахъ, какъ здѣсь мрачно и холодно!

Ганюжъ шелъ за нею. Неожиданно онъ вернулся, вышелъ вновь на крыльцо и крикнулъ кучеру:

— Эй, послушайте! Вамъ здѣсь долго придется ждать! Вы можете укрыться въ каретномъ сараѣ!

— Не безпокойтесь, сударь! — отвѣчалъ кучеръ, возясь около экипажа: — лошадямъ стоять на солнцѣ не холодно, а я, съ позволенія вашего, заберусь въ карету!

— Ну, какъ знаете! — и сказавъ это, молодой человѣкъ вошелъ въ домъ и заперъ за собой наружную дверь, два раза повернувъ ключъ. Сусанна ждала его въ сумрачномъ вестибюлѣ. Она не замѣтила, что онъ заперъ на ключъ дверь. Она разсѣянно думала, безъ связи и послѣдовательности, о старомъ, смѣшномъ фіакрѣ, въ которомъ они пріѣхали, о своихъ дѣвочкахъ,

о крестной, о „la Raréfaction vibratile du moi“, о двухъ декадентахъ—пріятеляхъ Ганюжа, которыхъ, какъ все казалось ей, она замѣтила у гостинницы въ Шампиньелѣ. Мысли ея слѣдовали по странной ассоціаціи, такъ что она не могла дать себѣ отчета, почему одно представленіе смѣнялось другимъ. Она чувствовала, что голова ея кружится и ноги подкашиваются.

Войдя въ полутемный вестибюль, Ганюжъ окликнулъ ее.

— Гдѣ вы?

— Здѣсь,—отвѣчала она, отрываясь отъ своихъ безпорядочныхъ мыслей;—но я не нахожу лѣстницы! Здѣсь такой мракъ,—не видишь, что̀ подъ ногами... Сквозь эти ставни такъ мало проходитъ свѣта!

— Постойте, я зажгу спичку.

Они поднялись по лѣстницѣ. Ганюжъ шелъ впереди. Пройдя нѣсколько покоевъ, онъ отперъ двери комнаты, въ которой стояла большая кровать. Это была спальня г-жи Лемо. На окнахъ не было ставень, но онѣ плотно закрывались ситцевыми драпировками, сквозь которыя въ комнату проникалъ слабый свѣтъ. Предметы можно было различать настолько ясно, чтобы не натыкаться на мебель, двигаясь по комнатѣ. Молодой человѣкъ зажегъ свѣчи, стоявшія на каминѣ.

— Почему же вы не поднимете занавѣсы? — спросила Сусанна.

— Когда они опущены, не такъ холодно,—отвѣчалъ тотъ.

Она подошла къ большому шкафу и, открывъ его, сказала:

— Здѣсь лежатъ мѣховыя вещи. Не начать ли намъ съ этого?

Ганюжъ не отвѣчалъ. Обернувшись, она увидѣла, что онъ стоитъ на колѣняхъ передъ каминомъ и укладываетъ въ немъ полѣнья.

— Что это!—вскричала она:—вы, кажется, думаете затопить каминъ? Но вѣдь мы въ этой комнатѣ пробудемъ всего нѣсколько минутъ!

Онъ поднялся и подошелъ къ ней. Онъ былъ блѣденъ и голосъ его странно перемѣнился.

— Нѣсколько минутъ?—переспросилъ онъ:—вы, быть можетъ; но я надолго здѣсь останусь... потому что я рѣшилъ здѣсь покончить съ собою...

— Вы убьете себя?—пробормотала она.

Онъ отвѣчалъ, вынимая изъ кармана револьверъ и кладя его на каминъ:

— Да, я убью себя на вашихъ глазахъ... если вы не захотите быть моею!

Она рванулась къ нему и просящимъ, ласковымъ голосомъ сказала:

— Зачѣмъ вы меня пугаете, грозите мнѣ? Развѣ вы не знаете, какъ я васъ люблю?—Онъ оттолкнулъ ее.

— Я также, сударыня, люблю васъ,—сказалъ онъ,—и потому-то и намѣренъ покончить съ собою!

Но она вновь прижалась къ нему, стараясь обнять руками его шею. Онъ не отстранилъ ее на этотъ разъ,—напротивъ, привлекъ къ себѣ и прошепталъ, устремивъ на нее пламенный взглядъ:

— Но если ты хочешь, если хочешь...

Она повернулась, стараясь избѣжать его взгляда, который, она чувствовала, сообщалъ и ей его экзальтацію.

Онъ повторялъ, изо всѣхъ силъ сжимая ее въ своихъ объятіяхъ:

— Но если ты будешь моею, Сусанна, моя обожаемая Сусанна, я буду жить!—Она подняла на него глаза и онъ показался ей совсѣмъ особеннымъ, не похожимъ на всегдашняго Ганюжа. Огонь бросалъ розовый отблескъ на его желтыя щеки и обыкновенно тусклый взглядъ его металъ пламень.

Она подумала, какъ онъ страдаетъ, какъ она мучитъ его, и въ умѣ ея вдругъ пронеслись слова, какъ-то сказанныя маркизою: „Если женщина поощряетъ любовь мужчины, если она обнадеживаетъ его своимъ кокетствомъ и поселяетъ въ немъ увѣренность во взаимности, то подло и преступно съ ея стороны не идти до конца, не заплатить смѣло то, что̀ она ему обѣщала“...

Почему же и ей не заплатить? Мужъ не любитъ ее болѣе! Онъ пренебрегъ своимъ долгомъ—съ какой же стати будетъ она ему вѣрна? Почему, наконецъ, не сдѣлать счастливымъ любимое существо, не доставить ему блаженство, когда оно въ ея рукахъ?

Но тутъ снова ужасъ охватилъ ее. Она любила и уважала своего декадента главнымъ образомъ за то, что онъ относился съ такимъ презрѣніемъ къ чувственной любви. Ей нравилось слушать отъ него похвалы ея красотѣ, читать съ нимъ вмѣстѣ книги, въ которыхъ она ни слова не понимала, но которыя потому-то и интересовали ее,—вѣрнѣе, интересоваться которыми ей казалось признакомъ высшей натуры и льстило ея самолюбію.

Ей льстило сознаніе, что такой необыкновенный человѣкъ, по одному знаку котораго, какъ она думала, всѣ женщины будутъ

у его ногъ, обожаетъ ее, поклоняется ей какъ идолу. Ну и пусть бы все оставалось по старому! Зачѣмъ онъ еще чего-то требуетъ отъ нея!

Онъ опустился къ ея ногамъ, безумно обнимая ея колѣни.

Онъ молилъ ее взглядомъ, и такъ какъ она оставалась безучастной къ его мольбамъ, молчаливая и сумрачная, то онъ подумалъ, что она колеблется нарушить свой долгъ, что ее останавливаетъ мысль объ обязанностяхъ по отношенію къ мужу и дѣтямъ, боязнь общественнаго мнѣнія, страхъ, что̀ скажутъ друзья.

— Помните вы, Сусанна,—спросилъ онъ,—„Amants de Montmorency“ нашего великаго Виньи? Еще мы такъ часто съ вами вмѣстѣ читали это великое произведеніе!

Она показала знакомъ, что помнитъ.

— Слушайте,—продолжалъ декадентъ, слушайте:—мы умремъ какъ они, герои этой высокой трагедіи! Хотите? Пусть первый жгучій поцѣлуй сольется съ нашимъ послѣднимъ вздохомъ!

Всю послѣднюю недѣлю молодой человѣкъ примѣнялся, съ револьверомъ своего зятя, какъ бы такъ выстрѣлить въ себя, въ такое мѣсто, чтобы рана была неопасна.

Старанія его увѣнчались успѣхомъ. Онъ былъ убѣжденъ, что съумѣетъ такъ ловко намѣтить, что пуля едва задѣнетъ его. Но ему до сихъ поръ не приходило въ голову, что вѣдь Сусанна не участвовала въ его предварительныхъ репетиціяхъ „самоубійства вдвоемъ“ и можетъ ранить себя тяжело и даже смертельно; а въ такомъ случаѣ дѣло станетъ слишкомъ серьезнымъ.

Впрочемъ онъ самъ возьмется застрѣлить ее и можетъ слегка ранить ее въ руку... въ палецъ... такъ чтобы лишь оцарапать ее!..

Онъ повторилъ:

— Умремъ... Смерть такъ прекрасна, моя Сусанна!

Она съ ужасомъ отвѣчала:

— А мои дѣти?

— Жаль, что мы не привезли ихъ сюда съ собою!—отвѣчалъ Ганюжъ:—они могли бы умереть вмѣстѣ съ нами!

Эта звѣрская мысль—убить своихъ дѣтей—показалась ей отвратительной. Она отвѣчала глухимъ, сдавленнымъ отъ волненія голосомъ:

— Что вы это говорите? Какой ужасъ! Я не хочу, я совсѣмъ не хочу умирать! Все это хорошо только въ книгахъ!

Въ послѣднихъ словахъ вылилась ея душа буржуазки. Бѣдная играла до сихъ поръ, не подозрѣвая, до чего можетъ доиграться.

Ганюжъ, преклонявшійся передъ сантиментально-пессимистическими произведеніями, услышавъ, какъ Сусанна относится къ

нимъ, сейчасъ же почувствовалъ къ ней недоброжелательство. Онъ презрительно посмотрѣлъ на нее съ злобной улыбкой. Но она была такъ мила! Она стояла посреди комнаты, окутанная мѣхомъ, такая свѣжая и хорошенькая, что въ то время, какъ онъ развѣнчалъ ея душу и причислилъ ее къ разряду „обыкновенныхъ“, не понимающихъ блаженства жить „по книгѣ“, въ первый разъ онъ оцѣнилъ ея красоту и жажда обладать ею охватила его съ безконечною силою.

Онъ раздумывалъ секунду, съ сжатыми губами, глядя сурово, и, наконецъ, холодно сказалъ:

— Если такъ... если такъ, то все кончено!..

Онъ взялъ револьверъ съ камина. Онъ перемѣнилъ рѣшеніе. Онъ убьетъ *ее*, если она не хочетъ ему повиноваться... Онъ хочетъ ею обладать—и она, живая или мертвая, будетъ его!

Но молодая женщина съ мольбой вытянула передъ собою руку и сказала упавшимъ, беззвучнымъ голосомъ:

— Вы хорошо знаете, что, угрожая убить себя, вы силой заставляете меня повиноваться вамъ! Ну и дѣлайте со мною чтò хотите...

Онъ какъ бы въ порывѣ восторга простеръ къ ней объятія, но радость его была поддѣльная. Онъ уже давно мечталъ о такомъ двойномъ самоубійствѣ, мысль эта улыбалась ему; это должно было сдѣлать его извѣстнымъ... А устроить такъ, чтобы и онъ, и она отдѣлались легкими ранами, всегда было можно. Онъ не испытывалъ ни малѣйшей жалости къ этой бѣдной, глупенькой женщинѣ, ждавшей, замирая отъ страха, что онъ сдѣлаетъ съ нею, какъ она выразилась: „все, чтò ему угодно“...

Онъ держалъ ее въ своихъ объятіяхъ; она какъ-то вся опустилась, словно ноги подкашивались у нея, и съ скромною граціей прижалась къ нему. Онъ сказалъ ей, цѣлуя ея волосы: „Merci“. Потомъ, отстранивъ ее, онъ сталъ быстро скидывать съ себя пальто, потомъ снялъ сюртукъ, развязалъ галстухъ. Видя, что она съ изумленіемъ смотритъ на него, не трогаясь, онъ обернулся къ ней:

— А вы что же не слѣдуете моему примѣру?

Она послушно сняла свою плюшевую ротонду и токъ; затѣмъ сѣла на стулъ и осталась недвижная, ожидая, чтò будетъ дальше.

— Только-то?—спросилъ онъ со смѣхомъ.

Ее покоробило отъ его тона. Она смотрѣла на молодого человѣка, который, полураздѣтый, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

Она находила его почти красивымъ, когда онъ за нѣсколько минутъ до этого говорилъ ей о любви, о своихъ страданіяхъ.

Теперь она находила его ужаснымъ и—что хуже всего—въ высшей степени „ridicule“, въ этомъ растерзанномъ видѣ, съ разстегнутой ботинкой и въ рубашкѣ, поднимавшейся коробомъ на его спинѣ.

Проходя мимо нея, онъ сдѣлалъ движеніе, чтобы ее обнять, и, несмотря на тоску и безконечное отвращеніе къ этому грязному уроду, неудержимо поднимавшееся въ ней, она, видя его такъ близко отъ себя, залилась вдругъ безумнымъ, истерическимъ смѣхомъ.

Его вертлявая фигура вызывала въ ея воображеніи странные, смѣшные образы. Въ ея маленькой головкѣ возникали самыя неожиданныя сравненія. Она находила, что онъ необыкновенно былъ похожъ въ эту минуту на стараго, общипаннаго страуса, котораго она еще въ дѣтствѣ видѣла въ Jardin des Plantes. Мальчишки перебили камнемъ птицѣ ногу и она обмотана была травой, волочившейся за птицей, когда она ходила. Ганюжъ со своей разстегнутой ботинкой необыкновенно похожъ былъ на прохаживавшагося въ клѣткѣ стараго страуса.

И Сусанна съ такою живостью припомнила эту птицу, которая двадцать лѣтъ какъ не приходила ей на умъ, какъ будто бы она видѣла ее наканунѣ.

А онъ все продолжалъ вертѣться передъ нею; она смотрѣла на его развинченную фигуру, на его носъ... Этотъ, покраснѣвшій отъ холода, безчисленныхъ „bocks“ и стаканчиковъ шартрёза, налитый кровью, съ жилками носъ напоминалъ ей цвѣтокъ бегоніи.

Эти безобразныя представленія мучили г-жу Миръ; она закрыла глаза, желая представить себѣ молодого человѣка такимъ, какимъ она его привыкла видѣть. И въ то же мгновеніе она громко и отчаянно вскрикнула, почувствовавъ его грубое прикосновеніе.

Лицо Ганюжа налилось кровью, губы дрожали. Онъ силился охватить ее руками, привлекая къ себѣ. Ей было страшно глядѣть на его искаженное лицо. Она отбивалась отъ душившихъ ее объятій. Но онъ все ближе наклонялся къ ней, его лицо почти касалось ея и, стараясь обнять ее, онъ повторялъ:

— Я тебя обожаю! Я тебя люблю!

Его горячее дыханіе касалось ея волосъ. Она слышала отъ него смѣшанный запахъ табаку и пива и онъ былъ безконечно противенъ ей въ эту минуту. Отвращеніе все сильнѣе поднималось въ ней, она вырывалась и бормотала умоляющимъ голосомъ:

— Подождите! не теперь, послѣ... Я боюсь!

— Боишься?—спросилъ онъ:—чего же ты боишься?

Это „ты“ вывело изъ себя г-жу Миръ. Она стала рваться, отталкивая изо всѣхъ силъ этого человѣка, наводившаго на нее теперь ужасъ, и крича хриплымъ голосомъ:

— Я не хочу! я не хочу!

Онъ попятился, ошеломленный.

— А! такъ вы такъ!—проговорилъ онъ сквозь зубы:—это ужъ слишкомъ!

И онъ подошелъ къ камину. Взявъ на немъ револьверъ, онъ направился къ молодой женщинѣ, помутившимся взоромъ слѣдившей за каждымъ его движеніемъ.

Онъ чувствовалъ себя совершенно спокойнымъ. Это даже удивляло его.

Теперь онъ собирался совершить это убійство единственно лишь ради прославленія своего имени, чтобы изумить тѣхъ, передъ которыми такъ долго позировалъ; отчасти также и для того, чтобы испытать сильное, неизвѣданное еще ощущеніе. Но абсолютное спокойствіе, съ которымъ онъ приступалъ къ совершенію убійства, заставляло его опасаться, что оно не произведетъ на него того впечатлѣнія, котораго онъ искалъ. Его „я“ не дрогнуло на этотъ разъ. Онъ продолжалъ медленно подходить къ Сусаннѣ. Когда онъ подошелъ къ ней вплотную и устремилъ на нее свой взглядъ, въ немъ было столько неумолимой свирѣпости, что она вдругъ поняла его намѣреніе. Нѣтъ, онъ не себя хотѣлъ убить! Это былъ взглядъ *убійцы*. Она поднялась, инстинктивно желая спастись бѣгствомъ, но онъ уже стоялъ надъ нею и она вновь опустилась на стулъ, обезумѣвшая отъ ужаса, съ остановившимся взглядомъ, сознавая, что бѣжать нельзя, даже не имѣя силы отклониться отъ направленнаго на нее револьвера, чувствуя холодное прикосновеніе его дула ко лбу.

Раздался выстрѣлъ. Она закрыла глаза, удивляясь, что не чувствуетъ боли. Развѣ когда умираютъ,—не мучаются? На мгновеніе передъ нею заколебались громадныя пурпурныя розы; вращаясь на воздухѣ, онѣ разсыпались, чтобы вновь образовать букетъ и вновь разсыпаться... И она подумала, что эти розы похожи на тѣ, которыя на ситцевой обивкѣ фіакра... и гдѣ-то далеко, далеко, въ переплетающихся вѣтвяхъ маленькаго лѣска „Подъ Буками“, она замѣтила Жака де-Гюре, склонившагося передъ ней и говорившаго съ своей прекрасной, печальной улыбкой:

— Я васъ такъ люблю, Сусанна! Я такъ давно люблю васъ!

Она открыла глаза. Ганюжъ склонился надъ нею, желая убѣдиться, жива ли она. Онъ быстро выпрямился. Она услышала

выстрѣлъ и почувствовала рѣзкую, мучительную боль. Въ ея сознанiи пронеслось: на этотъ разъ все кончено, — это пришла смерть. Она умираетъ безобразно, безсмысленно, далеко отъ дѣтей, отъ Бога... Она приподнялась, испустила страшный, дикiй крикъ, вопль раненаго животнаго, рванулась-было впередъ, но сейчасъ же покачнулась, рухнула на полъ и осталась недвижной.

Ганюжъ посторонился, чтобы тѣло Сусанны не задѣло его. Онъ былъ страшно блѣденъ, лобъ его покрылся пòтомъ, горло пересохло.

Видя, что она лежитъ безъ признаковъ жизни, нѣмая, несомнѣнно убитая на этотъ разъ, онъ подумалъ, что надо скорѣе кончать дѣло. Мѣшкать было некогда. Если онъ не хочетъ, чтобы его сочли за обыкновеннаго убiйцу, онъ долженъ немедленно ранить и себя. Тутъ же подумалось ему, что друзья его—Томасъ и Барбарà здѣсь! Впрочемъ едва-ли они могли слышать выстрѣлы. Но кучеръ?

Кучеръ могъ слышать.

Молодой человѣкъ открылъ окно и, притаившись за занавѣской, сталъ смотрѣть въ него.

Кучеръ сидѣлъ въ фiакрѣ. Головы его не было видно, но по положенiю его согнутыхъ колѣнъ, по тому, какъ онъ развалился, осѣвъ всѣмъ тѣломъ, Ганюжъ заключилъ, что онъ спитъ. Все обстояло благополучно. Надо было довершить начатое.

Прежде всего онъ рѣшилъ раздѣть Сусанну.

Изъ двухъ ранъ—одной около уха, а другой на лбу—вылилось лишь нѣсколько капель крови, обагрившей високъ.

На полу ни капли крови.

Тѣло уже начало коченѣть и онъ съ большимъ трудомъ могъ снять съ нея корсажъ и корсетъ. Нѣсколько разъ онъ останавливался, чувствуя, что лобъ его смоченъ пòтомъ, и готовый оставить ее такъ. Когда, наконецъ, ему удалось снять съ нея платье, онъ дотащилъ тѣло до кровати и съ трудомъ поднялъ и положилъ его на нее. Набросивъ на трупъ пуховое одѣяло съ вышитымъ шолкомъ вензелемъ г-жи Лемо, онъ отколодъ отъ ротонды покойницы букетикъ фiалокъ, развязалъ его и разбросалъ цвѣты на подушкѣ вокругъ блѣдной, хорошенькой головки, глубоко утонувшей въ ней.

Платье Сусанны онъ положилъ возлѣ кровати на стулъ.

Когда все это было кончено, онъ, отыскавъ на письменномъ столѣ своей сестры карандашъ и клочокъ бумаги, написалъ на немъ двѣ строки:

„Мы умираемъ потому, что любимъ другъ друга!“... и положилъ эту записку на виду. Все было готово.

Онъ подошелъ къ зеркалу и, запустивъ два пальца лѣвой руки въ ротъ, оттянулъ щеку, такъ чтобы видѣть десну.

Затѣмъ, все придерживая щеку, онъ заложилъ за нее дуло револьвера, который держалъ въ правой рукѣ и спустилъ курокъ.

Онъ зарычалъ отъ боли. Рука его дрогнула и онъ нанесъ себѣ довольно серьезную рану и разбилъ выстрѣломъ одинъ зубъ.

Цѣлую недѣлю онъ приноравливался, какъ бы получше направить револьверъ, но въ послѣднюю минуту на него напалъ такой страхъ, что онъ не могъ удержать дрожаніе руки, и испортилъ все дѣло.

Вынимая револьверъ изо рта, онъ уже совершенно невольно нажалъ опять гашетку.

Ему оцарапало подбородокъ и опалило бороду. Онъ пришелъ въ ужасъ при видѣ крови, ручьемъ лившейся изъ щеки, и возвратился къ кровати. Тутъ вспомнилось ему, что вѣдь наружная дверь закрыта, и ему придется порядочно прождать, пока ее сломаютъ и войдутъ, да и скоро ли догадаются! А ему такъ больно! Какая ошибка!

Но тутъ онъ услышалъ громкіе удары у подъѣзда и въ то же время голосъ стучавшаго. Онъ узналъ по голосу Дюкло.

„Какъ колотитъ-то, животное!“ подумалъ онъ.

Удары становились сильнѣе. Послышался трескъ сломаннаго замка. Стукнула о стѣну распахнувшаяся дверь и раздались шаги на лѣстницѣ. Ганюжъ поспѣшилъ потушить свѣчи и присѣлъ, скорчившись, у постели.

Первымъ вошелъ въ комнату толстякъ Дюкло.

— Чортъ побери!—пробасилъ онъ:—темно хоть глазъ выколи!

Боясь, что зять наступитъ на него въ темнотѣ, Ганюжъ издалъ слабый стонъ. Вошедшій вслѣдъ за пивоваромъ Томасъ вскричалъ:

— Онъ здѣсь! Онъ умираетъ!

Кучеръ чиркнулъ спичкой и поднялъ ее надъ головой.

Пивоваръ вскрикнулъ, увидѣвъ на постели недвижную, вытянувшуюся фигуру г-жи Миръ.

Маркизъ тоже подошелъ къ кровати.

„Бѣдная Шарлотта!“ подумалъ онъ, представивъ себѣ горе своей жены, когда она увидитъ крестницу мертвой.

Г-жа де-Гюре на конькахъ пробѣжала по каналу до Шампиньеля. Тамъ она, бросивъ коньки, побѣжала по дорогѣ и черезъ полъ-часа была уже на виллѣ. Разбудивъ кучера, она услыхала отъ него слѣдующее:

— Вотъ уже съ часъ какъ г-жа Миръ съ молодымъ чело-

вѣкомъ, котораго онъ не знаетъ, а должно быть, родственникъ г-жи Лемо, „архитекторши“, вошли въ этотъ домъ... Маркиза хотѣла войти, но нашла дверь запертою и отправилась разыскивать лѣсника, жившаго въ полуверстѣ отъ виллы.

Когда она возвратилась съ нимъ, у подъѣзда стояли уже кареты пивовара и ея самой, привезшая маркиза.

Она поспѣшно вошла въ домъ и бѣгомъ поднялась по лѣстницѣ. Первое, что̀ ей бросилось въ глаза, это Сусанна, лежавшая на кровати.

— Ахъ!—вырвалось у нея:—мы пришли слишкомъ поздно!

Она остановилась около кровати; безумная тоска тѣснила ей дыханіе, но она не двигалась и не плакала.

Наконецъ, спросила:

— А онъ?.. Гдѣ онъ?..

Дюкло указалъ на Ганюжа, лежавшаго на диванѣ.

— А!—вскричала маркиза въ негодованіи:—такъ онъ живъ! Я въ этомъ и не сомнѣвалась.

— Онъ сдѣлалъ два выстрѣла себѣ въ ротъ,—сказалъ маркизъ, желая поставить на видъ смягчающія вину обстоятельства,—и оба раза промахнулся...

— А по ней онъ не промахнулся, небось!—отвѣчала маркиза.

— Какъ? — пробормоталъ маркизъ, — такъ вы думаете, что это онъ ее...

— Я въ этомъ убѣжденъ!—сказалъ пивоваръ. Ганюжъ приподнялся:

— Да, это я убилъ ее... Она меня просила! Мы любили другъ друга и рѣшили умереть!

— Э, полноте!—рѣзко оборвала маркиза:—никогда Сусанна васъ не любила и никогда не принадлежала вамъ, никогда!

И указавъ на тѣло г-жи Миръ, она продолжала:

— Мыслимо ли, что такая кокетка, какою была эта женщина, пожелала умереть? Надо быть безумнымъ, чтобы повѣрить этому!

Ганюжъ застоналъ.

— Бѣдный, милый геній!—прошепталъ Барбара̀.

— Мы вдвое болѣе теперь любимъ и уважаемъ тебя!—сказалъ Томасъ, съ нѣжностью обнимая молодого человѣка.

Г-жа де-Гюре съ отвращеніемъ посмотрѣла на нихъ.

— Нельзя ли,—сказала она,—перевести Ганюжа въ другую комнату?

— Ну, поворачивайтесь!—сказалъ пивоваръ, подымая своего шурина. Онъ взялъ его подъ одну руку, маркизъ подъ другую и вывели изъ спальни.

XV.

Слѣдствіе по „дѣлу Ганюжа“ производилось быстро. Молодого декадента, вечеромъ того дня, когда было совершено убійство, препроводили въ тюрьму Нанси. Находясь въ этой тюрьмѣ, онъ принималъ своихъ друзей и родственниковъ и, какъ говорили, писалъ свои мемуары, долженствовавшіе произвести сенсацію.

Гг. Томасъ и Барбара́, оставшіеся жить у Лемо, благодаря возникшему процессу, въ которомъ они участвовали въ качествѣ свидѣтелей, толковали, что это удивительное произведеніе фантазіи ихъ друга выйдетъ въ свѣтъ раньше la Raréfaction vibratile du moi“.

Гюре отложили возвращеніе въ Парижъ. Жакъ становился сумрачнѣе съ каждымъ днемъ. Онъ принялъ извѣстіе о смерти Сусанны съ необыкновеннымъ спокойствіемъ. Онъ говорилъ, что, быть можетъ, и къ лучшему, что все кончилось такъ, а не иначе.

Но съ тѣхъ поръ, какъ слѣдствіе выяснило обстоятельства дѣла и друзья Ганюжа стали распространять все то, чтò онъ разсказывалъ имъ,—лгалъ ли онъ, или говорилъ правду, все равно,—исторія отношеній Сусанны къ декаденту создана была со всѣми деталями и имя той, которую Жакъ такъ любилъ, трепалось всюду, смѣшивалось съ грязью, въ душѣ его поднялось чувство безконечной печали, близкой къ отчаянію. Маркиза съ горестью видѣла въ немъ эту перемѣну. Прежде она удивлялась философскому отношенію племянника къ совершившемуся факту, теперь его тоска убивала ее.

Однажды, когда онъ вмѣстѣ съ маркизомъ возвратился съ прогулки верхомъ, она замѣтила, что онъ находится въ особенно подавленномъ и болѣе мрачномъ, чѣмъ обыкновенно, настроеніи. Она спросила мужа:

— Что это онъ сегодня такой? не узнали ли вы чего-либо новаго?

— Да. Мы встрѣтили Фруаръ Бернара, одного изъ жандармовъ, сопровождавшихъ Ганюжа, когда его везли изъ Бельфонтена въ тюрьму. Намъ было по пути; мы проѣхали съ нимъ значительную часть дороги и, естественно, разспрашивали о дѣлѣ...

— Ну и что же онъ вамъ сообщилъ?

— А вотъ что. Представь только себѣ, что этотъ презрѣнный трусъ, слегка лишь раненый, когда у него еще оставались пули въ револьверѣ и двадцать патроновъ въ карманѣ, не на-

шедшій въ себѣ достаточно храбрости, чтобы покончить съ собою, осмѣлился...

— Покончить съ собой? Неужели же можно вѣрить баснямъ, которыя онъ разсказываетъ! Неужели же ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что онъ намѣренъ былъ убить себя?

— Но, однако...

— Подлыя фразы! Ложь! Реклама! Декадентское кривлянье и наглые выверты! Онъ лжетъ, чтобы провести васъ, а самъ всегда пощадитъ свою драгоцѣнную особу... Я вѣдь знаю, я слышала, какъ Дюкло тогда, на виллѣ еще, совѣтовалъ ему покончить съ собою! Да, какъ же, убьетъ онъ себя, ждите!..

— Однако Бернаръ намъ разсказывалъ, что въ каретѣ онъ умолялъ его и жандармскаго офицера убить его. „Мы клялись умереть вмѣстѣ,—повторялъ онъ,—а вотъ я живъ! Убейте меня, заклинаю васъ, убейте меня!“

— Скажите, какой герой! такъ онъ просилъ жандармовъ убить его? Онъ бы еще попросилъ слѣдователя дать ему яда!

— Это еще не все,—продолжалъ маркизъ:—Ганюжъ сообщилъ имъ такія детали насчетъ... насчетъ отношеній своихъ къ Сусаннѣ... Относительно рода этихъ отношеній... Выяснились очень щекотливыя обстоятельства...

— Никогда Сусанна не...

— Я самъ былъ въ этомъ убѣжденъ! Но, наконецъ, другъ мой, вскрытіе покажетъ... И есть вѣроятность...

— Но это ужасно, ужасно!

— Жакъ хорошо понялъ, что Ганюжъ съумѣлъ произвести на жандармовъ благопріятное для него впечатлѣніе. Свою защиту онъ уже приготовилъ и въ этомъ отношеніи дѣйствуетъ весьма искусно. Этотъ Бернаръ не дуракъ, смѣю тебя увѣрить, а между тѣмъ Ганюжъ, благодаря своей наглости, имѣющей видъ невинности, благодаря своимъ фразамъ, съумѣлъ-таки завоевать его расположеніе, вообще поколебать въ немъ увѣренность въ его виновности. Жакъ теперь только и думаетъ, что о предстоящемъ разбирательствѣ на судѣ, и совершенно подавленъ мыслью о томъ, какъ станутъ позорить передъ цѣлымъ свѣтомъ ту, которую онъ обожалъ. Онъ въ ужасномъ состояніи. Вся эта исторія такъ потрясла его, что я за него боюсь. А между тѣмъ какъ здѣсь помочь и что предпринять...

— Да, это правда!—повторила маркиза:—мы ничѣмъ здѣсь помочь не можемъ!

Со смерти Сусанны, Гюре рѣдко видѣлись съ инженеромъ. Маркиза не желала разрыва съ нимъ, такъ какъ любила его

дѣтей, но все же она не считала нужнымъ таить своихъ чувствъ и не преминула съ обычной своей прямотой высказать ему все, чтѐ было у нея на сердцѣ:

— Онъ тутъ всему причина! Она знаетъ о его связи съ г-жею Лемо! Она знаетъ, что когда Сусанну убивалъ этотъ негодяй, мужъ ея со своею возлюбленной благодушествовалъ въ улицѣ Станислава! Какъ назвать такого мужа?

Инженеръ, устрашенный нотаціей маркизы, и въ глубинѣ души чувствуя, что она права и упреки ея имѣютъ основаніе, сталъ избѣгать долгихъ посѣщеній зáмка и только проѣздомъ, на минуту заглядывалъ „Подъ Буки", чтобы оставить тамъ своихъ дѣвочекъ или увезти ихъ домой.

Маркиза всюду говорила, что никогда Сусанна не была любовницей Ганюжа. Благодаря ей, начались толки и стали поговаривать, что юный декадентъ убилъ г-жу Миръ, такъ какъ она не хотѣла отдаться ему. Распространеніе такого рода слуха испугало гг. Томаса и Барбарѐ, вѣрныхъ друзей Ганюжа. Если хорошенько вглядѣться въ дѣло, взвѣсить всѣ обстоятельства его, то можно было добраться до истины,—но чтѐ тогда станетъ съ поэтической повѣстью любви, съ такимъ стараніемъ, съ такимъ искусствомъ измышленной,—чтѐ станетъ съ трогательнымъ романомъ, кончившимся такъ трагически? Если все это отбросить, то явится простое, пошлое, вульгарное убійство, и судьи такъ и будутъ судить Гастона, какъ обыкновеннаго преступника. А ужъ это грозило и славѣ, и даже свободѣ юнаго декадента. Еще, пожалуй, все развяжется совсѣмъ просто и въ высшей степени непріятно для ихъ „милаго генія"! Вѣдь они не знали въ точности, чтѐ именно произошло на виллѣ. Утромъ того дня, когда совершилось „самоубійство г-жи Миръ", какъ они называли, Ганюжъ предупредилъ ихъ, что: „больше они не будутъ надъ нимъ смѣяться. Сусанна, наконецъ сдалась. Сегодня въ три часа, на виллѣ Бельфонтенъ... Они, если хотятъ, могутъ сами убѣдиться!"

Спрятавшись въ саду, они все слышали. Одно смущало ихъ: не менѣе получаса прошло между первыми двумя выстрѣлами и вторыми... Это не совпадало съ разсказомъ ихъ друга и было, конечно, странно—но къ чему забираться такъ далеко, подозрѣвать, подкапываться! Они поклялись защитить Ганюжа отъ клеветы, взводимой на него маркизой. На свиданіи они сообщили ему объ этомъ. Сомнѣніе въ благосклонности къ нему Сусанны нанесло чувствительный ударъ самолюбію декадента. А главное, если этотъ слухъ укрѣпится, то все зданіе его, съ такимъ тру-

домъ воздвигнутаго, романа можетъ рухнуть. Онъ немедленно принялъ рѣшеніе:

— Мнѣ необходимо повидаться съ г-жею де-Гюре, —сказалъ онъ друзьямъ:—я съумѣю переубѣдить ее; я докажу ей, что ея крестница была моей любовницей. И я увѣренъ, разъ она узнаетъ это, она перестанетъ распространять ложные слухи. Возьметесь вы передать ей мою просьбу, что я желаю видѣть ее?

Но они отказались взять на себя это порученіе. Маркиза отличалась характеромъ рѣшительнымъ; она можетъ встрѣтить ихъ такъ сурово...

Ганюжъ рѣшилъ тогда написать Дюкло. Съ нимъ онъ не видался со дня убійства. Онъ просилъ пивовара передать его письмо маркизѣ. Къ величайшему изумленію толстяка Дюкло, маркиза просила передать молодому человѣку, что она исполнитъ его просьбу и будетъ у него.

Она освѣдомилась о часѣ, когда въ тюрьму пускаютъ посѣтителей, и въ одно прекрасное утро отправилась къ Ганюжу.

Она вышла рано, ни слова не сказавъ своему мужу и племяннику, куда идетъ. Уже не въ первый разъ ей случалось посѣщать тюрьму въ Нанси. Содержимые въ ней преступники и бродяги хорошо знали „добрую даму". Зналъ ее и директоръ тюрьмы, и ея персоналъ. Она безъ всякихъ затрудненій прошла въ келью, гдѣ заключенъ былъ Ганюжъ. Сторожъ оставилъ ее съ нимъ, а самъ сѣлъ въ корридорѣ около двери.

Ганюжъ встрѣтилъ ее съ необыкновенно важнымъ видомъ:

— Я долженъ, — сказалъ онъ, — постараться опровергнуть клевету, взводимую на меня; вы понимаете, что я не могу допустить этого. Я именно и хотѣлъ свидѣться съ вами, чтобы выяснить дѣло.

Она слушала его, изумляясь его безмѣрной наглости.

Онъ продолжалъ:

— Я отлично понимаю вашу досаду! Помните нашъ разговоръ въ лѣсу? Вы сказали, что постараетесь всячески помѣшать моему сближенію съ Сусанной! Вамъ непріятно, что предположенія ваши не осуществились, что вы обманулись въ своихъ ожиданіяхъ! Все это понятно и извинительно. Но все же я никакъ не могъ думать—видите, какъ я наивенъ!—никакъ не могъ думать, что вы способны сознательно извращать истину.

Потомъ онъ заговорилъ въ иномъ тонѣ, мечтательно и грустно:

— Мы такъ любили другъ друга! О, она совсѣмъ не страдала... Клянусь вамъ! Но я весь дрожалъ... Она тихо умерла въ моихъ объятіяхъ, улыбаясь, точно уснула...

Онъ упалъ на табуретку съ соломеннымъ плетенымъ сидѣньемъ и, спрятавъ голову въ рукахъ, притворился, что горько рыдаетъ.

Г-жа де-Гюре смотрѣла на него, раздраженная разыгранной имъ комедіей, а главнымъ образомъ, тѣмъ, что онъ считалъ ее такой дурой, способной повѣрить ему.

— О, вы знаете, я вѣдь не изъ любительницъ подобныхъ исторій,—заговорила она,—такъ что вы приберегите все это для тѣхъ, кто принадлежитъ къ вашей „школѣ". Если я согласилась видѣть васъ, то лишь потому, что имѣла глупость думать, что вы хотите поступить согласно клятвѣ, которую, какъ сами вы говорите, дали Сусаннѣ.

Онъ отнялъ руки отъ лица и спросилъ:

— Какая клятва?..

— Вы клялись убить себя. Излишне говорить, насколько я вѣрю тому, будто вы давали какія бы то ни было клятвы, но другіе въ это вѣрятъ, и слѣдовательно, разъ вы, сами увѣрявшій въ этомъ всѣхъ, не желаете быть въ глазахъ другихъ нарушителемъ своего слова, то... Повторяю, я въ эту исторію не вѣрю, все это однѣ позы, реклама и ложь!

Ганюжъ поднялся. Онъ шипѣлъ отъ злости, что его разгадали и дѣло поставлено на такую почву.

— Скажите, вы пришли, чтобы глумиться надо мною, запертымъ въ этой тюрьмѣ?—вскричалъ онъ.

— Я пришла, чтобы передать вамъ оружіе и дать возможность исполнить клятву.

И, вынувъ изъ муфты револьверъ, она протянула его Ганюжу. Тотъ попятился:

— Я не могу убить себя! Я клялся друзьямъ... сестрамъ...

— Вы раньше дали клятву г-жѣ Миръ.

Маркиза пристально смотрѣла на него. Онъ ей казался отвратительнымъ. Онъ злился и въ лицѣ его было столько звѣрства! За этотъ мѣсяцъ, который онъ провелъ въ тюрьмѣ, почти безъ движенія, онъ растолстѣлъ. Онъ какъ-то распухъ и вся фигура его стала еще вульгарнѣе. Какъ и всегда, онъ былъ вычурно одѣтъ, въ бархатномъ пиджакѣ, съ букетикомъ фіалокъ въ петлицѣ. Ежедневно Томасъ и Барбара̀ приносили „милому генію" эти фіалки въ память Сусанны, которая—говорили они — передъ смертью просила, чтобы Гастонъ осыпалъ ее фіалками.

— Говорите, что̀ угодно,—повторилъ Ганюжъ,—а я не намѣренъ убивать себя.

Г-жа де-Гюре надвинулась на него. Онъ попятился къ стѣнѣ и злобно закричалъ:

— Оставите вы меня, наконецъ, въ покоѣ? Что же, вы не насильно же заставите меня стрѣляться, я думаю? Или сами меня убьете?

Она отвѣчала голосомъ, котораго сама не узнала:

— А почему бы и нѣтъ?

Она не чувствовала къ нему никакой жалости,—одно отвращеніе. Она видѣла, что онъ открылъ ротъ, хотѣлъ сказать что-то, и, поднявъ револьверъ, спустила курокъ.

Онъ рухнулъ на полъ безжизненной массой и накрылъ собою револьверъ, выпавшій изъ ея рукъ.

Въ камеру вбѣжалъ сторожъ и кинулся къ тѣлу Ганюжа. Перевернувъ его, онъ обернулся къ маркизѣ и сказалъ:

— Мертвъ! Вотъ ужъ никогда бы я не повѣрилъ, что у него хватитъ смѣлости покончить съ собою!..

Маркиза хотѣла возразить, но... одумалась. Зачѣмъ? Этотъ человѣкъ думаетъ, что Ганюжъ самъ убилъ себя,—и пусть остается въ этомъ заблужденіи.

Когда черезъ часъ прибылъ прокуроръ республики, въ глубинѣ души довольный, что скандальное дѣло получило такой оборотъ, онъ счелъ своимъ долгомъ обратиться со строгимъ выговоромъ къ г-жѣ де-Гюре:

— Понимаете вы, сударыня, серьезность того, что̀ вы сдѣлали? Вы доставили преступнику оружіе и дали ему возможность избѣгнуть кары правосудія! Понимаете ли вы, что это дѣло не шуточное?

Маркиза съ удивленіемъ посмотрѣла на него:

— Какъ, и вы думаете, что онъ... самъ убилъ себя?

Они нѣсколько мгновеній молча, съ любопытствомъ вглядывались въ лицо другъ другу.

Наконецъ, маркиза произнесла:

— Я на вашемъ мѣстѣ сильно бы въ этомъ усомнилась.

Они опять внимательно посмотрѣли въ глаза другъ другу; г-жа де-Гюре чувствовала, что положеніе становилось все труднѣе. Она медленно направилась къ двери. Съ порога она обернулась къ задумавшемуся прокурору:

— Послушайте, я теперь вернусь домой и буду ждать... И какъ вы рѣшите, такъ я и покажу...

Вечеромъ, когда „Подъ Буками“ всѣ сидѣли въ грустномъ молчаніи за обѣдомъ, явился жандармъ. Онъ заявилъ, что желаетъ сообщить нѣчто маркизу, а именно, что Ганюжъ покончилъ

самоубійствомъ, „каковое извѣстіе, надо полагать,—прибавилъ онъ, —доставитъ удовольствіе всѣмъ вашимъ господамъ“. Жандармъ слышалъ, что прокуроръ республики донесъ о случившемся суду: кто-то во время свиданія съ покойнымъ передалъ ему револьверъ.

Маркиза думала, что во всякомъ случаѣ ее привлекутъ къ отвѣтственности за то, что она передала револьверъ, разъ ужъ прокуроръ рѣшилъ принять такую версію событія. Она желала, чтобы хотя часть истины обнаружилась.

— А вѣдь это я,—сказала она,—принесла ему револьверъ... Онъ писалъ мнѣ, что хочетъ меня видѣть...

Письмо, переданное ей толстякомъ Дюкло, было цѣло. Она могла подтвердить имъ свои послѣднія слова.

Жакъ обнялъ ее.

— Добрая, милая тетя Шарлотта!—вскричалъ онъ почти весело:—что бы мнѣ такое сдѣлать, что доставило бы вамъ удовольствіе?

Она подумала и сказала съ улыбкой.

— Женись на Иветтѣ!

— Ну, объ этомъ мы еще потолкуемъ,—отвѣчалъ онъ и, вспомнивъ о Ганюжѣ, прибавилъ:

— Ахъ, этотъ декадентъ! Я никакъ не ожидалъ, что такъ хорошо кончится эта скандальная исторія... Теперь, по крайней мѣрѣ, не будетъ разбирательства, толковъ, пересудовъ...

— Да, мы теперь можемъ возстановить честное имя бѣдной Сусанны,—сказала маркиза.

И затѣмъ, первый вечеръ послѣ смерти г-жи Миръ, никто уже не говорилъ объ этомъ дѣлѣ. Казалось, прошлое отошло и затушевалось.

И на другой день, проснувшись спокойной и доброй, г-жа де-Гюре сказала сама себѣ:

— Быть можетъ, я нравственный уродъ, но никогда еще мнѣ лучше не спалось, какъ эту ночь...

А. Э.

НА ДАЛЕКОМЪ СѢВЕРѢ

Изъ поѣздки на Бѣлое море и на Океанъ.

I.

Кандалакша.

Берега Онежскаго залива—вѣроятно, одно изъ самыхъ скучныхъ мѣстъ на земной поверхности. Низменное, плоское побережье представляетъ изъ себя сплошное болото, поросшее сплошнымъ же жалкимъ лѣсомъ. Постепенно понижаясь, материкъ, наконецъ, скрывается подъ поверхностью моря, переходя въ обширную прибрежную отмель, такую же скучную и безжизненную, какъ берегъ, къ которому она прилегаетъ. Пароходы должны бросать якорь Богъ знаетъ какъ далеко въ морѣ; въ Сумскомъ посадѣ нужно верстъ семь проплыть въ карбасѣ до пароходной стоянки, и когда расходится непогода и по мелкому взморью забѣгаютъ бѣлые барашки, этотъ переѣздъ становится очень непріятенъ и небезопасенъ. Небольшая деревенька Сухонаволоцкое, къ сѣверу отъ Сумскаго посада, лежитъ на самомъ берегу моря; пароходы минуютъ ее, и кто желаетъ попасть въ эту деревню, долженъ ѣхать изъ Сумскаго посада въ карбасѣ. Но выйти въ Сухонаволоцкую бухту и карбасомъ можно только въ полную воду; въ отливъ, изъ нея уходитъ вся вода и она обсыхаетъ, точно мелкіе рукава въ Донскихъ гирлахъ или Міусскій лиманъ (около Ѳаганрога) при верховомъ вѣтрѣ; карбасъ останавливается въ доброй верстѣ отъ деревни и вамъ предоставляется на выборъ: или нѣсколько часовъ прождать въ лодкѣ, пока прибудетъ вода, или,

если угодно, пойти пѣшкомъ по отвратительному, доходящему до колѣнъ, вязкому илу.

Прибрежныя деревни соотвѣтствуютъ общему характеру мѣстности. Напримѣръ, то же самое Сухонаволоцкое. Представьте себѣ десятка два домовъ, построенныхъ непосредственно на болотѣ; съ горя они не дали даже себѣ труда выстроиться въ улицы, а стоятъ въ совершенномъ безпорядкѣ, какъ попало, въ узкомъ промежуткѣ между гнилою отмелью моря и стѣною лѣса, стоящаго также на болотѣ. Между домами проложены деревянные мостки; бревенчатая мостовая—нерѣдкая, а деревянный тротуаръ—непремѣнная принадлежность каждой поморской деревни; только они дѣлаютъ ее проходимой, и если нужно, то и проѣзжей. Но Сухонаволоцкое не принадлежитъ къ числу проѣзжихъ; зимою здѣсь ходитъ по санному пути почта изъ Сумскаго посада на Кемь; лѣтомъ почта ходитъ пароходомъ и карбасомъ, а Сухонаволоцкое окружено непролазною топью. По дорогѣ, по которой ѣздятъ зимой и гдѣ разставлены верстовые столбы, лѣтомъ можно пройти пѣшкомъ до перваго столба, не далѣе, и это—единственное мѣсто для лѣтнихъ прогулокъ въ праздничные дни; больше ни въ одну сторону изъ деревни нельзя выйти.

Для зоолога море этихъ унылыхъ береговъ также непривлекательно: къ чрезвычайно незначительной глубинѣ его присоединяется еще сильное опрѣсненіе, причиняемое многочисленными рѣчками, впадающими въ Онежскій заливъ. Въ Сумскомъ посадѣ, въ Сорокѣ, можно отплыть 6—7 верстъ отъ берега и все имѣть на поверхности прѣсную воду, при 2—3-саженной глубинѣ; драга приноситъ массу вязкаго ила, почти безжизненнаго.

Далѣе на сѣверъ, однако, пейзажъ рѣзко мѣняется: высокія горы Лапландіи, подступая къ берегу, придаютъ ему обрывистый, утесистый характеръ. Когда пароходъ идетъ по сѣверной части Кандалакской губы, оба ея берега видны съ палубы; заливъ въ этомъ мѣстѣ не широкъ—отъ 60 до 30 верстъ въ ширину; по обоимъ берегамъ тянутся горы, на которыхъ въ іюнѣ мѣсяцѣ во многихъ мѣстахъ лежитъ еще нестаявшій снѣгъ. Море здѣсь гораздо глубже; берегъ, защищенный массою шхеръ, образуетъ хорошія стоянки.

Въ сѣверномъ углу Кандалакской губы, на самомъ берегу моря, у подножья высокой горы Крестовой, расположена маленькая деревенька Кандалакша, древнее поселеніе, давшее свое имя всему заливу. Въ противоположность Сухонаволоцкому, это—одно изъ самыхъ живописныхъ мѣстъ на Бѣломъ морѣ.

Высокая Крестовая гора круто, мѣстами почти отвѣсно, па-

даетъ въ море; по склонамъ ея ростетъ рѣдкій лѣсъ, и съ моря кажется, будто въ нее понатыканы елочки. Но здѣсь, за полярнымъ кругомъ, вертикальная граница распространенія древесной растительности поднимается невысоко надъ уровнемъ моря, и лѣсъ далеко не поднимается до вершины горы,—вершина голая. У подножья горы море глубокое, и пароходъ бросаетъ якорь въ нѣсколькихъ десяткахъ саженей отъ берега; онъ могъ бы подойти и вплотную, еслибы здѣсь была устроена пристань. На самомъ берегу, прижавшись къ крутой горѣ, раскинулись немногочисленныя избушки маленькой деревеньки; церковь выдѣляется изъ нихъ своей ярко-красной крышей. Деревня расположена на сухомъ, песчаномъ холмѣ и не нуждается ни въ мостовой, ни въ деревянныхъ тротуарахъ. Мало того, и окрестности здѣсь сухія; изъ деревни можно выйти куда угодно и бродить въ окрестностяхъ версты на двѣ, на три кругомъ почти безпрепятственно; проклятое сѣверное болото низведено здѣсь до минимума.

Въ этомъ изящномъ уголкѣ я пробылъ десять дней, до слѣдующаго парохода; при посредствѣ мѣстныхъ властей, мнѣ былъ отведенъ пріютъ въ лучшемъ домѣ Кандалакши, у одного изъ мѣстныхъ богачей. Это былъ порядочной величины домикъ, выкрашенный въ нѣжно-голубую краску; комнату мнѣ дали большую и просторную, но не особенно опрятную и неуютную. Стѣны возбуждали подозрѣніе съ энтомологической точки зрѣнія; по начамъ за обоями беззаботно рѣзвились мыши. Словомъ, квартира была неважная; но когда я, нѣсколько времени спустя, увидѣлъ въ Архангельскѣ „дворецъ Петра Великаго“, т.-е. тотъ домъ, въ которомъ жилъ Петръ во время своего пребыванія въ Архангельскѣ, то оказалось, что онъ значительно уступалъ моему кандалакскому жилищу. Насколько все-таки измѣнились среднія условія жизни, измѣнилась степень культуры съ того времени! Вѣдь Архангельскъ и при Петрѣ былъ важный торговый городъ, болѣе значительный и населенный, конечно, чѣмъ современная Кандалакша съ ея нѣсколькими десятками домишекъ; несомнѣнно, что царь занималъ лучшее помѣщеніе, имѣвшееся въ городѣ; каковы же были остальные дома?

Моего хозяина не было дома, въ Кандалакшѣ: онъ ушелъ на шкунѣ въ Архангельскъ. Это былъ, повидимому, дѣлецъ, человѣкъ коммерческій, и что его торговыя операціи носили весьма разносторонній характеръ—я могъ убѣдиться уже по стѣнамъ моей комнаты, гдѣ были развѣшены готовыя женскія платья и головные платки всѣхъ цвѣтовъ спектра. Дома была хозяйка,

толстая, привѣтливая, весьма добродушная баба, съ дочерьми, изъ которыхъ старшей было лѣтъ 17.

Здѣсь на сѣверѣ почти единственное средство къ существованію и занятіе жителей составляетъ рыбный промыселъ; въ Кандалакской губѣ производится значительный ловъ сельдей; у каждаго села, гдѣ мы останавливались, къ пароходу подплывали карбасы, нагруженные небольшими боченками съ сельдями, которыя направлялись на продажу въ Архангельскъ,—но промыслы Бѣлаго моря играютъ совершенно незначительную роль въ сравненіи съ промыслами океана, гдѣ ловъ трески на Мурманскомъ берегу составляетъ главный фундаментъ народнаго благосостоянія нашего сѣвернаго побережья. Однако, производится тамъ этотъ ловъ преимущественно не мѣстнымъ населеніемъ; осѣдлаго, постояннаго населенія на Мурманскомъ берегу, кромѣ жителей гор. Колы, почти нѣтъ, несмотря на правительственныя усилія колонизировать этотъ край. Сюда приходитъ на лѣтніе промыслы поморское населеніе Бѣлаго моря, и врядъ ли другой отхожій промыселъ въ Россіи обставленъ такими тяжкими условіями. Суда рыбопромышленниковъ зимуютъ въ Бѣломъ морѣ и ждутъ весны и освобожденія моря отъ льда, чтобы выйти на Мурманъ. Простые же рабочіе, „покрутчики", по мѣстному выраженію, совершаютъ свой путь пѣшкомъ, поперекъ Кольскаго полуострова, и Кандалакша составляетъ одинъ изъ этапныхъ пунктовъ этого путешествія, передъ которымъ блѣднѣютъ картины „народнаго стона" у Некрасова. Въ началѣ марта, когда здѣсь еще и не пахнетъ весной, съ различныхъ пунктовъ кемскаго и онежскаго уѣздовъ трогаются въ путь промышленники; сотни верстъ, которыя отдѣляютъ ихъ отъ мѣста лѣтней работы, они отмѣриваютъ пѣшкомъ; багажъ свой, одежду и провизію на дорогу везутъ за собой въ маленькихъ санкахъ, въ которыя иногда запрягаютъ собакъ. Ихъ путь лежитъ черезъ Кандалакшу, откуда они пересѣкаютъ поперекъ Кольскій полуостровъ до Колы; полуостровъ внутри почти лишенъ населенія; русскія деревни расположены только по берегамъ, далеко одна отъ другой. Въ центрѣ страны живутъ ея коренные обитатели—лапландцы, лопари, полудикіе кочевники. На этомъ пути черезъ безконечную снѣжную пустыню промышленникамъ, послѣ долгаго перехода, приходится и ночь проводить, въ морозъ и мятель, на снѣгу, подъ открытымъ небомъ, согрѣваясь только у костра, разведеннаго для приготовленія пищи; наравнѣ съ взрослыми ту же дорогу дѣлаютъ и дѣти, 12-лѣтніе мальчики, принимающіе также участіе въ промысловыхъ работахъ. Часто люди отмораживаютъ члены или по приходѣ на мѣсто заболѣваютъ

цынгой. Лишь въ самые послѣдніе годы на этомъ пути отъ Кандалакши до Колы устроены на казенный счетъ одна или двѣ избы для пріюта промышленникамъ; это—капля въ морѣ въ борьбѣ съ тѣми лишеніями и трудностями, которыя имъ приходится испытывать, но и эта помощь оказала уже свое дѣйствіе—уменьшился процентъ отмороженныхъ.

Черезъ Кандалакшу идетъ и почтовый трактъ на Колу,—трактъ, я думаю, единственный въ своемъ родѣ; по немъ движется (зимою) почта и за обычные прогоны путешествуютъ проѣзжающіе. Зимою, по санному пути, васъ повезутъ честь-честью; одну станцію отъ Кандалакши можно даже проѣхать на лошадяхъ; дальше везутъ въ легкихъ санкахъ на проворныхъ оле́няхъ, отъ одной лопарской станціи до другой. Лѣтомъ тотъ же путь вы должны уже сдѣлать пѣшкомъ, и за обычные прогоны получаете *однихъ ямщиковъ*, безъ лошадей; ямщики на рукахъ понесутъ багажъ, по три копѣйки съ версты,—на общемъ основаніи, по два человѣка принимается за одну лошадь,—а баринъ пойдетъ рядомъ пѣшкомъ, по непроѣзжей тропинкѣ, проложенной черезъ болота и камни Лапландіи.

Такъ и „ѣздятъ" главнымъ образомъ чиновники, по казенной надобности. Правда, что изъ всего разстоянія (210—220 верстъ) отъ Кандалакши до Колы, бо́льшую часть, около двухъ третей, приходится сдѣлать въ лодкѣ—озерами и рѣками; но верстъ семьдесятъ все-таки придется „проѣхать" пѣшкомъ. А въ случаѣ непогоды, въ бурное озеро такихъ размѣровъ, напр., какъ Имандра, имѣющее около 90 верстъ длины, нельзя пуститься въ дрянномъ лопарскомъ челнокѣ, и погода заставитъ просидѣть недѣлю и больше въ лопарской избушкѣ, на берегу озера, голодая среди безлюдной пустыни. Что по такого рода путямъ сообщенія не можетъ происходить особенно оживленнаго движенія—понятно само собою, и дѣйствительно, за десять дней моего пребыванія въ Кандалакшѣ, не оказалось ни одного пассажира, ни въ Колу, ни изъ нея.

Пребываніемъ въ Кандалакшѣ я воспользовался для нѣсколькихъ продолжительныхъ морскихъ экскурсій; хорошій карбасъ я могъ достать у моей хозяйки, а рыбаковъ нанималъ въ деревнѣ. Одинъ изъ нихъ, Степанъ, добровольно взялъ на себя роль антрепренера при устройствѣ моихъ поѣздокъ; онъ сдѣлался ихъ безсмѣннымъ членомъ, приглашалъ уже отъ себя другихъ рыбаковъ, дѣлалъ все приготовленія къ поѣздкѣ. Не знаю, гдѣ онъ жилъ еще, кромѣ своей родной деревни, но очевидно когда-то понатерся около господъ и пріобрѣлъ привычки, въ высокой степени

чуждыя поморамъ. Тогда какъ его товарищи приходили, чтобы ѣхать въ море, дѣлали свое дѣло и уходили, онъ разъ десять въ день забѣгалъ ко мнѣ въ комнату, предлагалъ всякіе вздорные вопросы и искалъ случая на что-нибудь понадобиться, усердно прицѣливаясь къ двугривенному. Онъ былъ расторопный малый, и во многомъ оказался мнѣ полезенъ; безполезно только было съ нимъ разговаривать, благодаря его непремѣнному желанію угадать, чего именно баринъ хочетъ, и дать пріятный отвѣтъ. Когда онъ рано утромъ приходилъ ко мнѣ въ комнату и я спрашивалъ его, какова погода, нѣтъ ли дождя, каковъ вѣтеръ, его отвѣты были достойны Полонія: „Не правда ли, это облако похоже на верблюда?“ — „Въ самомъ дѣлѣ, совершенный верблюдъ!“ Къ товарищамъ своимъ онъ относился свысока, командиромъ, какъ лицо, по его собственному мнѣнію, облеченное спеціальнымъ барскимъ довѣріемъ.

Вообще я долженъ сказать, что отношенія съ рабочими, рыбаками, со всякимъ простымъ народомъ — одна изъ непріятныхъ сторонъ странствованій натуралиста. Да и не съ одними рабочими; любопытные всѣхъ слоевъ общества нерѣдко отравляютъ существованіе.

У насъ не только знаніе естественныхъ наукъ, но даже просто вкусъ къ природѣ и интересъ къ ея изученію необычайно мало распространены даже въ наиболѣе образованныхъ классахъ. Въ путешествіи приходится сталкиваться съ массою лицъ, видѣть много людей и зажиточныхъ, и сравнительно образованныхъ, для которыхъ весь вопросъ о природѣ исчерпывается словами: купить —продать. Интересно только то, что̀ можно съѣсть, выпить или превратить въ деньги; все остальное совершенно игнорируется. И когда видятъ, что человѣкъ интересуется птицами, которыхъ не ѣдятъ, травами, которыхъ нельзя давать въ лекарство или настаивать на нихъ водку, или какими-то червяками, это вызываетъ недоумѣніе, возбуждаетъ подозрѣніе въ состояніи умственныхъ способностей субъекта. „Вотъ,—говорятъ,—у насъ въ рѣкѣ ловятся ракуши, въ которыхъ находятъ жемчугъ. Вотъ бы вамъ интересно посмотрѣть“. Купецъ Рябининъ, въ „Аннѣ Карениной“ Толстого, съ одинаковымъ пренебреженіемъ относился и къ книгамъ въ шкафу у Левина, и къ вальдшнепамъ, которыхъ онъ стрѣлялъ, полагая, что „не стоитъ овчинка выдѣлки“; сто̀ятъ ли выдѣлки ракуши, въ которыхъ нѣтъ жемчуга!

Я помню, какъ мальчикомъ, когда я собиралъ растенія или насѣкомыхъ, меня смущали улыбки взрослыхъ людей, людей дѣловыхъ, занимающихся хозяйствомъ, службой или торговлей и играющихъ въ винтъ, — если имъ случалось видѣть мои занятія. Съ

годами я пересталъ бояться дѣловыхъ людей и сдѣлался равнодушенъ къ ихъ улыбкамъ, какъ и ко многимъ другимъ дѣтскимъ страхамъ. Но до нѣкоторой степени подобное чувство неловкости осталось у меня при сношеніяхъ съ простымъ народомъ; „больная совѣсть вѣка“ вытравила въ сердцахъ людей то спокойное, высокомѣрное пренебреженіе къ невѣжеству, съ которымъ смотрѣли на вещи въ доброе старое время, когда и цеховая гордость была сильнѣе, а вѣра въ науку, мистическій культъ науки въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ стоялъ выше, чѣмъ теперь, когда мы читаемъ „Germinal“ и „La bête humaine“. Мнѣ непріятно, что то, что̀ для меня кажется однимъ изъ самыхъ благородныхъ занятій, какія только доступны на землѣ человѣку—изученіе явленій и законовъ Божьяго міра, — съ точки зрѣнія „претендентовъ на существованіе“, людей, думающихъ только о хлѣбѣ насущномъ, есть праздная и совершенно безполезная затѣя сытаго и глупаго барина, который не долженъ трудиться и отъ скуки и праздности занимается всевозможными пустяками, благо есть деньги, свои или казенныя, и нѣтъ ума выдумать что-нибудь повеселѣе. Это неправда, но мнѣ отъ этого нелегче, и я не люблю разспросовъ о цѣли моихъ занятій, не люблю притягивать къ нимъ за волосы отдаленную утилитарную подкладку и не люблю разговоровъ съ мужиками о наукѣ, какъ это дѣлаютъ подчасъ, и съ любовью, пылкіе студенты и наивные молодые натуралисты, объясняющіе по дорогѣ ямщику систему Коперника, спектральный анализъ или теорію Дарвина.

Но если „міръ соскочилъ съ петель“—это не должно намъ мѣшать дѣлать свое дѣло. И хотя мои кандалакскіе рыбаки относились съ явнымъ недовѣріемъ къ моимъ занятіямъ, подозрѣвая въ нихъ какую-то тайную коммерческую цѣль, чуть ли даже не исканіе золота, хотя они не мало надоѣдали мнѣ своими разспросами, въ чемъ состоитъ „ученая служба“, какой на мнѣ чинъ, могу ли я изъ ученой службы перейти въ гражданскую и могъ ли бы, напр., получить у нихъ мѣсто становаго,—тѣмъ не менѣе, экскурсіи мои въ Кандалакшѣ были очень удачны.

Въ окрестностяхъ Соловецкой зоологической станціи нужно отъѣхать 2—3 версты отъ берега, чтобы достигнуть глубины, превышающей десять саженъ. Въ Кандалакшѣ, гдѣ высокій берегъ круто падаетъ въ море, около самой деревни, противъ впаденія р. Нивы, въ разстояніи всего нѣсколькихъ десятковъ шаговъ отъ берега, глубина уже весьма значительная, отъ 20 до 35 саженъ. Не къ чему было далеко ѣхать, и, едва отчаливши отъ берега, я могъ уже начинать драгировать. Здѣсь, на этой глубинѣ, на

иловатомъ днѣ, поросшемъ бурыми хлопьями какихъ-то водорослей, оказалась богатая и довольно разнообразная фауна, по общему характеру своему довольно рѣзко отличавшаяся отъ фауны Соловецкихъ острововъ. Формъ наиболѣе обыкновенныхъ и характерныхъ въ Соловкахъ—здѣсь не было, а наоборотъ, въ большомъ количествѣ попадались другія, совсѣмъ не встрѣчающіяся или крайне рѣдкія въ Соловецкомъ заливѣ. Не было, напр., морскихъ ежей, не было обыкновенныхъ крупныхъ соловецкихъ асцидій, мало голотурій; зато здѣсь была довольно обыкновенна, крайне рѣдкая у Соловковъ, маленькая красивая асцидія полярныхъ морей, Pera crystallina, съ грушевиднымъ, сидящимъ на короткой ножкѣ, какъ хрусталь прозрачнымъ тѣломъ, такимъ прозрачнымъ, что всѣ черты внутренняго строенія ея видны насквозь: видны жабры, мерцательный желобокъ (эндостиль), ведущій по жаберному мѣшку къ желудку, нервный узелъ и мерцательныя полоски, дугообразно огибающія входное отверстіе въ жаберную полость. Кишѣли на днѣ небольшія звѣзды-офіуры, съ длинными, колючими и чрезвычайно цѣпкими руками, которыми они такъ запутывались въ водоросляхъ и въ петляхъ сѣтки, что при выниманіи изъ драги сплошь и рядомъ руки отрывались и отъ офіуръ оставался только центральный дискъ ея тѣла съ тупыми обломками рукъ; было довольно много красныхъ морскихъ звѣздъ съ стройными руками; и офіуры эти, и звѣзды были опять не тѣ виды, которые я собиралъ въ Соловецкѣ.

Въ большомъ количествѣ нашелъ я здѣсь любопытный и рѣдкій гидроидъ, Monobrachium parasiticum, впервые открытый въ Бѣломъ морѣ и описанный К. С. Мережковскимъ; въ противоположность всѣмъ остальнымъ гидроидамъ, у него около ротоваго отверстія находится только одно щупальце, что̀ придаетъ рѣзко двустороннюю симметрію его тѣлу. Эти мелкіе гидроиды прикрѣплены всегда колоніями къ двустворчатой раковинѣ небольшого пластинчато-жабернаго моллюска—Tellina—и никогда не попадаются на другихъ животныхъ и предметахъ. Однако, по всѣмъ вѣроятіямъ, мы имѣемъ здѣсь не настоящій паразитумъ, а одно изъ явленій „симбіоза“, сожительства двухъ различныхъ видовъ животныхъ; но въ чемъ заключается сущность этого сожительства моллюска съ гидроидомъ, какія отношенія связываютъ Monobrachium именно только съ этой одною формой, съ теллиной, почему они не живутъ на другихъ моллюскахъ—это неизвѣстно.

Изрѣдка попадались мнѣ, наконецъ, прикрѣпленные къ камнямъ, мясистые, оранжевые или желтые небольшіе кустики полиповъ изъ рода Alcyonium, не только не попадающіеся у Солов-

ковъ, но, насколько я знаю, вообще до сихъ поръ еще не найденные въ Бѣломъ морѣ: для фауны Бѣлаго моря это была совершенно новая форма.

Одно обстоятельство бросилось мнѣ въ глаза въ первую же мою экскурсію и въ первую минуту меня очень удивило: почти всѣ животныя, вынутыя изъ драги и положенныя въ воду, казались мертвыми. Офіуры, обыкновенно столь подвижныя, тонкія руки которыхъ быстро изгибаются, какъ змѣйки, лежали на днѣ банки неподвижно; большія красныя звѣзды не шевелились; крупныя актиніи и красивый, крупный розовый гидроидъ Tubularia (indivisa?) пришли съ щупальцами на половину втянутыми, но, пролежавши спокойно въ стеклянной банкѣ, не распускали ихъ и не втягивали далѣе. Я сталъ ихъ трогать пинцетомъ—они не сокращались и не реагировали на прикосновеніе; они были мертвы, какъ и Monobrachium, и звѣзды, и черви, и большинство другихъ животныхъ, кромѣ, можетъ быть, моллюсокъ и асцидій. Между тѣмъ яркая окраска и свѣжій видъ животныхъ показывали, что добыты они были со дна живыми. Открыть причину ихъ смерти было не трудно: я зачерпнулъ воды изъ-за борта лодки и попробовалъ—она оказалась почти прѣсною на вкусъ. Я драгировалъ слишкомъ близко отъ устья Нивы, небольшой, но чрезвычайно быстрой и порожистой горной рѣчки, впадающей въ море у Кандалакши, и масса прѣсной воды, вносимой ею, воды болѣе легкой, чѣмъ морская, покрывала сплошными слоями тяжелую соленую воду моря, не проникая далеко въ глубь, медленно смѣшиваясь: на большой глубинѣ 20—25 саженъ лежали слои соленой морской воды и жила богатая фауна, а сверху простиралась прѣсная вода рѣки. Животныхъ, добытыхъ со дна, мнѣ приходилось помѣщать въ сосудъ съ водой, зачерпнутой съ поверхности и, слѣдовательно, почти прѣсной.

Чтобы избѣгнуть этого неудобства, на слѣдующую экскурсію я поступилъ слѣдующимъ образомъ: я отплылъ сначала отъ устья Нивы на такое разстояніе, чтобы перестало чувствоваться ея опрѣсняющее вліяніе, и пришлось ѣхать очень далеко, версты на четыре. На вкусъ, конечно, трудно было бы отличить степень концентраціи солей поверхностной воды, особенно переходя отъ прѣсной къ соленой; но я руководился слѣдующимъ признакомъ. На скалахъ, обнажаемыхъ въ отливѣ, селится въ Бѣломъ морѣ маленькое, сидячее ракообразное животное Balanus balanoides; его бѣлыя, известковыя раковинки, въ которыя онъ прячетъ все свое тѣло, покрываютъ сплошнымъ бѣлымъ ковромъ гранитныя и гнейсовыя „луды“ и камни, обсыхающіе въ отливѣ. Этотъ ма-

ленькій житель камней необыкновенно щепетиленъ насчетъ качества воды, которою онъ пользуется всего часовъ 12 въ сутки, и съ величайшею нетерпимостью относится къ малѣйшему ея опрѣсненію: устьевъ рѣкъ онъ боится какъ холеры. Его и можно принять хорошимъ указателемъ (по крайней мѣрѣ, для біологическихъ цѣлей) границы опрѣсняющаго вліянія рѣки; въ Кандалакшѣ и оказалось, что, напр., на большомъ довольно и лѣсистомъ островѣ Оленьемъ, отдѣленномъ отъ деревни проливомъ версты въ четыре шириною, на сторонѣ острова, обращенной къ материку, къ рѣкѣ Нивѣ, Balanus balanoides все еще не было, и только обогнувъ островъ, уже на противоположной его сторонѣ, я увидѣлъ береговыя скалы, усѣянныя обычными бѣлыми скорлупками: слѣдовательно, здѣсь была уже настоящая морская вода.

Въ слѣдующія экскурсіи я и поступалъ такимъ образомъ. Набравши воды на такомъ разстояніи отъ Нивы, гдѣ уже могли жить баланы, я возвращался драгировать назадъ къ деревнѣ, потому что здѣсь, противъ устья рѣки, у подножья горы Крестовой, оказалось и самое глубокое мѣсто въ окрестностяхъ Кандалакши, и наиболѣе богатая и любопытная фауна. Добытыхъ животныхъ я могъ перекладывать теперь изъ драги въ настоящую морскую соленую воду. Но, къ сожалѣнію, эта заботливость оказалась напрасною: я все-таки получалъ большинство мертвыхъ животныхъ; уже одно быстрое прохожденіе черезъ поверхностные слои прѣсной воды оказывалось для нихъ безусловно смертельнымъ и они приходили на поверхность мертвыми. Для организмовъ, живущихъ на такой глубинѣ, физическія условія окружающей среды остаются, вѣроятно, совершенно неизмѣнными въ теченіе ихъ жизни; ни соленость, ни даже температура воды, вѣроятно, не подвергаются никакимъ годовымъ колебаніямъ, а температура эта весьма низкая. Самъ я не занимался ея измѣреніями, но, по имѣющимся въ литературѣ даннымъ, Бѣлое море—вообще холодное море: на глубинѣ немного болѣе 10 саженъ температура здѣсь (лѣтомъ) нерѣдко ниже 2 градусовъ Цельзія; глубже сорока саженъ встрѣчаются температуры ниже нуля, мѣстами даже, на глубинѣ отъ 75 до 160 саженъ, на цѣлый градусъ ниже—1,4 С. На поверхности вода Бѣлаго моря лѣтомъ, въ особенности у мелкихъ береговъ, гдѣ есть притокъ болѣе теплой рѣчной воды, можетъ нагрѣваться иногда градусовъ до десяти, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже и выше; но я не думалъ, чтобы во время моего пребыванія въ Кандалакшѣ вода достигала такой температуры. Во всякомъ случаѣ, рѣзкая разница температуръ можетъ также, вѣроятно, играть роль въ смерти животныхъ, добытыхъ съ глу-

бинъ, изъ вѣчно-холодныхъ и соленыхъ слоевъ, и проходящихъ черезъ прѣсные и разогрѣтые слои поверхности моря. Интересны условія существованія при вѣчной температурѣ тѣла, въ теченіе всей жизни, около нуля: и однакоже, совершаются всѣ физіологическіе процессы, вся химія жизни, работаютъ и нервы, и мышцы, и кровь.

Мнѣ пришлось, такимъ образомъ, въ Кандалакшѣ повторить опытъ Стуксберга, шведскаго ученаго, объѣхавшаго моремъ Сибирь въ знаменитой экспедиціи Норденшильда на „Вегѣ". Въ Карскомъ морѣ [1]), гдѣ вода на глубинѣ 6 саженъ была совершенно соленая и имѣла температуру—1^0, а на поверхности прѣсная, годная для питья и нагрѣтая до$+8^0$, онъ оставлялъ для опыта добытыхъ драгою съ глубины животныхъ въ водѣ, почерпнутой съ поверхности; черви-полихеты умирали почти мгновенно; немногочисленныя моллюски и ракообразныя—черезъ болѣе или менѣе короткое время, и только одинъ небольшой ракъ—Idothea entomon—еще и по прошествіи шести часовъ бойко плавалъ въ прѣсной водѣ. Но мнѣ пришлось наблюдать это надъ фауной другого, гораздо болѣе разнообразнаго состава; ракообразныхъ у меня почти не было; для большинства же приходившихъ изъ глубины животныхъ-червей полихетъ, офіуръ, звѣздъ, актиній, гидроидовъ (Tubularia), полиповъ (Alcyonium) смертельно было уже одно быстрое прохожденіе драги черезъ прѣсную и теплую воду поверхности. Въ соленой водѣ они уже не оживали, не приходили въ себя; нѣкоторыхъ изъ нихъ я оставлялъ потомъ на всю ночь въ стеклянныхъ банкахъ съ морской водой, но безуспѣшно. Бѣлыя щупальца Tubularia болтались въ водѣ совершенно пассивно, не сокращались при прикосновеніи, а къ утру ея розовое тѣло уже теряло свой цвѣтъ и начиналось разложеніе. Что такіе нѣжные, мягкіе, ничѣмъ незащищенные организмы, какъ Tubularia или Alcyonium, такъ страдаютъ отъ прѣсной воды—это еще немудрено; удивительнѣе необыкновенная чувствительность и быстрая гибель крупныхъ, покрытыхъ жесткою кожей, красныхъ морскихъ звѣздъ (Asteracanthion), или сухощавыхъ офіуръ. Только относительно нѣкоторыхъ мало подвижныхъ, квіэтическихъ формъ (моллюсокъ и асцидій) мнѣ не пришлось удостовѣриться, насколько гибельно повліяла на нихъ прѣсноводная ванна.

Это удивительное дѣйствіе прѣсной воды, дѣйствующей, какъ сильный ядъ, на морскихъ животныхъ, давно извѣстно и подвергалось неоднократнымъ экспериментальнымъ изслѣдованіямъ,

---

[1]) Не въ этомъ путешествіи, впрочемъ, а раньше, въ 1875 г.

наравнѣ съ обратнымъ явленіемъ—гибелью прѣсноводныхъ животныхъ въ морской водѣ. Опытамъ, между прочимъ, Поля Бэра, извѣстнаго французскаго физіолога, сдѣлавшагося одной изъ жертвъ тонкинской экспедиціи (онъ былъ назначенъ въ Тонкинъ резидентомъ и умеръ, не вынеся климата), установлено, что причиною смерти является въ этихъ случаяхъ разность въ содержаніи солей; изъ всѣхъ солей, входящихъ въ составъ морской воды, первенствующее значеніе принадлежитъ именно хлористымъ солямъ, спеціально хлористому натрію (поваренной соли).

Прѣсноводныя животныя, погруженныя въ морскую воду, умираютъ вслѣдствіе экзосмотическаго дѣйствія соленой воды на кровь и другія жидкости ихъ тѣла. У животныхъ, кожа которыхъ покрыта предохраняющей слизью, соленая вода дѣйствуетъ главнымъ образомъ черезъ жабры: тонкая кожица ихъ тускнѣетъ, кровообращеніе останавливается. У животныхъ, покрытыхъ гладкою, тонкою кожей, безъ слизи (у лягушекъ и ихъ головастиковъ) экзосмозъ совершается черезъ всю поверхность тѣла; животное „высыхаетъ": соленая вода извлекаетъ воду изъ крови и тканей, и лягушка умираетъ, теряя отъ $^1/_4$ до $^1/_3$ своего вѣса. Можно, такимъ образомъ, убить лягушку, погрузивши только одну ея лапку въ морскую воду.

Обратно, для морскихъ животныхъ, погруженныхъ въ прѣсную воду, причиною смерти является потеря хлористаго натрія; прѣсная вода извлекаетъ его изъ ихъ тканей. Поль Бэръ прибавлялъ къ водѣ растворъ другихъ солей и веществъ (сахара, глицерина) съ цѣлью увеличить ея плотность до степени плотности морской воды, но это нисколько не защищало животныхъ отъ быстрой гибели. Прѣсная вода дѣйствовала обратно, эндосмотически, въ избыткѣ проникая въ ткани и кровь морскихъ животныхъ: у рыбы раздувались жабры и въ нихъ останавливалось кровообращеніе, у низшихъ животныхъ прозрачный эпителій становился тусклымъ, мышцы теряли свою сократимость [1]).

Такимъ образомъ, какъ общее правило, можно сказать, что морскія животныя могутъ жить только въ морской водѣ, озерныя и рѣчныя—только въ прѣсной. Составъ ихъ крови и тканей приспособленъ къ различному количеству солей въ водѣ, и не допускаетъ рѣзкихъ перемѣнъ въ этомъ количествѣ. И дѣйстви-

---

[1]) По опытамъ, произведеннымъ Эйзигомъ (въ Неаполѣ) надъ однимъ морскимъ червемъ (Capitella), при внезапномъ перенесеніи червя въ прѣсную воду причиной смерти является разрушительное дѣйствіе, которое оказываетъ, проникая въ тѣло, прѣсная вода на красныя (содержащія гемоглобинъ) тѣльца крови; но у большинства безпозвоночныхъ нѣтъ красныхъ кровяныхъ тѣлецъ.

тельно, фауна моря и прѣсныхъ водъ различается между собою чрезвычайно; цѣлые классы—даже типы, высшія систематическія группы животнаго царства—живутъ исключительно въ морѣ, напр. иглокожія (морскія звѣзды и ежи, голотуріи) и оболочниковыя (асцидіи, сальпы). Тѣмъ не менѣе, это правило весьма непостоянно и представляетъ цѣлый рядъ различныхъ исключеній. Многія рыбы, такъ-называемыя „проходныя", проводятъ часть жизни въ морѣ, часть въ прѣсной водѣ, предпринимая правильныя, періодическія путешествія въ эпоху размноженія, и ежегодно поднимаются изъ моря въ рѣки, чтобы метать въ нихъ икру; осетровыя рыбы Каспійскаго и Чернаго морей (осетръ, севрюга, бѣлуга) идутъ весной въ Волгу, Уралъ, Днѣпръ и др. рѣки для метанія икры, и затѣмъ возвращаются въ море, куда идетъ затѣмъ и проводитъ здѣсь жизнь до достиженія зрѣлости и ея потомство. Лосось, Salmo salar (семга Бѣлаго моря—это та же самая рыба, которую у насъ называютъ лосось), также странствуетъ, уходитъ изъ моря въ рѣки, обладающія быстрымъ теченіемъ, и на своемъ пути вверхъ по рѣкѣ въ состояніи перепрыгивать даже черезъ небольшіе водопады. Рѣчного угря можно также причислить къ проходнымъ рыбамъ, только въ обратномъ смыслѣ: онъ постоянно живетъ въ рѣкахъ, въ прѣсной водѣ, а для метанія икры уходитъ въ море; маленькіе угри не выростаютъ въ морѣ, а поднимаются въ рѣки. Замѣчательно, что, по словамъ П. Бэра, угря защищаетъ отъ вреднаго дѣйствія морской воды только слизь, покрывающая его кожу; если его обтереть, очистить отъ слизи, онъ умираетъ въ морской водѣ черезъ нѣсколько часовъ. Но какъ же переносятъ въ такомъ случаѣ морскую воду его жабры?

Нѣкоторыя морскія животныя легко переносятъ временныя измѣненія солености водъ, даже очень рѣзкія, и замѣчательно, что въ этомъ отношеніи часто разнятся между собою виды весьма близкіе. Balanus balanoides, какъ я уже говорилъ, не выноситъ самаго легкаго опрѣсненія воды, а другой видъ тѣхъ же ракообразныхъ, B. improvisus, можетъ жить даже на такихъ прибрежныхъ камняхъ, по которымъ во время отливовъ струится прѣсная вода впадающаго ручья и омываетъ его раковину; слѣдовательно, и во время прилива соленость воды должна колебаться, повышаясь лишь постепенно. Я самъ имѣлъ случай наблюдать это на Мурманѣ (не знаю, впрочемъ, надъ какимъ видомъ Balanus); въ одномъ изъ становищъ я видѣлъ во время отлива раковины балановъ, прикрѣпленныя къ камнямъ, по которымъ бѣжали струи небольшого, но быстраго потока.

Колюшка, обыкновенная у насъ, маленькая рѣчная рыбка,

встрѣчается точно также и въ морѣ; около Кандалакши, например, она довольно многочисленна; я ѣздилъ здѣсь разъ съ рыбаками посмотрѣть на рыбную ловлю, и сѣть вытаскивала вмѣстѣ сельдей, камбалъ и колюшекъ. Немудрено, что такія уживчивыя, неприхотливыя формы легко могутъ приспособляться къ измѣненіямъ среды и мало-по-малу рѣзко перемѣнять свое мѣстообитаніе: изъ морей, напр., переселяются въ озера. Тотъ самый ракъ, Idothea entomon, который въ опытѣ Стуксберга нисколько не пострадалъ отъ прѣсной воды,—можетъ и постоянно въ ней жить. Коренное мѣстообитаніе этого вида—Ледовитый океанъ, у береговъ Стараго свѣта; но онъ живетъ и въ Балтійскомъ морѣ, и именно въ самыхъ мало-соленыхъ его частяхъ—Ботническомъ и Финскомъ заливахъ; наши русскіе рыбаки зовутъ его „морской таракан". Мало того, онъ благополучно существуетъ въ нѣкоторыхъ большихъ сѣверныхъ озерахъ, напр. у насъ въ Ладожскомъ.

Многія изъ морскихъ животныхъ, неизбѣжно погибающихъ при перенесеніи въ прѣсную воду, хорошо, однако, уживаются въ ней, если ихъ пріучать къ опрѣсненію постепенно. Подобнаго рода опыты были сдѣланы еще въ первой половинѣ этого столѣтія однимъ французскимъ изслѣдователемъ (Beudant); онъ держалъ въ акваріяхъ различныхъ морскихъ моллюсокъ и, возобновляя воду, весьма постепенно разбавлялъ ее прѣсной, такъ что черезъ долгое время—черезъ 8 мѣсяцевъ—прѣсная, наконецъ, совершенно замѣнила морскую; нѣкоторые виды моллюсокъ не выдержали этихъ экспериментовъ и умерли всѣ, до одного экземпляра, тогда какъ въ морской водѣ они легко могли прожить въ акваріяхъ столько же времени, сколько продолжался опытъ. Другіе же, хотя и сильно уменьшившись въ числѣ, могли приспособиться къ такому рѣзкому измѣненію состава воды, если только оно совершается не сразу, а постепенно, и въ концѣ концовъ настоящія морскія моллюски могли жить у насъ въ однѣхъ банкахъ съ обыкновенными прѣсноводными Lymnaeus и Planorbis. Одна изъ распространеннѣйшихъ и наиболѣе уживчивыхъ морскихъ формъ, Mytilus edulis, съѣдобный ракушникъ, Miesmuschel, „мидія", какъ ее называютъ у насъ на Черномъ морѣ, вынесла этотъ опытъ безъ всякаго даже ущерба. 30 экземпляровъ были взяты и посажены въ акварій съ морской водой 1-го января, и тѣ же тридцать жили въ немъ 15-го сентября уже въ совершенно прѣсной водѣ.

Подобнаго рода опытъ надъ приспособленіемъ морскихъ животныхъ къ жизни въ прѣсной водѣ имѣетъ значеніе въ во-

просѣ о происхожденіи всей прѣсноводной фауны, фауны нашихъ рѣкъ и озеръ. Вся сумма геологическихъ и зоологическихъ фактовъ говоритъ намъ, что море есть колыбель органической жизни на землѣ. Простѣйшіе и древнѣйшіе организмы жили въ морѣ; предки всѣхъ земныхъ и рѣчныхъ животныхъ жили въ немъ же. Рѣчная фауна обязана своимъ происхожденіемъ морю. Но было бы не совсѣмъ правильно, еслибы мы представляли себѣ образованіе рѣчной фауны въ видѣ простого переселенія морскихъ формъ, способныхъ къ приспособленію къ жизни въ прѣсной водѣ, изъ моря въ устья рѣкъ и далѣе вверхъ по ея теченію. Еслибы это было такъ, то фауна большихъ рѣкъ обнаруживала бы ближайшее сходство съ фауной морей, въ которыя онѣ впадаютъ, и рѣки различныхъ бассейновъ рѣзко бы различались между собой своимъ населеніемъ. На самомъ дѣлѣ этого нѣтъ; прѣсноводная фауна самыхъ различныхъ бассейновъ сходна между собой и носитъ замѣчательно однообразный характеръ по всей землѣ, повсюду рѣзко отличаясь отъ морской. Дѣйствительно, хотя возможность прямого переселенія изъ моря въ рѣки и не представляетъ чего-нибудь невозможнаго и, конечно, имѣла мѣсто для многихъ подвижныхъ и быстрыхъ животныхъ, въ родѣ млекопитающихъ, рыбъ, ракообразныхъ и др., или для животныхъ, переносимыхъ пассивно, но для огромнаго большинства морской фауны устье рѣкъ есть непреодолимый барьеръ, каменная стѣна, за которую нельзя проникнуть. Кромѣ разности въ солености и неблагопріятныхъ температурныхъ условій, въ прѣсныхъ водахъ есть еще одно замѣчательное условіе, кладущее грань распространенію морскихъ животныхъ, и очень многія изъ нихъ, и именно всѣ почти неподвижно прикрѣпленныя или медленно ползающія (асцидіи, полипы, иглокожія) начинаютъ жизнь, по выходѣ изъ яйца, въ видѣ маленькой, чрезвычайно нѣжной, пелагической, т.-е. свободно плавающей на поверхности водъ, личинки; эти же пелагическія личинки всегда несутся въ море теченіемъ, не могутъ плыть противъ воды и, слѣдовательно, никакъ не могутъ проникнуть внутрь рѣки; а взрослыя, неподвижно прикрѣпленныя или сидящія на днѣ, точно также неспособны къ этому.

Прѣсноводная фауна должна быть обязана своимъ происхожденіемъ не прямому переселенію морскихъ формъ, а тѣмъ геологическимъ измѣненіямъ очертаній воды и суши, въ силу которыхъ части морей, отдѣлившись, превращались въ озера, и затѣмъ, получая постоянно дождевую и ключевую воду, а избытокъ изливая черезъ рѣки въ море, изъ соленыхъ становились прѣсными. Изъ первоначальнаго населенія ихъ часть вымирала при этомъ,

другая же приспособлялась къ перемѣнѣ среды и положила основаніе прѣсноводной фаунѣ, которая уже далѣе самостоятельно распространилась по земному шару изъ одного бассейна въ другой. Это были опыты Бёдана въ колоссальныхъ размѣрахъ, производимые самой природой; въ разныхъ мѣстахъ они производятся и теперь; и теперь по берегамъ морей моллюски и другія животныя приспособляются къ жизни въ лагунахъ и лиманахъ съ полупрѣсной и прѣсной водой.

Это долженъ былъ быть самый общій факторъ въ процессѣ образованія прѣсноводной фауны; къ нему уже присоединились какъ прямое переселеніе формъ изъ морей въ рѣки и озера, такъ, наконецъ, и приспособленіе первоначально сухопутныхъ животныхъ вторично къ жизни въ водѣ, и именно въ прѣсной. Напримѣръ, прѣсноводныя моллюски, дышащія легкими, должны были произойти отъ сухопутныхъ слизней и улитокъ, въ родѣ того, какъ тюлени, киты и дельфины ведутъ свой родъ отъ хищныхъ.

Но возвращаюсь къ Кандалакшѣ. Я долженъ сознаться, что, несмотря на красоту этого уголка, десяти дней пребыванія въ немъ достаточно, чтобы онъ успѣлъ надоѣсть. Когда я осмотрѣлъ въ окрестностяхъ все, что мнѣ нужно было осмотрѣть, и сдѣлалъ нѣсколько морскихъ экскурсій, я началъ ужъ съ нетерпѣніемъ поджидать парохода. Для развлеченія я поѣхалъ однажды ночью съ рыбаками посмотрѣть, какъ они ловятъ рыбу.

Быть за полярнымъ кругомъ и не видѣть полночнаго солнца было бы позорно; однако въ Кандалакшѣ это легко могло со мной случиться. Она лежитъ сѣвернѣе полярнаго круга, и въ іюнѣ солнце въ ней не садится; тѣмъ не менѣе, въ самой деревнѣ его не видно; высокія горы загораживаютъ небо съ сѣвера, и вечеромъ солнце прячется за ними; деревня лежитъ тогда въ тѣни. Но солнце играетъ на верхушкахъ горы противоположнаго берега,—и на морѣ, между островами, гдѣ рыбаки забрасывали сѣть, я могъ видѣть, какъ солнце медленно опускалось по небосклону на сѣверъ; въ полночь оно дошло до горизонта, опустилось на половину и стало подвигаться направо, къ востоку, скользя надъ вершинами далекихъ горъ; черезъ часъ или два оно опять начало постепенно подниматься вверхъ. Удивительное зрѣлище! Когда его видишь въ первый разъ, оно производитъ впечатлѣніе чего-то совершенно неправдоподобнаго и въ то же время естественнаго; какая-то особенная гармонія со всѣмъ окружающимъ невольно заставляетъ думать, что здѣсь это на своемъ мѣстѣ, такъ и должно

быть. И всѣ оригинальныя и невиданныя раньше явленія природы вызываютъ такое же смѣшанное чувство: приливъ и отливъ моря, такой волшебный для человѣка, выросшаго на берегахъ степныхъ рѣчекъ и морскихъ лимановъ южной Россіи; вѣчный снѣгъ на вершинахъ горъ; песчаная пустыня.

При розовомъ свѣтѣ тусклаго полуночнаго солнца Кандалакскій заливъ, съ его высокими берегами, подернутыми сизымъ туманомъ, со множествомъ гранитныхъ острововъ, голыхъ или поросшихъ лѣсомъ, съ бѣлымъ, какъ молоко, и гладкимъ моремъ былъ чрезвычайно красивъ; ночь была прекрасная; удовольствіе, впрочемъ, значительно отравлялось миріадами комаровъ, аттаковывавшихъ насъ на каждомъ островѣ, куда вытягивалась сѣть. И рыбная ловля вышла неважная: мелкая камбала, 2—3 крупныхъ „кумжи“ (рыба изъ семейства лососевыхъ, Salmo trutta), десятка два-три сиговъ и нѣсколько селедокъ—вотъ и вся добыча, а проѣздили мы до трехъ часовъ ночи.

Я стоялъ на одномъ изъ такихъ пустынныхъ острововъ, пока рыбаки завозили въ море сѣть, какъ вдругъ откуда-то далеко-далеко послышалась пѣсня: въ маленькой лодочкѣ—я не сразу отыскалъ ее глазами—одиноко плылъ по заливу человѣкъ; его пѣніе и доносилось до моего слуха. Это былъ печникъ изъ недалекой деревушки; онъ работалъ печь у моей хозяйки, получилъ разсчетъ, выпилъ, на-веселѣ возвращался моремъ одинъ домой и пѣлъ. Хорошо слышать пѣсню ночью, въ глухомъ углу, среди безлюднаго моря; далеко въ морѣ видна была лодочка, въ лодкѣ маленькая фигурка веселаго человѣка съ громкой пѣснью въ сердцѣ. Мнѣ самому стало весело слушать его здѣсь, за полярнымъ кругомъ, на гранитной скалѣ, въ свѣтлую, солнечную, мертвую и безмолвную полночь.

Когда на другой день пришелъ пароходъ и я расплачивался съ моей хозяйкой за столъ и квартиру, она прощалась со мной очень дружелюбно: „спасибо тебѣ, Андреичъ! жилъ тихо, смирно, не бушевалъ, не пьянствовалъ!“ Я, конечно, былъ очень радъ, что доставилъ ей удовольствіе моимъ поведеніемъ, но былъ не мало удивленъ ея идеями. Какимъ нужно быть мизантропомъ, чтобы ожидать, что человѣкъ нарочно пріѣдетъ изъ Петербурга, за тысячу верстъ, одинъ, въ Кандалакшу, и здѣсь будетъ на досугѣ, въ одиночку, бушевать и пьянствовать! Или къ хорошимъ спектаклямъ пріучили ее путешественники, болѣе меня здѣсь обычные!

II.

На китобойномъ заводѣ.

1-го іюля 1889 года, въ 5 часовъ вечера, пароходъ „Чижовъ“ вышелъ изъ Архангельска для совершенія обычнаго рейса вдоль Мурманскаго берега. Погода была скверная; весь день мелкій и частый дождь сѣялъ какъ сквозь сито, и Двина, великолѣпная Двина, имѣла сѣрый и унылый видъ. Но вѣтра особеннаго не было, по крайней мѣрѣ онъ не чувствовался на палубѣ. Непрерывный дождь не позволялъ оставаться наверху, и приходилось сидѣть въ каютѣ; я поужиналъ, напился чаю и рано легъ спать, раньше, чѣмъ мы вышли за баръ.

На другое утро я проснулся въ открытомъ морѣ и почувствовалъ, что сильно качаетъ; попробовалъ встать, но при попыткѣ умыться и руки, и ноги мои, и голова начали совершать „цѣлый рядъ безобразныхъ движеній“, выражаясь словами одного профессора анатоміи, и—что̀ еще хуже—рядъ безобразныхъ движеній начался немедленно и въ моемъ желудкѣ. Я долженъ былъ опять лечь на койку и не могъ встать и выйти на палубу до вечера; спокойное горизонтальное положеніе спасаетъ меня отъ качки, и пока я лежу, я не испытываю никакого непріятнаго чувства. Мнѣ и пришлось пролежать такимъ образомъ почти цѣлыя сутки, такъ что подъ конецъ у меня всѣ кости разболѣлись; впрочемъ, я успѣвалъ въ промежуткахъ и чай пить, и пообѣдать.

Когда мы вышли, наконецъ, къ утру слѣдующаго дня, изъ горла Бѣлаго моря въ океанъ, качка мало-по-малу прекратилась. Было ясно и холодно. Пароходъ шелъ вдоль берега, на очень близкомъ отъ него разстояніи, заходя попутно въ цѣлый рядъ рыбачьихъ поселеній или, какъ ихъ здѣсь называютъ, становищъ. Передъ глазами было зрѣлище необыкновенно унылое и дикое. Весь Кольскій полуостровъ представляетъ изъ себя горную страну, постепенно понижающуюся къ востоку, и тогда какъ въ западной его части берега́ представляютъ живописный пейзажъ горныхъ мѣстностей, на востокѣ, при выходѣ изъ Бѣлаго моря, вдоль берега тянется безконечный рядъ невысокихъ, округлыхъ, сѣрыхъ гранитныхъ скалъ и возвышенностей самаго унылаго вида. Полное отсутствіе древесной растительности—вдоль берега здѣсь тянется уже полоса настоящей тундры — придаетъ странѣ видъ какой-то окаменѣвшей пустыни. Въ котловинахъ между скалами

лежитъ снѣгъ, спускавшійся часто къ самому морю; этотъ снѣгъ сохраняется въ теченіе почти всего лѣта; по крайней мѣрѣ, когда я видѣлъ эти мѣста вновь уже на обратномъ пути, 29-го іюля, то все еще повсюду въ ущельяхъ, хорошо защищенныхъ отъ солнца (Мурманскій берегъ смотритъ на сѣверъ), лежалъ снѣгъ на уровнѣ самаго моря. А Миддендорфъ видѣлъ на Мурманѣ старый, нестаявшій снѣгъ еще мѣсяцемъ позднѣе, 21-го августа; онъ долеживаетъ, слѣдовательно, вплоть до новаго снѣга.

Вдоль всего берега, то дальше, то ближе одно отъ другого, тянется рядъ рыбачьихъ становищъ: Шелпины, Рында, Гаврилово, Териберка, и многія другія. Это небольшія поселенія въ нѣсколько десятковъ домовъ и землянокъ, почти совершенно безлюдныя зимой. Лѣтомъ онѣ наполнены пришлыми промышленниками, и здѣсь кипитъ жизнь и дѣятельность, дѣятельность чрезвычайно трудная, сѣрая, грязная, непривлекательная. Ловятъ треску, которая потомъ милліонами штукъ расходится по всему русскому сѣверу, составляя важный питательный матеріалъ для здѣшняго населенія.

Пароходъ заходитъ въ попутныя становища и стоитъ въ каждомъ изъ нихъ болѣе или менѣе долго, выгружая и нагружая товаръ; отъ этого рейсъ затягивается, и только утромъ 5-го іюля я прибылъ, наконецъ, къ пункту, гдѣ долженъ былъ высадиться, именно на китобойный заводъ на островѣ Еретикѣ, въ западной части Мурманскаго берега.

Пока я собиралъ свой багажъ и находился въ недоумѣніи, какъ мнѣ устроиться и гдѣ искать гостепріимства — на островѣ ли, на китобойномъ заводѣ, или на материкѣ, въ факторіи купца Воронина,—къ пароходу подошла шлюпка, выдававшаяся своей элегантностью среди неуклюжихъ туземныхъ карбасовъ, и на палубу вышелъ хорошо одѣтый пожилой господинъ, съ загорѣлымъ лицомъ и большой бородой,—какъ оказалось, самъ управляющій китобойнымъ заводомъ, капитанъ Г. Докторъ Г., завѣдующій больницами Краснаго Креста на Мурманѣ, который сѣлъ на нашъ пароходъ въ Териберкѣ и ѣхалъ дальше, въ Цыпъ-Наволокъ, познакомилъ меня съ капитаномъ: титулъ натуралиста, данный мнѣ докторомъ, и ссылка на Герценштейна, который былъ уже здѣсь въ 1887 году, послужили достаточной рекомендаціей, и капитанъ весьма радушно предложилъ мнѣ остановиться въ его домѣ, насколько будетъ нужно, и пользоваться для экскурсій его лодками и рабочими. Я, конечно, съ благодарностью принялъ его предложеніе, пробылъ на заводѣ четыре дня, видѣлъ много

интереснаго и сохранилъ самое пріятное воспоминаніе объ островѣ Еретикѣ и о капитанѣ Г.

Китовый промыселъ на Мурманскомъ берегу—дѣло совершенно новое. Прежде имъ занимались одни норвежцы, безвозбранно бившіе китовъ и въ русскихъ водахъ. Только въ началѣ 80-хъ годовъ возникли одно за другимъ два русскихъ предпріятія, имѣвшія цѣлью привить этотъ промыселъ и у насъ. Но попытки эти оказались довольно неудачны.

Заводъ въ Еретикѣ, куда я прибылъ, былъ основанъ китобойной компаніей подъ фирмой „Первое Мурманское китобойное и иныхъ промысловъ товарищество"; почти одновременно съ нимъ возникло „Товарищество китолововъ на Мурманѣ", выстроившее заводъ на Арской губѣ. На послѣднее предпріятіе, говорятъ, были употреблены большія средства, дѣло поставлено на широкую ногу, китобойные пароходы и всѣ принадлежности промысла представляли изъ себя послѣднее слово науки и техническаго совершенства; тѣмъ не менѣе дѣло не пошло, и когда я былъ на Мурманѣ, заводъ уже не работалъ. Вѣроятно, виною этого была обычная россійская непрактичность.

Заводъ въ Еретикѣ производилъ на меня весьма оригинальное впечатлѣніе. Точно я внезапно изъ Россіи, изъ общества русскихъ людей, окружавшихъ меня въ путешествіи, поморовъ, купцовъ, поповъ, чиновниковъ, перенесся куда-нибудь за границу, въ уголокъ промышленной Европы; на всемъ островѣ, въ зданіяхъ, въ обстановкѣ, въ образѣ жизни, сразу былъ виденъ „нѣмецъ", европеецъ, зажиточный, сытый, повсюду переносящій съ собою привычки къ комфорту, европейскій буржуа.

У входа въ одинъ изъ узкихъ фіордовъ, которыми такъ богата сосѣдняя Норвегія и такъ бѣденъ, къ сожалѣнію, Мурманскій берегъ, изрѣзанный заливами только въ сѣверо-западной своей части и почти вовсе лишенный ихъ на востокѣ, у входа въ губу Уру лежатъ два скалистыхъ острова: Шалимъ и Еретикъ. Высокіе и крутые берега острововъ, вмѣстѣ съ скалами, защищаютъ входъ въ губу, дѣлаютъ изъ огороженной ими глубокой бухты превосходную, спокойную при всякихъ вѣтрахъ гавань, такую хорошую, что ей присвоили даже прелиминарно наименованіе „Владимірскій портъ"; никакого порта, разумѣется, здѣсь нѣтъ, а просто—Божій даръ во всей его неприкосновенности.

На берегу этой бухты, на крутомъ и скалистомъ, какъ и вся окружающая мѣстность, островѣ Еретикѣ, сооруженъ китобойный заводъ перваго товарищества, куда меня высадила шлюпка капитана Г. Длинная „брюга" — высокая, деревянная пристань на

сваяхъ—идетъ отъ берега на нѣсколько саженъ въ море. На самомъ берегу стоитъ двухъ-этажное зданіе завода, гдѣ перетапливается жиръ и вообще обработывается китовина.

Отъ завода вверхъ въ гору шла прямая и довольно крутая дорожка, убитая мелкимъ камнемъ съ пескомъ и морскими раковинами. Тамъ, на верху, на склонѣ холма, обращенномъ на югъ, въ мѣстѣ, превосходно защищенномъ скалами отъ вѣтра, стояло нѣсколько иностраннаго типа построекъ: домъ для управляющаго, для другихъ служащихъ, кухня. Жилище капитана былъ маленькій домикъ, изъ 3—4 комнатъ; но эти комнаты были такъ удобны и такъ уютно прибраны, съ крыльца открывался такой красивый видъ на море и на гранитныя скалы, вся группа домиковъ была такъ уютно, тепло и живописно расположена между округлыми гранитными скалами, такъ чувствовалась повсюду, среди дикой природы, заботливая рука человѣка—въ дорожкѣ, опрятно посыпанной раковинами, въ обнесенномъ рѣшеткой огородѣ, гдѣ капитанъ съ трудомъ и любовью выводилъ „экзотическое растеніе“, картофель,—что все это вмѣстѣ: домикъ, дорожка, огородъ, надежныя скалы, защищавшія отъ вѣтра, произвело на меня чрезвычайно симпатичное впечатлѣніе. Тепло, уютно, красиво: это не заводъ, это—вилла на Ледовитомъ океанѣ. И какой отдыхъ душѣ и глазамъ представляетъ такой культурный уголокъ, когда на протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ видишь только мертвую каменную пустыню! Здѣсь, на заводѣ, не чувствовалось даже отсутствіе деревьевъ, которое такъ тяжело дѣйствуетъ. Я не поклонникъ сѣвернаго лѣса; но когда выѣзжаешь изъ лѣсной полосы и видишь берегъ Лапландіи—горы, скалы, камень, камень, камень и ни одного дерева,—сердце сжимается и вся природа производитъ впечатлѣніе полной безнадежности: точно видишь передъ собой гробовую доску, точно это не земля, а поверхность луны, покойницы между планетами. Вилла капитана Г., на Еретикѣ, носила отпечатокъ такой германской Gemüthlichkeit, что нейтрализовала тяжелое впечатлѣніе природы подъ 70^0 широты.

И это сдѣлали нѣмцы. На всемъ Мурманскомъ берегу я не видѣлъ болѣе подобнаго жилища, изящнаго и комфортабельнаго.

Я не буду, конечно, говорить о рыбачьихъ становищахъ, сѣрыхъ, грязныхъ и неуютныхъ. Что взять съ бѣдноты! Но посмотрите на такъ-называемыя „факторіи“ русскихъ купцовъ, какихъ не мало на Мурманѣ. Я былъ въ домѣ одного изъ богатѣйшихъ мурманскихъ купцовъ, считаемаго за милліонера. Пейзажъ превосходный, полный своеобразной, сѣверной красоты: все, что могутъ дать море и скалы — на-лицо. Но въ сооруженіяхъ

людей ни слѣда заботливости и вкуса; все сдѣлано на-скоро, кое-какъ, неудобно и неуютно. Въ комнатѣ съ скрипучими полами, гдѣ хозяинъ угощалъ меня чаемъ, немилосердно дуло въ щели оконъ и было холодно, въ іюлѣ мѣсяцѣ. „Вы проводите здѣсь все лѣто,—отчего вы не устроите себѣ жилища поудобнѣе?“ спросилъ я хозяина. „Доходы не позволяютъ“, отвѣтилъ мурманскій богачъ, не то шутя, не то серьезно. Въ подобнаго рода экономіи есть что-то суевѣрное, какая-то боязнь одного вида зажиточности. Доходы китоваго завода были плохи не оттого, что у нихъ не дуло въ окошки и былъ посаженъ картофель.

Четыре дня, проведенные подъ гостепріимной крышей капитана Г., были самыми комфортабельными и сытыми днями за два лѣта моихъ странствованій по сѣверу. Утромъ, какъ только я просыпался, въ мою комнату входилъ норвежецъ Луки, толстый слуга капитана, и приносилъ мнѣ воду для умыванья и кофе. Оригинальная фигура былъ этотъ Луки: толстый, съ значительнымъ брюшкомъ, но быстрый и подвижной старикъ съ коротко остриженными сѣдыми волосами и бритымъ, пухлымъ, добродушнымъ лицомъ; онъ исполнялъ здѣсь обязанность и слуги, и повара. Напившись кофе и не повидавшись еще съ хозяиномъ, я отправлялся на экскурсіи и возвращался домой къ завтраку, въ 11 часовъ, съ тѣмъ, чтобы послѣ завтрака вновь предпринять экскурсію, болѣе продолжительную. Для поѣздокъ на море я нашелъ себѣ компаньона въ лицѣ капитана, который оказался самъ охотникъ до собиранія естественно-историческихъ предметовъ; съ тѣхъ поръ, какъ его лѣтнимъ мѣстопребываніемъ сдѣлался берегъ Ледовитаго океана, ему не разъ уже приходилось встрѣчаться съ натуралистами и принимать ихъ у себя. У него гостили, въ разное время, С. М. Герценштейнъ и проф. Пальмѐнъ (изъ Гельсингфорса); ранней весной 1889 года заѣхали къ нему, по дорогѣ на Шпицбергенъ, два нѣмецкихъ зоолога—д-ръ Вальтеръ, нынѣ уже покойный (онъ умеръ вскорѣ по возвращеніи изъ экспедиціи), и д-ръ Кюкенталь, приватъ-доцентъ іенскаго университета, авторъ маленькаго руководства по микроскопической техникѣ, переведеннаго и на русскій языкъ. Отъѣздъ ихъ изъ Норвегіи на Шпицбергенъ замедлился, и они заѣхали на короткое время въ Еретикъ, на китобойный заводъ, когда глубокій снѣгъ покрывалъ еще берега (море здѣсь не замерзаетъ). Сталкиваясь съ натуралистами, капитанъ и самъ получилъ вкусъ къ собиранію „всякой дряни“ (подлинныя его выраженія были еще энергичнѣе); я могъ замѣтить это, какъ только вошелъ въ его комнату, потому что на его письменномъ столѣ лежало, на листѣ бумаги,

нѣсколько десятковъ экземпляровъ бабочекъ изъ рода Zygaena, которыя, по его словамъ, наканунѣ въ большомъ числѣ появились на островѣ; съ его разрѣшенія, я взялъ нѣсколько штукъ въ подарокъ кому-либо изъ петербургскихъ энтомологовъ. Но, кромѣ бабочекъ, капитанъ показалъ мнѣ еще порядочную коллекцію морской фауны: онъ завелъ себѣ драгу, привезъ изъ Гамбурга стеклянной посуды, и отъ времени до времени отправлялся, для развлеченія, подрагировать, увозя затѣмъ собранный матеріалъ въ Гамбургъ, въ мѣстный музей. Я смогъ даже научиться у него неизвѣстному еще мнѣ способу умерщвленія актиній, такимъ образомъ, чтобы онѣ умирали, не сократившись, съ вытянутыми щупальцами,—способу, который ему сообщилъ той же весной Кюкенталь: къ сосуду, въ которомъ помѣщаются актиніи, нужно прибавлять отъ времени до времени по нѣскольку капель раствора квасцовъ, осторожно выпуская ихъ изъ пипетки на самую поверхность воды. Растворъ расплывается на поверхности и, медленно диффундируя въ глубину, постепенно отравляетъ животныхъ, не вызывая съ ихъ стороны реакціи: они умираютъ въ натуральномъ видѣ, не сократившись. Я попробовалъ этотъ способъ надъ двумя крупными, желтыми актиніями, и съ полнымъ успѣхомъ: послѣ постепеннаго прибавленія квасцовъ, къ вечеру они перестали реагировать на прикосновеніе и, положенныя въ спиртъ не съежились, а остались съ вытянутыми щупальцами. Довольно курьезно это: у китолова научиться методѣ консервированія нѣжныхъ морскихъ животныхъ—между китомъ и актиніей есть разница!

Морской воздухъ и драгированіе возбуждаютъ хорошій аппетитъ, и поэтому, вернувшись къ обѣду, къ 6 часамъ вечера, я чувствовалъ особенную симпатію къ Лу́ки. Къ обѣду, кромѣ капитана, появлялось еще два лица: помощникъ его, Herr Leutnant, спеціальная обязанность котораго на заводѣ была клеевареніе (изъ китовины), молодой бѣлокурый шведъ,—бѣлокурый, впрочемъ, болѣе номинально, такъ какъ, несмотря на его молодость, на головѣ его было очень мало волосъ—одѣтый въ полосатую, красную съ черными полосами, куртку, и переводчикъ, молодой человѣкъ въ пестромъ галстухѣ и трудно опредѣлимой національности, впрочемъ, кажется, русскій, хотя по-русски онъ говорилъ плохо. Обѣдъ у капитана былъ дѣйствительно выдающихся достоинствъ и помимо морского воздуха: толстый Лу́ки былъ геній въ своемъ родѣ, геній весьма своеобразный и самобытный; въ сознаніи своего могущества онъ и держалъ себя истиннымъ распорядителемъ пира и не служилъ за обѣдомъ, а какъ бы дирижировалъ исполненіемъ

симфоніи своего сочиненія. Ему было чѣмъ гордиться: не легко быть метрдотелемъ на берегахъ Ледовитаго океана.

Уже одна изящная сервировка стола не могла не порадовать моихъ глазъ послѣ Кандалакши и убогаго буфета мурманскихъ пароходовъ: много посуды, не-русскаго типа стаканы и бокалы на высокихъ, тонкихъ ножкахъ; посреди стола ваза съ какимъ-то цвѣткомъ. Основной мотивъ обѣда составляла, конечно, рыба, но Лу́ки съумѣлъ дать разнообразныя и блестящія варіаціи на эту трудную тему. Семга свѣжая, семга копченая, семга соленая; треска, національное блюдо Мурманскаго берега, въ разныхъ видахъ: просто въ видѣ рыбы, вареная или жареная, или въ формѣ котлетъ, или въ другомъ видѣ, измѣненная до неузнаваемости, но всегда вкусная; изъ трески же, кажется, готовится и „норске фиске супъ"—густая похлебка изъ рыбы, весьма высокихъ достоинствъ; вареныя моллюски—Pecten islandicus [1]), подъ острымъ соусомъ (по правдѣ сказать, весь вкусъ заключался въ соусѣ). Это были все мѣстные продукты; прибавьте къ нимъ привозные припасы—англійскія пикули и датскіе консервы—и продукты южныхъ широтъ: телятину изъ Архангельска и спаржу изъ Гамбурга,—спаржу подъ 69 градусомъ широты!—прибавьте хорошее вино и норвежское пиво, и вы увидите, что капитанъ Г. недаромъ пользовался репутаціей перваго хлѣбосола Мурмана.

Лу́ки торопливо ходилъ около стола, и я не могу сказать—служилъ, а руководилъ теченіемъ обѣда; онъ дѣлалъ это съ такимъ достоинствомъ и такъ радушно, какъ будто онъ не слуга, а хозяинъ, угощавшій гостей; съ такой любезностью подсовывалъ онъ мнѣ что-нибудь, односложно прибавляя по-русски: „масля" или „клэба"; такъ благодушно при этомъ пыхтѣлъ и сопѣлъ и имѣлъ такой пріятно-озабоченный видъ, что всѣ его яства казались еще вкуснѣе. Вполнѣ оцѣнивая его талантъ и усердіе, я чувствовалъ, какъ заразительно дѣйствуетъ на меня его хорошее самочувствіе и серьезное отношеніе къ дѣлу, и кажется, подъ конецъ обѣда, невольно подражая ему, начиналъ такъ же ласково смотрѣть на моихъ товарищей и благодушно сопѣть, какъ толстый Лу́ки.

Послѣ обѣда я уходилъ въ свою комнату и занимался еще

---

[1]) Я прочиталъ у Миддендорфа, что въ старину этихъ Pecter islandicus изъ Колы отправляли въ Петербургъ, гдѣ онѣ продавались подъ именемъ кольскихъ устрицъ. Преданіе объ этомъ даетъ поводъ патріотамъ сѣвера вздыхать, „что прежде въ заливахъ Кольскомъ и Печенегскомъ ловились устрицы и отправлялись въ столицы; а теперь и этотъ промыселъ давно исчезъ" (Бесѣды о сѣверѣ Россіи. Спб., 1867). Настоящая устрица, Ostrea edulis, не встрѣчается въ Ледовитомъ океанѣ.

часа два, приводя въ порядокъ матеріалъ, собранный за день. Въ десятомъ часу ко мнѣ входилъ капитанъ и обращался со словами: „Herr Doctor, wollen sie ein Glas Tody trinken?“ Я оканчивалъ свои занятія и покорно шелъ за нимъ опять въ столовую, гдѣ Луки сервировалъ намъ Tody и гдѣ ожидалъ уже насъ Herr Leutnant.

Докторомъ называлъ меня капитанъ по нѣмецкому обычаю; Луки звалъ меня просто „профессоръ“. Профессоръ, это—титулъ, весьма извѣстный на берегахъ Бѣлаго моря и океана и присвоенный тамъ всѣмъ натуралистамъ. Вѣроятно, проф. Н. П. Вагнеръ и проф. Пальмѣнъ, во время своихъ частыхъ путешествій на сѣверъ, внушили мѣстному населенію мысль, что всякій баринъ, не интересующійся ни треской, ни сплавкой лѣса, собирающій какую-то никому ни на что ненужную дрянь и пользующійся при этомъ явнымъ уваженіемъ со стороны мѣстнаго начальства, это—„профессоръ“. Въ 1887 году два молодыхъ натуралиста, студенты нашего университета, провели два мѣсяца на Кольскомъ полуостровѣ, охотясь и собирая птицъ, и къ Герценштейну, бывшему въ это время на Мурманскомъ берегу, мѣстные жители обращались съ вопросомъ: „правда ли, что эти профессора, которые идутъ по пути изъ Кандалакши на Колу, что эти *профессора—студенты*?“

Итакъ, мы пили tody, чтò означаетъ собственно пуншъ, горячую воду съ ромомъ и сахаромъ, курили и мирно бесѣдовали. Капитанъ хорошо говорилъ по-нѣмецки; лейтенантъ думалъ, что онъ знаетъ одинъ только шведскій языкъ; но, увидя смѣлость и беззастѣнчивость, съ какою я объяснялся по-нѣмецки, и онъ позволилъ себѣ это въ видѣ опыта и обращался ко мнѣ иногда съ любезными фразами, точнаго смысла которыхъ я, впрочемъ, никакъ не могъ понять; но я старался отвѣчать ему такъ же любезно; онъ, въ свою очередь, не понималъ меня, но, повидимому, оставался доволенъ. Съ капитаномъ у насъ оказалось не мало общихъ знакомыхъ и мѣстъ, и лицъ. Онъ былъ прежде капитаномъ торговаго парохода и ходилъ въ южные порты Россіи; когда строилась курско-харьково-азовская желѣзная дорога, онъ возилъ для нея рельсы; югъ Россіи и послужилъ для насъ источникомъ воспоминаній и обмѣна свѣденій. Мало-по-малу, tody оживлялъ компанію и разговоръ становился разнообразнѣе; какъ гоголевскіе хохлы, мы говорили обо всемъ: „и о томъ, кто пошилъ себѣ новыя шаравары, и чтò находится внутри земли, и кто видѣлъ волка“. Капитанъ разсказалъ исторію, какъ онъ весной съ крыльца своего дома застрѣлилъ лисицу; лейтенантъ не безъ большихъ усилій, но съ

полнымъ успѣхомъ, сообщилъ мнѣ, какъ онъ прiѣхалъ сюда на Еретикъ изъ Швецiи, ранней весной, впервые попавши такъ высоко на сѣверъ, и какъ только черезъ два мѣсяца жизни на островѣ онъ съ удивленiемъ узналъ, что въ его домикъ со двора ведетъ довольно высокая лѣсенка, существованiя которой онъ и не подозрѣвалъ: только въ маѣ она вышла изъ-подъ начавшаго таять снѣга. Усталость дня, вкусный горячiй tody, облака дыма, которымъ обкуривали меня изъ своихъ длинныхъ трубокъ китоловы, шведскiя фразы, которыми они обмѣнивались, непривычная рѣчь, непривычная и странная обстановка, разговоръ про море и китовъ, про льды и снѣгъ—все это невольно настроивало воображенiе и переносило въ какой-то чуждый и далекiй мiръ: я начиналъ уже самъ казаться себѣ норвежцемъ изъ какой-нибудь старой сказки Андерсена. И когда, наконецъ, предъ моими глазами начинали плавать киты, я вставалъ, раскланивался со своими добрыми хозяевами, уходилъ въ свою комнату и засыпалъ какъ убитый; а полуночное солнце золотило сосѣднiя вершины горъ.

Конечно, мнѣ очень хотѣлось увидѣть кита, и мое желанiе увѣнчалось успѣхомъ въ первый же день пребыванiя въ Еретикахъ. Я драгировалъ около острова, когда послышался свистокъ, и рабочiй, бывшiй со мною, объяснилъ мнѣ, что это прибѣжалъ китобойный пароходъ и, значитъ, съ китомъ, такъ какъ онъ недавно только ушелъ въ море и не могъ возвращаться только за углемъ. Мы поплыли къ берегу посмотрѣть на кита. Его уже успѣли отцѣпить отъ парохода, притащившаго его на буксирѣ, и оставили лежать близко около берега, возлѣ брюги. Это былъ здоровый звѣрь въ 75 футовъ длины, „синiй китъ“ по мѣстному названiю, „Blaawal“ норвежцевъ, Balaenoptera Sibbaldii; онъ лежалъ на спинѣ, и надъ водою выдавалось только его бѣлое брюхо, исчерченное спереди длинными продольными бороздами. Громадное животное! наша лодка обыкновенной средней величины, карбасъ, плавала кругомъ него, точно вокругъ подводной скалы. Крови почти не было видно на немъ; гладкая, блестящая кожа была совершенно чиста; я не нашелъ на ней потомъ никакихъ паразитовъ или организмовъ, прикрѣпляющихся къ кожѣ китовъ, каковы, напр., усоногiе раки Coronula diadema и Conchoderma aurita; въ музеѣ петербургскаго университета есть превосходные экземпляры этихъ усоногихъ, добытые именно на заводѣ въ Еретикахъ; но они встрѣчаются на другихъ видахъ китовъ и никогда не бываютъ на кожѣ синяго кита. Изъ его тѣла исходилъ

странный, высокій, заунывный и жалобный звукъ, похожій на звонъ точно изъ колосса Мемнона; онъ продолжался весь день, и я услышалъ его еще и вечеромъ, выйдя на крыльцо дома. Должно быть, это выходилъ воздухъ изъ спадавшихся легкихъ громаднаго звѣря.

Съ прибытіемъ кита на заводѣ закипѣла работа; еслибы для обработки такого звѣря нужно было вытаскивать его на сушу, это былъ бы огромный трудъ: хорошій китъ вѣситъ тысячи три пудовъ. На самомъ дѣлѣ, можно очень легко и просто обойтись безъ этого—сама природа приходитъ на помощь, и чтобы „осушить“ кита, пользуются только отливомъ. Въ полную воду его подтягиваютъ вплотную къ берегу; въ отливъ китъ обсыхаетъ и на нѣсколько часовъ остается на сушѣ. Тогда его обдираютъ, длинными ножами срѣзываютъ мясо и жиръ. Нужно два отлива, чтобы отпрепарировать всего кита; сперва обдираютъ одну сторону; при наступленіи прилива его переворачиваютъ съ помощью лебедки и желѣзныхъ цѣпей, а затѣмъ, когда вновь спадетъ вода, доканчиваютъ обработку—снимаютъ мясо и съ другой стороны. Кости вытаскиваются на берегъ, но множество отброса внутренностей не убираются и оставляются въ морѣ. Вообще уборка такого колоссальнаго трупа не можетъ быть произведена достаточно опрятно и заражаетъ берегъ. Вдоль всего берега въ морѣ постоянно плаваютъ огромные куски китовины, и жирный налетъ покрываетъ воду; на пристани всѣ доски пропитаны жиромъ; противно дотронуться до перилъ лѣстницы, и ступеньки ея скользки неимовѣрно. Вонь около завода отъ гніющей китовины стоитъ невыносимая, невозможная; вѣтеръ далеко разноситъ ее; домикъ капитана стоитъ высоко на горѣ и на разстояніи нѣсколькихъ сотъ шаговъ отъ завода, но при вѣтрѣ съ берега нельзя было отворить окна моей комнаты, чтобы отвратительный запахъ не заставилъ немедленно его захлопнуть. Романтическій характеръ виллы капитана не мало страдаетъ отъ такого вопіющаго натурализма. Мнѣ жаловались рабочіе, что весною, когда только начинаются работы на заводѣ, первое время они не могутъ переносить этого запаха, и дѣло доходитъ до рвоты. Позднѣе—привыкаютъ. Такая негигіеничность условій этого производства исправляется нѣсколько его періодичностью; заводъ работаетъ только лѣтомъ, слѣдовательно зимой всѣ слѣды падали успѣваютъ исчезнуть. На зиму весь составъ рабочихъ распускается; капитанъ уѣзжаетъ въ Гамбургъ и возвращается на Мурманъ ранней весной, въ концѣ марта. Зимуетъ на заводѣ только одинъ норвежецъ-надсмотрщикъ съ семьей. Простые рабочіе на заводѣ русскіе, и то, кажется,

не безъ давленія со стороны губернской администраціи. Весь же завѣдующій работами персоналъ—иностранцы, шведы да норвежцы; самые китобои, плавающіе на пароходахъ, тоже, кажется, все норвежцы.

Я пошелъ посмотрѣть и китоловный пароходикъ. Это небольшое, но быстроходное судно, невысоко сидящее надъ водой и глубоко въ водѣ,—по размѣрамъ, я думаю, само немногимъ больше кита, котораго оно привело на буксирѣ. Крошечная каюта капитана по величинѣ больше походила на шкафъ для платья или буфетный, чѣмъ на комнату для человѣка; тѣмъ не менѣе въ ней стоялъ букетъ дикихъ цвѣтовъ—желтый Trallias europaeus, который въ Харьковѣ цвѣтетъ въ мартѣ, а здѣсь въ іюлѣ. Капитанъ—норвежецъ; у русскаго капитана въ каютѣ врядъ ли нашлись бы цвѣты. Почти весь трюмъ парохода занятъ канатомъ, толщиною безъ малаго въ руку и длиною около 300 саженъ; къ этому канату прикрѣпленъ гарпунъ. На носу парохода стоитъ маленькая пушка, которая выстрѣливаетъ гарпуномъ въ кита; тотъ романтическій періодъ китоловства, когда къ киту осторожно подходила шлюпка на веслахъ и китобой металъ рукой свой гарпунъ, рискуя немедленно полетѣть „кверхъ тормашки" и пойти вслѣдъ за китомъ въ воду,—кто изъ насъ въ дѣтствѣ не читалъ великолѣпныхъ описаній въ этомъ родѣ?—этотъ періодъ миновалъ невозвратно. Девятнадцатый вѣкъ съ его техническими усовершенствованіями истребилъ и этотъ романтизмъ въ числѣ прочихъ; теперь китовъ бьютъ изъ пушекъ и китовый промыселъ представляетъ мало опасности (кромѣ опасности разориться).

Хотя китовый промыселъ очень древняго происхожденія и практиковался еще въ средніе вѣка, а можетъ быть, и раньше, но здѣсь, на Мурманѣ и въ Сѣверной Норвегіи онъ появился въ большихъ размѣрахъ лишь весьма недавно [1]). Въ старину предметомъ этого промысла былъ почти исключительно гренландскій китъ (Balaena mysticetus), наиболѣе цѣнный и добычливый по своей огромной толщинѣ, богатству саломъ, по длинѣ и качеству эластичныхъ пластинъ, сидящихъ двумя рядами на нёбѣ (китовый усъ); должно быть, онъ водился тогда и въ сѣверо-европейскихъ моряхъ, по крайней мѣрѣ въ значительномъ количествѣ онъ встрѣчался у береговъ Исландіи и Шпицбергена. Но продолжительныя преслѣдованія вытѣснили его изъ этихъ водъ, и теперь его промышляютъ только еще въ Беринговомъ морѣ да

---

[1]) Нижеслѣдующія данныя взяты, главнымъ образомъ, у О. А. Гримма („О китобойномъ промыслѣ на Мурманѣ").

около Гренландіи, преимущественно въ Баффиновомъ заливѣ; а китоловы принялись преслѣдовать и другихъ, менѣе цѣнныхъ китовъ, которыми прежде пренебрегали. Изъ различныхъ видовъ этихъ животныхъ, до сихъ поръ еще недостаточно точно изученныхъ, у береговъ Мурмана встрѣчается около пяти, и въ томъ числѣ гигантскій синій китъ, Balaenoptera Sibbaldii; онъ не такъ жиренъ, какъ гренландскій китъ, и не достигаетъ такого вѣса, но значительно длиннѣе его, отъ 70 до 80 футовъ и болѣе; на заводѣ въ Еретикахъ былъ убитъ китъ въ 93 фута длины. По своимъ размѣрамъ это самая большая порода животныхъ, самый крупный звѣрь на земномъ шарѣ.

Довольно распространено убѣжденіе, что въ прежнія геологическія времена землю населяли животныя гигантскихъ размѣровъ, далеко превосходящія своей величиной всѣхъ нынѣ живущихъ. Между тѣмъ это справедливо только по отношенію къ сухопутнымъ животнымъ. На сушѣ, дѣйствительно, жили прежде колоссальные ящеры и звѣри, бывшіе настоящими гигантами въ сравненіи съ современными. Но въ моряхъ никогда не было формъ, превосходившихъ величиною современнаго гренландскаго или „синяго“ кита, и ихъ ископаемые предки третичной эпохи мельче современныхъ китовъ. Ошибочно было бы думать, что въ настоящее время уже невозможно существованіе такихъ крупныхъ животныхъ формъ, какъ въ древнія геологическія эпохи: нашъ современный китъ—одно изъ самыхъ крупныхъ животныхъ, когда-либо жившихъ на землѣ. Лишь весьма немногія ископаемыя формы могутъ съ нимъ сравняться или превосходятъ его; но зато представьте себѣ ходящее по твердой землѣ чудовище саженъ въ двѣнадцать длиною; такой длины (и болѣе) достигаютъ скелеты нѣкоторыхъ ящеровъ изъ юрскихъ отложеній Сѣверной Америки (Atlantosaurus), величайшихъ животныхъ, когда-либо жившихъ на сушѣ.

Въ Норвегіи принялись энергично за китовый промыселъ всего два-три десятка лѣтъ тому назадъ; начало ему было здѣсь положено однимъ предпріимчивымъ человѣкомъ, капитаномъ Svend Foyn, устроившимъ первый заводъ въ Вадсё, маленькомъ городкѣ недалеко отъ русской границы. Фойнъ снялъ сливки съ этого дѣла и сдѣлался милліонеромъ; возникшія по его примѣру предпріятія уже не имѣли такого успѣха. Организація промысла, какъ у насъ, такъ и въ Норвегіи—слѣдующая. Для боя китовъ употребляются небольшіе пароходы, длиною около 80 футъ, но глубоко сидящіе (около 10 футъ),—слѣдовательно, очень устойчивые, и быстроходные. На носу парохода помѣщается пушка около

$1 \frac{1}{2}$ аршина длины, стрѣляющая въ кита гарпуномъ, къ которому прикрѣпленъ канатъ, другой конецъ котораго находится на пароходѣ. На конецъ гарпуна навинчивается особый разрывной снарядъ, начиненный порохомъ; для взрыва пороха служитъ бертоллетова соль и сѣрная кислота, заключенная въ стеклянную трубочку, которая разбивается, когда гарпунъ вонзается въ тѣло кита.

Въ началѣ дѣятельности норвежскихъ и нашихъ заводовъ китовъ били вблизи берега, а теперь ихъ приходится искать уже на разстояніи многихъ десятковъ верстъ, въ открытомъ океанѣ. Китобои умѣютъ различать породы китовъ уже издали, по формѣ и величинѣ выбрасываемыхъ фонтановъ. Увидя кита, стараются, осторожно маневрируя, подойти къ нему на возможно близкое разстояніе, что̀ не всегда удается: китъ, плавающій въ два-три раза скорѣе преслѣдующаго его парохода, легко уходитъ изъ вида, и тогда приходится искать другого. Подойдя на разстояніе 10—15 саженъ, даютъ по немъ выстрѣлъ; если китъ взрывомъ гранаты убитъ на мѣстѣ, пароходъ подтягивается къ нему и беретъ его подъ бортъ на буксиръ, для чего подъ кита подводятъ толстыя цѣпи. Если же китъ только раненъ, онъ стремительно погружается въ воду или несется впередъ, таща за собою пароходъ съ чрезвычайною быстротою. Канатъ выпускаютъ тогда, при помощи особыхъ приспособленій, во всю его длину, и идутъ за китомъ на буксирѣ, пока онъ не издохнетъ, что̀ можетъ продлиться 6—10 часовъ и долѣе. Прогулка эта, конечно, не совсѣмъ безопасна, и потому стараются при первомъ удобномъ случаѣ пустить въ него другой выстрѣлъ.

Мертваго кита тащатъ на буксирѣ къ заводу, такъ какъ, имѣя одного кита, уже за другимъ не угоняешься. Здѣсь ножами на длинныхъ рукояткахъ срѣзываютъ съ него полосами во всю длину тѣла кожу и сало, которое немедленно поступаетъ на заводъ, въ жиротопки, для вытапливанія жира въ желѣзныхъ или деревянныхъ кубахъ, при помощи пара, проведеннаго изъ паровика. Китовый усъ вырѣзывается изъ пасти, кости рубятся на куски и также служатъ для вытапливанія жира; изъ клеевой воды, спускаемой изъ жиротопленныхъ кубовъ, приготовляется клей. Затѣмъ изъ остатковъ на нѣкоторыхъ заводахъ Норвегіи приготовляется еще и третій продуктъ, кромѣ жира и клея, именно пудретъ, служащій для удобренія полей,—высушенная и растертая въ порошокъ масса изъ костей и различныхъ тканей китоваго тѣла.

Усиленное преслѣдованіе китовъ ведетъ, конечно, къ ихъ

истребленію. Сначала били китовъ у берега, теперь ихъ ищутъ въ открытомъ морѣ; въ 1884 г. на всѣхъ китовыхъ заводахъ, русскихъ и норвежскихъ, на 35 или 36 пароходахъ было убито около 1.400 китовъ, а въ 1888 г. тѣ же 35 пароходовъ добыли только 717 китовъ. На заводѣ въ Еретикахъ, въ кампанію 1884 года, убито 76 штукъ; а въ годъ моего посѣщенія, видѣнный мною (5 іюля) китъ былъ всего только 16-й, и въ теченіе іюля мѣсяца было убито всего нѣсколько экземпляровъ, 3—4, не болѣе.

Хотя я и не компетентенъ въ подобныхъ вопросахъ, но не думаю, чтобы этотъ промыселъ имѣлъ хорошую будущность: едва ли киты, такіе громадные звѣри, требующіе, конечно, долгаго времени для достиженія зрѣлости, могутъ быть настолько многочисленны и плодовиты, чтобы выдержать такое ожесточенное преслѣдованіе даже при трудныхъ условіяхъ промысла въ арктическихъ моряхъ. Быстроходные пароходы, да пушки, да разрывные снаряды—это не то, что скромный ручной гарпунъ добраго стараго времени; едва ли есть хоть одно крупное животное на землѣ, которое могло бы устоять и сохраниться, если человѣкъ примется за его истребленіе съ помощью современной техники. Китовый промыселъ носитъ несомнѣнно разбойническій, хищническій характеръ; на извѣстной высотѣ культуры человѣкъ не можетъ и не долженъ только истреблять; промыселъ, основанный на истребленіи, не имѣетъ будущности, если рядомъ не идетъ работа созиданія и разведенія; европеецъ XIX-го вѣка не долженъ быть звѣроловомъ. Китоловы, впрочемъ, кажется, не раздѣляютъ этого мнѣнія; по крайней мѣрѣ, капитанъ Г. не вѣрилъ въ истребленіе китовъ, ссылаясь на то, что зимой ихъ не бьютъ (обмерзаетъ канатъ, и промыселъ невозможенъ), а въ это время, будто бы, киты бываютъ видны огромными стадами.

Въ старину, до появленія китобойныхъ пароходовъ въ здѣшнихъ водахъ, охоты на китовъ не было, и мѣстные жители промышляли ихъ понемножку, такъ сказать, „кустарнымъ“ способомъ. Добычею человѣка становились или мертвые киты, или попавшіе въ его руки случайно; на Мурманѣ изъ года въ годъ выбрасывало на берегъ съ десятокъ китовъ; такого выброшеннаго на ихъ берегъ кита лопари продавали поморамъ рублей за шестьдесятъ, а онъ давалъ до тысячи пудовъ жира. Другіе нечаянно обсыхали на отмеляхъ во время отлива, и если промышленникамъ случалось замѣтить ихъ въ такомъ положеніи, они спѣшили воспользоваться имъ раньше, чѣмъ спасительный приливъ придетъ киту на помощь. Не такъ давно, нѣсколько лѣтъ тому назадъ,

китъ обсохъ на мели въ нѣсколькихъ верстахъ отъ деревни Сороки, на Бѣломъ морѣ, куда вообще киты заходятъ лишь крайне рѣдко и случайно; пока онъ лежалъ на мели, рыбаки, пользуясь безпомощностью бѣднаго звѣря на сушѣ, ободрали его еще живого!

Въ одномъ французскомъ журналѣ я прочиталъ недавно объ интересномъ способѣ „кустарнаго" китоваго промысла, который практикуется съ незапамятныхъ временъ въ одномъ мѣстечкѣ Норвегіи. Въ тридцати километрахъ отъ Бергена есть маленькій фіордъ Skogsvâg, соединенный съ моремъ очень узкимъ проливомъ. Ежегодно, въ апрѣлѣ или въ маѣ, въ этотъ фіордъ заходятъ, гоняясь за рыбой, 1—2 экземпляра мелкой породы китовъ (футовъ въ 25—30), Balaenoptera rostrata; рыбаки подкарауливаютъ ихъ и, когда звѣрь войдетъ, затягиваютъ входъ сѣтью. Этого оказывается достаточнымъ, чтобы задержать кита въ заливѣ; прорвать сѣть онъ никогда не рѣшается и, подойдя къ ней, сейчасъ же поворачиваетъ обратно. Тогда рыбаки начинаютъ пускать въ него изъ луковъ стариннаго образца стрѣлы съ желѣзными наконечниками; на наконечникѣ каждой изъ нихъ находится клеймо ея владѣльца. Убить его такими стрѣлами невозможно, но, получивши нѣсколько стрѣлъ, китъ дня черезъ два своего пребыванія въ заливѣ становится лѣнивъ и малоподвиженъ, чаще выходитъ на поверхность воды подышать воздухомъ, очевидно, дѣлается боленъ и теряетъ силы; тогда его бьютъ гарпуномъ и 50—100 человѣкъ вытаскиваютъ его на берегъ. При этомъ всегда оказывается, что около какой-либо изъ вонзившихся въ кита стрѣлъ находится сильно воспаленное мѣсто; эта стрѣла считается смертельной, и собственникъ ея получаетъ львиную долю добычи. А для удачи будущаго промысла рыбаки погружаютъ наконечники всѣхъ стрѣлъ въ воспаленную рану, потомъ засушиваютъ, не обтеревши, и хранятъ до слѣдующаго раза. Два норвежскихъ доктора (Hansen и Gade) изслѣдовали мясо и кровь изъ воспаленной раны кита и обнаружили въ нихъ присутствіе бациллы, которую имъ и удалось культивировать искусственно. Оказалось, такимъ образомъ, что рыбаки, погружая стрѣлы въ раны, сохраняютъ потомъ на ихъ наконечникахъ зародышей этихъ бациллъ, и при слѣдующей охотѣ заражаютъ ими кита, вызывая въ немъ септицемію, гнилостное зараженіе крови. Зараженныя стрѣлы хранятся изъ года въ годъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію, перенося заразу съ одного кита на другого; а такъ какъ промыселъ этотъ существуетъ съ древнѣйшихъ временъ, вѣроятно, въ неизмѣнномъ видѣ (луки рыбаковъ такіе же, какіе употреблялись во времена викинговъ; уже 500 лѣтъ тому

назадъ этотъ промыселъ около Бергена былъ сдѣланъ монополіей епископа), то это есть, вѣроятно, древнѣйшее открытіе искусственнаго зараженія или прививки.

Возникновеніе крупнаго китоваго промысла въ этихъ странахъ повело за собой многочисленныя распри и неудовольствія, въ Норвегіи главнымъ образомъ, но также и у насъ, между рыбопромышленниками и китоловами; полемика загорѣлась и въ литературѣ, а въ Норвегіи проникла даже въ стортингъ, норвежскій парламентъ. Въ случаѣ неудачи своего промысла, рыбопромышленники стали обвинять въ этомъ китолововъ, упрекая ихъ, что бой китовъ губитъ рыбные промыслы въ Норвегіи, и вотъ на какихъ основаніяхъ. Беззубые или усатые киты, у которыхъ во рту нѣтъ зубовъ, а виситъ съ верхней ротовой стѣнки множество огромныхъ, эластическихъ роговыхъ пластинокъ, питаются, какъ извѣстно, несмотря на свою огромную величину, лишь самыми мелкими животными, добывая ихъ чисто пассивнымъ путемъ, процѣживаніемъ воды сквозь свою пасть, усаженную „китовымъ усомъ". Одни виды ловятъ такимъ образомъ пелагическихъ, свободно плавающихъ въ верхнихъ слояхъ воды, безпозвоночныхъ животныхъ, нѣжныхъ медузъ, крылоногихъ моллюсокъ и др.; „синій китъ" питается, напр., мелкимъ рачкомъ, называемымъ по-норвежски „kril", миріадами кишащимъ въ водахъ Ледовитаго океана. Другіе виды, съ болѣе короткими и грубыми ротовыми пластинками, питаются мелкой рыбой, а въ томъ числѣ такъ-называемой *мойвой*, Mallotus arcticus; эта же самая мойва составляетъ любимую пищу трески и употребляется какъ наживка на крючки при ея добываніи. Ранней весною къ берегамъ сѣверной Норвегіи и Мурмана подходятъ огромныя полчища мойвы, а за нею движется треска; тогда начинается ловъ обѣихъ этихъ рыбъ, причемъ мойва ловится не какъ самостоятельный предметъ промысла, а какъ наживка для лова трески. Въ этомъ отношеніи появленіе мойвы у береговъ играетъ первостепенную роль въ тресковомъ промыслѣ: если ея нѣтъ, ловъ трески идетъ плохо, въ какомъ бы количествѣ она ни находилась. Хотя употребляютъ для наживки и другихъ рыбъ, и даже безпозвоночныхъ животныхъ, моллюсокъ или червей, но мойва считается самою лучшею. И вотъ, по теоріи рыбопромышленниковъ, мойва, подходя весной къ берегамъ, спасалась отъ преслѣдованія китовъ, которые, гоняясь за нею, прижимаютъ ее къ берегу; китоловы же, избивая китовъ и отгоняя ихъ въ открытый океанъ, тѣмъ самымъ прекращаютъ появленіе мойвы у береговъ, и слѣдовательно, дѣлаютъ ловъ трески почти невозможнымъ или гораздо менѣе добычливымъ. Киты, по ихъ мнѣнію,

суть естественные пособники трескового промысла, и поэтому они энергично берутъ ихъ подъ свою защиту, утверждая, что китовый промыселъ, второстепенный, конечно, по своему значенію, чрезвычайно вреденъ для промысловъ рыбныхъ, представляющихъ вопросъ существованія для мѣстнаго населенія. Китоловы же отнюдь не хотятъ брать такого грѣха на душу, и на эти обвиненія весьма рѣзко отвѣчаютъ, какъ капитанъ Г.: „Unsinn!“ Въ нашей литературѣ О. А. Гриммъ высказывался въ данномъ вопросѣ въ пользу китолововъ; по его мнѣнію, нѣтъ никакихъ данныхъ думать, чтобы киты пригоняли мойву къ берегу: они идутъ за нею пассивно, слѣдуя за ея движеніями, точно также какъ и треска. Мойва идетъ къ берегу съ цѣлью метанья икры, подчиняясь, какъ и другія рыбы, неудержимому инстинкту; колебанія же въ ея количествѣ зависятъ вѣроятно отъ метеорологическихъ, температурныхъ колебаній, въ зависимости отъ которыхъ ея бываетъ то больше, то меньше, а иной разъ она не подходитъ и совсѣмъ, и ищетъ, вѣроятно, для метанія икры отдаленныя отмели въ морѣ. Въ иные же года, несмотря на усиленное избіеніе китовъ, мойва тѣмъ не менѣе огромными массами появляется у береговъ.

Во всякомъ случаѣ, для нашихъ русскихъ промышленниковъ этотъ споръ значительно потерялъ свой жгучій интересъ, такъ какъ мурманскіе китобойные заводы уже отошли покамѣстъ въ исторію (хотя у насъ жаловались, кажется, больше на норвежцевъ, бившихъ китовъ въ русскихъ водахъ). Весной этого года я прочиталъ въ „Новомъ Времени“ интересную корреспонденцію изъ Архангельска, подписанную иниціаломъ, подъ которымъ я позволяю себѣ угадать одного русскаго натуралиста, давно уже сошедшаго съ научной арены, а въ свое время бывшаго однимъ изъ первыхъ изслѣдователей фауны нашего сѣвернаго моря; собранная имъ коллекція безпозвоночныхъ Ледовитаго океана до сихъ поръ составляетъ одно изъ украшеній зоологическаго музея петербургскаго университета. Въ этой статьѣ сообщаются довольно жалостныя свѣденія о сѣверномъ китоловствѣ вообще.

Количество китовъ, по словамъ г-на Я., за послѣдніе годы, у береговъ Норвегіи и западной части Мурманскаго берега сильно уменьшилось, и промыселъ ихъ сталъ плохо окупаться. Киты ушли на востокъ [1]), къ острову Калгуеву и далѣе, хотя еще у восточной части Мурмана, у мыса Святого Носа, были довольно многочисленны въ навигацію 1889 года, когда норвежскій про-

---

[1]) Тогда какъ прежде были особенно многочисленны въ западной части Мурманскаго берега, между Рыбачьимъ полуостровомъ и Кильдиномъ (по Ѳ. Д. Плеске).

мыселъ былъ крайне неудаченъ. Русскіе заводы прекратили свои работы. На Арской губѣ, гдѣ промыселъ прекратился уже три года тому назадъ, теперь за два паровыхъ завода (салотопенный и костомольный или гуанный), четыре большія постройки и три парохода, стоившіе товариществу нѣсколько сотъ тысячъ рублей, одна рижская торговая фирма предлагала всего 80 тысячъ, но сдѣлка не состоялась. Заводъ перваго мурманскаго товарищества въ Еретикахъ въ этомъ году также ликвидируетъ свои дѣла (по причинѣ, повидимому, смерти двухъ главныхъ компаньоновъ, петербургскихъ капиталистовъ), и капитанъ Г. пріѣхалъ изъ Гамбурга на Мурманъ, въ Еретики, съ цѣлью только закрыть факторію. Но и въ Норвегіи дѣла идутъ не лучше. Тамъ конкурренція между китоловами дошла уже до того, что нѣкоторые изъ нихъ стали искать новыхъ мѣстъ и переселяться въ другія страны, и самъ знаменитый Фойнъ, патріархъ норвежскихъ китоловъ, покинулъ свои богатые заводы въ Вадсё и уже нѣсколько лѣтъ какъ перенесъ арену своей дѣятельности въ Исландію.

Итакъ, вилла капитана Г. на гранитныхъ скалахъ острова Еретика оказалась построенною на пескѣ, и странствующіе натуралисты не найдутъ болѣе подъ ея крышей ни любезнаго хозяина, ни удивительнаго арктическаго обѣда, ни tody.

III.

Островъ Килдинъ.

У меня было разрѣшеніе пользоваться для переѣздовъ по океану рейсами административнаго парохода „Мурманъ", маленькаго пароходика, находящагося въ распоряженіи мѣстнаго исправника, который обязанъ все лѣто, въ теченіе производства рыбныхъ промысловъ, разъѣзжать на немъ вдоль сѣвернаго берега Кольскаго полуострова. Это разрѣшеніе мнѣ очень пригодилось: почтовый пароходъ дѣлаетъ здѣсь всего два рейса въ мѣсяцъ; наемъ паруснаго суднишка (промысловой „шняки" или „ёлы") стоитъ дорого и былъ бы мнѣ не по средствамъ, да и плаваніе на нихъ сопряжено всегда съ затрудненіями. На пароходѣ же „Мурманъ" мнѣ удалось посѣтить цѣлый рядъ пунктовъ побережья, въ которые иначе мнѣ навѣрное не удалось бы попасть.

Этотъ пароходъ и перевезъ меня 8 іюля съ китобойнаго завода верстъ на шестьдесятъ къ востоку, на Килдинъ, большой и высокій островъ къ востоку отъ Кольской губы. Самый большой

изъ острововъ Мурманскаго побережья, верстъ 15 въ длину, Килдинъ въ то же время одно изъ самыхъ красивыхъ мѣстъ, видѣнныхъ мною на Кольскомъ полуостровѣ. Онъ достигаетъ значительной высоты, футовъ въ 600, но эти 600 фут., не надо забывать, подымаются прямо надъ моремъ и поэтому производятъ болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ горы, абсолютная высота которыхъ гораздо больше, но медленно подымающіяся на материкѣ. На западъ эта гора падаетъ къ морю крутымъ, почти отвѣснымъ обрывомъ, съ огромною осыпью у основанія; когда пароходъ входитъ въ проливъ, отдѣляющій островъ отъ материка, крутой и гордый профиль этого обрыва рѣзко выступаетъ на небосклонѣ; суровый утесъ съ дерзкимъ упорствомъ смотритъ на океанъ, лежащій далеко внизу у его ногъ, на безсильный океанъ, который столько лѣтъ напрасно бьется объ его каменную грудь. Къ востоку островъ постепенно понижается, представляя изъ себя высокую и пустынную равнину; деревьевъ на немъ, конечно, нѣтъ, но южный склонъ острова во многихъ мѣстахъ покрытъ густой зеленой травой. Вмѣсто гранита, образующаго горы Лапландіи, Килдинъ сложенъ изъ другихъ породъ, песчаника и глинистаго сланца, аспидно-сѣраго цвѣта; слои этого сланца выступаютъ на крутыхъ уступахъ берега.

Въ самомъ началѣ этого столѣтія на Килдинѣ было рыбацкое становище, основанное Соловецкимъ монастыремъ, но его сожгли въ 1809 году англичане, обидѣвшись на „континентальную систему“, и островъ надолго превратился въ пустыню. Теперь на всемъ этомъ пятнадцати-верстномъ пространствѣ существуетъ одно только человѣческое жилище—изба колониста, поселившагося нѣсколько лѣтъ тому назадъ на восточномъ концѣ острова, на берегу маленькой бухточки Килдинскаго пролива, около мыса Могильнаго. Въ этой бухточкѣ остановился пароходъ „Мурманъ“ и высадилъ меня на берегъ.

Первое, что̀ я встрѣтилъ на берегу, выйдя изъ лодки, было три бѣлыхъ медвѣдя. Такъ и слѣдуетъ, конечно, при путешествіи по Ледовитому океану; впрочемъ, они были въ клѣткахъ. Это были несчастныя жертвы кораблекрушенія; ихъ, уроженцевъ Новой Земли, прошлой осенью отправили изъ Архангельска на парусной шкунѣ въ Петербургъ на продажу, должно быть. У береговъ Килдина шкуна разбилась, но медвѣди, застрахованные, по разсказамъ, въ 1,500 рублей, спаслись, и дальнѣйшую заботу объ нихъ взяло на себя страховое общество. Норвежцу-колонисту поручили надзоръ за ними въ теченіе лѣта, съ тѣмъ чтобы осенью снова снарядить ихъ въ путь. Въ тѣсныхъ дорожныхъ клѣткахъ,

разсчитанныхъ на короткое время переѣзда, имъ, несчастнымъ, пришлось провести цѣлый годъ, и они, повидимому, очень страдали. Я долго наблюдалъ ихъ потомъ; одинъ изъ нихъ особенно томился: съ мучительнымъ однообразіемъ дѣлалъ онъ въ своей клѣткѣ, по цѣлымъ часамъ, два шага впередъ, два назадъ, мотая въ тактъ головой, и жалобно ворчалъ. А у самыхъ ногъ его плескалось родное море, и со всѣхъ сторонъ за своей толстой рѣшеткой онъ видѣлъ милую ему сѣверную пустыню. Норвежецъ заботливо ходилъ за ними, поливалъ ихъ водой, кормилъ свѣжей рыбой и спеціально для нихъ испеченнымъ хлѣбомъ.

Если прибавить еще, что въ другой клѣткѣ около дома сидѣла пара маленькихъ песцовъ, и у колониста было стадо сѣверныхъ оленей, то вы увидите, что я очутился въ довольно полярномъ обществѣ.

Этотъ норвежецъ, какъ я сказалъ уже, составлялъ единственное населеніе всего большого острова,—не совсѣмъ, однако, единственное: у него была жена и 12 человѣкъ дѣтей. При мнѣ, впрочемъ, не всѣ были въ сборѣ, и на-лицо было человѣкъ 10—11; я до конца моего пребыванія не съумѣлъ ихъ точно пересчитать. Старшій сынъ былъ уже взрослый, работникъ и помощникъ отца; младшій ребенокъ сосалъ грудь матери. Отецъ же всего семейства былъ пожилой человѣкъ, бѣлокурый, безъ сѣдыхъ волосъ, здоровенный мужичина, достойный потомокъ норманновъ.

Въ тотъ день, когда я высадился на островѣ,—это было уже передъ вечеромъ,—отца и сыновей не было дома, въ домѣ копошилась мелюзга, а изъ взрослыхъ были на-лицо только двѣ дочери, „двѣ бѣлокурыя, двѣ стройныя сестрицы“ (не очень, впрочемъ, стройныя), лѣтъ 18—20. Къ величайшему моему сожалѣнію, двѣ сестрицы ничего не понимали по-русски. Въ числѣ матросовъ, переносившихъ мои вещи съ „Мурмана“, былъ одинъ, говорившій по-норвежски; онъ объяснилъ сестрицамъ мои намѣренія, что я проживу у нихъ въ домѣ три дня, для нужныхъ мнѣ цѣлей; чтобы они меня поили и кормили, что я за все заплачу, а черезъ три дня за мной вновь придетъ пароходъ, и я уѣду. Дѣвицы приняли это къ свѣденію и стушевались; мнѣ пришлось вмѣстѣ съ моимъ проводникомъ самому осмотрѣть ихъ домъ и выбрать себѣ каморку, гдѣ я могъ, не особенно стѣсняя моихъ хозяевъ, разобрать свои вещи и заниматься.

Пароходъ ушелъ, дѣвицы провалились сквозь землю, отецъ ихъ не показывался. Уже вечерѣло; я пошелъ предварительно походить по острову и взглянуть на озеро, которое меня здѣсь интересовало. Когда я уже вечеромъ вернулся домой, одна изъ

сестрицъ вошла въ мою каморку, остановилась въ дверяхъ и конфузливо произнесла: „комене списъ“, или что-то подобное, потому что я, должно быть, перевираю. Я обернулся и посмотрѣлъ на нее съ недоумѣніемъ. „Комене списъ“, повторила она, улыбаясь. „Спишь?“ переспросилъ я, не разобравши. „Я буду спать здѣсь, въ этой комнатѣ“, и показалъ ей гдѣ. Дѣвица отрицательно покачала головой и повторила то же самое. Спички? подумалъ я, и далъ ей спички. Смѣется, качаетъ головой и твердитъ свое. Насилу я догадался, что она зоветъ меня ужинать, ѣсть. Я поблагодарилъ ее и съумѣлъ подобающими жестами объяснить, что прошу только самоваръ для чая.

На другой день эти словесныя бѣдствія продолжались. Ихъ отецъ зналъ по-русски немного больше своихъ дочерей, какой-нибудь десятокъ словъ: треска, рубль, море, хлѣбъ. А мнѣ на бѣду его услуги было очень нужны. Три дня я оказался лишеннымъ возможности пользоваться величайшимъ даромъ Божіимъ—членораздѣльной рѣчью, и вынужденъ былъ объясняться съ людьми, какъ Робинзонъ съ Пятницей, при помощи выразительныхъ жестикуляцій. Жестами я показывалъ, что хочу умываться или прошу воды напиться; только собираясь обѣдать, я умѣлъ уже сказать: „ну, теперь пора списъ“, къ полному удовольствію моихъ хозяевъ. Мало-по-малу я дошелъ въ мимикѣ почти до совершенства Цукки, и могъ изящными и цѣлесообразными жестами выражать самыя сложныя мысли, въ родѣ, напримѣръ: „дайте мнѣ простокваши“. Впрочемъ, простокваши мнѣ все-таки не дали (можетъ быть, ея не было?). Это было очень забавно; но когда мнѣ пришлось прибѣгать къ помощи моего хозяина для драгированія, невозможность какъ слѣдуетъ объяснить ему, чего я хочу, оказалась довольно неудобной.

На Килдинъ меня привлекло собственно вотъ какое обстоятельство.

Въ 1887 году С. М. Герценштейнъ добылъ изъ одного небольшого озера на островѣ Килдинѣ треску, рыбу, какъ извѣстно, исключительно морскую, никогда не встрѣчающуюся ни въ рѣкахъ, ни въ озерахъ; объ этой замѣчательной находкѣ имъ тогда же было сдѣлано сообщеніе въ одномъ изъ засѣданій петербургскаго общества естествоиспытателей.

На берегу озера онъ нашелъ много пустыхъ створокъ морскихъ моллюсокъ, тоже, слѣдовательно, нѣкогда въ немъ жившихъ. Попытки драгировать оказались очень затруднительными и неудачными; не было порядочной лодки, и приходилось, закинувши драгу въ воду, вытаскивать ее къ берегу; она приходила при

этомъ биткомъ-набитая густымъ, трудно промывающимся, богатымъ гнилью иломъ, въ которомъ не было ничего живого; попадались пустыя раковины морскихъ опять-таки моллюсокъ. Нахожденіе въ озерѣ трески и остатки морскихъ моллюсокъ заставляли думать, что оно морского происхожденія, составляло нѣкогда часть моря и затѣмъ, въ силу какихъ-нибудь причинъ, отдѣлилось отъ моря и опрѣснѣло; морская фауна при этомъ вымерла, а треска приспособилась къ новымъ условіямъ жизни и уцѣлѣла. Дѣйствительно, вода изъ этого озера, прѣсная на вкусъ и годная для питья, посланная С. М. Герценштейномъ для анализа въ Дерптъ, къ профессору К. Шмидту, оказалась, по процентному содержанію солей, водою сосѣдняго Ледовитаго океана, лишь разбавленною въ 13 разъ прѣсною (снѣговою, дождевою, ключевою); соленость соотвѣтствовала приблизительно солености Балтійскаго моря въ устьѣ большихъ рѣкъ, напримѣръ Финскаго залива при впаденіи Невы, верстъ 10 къ востоку отъ Кронштадта.

Когда я готовился къ поѣздкѣ на Мурманъ, С. М. Герценштейнъ просилъ меня, если мнѣ придется побывать на Килдинѣ, привезти ему еще экземпляровъ трески изъ открытаго имъ озера и настоятельно рекомендовалъ повторить его неудачныя попытки драгировать. Я послушался его, и не напрасно.

Отыскать это озеро по даннымъ мнѣ указаніямъ было не трудно. Оно находилось отъ избы колониста въ разстояніи около версты, въ небольшой, но довольно глубокой и отовсюду замкнутой котловинѣ, очень близко отъ моря (въ самомъ близкомъ мѣстѣ, вѣроятно всего въ нѣсколькихъ десяткахъ саженей), но отдѣленное отъ него высокимъ и крутымъ каменнымъ валомъ, сложеннымъ изъ крупныхъ валуновъ. Сѣверный берегъ озера былъ плоскій, низменный, и къ нему прилегала небольшая, кочковатая, поросшая мхомъ и травой, мочежинка, изъ которой медленно сочился и тоненькими струйками бѣжалъ въ озеро небольшой, едва замѣтный родничокъ. Дно озера около берега было въ этомъ мѣстѣ очень мелкое, песчаное, и повсюду на днѣ, на берегу и частью даже на пространствѣ, поросшемъ болотной травой, въ толщѣ кочекъ, лежало множество осколковъ и цѣльныхъ пустыхъ раковинъ, согласно описанію С. М. Герценштейна. Эти остатки раковинъ указывали на уменьшеніе, усыханіе того водяного бассейна, въ которомъ онѣ жили.

Съ остальныхъ сторонъ берега были круче, а дно около берега глубже. И первое, что̀ мнѣ бросилось въ глаза при видѣ этого озера—былъ морской цвѣтъ его воды. Во всѣхъ сѣверныхъ озерахъ, которыя мнѣ приходилось видѣть, не исключая Ладож-

скаго и Онежскаго, вода мутная, мало-прозрачная и ржаво-желтаго оттѣнка, какъ вода болотъ, изъ которыхъ она собирается, и въ Бѣломъ морѣ, принимающемъ въ себя массу рѣкъ, все еще мутная и желтая вода, темно-бурая, если смотрѣть, напр., съ борта парохода. Напротивъ, вода Ледовитаго океана очень прозрачная и зеленая; въ защищенныхъ бухтахъ съ скалистыми берегами даже довольно яркаго колорита. Вода Килдинскаго озера казалась также зеленою, какъ въ океанѣ (особенно когда я потомъ плавалъ по немъ въ лодкѣ) и была несравненно прозрачнѣе воды въ обыкновенныхъ озерахъ. Я могъ въ немъ видѣть треску, когда она проплывала въ довольно далекомъ разстояніи отъ берега; этимъ путемъ и было впервые обнаружено ея присутствіе въ озерѣ норвежцемъ-колонистомъ: онъ видѣлъ рыбу съ берега и застрѣлилъ одну штуку изъ ружья. Отъ норвежца узналъ объ этомъ С. М. Герценштейнъ.

Прежде всего я принялся исполнять порученіе С. М. Герценштейна, добывать ему треску. Норвежецъ съ однимъ изъ своихъ сыновей перетащилъ въ озеро съ берега моря, черезъ раздѣляющій ихъ каменный валъ, небольшую лодчонку, въ которой едва могли помѣститься три человѣка, и сталъ ловить рыбу „на поддѣвъ", при помощи подвязаннаго къ нити крючка, безъ всякой приманки, лишь съ подвѣшенной блестящей оловянной фигуркой въ родѣ рыбки. Нитью потряхиваютъ въ водѣ, и жадная треска бросается на оловянную приманку; такимъ способомъ норвежецъ въ какихъ-нибудь полчаса поймалъ мнѣ шестнадцать штукъ хорошей трески; слѣдовательно, ея въ озерѣ живетъ не мало. Два менѣе крупныхъ экземпляра я положилъ въ спиртъ; у нѣсколькихъ я вскрылъ желудокъ, чтобы посмотрѣть, чѣмъ питается въ озерѣ эта хищная рыба. У всѣхъ желудокъ оказался биткомъ-набитымъ мелкими рачками-бокоплавами (Gammarus).

Послѣ этого я принялся драгировать, при помощи, конечно, все того же норвежскаго семейства. Лодочка, перетащенная въ озеро, оказалась слишкомъ мала, чтобы можно было въ нее втаскивать драги, и пришлось поступать слѣдующимъ образомъ: драга на лодкѣ завозилась какъ можно дальше въ озеро, бросалась на дно, затѣмъ норвежцы возвращались на берегъ и тащили уже съ него драгу. Работали отецъ съ двумя сыновьями, а на берегу кишѣли маленькіе норвеженки.

Долго я получалъ такіе же результаты, какъ и Герценштейнъ: драга приходила полная вязкаго, гнилого и вонючаго ила и не приносила ничего живого; изрѣдка попадались пустыя раковины морскихъ моллюсокъ. Но вдругъ я совершенно случайно на-

толкнулся на такой уголокъ озера, куда Герценштейну не посчастливилось попасть и въ которомъ оказались любопытнѣйшія вещи.

Мало-по-малу, переходя съ нашей драгой съ одного мѣста берега (озеро имѣло около версты въ длину) на другое, мы попали въ самый восточный уголъ его, съ крутыми и каменистыми берегами, по которымъ было довольно затруднительно ходить, особенно съ драгой и посудой. Здѣсь грунтъ озера оказался совершенно другой: именно, вмѣсто ила, все дно было покрыто крупными и мелкими камнями, почти безъ примѣси землистыхъ частицъ; и вотъ, неожиданно, на одномъ изъ вытащенныхъ камней я увидѣлъ плотно сидящій на немъ, розоваго цвѣта, маленькій, молодой экземпляръ хорошо мнѣ знакомой по виду сѣверной асцидіи, вѣроятно, вида Styela rustica. Первое добытое мною изъ озера живое существо было настоящее, типичное морское животное, никогда не живущее въ прѣсной водѣ! Можете себѣ представить мое удивленіе и радость при такой неожиданной находкѣ! Я принялся теперь тащить изъ озера одну драгу за другой; всякій разъ она приходила съ полнымъ мѣшкомъ каменьевъ, немилосердно рвавшихъ сѣть, а между этими камнями и, главнымъ образомъ, на нихъ оказалась хотя и довольно скудная, но настоящая морская фауна. На камняхъ неподвижно сидѣли асцидіи двухъ или трехъ видовъ, изъ которыхъ особенно многочисленны были розовые, молодые экземпляры той, которую я добылъ прежде всего; были и довольно крупные экземпляры,—многіе, къ сожалѣнію, сильно помятые камнями. Вмѣстѣ съ ними сидѣли многочисленныя, мелкія, желтенькія актиніи. Попалась одна маленькая морская звѣздочка, съ поломанными и вновь отростающими лучами. Два вида морскихъ моллюсокъ—теперь уже живые, а не мертвые, черви-полихеты и мелкія губки дополняли коллекцію. На камняхъ росли красныя морскія водоросли-багрянки. Захудалая, бѣдная видами и особями, вымирающая, но настоящая морская фауна.

Не было никакого сомнѣнія, что въ озерѣ должна была быть соленая, морская вода, что оно не прѣсноводное; такая полная коллекція морскихъ формъ—и еще какихъ: звѣздъ, асцидій!—не могла приспособиться къ жизни въ прѣсной водѣ, какъ это можно было бы допустить для трески. Между тѣмъ вода, зачерпнутая съ поверхности озера, была несомнѣнно прѣсная: въ ней былъ нѣкоторый непріятный привкусъ, слегка слышная солоноватость, но пить ее можно было свободно. Слѣдовательно, этотъ поверхностный слой прѣсной воды прикрывалъ собою толщи другой

воды, морской, соленой; чтобы убѣдиться въ этомъ, надо было достать воды со дна, не смѣшивая этой пробы съ водою поверхностнаго слоя. Но какъ это сдѣлать?

Со мною не было батометра, прибора, служащаго для этой цѣли и состоящаго изъ цилиндрической трубочки съ клапанами, такъ устроенными, что они свободно пропускаютъ воду въ трубочку, когда батометръ идетъ внизъ, и крѣпко захлопываются при вытаскиваніи инструмента, такъ что вода, вошедшая въ него на извѣстной глубинѣ, уже не можетъ выйти или смѣшаться съ водою вышележащихъ слоевъ. Надо было придумать что-нибудь подобное. Съ изобрѣтательностью, достойною Эдиссона, я приспособилъ къ этому дѣлу мой большой мѣдный чайникъ для кипяченія воды. Крѣпко надѣвши на него крышку, я привязалъ его за ручку къ веревкѣ, и къ этой же ручкѣ привязалъ тяжелый грузъ въ видѣ большого камня; въ такомъ видѣ я его бросилъ изъ лодки въ воду, держа въ рукахъ только конецъ веревки, къ которой онъ былъ привязанъ. Такъ какъ грузъ былъ привязанъ къ ручкѣ, то чайникъ повернулся дномъ вверхъ и быстро пошелъ ко дну; въ этомъ положеніи горлышко его смотрѣло внизъ, и слѣдовательно, при быстромъ паденіи чайника, воздухъ изъ него не могъ выйти и не пускалъ въ него воду. На глубинѣ около шести саженъ, близко отъ дна, я остановилъ чайникъ за веревку и сталъ его сильно встряхивать: воздухъ выходилъ изъ него большими пузырями и онъ наполнялся водой. Когда пузыри перестали выходить, что̀ указывало на полноту чайника, я вытащилъ его какъ можно скорѣе. Такъ какъ веревка была привязана за ручку, то чайникъ повернулся теперь крышкой вверхъ, и горлышко его смотрѣло также вверхъ: наполненное водою, оно не могло, при его быстромъ прохожденіи, дать мѣсто водѣ верхнихъ слоевъ, и чайникъ долженъ былъ принести мнѣ воду съ той глубины, на которой она была зачерпнута. Вода оказалась дѣйствительно морская, соленая; я попробовалъ ее и долженъ былъ выплюнуть; далъ попробовать норвежцу, и онъ, къ полному моему удовольствію, также выплюнулъ.

Вотъ каково было, слѣдовательно, рѣшеніе задачи: треска жила не въ прѣсноводномъ озерѣ, а въ своей родной сферѣ, въ морской водѣ; вмѣстѣ съ нею жили здѣсь и другія морскія животныя. Соленая морская вода была только прикрыта поверхностнымъ слоемъ прѣсной; этимъ объяснялись и прозрачность, и морской цвѣтъ воды въ озерѣ. Какъ же могло образоваться подобное явленіе?

Очевидно, Килдинское озеро представляло изъ себя въ древности участокъ моря, сообщалось съ моремъ, и лишь впослѣдствіи, отдѣлившись отъ него въ силу какихъ-либо причинъ, превратилось въ замкнутый бассейнъ, въ озеро. Такія озера, образовавшіяся путемъ отдѣленія извѣстныхъ котловинъ или впадинъ отъ моря, называются „остаточными", „Reliktenseen"; они могутъ быть солеными или прѣсными; послѣднее бываетъ чаще, и именно тогда, когда озеро имѣетъ выходъ, истокъ въ море; атмосферные осадки питаютъ озеро (прямо или косвенно), а выбѣгающій изъ него истокъ мало-по-малу уноситъ всѣ морскія соли и превращаетъ первоначальный морской участокъ въ прѣсноводный бассейнъ; но и въ такихъ прѣсноводныхъ озерахъ уживаютъ иногда, приспособившись къ перемѣнѣ среды, нѣкоторые морскіе организмы, и именно нахожденіе послѣднихъ въ разныхъ озерахъ Швеціи и Россіи дало такимъ озерамъ ихъ названіе „Reliktenseen" и послужило толчкомъ къ ихъ изслѣдованію. Впрочемъ, этотъ послѣдній критерій для опредѣленія способа происхожденія озера, т.-е. нахожденіе въ немъ нѣкоторыхъ морскихъ формъ, оказался недостаточнымъ; при ближайшемъ изслѣдованіи оказалось, что къ числу найденныхъ въ озерахъ морскихъ животныхъ принадлежатъ, по бо̀льшей части, легко подвижныя, быстро плавающія животныя—рыбы и ракообразныя, встрѣчающіяся затѣмъ иногда и въ озерахъ, несомнѣнно не-морского происхожденія; въ такихъ случаяхъ необходимо допустить позднѣйшее переселеніе этихъ формъ изъ моря въ озеро. Въ Ладожскомъ озерѣ живетъ морской тюлень, небольшой морской рачокъ Idothea entomon, о которомъ я упоминалъ уже раньше, и нѣкоторые другіе организмы, также, повидимому, морского происхожденія; изъ этого выводили заключеніе, что какъ Ладожское, такъ и Онежское озера представляютъ изъ себя „Reliktenseen", слѣды нѣкогда бывшаго соединенія Балтійскаго моря съ Бѣлымъ. Но геологическихъ данныхъ въ пользу этого соединенія не оказалось никакихъ; на всемъ протяженіи, покрытомъ большими озерами олонецкой губерніи и Финляндіи, нигдѣ не были найдены новѣйшія морскія отложенія, и, по мнѣнію геологовъ, нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы въ одинъ изъ новѣйшихъ геологическихъ періодовъ это пространство было покрыто моремъ.

Способы образованія остаточныхъ озеръ могутъ быть различны; часто море само является здѣсь главнымъ дѣйствующимъ агентомъ. Изъ намывного матеріала возводятся у береговъ новые участки суши работою самого моря, его прибоя и теченій или при участіи впадающихъ рѣкъ; эти вновь возникшіе участки суши,

отмели, косы и т. д. отдѣляютъ, въ свою очередь, небольшіе участки моря и превращаютъ ихъ въ прибрежныя озера. Такъ образовались, напр., многіе „лиманы“ южной Россіи, по берегамъ Чернаго моря. Участокъ берега между озеромъ и моремъ образованъ въ такихъ случаяхъ изъ рыхлаго, наноснаго матеріала; часто озеро остается въ соединеніи съ моремъ, постоянномъ или временномъ, а тогда составъ водъ въ немъ бываетъ подверженъ сильнымъ колебаніямъ.

Но самый важный и имѣющій наиболѣе широкое дѣйствіе способъ образованія „остаточныхъ“ озеръ является какъ результатъ тѣхъ медленныхъ геологическихъ измѣненій очертанія материковъ, въ силу которыхъ пространства, нѣкогда представлявшія изъ себя дно моря, превращаются въ сушу,—измѣненій, которыя одни геологи объясняютъ „вѣковымъ поднятіемъ“ суши, а другіе, болѣе осторожные, не предрѣшая его причинъ, опредѣляютъ индифферентнымъ терминомъ „отрицательнаго движенія берега“. Когда берегъ поднимается, а море удаляется отъ береговъ и дно его осушается, тогда впадины и котловины морского дна, отдѣлившись отъ моря и поднявшись выше его уровня, превращаются въ озера и—если онѣ имѣютъ истокъ—опрѣсневаютъ. Такъ должны были образоваться, напр., озера Швеціи и Норвегіи, лежащія ниже того уровня, котораго достигало здѣсь море, какъ ясно указываютъ остатки морскихъ раковинъ въ ледниковый и послѣ-ледниковый періодъ.

Что касается Килдинскаго озера, его происхожденіе не могло быть приписано первому способу—работѣ самого моря. Хотя оно лежитъ очень близко отъ моря, въ разстояніи—въ ближайшемъ мѣстѣ—всего нѣсколько десятковъ саженъ, но отдѣлено отъ него крутымъ и высокимъ валомъ, который не могъ быть намытъ моремъ. Валъ этотъ густо покрытъ травой, но кой-гдѣ, гдѣ онъ обнажается отъ растительности, видно, что онъ сложенъ изъ отдѣльныхъ, очень большихъ камней—валуновъ. Это не песчаная, прибрежная дюна, не коса, а сплошной каменный валъ; такимъ валомъ море не могло загородить ту глубокую котловину, въ которой лежитъ озеро. Для объясненія его образованія нужно прибѣгнуть ко второму способу—къ отрицательному движенію берега.

И дѣйствительно, слѣды этого движенія выражены во многихъ мѣстахъ на Мурманскомъ берегу съ чрезвычайною ясностью. Въ Еретикѣ, надъ самымъ берегомъ моря, поднимается песчаный обрывъ, весь биткомъ набитый остатками морскихъ животныхъ, и понынѣ живущихъ у его береговъ. Положеніе этихъ остатковъ въ пескѣ показываетъ, что они именно жили когда-то на этомъ

самомъ мѣстѣ и оставались спокойно лежать на днѣ, прикрываясь накопляющимся наносомъ, а не были, напр., намыты моремъ. Раковины двустворчатыхъ моллюсокъ сохранились съ обѣими своими створками, въ естественномъ положеніи; известковыя скорлупки морскихъ ежей лежать въ пескѣ совершенно цѣльныя, окруженныя отпавшими иглами; къ сожалѣнію, онѣ были такъ хрупки, что ломались при прикосновеніи и вынуть ихъ изъ песку, не поломавши, оказалось чрезвычайно трудно; послѣ долгой возни мнѣ удалось выдѣлить, съ чрезвычайною осторожностью, цѣльными только двѣ или три скорлупки. Положеніе всѣхъ этихъ остатковъ въ пескѣ было хорошо видно, такъ какъ песчаный бугоръ былъ раскопанъ и образовалъ искусственный, крутой разрѣзъ; отсюда брали песокъ при постройкахъ на заводѣ, и раковины, осколками которыхъ была усыпана крутая дорожка къ дому капитана, жили въ прибрежномъ морѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. Виды, найденные въ этомъ пескѣ, оказались, за весьма немногими исключеніями, все видами, и нынѣ живущими у Мурманскаго берега; слѣдовательно, море, въ которомъ они жили, не должно было рѣзко отличаться по температурѣ и другимъ физическимъ условіямъ отъ современнаго моря, и нѣтъ данныхъ думать, чтобы климатъ въ то время былъ здѣсь холоднѣе нынѣшняго. И по своему положенію, и по составу фауны, песокъ этотъ относится къ образованіямъ новѣйшимъ, послѣ-ледниковымъ, какъ и соотвѣтственныя ему отложенія Норвегіи.

И на самомъ островѣ Килдинѣ, въ окрестностяхъ озера, слѣды древняго моря видны съ чрезвычайною ясностью. Они выражены здѣсь въ видѣ такъ-называемыхъ террасъ, повторяющихся береговыхъ уступовъ съ крутыми обрывами; на самомъ берегу моря, надъ чертою прилива, возвышается крутой откосъ, въ нѣсколько саженъ высоты, сложенный изъ сплошныхъ валуновъ; когда поднимешься на него, попадаешь на плоскую, слегка покатую къ морю равнину, которая въ полуверстѣ отъ берега вновь упирается въ каменный обрывъ, совершенно подобный прибрежному; сложенный изъ круглыхъ камней и не поросшій травой, онъ издали кажется какимъ-то искусственнымъ сооруженіемъ, въ родѣ булыжной набережной. Это и есть древній береговой уступъ, у подножія котораго когда-то плескалось море. Такихъ береговыхъ террасъ здѣсь можно прослѣдить, поднимаясь въ гору, три или четыре одна надъ другой; онѣ обозначаютъ уровень моря въ разное время.

У подножія берегового обрыва, особенно около самой избы колониста, берегъ усѣянъ безчисленнымъ количествомъ голышей,

очень интересной формы. Это—осколки породы, изъ которой сложенъ островъ, песчаника и глинистаго сланца, имѣющіе видъ плоскихъ дощечекъ, дисковъ, величиною съ блюдечко, только овальныхъ и удивительно обработанныхъ дѣйствіемъ морского прибоя. Они обточены какъ на станкѣ: малѣйшія неровности и выпуклости срѣзаны, форма придана чрезвычайно правильная и вся поверхность камня матово обшлифована. Только одна сила въ природѣ можетъ такъ правильно обтачивать камни: работа воды, треніе камней другъ о друга отъ дѣйствія волненія и прибоя. На вершинѣ острова поверхность слагающей его породы также покрыта многочисленными осколками, отдѣлившимися отъ вывѣтриванія, подъ вліяніемъ атмосферныхъ дѣятелей: осколки эти, конечно, не носятъ никакихъ признаковъ обработки водой и по своимъ острымъ ребрамъ и угламъ сразу рѣзко отличаются отъ прибрежныхъ голышей. Но отъ берега моря можно отойти въ глубь острова на версту и болѣе, подымаясь до извѣстной высоты въ гору, и на всемъ этомъ пространствѣ поверхность земли покрыта не остроугольными обломками, продуктами вывѣтриванія, а превосходно обточенными дѣйствіемъ морского прибоя голышами. Они поросли лишаями, но нисколько не отличаются, ни по формѣ, ни по общему виду, отъ голышей, и теперь лежащихъ на берегу; лишь дальше, при постепенномъ поднятіи въ гору, они становятся понемногу все разрушеннѣе и разрушеннѣе. Эти голыши тоже обточены моремъ, и въ свое время всѣ лежали на берегу, въ полосѣ прибоя. Вертикальное распространеніе ихъ на островѣ, вѣроятно, могло бы намъ показать съ удовлетворительною точностью границу древняго распространенія моря.

Образованіе Килдинскаго озера находится въ тѣсной связи съ этими геологическими процессами; оно лежитъ на площади первой береговой террасы; когда ея поверхность выступила изъ-подъ воды, морская вода осталась въ глубокой котловинѣ; каменный валъ, бывшій раньше подводнымъ рифомъ, выступилъ надъ уровнемъ воды, отдѣлилъ котловину отъ моря и превратилъ ее въ озеро. Множество прибрежныхъ, лежащихъ не очень высоко надъ моремъ, озеръ Норвегіи и Кольскаго полуострова должны были образоваться такимъ образомъ; но у Килдинскаго озера оказались нѣкоторыя замѣчательныя особенности. Оно на-глухо отдѣлено отъ моря; никогда, ни въ какую погоду, ни при какомъ волненіи, приливъ океана не можетъ подниматься такъ далеко, чтобы проникнуть за каменный валъ; истока изъ озера тоже нѣтъ, ни малѣйшаго ручья не вытекаетъ изъ него; отъ этого оно не могло опрѣснѣть, какъ всѣ другія озера, его родные братья по

происхожденію. Въ другомъ климатѣ оно, вѣроятно, вскорѣ высохло бы; но здѣсь, въ климатѣ сыромъ и холодномъ, гдѣ озеро бо̀льшую часть года хранится подъ льдомъ, уже одной атмосферной воды въ видѣ дождя и снѣга было бы достаточно, вѣроятно, чтобы долгое время поддерживать его уровень in statu quo; къ этому присоединилось еще другое, благопріятное для его сохраненія, обстоятельство. Съ сѣвера къ нему прилегаетъ, какъ я сказалъ уже, маленькая мочежинка, изъ которой едва замѣтно сочится струйка воды въ озеро; прѣсная вода легче соленой; отъ этого притекающая болотная водица ровнымъ слоемъ, какъ слой масла, распространяется по всей поверхности озерка, прикрывая и маскируя собою лежащіе подъ нею тяжелые слои соленой морской воды. По мѣрѣ того, какъ эта прѣсная вода частью смѣшивается съ соленой, частью испаряется, ея убыль пополняется новымъ притокомъ изъ мочежинки; такъ должно было установиться извѣстнаго рода подвижное равновѣсіе. Если мы представимъ себѣ, что притокъ прѣсной воды внезапно прекратится, тогда прѣсные, поверхностные слои (до перваго дождя) перемѣшаются съ нижележащими солеными, и озеро начнетъ, вѣроятно, болѣе или менѣе усыхать (оно и теперь, въ концѣ концовъ, все-таки медленно усыхаетъ); если бы притокъ прѣсной воды сталъ увеличиваться, тогда поднялся бы уровень воды въ озерѣ, и оно нашло бы себѣ истокъ въ море, который мало-по-малу вынесъ бы изъ него всѣ избытки солей. При данномъ же положеніи дѣлъ притокъ воды, вѣроятно, какъ разъ достаточенъ, чтобы компенсировать испареніе; вѣчно возобновляющійся слой прѣсной воды не успѣваетъ перемѣщаться съ соленой и покрываетъ ее постояннымъ защитительнымъ покровомъ, какъ слоемъ масла. Выходитъ парадоксальный на видъ фактъ: въ одномъ и томъ же озерѣ двѣ воды, соленая и прѣсная, которыя никакъ не могутъ перемѣшаться. Внизу живутъ морскія животныя, а поверхностную воду можно пить. И здѣсь, повидимому, прохожденіе морскихъ животныхъ при драгированіи черезъ верхніе слои прѣсной воды дѣйствовало на нихъ губительно: по крайней мѣрѣ относительно звѣздочки, которую я добылъ, совершенно живой на видъ, я никакъ не могъ убѣдиться, живая она или мертвая.

Я не могу, конечно, сказать, постоянно ли такое состояніе воды въ Килдинскомъ озерѣ, всегда ли оно прикрыто прѣсной водой, или это можетъ мѣняться въ теченіе года. Замѣчу только, что какъ Герценштейнъ, такъ и я были здѣсь въ самое теплое время, въ іюлѣ; со времени моего пріѣзда на Мурманскій берегъ стояла очень хорошая погода, и не было ни одного мало-мальски

значительнаго дождя; слѣдовательно, испареніе воды въ озерѣ должно было, вѣроятно, достигнуть своего максимума и диффузія соленой воды увеличиться. Тѣмъ не менѣе, поверхностная вода была прѣсная; въ дождливое время она, конечно, не становится солонѣе. Можетъ быть, зимой, когда озеро покрывается толстымъ слоемъ льда, непосредственно подъ нимъ лежитъ соленая вода.

Можетъ возникнуть предположеніе, что озеро находится въ подземномъ сообщеніи съ моремъ, при посредствѣ какихъ-нибудь пещеръ или трещинъ въ коренной породѣ. Но на берегу Килдина приливъ океана достигаетъ десяти футовъ, болѣе сажени; если бы озеро находилось въ сообщеніи съ моремъ, и его уровень долженъ былъ бы колебаться въ зависимости отъ прилива и отлива. Между тѣмъ въ теченіе трехъ дней моего пребыванія на островѣ я нѣсколько разъ въ день по сдѣланнымъ значкамъ наблюдалъ уровень озера, и не могъ найти въ немъ никакихъ замѣтныхъ для глазъ колебаній.

Все это очень любопытно, конечно; но всего интереснѣе въ этомъ замѣчательномъ озерѣ его удивительная фауна. Сколько вѣковъ существуетъ она здѣсь въ такихъ неестественныхъ условіяхъ! Она вымираетъ, конечно; уже бо̀льшая часть дна озера затянулась гнилымъ иломъ, задушившимъ все живое; изъ раковинъ, покрывающихъ его дно и берега, теперь въ немъ едва-едва живутъ два вида; но все-таки, въ томъ уголкѣ, гдѣ каменистый грунтъ далъ болѣе сносныя условія существованія, живутъ еще морскія безпозвоночныя, а по всему озеру свободно плаваетъ морская рыба (норвежцы говорили Герценштейну, что кромѣ трески въ немъ есть и камбала; этого не удалось провѣрить; я никакъ не могъ уговорить норвежца ловить здѣсь рыбу сѣтью; ему видимо не хотѣлось этого, и онъ наотрѣзъ отказывался меня понимать). И какія еще безпозвоночныя! до сихъ поръ еще, насколько мнѣ извѣстно, ни асцидіи, ни морскія звѣзды ни разу не были найдены въ бассейнахъ, совершенно на̀-глухо отдѣленныхъ отъ моря. Въ этомъ отношеніи Килдинское озеро—единственное въ своемъ родѣ. Самыя условія жизни здѣсь этой „остаточной“ фауны въ высшей степени любопытны для изученія; уже одно то, что многія изъ этихъ морскихъ животныхъ (асцидіи, звѣзды, черви) размножаются путемъ свободно плавающихъ, пелагическихъ личинокъ, плавающихъ обыкновенно на поверхности воды; а здѣсь поверхностная вода прѣсная; а прѣсная вода для нихъ ядъ. Какъ же они живутъ?

Три дня, проведенные на Килдинѣ, благодаря этому озеру, останутся для меня навсегда пріятнымъ воспоминаніемъ. Но и

помимо озера здѣсь было хорошо. Всѣ эти дни погода стояла очень хорошая; термометръ показывалъ градусовъ 17 въ тѣни; когда поднимался легкій сѣверный вѣтерокъ, онъ давалъ себя чувствовать и на солнцѣ — вѣдь онъ дуетъ здѣсь непосредственно съ полюса; но въ затишьѣ было тепло, какъ у насъ въ хорошіе весенніе дни. Съ вершины береговыхъ террасъ виденъ былъ спокойный океанъ, уходившій въ безграничную даль на сѣверѣ, и въ тихое время повсюду гладь океана пестрѣла разбросанными пятнами бѣлыхъ парусовъ—это были шняки промышленниковъ, ловившихъ треску. Море здѣсь, когда смирно, очень хорошо. Шумъ его раздается непрерывно, и при совершенно тихой погодѣ; можно углубиться въ островъ на версту и болѣе, и воздухъ все же насыщенъ звуками океана; этотъ превосходный шумъ—настоящая музыка. На берегу море каменными буквами пишетъ свою исторію: сколько тысячелѣтій прошло съ тѣхъ поръ, когда оно, съ тѣмъ же однообразнымъ шумомъ, обмывало подошву одной изъ береговыхъ террасъ Килдина! Сколько лѣтъ этимъ собственноручнымъ надписямъ моря? У насъ нѣтъ масштаба для измѣренія геологическихъ промежутковъ времени [1]).

Здѣсь, на сѣверѣ, и органическая жизнь уходитъ больше въ море; на вершинѣ острова тянется плоская каменная равнина, пустынная, поросшая скудной травой, а море кишитъ живыми существами. Во время отлива (высота прилива здѣсь очень велика, больше сажени вертикальнаго разстоянія) вода отходитъ, и къ берегу, покрытому грудой валуновъ и галекъ, присоединяется длинная полоса водорослей, цѣлая масса огромныхъ желтыхъ

[1]) Эдуардъ Зюссъ, вѣнскій геологъ, одинъ изъ первыхъ геологовъ настоящаго времени, въ своей книгѣ: „Das Antlitz der Erde“, въ слѣдующихъ краснорѣчивыхъ строкахъ рисуетъ безсиліе человѣческаго ума передъ вопросомъ о древности міроздання: „Астрономъ, чтобы дать представленіе о размѣрахъ міровыхъ пространствъ, указываетъ на параллельность свѣтовыхъ лучей или на бѣлыя пятна млечнаго пути. Чтобы дать наглядное представленіе о величинѣ міровыхъ періодовъ временъ, недостаетъ подобныхъ примѣровъ, и у насъ нѣтъ еще единицы мѣры для измѣренія геологическихъ эпохъ. Въ пространствѣ намъ извѣстно разстояніе многихъ свѣтилъ отъ земли; но разстояніе во времени самой молодой изъ древнихъ береговыхъ линій на Капри, или новѣйшаго скопленія раковинъ въ Тромзё (въ Норвегіи) не можетъ быть опредѣлено даже приблизительной цифрой. Мы держимъ въ рукѣ органическіе остатки отдаленныхъ временъ и изучаемъ ихъ строеніе, но намъ неизвѣстно, какъ великъ промежутокъ, отдѣляющій время ихъ жизни отъ нашего времени, подобно тому, какъ въ спектрѣ мы изслѣдуемъ физическія свойства небеснаго тѣла, не дающаго параллакса для опредѣленія своего разстоянія. Какъ Рама (герой Рамайяны) смотритъ на океанъ, очертанія котораго на горизонтѣ сливаются съ небомъ, и думаетъ, нельзя ли построить черезъ него мостъ въ безконечное, такъ и мы смотримъ черезъ океанъ временъ, но до сихъ поръ намъ еще не показывается берегъ“.

ламинарій. Чрезвычайное богатство моря безпозвоночными животными даетъ возможность жить милліонамъ рыбъ и крупнѣйшимъ млекопитающимъ земного шара, китамъ. И только изъ за моря и морскихъ промысловъ живетъ здѣсь и человѣкъ.

Въ тѣ дни, какіе я прожилъ на островѣ, мой норвежецъ никуда не ѣздилъ на промыселъ, а ловилъ рыбу съ берега у самаго своего дома. Любопытно было видѣть, какъ они тянули тоню всей семьей; за одинъ конецъ невода тянулъ одинъ сынъ при помощи ворота; за веревку другого конца держалась чуть не вся семья, отъ стара до мала, отецъ, да сынъ, да двѣ дочери, да еще сынъ, и т. д., точно рѣпку тянули, какъ въ дѣтской сказкѣ. Меньшіе отпрыски копошились тутъ же на берегу. Сѣть приносила немалое количество большихъ камбалъ, похожихъ на плоскія, ромбическія дощечки. Трепещущую, скользкую рыбу ударяли палкой съ острымъ гвоздемъ и, безжалостно наткнувши на гвоздь, отбрасывали далеко на берегъ. Изрѣдка между обыкновенной камбалой попадался крупный, цѣнный палтусъ.

Рыбная ловля, особенно ловъ трески—это жизненный нервъ Мурмана. Только для него періодически являются сюда люди; я разсказывалъ уже, какъ промышленники въ концѣ зимы переходятъ пѣшкомъ Кольскій полуостровъ, направляясь въ мурманскія становища. Другіе плывутъ въ жалкихъ шнякахъ изъ прибрежныхъ поселеній Бѣлаго моря, безъ картъ, съ плохими компасами. Въ туманную погоду коршикъ (кормчій) узнаетъ опасную близость берега по шуму прибоя.

Но объ этой сторонѣ жизни Мурмана—можетъ быть, наиболѣе интересной—я не буду здѣсь говорить. Спеціальныя задачи моей поѣздки отнимали все мое время, и я не могъ лично ознакомиться съ условіями и производствомъ здѣшняго рыбнаго промысла. Хотя послѣ Килдина, плавая на пароходѣ „Мурманъ", я посѣтилъ не мало рыбачьихъ становищъ, былъ почти во всѣхъ главныхъ, но вездѣ мелькомъ, на короткое время; изъ такого бѣглаго обзора я не могъ вывести какого-нибудь опредѣленнаго впечатлѣнія, и мои мимолетныя наблюденія врядъ ли могутъ представлять интересъ. О народной жизни на сѣверѣ и о мурманскихъ промыслахъ много написано, и желающихъ познакомиться съ ними я обращаю къ спеціальнымъ сочиненіямъ.

В. Фаусекъ.

СХОЛАСТИКА
ПОДЪ ФИРМОЙ НАУКИ

Юридическая энциклопедія. *Н. К. Ренненкампфа*, проф. унив. св. Владиміра. Кіевъ, 1889.—Лекціи по общей теоріи права. *Н. Коркунова*. Изд. второе. Спб., 1890.—Сравнительный очеркъ государственнаго права иностранныхъ державъ. *Его же*. Часть первая. Государство и его элементы. Спб., 1890.

Въ нашей журналистикѣ приходится очень часто встрѣчать самыя странныя и противорѣчивыя сужденія объ элементарныхъ основахъ общественной и правительственной дѣятельности, о роли и задачахъ государства, о правѣ и законности, объ отношеніяхъ власти къ народу и къ отдѣльнымъ лицамъ. Спутанность понятій о правѣ и законѣ составляетъ даже сознательную систему для публицистовъ извѣстнаго лагеря; всѣмъ памятны тѣ смѣлые софизмы, при помощи которыхъ покойный Катковъ приписывалъ всю силу государственнаго авторитета исполнительнымъ органамъ администраціи, отрицая самостоятельное значеніе другихъ вѣдомствъ и учрежденій, особенно судебныхъ, имѣющихъ столь же несомнѣнно общій государственный характеръ. Эти софизмы, въ сущности, очень просты: государство смѣшивается съ правительствомъ, которое, въ свою очередь, отождествляется съ администраціею, и въ результатѣ получается выводъ, что земскій начальникъ или исправникъ есть будто бы болѣе подлинный представитель государственнаго авторитета, чѣмъ прокуроръ или членъ суда, и что сенатъ и государственный совѣтъ, поставленные выше министерствъ, могутъ быть обвинены въ анти-правительственныхъ тенденціяхъ, въ случаѣ несогласія съ проектами и взглядами административной власти. Такая подстановка однихъ понятій вмѣсто

другихъ облегчается прежде всего двойственнымъ значеніемъ употребляемыхъ словъ: правительство въ обширномъ смыслѣ означаетъ совокупность центральныхъ ѝрганoвъ государственной власти, а въ тѣсномъ смыслѣ оно соотвѣтствуетъ представленію объ одной изъ государственныхъ функцій—административной, противопоставляемой функціямъ судебной и законодательной. Говоря о правительствѣ то въ одномъ, то въ другомъ смыслѣ, ловкіе публицисты всегда достигаютъ нужныхъ заключеній, тѣмъ болѣе, что вмѣсто правительства и администраціи незамѣтно ставится „государство". Подобные способы политическаго спора не имѣютъ, конечно, даже внѣшнихъ признаковъ основательности, когда источникъ полномочій всѣхъ государственныхъ учрежденій — одинъ и тотъ же, когда и судъ, и законодательство, и администрація одинаково исходятъ отъ верховной власти; а между тѣмъ эти попытки затемнить и спутать понятія пользуются большимъ успѣхомъ и производятъ впечатлѣніе на умы, даже независимо отъ степени талантливости и остроумія реакціонныхъ публицистовъ.

Иногда можетъ казаться, что грубыя недоразумѣнія, искусственно создаваемыя и поддерживаемыя „патріотическою" печатью, господствуютъ надъ нашею общественною жизнью; непризванные охранители усердно вытравляли идею законности изъ общественнаго сознанія и неустанно проповѣдовали ложную доктрину объ обязательномъ недовѣріи государственной власти къ обществу и народу, о необходимости разныхъ мѣръ обузданія и стѣсненія, о нежелательности будто бы успѣховъ умственнаго развитія и образованія въ народѣ съ точки зрѣнія государства или правительства. Многіе, повидимому, серьезно убѣждены, что могущество и значеніе власти измѣряются степенью ея строгости, внушительностью ея внѣшнихъ пріемовъ и правилъ, а не плодотворнымъ содержаніемъ ея дѣятельности. Не мало есть людей, готовыхъ утверждать и доказывать, что внимательное, заботливое отношеніе къ народнымъ нуждамъ и потребностямъ можетъ ослабить въ народѣ спасительныя чувства страха и смиренія, возбудить вредныя надежды и мечтанія, дать толчокъ превратнымъ идеямъ. Именно то, чтò есть дѣйствительное призваніе и задача власти, подвергается сомнѣнію или даже прямо отрицается, какъ нѣчто неудобное или опасное, а простыя внѣшнія принадлежности авторитета принимаются за его сущность и цѣль. Если такое извращеніе основныхъ понятій производится рукою мастера, подъ прикрытіемъ громкихъ и популярныхъ словъ, то ядъ противонравственной проповѣди распространяется легко и быстро. Ложные взгляды и выводы не встрѣчаютъ противовѣса въ обще-

ствѣ, такъ какъ люди меньше всего думаютъ объ отвлеченныхъ вопросахъ и охотно усвоиваютъ готовыя формулы, предлагаемыя глашатаями патріотическихъ идей. Противовѣса нѣтъ и среди людей съ спеціальнымъ университетскимъ образованіемъ, ибо сама университетская наука, какъ она поставлена у насъ, не даетъ ничего прочнаго и опредѣленнаго въ области предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ понятіямъ о правѣ и государствѣ. Въ этой обширной и важной отрасли научнаго преподаванія царствуетъ еще отчасти схоластика, замѣняющая положительное знаніе безплодными словесными упражненіями, спорными дефиниціями и рубриками. На этой почвѣ выростаютъ разные научные плевелы, которые свободно завладѣваютъ общественнымъ мнѣніемъ, къ безспорной выгодѣ и удовольствію людей, строящихъ свои идеалы на культѣ невѣжества. И чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе выступаютъ симптомы умственнаго застоя и безсилія въ сферѣ этой оффиціально-научной литературы.

Къ сожалѣнію, нельзя не видѣть, что научно-литературная и преподавательская дѣятельность по предметамъ общественныхъ и государственныхъ наукъ все болѣе падаетъ и мельчаетъ въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій. Этотъ упадокъ рѣзко бросается въ глаза, если сравнить недалекое прошлое съ настоящимъ. Постепенный регрессъ замѣчается не только въ общемъ ходѣ научной производительности, но и въ исторіи отдѣльныхъ университетскихъ каѳедръ и даже, какъ это ни странно, въ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ. Въ началѣ столѣтія былъ у насъ экономистъ Шторхъ, лекціи котораго сразу заняли почетное мѣсто въ общей европейской литературѣ и были изданы въ Парижѣ съ комментаріями такого корифея экономической науки, какъ знаменитый Жанъ-Батистъ Сэй, даже безъ вѣдома автора. По нѣкоторымъ вопросамъ Шторхъ въ своемъ курсѣ отчасти предупредилъ Рикардо, и многія объясненія Шторха до сихъ поръ сохраняютъ свою научную цѣнность. Кто продолжалъ дѣло, столь блестяще начатое этимъ петербургскимъ академикомъ съ нѣмецкою фамиліею? Конечно, не авторы такихъ неудобопонятныхъ и безцѣльныхъ диссертацій, какъ „Государствовѣденіе Сансовино и всемірныя реляціи Ботерò“. Наши новѣйшіе университетскіе спеціалисты по политической экономіи,—за немногими исключеніями, сосредоточенными преимущественно въ Москвѣ,—или повторяютъ старыя азбучныя вещи, или предлагаютъ публикѣ безцвѣтную смѣсь чужихъ теорій въ болѣе или менѣе случайныхъ и произвольныхъ комбинаціяхъ. То же самое можно сказать о юристахъ. Гдѣ теперь самостоятельные и даровитые двигатели рус-

скаго правовѣденія, такіе ученые работники и изслѣдователи, какъ Неволинъ, Мейеръ, Чичеринъ, Кавелинъ?

Въ концѣ тридцатыхъ годовъ преподавалъ энциклопедію права въ кіевскомъ университетѣ Неволинъ, и лекціи его, разработанныя для печати въ двухъ частяхъ, составили событіе въ ученомъ мірѣ: это былъ обширный научно-философскій трудъ, не потерявшій понынѣ своего интереса и значенія. Мы имѣемъ предъ собою курсъ „Юридической энциклопедіи", напечатанный нынѣшнимъ преемникомъ Неволина по каѳедрѣ: это небольшая жиденькая книжка, плохо написанная, полная неясностей, противорѣчій и недомолвокъ, безъ замѣтныхъ слѣдовъ самостоятельной мысли и даже безъ обычныхъ достоинствъ добросовѣстной компилятивной работы. Достаточно сопоставить капитальное сочиненіе Неволина съ тощимъ учебникомъ его замѣстителя, чтобы оцѣнить всю громадность паденія въ данномъ случаѣ. Любопытнѣе всего, что новѣйшій истолкователь энциклопедіи права самъ даетъ матеріалъ для печальныхъ сопоставленій и выводовъ, перечисляя довольно подробно великія преимущества и заслуги указаннаго труда Неволина. И авторъ не чувствуетъ даже, что въ умѣ читателя долженъ неизбѣжно возникнуть вопросъ: почему же полъвѣка спустя послѣ столь замѣчательныхъ лекцій смѣло выпускается въ свѣтъ съ той же каѳедры ничтожный, маленькій курсъ. въ которомъ видно стремленіе какъ можно больше удалиться отъ восхваляемаго образца и избѣгнуть всѣхъ его достоинствъ?

„Содержаніе книги Неволина,—говоритъ нашъ авторъ,—отличалось чрезвычайнымъ богатствомъ и полнотою; не только русская, но и иностранная литература того времени не обнимали въ одномъ сочиненіи такой массы разнородныхъ свѣденій. Богатство матеріала было плодотворно для насъ въ высшей степени; незнакомые съ литературою иностранною, мы должны были пополнять наше скудное юридическое образованіе передѣлками нѣмецкихъ учебниковъ естественнаго права и немногими плохими переводами Монтескьё, Бентама, Беккаріи. Книга Неволина сразу устранила этотъ недостатокъ и расширила кругъ нашихъ юридическихъ познаній, представивъ главнѣйшія явленія всѣхъ положительныхъ законодательствъ, и особенно философскихъ системъ, о которыхъ мы знали до сихъ поръ, большею частью, только по слуху; кромѣ того, она познакомила насъ съ тогдашними живыми вопросами науки, —объ историческомъ развитіи мірового порядка, объ отношеніи необходимости къ свободѣ, о волѣ, о ступеняхъ развитія государства, о кодификаціи, объ отношеніи практики къ теоріи". Между прочимъ, „исторія философіи древней обработана даже

самобытно; исторія положительнаго права составлена по лучшимъ тогдашнимъ сочиненіямъ объ этомъ предметѣ; главнымъ источникомъ для положительнаго матеріала служили Геренъ, Гансъ, Пасторе, Савиньи, Эйхгорнъ, Захарія, Вальтеръ". „Энциклопедія законовѣденія" Неволина, — заключаетъ авторъ, — не смотря на пятьдесятъ лѣтъ, истекшія со времени ея изданія, не смотря на нѣкоторые недостатки, которые она имѣетъ, остается и до сихъ поръ замѣчательнымъ и полнѣйшимъ произведеніемъ на русскомъ языкѣ по предмету юридической энциклопедіи: она воспитала цѣлое поколѣніе ученыхъ юристовъ (отчасти, впрочемъ, передавъ ему и свои недостатки) и, безъ сомнѣнія, еще надолго сохранитъ свое значеніе, какъ ученое, основательное собраніе довольно полныхъ свѣденій объ исторіи философіи права и исторіи положительнаго права. Одна общая часть уже устарѣла для настоящаго времени" (стр. 16—18).

Преемникъ Неволина, какъ видно, хорошо знаетъ, какимъ условіямъ долженъ удовлетворять научный университетскій курсъ энциклопедіи права, и если его собственныя лекціи отличаются безсодержательностью и пустотою, то это едва-ли зависитъ лишь отъ недостатка знаній и трудолюбія. Можно думать, что ученымъ новаго типа не приходитъ даже въ голову мысль о приложеніи серьезныхъ научныхъ требованій къ своимъ обязательнымъ лекціямъ и курсамъ; наука остается гдѣ-то въ сторонѣ, въ туманномъ отдаленіи, и отъ ея имени приподносятся намъ какіе-то обрывки свѣденій и разсужденій, взятые неизвѣстно откуда и зачѣмъ, сшитые на живую нитку, излагаемые вяло и скучно, а иногда темно и не совсѣмъ грамотно. Эти лохмотья мнимой науки какъ бы предназначены къ тому, чтобы быть отброшенными и забытыми тотчасъ по минованіи въ нихъ надобности. А между тѣмъ слушателямъ объясняютъ, что „энциклопедія", представляемая подобнымъ образомъ, есть не только особый предметъ преподаванія, но и самостоятельная „истинная наука". Юридическая энциклопедія въ этомъ послѣднемъ смыслѣ —по словамъ того же автора— „имѣетъ задачею представить науку права какъ живой организмъ, проникнутый одною высшею идеею: для достиженія ея (?) она не довольствуется простымъ заимствованіемъ изъ другихъ наукъ и расположеніемъ матеріала по признакамъ внѣшнимъ, напр. по алфавиту или по системѣ произвольной, но стремится переработать все содержаніе правовѣденія какъ одно цѣлое и въ немъ найти основныя начала и присущую (?) систему права". „Стремленіе къ переработкѣ" и распредѣленіе

готоваго матеріала не по алфавиту принимаются здѣсь за доказательства существованія отдѣльной „истинной науки"!

Свѣжій человѣкъ, который принялъ бы эти слова на вѣру и сталъ бы искать какихъ-либо научныхъ обобщеній или объясненій въ курсѣ этой истинной науки, рисковалъ бы запутать и затемнить даже тѣ понятія и идеи, которыя были у него раньше. Любознательный читатель желаетъ, напримѣръ, узнать, что̀ слѣдуетъ разумѣть подъ націею, по истинной наукѣ. Подъ націею—отвѣчаетъ учебникъ—„можно понимать совокупность людей, происходящихъ отъ одного родоначальника (?!) и соединенныхъ между собою единствомъ языка и нравовъ"; далѣе, „принципъ національный заключается въ совмѣстномъ жительствѣ и чисто естественномъ (?) кровномъ единствѣ". Если вѣрить этому опредѣленію, то не существуетъ вовсе ни французской націи, ни англійской, ни нѣмецкой, ибо ни одинъ изъ этихъ народовъ не происходитъ отъ одного родоначальника и не обладаетъ „чисто-естественнымъ кровнымъ единствомъ". Или другой вопросъ: какъ и почему образуется „власть государственная, которая повелѣваетъ и управляетъ государствомъ и которой подчинены всѣ обыватели государства"? Основаніе этой власти—гласитъ отвѣтъ—„заключается не въ волѣ народа, не въ той или другой государственной силѣ и не въ конституціяхъ, а въ безусловной потребности въ ней". И больше ничего. Почему „безусловная потребность" удовлетворяется именно такъ, а не иначе, отчего она противопоставляется волѣ народа, для которой она, наоборотъ, должна служить побудительнымъ мотивомъ, и какъ она порождаетъ власть безъ „той или другой государственной силы"—объ этомъ нѣтъ ни слова въ курсѣ „истинной науки".

Если мы хотимъ знать, что̀ такое государство и каковы его задачи, то мы получимъ столь же краткія и загадочныя объясненія. „Государство живетъ не для самого себя; оно не есть и дѣятель, который можетъ заступить мѣсто человѣка и принять на себя непосредственное удовлетвореніе нуждъ его. Люди суть самостоятельные и отвѣтственные дѣятели, предназначенные трудиться и собственными силами достигать всѣхъ доступныхъ имъ благъ. Государство есть поприще (?) и средство для достиженія людьми своихъ цѣлей. Обязанности его (этого „поприща и средства"?) заключаются въ опредѣленіи и храненіи (охраненіи?) общежитія, т.-е. права, въ управленіи дѣлами государственными и тѣми общественными, которыя, по своей важности, не могутъ быть предоставлены заботамъ самихъ обществъ, и наконецъ въ содѣйствіи отдѣльнымъ лицамъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда осуществленіе

частныхъ интересовъ представляетъ общую пользу, а между тѣмъ не можетъ быть достигнуто частными усиліями".

Государство или, вѣрнѣе, государственная власть управляетъ „дѣлами государственными"; но вопросъ вѣдь именно въ томъ, какія именно дѣла признаются государственными? Откуда взялось у автора различіе между дѣлами государственными и общественными, и въ чемъ оно заключается? Почему важныя общественныя дѣла не могутъ быть предоставлены заботамъ самихъ обществъ? Какъ и кѣмъ опредѣляется степень важности общественныхъ дѣлъ, подлежащихъ или не подлежащихъ вѣденію государства? По какимъ признакамъ и основаніямъ рѣшается вопросъ объ общей пользѣ, связанной съ осуществленіемъ какихъ-либо частныхъ предпріятій? Всѣ эти недоумѣнія вызываются лишь немногими фразами о государствѣ; авторъ какъ будто опредѣляетъ что-то, а на самомъ дѣлѣ ставитъ цѣлый рядъ вопросительныхъ знаковъ, принимаемыхъ за нѣчто положительное. Объяснять одни понятія другими, столь же неопредѣленными, и предполагать извѣстнымъ и доказаннымъ то, что̀ требуетъ опредѣленія и доказательства— значитъ въ сущности безцѣльно играть словами. Мнимыя объясненія автора сводятся къ простой тавтологіи: вѣденію государства подлежитъ все то, что̀ признается подлежащимъ ему въ данное время, т.-е. все то, что̀ власть считаетъ нужнымъ взять въ свои руки.

Насколько смутны и сбивчивы взгляды автора на государство, можно видѣть изъ дальнѣйшихъ его замѣчаній по поводу ученія объ обществѣ. Въ приведенныхъ выше разсужденіяхъ несомнѣнно предполагается какое-то принципіальное различіе между обществомъ и государствомъ, между дѣлами общественными и государственными; поэтому авторъ долженъ былъ бы признать вполнѣ логическимъ отдѣльное изученіе общественныхъ явленій, независимо отъ ученія о государствѣ. Но, сверхъ ожиданія, авторъ въ другомъ мѣстѣ возстаетъ противъ такого отдѣленія, и притомъ по весьма страннымъ мотивамъ. „Въ началѣ XIX вѣка,—говоритъ онъ,—возникло ученіе, которое стремилось отдѣлить общество отъ государства и создать (?) особую общественную сферу, занимающую среднее мѣсто между жизнью индивидуальною и государственною и имѣющую извѣстную самостоятельность. Болѣе опредѣленный видъ и обработку получило это ученіе съ пятидесятыхъ годовъ (Моль, Аренсъ, Штейнъ)". Объяснивъ кратко и туманно существенныя черты отличія общества отъ государства по воззрѣніямъ названныхъ теоретиковъ, авторъ дѣлаетъ затѣмъ довольно странную ошибку—онъ смѣшиваетъ теоретическое от-

дѣленіе съ практическимъ, принимаетъ особое изученіе общества за дѣйствительный разрывъ между обществомъ и государствомъ, видитъ въ этомъ отнятіе у государства права воздѣйствія на общественную жизнь и приходитъ къ соотвѣтственнымъ отрицательнымъ заключеніямъ, поражающимъ своею несообразностью.

„Ученіе объ отдѣленіи общества отъ государства, признавая государство только юридическою формою для личной и общественной жизни, есть видоизмѣненіе болѣе ранняго ученія о различіи между государствомъ юридическимъ (правовымъ?) и полицейскимъ (Rechtsstaat и Polizeistaat) и также неосновательно какъ послѣднее (почему и въ чемъ неосновательно послѣднее ученіе—не сказано). Государство, принятое въ смыслѣ юридической организаціи, лишено (?) собственныхъ задачъ, слѣдовательно самостоятельности (?), самодѣятельности, и является простымъ охранителемъ и служителемъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ и обществъ. Общественныя сферы, по естественной силѣ вещей, будутъ постоянно стремиться къ бо̀льшей независимости, вслѣдствіе чего граница между государствомъ и обществомъ будетъ разрушаться (?), а государственная организація ослабѣвать. При ближайшемъ изслѣдованіи состава общественныхъ сферъ, оказывается, что онѣ не заключаютъ въ себѣ никакихъ новыхъ элементовъ (этого никто и не утверждалъ), а представляютъ соединеніе силъ личныхъ и государственнаго порядка. Внѣ государственнаго союза общественныя сферы неспособны къ развитію и неминуемо должны разрушиться по недостатку не только права, но и тѣхъ общихъ условій жизни, которыя они находятъ въ цѣлой системѣ государственныхъ отношеній. Такимъ образомъ, государство есть не только организованная юридическая жизнь, но и само общество, обнятое (sic) во всѣхъ своихъ образованіяхъ. Необходимо только (?), чтобы государство (правительство?) сообразовалось съ природою людей, не ослабляло ихъ энергіи напрасными стѣсненіями и вмѣшательствомъ и не стѣсняло бы поприща для развитія ихъ силъ, насколько это согласно съ общимъ благомъ и порядкомъ“ (стр. 40, 46—47, 273—278).

Почтенный авторъ сдѣлался, очевидно, жертвой недоразумѣнія. Ему показалось, что нѣкоторые ученые желаютъ реально отдѣлить общество отъ государства, и онъ усердно возражаетъ противъ этихъ опасныхъ замысловъ. Какъ можетъ государство остаться безъ общества? Мы понимаемъ безпокойство автора въ виду такой непріятной перспективы, но опасеніе его устранилось бы, еслибы онъ принялъ во вниманіе явную неосуществимость предпріятія, приписываемаго имъ теоретикамъ общественной науки.

Мыслимо ли оторвать общество отъ государства, и задавался ли подобною цѣлью кто-либо изъ авторовъ, доказывавшихъ самостоятельное значеніе общественныхъ группъ и интересовъ? Отдѣлить обществовѣденіе отъ государствовѣденія, въ видахъ удобства изслѣдованія и въ силу различія явленій, обнимаемыхъ двумя понятіями,—это, конечно, совершенно не то, что отдѣлить самое общество отъ государства. Отъ такой или иной системы изученія не грозитъ государству ни утрата „собственныхъ задачъ", ни лишеніе „самостоятельности и самодѣятельности"; научная доктрина, признающая существованіе общественной жизни и дѣятельности независимо отъ государственныхъ формъ, не означаетъ еще посягательства на какія-либо функціи или права государства.

Чтобы опровергнуть опасную будто бы теорію, авторъ одновременно употребляетъ два противоположные аргумента: во-первыхъ, общественныя сферы, развиваясь самостоятельно, будутъ все болѣе вытѣснять собою государство и „разрушать" его границы, что̀, разумѣется, очень нехорошо со стороны „общественныхъ сферъ"; и во-вторыхъ, общественныя сферы вовсе не могутъ развиваться самостоятельно и подрывать значеніе государства, такъ какъ безъ государственнаго содѣйствія онѣ сами „неспособны къ развитію и неминуемо должны разрушиться". Съ одной стороны, общественныя сферы изображаются въ видѣ угрозы для государства, а съ другой—онѣ оказываются безсильными, обреченными на гибель безъ государственной опеки и охраны и потому неспособными стѣснять въ чемъ-либо государство. Первый аргументъ долженъ возбудить въ читателѣ жалость къ государству, могущему пострадать отъ самостоятельности общества, а второй—вызываетъ такое же чувство относительно „общественныхъ сферъ", рискующихъ совершенно зачахнуть и погибнуть подъ бременемъ своей самостоятельности. Можно принять любой изъ этихъ противоположныхъ доводовъ, смотря по желанію и настроенію: государственники убѣдятся первымъ, общественники—вторымъ, и для тѣхъ и другихъ будетъ спокойнѣе устранить особое ученіе объ обществѣ, приводящее къ столь неудобнымъ результатамъ. Для избѣжанія дальнѣйшихъ недоразумѣній авторъ тутъ же рѣшаетъ, что государство есть „само общество, обнятое во всѣхъ своихъ образованіяхъ". Но въ такомъ случаѣ самостоятельный ростъ общества не только не причиняетъ ущерба государству, но, напротивъ, увеличиваетъ его силу, и всѣ предшествующія разсужденія, основанныя на предполагаемомъ антагонизмѣ между государствомъ и обществомъ, падаютъ сами собою. Заключительный совѣтъ, даваемый авторомъ государству (которое

есть и общество),—не стѣснять населенія, т.-е. общества, безъ надобности,—достойно завершаетъ собою этотъ удивительный наборъ логическихъ противорѣчій и недоразумѣній. Что̀ вынесетъ читатель или слушатель изъ такихъ мнимо-научныхъ лекцій?

„Истинная наука", предлагаемая въ подобномъ видѣ, могла бы быть съ пользой замѣнена простымъ сборникомъ фактическихъ свѣденій, безъ претензіи на какое-либо идейное содержаніе, но и тѣ части затронутаго нами учебника, которыя имѣютъ такой фактическій характеръ, составлены слишкомъ небрежно и поверхностно, чтобы удовлетворять своему назначенію. Книга имѣетъ только одно безспорное достоинство—небольшой объемъ. Самъ авторъ счелъ нужнымъ значительно сократить свое сочиненіе, изданное впервые въ 1868 году подъ болѣе скромнымъ заглавіемъ „Очерковъ юридической энциклопедіи". Научныя требованія какъ будто сократились, а претензіи увеличились. Старый курсъ Неволина, по богатству разработаннаго въ немъ литературно-философскаго и историческаго матеріала, является какимъ-то недосягаемымъ гигантомъ, сравнительно съ замѣнившимъ его трудомъ г. Ренненкампфа.

Точно такъ же въ петербургскомъ университетѣ читалъ когда-то энциклопедію права покойный Рѣдкинъ, котораго лекціи стали печататься въ послѣдніе годы; семь томовъ, изданные до сихъ поръ и заключающіе въ себѣ только изложеніе древней греческой философіи, представляютъ замѣчательный памятникъ знанія, трудолюбія и научной добросовѣстности. Лекціи Рѣдкина сдѣлали бы честь любой европейской литературѣ; онѣ показываютъ намъ наглядно, какъ относились къ наукѣ оффиціальные дѣятели ея въ недавнее еще время. Теперь мы имѣемъ лекціи г. Коркунова, и матеріалъ для сравненія дается самъ собою. Нужно замѣтить, что названный авторъ принадлежитъ къ числу ученыхъ, серьезно слѣдящихъ за спеціальною литературою и старающихся по возможности стоять на высотѣ современной науки. Онъ философствуетъ самостоятельно, излагаетъ и критикуетъ мнѣнія разныхъ писателей, теряется въ отвлеченностяхъ и въ концѣ концовъ оставляетъ впечатлѣніе чего-то весьма туманнаго и безжизненнаго. Авторъ въ точности слѣдуетъ методу старой схоластики: онъ начинаетъ съ общихъ понятій, установленныхъ болѣе или менѣе произвольно, и путемъ цѣлаго ряда словесныхъ умозаключеній подходитъ къ тому, съ чего слѣдовало начать, т.-е. къ анализу самыхъ явленій, обнимаемыхъ понятіемъ о правѣ; но этотъ анализъ тотчасъ замѣняется простымъ указаніемъ существенныхъ чертъ положительнаго права и законодательства въ современномъ

ихъ состоянiи, безъ всякой тѣни сравнительно-историческаго изученiя матерiала.

Собираясь объяснить, что̀ такое право, авторъ вдается въ длинныя разсужденiя о правилахъ или нормахъ вообще, въ отличiе отъ законовъ природы, и запутывается въ ненужныхъ опредѣленiяхъ, которыя только отдаляютъ читателя отъ реальной почвы права. Правила цѣлесообразности или техническiя,—говоритъ онъ,—указываютъ, какъ слѣдуетъ поступать для достиженiя какой-либо опредѣленной цѣли. Но „разнообразныя цѣли человѣческой дѣятельности неизбѣжно сталкиваются между собою, такъ что полное, послѣдовательное осуществленiе одной цѣли нерѣдко препятствуетъ осуществленiю другой. Человѣкъ ограниченъ и въ своихъ силахъ, и во внѣшнихъ средствахъ, и во времени, и потому для него невозможно полное осуществленiе всѣхъ его цѣлей. Ему приходится ограничивать осуществленiе отдѣльныхъ цѣлей ради возможности ихъ совмѣстнаго осуществленiя. При этомъ маловажными цѣлями приходится жертвовать ради осуществленiя важнѣйшихъ. Ограничивая такимъ образомъ осуществленiе отдѣльныхъ цѣлей, нельзя обойтись безъ руководящаго начала, безъ правилъ, опредѣляющихъ, какiя именно цѣли и въ какой мѣрѣ должны быть ограничены въ своемъ осуществленiи, какъ согласовать между собою осуществленiе разнородныхъ цѣлей. Это приводитъ къ существованiю на ряду съ техническими еще другихъ правилъ—этическихъ. Человѣкъ не можетъ руководствоваться въ своей жизни только техническими правилами, только одною цѣлесообразностью. Онъ непремѣнно руководствуется еще и чѣмъ-то другимъ, опредѣляющимъ для него выборъ самихъ цѣлей, заставляющихъ предпочитать одну цѣль другой. По степени умѣлости осуществлять отдѣльныя цѣли, мы судимъ объ искусствѣ, умѣлости людей; по тому, какъ они опредѣляютъ взаимное отношенiе цѣлей, какiя цѣли предпочитаютъ другимъ, мы судимъ объ ихъ нравахъ, о томъ, что греки обозначали словомъ „этосъ“. Отсюда и правила, опредѣляющiя взаимное соотношенiе разнородныхъ цѣлей человѣческой жизни, называются этическими. Различiе нормъ техническихъ и этическихъ можетъ быть, на основанiи всего сказаннаго, формулировано такимъ образомъ: нормы техническiя суть правила осуществленiя отдѣльныхъ цѣлей человѣческой дѣятельности; нормы этическiя—правила совмѣстнаго осуществленiя всѣхъ людскихъ цѣлей“.

При всей многословности этихъ объясненiй, они не выдерживаютъ серьезнаго разбора. Неужели этика отличается отъ техники только по способу отношенiя къ человѣческимъ цѣлямъ, а

не по самому свойству и содержанію этихъ цѣлей? Развѣ дѣло этики — способствовать совмѣстному осуществленію различныхъ цѣлей, если послѣднія имѣютъ вполнѣ эгоистическій характеръ? Человѣкъ можетъ одновременно стремиться разными путями къ достиженію богатства, къ пріобрѣтенію чиновъ и отличій, къ пользованію всякими наслажденіями и удовольствіями, и этическія нормы не будутъ играть при этомъ никакой роли. Еще болѣе темными оказываются дальнѣйшія разсужденія автора. Этическія правила,—говоритъ онъ,—въ противоположность техническимъ, „не могутъ мѣняться вмѣстѣ съ перемѣной преслѣдуемыхъ цѣлей; они могутъ быть у людей различны, но разъ человѣкъ держится опредѣленныхъ этическихъ правилъ, они не могутъ (?) мѣняться въ зависимости отъ имѣющихся въ виду въ данномъ случаѣ цѣлей. У одного и того же человѣка не могутъ быть различныя этическія правила на разные случаи жизни. Этическія правила опредѣляютъ отношеніе отдѣльныхъ цѣлей человѣка къ общей ихъ совокупности. Поэтому они по необходимости одни для всей дѣятельности человѣка, для всѣхъ цѣлей". Эти нормы, повторяетъ авторъ, „суть выводы изъ представленія о томъ, какъ опредѣляется гармоническое соотношеніе всѣхъ разнообразныхъ цѣлей человѣческой жизни. Пониманіе такого гармоническаго соотношенія можетъ быть различно, но разъ человѣкъ усвоилъ себѣ извѣстное пониманіе, оно опредѣляетъ для него всѣ этическія правила, являющіяся поэтому выводами изъ одного общаго принципа, выражающагося въ усвоенномъ имъ пониманіи взаимнаго соотношенія жизненныхъ цѣлей". Чтò собственно надо разумѣть подъ этическими нормами, о которыхъ потрачено авторомъ столько излишнихъ словъ,—остается все-таки неизвѣстнымъ. Авторъ упорно желаетъ увѣрить читателя, что совмѣщеніе многихъ человѣческихъ цѣлей есть существенный признакъ и необходимое условіе примѣненія этическихъ правилъ. Господство одной какой-нибудь цѣли въ жизни человѣка,—то, чтò мы видимъ въ наиболѣе высокихъ образцахъ нравственной дѣятельности,—исключаетъ будто бы дѣйствіе этическихъ нормъ съ точки зрѣнія г. Коркунова. „Только въ случаяхъ болѣзненной маніи,—говоритъ онъ,—человѣкъ всю свою дѣятельность подчиняетъ исключительно одной какой-нибудь цѣли. Нормально же развитые, здоровые люди всегда преслѣдуютъ нѣсколько разнообразныхъ цѣлей. Желательность гармоничнаго совмѣстнаго осуществленія разнообразныхъ цѣлей для всѣхъ психически нормальныхъ людей стоитъ поэтому внѣ вопроса. Внѣ вопроса стоитъ для нихъ, слѣдовательно, и обязательность этическихъ нормъ. Единственное

условіе ихъ обязательности — нормальное состояніе душевныхъ способностей". Итакъ, человѣкъ, посвящающій свою жизнь одному великому дѣлу, не соблюдаетъ этическихъ правилъ и не имѣетъ въ нихъ надобности, а предприниматель, достигающій гармоническаго осуществленія всѣхъ своихъ цѣлей въ области своего личнаго благополучія, обязательно руководствуется при этомъ предписаніями этики. Самоотверженный дѣятель, стремящійся единственно къ открытію истины или къ служенію народнымъ и общечеловѣческимъ интересамъ, будетъ маніакомъ, а ловкій дѣлецъ, умѣющій гармонически совмѣщать разнородныя цѣли для устройства блестящей житейской карьеры, будетъ нормально развитымъ, психически здоровымъ и притомъ нравственнымъ человѣкомъ. Это ли хотѣлъ сказать г. Коркуновъ?

Продолжая ходить кругомъ и около предмета, сущность котораго какъ бы намѣренно оставляется въ полутьмѣ, авторъ высказываетъ весьма странные парадоксы и впадаетъ въ неразрѣшимыя противорѣчія. „Несоблюденіе техническихъ нормъ,—по его словамъ,—ведетъ къ недостиженію отдѣльной цѣли въ данномъ случаѣ, и только: оно не отзовется на послѣдующей дѣятельности человѣка. Выразившись сегодня безграмотно, я могу затѣмъ всю остальную жизнь безпрепятственно (?) выражаться съ самымъ щепетильнымъ соблюденіемъ правилъ грамматики; дурно обработавъ одно поле, я могу отлично вспахать и унавозить другое. Несоблюденіе этическихъ нормъ разстраиваетъ, напротивъ, всю нашу дѣятельность, нарушая гармонію руководящихъ ею цѣлей. Разъ совершенное нарушеніе этической нормы долго даетъ себя чувствовать, отзываясь на нашихъ дѣлахъ, дѣлая невозможнымъ для насъ достиженіе многихъ болѣе важныхъ цѣлей. Сознаніе того, что наши собственныя нарушенія этическихъ правилъ въ прошломъ лишаютъ насъ и въ настоящее время возможности достигнуть высшихъ человѣческихъ цѣлей, приводитъ къ самоупрекамъ, къ угрызеніямъ совѣсти и къ признанію безусловной обязательности этическихъ нормъ". Гораздо правильнѣе было бы сказать наоборотъ: неумѣнье дѣйствовать цѣлесообразно въ одномъ случаѣ даетъ основаніе предполагать такое же неумѣнье и въ другихъ однородныхъ случаяхъ; если сегодня человѣкъ оказался безграмотнымъ, то онъ останется такимъ и завтра, и кто плохо вспахалъ одно поле, не обработаетъ лучше и другого. Отступивъ же разъ отъ правилъ нравственности, подъ вліяніемъ увлеченія или необдуманнаго эгоизма, можно во всю остальную жизнь поступать согласно самымъ строгимъ требованіямъ морали; съ другой стороны, для того, чтобы испытывать нравственное недоволь-

ство и угрызенія совѣсти, вслѣдствіе нарушенія какой-либо этической нормы, нужно уже имѣть въ себѣ значительно развитое нравственное чувство и знать въ точности, чего именно требуютъ правила этики. Громадное большинство людей, слѣдующихъ чисто эгоистическимъ инстинктамъ, было всегда и твердо убѣждено, что нельзя дѣйствовать иначе, какъ въ духѣ корысти и вражды; всякій искатель счастья и успѣха доволенъ собою, если ему удалось достигнуть желанныхъ результатовъ хотя бы въ ущербъ другимъ, безъ всякаго отношенія къ тѣмъ нравственнымъ принципамъ, которые считаютъ для себя обязательными люди иного склада и развитія. Развѣ этическія нормы представляютъ собою нѣчто постоянное и неизмѣнное у разныхъ народовъ и при разныхъ условіяхъ быта и культуры? Авторъ смѣшиваетъ затѣмъ этическія правила съ обязательными и общеизвѣстными законами, нарушеніе которыхъ влечетъ за собою возмездіе со стороны общества и государства. „Если этическія нормы нарушаются, если гармонія человѣческихъ цѣлей не установляется, если личные и общественные интересы приходятъ въ рѣзкое столкновеніе, общество не можетъ оставаться безучастнымъ. Нарушитель этическихъ нормъ,—говоритъ г. Коркуновъ,—неуклонно (?) вызываетъ противъ себя судъ и гнѣвъ общества, заинтересованнаго въ томъ, чтобы между личными и общественными цѣлями поддерживалась опредѣленная гармонія. Общество поэтому требуетъ отъ каждаго соблюденія этическихъ нормъ, осуждаетъ за ихъ нарушеніе и даже въ важныхъ случаяхъ караетъ за него. Соблюденіе этическихъ нормъ не есть лишь дѣло субъективнаго усмотрѣнія: онѣ являются предъ нами съ характеромъ объективно-обязательныхъ требованій".

Чтò же такое, наконецъ, эти невѣдомыя этическія нормы г. Коркунова, зависящія отъ пониманія каждаго и вмѣстѣ съ тѣмъ одинаковыя для всѣхъ, въ качествѣ „объективно-обязательныхъ требованій"? Вмѣсто отвѣта на этотъ естественный вопросъ, авторъ спѣшитъ опровергнуть самого себя, доказывая, что этическія правила вовсе не имѣютъ и не могутъ имѣть характера „объективно-обязательныхъ требованій", санкціонированныхъ закономъ и общественною властью. „Установленіе гармоническаго соотношенія разнообразныхъ цѣлей, составляющихъ содержаніе человѣческой жизни,—объясняетъ онъ,—зависитъ отъ цѣлаго ряда крайне измѣнчивыхъ и совершенно субъективныхъ условій. У каждаго человѣка свои цѣли и каждый по своему оцѣниваетъ каждую изъ этихъ цѣлей, по своему опредѣляетъ ихъ взаимное соотношеніе. Чтò для одного представляется незначущимъ, для

другого можетъ составлять главную цѣль жизни. Личныя наклонности, теоретическія воззрѣнія, религіозныя убѣжденія, общественные нравы—все это до безконечности видоизмѣняетъ человѣческіе интересы и ихъ соотношеніе. Принятіе того или другого взгляда на соотношеніе нашихъ цѣлей въ значительной степени есть дѣло чувства, а не логическаго вывода. Содержаніе этическихъ нормъ не можетъ обойтись поэтому безъ примѣси субъективности. Оно представляетъ множество разнообразныхъ оттѣнковъ, постоянно служитъ предметомъ спора; его нельзя основать на строго логическихъ доводахъ, которые бы для всѣхъ безусловно были убѣдительны". Читатель совершенно теряется среди этихъ противорѣчивыхъ и сбивчивыхъ объясненій.

Путаница еще болѣе увеличивается, когда авторъ обращается, наконецъ, къ своей главной задачѣ—къ опредѣленію идеи права. „Мы выяснили (?),—заявляетъ онъ,—различіе двухъ основныхъ категорій нормъ: техническихъ и этическихъ. Къ которой же изъ нихъ должны быть отнесены нормы юридическія? Отвѣтъ на это не можетъ быть сомнителенъ. Юридическія нормы представляютъ всѣ отличительные признаки нормъ этическихъ. Соблюденіе требованій права не ведетъ къ непосредственному осуществленію никакой матеріальной цѣли. Право только опредѣляетъ рамки осуществленія разнообразныхъ интересовъ, составляющихъ содержаніе общественной жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ соблюденіе юридическихъ нормъ признается обязательнымъ для всѣхъ. И наконецъ, содержаніе права не есть только (?) логически необходимый выводъ изъ законовъ природы, что̀ ясно уже изъ самаго факта разнообразія и даже противорѣчія существующихъ юридическихъ нормъ". Если держаться этихъ внѣшнихъ признаковъ, то слѣдовало бы заключить, что, напримѣръ, правила грамматики должны быть также отнесены къ разряду нормъ этическихъ, а не техническихъ, какъ полагаетъ авторъ. Соблюденіе правилъ грамматики такъ же точно „не ведетъ къ непосредственному осуществленію никакой матеріальной цѣли"; оно такъ же несомнѣнно „признается обязательнымъ для всѣхъ", чего нельзя сказать о колеблющихся и субъективныхъ этическихъ нормахъ, и наконецъ, содержаніе правилъ грамматики такъ же точно не есть „логически необходимый выводъ изъ законовъ природы". Почему же, однако, авторъ отнесъ грамматику и педагогію къ области техники? Очевидно, внѣшніе признаки, указываемые г. Коркуновымъ, вовсе не характеризуютъ этическихъ правилъ въ отличіе отъ техническихъ, и самая попытка его разграничить обѣ категоріи нормъ, въ сущности, вполнѣ безцѣльна. Проводя такое раз-

граниченіе, авторъ упустилъ изъ виду, что правила цѣлесообразности имѣютъ свое мѣсто и въ сферѣ этическихъ нормъ и что, въ частности, многія изъ юридическихъ правилъ носятъ на себѣ чисто техническій характеръ (правила о формахъ сдѣлокъ и актовъ, о срокахъ, о судопроизводствѣ и судоустройствѣ). Куда же отнести эти техническія нормы права, если мы будемъ, подобно г. Коркунову, противопоставлять юридическія правила техническимъ?

Непослѣдовательность и неясность мысли, въ связи съ неточностью и тяжеловѣсностью формы, даютъ себя особенно чувствовать при установленіи и анализѣ общихъ понятій. Не опредѣливъ значенія этическихъ нормъ, авторъ раздѣляетъ ихъ на юридическія и нравственныя, причемъ различіе между словами „этическій" и „нравственный" оставлено неразъясненнымъ. Нравственныя правила регулируютъ будто бы гармоническое совмѣщеніе цѣлей и интересовъ въ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, а не въ отношеніяхъ людей между собою. „Человѣкъ, взятый отдѣльно, изолированно, внѣ его отношеній къ другимъ людямъ, можетъ руководствоваться одними нравственными правилами... Но если человѣкъ вступаетъ въ сношенія съ другими людьми, если его интересы сталкиваются не только между собой, но и съ интересами другихъ людей, одной нравственной оцѣнки интересовъ недостаточно для внесенія въ дѣятельность людей порядка и гармоніи". Недостаточность эта зависитъ, однако, не отъ того, что нравственные принципы опредѣляютъ лишь отношенія человѣка къ самому себѣ (какъ можно думать по изложенію автора); область морали именно и распространяется главнымъ образомъ на взаимныя отношенія людей, какъ признаетъ самъ авторъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 52). „Нравственность,—говоритъ онъ,—требуетъ отъ насъ не однихъ добрыхъ намѣреній, но и дѣлъ, и притомъ, большею частью, въ отношеніи къ другимъ". Но нравственныя правила сами по себѣ не обладаютъ внѣшнею санкціею, необходимою для обезпеченія обычныхъ условій общежитія. Отсюда возможность противорѣчій между правомъ и нравственностью. По опредѣленію автора, нравственность даетъ оцѣнку интересовъ, а право—ихъ разграниченіе. Нравственность „есть дѣло болѣе индивидуальное, право—болѣе общественное". Всякая юридическая норма непремѣнно даетъ разграниченіе интересовъ: „Въ гражданскомъ правѣ разграничиваются интересы отдѣльныхъ частныхъ лицъ, вступающихъ въ разнообразныя отношенія: мужа и жены, родителей и дѣтей, покупателя и продавца, нанимателя и наемника, должника и кредитора и т. д. Въ уголовномъ процессѣ разграничиваются интересы общественной власти, заклю-

чающіеся въ наказаніи виновнаго, и интересъ подсудимаго, состоящій въ томъ, чтобы и ему обезпечены были всѣ средства доказать могущую оказаться его невиновность. Въ гражданскомъ процессѣ разграничиваются интересы истца и отвѣтчика. Въ государственномъ правѣ разграничивается интересъ власти и интересъ подданныхъ, интересъ порядка и интересъ свободы. Въ международномъ правѣ разграничивается интересъ международнаго общенія и интересъ самостоятельности отдѣльныхъ государствъ". Въ дѣйствительности, право не только разграничиваетъ и охраняетъ извѣстныя отношенія, но установляетъ такіе институты, какъ собственность, наслѣдованіе, опека; только посредствомъ грубой натяжки можно видѣть простое разграниченіе интересовъ въ уголовныхъ карахъ, въ наказаніи виновныхъ и оправданіи невинныхъ; еще труднѣе сводить къ разграниченію интересовъ содержаніе государственнаго права, гдѣ часто даже мысль о какихъ-либо разграниченіяхъ отвергается, какъ опасная ересь. Если сущность права заключается въ разграниченіи существующаго, то право не имѣетъ творческой роли; но этотъ неизбѣжный выводъ тотчасъ забывается авторомъ, который впадаетъ затѣмъ въ противоположную крайность и приписываетъ праву небывалую самостоятельную силу. „Юридическія нормы,—говоритъ онъ въ слѣдующей же главѣ,—не выражаютъ того, что̀ есть, а указываютъ лишь, что̀ должно быть; онѣ могутъ быть нарушаемы, и онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ причиною явленій (!), а именно всѣхъ тѣхъ явленій, совокупность которыхъ образуетъ юридическій бытъ общества". Это положеніе еще болѣе произвольно, чѣмъ первое: самъ авторъ, конечно, не могъ думать, что, напримѣръ, договоры и обязательства совершаются въ жизни потому, что о нихъ существуютъ извѣстныя юридическія правила, или что люди не пользовались и не владѣли бы вещами, еслибы не было обязательныхъ нормъ относительно владѣнія и пользованія. Во всякомъ случаѣ такой взглядъ совершенно несовмѣстимъ съ опредѣленіемъ права, какъ сферы разграниченія существующихъ интересовъ.

Въ лекціяхъ г. Коркунова подробно разбираются мнѣнія разныхъ авторовъ, отчасти второстепенныхъ и незначительныхъ, по каждому теоретическому вопросу; упоминается много ненужныхъ именъ, оспариваются различныя доктрины, въ томъ числѣ давно устарѣвшія и забытыя всѣми, но о самомъ предметѣ правовѣденія, о фактическихъ основахъ развитія права у разныхъ народовъ, не дается почти никакихъ свѣденій. Еслибы, по крайней мѣрѣ, ходъ литературы излагался въ систематическомъ порядкѣ, а не въ видѣ случайнаго и излишняго балласта или простого ма-

теріала для полемики, то читатель могъ бы получить правильное понятіе о характерѣ юриспруденціи и косвенно о самомъ правѣ; но авторъ даже о римскомъ правѣ говоритъ лишь случайно и отрывочно, въ цѣляхъ полемики. Г. Коркуновъ, между прочимъ, „опровергаетъ“ ученіе римскихъ юристовъ объ естественныхъ нормахъ права, основанныхъ на природѣ вещей, обнаруживая при этомъ весьма своеобразное пониманіе римскаго права вообще: ему кажется, что можно опровергнуть римскихъ юристовъ указаніемъ на то, что напр. естественныя различія между малолѣтними и взрослыми или всеобщее пользованіе моремъ и воздухомъ не всегда признавались законодательствомъ и получали юридическое значеніе „лишь въ силу постановленія закона, которое можетъ существовать и не существовать“ (стр. 85). Выходитъ такимъ образомъ, что законъ и право—одно и то же! Если сознаваемая всѣми природа вещей и отношеній не признается или отрицается закономъ, то это значитъ только, что законъ не соотвѣтствуетъ понятіямъ о правѣ, что онъ несправедливъ или ошибоченъ; этой же точки зрѣнія держится, вѣроятно, самъ г. Коркуновъ и даже доводитъ ее до крайности, когда отвергаетъ, напр., юридическій характеръ отношеній деспота къ вполнѣ безправному народу, отношеній отца къ безправнымъ членамъ патріархальной семьи, отношеній гражданъ къ иностранцамъ въ извѣстныя историческія эпохи, отношеній господина къ рабу (стр. 75), хотя всѣ эти права и полномочія безспорно освящались авторитетомъ закона. Природа вещей, на которую ссылались римскіе юристы, есть не что иное какъ матеріальная, жизненная основа юридическихъ нормъ; иногда это просто здравая человѣческая логика, послѣдовательно анализирующая житейскія отношенія и доходящая въ этомъ анализѣ до математической точности, до настоящаго „счета понятій“ (по выраженію знаменитаго Савиньи). Нападать на эту сторону римскаго права, на роль реальныхъ естественныхъ условій въ его опредѣленіяхъ и толкованіяхъ, всего меньше подобало бы современному юристу, отрицающему безпочвенную отвлеченность въ правовѣденіи.

Нашъ авторъ относится сочувственно къ положительному, историческому направленію въ правѣ; но это сочувствіе не мѣшаетъ ему предлагать читателямъ безсодержательную схоластику подъ видомъ науки. Говоря о содержаніи юридическихъ нормъ, онъ или повторяетъ положенія римскаго права съ тѣми же ссылками на природу вещей, отвергнутыми раньше, или пространно разводитъ идеи нѣмецкихъ систематиковъ съ своими собственными, далеко не всегда удачными, комментаріями. Вотъ какъ мотиви-

руется, напримѣръ, стѣсненіе свободы публичнаго слова: „Подвергаются также особымъ ограниченіямъ обнаруженія мыслей путемъ печати или публичныхъ рѣчей, такъ какъ тутъ обнаруженіе получаетъ особенно широкую гласность и, что̀ особенно важно, при такой формѣ обнаруженія мысли воспріятіе ея, до извѣстной степени, навязывается другимъ противъ ихъ воли. Напередъ читатель не можетъ знать, что̀ содержится въ данной брошюрѣ или газетной статьѣ, а прочтя ее, онъ уже не можетъ освободиться отъ полученнаго отъ чтенія впечатлѣнія. Въ такое же положеніе ставится и всякій случайный слушатель публичной рѣчи“. Авторъ не прибавляетъ, какъ достигнуть оцѣнки впечатлѣній прежде чѣмъ они произведены, и почему вообще нужно охранять людей отъ извѣстныхъ умственныхъ воспріятій, если эти люди не малолѣтніе и не душевно-больные?

Какъ образчикъ „научныхъ“ положеній, развиваемыхъ авторомъ, приводимъ любопытное разсужденіе о правахъ относительно человѣческаго организма: „Что касается отдѣльныхъ частей человѣческаго тѣла, то надо различать части уже отдѣленныя и неотдѣленныя (!). Отдѣлившаяся часть человѣческаго тѣла—напримѣръ, отрѣзанные волоса (часть тѣла!), выдернутый зубъ, срѣзанная опухоль (!), приравнивается по своему юридическому положенію (sic) къ положенію другихъ вещей, потому что въ отдѣлившейся части тѣла уже не могутъ проявляться силы человѣка (напр., въ волосахъ или въ опухоли?). Неотдѣленныя же части человѣческаго тѣла, составляя принадлежность личности, не могутъ подчиняться чужой власти. Поэтому не можетъ существовать право непосредственно на чужое тѣло или на его неотдѣленныя части (!). Нельзя пріобрѣсть права собственности на неотрѣзанные еще волосы, на невыдернутые еще зубы; нельзя пріобрѣсть права пользованія чужимъ тѣломъ, напримѣръ тѣломъ урода, карлика, великана, для показыванія его за деньги публикѣ. Можно пріобрѣсть право только на дѣйствіе человѣка, заключающееся въ предоставленіи пользованіи его тѣломъ или частями тѣла (?!). Если же онъ отказывается добровольно совершить это дѣйствіе, принужденіе не можетъ имѣть мѣста. Въ такомъ случаѣ можно требовать только вознагражденія за причиненный отказомъ ущербъ“ (стр. 139—140). Авторъ долженъ былъ бы сдѣлать необходимую оговорку, что его категорическія отрицанія касаются лишь современныхъ культурныхъ государствъ, въ которыхъ признается принципъ личной свободы и неприкосновенности; въ другихъ странахъ существуетъ еще право на пользованіе чу-

жимъ тѣломъ, и даже общественная или правительственная власть оставляетъ за собою кой-какія права на нѣкоторыя „неотдѣленныя части“ (по классификаціи г. Коркунова) человѣческаго организма. Далѣе мы узнаѐмъ, что „звѣзды, облака не могутъ быть объектомъ права“ и что, сверхъ того, есть вещи, которыя „по самой своей природѣ могутъ быть объектомъ только общаго пользованія, напр. воздухъ, проточная вода, открытое море“ (повтореніе римскаго „естественнаго“ правила, противъ котораго раньше спорилъ авторъ). „Послѣднюю категорію объектовъ права“ составляетъ будто бы „сила общества“, хотя не видно, о какомъ правѣ тутъ идетъ рѣчь. Если вѣрить автору, „всѣ людскіе союзы сводятся къ одному общему союзу (?) человѣчества, такъ какъ человѣчество обнимаетъ собою всѣ меньшіе союзы и они зависятъ (?) отъ него“; только „сила организованныхъ союзовъ, проявляющаяся какъ власть ихъ надъ своими членами, и можетъ быть объектомъ правъ“ (публичныхъ или частныхъ?). Чтобы объяснить разницу между простою дозволенностью чего-либо и дѣйствительнымъ правомъ, авторъ серьезно сравниваетъ возможность выгодной контрабанды съ дозволеннымъ фактическимъ пользованіемъ какими-либо выгодами, безъ прямого права на нихъ. „Такъ, установленіе высокаго таможеннаго тарифа и, слѣдовательно, обязанности уплачивать при ввозѣ иностранныхъ товаровъ большія пошлины создаетъ выгодныя условія не только для внутренняго производства, но и для занятія контрабандой. Обязанность домохозяина, по договору съ жильцомъ верхняго этажа, освѣщать и устилать ковромъ лѣстницу даетъ и жильцамъ нижнихъ этажей возможность пользоваться этими удобствами. Но ни контрабандистъ, ни жилецъ нижняго этажа не имѣютъ права, потому что выгодами, вытекающими для нихъ изъ существованія данной юридической обязанности, они могутъ пользоваться лишь по стольку, по скольку фактическія обстоятельства дѣлаютъ это возможнымъ. Если же обстоятельства сложатся иначе и воспользоваться этой выгодой для нихъ окажется невозможнымъ, они не могутъ требовать ни отъ кого, чтобы фактическія обстоятельства были измѣнены ради предоставленія имъ возможности ходить по лѣстницѣ, устланной ковромъ, или заниматься съ выгодой провозомъ контрабанды“. Въ дѣйствительности, примѣръ контрабанды совершенно не относится къ разсматриваемому авторомъ вопросу, ибо не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо правѣ на выгоды такого занятія, которое запрещено и преслѣдуется закономъ. Подобныхъ логическихъ ошибокъ встрѣчается не мало въ лекціяхъ г. Коркунова. Юридическія сдѣлки, по его мнѣнію, могутъ быть и одно-

сторонними, и двусторонними; „примѣрами односторонней сдѣлки могутъ служить завѣщаніе и отказъ отъ собственнаго права“ (стр. 149). Но слово „сдѣлка“, уже по своему этимологическому смыслу, предполагаетъ участіе двухъ или нѣсколькихъ лицъ; нельзя заключить сдѣлку съ самимъ собою, и потому выраженіе „односторонняя сдѣлка“ заключаетъ въ себѣ очевидное внутреннее противорѣчіе (contradictio in adjecto). Завѣщаніе и отказъ отъ собственнаго права суть юридическіе акты, а не сдѣлки. Распоряженія должностныхъ лицъ будто бы также бываютъ двусторонними, хотя не имѣютъ формы договора; одна изъ участвующихъ сторонъ есть властвующая, другая — подчиненная, и „взаимное ихъ соотношеніе получаетъ характеръ соотношенія просьбы (напр., объ опредѣленіи на службу, дачѣ концессіи) и соизволенія на нее (принятіе на службу и предоставленіе концессіи)“. Нѣтъ надобности объяснять, что просители не суть участники тѣхъ правительственныхъ распоряженій, которыя могутъ состояться по ихъ ходатайству, и что распоряженіе остается вполнѣ одностороннимъ, даже когда оно вызвано просьбами частныхъ лицъ.

Остановившись надъ вопросомъ о различіи между частнымъ правомъ и публичнымъ, г. Коркуновъ, по обыкновенію, обращаетъ главное вниманіе на второстепенные и поверхностные признаки: онъ находитъ какую-то противоположность между „подѣленіемъ объекта въ частное обладаніе“ и „приспособленіемъ объекта къ осуществленію опредѣленнаго интереса“, и эта мнимая противоположность кажется ему достаточною основою для классификаціи. „Всѣ характеристическія особенности частнаго и публичнаго права, —говоритъ онъ,—вполнѣ объясняются различіемъ подѣленія (sic) объекта и его приспособленія“. Но развѣ объекты частнаго права не приспособляются „къ осуществленію опредѣленныхъ интересовъ“? Вѣдь трудъ приспособленія предметовъ къ потребностямъ человѣка составляетъ именно источникъ и основаніе частныхъ имущественныхъ правъ; какимъ же образомъ это приспособленіе можетъ быть принято за спеціальный признакъ правъ публичныхъ? Вѣрнѣе сказать наоборотъ, что дѣло приспособленія играетъ гораздо меньшую роль въ правѣ публичномъ, чѣмъ въ частномъ: право государства на территорію, на судоходныя рѣки, на прибрежныя морскія воды не предполагаетъ никакого предварительнаго приспособленія объекта, тогда какъ предметы частнаго обладанія пріобрѣтаютъ цѣнность только вслѣдствіе возможнаго извлеченія изъ нихъ извѣстныхъ выгодъ при обработкѣ или пользованіи со стороны владѣльцевъ. Правда, авторъ незамѣтно прибавляетъ затѣмъ другой признакъ и говоритъ уже о приспособ-

леніи къ „совмѣстному или общему пользованію"; но тогда дѣло уже не въ приспособленіи объекта, а въ различіи самихъ цѣлей и интересовъ. Однако, и совмѣстное пользованіе нисколько не помогаетъ уясненію вопроса; частные пароходы могутъ быть прекрасно приспособлены къ общему пользованію, и тѣмъ не менѣе они остаются предметами частнаго права, а не публичнаго; то же самое можно сказать о крупныхъ частныхъ предпріятіяхъ и сооруженіяхъ, разсчитанныхъ на удовлетвореніе общихъ потребностей или интересовъ публики. Авторъ дѣлаетъ еще одну прибавку и незамѣтно вводитъ элементъ „общаго публичнаго интереса" въ противоположность частному" (стр. 165), т.-е. вводитъ различіе интересовъ, принятое римскимъ правомъ и рѣшительно отвергаемое г. Коркуновымъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 153). Въ общемъ получается нѣчто крайне неясное и противорѣчивое. По словамъ автора, можно легко объяснить существованіе частныхъ правъ и государства, если основывать различіе частнаго и публичнаго на „различіи подѣленія и приспособленія". Такъ, „если государству предоставляется власть надъ даннымъ объектомъ ради его приспособленія къ общему пользованію—это право публичное: таково право государства на дороги. Если же, напротивъ, данный объектъ предоставляется государству только для пользованія самимъ правительствомъ ради извлеченія изъ него средствъ для приспособленія другихъ объектовъ (?)—это право частное: таково право государствъ на государственное имущество, доходы съ котораго идутъ на удовлетвореніе тѣхъ или другихъ задачъ государственнаго управленія". Послѣднее невѣрно: правительственная власть располагаетъ государственными имуществами не на частномъ правѣ, а на публичномъ, хотя и съ соблюденіемъ общихъ юридическихъ нормъ объ имущественныхъ правахъ; самое выраженіе „государственное имущество" исключаетъ мысль о частномъ характерѣ правъ на эти имущества. Наконецъ, настаивая на различіи „подѣленія объекта и приспособленія его", г. Коркуновъ забываетъ о важнѣйшей области публичныхъ правъ, гдѣ нѣтъ вовсе объектовъ, допускающихъ раздѣленіе и приспособленіе,—таковы публичныя права гражданъ, права государственной власти по отношенію къ подданнымъ, права общественныя и политическія. Стоило ли такъ развязно отвергать простое и ясное опредѣленіе римскихъ юристовъ, чтобы замѣнить его этою безнадежною и непонятною путаницею „подѣленія и приспособленія"? Въ концѣ концовъ, все-таки остается публичнымъ правомъ то, которое имѣетъ своимъ предметомъ интересъ общественный, а частнымъ то, которое касается пользы отдѣльныхъ лицъ,

какъ это установлено еще въ римскомъ правѣ. Для чего же нужно было затемнять предметъ напрасными попытками самостоятельныхъ блужданій, могущихъ только сбить съ толку читателя?

Болѣе удовлетворительно составлены главы объ обществѣ и государствѣ (стр. 167—253), причемъ принята во вниманіе и новѣйшая соціологическая литература; послѣдній отдѣлъ книги—объ образованіи и происхожденіи права—страдаетъ тѣми же недостатками, какъ и разсмотрѣнная нами часть лекцій, но содержитъ въ себѣ больше фактическихъ свѣденій, не подлежащихъ спору (объ источникахъ права—обычаѣ и законѣ, о нашемъ сводѣ законовъ, о примѣненіи и толкованіи законовъ и др.). Вопросы общаго государственнаго права разсмотрѣны г. Коркуновымъ въ особомъ сочиненіи, въ которомъ преобладаетъ тотъ же апріорный методъ, сводящійся въ сущности къ схоластикѣ, пока идетъ дѣло объ общихъ понятіяхъ; но при обсужденіи частныхъ принциповъ приводятся историческія и литературныя указанія, придающія книгѣ несомнѣнный интересъ. Едва ли многіе согласятся со взглядомъ автора, что „государство есть юридическое отношеніе" (стр. 21); читатель мало вынесетъ изъ теоретическихъ разсужденій о природѣ государства и о различныхъ его формахъ, такъ какъ эти разсужденія не имѣютъ подъ собою положительной почвы и не всегда сообразуются съ фактическимъ матеріаломъ, даваемымъ исторіею разныхъ народовъ. Но можно отмѣтить отдѣльныя мѣста, заимствованныя изъ хорошихъ западно-европейскихъ источниковъ или навѣянныя ими,—мѣста, заслуживающія сами по себѣ вниманія и сочувствія. Власть, говорится напр. въ книгѣ г. Коркунова, неприложима къ осуществленію духовныхъ интересовъ. „Властью нельзя выяснить истины, нельзя вселить въ сердце человѣка вѣру. Правда, исторія представляетъ не мало примѣровъ того, какъ государственная власть задавалась подобными невыполнимыми для нея задачами. Но дѣло въ томъ, что въ результатѣ получались не успѣхи знанія, а остановка научнаго развитія, не утвержденіе вѣры, а утвержденіе религіознаго индифферентизма" (стр. 11—2). „Важнымъ элементомъ силы общественной власти" признается то, что „она можетъ явиться носительницей прогрессивныхъ идей, руководительницей общества". Въ такомъ случаѣ „она находитъ себѣ опору въ сочувствіи наиболѣе прогрессивныхъ и, слѣдовательно, наиболѣе дѣятельныхъ, наиболѣе жизненныхъ элементовъ общества. Бездѣятельное правительство, не умѣющее поставить себѣ достаточно высокую цѣль и ограничивающееся боязливымъ обереганіемъ существующаго status quo, по необходимости должно быть слабымъ,

потому что развитіе общественное идетъ въ такомъ случаѣ естественно помимо власти, опережаетъ ее, и власть является, въ силу этого, несоотвѣтствующею измѣнившимся условіямъ и потребностямъ общественной жизни. Только такая власть можетъ вести за собою общество, которая сама идетъ впередъ и притомъ къ сознательной и опредѣленной цѣли" (стр. 25). Развитіе свободы „не представляетъ противоположности развитію государственнаго могущества. Сильнымъ можетъ быть только государство развивающееся, прогрессивное, а первымъ условіемъ и единственнымъ источникомъ прогрессивнаго развитія общественной жизни служитъ, конечно, индивидуальная самостоятельность. Новое, прогрессивное, всегда является сначала какъ индивидуальное достояніе и только мало-по-малу завоевываетъ себѣ общее признаніе. Поэтому общество, въ которомъ вовсе была бы подавлена индивидуальная свобода, было бы по необходимости обречено на застой и, слѣдовательно, на обезсиленіе. Обезпеченіе гражданской свободы только въ частныхъ случаяхъ представляется стѣсненіемъ власти; въ общемъ же оно приводитъ къ ея усиленію. Кромѣ того, власть, ограничивающая себя въ интересахъ свободы, представляется подданнымъ менѣе тягостною, болѣе согласною съ ихъ нравственнымъ чувствомъ, болѣе справедливой. Ей повинуются охотнѣе, она вызываетъ меньше противодѣйствія и недовольства. Все это опять упрочиваетъ господство власти. Такимъ образомъ, самоограниченіе власти въ интересахъ свободы оказывается надежнѣйшей политикой власти, лучшимъ средствомъ упрочить свое властвованіе" (стр. 92). Возможность свободнаго общенія между людьми „составляетъ необходимое условіе и личнаго, и общественнаго развитія, и правительство, которое стѣсняетъ свободу общенія, само подрываетъ свою основу, такъ какъ въ человѣкѣ, который волей-неволей долженъ замкнуться въ узкіе личные интересы, не могутъ не заглохнуть интересы къ общественнымъ дѣламъ, и при такихъ условіяхъ окажется неизбѣжно недостатокъ честныхъ и умѣлыхъ дѣятелей" (стр. 119). Религіозная свобода „есть необходимое условіе возможности развитія религіознаго чувства и силы религіозныхъ убѣжденій. Поэтому, стѣсненіе религіозной свободы можетъ быть оправдано не въ интересахъ самой религіи, а только въ интересахъ государства, когда, въ силу извѣстныхъ историческихъ условій, духовная власть какого-нибудь религіознаго общества является силой опасной для государства, или угнетающею духовную и нравственную свободу гражданъ, какъ это и имѣется нерѣдко въ дѣйствительности, напримѣръ, относительно католическаго духовенства" (стр. 128).

Этотъ человѣческій языкъ и эти здравыя мысли находятъ себѣ мѣсто въ изложеніи государственнаго права иностранныхъ державъ, которое не принадлежитъ къ числу обязательныхъ предметовъ университетскаго преподаванія, и эта книга г. Коркунова, вѣроятно, не предназначена служить учебникомъ, какъ его „лекціи по общей теоріи права“.

Лекціи г. Коркунова по общей теоріи права, какъ и энциклопедія г. Ренненкампфа, интересны для насъ только въ качествѣ руководствъ, изъ которыхъ университетская молодежь должна почерпать свои теоретическія знанія по наукѣ права. Мы видѣли, что эти вмѣстилища „научныхъ истинъ“, подлежащихъ усвоенію умами учащагося поколѣнія, изобилуютъ продуктами весьма сомнительнаго качества. Жаждущимъ знанія дается, вмѣсто полезной умственной пищи, какая-то мутная вода, наполненная ненужнымъ балластомъ; подъ фирмой науки приподносится намъ какая-то странная смѣсь схоластики съ оригинальными логическими несообразностями и противорѣчіями. Приходится отъ души пожалѣть людей, которые вынуждены питаться подобнымъ матеріаломъ для удовлетворенія своей потребности въ знаніяхъ.

Л. Слонимскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ИЗЪ ЛОНГФЕЛЛО.

The heavy clouds may be raining
But with the evening comes the light...

Чѣмъ сильнѣй бушуютъ грозы,
Тѣмъ вечерній ярче свѣтъ,
Если тьма полна угрозы—
Будетъ радостенъ разсвѣтъ.

Всѣхъ, впередъ грядущихъ съ вѣрой,—
Всѣхъ любовь вознаградитъ,
И воздастся полной мѣрой
Тѣмъ, кто въ битвѣ устоитъ.

Слово, чуждое сомнѣнья—
Намъ залогъ поры́ иной,
И въ минуту „пробужденья" —
Пробудимся мы душой!

II.

СВѢТЪ И ТѢНЬ.

Think not that I will be failing
As all that's lovely fleeth by...

Все отцвѣтетъ и все кругомъ увянетъ,
Глухая ночь идетъ на смѣну дню,
Но пусть меня грядущее обманетъ—
Былому я во вѣкъ не измѣню.

Оно ушло—быть можетъ, слишкомъ скоро,
Ушло, какъ все, чѣмъ жизнь была красна,
Но все же я не шлю ему укора,
Въ моей душѣ царитъ печаль одна.

Такъ иногда, благоуханнымъ лѣтомъ,
Во мглѣ ночей мы видимъ темный лѣсъ,
Какъ серебромъ, залитый луннымъ свѣтомъ,
Струящимся съ безоблачныхъ небесъ.

И блещетъ онъ, въ серебряномъ уборѣ
Красуяся, но вотъ проходитъ мигъ—
И лунный свѣтъ, дробясь въ далекомъ морѣ,
Къ волнамъ его, ласкаяся, приникъ...

Игрой лучей небрежно прихотливой
Прибрежныхъ волнъ теперь коснулся онъ,
А темный лѣсъ по прежнему тоскливо
Стоитъ, во мглу и сумракъ погруженъ.

О. Михайлова.

ПЕРВЫЯ ИЗВѢСТІЯ О СИБИРИ

И

РУССКОЕ ЕЯ ЗАСЕЛЕНІЕ

— *Д. Н. Анучинъ.* Къ исторіи ознакомленія съ Сибирью до Ермака. Древнее русское сказаніе „О человѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточнѣй странѣ“. Археолого-этнографическій этюдъ. Съ 14-ю рисунками въ текстѣ. М. 1890. 4°.

— *А. В. Оксеновъ.* Слухи и вѣсти о Сибири до Ермака („Сибирскій Сборникъ“, подъ ред. Н. М. Ядринцева, кн. IV. Спб. 1887).

— *И. И. Тыжновъ.* Обзоръ иностранныхъ извѣстій о Сибири 2-й половины XVI вѣка („Сибирскій Сборникъ“, подъ ред. Н. М. Ядринцева, Спб. 1887,— и тоже подъ ред. В. А. Ошуркова, Иркутскъ, 1890).

— *Е. Е. Замысловскій.* Чертежи сибирскихъ земель XVI — XVII вѣка („Журн. мин. просв.“ 1891, іюнь).

— *П. Н. Буцинскій.* Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ. Харьковъ, 1889.

Давно уже выяснено, что завоеваніе одной мѣстности западной Сибири Ермакомъ не было первымъ ознакомленіемъ русскихъ съ этою страною. Не только издавна, даже съ XI-го вѣка, новгородскіе походы простирались до Югорской земли, ближайшаго преддверія Сибири, но съ XV-го вѣка прямое и косвенное вліяніе московскаго государства проникало до самой собственной Сибири, и сибирскіе владѣльцы вступали даже въ подданство московскаго государя. Походъ Ермака, съ извѣстнымъ содѣйствіемъ именитыхъ людей Строгановыхъ, былъ только естественнымъ завершеніемъ давно подготовлявшагося дѣла; тѣмъ не менѣе онъ былъ все-таки событіемъ первостепенной важности потому, что былъ первымъ фактическимъ завладѣніемъ ближайшихъ сибирскихъ

земель, послѣ котораго занятіе всей остальной Сибири до Охотскаго моря и Камчатки совершилось съ необычайною быстротою. Извѣстно, что для занятія этой громадной страны не потребовалось никакого большого похода и употребленія какой-нибудь значительной военной силы: походъ Ермака былъ первымъ и послѣднимъ нѣсколько крупнымъ военнымъ дѣломъ; затѣмъ присоединеніе Сибири произошло постепеннымъ захватомъ, который производился небольшими партіями военныхъ промышленниковъ и торговцевъ, дѣйствовавшихъ нерѣдко чисто на свой страхъ, безъ всякаго участія и пособія оффиціальной власти. Это была какъ бы только естественная колонизація, въ которой дѣйствовали побужденія торговыя, военно-промышленныя и уже вслѣдъ за ними стала дѣйствовать—и окончательно укрѣпила страну за русскимъ народомъ и государствомъ—колонизація земледѣльческая.

Самая исторія этого занятія Сибири, особенно его первой эпохи, до послѣдняго времени оставалась однако очень мало выяснена; нельзя сказать, чтобы она и въ настоящую минуту была выяснена достаточно. По крайней мѣрѣ вопросъ о ней поставленъ, и между прочимъ рядъ сочиненій, болѣе или менѣе важныхъ, заглавія которыхъ выше приведены, посвященъ указанію первыхъ извѣстій о Сибири и исторіи ея заселенія. Вопросъ остается труднымъ по одной весьма элементарной причинѣ. Старые русскіе люди бывали не весьма грамотны; интересъ историческій былъ развитъ въ нихъ очень слабо, и когда они считали нужнымъ занести въ исторію, то-есть въ лѣтопись, какія-нибудь событія, они дѣлали это, даже въ очень позднія времена, по старой лѣтописной рутинѣ, очень кратко, случайно, иногда только черезъ многіе десятки лѣтъ, уже не по прямымъ фактамъ, а по преданіямъ, сохранившимся случайно. Ермакъ не имѣлъ своего историка; о немъ остались только подобныя лѣтописныя сказанія, неясныя и противорѣчивыя до такой степени, что онъ сталъ отчасти лицомъ баснословнымъ. Позднѣйшимъ историкамъ приходилось съ немалыми трудами связывать отрывочныя данныя и сглаживать противорѣчіе источниковъ, доходившее до того, что по нѣкоторымъ изъ нихъ вся иниціатива Ермака сводилась почти къ нулю и занятіе Сибири представлялось дѣломъ Строгановыхъ.

Не мудрено, что большую неясность представляли въ нашихъ источникахъ и тѣ данныя, по которымъ можно было бы судить о первомъ знакомствѣ русскихъ съ отдаленными странами Сибири. Здѣсь опять источники состоятъ изъ отрывочныхъ данныхъ, которыя въ старину никогда не были объединены во что-нибудь

цѣлое и дошли до насъ только случайными фрагментами. Новѣйшему историку остается собирать эти фрагменты и возстановлять по нимъ старыя представленія, разработывая не только точныя показанія (обыкновенно скудныя), но и малѣйшіе намеки.

Такую работу предпринялъ г. Анучинъ въ своемъ чрезвычайно интересномъ изслѣдованіи. Памятникъ, на которомъ онъ останавливается, представляетъ собою древнѣйшее, какое только сохранилось въ нашей письменности, извѣстіе о Сибири. Это—статья („О человѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточнѣй странѣ“), которая нерѣдко встрѣчается въ старыхъ рукописяхъ и древнѣйшій списокъ которой относится къ концу XV-го вѣка. Однажды эта статья была даже издана [1]), но не обратила на себя особеннаго вниманія потому, что баснословныя подробности, съ какими она говорила о „незнаемыхъ людяхъ“, заставляли относить ее къ числу фантастическихъ средневѣковыхъ сказаній, въ которыхъ трудно искать факта. Нѣкоторымъ историкамъ казалось даже, что въ данномъ случаѣ было не только наивное баснословіе о слишкомъ мало извѣстной старинѣ, но намѣренная выдумка. „Люди, побывавшіе въ это время (время до Ермака) за Уральскими горами, —говоритъ г. Оксеновъ,—не довольствовались однимъ простымъ описаніемъ видѣннаго ими, но въ большинствѣ случаевъ склонны были, по разнымъ мотивамъ, къ преувеличеніямъ въ своихъ разсказахъ или вообще къ невѣрной передачѣ свѣденій. Одни, какъ напримѣръ люди торговые, старались насказать побольше разныхъ ужасовъ о Зауральскихъ земляхъ, чтобы устранить другихъ отъ торговли и промысла пушнымъ товаромъ, и чтобы оставить за собой выгоды отъ этихъ промышленныхъ предпріятій. Другіе, какъ напримѣръ люди воинскіе, любили похвастать тѣмъ, что имъ приходилось во время походовъ въ сѣверо-западную Азію совершать невѣроятные подвиги въ борьбѣ съ тамошнею суровою природою и дикими обитателями, причемъ какъ природу, такъ и обитателей этой части Азіи они старались надѣлять разными чудовищными аттрибутами. Третьи, по разнымъ случаямъ побывавшіе за Ураломъ и не обладавшіе способностью отнестись критически къ разнымъ слухамъ и понимать видѣнное ими, также передавали многое въ извращенномъ видѣ“.

Новый изслѣдователь взглянулъ на дѣло иначе.

Въ сказаніи XV-го вѣка элементъ баснословный присутствуетъ

[1]) Г. Ѳирсовымъ въ его книгѣ: „Положеніе инородцевъ сѣверо-восточной Россіи въ Московскомъ государствѣ“. Казань, 1866,—по той же рукописи Соловецкой библіотеки, которую повторилъ теперь и г. Анучинъ въ болѣе отчетливомъ чтеніи и съ варіантами изъ нѣсколькихъ другихъ списковъ.

несомнѣнно, и притомъ не въ маломъ количествѣ. Предстоитъ разобрать, чѣмъ можно объяснить это баснословіе: не могло ли быть, что темные разсказы о дальнихъ сибирскихъ народахъ, переходя изъ устъ въ уста сами собой преувеличивались до фантастическихъ размѣровъ или же смѣшались въ воображеніи составителей сказанія съ какими-нибудь книжными баснословіями: это послѣднее и предполагалось нѣкоторыми нашими археологами. Дѣйствительно въ тѣ времена, когда географическія свѣденія были вообще крайне бѣдны, когда народы знали съ нѣкоторой точностію только своихъ ближайшихъ сосѣдей, представленія о странахъ и народахъ отдаленныхъ бывали обыкновенно преисполнены фантастическимъ элементомъ. Далекія земли обитаемы были народами совершенно особыми, не похожими на обыкновенныхъ людей, даже до окончательной потери человѣческаго образа. На извѣстной ступени развитія литература всѣхъ культурныхъ народовъ представляетъ множество примѣровъ подобнаго баснословія. Оно было распространено на востокѣ, въ классической древности, въ средніе вѣка. Разъ пущенное въ ходъ фантастическое сказаніе охотно повторялось легковѣрными людьми, изъ одной литературы переходило въ другую, и нѣкоторыя басни, унаслѣдованныя средними вѣками отъ классической древности, были столь живучи, что уцѣлѣли въ простонародномъ повѣріи и до сихъ поръ [1]). Гомеръ разсказываетъ о пигмеяхъ, о людоѣдахъ лестригонахъ, о циклопѣ Полифемѣ; въ болѣе просвѣщенное время „отецъ исторіи“, Геродотъ, разсказалъ не мало баснословія о счастливыхъ гипербореяхъ, объ одноглазыхъ аримаспахъ и т. д., которыхъ онъ, конечно, не видалъ. Затѣмъ другіе классическіе писатели разсказали еще не мало исторій о чудесныхъ народахъ, и эти сказанія, перешедши въ изобиліи въ средневѣковую литературу, были здѣсь дополнены новыми варіаціями. Извѣстно, что и наша старая письменность не была чужда тому же фантастическому представленію о народахъ дальнихъ странъ; извѣстенъ лѣтописный разсказъ о Югрѣ и т. п. Многія переводныя сказанія, какъ напримѣръ сказаніе о богатой Индіи, „Александрія“, „Луцидаріусъ“ и пр. заключали въ себѣ цѣлую галлерею „дивьихъ“ народовъ и чудесныхъ странъ; въ „Александріи“ македонскій царь, переступивъ границу извѣстныхъ земель, переходилъ по-

---

[1]) Такъ напримѣръ въ народѣ обращаются до сихъ поръ разсказы о песьи-головцахъ, или о людяхъ съ одной ногой и одной рукой, которые бѣгаютъ очень быстро, сцѣпившись одинъ съ другимъ, и т. п. Послѣднее намъ случилось слышать въ непосредственномъ народномъ разсказѣ изъ новгородской губерніи — такіе люди существуютъ будто бы и въ настоящее время.

томъ только отъ одного чуда къ другому. Нѣкоторыя подробности нашего сказанія о незнаемыхъ людяхъ въ восточной странѣ совпадаютъ съ этой книжной фантастикой; не были ли онѣ и взяты прямо отсюда?

Г. Анучинъ категорически отвергаетъ подобное заимствованіе. Во-первыхъ, говоритъ онъ, эта книжная фантастика пришла къ намъ въ памятникахъ сравнительно позднихъ, а во-вторыхъ, по ближайшему сличенію не оказывается никакихъ явственныхъ слѣдовъ непосредственнаго вліянія. Все, чтò говорится здѣсь, напримѣръ, о людяхъ мохнатыхъ отъ пупа до долу, о людяхъ живущихъ въ землѣ и пр., „все это совершенно оригинально; если же въ другихъ извѣстіяхъ и встрѣчается нѣчто напоминающее разсказы въ древнихъ и западныхъ литературахъ, напримѣръ о людяхъ безъ головъ, о нѣмомъ торгѣ,—то и это немногое обставлено настолько оригинальными подробностями, что заставляетъ предполагать скорѣе совпаденіе или сходство, чѣмъ какое бы то ни было заимствованіе. По всѣмъ признакамъ, составитель „Сказанія“ писалъ не мудрствуя лукаво, чтò зналъ и слышалъ, и не думалъ хвастаться ни своими знаніями, ни своими приключеніями. Еслибы это былъ человѣкъ начитанный, слыхавшій о разныхъ дивныхъ людяхъ, и еслибы онъ желалъ пополнить свой разсказъ на счетъ книжной мудрости, то онъ, вѣроятно, пошелъ бы много далѣе въ своихъ вымыслахъ, которые бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, представили гораздо большее сходство съ подобными же разсказами въ другихъ литературныхъ памятникахъ, а также, по всей вѣроятности, сослался бы на какой-нибудь авторитетъ... Ничего подобнаго въ разбираемомъ нами сказаніи нѣтъ; оно носитъ вполнѣ характеръ простого, безпритязательнаго разсказа человѣка, которому пришло на мысль записать все извѣстное ему и слышанное относительно народовъ, живущихъ далеко на сѣверѣ и востокѣ, за Югорскою землею, — относительно ихъ вида, быта и имѣющагося у нихъ товара“ (стр. 19—20).

Чтобы читателю понятнѣе было дальнѣйшее изложеніе, приводимъ нѣсколько вкратцѣ это сказаніе, которое г. Анучинъ считаетъ новгородскимъ (чтò и вѣроятно). Статья начинается такъ:

„На восточнѣй странѣ, за Югорьскою землею надъ моремъ живуть люди Самоѣдь, зовомы Могонзѣи; а ядь ихъ мясо оленье да рыба, да межи собою другъ друга ядять, а гость къ нимъ откуды пріидѣть, и они дѣти свои закалають на гостей, да тѣмъ кормять, а которой гость у нихъ умреть, и они того съѣдають, а въ землю не хоронять, а своихъ тако же. Сія же люди не великы възрастомъ, плосковиды, носы малы, но рѣзвы вельми и

стрѣлцы скоры и горазды, а ядять на оленяхъ и на собакахъ. А платіе носять соболіе и оленье, а товаръ ихъ соболи.

„Въ той же странѣ иная Самоѣдь такова же, Линная словеть. Лѣтѣ мѣсяць живуть въ мори, а на сусѣ не живуть того ради, занеже тѣло на нихъ трѣскается, и они тотъ мѣсяць въ водѣ лежать, а на берегъ не смѣють вылѣсти.

„Въ той же есть иная Самоядь: по пупъ люди мохнаты до долу, а отъ пупа въ верхь яко же и прочіи человѣци...

„Въ той же странѣ иная Самоѣдь: въ верху рты на тѣмени, а не говорять, а образъ въ пошлину человѣчь, а коли ядять, и они крошять мясо или рыбу, да кладуть подъ колпакъ или подъ шапку, и какъ почнуть ясти, и они плечима движуть въ верхъ и внизъ.

„Въ той же странѣ есть иная Самоѣдь: якоже и прочіи человѣци, но зими умирають на два мѣсяца. Умирають же тако: какъ где которого застанеть въ тѣ мѣсяци, тотъ тя (тамъ) и сядеть, а у него изъ носа вода изойдеть, какъ отъ потока, да примерзнеть къ земли, и кто человѣкъ иные земли не видѣніемъ (невѣдѣніемъ, по невѣдѣнію), потокъ той отразить (отломитъ) у него и запхнеть съ мѣста, и онъ умреть... А иные оживають, какъ солнце на лѣто вернется.

„Въ той же странѣ, въ верху Оби рѣкы великыя есть земля, Баидъ именуемая, лѣса на ней нѣтъ, а люди, какъ и прочіи человѣци, живуть въ земли, а едять мясо соболіе... А соболи же у нихъ черны вельми и великы, шерсть живого соболи по земли ся волочить.

„Въ той же странѣ иная Самоѣдь: по обычаю человѣци, но безъ главъ, рты у нихъ межи плечи, а очи въ грудѣхъ, а ядь ихъ головы оленіи сырые, и коли имъ ясти, и они головы оленіи возметывають себѣ въ ротъ на плечи и на другый день кости измещуть изъ себя туда же, а не говорять. А стрѣлба же ихъ—трубка желѣзна въ руцѣ, а въ другой руцѣ стрѣлка желѣзна, да стрѣлку ту въкладаеть въ трубку, да бьеть молоткомъ въ стрѣлку, а товару у нихъ никоторого нѣтъ.

„Вверхь тоя же рѣкы великыя Оби есть люди, ходять по подъ землею иною рѣкою день да нощь, съ огни, и выходять на озеро, и надъ тѣмъ озеромъ свѣтъ пречюденъ, и градъ великъ, а посаду нѣтъ у него, и кто поѣдеть къ граду тому, и тогда слышити шюмъ великъ въ градѣ томъ, какъ и въ прочихъ градѣхъ, и какъ пріидуть въ него и людей въ немь нѣтъ и шюму не слышити никоторого, ни иного чего животнаго, но въ всякыхъ дворѣхъ ясти и пити всего много, и товару всякого,

кому что надобѣ, и онъ, положивъ цѣну противу того, да возметь что кому надобѣть и прочь отходять, а кто что безъ цѣны возметь и прочь отъидеть, и товаръ у него погыбнеть и обрящется пакы въ своемъ мѣстѣ. И какъ прочь отходять отъ града того, и шюмъ пакы слышѣти какъ и въ прочихъ градѣхъ.

„Въ восточнѣй же странѣ есть иная Самоѣдь Каменская, облежить около Югорьскіе земли, а живутъ по горамъ высокымъ, а ездять на оленехъ и на собакахъ, а платье носятъ соболіе и оленіе... Да есть у нихъ лѣкари: у которого человѣка внутри не здраво, и они брюхо рѣжуть, да нутръ вынимають и очищають и пакы заживляють. Да въ той же Самоеди видали, скажють, Самоедь же старые люди: зъ горы подлѣ море мертвыхъ своихъ идуть плачущи множество ихъ, а за ними идеть великъ человѣкъ, погоняя ихъ палицею желѣзною".

Таково содержаніе статьи. Какъ мы выше упоминали, г. Анучинъ не соглашается видѣть въ ней чисто произвольную или книжную фантастику и полагаетъ, напротивъ, что составитель сказанія писалъ не мудрствуя лукаво, записывалъ то, что̀ онъ дѣйствительно слышалъ; въ слышанномъ были вещи дѣйствительно баснословныя и невозможныя, но, во всякомъ случаѣ, баснословное привязано было къ чему-то фактическому. Сказаніе отмѣчаетъ съ видимымъ желаніемъ точности нѣсколько различныхъ родовъ Самояди, указывая даже иногда ея топографическое положеніе, опредѣленно указываетъ и ту общую область, въ которой слѣдовало отыскивать описанныя имъ племена: онъ говоритъ, что эта область находится за Югорскою землею въ странѣ великой рѣки Оби: до Оби, по лѣтописнымъ извѣстіямъ, новгородцы доходили еще въ половинѣ XIV-го столѣтія, — поэтому не было ничего удивительнаго, что объ ней разсказывали въ XV-мъ столѣтіи, хотя разсказывали, между прочимъ, вещи совершенно невѣроятныя. Очевидно, что о странѣ имѣли фактическое понятіе, хотя все-таки только поверхностное и темное. Помѣщеніе Самояди за Югорской землей, положеніе которой для той эпохи опредѣляютъ за Ураломъ [1]), упоминаніе Оби и иныя подробности указываютъ, что въ новгородскомъ сказаніи идетъ рѣчь о Сибири, которая, однако, не названа. Г. Анучинъ полагаетъ, что это названіе въ ту пору, когда составлялось сказаніе, было еще неизвѣстно. Въ нашихъ лѣтописяхъ Сибирь названа уже въ концѣ XV-го вѣка, при описаніи похода князя Ѳе-

[1]) Нѣкогда Югра обитала, кажется, по сю сторону Урала, но къ XV-му вѣку передвинулась за Уралъ.

дора Курбскаго-Чернаго, да Ивана Ивановича Салтыка Травина въ 1483 г., когда воеводы великаго князя имѣли „бой съ вогуличами на устьяхъ рѣки Пелыни“ (притокъ Тавды, впадающей въ Тоболъ), и „оттолѣ пошли внизъ по Тавдѣ рѣцѣ, мимо Тюмень, въ Сибирскую землю“, „а отъ Сибири шли по Иртышу рѣцѣ внизъ воюючи, да на Обь рѣку великую въ Югорскую землю“ [1]). Такимъ образомъ, Югорская земля отличается отъ Сибирской, и вообще, „Сибирь“ въ то время вовсе не имѣла того обширнаго значенія, какое пріобрѣла впослѣдствіи и обозначала только отдѣльную область, гдѣ столицей былъ городъ Сибирь, а этотъ городъ основанъ былъ, какъ полагаютъ, ханомъ Маметомъ, жившимъ во второй половинѣ XV-го вѣка.

Представляется весьма вѣроятнымъ, что новгородское сказаніе составлено тогда, когда самое названіе Сибири, какъ города и области, было совсѣмъ неизвѣстно: по рукописямъ сказаніе можно относить къ концу XV-го вѣка, но, судя по его архаическому стилю и самой неопредѣленности свѣдѣній, могло быть, что оно восходитъ даже къ болѣе раннему времени.

Переходя къ разбору подробностей этого древняго сказанія, г. Анучинъ дѣлаетъ цѣлый рядъ любопытныхъ изысканій, доказывающихъ несомнѣнно, что въ новгородскомъ сказаніи мы дѣйствительно имѣемъ дѣло съ фактическими сообщеніями стариннаго бывалаго человѣка, хотя въ большой долѣ фантастическими, но тѣмъ не менѣе имѣвшими извѣстное основаніе. Г. Анучинъ привлекъ къ изслѣдованію какъ показанія старыхъ русскихъ источниковъ, такъ и литературу иностранныхъ описаній и путешествій XVI-го и XVII-го вѣка и приходитъ къ весьма интереснымъ выводамъ, между прочимъ, что новгородское сказаніе XV-го вѣка нашло отголосокъ въ западно-европейскихъ путешествіяхъ.

Первая Самоядь, названная въ новгородскомъ сказаніи именемъ „Могонзѣи“ [2]), по объясненію г. Анучина означаетъ именно то племя и мѣстность, гдѣ впослѣдствіи, именно въ 1600 году, основанъ былъ русскими острогъ Мангазея. Это былъ сѣверный край, гдѣ, по топографіи новгородскаго сказанія, и должна была находиться описанная имъ могонзѣйская Самоядь. Старый острогъ Мангазея впослѣдствіи былъ оставленъ по разнымъ неудобствамъ и его смѣнила новая Мангазея, нынѣшній Туруханскъ. Поводомъ

[1]) Имя Сибири названо въ нашей лѣтописи даже еще въ 1407 году, когда упоминается о смерти хана Тохтамыша, убитаго въ „Сибирской земли“; но это послѣднее упоминаніе считаютъ позднѣйшею вставкою.

[2]) Въ другихъ варіантахъ „Молгонзѣи“, „Монгазѣи“ и т. п.

къ основанію старой Мангазеи были, кажется, слухи о богатствѣ этого края и о томъ, что къ тамошнимъ самоѣдамъ уже раньше проникли русскіе и зырянскіе промышленники, которые „дань съ нихъ (самоѣдовъ) имали воровствомъ на себя, а сказывали на государя, а въ государеву казну не давали, и обиды, и насильства, и продажи отъ нихъ были имъ (самоѣдамъ) великія". Существованіе стариннаго названія племени, засвидѣтельствованнаго новгородскимъ сказаніемъ, и города съ названіемъ, почти или вполнѣ тождественнымъ, дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ предположеніе, что городъ получилъ это названіе именно отъ того племени, среди котораго онъ былъ основанъ [1]).

Указаніе на такое племя повторяется, наконецъ, нѣсколькими иностранными географическими картами, изображающими сѣверъ Россіи и Сибири около устьевъ Оби и Енисея. Извѣстно, что западныхъ мореплавателей, особливо въ Англіи и Голландіи, чрезвычайно занималъ въ XVI-мъ вѣкѣ вопросъ о томъ, не можетъ ли быть найденъ сѣверный путь въ Китай и Индію. Шестнадцатый и семнадцатый вѣкъ представляютъ цѣлый рядъ морскихъ экспедицій изъ Англіи и Голландіи въ Ледовитый океанъ, для отысканія этого пути и вообще для изысканія но-

---

[1]) Первые историки Сибири, Миллеръ и Фишеръ, такимъ же образомъ ставили названіе города въ связь съ названіемъ племени. У Миллера говорится: „и понеже при рѣкѣ Тазѣ нашли нѣкоторый родъ Самояди, называемой Мокасе, то сіе подало поводъ къ названію тамошней страны по россійскому произношенію Мангазѣя". У Фишера говорится почти такъ же: „Понеже при р. Тазѣ жилъ самоядскій родъ, Мокасе называемый, то новому городу дано имя Мунгазей, которое послѣ еще больше испорчено и перемѣнено въ Мангазею". Болѣе поздній писатель, Пестовъ, въ „Запискахъ объ енисейской губерніи", 1833 г., говорилъ, что названіе Мангазея произошло отъ имени жившаго здѣсь самоѣдскаго князя Маказея, „вѣроятно, значительнаго, если его имя, передѣланное въ Мангазею русскими поморцами и зырянами, издавна посѣщавшими тотъ край, распространилось на всю страну, а можетъ быть, также и имя обитавшаго тамъ народа Мокасе, какъ утверждаетъ Миллеръ, неизвѣстно, впрочемъ, на какомъ основаніи". Наконецъ, Спасскій, принимавшій сначала, что имя Мангазеи произошло отъ магазина хлѣбныхъ запасовъ для вымѣна на звѣриныя шкуры, позднѣе соглашался съ мнѣніемъ Пестова, а главное, указывалъ наказъ 1601 года воеводамъ объ устройствѣ Мангазейскаго острога, гдѣ, между прочимъ, именно говорится о „мангазейской" и „енисейской Самоѣди", что́ указываетъ именно на существованіе племени съ такимъ названіемъ.

Г. Анучинъ, приводя эти извѣстія (стр. 31—32), считаетъ нужнымъ опровергать ихъ, доказывая, что изъ племени мокасе или отъ имени князьца не могло произойти названіе города. Эти опроверженія намъ кажутся излишними: очевидно, что здѣсь изуродовано то же слово „монгозѣи" (и т. п.), какое находимъ въ новгородскомъ сказаніи. Важнѣе было бы поставить вопросъ о томъ, откуда Миллеръ и Фишеръ взяли это слово? Тотъ источникъ, откуда они заимствовали слово мокасе, видимо, представлялъ опять новое указаніе на племя „могонзѣи".

выхъ странъ, которыя могли бы послужить англійской или голландской торговлѣ. Въ это время западные мореплаватели открывали разныя мѣстности берега и острововъ Ледовитаго океана, которые отчасти были уже извѣстны русскимъ обитателямъ приморскаго сѣвера, отчасти и ими были теперь впервые посѣщаемы. Извѣстно, какъ на этомъ пути англичане, въ половинѣ XVI-го вѣка, въ первый разъ попали въ Бѣлое море и узнали Архангельскъ, который сталъ вскорѣ важнымъ пунктомъ ихъ торговли. Они шли и дальше: открыли „Новую Землю“ уже съ ея русскимъ именемъ, островъ Вайгачъ, „Печорское море“ и много другихъ мѣстностей сѣвернаго края, которыя и заносили на свои карты съ русскими названіями этихъ мѣстностей. Они проникли, наконецъ, и до сѣверныхъ окраинъ западной Сибири. Такимъ образомъ, географическія открытія шли здѣсь параллельно: въ то время, какъ русскіе, идя путемъ постепеннаго (и тогда очень быстраго) фактическаго захвата новыхъ земель, подвигались отъ Соли-Вычегодской, и позднѣе отъ Тобольска, въ глубь Сибирскихъ земель въ разныхъ направленіяхъ, въ томъ числѣ и на сѣверъ, и доходили въ поискахъ за „Самоѣдью“ до береговъ Ледовитаго океана, западные мореплаватели шли къ тѣмъ же берегамъ морскимъ путемъ. Европейскія изысканія сходились съ поисками русскихъ людей, и западная картографія съ русскими „чертежами“. Въ западной картографіи и были впервые изданы русскіе чертежи, какъ напр. карта Исаака Массы, о которомъ скажемъ далѣе, или извѣстная карта Ѳедора Борисовича, напечатанная въ Голландіи въ 1614 году.

Любопытное сближеніе такого же рода открываетъ г. Анучинъ и въ настоящемъ случаѣ, а именно въ западной картографіи XVI-го вѣка онъ указываетъ, повидимому, несомнѣнный слѣдъ нашего новгородскаго сказанія. Онъ указываетъ, напримѣръ, карту голландскаго мореплавателя Баренца, 1597. Баренцъ участвовалъ въ трехъ экспедиціяхъ къ русскимъ берегамъ Ледовитаго моря и къ Новой Землѣ, и на его картѣ изображенъ довольно вѣрно Лапландскій полуостровъ, Бѣлое море, устье Печоры, Обь, и за Обью „Molgomzaia“. Но еще ранѣе эти молгомзаи на томъ же мѣстѣ указываются на другихъ картахъ, и именно, на картѣ извѣстнаго путешественника въ Россію Антона Дженкинсона 1562 года (она приведена въ атласѣ Ортелія 1573 и у Меркатора 1587).

Г. Анучинъ приводитъ слѣдующія свѣденія: „Особенно интересна карта А. Дженкинсона, какъ по многимъ любопытнымъ, отмѣченнымъ на ней подробностямъ, такъ и потому, что Дженкин-

сонъ былъ по торговымъ дѣламъ (черезъ Архангельскъ) пять разъ въ Россіи (Москвѣ), именно въ 1557, 1558, 1561, 1566 и 1571 годахъ, причемъ во вторую поѣздку совершилъ путешествіе съ караваномъ въ Бухару, а въ третью—въ Персію (Тавридъ, Казбинъ, Шемаху). Карта его, судя по году ея составленія, появилась послѣ третьяго путешествія, но многія данныя были собраны для нея Дженкинсономъ, повидимому, уже во вторую поѣздку. Такъ можно заключить потому, что къ отчету объ этой поѣздкѣ, представленному Дженкинсономъ торговой „московской" компаніи въ Лондонѣ (to the Merchants of London of the Moscouie Companie), приложены: опредѣленія географическихъ широтъ двѣнадцати посѣщенныхъ имъ пунктовъ и „разныя замѣтки, собранныя Ричардомъ Джонсономъ (который былъ въ Бухарѣ съ А. Дженкинсономъ), изъ показаній русскихъ и другихъ иностранцевъ, о путяхъ по Россіи въ Китай (Cathaya) и о разныхъ странныхъ народахъ". Эти разспросныя свѣденія заключаютъ въ себѣ: три маршрута татарскихъ торговцевъ отъ Астрахани чрезъ Бухару въ Китай, одно показаніе пермскаго торговца, будто бы ѣздившаго туда же другимъ путемъ, „ближе къ морскому берегу" (another way neere the sea coast), и наконецъ, что̀ для насъ особенно любопытно, „свѣденія о нѣкоторыхъ странахъ Самоѣдовъ, живущихъ по рѣкѣ Оби и по морскимъ берегамъ за этой рѣкой, переведенныя слово въ слово съ русскаго языка". Страны эти,—говорится далѣе,—„были посѣщены однимъ русскимъ, родомъ изъ Холмогоръ, по имени Ѳедоромъ Товтыгинымъ, который, какъ говорятъ, былъ убитъ въ свою вторую поѣздку въ одной изъ сказанныхъ странъ". Очевидно, переведенныя Джонсономъ данныя были заимствованы имъ изъ какого-то русскаго источника, и повидимому, судя по приведеннымъ извлеченіямъ, изъ той же самой статьи „о человѣцѣхъ незнаемыхъ", которая служитъ предметомъ и нашего разбора. Такъ можно заключить по началу извѣстія: „Въ восточной странѣ (upon the East part), за Югорскою землею, рѣка Обь составляетъ ея самую западную часть. По берегу моря живутъ самоѣды и страна ихъ называется Молгомзей (Molgomsey); они питаются мясомъ оленей и рыбъ, а иногда и ѣдятъ другъ друга". Затѣмъ слѣдуетъ описаніе того, какъ они убиваютъ дѣтей, чтобы угостить приходящихъ къ нимъ торговцевъ, какъ они не хоронятъ мертвыхъ, а ѣдятъ ихъ, а далѣе слѣдуетъ описаніе ихъ наружнаго вида, ихъ ѣзды на собакахъ и оленяхъ, и ихъ торга соболями. Слѣдующія два извѣстія тоже соотвѣтствуютъ до нѣкоторой степени приводимымъ въ разбираемой нами статьѣ, хотя

онѣ нѣсколько сокращены, и именно (какъ увидимъ далѣе) въ нихъ пропущено то, что̀ представляется болѣе невѣроятнымъ или преувеличеннымъ. Дальнѣйшія извѣстія, однако, не приведены, отчасти, можетъ быть вслѣдствіе ихъ еще бо̀льшей невѣроятности, а отчасти и потому, что иныя изъ нихъ касаются уже странъ, лежащихъ вверху Оби, и слѣдовательно, не имѣющихъ отношенія къ тѣмъ, о которыхъ сообщалъ Джонсонъ въ своемъ письмѣ къ Ченслеру. Какъ бы то ни было, есть серьезное основаніе думать, что Джонсонъ ознакомился, непосредственно или при помощи какого-нибудь русскаго, съ разбираемою нами статьей, и что упомянутый имъ житель Холмогоръ, Ѳедоръ Товтыгинъ, былъ, можетъ быть, именно составителемъ статьи „о человѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточнѣй странѣ“ [1]).

Къ послѣднему замѣтимъ, что Джонсонъ по всей вѣроятности могъ слышать о Товтыгинѣ лишь какъ о болѣе или менѣе близкомъ современникѣ (самъ онъ путешествовалъ въ половинѣ XVI-го вѣка), между тѣмъ новгородское сказаніе составлено въ столь глубокомъ XV вѣкѣ, когда не было еще извѣстно самое названіе Сибири.

Разбирая далѣе имя племени („могонзѣи“ или „молгомзѣи“ и т. п.), г. Анучинъ находитъ объясненіе его въ языкѣ самоѣдскихъ племенъ и полагаетъ, что оно обозначало людей краевыхъ, конечныхъ, жившихъ на краю земли, что̀ и подходило къ ихъ географическому положенію: оно могло означать то племя, которое извѣстно теперь подъ именемъ юраковъ.

Наконецъ, г. Анучинъ обращается къ разбору свѣденій новгородскаго сказанія по существу и опять находитъ, что оно не только не было произвольной фантазіей, но имѣло въ основѣ если не прямыя фактическія данныя (хотя могли быть и таковыя), то весьма распространенныя представленія. Названіе „Самоѣдовъ“ зналъ уже Плано-Карпини, и хотя онъ не говоритъ объ ихъ людоѣдствѣ, но позднѣйшіе путешественники, напримѣръ Герберштейнъ, затѣмъ Джонсонъ, Флетчеръ, Петрей, Олеарій, говорятъ, со словъ русскихъ, о крайней ихъ дикости, а въ томъ числѣ и о людоѣдствѣ. Происхожденіе слова „самоѣдъ“ до сихъ поръ окончательно не выяснено; по всей вѣроятности оно произошло отъ финскаго корня, но у русскихъ давно было осмыслено въ значеніи людей, которые сами себя ѣдятъ, то-есть преданные людоѣдству. Это представленіе подтверждалось преданіями и разсказами о такихъ случаяхъ, гдѣ самоѣды дѣйствительно

---

[1]) Стр. 34—36.

совершали людоѣдство—своихъ и чужихъ. Дальнѣйшія свѣденія новгородскаго сказанія о томъ, что этотъ родъ самоѣдовъ не великъ ростомъ, что они искусные стрѣлки, что товаръ ихъ есть соболь и пр., представляются совершенно возможными, такъ какъ подтверждаются и другими фактами. Что этотъ край былъ особенно богатъ соболемъ видно, между прочимъ, изъ того, что рѣка, впадающая въ Ледовитый океанъ между Обью и Енисеемъ, была названа Собольною [1]).

Такимъ образомъ, данныя новгородскаго сказанія о первомъ родѣ Самоѣди подтверждаются во всѣхъ подробностяхъ. Повидимому трудно было бы ожидать того же относительно разсказа о „Линной Самоѣди“ или той, которая лѣтомъ линяетъ, то-есть мѣняетъ кожу, — лѣтомъ кожа у нихъ трескается, почему они живутъ это время въ морѣ. Г. Анучинъ дѣлаетъ сначала предположеніе, что составитель сказанія могъ смѣшать здѣсь людей съ морскими животными въ родѣ моржей и тюленей, и приводитъ средневѣковыя и болѣе позднія преданія о необыкновенныхъ существахъ, представлявшихъ соединеніе людей съ животными. Но здѣсь такое предположеніе было бы вовсе неумѣстно, потому что въ сказаніи ясно говорится о людскомъ племени; самъ авторъ тутъ же отказывается отъ этой гипотезы и дѣлаетъ гораздо болѣе вѣроятную догадку, что здѣсь надо подразумѣвать простой бытовой фактъ изъ жизни сѣверно-сибирскихъ самоѣдовъ, именно ихъ лѣтнія перекочевки. „Самоѣды, проводя бо̀льшую часть года въ лѣсной области, гдѣ не такъ холодно, меньше мятелей и болѣе звѣря для охоты, перекочевываютъ лѣтомъ на сѣверъ, въ тундру, спасаясь отъ комаровъ и занимаясь отчасти промысломъ на морского звѣря и рыбу“ [2]). Самый промыселъ на морскихъ звѣрей и на рыбу совершается такъ, что иносказательно можно было бы говорить, что самоѣды въ это время живутъ въ морѣ. „Морской звѣрь,—говоритъ Иславинъ (авторъ извѣстной книги о Самоѣдахъ, 1847),—требуетъ большой осторожности и терпѣнія со стороны промышленника: проходятъ иногда цѣлые дни, что не покажется на поверхности воды ни одной тюленьей головки, и тогда самоѣдъ, лежа въ лодкѣ или просто на морскомъ берегу и вооружившись терпѣніемъ и винтовкой, выжидаетъ давно желанной добычи, зная, что она, наконецъ, должна же явиться“. Новѣйшій путешественникъ въ тѣ края, Кушелевскій, разсказываетъ, что на рыбномъ промыслѣ

---

[1]) Г. Анучинъ (стр. 44) ссылается на сибирскій чертежъ Ремезова, гдѣ, кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ показаны (нарисованы) соболи и песцы.

[2]) Стр. 46.

самоѣды иногда по цѣлымъ днямъ, какая бы ни была погода, бродятъ по пазуху въ водѣ, по отмелямъ Обской губы. Отсюда, по замѣчанію г. Анучина, объясняется извѣстіе новгородскаго сказанія, что Линная Самоѣдь лѣтомъ живетъ въ морѣ; „толкованіе же такого обычая тѣмъ—занеже тѣло на нихъ трескается—вызвано, можетъ быть, непонятыми разсказами о страшныхъ комарахъ и оводахъ, кусающихъ до крови людей и оленей. Замѣтимъ еще, что въ сухомъ климатѣ полярныхъ странъ, въ которомъ табакъ разсыпается въ мелкую пыль, и въ которомъ лѣтомъ дѣйствіе лучистой теплоты солнца проявляется иногда весьма рѣзко, солнце способно значительно жечь и вызываетъ даже трещины кожи“ (стр. 47).

Подобнымъ образомъ г. Анучинъ подробно разбираетъ всѣ остальные пункты новгородскаго сказанія о Самоѣди мохнатой, Самоѣди, живущей подъ землею и т. д., и вездѣ старается найти раціональное объясненіе тѣхъ чудесъ, о которыхъ наговорилъ старинный новгородецъ. Иной разъ показанія послѣдняго до того фантастичны и невозможны, что изслѣдователь можетъ дѣлать только болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія о тѣхъ бытовыхъ явленіяхъ, которыя могли послужить поводомъ для баснословія; но кромѣ этихъ гадательныхъ объясненій (иногда, можетъ быть, заведенныхъ слишкомъ далеко), г. Анучинъ даетъ не мало толкованій весьма любопытныхъ и вѣроятныхъ, пользуясь для этого обширной литературой старыхъ и новыхъ, русскихъ и иностранныхъ путешествій и описаній, старыми географическими картами и т. д. Въ этихъ толкованіяхъ разсѣяно вообще не мало важныхъ замѣчаній для сибирской археологіи и этнографіи, какъ, напримѣръ, то, что̀ говоритъ авторъ въ связи съ новгородскимъ сказаніемъ о горномъ дѣлѣ на Алтаѣ, о нѣмомъ торгѣ, о способахъ шаманскаго леченія и т. д.

Свое общее заключеніе о значеніи новгородскаго сказанія г. Анучинъ высказываетъ въ слѣдующихъ положеніяхъ:

„Заканчивая разсмотрѣніе сказанія, нельзя не повторить снова, что многія извѣстія его совершенно согласны съ дѣйствительностью, другія вѣроятны или возможны, третьи основаны, тоже, очевидно, на дѣйствительныхъ, хотя преувеличенныхъ или невѣрно понятыхъ фактахъ, и только нѣкоторыя представляются явно миѳическими, но и то едва ли придуманными нарочно, а скорѣе передающими ходившіе между Югрой и посѣщавшими ихъ русскими повѣрья и разсказы. Если бы составитель сказанія выдумывалъ явныя небылицы, онъ могъ бы припомнить и Гога и Магога, и какихъ-нибудь свирѣпыхъ псиголовцевъ, по-

мѣстить въ неизвѣстной странѣ разныхъ чудныхъ звѣрей, людей съ хвостами, страшныхъ великановъ и т. под., чего, однако, онъ не сдѣлалъ... У многихъ старинныхъ путешественниковъ, не только средневѣковыхъ, но и XVI—XVIII-го вѣковъ, можно встрѣтить бóльшее число баснословныхъ извѣстій, чѣмъ въ этомъ простомъ разсказѣ о видѣнномъ и слышанномъ новгородскаго торговаго человѣка.

„Наоборотъ, положительныя стороны разбираемой статьи заслуживаютъ полнаго вниманія съ историко-этнографической точки зрѣнія. Въ немъ мы находимъ первый сколько-нибудь связный разсказъ о народахъ по нижнему теченію р. Оби и по р. Тазу, объ юракахъ, каменскихъ самоѣдахъ и другихъ племенахъ имъ родственныхъ,—первые слухи о странахъ въ верховьяхъ Оби, о нѣкоторыхъ племенахъ тюрко-монгольскихъ, ихъ бытѣ, древней разработкѣ Алтайскихъ копей, нѣмомъ торгѣ, шаманствѣ и т. д. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ статья представляетъ интересъ и для общей этнологіи или исторіи первобытной культуры: здѣсь мы встрѣчаемъ извѣстія о людоѣдствѣ, о стрѣльбѣ изъ желѣзныхъ трубокъ, одну изъ древнѣйшихъ легендъ о мертвомъ городѣ и т. д. Наконецъ, статья заслуживаетъ вниманія и въ историко-географическомъ отношеніи въ виду того, что нѣкоторыя данныя ея дали матеріалъ для иностранныхъ картъ XVI-го вѣка и что отсюда, повидимому, были заимствованы понятія о странахъ Molgomzaia, Baida и о Каменскихъ Самоѣдахъ“ [1]).

Въ объясненіе того, какъ и въ гораздо болѣе позднее время возникали баснословные разсказы о чудовищныхъ людяхъ, г. Анучинъ приводитъ изданную недавно отписку енисейскаго воеводы князя Щербатова въ сибирскій приказъ отъ 1685 г. [2]). Въ отпискѣ говорится, что въ томъ 1685 году „почала быть словесная рѣчь межъ всякихъ чиновъ, будто въ енисейскомъ уѣздѣ, вверхъ по Тунгускѣ рѣкѣ, явились дикіе люди объ одной рукѣ и объ одной ногѣ“. Узнавши объ этомъ, воевода воспользовался прибытіемъ въ Енисейскъ ясачныхъ тунгузовъ разныхъ волостей, велѣлъ „про тѣхъ вышеписанныхъ дикихъ людей тѣхъ тунгусовъ распросить, гдѣ тѣ дикіе люди и въ какихъ мѣстѣхъ живутъ и каковы они въ рожи, тѣ люди, и какое на себѣ платье носятъ“. Нѣсколько человѣкъ было спрошено и они утвердительно говорили, что дѣйствительно существуютъ такіе люди объ одномъ глазѣ, одной рукѣ

[1]) Стр. 85—86.

[2]) Отписка, найденная въ бумагахъ московскаго архива министерства юстиціи, издана г. Гоздаво-Голомбіевскимъ, въ „Чтеніяхъ“ московскаго Общества исторіи древностей, за 1888.

и одной ногѣ, что такой человѣкъ попался даже въ звѣриную ловушку (капканъ) одного тунгуса и былъ этой ловушкой застрѣленъ, но изъ спрошенныхъ никто такого человѣка не видалъ, а одинъ тунгусъ, Богдашко, „видѣлъ самъ на горѣ въ камени ту яму (въ которой, какъ полагалось, жили тѣ чудовищные люди), и отъ той де ямы видѣлъ же слѣдъ тѣхъ дикихъ людей на снѣгу хожено одною босою ногою, а тотъ де ихъ слѣдъ гораздо малъ, какъ пяти лѣтъ ребенка“ [1]).

Новгородское сказаніе, разъясненное г. Анучинымъ, является, такимъ образомъ, первымъ русскимъ описаніемъ сибирскихъ земель и племенъ задолго до тѣхъ поръ, когда эти земли и племена сдѣлались достояніемъ русскаго государства. Какъ мы указывали выше, это сказаніе, до открытія сибирскихъ земель при Ермакѣ, представлялось столь любопытнымъ, что его отголосокъ можно было найти даже у иностранныхъ путешественниковъ XVI-го вѣка, какъ Дженкинсонъ и Джонсонъ, собиравшихъ свѣденія объ этой странѣ. Замѣчательное въ этомъ отношеніи, новгородское сказаніе любопытно и въ другомъ, отрицательномъ отношеніи: составленное въ XV вѣкѣ, а можетъ быть, достигая и до конца XIV-го, это сказаніе продолжало обращаться въ рукописяхъ до XVII-го вѣка, переписывалось въ неизмѣнномъ видѣ, не вызвавши никакого комментарія или дополненія,—такъ медленно развивалась у насъ въ старину историческая любознательность. Въ то время, когда уже были на мѣстѣ достаточно извѣстны всѣ существующіе роды „Самояди“, продолжали переписывать старое баснословное сказаніе, и на смѣну его не явилось другого описанія сибирскихъ народовъ до самаго XVIII-го вѣка.

Но Сибирью были уже сильно заинтересованы въ XVI вѣкѣ западные европейскіе ученые географы и торговые мореплаватели,—иногда интересы ученые и торговые соединялись и въ одномъ лицѣ. Мы говорили выше, съ какою ревностью къ торговымъ выгодамъ и вмѣстѣ съ географической любознательностью англійскіе мореходы старались изслѣдовать сѣверный Ледовитый океанъ и прибрежныя страны сѣверной Россіи и Сибири. Хронологическій рядъ описаній морскихъ путешествій, сюда направленныхъ, и географическихъ картъ, которыя бывали плодомъ этихъ путешествій, представляетъ любопытную картину постепеннаго расширенія географическихъ свѣденій. Главною цѣлью, какъ выше

---

[1]) Стр. 86—88.

упомянуто, было разыскать—нѣтъ ли сѣвернаго пути изъ западной Европы въ Китай и въ Индію; на встрѣчу этимъ предпріятіямъ шли разысканія сѣвернаго берега Америки; съ третьей стороны дѣлались поиски русскихъ мореходовъ, промышленниковъ и завоевателей-добровольцевъ, выходившихъ въ сѣверный океанъ изъ устьевъ сибирскихъ рѣкъ. Вопросъ о существованіи пролива между Азіей и Америкой былъ рѣшенъ еще въ концѣ XVII-го вѣка такимъ русскимъ мореходомъ, казакомъ Дежневымъ, но объ этомъ открытіи не узнали, и для науки вопросъ былъ выясненъ только экспедиціей Беринга, назначенной Петромъ Великимъ въ послѣдній годъ его жизни и исполненной уже по его смерти. Эти русскія изслѣдованія сѣвернаго прибрежья, какъ и внутренней Сибири, долго оставались внѣ вѣдома европейской науки: путешествія, которыя бывали настоящими открытіями, дѣлались по чисто практическимъ промышленнымъ соображеніямъ, дѣлались людьми, не имѣвшими никакихъ научныхъ видовъ и въ этомъ послѣднемъ отношеніи, конечно, совершенно неприготовленными; онѣ оставались неописанными и потому безплодными для науки. Въ то время единственными проводниками этихъ свѣденій въ ученую литературу и въ общее географическое знаніе были иностранные путешественники и писатели, насколько могли собрать эти свѣденія, живя въ Россіи, изъ разсказовъ русскихъ людей или даже изъ письменныхъ источниковъ. Такъ въ ихъ руки попало уже новгородское сказаніе; такъ послѣ въ ихъ путешествіяхъ появлялись другія извѣстія о Сибири. Въ первое время эти иностранныя извѣстія были очень скудны. Во времена Герберштейна, Обь изображалась вытекающей изъ огромнаго „Китайскаго“ озера (Kithay lacus); налѣво отъ рѣки означенъ (у Дженкинсона) городъ Сибирь (Siber), направо, въ ближайшемъ сосѣдствѣ Оби, изображенъ (у Герберштейна) Камбаликъ, какъ у русскихъ называлась въ старину столица Китая. На картѣ царевича Ѳедора Борисовича, дополненной и изданной въ 1614 году Герардомъ въ Амстердамѣ, Камбалика уже нѣтъ, точно указанъ Тобольскъ, какъ метрополія Сибири; но истокомъ Оби все еще служитъ большое Китайское озеро (Kithaica lacus),—тѣмъ не менѣе иностранцы, сколько имъ было возможно, слѣдили за открытіемъ новыхъ географическихъ данныхъ въ этомъ направленіи и утилизировали ихъ въ своихъ сочиненіяхъ и картахъ.

Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ фактовъ этой литературы о сибирскомъ востокѣ служитъ сочиненіе голландца Исаака Массы, состоящее изъ двухъ статей: Описанія сибирскихъ земель, и Описанія путей, ведущихъ въ Сибирь, и ея городовъ.

Въ нашей исторической литературѣ Масса извѣстенъ въ особенности записками о Смутномъ времени, которыя цѣнятся какъ важный источникъ для исторіи той эпохи, и которыя только въ недавнее время изданы были въ голландскомъ подлинникѣ, а затѣмъ и въ русскомъ переводѣ [1]). Біографія его извѣстна мало, но во всякомъ случаѣ это былъ человѣкъ замѣчательный. Какъ полагаютъ его біографы, онъ происходилъ изъ знатнаго итальянскаго рода, выселившагося въ Голландію во время реформаціи, по исповѣданію былъ кальвинистъ, и принадлежалъ къ богатой семьѣ, занятой торговыми дѣлами. Онъ родился въ 1587 году, и еще юношей, почти мальчикомъ, онъ былъ посланъ родителями въ Москву, „для изученія торговаго дѣла". Онъ прибылъ въ Москву около 1600, потому что въ слѣдующемъ году онъ говоритъ о московскихъ событіяхъ какъ очевидецъ. Онъ пробылъ тогда въ Россіи восемь лѣтъ, именно во времена Годунова, Лжедимитрія I и Шуйскаго, и былъ свидѣтелемъ московскихъ событій, которыя и описалъ въ своемъ сочиненіи. Издатели голландскаго текста сочиненія Массы указываютъ цѣнность его историческихъ свидѣтельствъ: какъ посторонній свидѣтель, съ юношеской свѣжестью впечатлѣній, какъ человѣкъ религіозный и нравственный, онъ отличается большою правдивостью и безпристрастіемъ,—притомъ, чтобы имѣть свѣденія о событіяхъ, онъ сближался съ знатными людьми и „секретарями", имѣлъ связи при дворѣ. Большую цѣну придаетъ его книгѣ и редакція изданія Археологической коммиссіи.

Вернувшись изъ Россіи, Масса, повидимому, завершилъ свою книгу („Краткое повѣствованіе о началѣ и происхожденіи современныхъ войнъ и смутъ въ Московіи, бывшихъ въ непродолжительный періодъ царствованія нѣсколькихъ государей ея, до 1610 года") и, посвящая ее Морицу, принцу Оранскому, предлагалъ свои услуги для службы государства. На тотъ разъ онъ не получилъ никакого назначенія; служба, которую всего скорѣе онъ имѣлъ въ виду, именно торгово-дипломатическая служба въ

[1]) Histoire des guerres de la Moscovie (1601—1610) par Isaac Massa de Haarlem, publié pour la première fois, d'après le Mr. hollandais original de 1610, avec d'autres opuscules sur la Russie et des annotations par M. le prince Michel Obolensky et M. de Dr. A. Van der Linde. Bruxelles, 1866, 2 тома.

— Сказанія Массы и Геркмана о смутномъ времени въ Россіи. Изданіе Археологической Коммиссіи. Съ приложеніемъ портрета Массы, плана Москвы (1606 г.) и дворца Лжедимитрія I. Спб. 1874. (Другихъ статей Массы о Россіи здѣсь нѣтъ).

— Письма Массы изъ Архангельска къ Генеральнымъ Штатамъ (1614, 1616—1618 г.) изданы въ русскомъ переводѣ въ „Вѣстникѣ Европы", 1868, кн. 1, 8.

Москвѣ по дѣламъ Голландіи, считалась вѣроятно трудно исполнимой и неудобной по политическимъ обстоятельствамъ Россіи, гдѣ были тогда въ разгарѣ смуты междуцарствія; но вскорѣ потомъ, именно въ 1614 году, мы опять видимъ Массу въ Россіи, въ Архангельскѣ и въ Москвѣ, откуда онъ велъ переписку съ Генеральными Штатами. Рѣчь шла о торговыхъ интересахъ Голландіи, которые ему пришлось защищать не безъ особенныхъ усилій, такъ какъ надо было бороться съ представителями Англіи, которые добивались торговой монополіи для своего отечества. Въ этотъ второй разъ Масса опять прожилъ въ Россіи нѣсколько лѣтъ; затѣмъ мы видимъ его на родинѣ. Въ 1635 году былъ изданъ его портретъ, который остался, кажется, послѣднимъ свидѣтельствомъ для его біографіи.

Возвращаемся къ его трудамъ. Главнымъ изъ нихъ было упомянутое сочиненіе о московскихъ смутахъ первыхъ лѣтъ XVII вѣка. Посвященное принцу Оранскому и представленное ему въ рукописи, это сочиненіе осталось, однако, неизданнымъ и появилось впервые въ свѣтъ только въ шестидесятыхъ годахъ въ упомянутомъ голландскомъ изданіи (гдѣ находится и его французскій переводъ). Литературная извѣстность Массы въ свое время основана была на другихъ его сочиненіяхъ. Дѣло въ томъ, что, живя въ Россіи, онъ между прочимъ былъ, какъ многіе въ то время, очень заинтересованъ Сибирью, гдѣ предвидѣлся новый богатый рынокъ для европейской (въ частности голландской) торговли и, можетъ быть, находился также путь къ другимъ богатымъ азіатскимъ странамъ. Повидимому, Масса употреблялъ всѣ средства, какія были въ его распоряженіи, чтобы ознакомиться съ Сибирью, исторіей ея открытія и завоеванія, ея топографіей и ведущими туда путями. Русскіе люди того времени отличались вообще большою скрытностью въ подобныхъ вещахъ, подозрѣвая себѣ какой-нибудь ущербъ отъ иностранцевъ по торговлѣ или опасаясь еще худшаго—какихъ-нибудь политическихъ замысловъ, и къ разспросамъ иностранцевъ относились обыкновенно съ недовѣріемъ; но Масса, живя долго въ Москвѣ, познакомившись съ русскимъ языкомъ, имѣя, повидимому, не мало друзей между знатными и дѣловыми людьми, успѣлъ собрать значительныя свѣденія и добылъ даже карту Сибири, насколько она была въ то время извѣстна русскимъ.

Сочиненія и карты Исаака Массы, основанныя на собранныхъ имъ русскихъ данныхъ, вызвали у новѣйшихъ ученыхъ высокую оцѣнку его географическихъ заслугъ. У насъ первый обратилъ вниманіе на эти его труды знаменитый академикъ

Бэръ [1]): ему сообщилъ книжку Массы астрономъ Струве изъ Пулковской обсерваторіи, куда она поступила въ купленной тогда библіотекѣ извѣстнаго астронома Ольберса [2]). На первый разъ Бэръ обратилъ здѣсь вниманіе на изображеніе двухъ моржей, самки и дѣтеныша, по его словамъ прекрасно исполненное по молодому живому экземпляру и по старому набитому экземпляру, находившимся въ Голландіи въ 1612 году: эти животныя были тогда еще столь мало извѣстны, что Блуменбахъ повторилъ эти изображенія изъ рѣдкой книги, когда притомъ это изображеніе находилось не во всѣхъ ея экземплярахъ. Самъ Бэръ уже пользовался этими изображеніями въ своемъ изслѣдованіи о моржѣ, а теперь остановился на содержаніи книги, важной для исторіи сѣверной Россіи. Позднѣе указалъ ее Аделунгъ въ своемъ обзорѣ иностранныхъ путешественниковъ въ Россію [3]), причемъ далъ нѣкоторыя указанія о біографіи Массы. Аделунгъ не вполнѣ зналъ эту біографію, не зналъ, напримѣръ, года рожденія этого „ученаго голландскаго географа“, которому было всего тринадцать лѣтъ, когда онъ пріѣхалъ въ Россію и всего двадцать-два года, когда онъ приготовилъ изданіе, составившее по отзыву Аделунга большую заслугу для исторіи и географіи Россіи. Изъ упоминаній въ небольшой географической книжкѣ Массы, Аделунгъ еще только догадывался о существованіи большого сочиненія Массы, заключающаго исторію Смутнаго времени. Географическая книжка, о которой мы говоримъ, единственная, которая извѣстна была Бэру и Аделунгу, вышла въ первый разъ въ 1612 г., въ Амстердамѣ, на голландскомъ языкѣ, затѣмъ въ томъ же году—въ нѣсколько дополненномъ видѣ—на латинскомъ языкѣ; въ слѣдующемъ году вышло новое, третье, латинское изданіе, которое считается лучшимъ и которое находится въ академической библіотекѣ въ упомянутомъ экземплярѣ Ольберса [4]).

---

[1]) См. Bulletin Scientifique, tome X, 1842, № 17, ст. 267—271.

[2]) Эта книжка находится теперь въ библіотекѣ Академіи Наукъ, съ замѣткою Бэра: „Donum speculae astronomicae. Liber rarus et gravissimus etiam quod historiam Sibiriae attinet. Baer“.

[3]) Kritisch-literärische Uebersicht der Reisenden in Russland bis 1700, deren Berichte bekannt sind. Спб. 1846, 2, стр. 217—221.

[4]) Подробное описаніе изданій этой книги Массы сдѣлано въ сочиненіи Фанъ-деръ-Линде и кн. Оболенскаго, II, стр. XII и д.

— Первое голландское изданіе: „Beschryvinghe van der Samoyeden landt in Tartarien. Nieulijcks onder't ghebiedt der Moscoviten gebracht. Wt de Russche tale overgheset, Anno 1609“. Амстердамъ, 1612.

— Латинское изданіе: Descriptio ac delineatio geographica, и пр. Амстердамъ, 1612.

Книжка Массы видимо обратила на себя большое вниманіе: кромѣ голландскаго изданія тотчасъ потребовалось изданіе на латинскомъ языкѣ, который былъ тогда общераспространеннымъ ученымъ языкомъ, и латинское изданіе было вскорѣ повторено. Явились затѣмъ и другіе переводы—нѣмецкій и французскій, а

— Третье латинское изданіе: „Descriptio ac delineatio geographica Detectionis Freti sive, Transitus ad Occasum suprà terras Americanas, in Chinam atque Japonem ducturi. Recens investigati ab M. Henrico Hudsono Anglo. Item Exegesis Regi Hispaniae facta, super tractu recens detecto, in quintà Orbis parte, cui nomen, Australis Incognita. Cum descriptione terrarum Samoiedarum, et Tingoesiorum, in Tartariâ ad Ortum Freti Waygats sitarum, nuperque sceptro Moscovitarum adscitarum. Amsterodami. Ex Officina Hesselij Gerardi. Anno 1613.

Во второмъ изданіи, при открытіяхъ въ Австраліи, добавлены слова: per Capitaneum Petrum Ferdinandez de Quir, опущенныя въ заглавіи третьяго изданія. У Аделунга, вмѣсто: transitus ad Occasum, поставлено неправильно: ad Oceanum.

Книжка, съ помѣтой листовъ, но безъ помѣты страницъ, состоитъ въ слѣдующемъ. Во-первыхъ, карта сѣвернаго берега отъ Лапландіи до Peisida reca, въ Сибири, за Енисеемъ, подъ названіемъ: Caerte van't Noorderste Russen, Samojeden, ende Tingoesen landt: alsoo dat vande Russen afghetekent, en door Isaac Massa vertaelt is, съ голландскими подписями и съ табличкой, гдѣ русскія мѣстныя названія переведены по-голландски. На оборотѣ заглавія изображеніе корабля и латинскіе стихи: Liber ad Lectorem. Далѣе, стр. 1—2: Ad Lectorem Prolegomena in tractatus sequentes. Затѣмъ вторая карта: „Tabula Nautica, qua representantur orae maritimae meatus, ac freta, noviter a Hudsono Anglo ad Caurum supra Novam Franciam indagata Anno 1612“—изображеніе Сѣвернаго океана отъ Англіи и Исландіи на востокѣ до „Великаго моря“, открытаго Гудсономъ, берега Сѣверной Америки и Гренландіи. Затѣмъ, стр. 3—5: „Descriptio ac delineatio geographica detectionis freti sive transitus supra terras Americanas in Chinam et Japonem“ — извѣстіе о несчастливомъ плаваніи Гудсона, составленное тотчасъ послѣ путешествія и полагающее поэтому (какъ замѣчаетъ Бэръ), что тотчасъ за Дэвисовымъ проливомъ долженъ находиться открытый океанъ. Стр. 6—15: Libelli supplicis, oblati Regiae Majestati Hispaniae a Duce Petro Fernandez de Quir, super Detectione quartae partis Orbis terrarum, cui nomen Australis incognita, eiusque immensis opibus et fertilitate,—очень спутанный разсказъ объ открытіяхъ дона Педро Фернанда Деквейросъ (или Деквиръ) на берегахъ Новой Голландіи и въ другихъ странахъ южнаго океана. При этой статьѣ вплетена опять прежняя первая карта сѣвера Россіи и Сибири въ уменьшенномъ размѣрѣ, съ латинскими подписями и табличкой, гдѣ русскія слова переведены по-латыни. Стр. 16 занята картинкой, изображающей самоѣдскую ѣзду на оленяхъ и идоловъ, которымъ самоѣды поклоняются. Далѣе слѣдуютъ въ этомъ сборникѣ двѣ статьи самого Массы. Стр. 17—23: „Descriptio Regionum Siberiae, Samojediae, Tingoësiae et itinerum è Moscovia, Orientem et Aquilonem versus eò ducentium, ut à Moschis hodie frequentantur“. Стр. 24 пустая. Стр. 25—35: „Brevis descriptio itinerum ducentium et fluviorum labentium è Moscoviâ Orientem et Aquilonem versus, in Siberiam, Samojediam et Tingoesiam, ut a Moschis hodie frequentantur. Item Nomenclaturae oppidorum in Siberia a Moschis conditorum, quae prorex gubernat, etiam incognita explorat, et occupat, ita ut in magnam Tartariam fere penetrarit. Въ концѣ статьи подпись: „Isaac Massa Haerlem“. (ensis), относящееся, очевидно, къ обѣимъ статьямъ о Сибири. Стр. 36 опять пустая. Далѣе, на особомъ листкѣ то изображеніе двухъ

наконецъ и старый русскій (съ нѣмецкаго). Съ нѣмецкимъ переводомъ—нѣкоего Готарда Артхуса, данцигскаго жителя—встрѣтился Пекарскій: послѣдній принялъ Артхуса за настоящаго автора описанія Сибири, когда онъ былъ только переводчикомъ Массы. Артхусъ былъ плодовитый компиляторъ и переводчикъ; съ именемъ его вышло въ началѣ XVII-го вѣка много книгъ, посвященныхъ географіи и путешествіямъ; между прочимъ онъ заинтересовался и книжкою Массы и повидимому сначала перепечаталъ ее по-латыни, потомъ издалъ на нѣмецкомъ языкѣ,—представляя ее какъ бы своимъ собственнымъ сочиненіемъ, такъ какъ имя Массы умолчано [1]).

Повидимому тогда же сдѣланъ былъ французскій переводъ

моржей, которое заинтересовало Бэра. Стр. 37—39 статья безъ заглавія, и стр. 40—42: „De detectione Terrae polaris, sub latitudine octoginta graduum"; въ обѣихъ говорится о тогдашнихъ новыхъ предпріятіяхъ по изученію Сѣвернаго моря, и на особыхъ листахъ приложены во-первыхъ изображеніе кита, во-вторыхъ небольшая карта полярныхъ странъ.

Имена Гудсона и (во второмъ изданіи) де-Квира, поставленныя въ заглавіи, производили нѣкоторую библіографическую путаницу: какъ видимъ, книжка представляетъ небольшой сборникъ, составленный вѣроятно Герардомъ, который самъ былъ извѣстный географъ, изъ статей о новѣйшихъ географическихъ открытіяхъ. Главная важность сборника заключалась, главнымъ образомъ, въ статьяхъ Массы о Сибири и въ его картахъ.

[1]) Въ примѣръ библіографической запутанности укажемъ Пекарскаго, „Наука и литература при П. В.", I, стр. 340 (его указанія были приведены мною въ „В. Европы", 1888, апрѣль, стр. 702—703); Аделунга, Uebersicht, II, стр. 296, гдѣ Артхусу приписано изданіе Массы и Герарда, имъ только перепечатанное („Petri Fernandi de Quir descriptio regionum Siberiae quae nuper a Moscis detectae sunt, auctore M. Gotardo Arthusio Dantiscano. Francof., 1613,—очевидно, что „де-Квиръ" не имѣетъ къ Сибири никакого отношенія); въ книгѣ Фанъ-деръ-Линде и кн. Оболенскаго (II, стр. XIV) нѣмецкимъ переводчикомъ (съ перваго латинскаго изданія) названъ L. Hulsius, подъ которымъ вѣроятно надо разумѣть того же Артхузіуса. Первое изданіе его перевода отнесено къ 1614 году, 2-е къ 1627-му. Мы знаемъ только послѣднее, по экземпляру Публичной Библіотеки (оно упомянуто въ Russica, II, стр. 265):

„Zwölfte Schiffahrt oder kurtze Beschreibung der Newen Schiffahrt gegen Nord Osten über die Amerische Inseln in Chinam vnd Japponiam, von einem Engelländer Heinrich Hudson newlich erfunden... Beneben... auch kurtze Beschreibung der Länder der Samojeden und Tingoesen in der Tartarey gelegen. In Hochteutscher Sprach beschrieben durch M. Gothardum Arthusen von Dantzig. Oppenheim MDCXXVII (Изданіе упомянуто въ „Russica", II, стр. 265). На стр. 38—48: Beschreibung der landen Siberien, Samogedien und Tingesien mit Andeutung der Wege und Reysen so ausz der Moscaw gegen Morgen und Mitternacht dahin führen wie sie von den Moscovitern täglich gebraucht werden. На стр. 49—описаніе путей и рѣкъ.

Рѣдкость изданій, которыхъ недостаетъ и въ Публичной Библіотекѣ, оставляетъ пока неясной исторію этихъ изданій.

книжки Массы о Сибири. Не знаемъ, былъ ли онъ напечатанъ, но рукопись его мы видѣли въ парижской Національной библіотекѣ, пересматривая въ ней (1859) старыя рукописи, относящіяся до Россіи. Получивъ теперь [1]) копію этой рукописи (Ms. № 19474, Collection Dupuy), мы нашли въ ней старый французскій переводъ обѣихъ статей Массы о Сибири, только въ другомъ порядкѣ, сдѣланный по-латинскому изданію 1613 года [2]). Наконецъ, много позднѣе сдѣланъ былъ и русскій переводъ книжки Массы по какому-то латинскому изданію того же Артхуса, указанный Пекарскимъ въ рукописи Публичной Библіотеки и по его мнѣнію сдѣланный полякомъ или бѣлоруссомъ не позже начала XVIII вѣка [3]).

Въ первой статьѣ Массы разсказывается о занятіи русскими Сибири и любопытно, что въ этомъ разсказѣ ни однимъ словомъ не упомянуто о Ермакѣ и событія разсказываются такъ, что занятіе Сибири было дѣломъ Строгановыхъ.

„Въ Московіи,—говоритъ Масса,—есть племя (natio), имя котораго дѣти Аники (Anicouvii filii, Аниковичи), низкаго происхожденія, ведущее родъ отъ нѣкоего земледѣльца Аники. Имѣя много земель, этотъ Аника жилъ около устья рѣки Вычегды, впадающей въ рѣку Двину... Этотъ богатый Аника, имѣя много дѣтей и наслаждаясь всѣми благами фортуны, былъ одержимъ какою-то страстью узнать, какія земли и страны населяютъ тѣ люди, которые каждый годъ приходили въ Московію для торговли драгоцѣнными мѣхами и другими товарами, и совершенно отличались языкомъ, одеждой, религіей и нравами, называя себя самоѣдами

---

[1]) Черезъ посредство г-жи З. А. В—вой.

[2]) „1613 Brieue Description des chemins qui menent et des fleuues qui passent de la Moscouie uers le Septentrion et l'Orient en la Siberie“ и пр. И далѣе: „Description des pais de Siberie Samoiede et Tingoesie frequentez par les Moscouites“. При обѣихъ статьяхъ названо имя Массы. Французскій переводъ нѣсколько сокращенъ.

[3]) Публ. Библіотеки F. IV. № 116. Пекарскаго, „Наука и литература при Петрѣ Великомъ“, I, стр. 340. 1606 годъ, поставленный на русскомъ переводѣ, повторенъ изъ латинскаго изданія, указаннаго тамъ же Пекарскимъ, и представляетъ опять какую-то библіографическую путаницу, которая остается пока необъяснимой: книжка Массы, сколько извѣстно, появилась не раньше 1612 года, а латинскаго изданія, на которое ссылался Пекарскій, мы не могли найти.

Заглавіе русскаго перевода: „Повѣстное описаніе королевствъ (Regionum) Сѣберіи, Самоѣдіи и Тингоезіи (!), вкупѣ съ путешествіями отъ Москвы до всходу и полунощной страны тамо проводящими зане презъ оніе московскій народъ всегда преходитъ“.

Эта „Тингоезія“ повторяется неизмѣнно въ переводахъ Массы, наконецъ, и въ нашемъ русскомъ; но буквы *oe* произносятся по-голландски за *у*, и рѣчь здѣсь идетъ о тунгузахъ.

и нося различныя имена. Эти народы ежегодно пріѣзжали на рѣку Двину, обмѣниваясь съ русскими и москвитянами товарами всякаго рода, особливо принося на торгъ мѣха, которые мы называемъ вавилонскими". Аника увидѣлъ, что тѣ страны должны заключать большія богатства, и послалъ туда своихъ людей, поручивъ имъ осмотрѣть тѣ земли и завести дружескія сношенія съ жителями; потомъ отправилъ туда еще больше людей съ малоцѣнными товарами, на которые вымѣнивалъ драгоцѣнные мѣха, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ пріобрѣлъ громадныя богатства; но чтобы предупредить и обезоружить зависть, онъ рѣшился все открыть своему другу, который пользовался при дворѣ большою милостью, Борису Годунову. Онъ поднесъ Борису подарки и разсказалъ о дѣлѣ, которое могло принести государству большія выгоды. Борисъ выслушалъ это съ величайшимъ любопытствомъ, наградилъ Аниковичей и далъ имъ отъ имени царя открытое письмо, которымъ предоставилъ въ ихъ вѣчное владѣніе земли, какія они пожелали бы взять. Наконецъ, Борисъ доложилъ обо всемъ царю, а затѣмъ отправилъ въ сибирскія и самоѣдскія земли нѣсколькихъ бѣдныхъ благородныхъ людей, присоединивъ къ нимъ также военныхъ и вмѣстѣ съ людьми Аниковичей велѣлъ имъ подробно описать всѣ дороги, рѣки, лѣса, дружески обращаться съ жителями, замѣчать всѣ удобныя мѣста, на которыхъ впослѣдствіи можно было бы построить укрѣпленія. Такъ это и было исполнено. Самоѣды, увидѣвъ московскихъ людей въ богатыхъ одеждахъ, принимали ихъ за боговъ, подчинились московскому царю и согласились платить дань. Московскіе посланцы, осмотрѣвъ страну, возвратились въ Москву; на мѣстѣ оставили они нѣсколько человѣкъ для изученія языка, а съ собой въ Москву взяли нѣсколько самоѣдовъ, которые поражены были русскими обычаями и величіемъ царя; они признали его за своего господина и обѣщали склонить къ тому и своихъ земляковъ. Такимъ образомъ Аниковичи чрезвычайно возвысились, а въ новой странѣ построены были въ разныхъ мѣстахъ деревянныя крѣпости, въ которыхъ поставлены солдаты и начали стекаться жители. „И туда посылается теперь такое множество людей, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ собрались уже города изъ поляковъ, татаръ, русскихъ и другихъ народовъ, перемѣшанныхъ между собою. Потому что туда отправляютъ всѣхъ ссыльныхъ убійцъ, измѣнниковъ, воровъ и тѣхъ, кто достоинъ смерти; нѣкоторые изъ нихъ оставляются на время въ оковахъ, другіе свободно живутъ нѣсколько лѣтъ, смотря по совершенному преступленію, и такимъ образомъ собрались многочисленныя общества людей, которыя вмѣстѣ съ

крѣпостями (острогами) образуютъ цѣлое царство, такъ какъ каждодневно стекаются сюда многіе люди болѣе скуднаго достатка, чтобы воспользоваться предоставленными тамъ льготами. Имя этой странѣ Сибирь". Масса прибавляетъ, что это имя уже тогда наводило трепетъ, такъ какъ въ Сибирь ссылались вмѣстѣ съ семействами чиновники, подпадавшіе царскому гнѣву.

Таково вкратцѣ содержаніе перваго сочиненія Массы. Впослѣдствіи оно цѣликомъ выписано было въ извѣстной книгѣ Витзена „Сѣверная и Восточная Татарія" (1692, и два другія изданія 1705, 1795), откуда было переведено г. Тыжновымъ [1]). То обстоятельство, что по этому разсказу занятіе Сибири обошлось безъ Ермака, обратило на себя уже вниманіе Витзена. Стараясь примирить противорѣчіе этого разсказа съ тѣми, гдѣ говорится о подвигахъ Ермака, онъ предлагаетъ такое объясненіе, что дѣйствія рода Аники шли съ запада, со стороны Россіи, а дѣйствія Строгановыхъ и Ермака направлялись отъ восточныхъ странъ и совершались въ одно и то же время. Но, отдѣливъ Анику отъ Строгановыхъ, Витзенъ предполагаетъ и другое, что самъ Аника былъ изъ рода Строгановыхъ (какъ то дѣйствительно и было). Оба разсказа могутъ быть согласованы, если принять, что одинъ повѣствуетъ о томъ, какъ были покорены аборигены Тобола, гдѣ была употреблена сила, а другой—о томъ, съ какой кротостью и любовью обходились съ туземцами въ ближайшихъ странахъ Сибири, лежащихъ западнѣе; а самое лучшее—предполагать, что разсказы повѣствуютъ объ одномъ и томъ же событіи, совершившемся въ одно и то же время, въ одномъ и томъ же мѣстѣ, съ той разницей, что здѣсь о военныхъ дѣлахъ Ермака опущено, а говорится лишь о кроткихъ средствахъ Аники.

„Вопросъ,—замѣчаетъ г. Тыжновъ,—который представлялся для Витзена въ противорѣчіи между повѣствованіемъ Массы и другими, ему извѣстными, для насъ представляется празднымъ, ибо намъ хорошо извѣстно, что Сибирь покорилъ Ермакъ. Для насъ повѣствованіе Массы имѣетъ цѣну въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ означается дѣятельность Строгановыхъ (Аники) на сибирской окраинѣ и отношеніе государства къ колонизаціи. Очевидно, что̀ побудило Строгоновыхъ донести до царя о своемъ предпріятіи; они обратились къ государству за помощью, не будучи въ состояніи сами вести дѣло собственными средствами... Масса описываетъ колонизацію во время Ѳедора Ивановича и Бориса Годунова. Хотя онъ и говоритъ о первомъ занятіи Сибири, но ясно, что

---

[1]) „Сибирскій Сборникъ", 1887, стр. 105—110.

здѣсь дѣло идетъ о вторичныхъ уже движеніяхъ въ эту страну, при упомянутыхъ царяхъ. Эта непрерывно продолжающаяся колонизація была, вмѣстѣ съ тѣмъ, и непрерывно продолжающимся завоеваніемъ территоріи. Занятіе это подготовлялось и шло сначала путемъ мирной эксплуатаціи, колонизаціи торгово-промышленной, къ которой присоединилась затѣмъ, послѣ покоренія Сибири, колонизація военно-промышленная, получившая въ концѣ перевѣсъ надъ первой. Такимъ образомъ, эти два момента, къ которымъ впослѣдствіи, въ первое время царствованія Романовыхъ, присоединился третій, идущій отъ государства—моментъ, такъ сказать, земледѣльческій, составляютъ сущность сибирской колонизаціи въ московскій періодъ русской исторіи. Масса даетъ намъ понять временную раздѣльность первыхъ двухъ моментовъ, но онъ сдѣлалъ ту ошибку, что первому приписалъ преобладающее значеніе и на его долю отнесъ занятіе Сибири, тогда какъ оно произошло путемъ собственно военно-промышленной колонизаціи. Это произошло потому, что онъ, видя современный ему способъ движенія въ Сибирь, отъ этого способа, современнаго ему, заключалъ къ прошедшему, и отнесъ его къ покоренію Сибири" [1]).

Это могло быть, но если разнорѣчіе разсказа Массы и историческихъ извѣстій о дѣяніяхъ Ермака можетъ быть для насъ безразлично, то не остается празднымъ вопросъ объ источникахъ этого разнорѣчія. Замѣтимъ, что и въ болѣе позднихъ сибирскихъ лѣтописяхъ разсказъ о завоеваніи Сибири обнаруживаетъ двѣ разныя тенденціи: въ однѣхъ главная роль приписывается Ермаку, въ другихъ — Строгановымъ. Можно думать, что это различіе взглядовъ существовало и внѣ какихъ-нибудь личныхъ или фамильныхъ вліяній, и разсказъ Массы указываетъ во всякомъ случаѣ, что разница точекъ зрѣнія, замѣчаемая въ сибирскихъ лѣтописяхъ, восходитъ уже къ этому раннему времени.

Другое сочиненіе Массы—краткое описаніе путей, ведущихъ въ Сибирь, рѣкъ, протекающихъ на сѣверѣ и востокѣ, и списокъ городовъ, основанныхъ москвитянами въ Сибири,—есть вообще первое описаніе этого рода въ старой литературѣ о Сибири, кромѣ тѣхъ чисто оффиціальныхъ документовъ, которые могли существовать объ этомъ предметѣ. Это сочиненіе есть какъ бы путеводитель въ тогдашнюю Сибирь: авторъ начинаетъ отъ Соли-Вычегодской и даетъ указаніе путей, какими совершались тогда сообщенія съ Сибирью и перевозка товаровъ. Главными путями

[1]) Тамъ же, стр. 111.

были, конечно, рѣки; при этомъ онъ даетъ также описаніе главныхъ городовъ, говоритъ о туземныхъ народахъ и ихъ обычаяхъ, объ управленіи воеводъ, отмѣчая великіе успѣхи московскихъ людей въ занятіи Сибири и ожидая еще бо̀льшихъ въ будущемъ: „скажу однимъ словомъ,—говоритъ онъ:—москвитяне въ этой странѣ оказали невѣроятные успѣхи, и мы надѣемся еще дальнѣйшихъ (uno verbo dicam, Moschi in illo tractu incredibiles fecere progressus et ulteriores speramus)". Онъ отмѣчаетъ также быстрое сліяніе племенъ въ гражданскомъ отношеніи подъ русскою властью. „Въ городѣ Томи (Томскъ, Toom),—говоритъ онъ, напримѣръ,—и въ Нарымскомъ острогѣ, и въ Сибири находятся многочисленныя племена, которыя называютъ себя остяками, и они уже слились съ татарами, самоѣдами и русскими въ одно тѣло, дружески ведя другъ съ другомъ торговлю золотомъ и другими родами товаровъ... Между рѣками Обью и Иртышомъ построено множество городовъ и крѣпостей,—почти въ то же время какъ строился Тобольскъ, уже изобилующій богатствами,—жители которыхъ суть москвитяне, татары и самоѣды, всѣ мирные (omnes mansueti)" и т. д. Порядокъ описанія—съ запада на востокъ: отъ Соли-Вычегодской онъ доходитъ до Югорскихъ горъ, т.-е. до Урала, на пути упоминая о Камѣ, впадающей въ Волгу („которая семидесятью устьями вливается въ Каспійское море, какъ я слышалъ отъ людей, достойныхъ вѣры, свидѣтелей-очевидцевъ"). Онъ даетъ краткое описаніе Урала, затѣмъ сообщаетъ извѣстія о Верхотурьѣ (Vergateria); по его словамъ это первый сибирскій городъ, гдѣ правитъ воевода (prorex aut gubernator). Затѣмъ начинаются рѣки сибирской системы: большая рѣка Тура, Тоболъ, города Тюмень, Тобольскъ на рѣкѣ Иртышѣ, „очень быстрой на подобіе Дуная"; затѣмъ Сургутъ, Нарымскій острогъ. За Обью слѣдуетъ описаніе Енисея, и путеводитель кончается указаніемъ первыхъ попытокъ русскихъ проникнуть за Енисей. Какъ упомянуто выше, всѣ эти данныя собраны Массой отъ его русскихъ друзей; факты переданы вообще съ большою точностью; видимо, они очень интересовали автора и онъ внимательно ихъ изучилъ, тѣмъ болѣе, что въ его рукахъ была и карта. „Жилъ въ то время въ Московіи братъ одного моего друга, самъ участвовавшій въ этихъ открытіяхъ въ Сибири; этотъ другъ передалъ намъ одну карту, полученную изъ устъ своего брата, нынѣ уже покойнаго, и имъ начерченную; самъ же онъ проплылъ проливъ Вайгачъ и знаетъ всѣ мѣста до рѣки Оби; о положеніи странъ за этой рѣкой онъ узналъ отъ другихъ"... Въ голландскомъ изданіи Масса говоритъ болѣе ясно о томъ, какого труда стоило ему

собираніе этихъ свѣденій и съ какой опасностью оно было соединено для тѣхъ, кто ему доставлялъ ихъ: „Я опишу сколько мнѣ возможно дорогу изъ Россіи въ Сибирь, но я долженъ сказать, что мнѣ было невозможно узнать больше. То, что̀ я знаю, я собралъ съ величайшими усиліями и я обязанъ этимъ дружбѣ нѣкоторыхъ лицъ московскаго двора, которыя изъ расположенія ко мнѣ довѣрили мнѣ эти свѣденія, долго колебавшись прежде, чѣмъ мнѣ ихъ дать. Это могло стоить имъ жизни, потому что русскій народъ крайне недовѣрчивъ и не можетъ вынести, чтобы открывали тайны его страны“ [1]).

Карты, составленныя Массой, были перечислены въ статьѣ Аделунга о старыхъ иностранныхъ картахъ Россіи до 1700 года [2]), въ его книгѣ объ иностранныхъ путешественникахъ въ Россію, а потомъ подробнѣе въ предисловіи Фанъ-деръ-Линде къ изданію сочиненій Массы, но ихъ взаимное отношеніе, кажется, еще не опредѣлено. Дѣло въ томъ, что еще Бэръ въ упомянутой статьѣ 1842 года высказывалъ недоумѣніе: отчего происходитъ, что карты, изданныя Массой подъ собственнымъ именемъ и находящіяся въ большинствѣ старыхъ голландскихъ атласовъ, не мало отличаются отъ карты, изданной Гесселемъ Герардомъ? Бэръ предполагалъ, что Масса могъ впослѣдствіи внести въ свои карты новыя наблюденія. Аделунгъ говорилъ потомъ, что не можетъ рѣшить этихъ критическихъ сомнѣній [3]).

Въ сочиненіи г. Анучина приведенъ цѣлый рядъ картъ, изображающихъ сѣверъ Россіи и Сибири, начиная отъ карты Антона Вида, въ половинѣ XVI-го вѣка, до чертежа Ремезова 1701 года. Обзору этой картографіи посвящена статья г. Замысловскаго. „Задолго до завоеванія Сибири Ермакомъ,—говоритъ онъ,—о ней уже существовали русскія свѣденія, послужившія иностранцамъ источникомъ для составленія очертанія р. Оби, приложеннаго къ картамъ Восточной Европы XVI-го вѣка“. Первою картою этого рода является карта данцигскаго сенатора Антона Вида, изданная въ 1555 году, но составленная гораздо раньше, такъ что карта Мюнстера 1544 года есть только ея копія [4]). Сообщенія Вида о Сибири [5]) крайне ограничены: рѣка Обь изображена

---

[1]) Pr. Obolensky et Van der Linde, II, стр. XII; I, стр. 284—285.

[2]) Beiträge zur Kenntniss des russ. Reiches, т. IV, стр. 27.

[3]) Бэръ, Bulletin scientifique, 1842, стр. 271; Adelung, Uebersicht, II, стр. 219.

[4]) Открытіе карты Вида принадлежитъ Михову: Die aeltesten Karten von Russland. Ein Beitrag zur historischen Geographie von Dr. H. Michow. Hamburg. 1884.

[5]) Отрывокъ карты у Анучина, стр. 52.

скорѣе въ видѣ огромнаго морского залива; на лѣвой сторонѣ ея изображены „абдоры", поклоняющіеся „золотой бабѣ", съ ребенкомъ въ рукахъ, и приносящіе ей въ жертву звѣриныя шкуры; любопытно, что имя золотой бабы написано русскими буквами съ переводомъ: Hoc est aurea vetula idolum quod huius partis incolae adorant. Южнѣе золотой бабы по той же лѣвой сторонѣ Оби изображенъ городъ Сибирь (Sybir); затѣмъ все къ югу Тюмень (Tumen wilky), Kasary Horda (восточнѣе), Kalmycky Horda, наконецъ, между Волгой и Яикомъ (Deick) помѣщена Horda Nohay и рядомъ громадное мѣсто, занятое устьями Волги съ Астраханью; между абдорами и Тюменью, западнѣе, изображена Великая Пермь (Wilki Perim); на правой сторонѣ Оби, на одной широтѣ съ городомъ Сибирь надпись, неизвѣстно что обозначающая: Kydeisco. Вотъ все содержаніе этой карты, которая могла быть составлена на основаніи слуховъ объ этихъ странахъ въ печатныхъ источникахъ, хотя „золотая баба" и „Kydeisco" могли принадлежать спеціально русскому источнику. Нѣсколько болѣе подробна, но все-таки очень скудна карта Герберштейна 1549 и 1556 года [1]). Рѣка Обь изображена опять чрезвычайно широкою, вытекающею изъ огромнаго озера; на лѣвой сторонѣ ея, на сѣверѣ, опять золотая баба (aurea anus, slata baba), изображенная въ западно-европейскомъ костюмѣ богатой дамой съ копьемъ въ рукѣ: южнѣе, близь впаденія какой-то рѣки въ Обь, означенъ городъ „Обеа"; еще южнѣе—еще два города: повидимому Пермь и Тюмень. По правой сторонѣ рѣки указаны на крайнемъ сѣверѣ югры, „отъ которыхъ произошли венгры"; южнѣе народъ „грустинцы" и городъ Грустина, еще южнѣе— „Кумбаликъ, столица въ Катаѣ или Китаѣ" (Cumbalik Regia in Cataya idem in Kitay). Источники Герберштейна были несомнѣнно русскіе, но странное изображеніе Оби, „Китайское озеро" и „Камбаликъ" (т.-е. Пекинъ) близь праваго берега Оби достаточно свидѣтельствуютъ, какъ смутны были представленія объ этомъ краѣ у русскихъ людей, отъ которыхъ Герберштейнъ почерпалъ свои извѣстія [2]).

---

[1]) Часть этой карты у Анучина, стр. 54.

[2]) По объясненію нашихъ географовъ, „Китайское озеро" (на которое намекаетъ и слово „Kydeisco" на картѣ Вида) не совсѣмъ лишено смысла въ томъ отношеніи, что, по замѣчанію Миддендорфа, оно должно означать озеро Нордъ-Дзайсангъ или Зайсанъ, изъ котораго вытекаетъ Иртышъ, такъ что Герберштейнъ могъ принимать Иртышъ за верхнюю часть Оби, а Телецкое озеро, изъ котораго вытекаетъ одна изъ частей Оби, Бія, не можетъ быть принято за Китай-озеро по его незначительной величинѣ (Списки населенныхъ мѣстъ Россійской имперіи. Тобольская губернія

Исаакъ Масса самъ указываетъ, что въ своей картѣ (составленной въ 1609 г.) пользовался русскимъ чертежомъ.

Въ 1614 году издана была Гесселемъ Герардомъ въ Амстердамѣ карта царевича Ѳедора Борисовича [1]): здѣсь больше подробностей, чѣмъ у Массы, но рѣка Обь по прежнему вытекаетъ изъ огромнаго Китайскаго озера далеко на востокѣ.

„Таковы картографическія данныя западно-европейской литературы съ XVI до 1668 года, когда появилась (первая русская) карта Сибири“,—говоритъ г. Замысловскій, но не совсѣмъ точно, такъ какъ здѣсь не названы еще англійская карта Дженкинсона, который, какъ объяснено г. Анучинымъ, пользовался также русскими свѣдѣніями о Сибири, именно новгородскимъ сказаніемъ, и карта голландскаго морехода Баренца, обѣ приведенныя въ сочиненіи г. Анучина.

„Всѣ эти данныя,—продолжаетъ г. Замысловскій, - являются крайне скудными, если мы обратимъ вниманіе на многочисленныя свидѣтельства относительно составленія чертежей сибирскихъ земель, сохранившіяся въ нашихъ оффиціальныхъ бумагахъ“ [2]).

Въ этихъ словахъ, намъ кажется, есть нѣкоторое недоразумѣніе. Какъ видно изъ трудовъ западныхъ путешественниковъ, они съ большимъ интересомъ искали географическихъ свѣдѣній о Россіи: въ книгу Дженкинсона попали даже свѣденія изъ древняго новгородскаго сказанія; какъ внимательно собиралъ извѣстія о Россіи Герберштейнъ, это достаточно извѣстно; сочиненіе Массы было первымъ описаніемъ Сибири, получившимъ книжное распространеніе, и мы приводили его слова о томъ, какихъ усилій стоило ему собрать приведенныя имъ свѣденія и съ какими опасностями соединено было пріобрѣтеніе изданной имъ карты. Очевидно, что со стороны иностранныхъ географовъ не было недостатка въ любознательности; но русскіе источники были чрезвычайно мало доступны или же были недостаточно пригодны для картографическаго употребленія. „Многочисленныя свидѣтельства“, упоминаемыя г. Замысловскимъ, далеко не всѣ относятся именно къ „чертежу сибирскихъ *земель*“, а только къ *планамъ* сибирскихъ *остроговъ*. Таково порученіе отъ царя Бориса въ 1600 году къ тюменскому головѣ о построеніи острога въ Епанчинѣ Юртѣ. Въ грамотѣ именно говорится: „а каковъ великъ острогъ сдѣланъ

В. Звѣринскаго, Спб. 1871, стр. LXI; Замысловскій, стр. 335). Этому объясненію мѣшаетъ только то, что у Герберштейна рѣка Иртышъ означена особо, какъ небольшой притокъ, гораздо сѣвернѣе Китайскаго озера.

[1]) Часть ея, изображающая Сибирь, у Анучина, стр. 38.

[2]) Стр. 340.

будетъ, и каковы около острогу крѣпости (т.-е. укрѣпленія) и надолобы подѣлаешь... и ты бъ о всемъ о томъ подлинно отписалъ, *и острогъ, и крѣпости, начертивъ на чертежѣ* и всякія угодья росписавъ, прислалъ къ намъ къ Москвѣ". Такимъ же образомъ въ 1611 году тобольскій воевода, дѣлая распоряженія о постройкѣ новаго города, велитъ „новому *городу*, и городовымъ всякимъ *крѣпостямъ*, и пашеннымъ землямъ и всякимъ угодьямъ роспись и чертежъ прислати въ Тоболескъ". Очевидно, что на этотъ разъ рѣчь идетъ только о планахъ этихъ остроговъ, а не о картахъ земель.

Другіе „чертежи" были дѣйствительно карты. Такова была карта царевича Өедора Борисовича, изданная Герардомъ. Такую карту, „чертежъ и роспись про китайскую область" привезъ въ Москву въ 1620 году казакъ Иванъ Петлинъ, посланный въ Китай. Въ 1626—1627 годахъ, по указу царя Михаила Өедоровича, сдѣланъ новый чертежъ всему московскому государству. Въ чертежѣ находится и рѣка Обь съ ея притоками. Въ 1640—1641 составлены росписи и чертежи притокамъ Енисея и верховьямъ Левы [1]). Въ 1644 году новый приказъ о чертежѣ Лены и ея притоковъ, и т. д.

Собственно говоря, первая карта Сибири явилась только въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича.

Болѣе поздній сибирскій лѣтописецъ и географъ Ремезовъ сообщаетъ, что въ 1667—1668 годахъ, царь Алексѣй Михайловичъ велѣлъ тобольскому воеводѣ составить карту Сибири— „всю Сибирскую землю описати, грани земель и жилищъ, межи, рѣки и урочища, и всему учинить чертежъ". По словамъ его, это было „первое чертежное описаніе Сибири отъ древнихъ жителей", т.-е., вѣроятно, первое съ тѣхъ поръ, какъ появились въ Сибири русскіе жители, и это описаніе было „предано печати", „и посему отчасти Сибирь означися". Это первое описаніе произвело, по свидѣтельству Ремезова, большое впечатлѣніе въ Сибири: изъ чертежа сибирскіе жители въ первый разъ увидѣли очертаніе своей земли. „И о семъ тогда всѣмъ сибирскимъ жителямъ первое вново Сибирскій чертежъ въ великое удивленіе, яко много лѣтъ при житіи ихъ проидоша и недовѣдомы орды сосѣдъ жилища и урочища бѣша. И о семъ древле невѣріемъ слуха одержимы бѣша: еже имъ мало проходно быша, еже нынѣшное урочище пять поприщъ имуще, они же тогда сто верстъ мнѣша, а идеже день ходу, ту

[1]) Упомянутая затѣмъ г. Замысловскимъ работа пятидесятника Мартына Васильева въ 1641 году представляетъ опять не карту, а только планъ верхоленскаго острожка.

имъ недѣля ѣзду. И тогда имъ сосѣдъ жилища и урочища отчасти открыся, зане въ вопросахъ неискусни бѣша. И съ таковаго времени со 176 и по нынѣшной 209 годъ“.

Ремезовъ былъ не высокаго мнѣнія о географическихъ представленіяхъ своихъ соотечественниковъ и его трудно въ этомъ оспаривать. Очевидно, что старинные чертежи, какіе были, дѣлались на глазомѣръ, безъ всякой помощи точнаго картографическаго изученія, которое было невозможно безъ нѣкоторыхъ понятій о математической географіи и безъ умѣнья хотя бы приблизительно опредѣлять широту и долготу отмѣчаемыхъ на картѣ пунктовъ: но этихъ понятій въ то время не было. О томъ, какъ составлялась карта 1667—1668 года, сохранились свѣденія въ документахъ, изданныхъ недавно гг. Юдинымъ и Титовымъ [1]).

Въ изданіи г. Юдина помѣщены: указъ 1667 года царя Алексѣя тобольскому воеводѣ Петру Ивановичу Годунову о составленіи сибирскаго чертежа, и его описаніе подъ названіемъ: „Чертежъ всей Сибири, збиранный въ Тобольскѣ по указу царя Алексѣя Михайловича“. Но самый „чертежъ“, т.-е. карта, здѣсь отсутствуетъ—повидимому онъ затерянъ (по крайней мѣрѣ до сихъ поръ онъ не былъ встрѣченъ),—а сохранилось только его описаніе.

„Статья эта,—говоритъ г. Титовъ,—имѣетъ важное значеніе потому, что заключаетъ въ себѣ свѣденія о первой картѣ Сибири, составленной по распоряженію русскаго правительства. Карта эта была начертана по указу царя Алексѣя Михайловича стольникомъ и воеводой Петромъ Ивановичемъ Годуновымъ въ 1667 году въ Тобольскѣ, по указаніямъ „всякихъ чиновъ людей“, знавшихъ „подлинно городки и остроги, и урочища, и дороги, и земли, и какіе ходы отъ города до города, да отъ слободы до слободы, и до котораго мѣста и дороги, и земли, и урочища, и до земель въ скольку дней и скольку ѣзду и верстъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, П. И. Годунову было поручено построить „по высмотрѣ“ въ тобольскомъ уѣздѣ между слободами крѣпости, нужныя для обезопашенія отъ находа непріятелей, и опредѣлить, „по скольку человѣкъ въ которой крѣпости посадить драгунъ“, какъ велико разстояніе той или другой крѣпости до извѣстнаго мѣста и даже до Китая“.

---

[1]) „Сибирь въ XVII вѣкѣ. Сборникъ старинныхъ русскихъ статей о Сибири и принадлежащихъ къ ней земляхъ“, 1891; предисловіе и выборъ статей принадлежатъ А. А. Титову, извѣстному изыскателю ростовской старины и собирателю памятниковъ старой письменности. Къ сожалѣнію, мы не имѣли въ рукахъ этой книги, которой не нашли въ книжной торговлѣ, и пользуемся сообщеніями изъ нея у г. Замысловскаго.

Въ описаніи чертежа и въ „росписи сибирскимъ городамъ и острогамъ“, разстояніе разныхъ мѣстностей, за исключеніемъ болѣе близкихъ и потому болѣе извѣстныхъ, означены днями ѣзды сухимъ путемъ или водой, и весь чертежъ былъ очевидно глазомѣрный [1]).

Въ сборникѣ г. Титова приложенъ наконецъ любопытный снимокъ со старинной карты Сибири, до сихъ поръ неизвѣстной. „Какъ видно изъ шведской надписи на картѣ, она есть *копія съ чертежа Сибири*, сдѣланнаго стольникомъ и воеводою Петромъ Ивановичемъ Годуновымъ въ 1667 году. Копію эту снялъ въ 1669 году К. И. Прютцъ (C. I. Prütz), сопровождавшій въ Москву шведскаго посланника Фрица Кронмана. Копія Прютца приложена къ хранящейся въ стокгольмской королевской библіотекѣ рукописи Прютца, называемой „Itinerarium per nonnullas Russiae et Poloniae partes“ (въ 4-ку, 146 страницъ). О копіи своей Прютцъ говоритъ слѣдующее: „Приложенная карта великаго княжества Сибирскаго и окрестныхъ странъ снята мною 8-го января 1669 года въ Москвѣ, насколько возможно было тщательно, съ весьма небрежно сохранившагося подлинника, которымъ меня, лишь на нѣсколько часовъ, ссудилъ князь Иванъ Алексѣевичъ Воротынскій“. Этотъ князь Воротынскій былъ однимъ изъ видныхъ бояръ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Сочиненіе Прютца до сихъ поръ не издано, а равно оставалась неизвѣстною и помѣщенная въ немъ карта Сибири, между тѣмъ какъ она чрезвычайно интересна для старинной русской картографіи, ибо даетъ намъ понятіе о первомъ русскомъ чертежѣ Сибири, не сохранившемся въ Россіи“.

Г. Замысловскій прибавляетъ къ этому, что карта Прютца едвали есть точная копія русской: „бо̀льшая часть названій рѣкъ и городовъ, отмѣченныхъ особыми знаками, не поименованы, опущены многія названія, находящіяся въ русскомъ подлинникѣ, но тѣмъ не менѣе эта карта оставляетъ далеко за собою карты, предшествующія ей, и она является первымъ опытомъ воспроизвести картографически всю Сибирь“. Что копія не могла быть особенно точной, можно предполагать уже изъ того, что „небрежно

---

[1]) Описаніе этого чертежа извлечено г. Титовымъ изъ рукописи Румянцовскаго музея (№ CCXCIV); другой списокъ, болѣе исправный, нашелся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, какъ о томъ пишетъ г. Оглоблинъ въ статьѣ: „Источники чертежной книги Сибири, Семена Ремезова“ („Библіографъ“, 1891, № 1). Въ этихъ спискахъ есть варіанты въ собственныхъ именахъ и въ цифровыхъ показаніяхъ.

сохранявшійся подлинникъ" данъ былъ Прютцу всего на нѣсколько часовъ.

Весьма существенный вопросъ сибирской исторіи поднимаетъ г. Буцинскій.

Прошло едва нѣсколько лѣтъ послѣ завоеванія Сибири, какъ въ этой странѣ начинается оживленное движеніе, строятся города и остроги (т.-е. укрѣпленія), начинается торговая и промышленная дѣятельность, русская власть и народность овладѣваютъ все новыми землями на громадныхъ пространствахъ неизвѣстнаго дотолѣ края. Какъ совершалось все это, и какъ объяснить самое военное занятіе Сибири Ермакомъ при тѣхъ, конечно, незначительныхъ силахъ, какія были у завоевателей-добровольцевъ? Каковы были размѣры туземнаго населенія и какъ собралось новое русское населеніе Сибири?

Этотъ вопросъ представляется тотчасъ и самъ собою тому, кто хотѣлъ бы выяснить себѣ первоначальныя явленія сибирской исторіи, которыми опредѣлялся весь будущій ходъ народнаго и государственнаго движенія въ Сибирь; но до сихъ поръ этотъ вопросъ оставался нетронутымъ или находилъ только очень общія и недостаточныя объясненія. Очевидно, что для положительнаго, точнаго отвѣта требовалась историческая статистика, хотя приблизительныя цифры сибирскаго населенія, туземнаго и русскаго, въ XVI—XVII вѣкѣ, и опредѣленіе движенія колонизаціи. Можно было бы прежде всего ожидать, что эта статистика будетъ совершенно невозможна для столь отдаленныхъ временъ—цифры могли совсѣмъ отсутствовать въ тѣхъ документахъ, какіе уцѣлѣли бы отъ тѣхъ вѣковъ, или не уцѣлѣли самые документы. Предстояло, слѣдовательно, опредѣлить положеніе источниковъ и собрать ихъ показанія; г. Буцинскій предпринялъ эту работу. Источники нашлись, хотя неполные, и, послѣ пересмотра ихъ, авторъ нашелъ возможнымъ сдѣлать извѣстные выводы, весьма новые и любопытные.

Источники нашлись въ документахъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и архивѣ министерства юстиціи, особенно въ послѣднемъ, въ дѣлахъ стараго Сибирскаго приказа. На подмогу исторіи явилась приказная аккуратность старой Москвы... Когда Москва предприняла свой трудъ собиранія русской земли, она развила обширную административную дѣятельность, отъ которой по прямому наслѣдству произошла позднѣйшая бюрократія. Москва вела свое дѣло какъ заботливый хозяинъ-скопидомъ; государственное хозяйство получило харак-

серъ какъ бы чисто личной „государевой казны“, которой велся въ приказахъ строгій счетъ, изъ которой ничто не могло ни „горѣть“, ни „тонуть“; все было на виду и на счету. Этому счету подпало и вновь пріобрѣтенное сибирское царство, и въ документахъ Сибирскаго приказа нашлись тѣ данныя, которыя были такъ необходимы для сибирской исторіографіи и разработку которыхъ предпринялъ теперь г. Буцинскій.

Настоящая книга есть только начало обширнаго труда. „Мы намѣрены,—говоритъ авторъ въ предисловіи, — по частямъ изслѣдовать заселеніе Сибири, по частямъ изслѣдовать матеріалъ, касающійся быта насельниковъ этого края и взаимнаго отношенія между ними и туземцами, чтобы потомъ написать общую исторію Сибири отъ начала ея завоеванія и до половины XVIII вѣка“. Первая часть изслѣдованія г. Буцинскаго касается заселенія передней Сибири—уѣздовъ верхотурскаго, туринскаго, тюменскаго, тобольскаго, тарскаго, пелымскаго и березовскаго въ періодъ отъ начала завоеванія этого края до конца царствованія Михаила Ѳедоровича. „Мы не можемъ сказать, — говоритъ авторъ,—что существующія сочиненія о Сибири и печатные акты оказали намъ достаточную помощь при изслѣдованіи даннаго вопроса“. Любопытно, что, между прочимъ, по словамъ г. Буцинскаго, много важнаго матеріала для своей работы онъ нашелъ въ портфеляхъ Миллера: такъ богата была коллекція, собранная знаменитымъ академикомъ въ половинѣ прошлаго столѣтія. Авторъ пересмотрѣлъ множество разнаго рода документовъ, заключающихъ—дѣла приказныя, ясачныя книги, „дозорныя книги“, списки служилыхъ людей, посадскихъ, крестьянъ, ружниковъ и оброчниковъ, населявшихъ сибирскіе города, „списки пашенныхъ и оброчныхъ крестьянъ“, жившихъ въ уѣздахъ, „смѣтныя книги хлѣбныхъ запасовъ и хлѣбныхъ расходовъ“, „ужинныя книги“, „смѣтныя книги государевыхъ доходовъ и расходовъ“, „окладныя книги“, „таможенныя книги“, приходорасходныя книги Казанскаго дворца и Сибирскаго приказа, и „присяжныя книги“ гг. Верхотурья и Пелыма; наконецъ, авторъ пересмотрѣлъ столбцы, переплетенные и разбитые, которые заключаютъ множество царскихъ грамотъ, воеводскихъ отписокъ, челобитныхъ инородцевъ и русскихъ людей и обыскныхъ по нимъ дѣлъ и т. д. Тѣмъ не менѣе, рукописный матеріалъ оказался весьма неполнымъ; именно для того времени, на которое, между прочимъ, простирается изслѣдованіе г. Буцинскаго, для конца XVI и первой четверти XVII вѣка, множество документовъ исчезло, сдѣлавшись добычей пожаровъ. Такъ, въ 1623 году сго-

рѣлъ архивъ Сибирскаго приказа въ Казанскомъ дворцѣ; въ 1643 сгорѣлъ архивъ тобольскій, и затѣмъ въ разное время сгорѣли старые архивы другихъ городовъ Сибири; когда Миллеръ, во время своего путешествія въ половинѣ XVIII-го вѣка, обращался въ разные города за архивными матеріалами, онъ часто получалъ отвѣтъ, что документовъ нѣтъ, что архивы сгорѣли. Этотъ недостатокъ матеріаловъ побудилъ автора ограничить свое изслѣдованіе 1645 годомъ: для перваго періода сибирской исторіи онъ все-таки имѣлъ возможность восполнить иной разъ недостатокъ прямыхъ источниковъ, но для послѣдующаго времени матеріалъ очень скуденъ, и новыя переписи относятся уже къ временамъ Петра Великаго. Какъ мы сказали, настоящая часть изслѣдованія г. Буцинскаго относится только къ вопросу заселенія передней части Сибири до конца царствованія Михаила Ѳедоровича,—это и была первая покоренная Сибирь. Представленная имъ картина въ большой мѣрѣ пополняетъ прежнія свѣденія объ этомъ предметѣ или, собственно говоря, въ первый разъ даетъ точныя данныя,—онѣ и могли быть почерпнуты только изъ непосредственнаго архивнаго матеріала, изученіе котораго только въ послѣднее время становится возможнымъ.

Говоря о первой эпохѣ завоеванія Сибири, авторъ замѣчаетъ, что „одного завоеванія посредствомъ оружія, какъ бы ни было послѣднее побѣдоносно, было недостаточно, чтобы удержать въ повиновеніи столь отдаленный край, а тѣмъ болѣе имѣть возможность съ успѣхомъ эксплуатировать его богатства. Легко было завоевать Сибирь, но гораздо труднѣе удержать завоеванное“. Очевидно, что и для пользованія богатствами края, и для удержанія его въ покорности, необходимо было его заселеніе русскими. „Поэтому послѣ завоеванія Сибирскаго царства правительство немедленно начинаетъ строить русскіе города и села... Оно не щадило средствъ для заселенія покоренной страны и въ первое время смотрѣло, такъ сказать, сквозь пальцы на вольную, народную колонизацію этого края, даже въ томъ случаѣ, если послѣдняя была противозаконною“.

Въ первое время послѣ покоренія сибирскіе туземцы долго не могли помириться съ подчиненіемъ русской власти, и послѣ случались бунты инородцевъ, но свергнуть русскую власть было невозможно. Силы инородцевъ и прежде не были достаточно сплочены, а теперь были окончательно разъединены русскими поселеніями: не только настроены были города и остроги, но около нихъ тотчасъ разсыпались мелкія русскія деревни, превращавшіяся потомъ въ многолюдныя села. Съ нѣкоторымъ удив-

леніемъ читатель встрѣтитъ въ книгѣ г. Буцинскаго тотъ фактъ, что черезъ три, четыре десятилѣтія послѣ занятія Сибири русское населеніе оказывается въ этой передней части Сибири преобладающимъ. Дѣло въ томъ, что инородческое населеніе крайней восточной Россіи и передней Сибири по старымъ переписямъ было весьма незначительно. Перечисляя ясачныхъ людей (т.-е. инородцевъ, платившихъ ясакъ или подать русскому правительству), авторъ приходитъ къ слѣдующему итогу: „Несомнѣнныя историческія данныя ясно говорятъ намъ, что хотя русскіе начали основывать свои поселенія за Уральскимъ хребтомъ не въ совершенно безлюдной странѣ, уже давно обитаемой племенами разнаго происхожденія, тѣмъ не менѣе количество туземнаго населенія было слишкомъ ничтожно сравнительно съ обширностью занимаемой ими территоріи... Въ началѣ XVII-го вѣка ясачныхъ людей (вмѣстѣ съ служилыми инородцами, которыхъ было около 250 человѣкъ) въ семи уѣздахъ не превышало и 3.000 человѣкъ“ (стр. 14). Въ это число не входятъ женщины, дѣти, старики, т.-е. семьи, и, наконецъ, такъ-называемые захребетные люди, т.-е. жившіе за хребтомъ, въ семьѣ и въ работѣ у другого; но число захребетныхъ было невелико. Чтобы опредѣлить движеніе туземнаго населенія, г. Буцинскій беретъ для сравненія цифру половины XVI-го в., когда послы сибирскаго царя Едигера, прибывшіе въ Москву въ 1555 г., говорили, что у Едигера 30.700 человѣкъ черныхъ людей, т.-е. платившихъ ясакъ. „Эта разница свидѣтельствуетъ о томъ, что во время завоеванія русскими Сибирскаго царства погибла масса инородцевъ“ (стр. 15). Этотъ послѣдній выводъ не совсѣмъ точенъ: самъ авторъ упоминаетъ, что еще въ концѣ XVI-го вѣка много татаръ сбѣжало изъ занятаго русскими края (и оказалось потомъ въ другихъ мѣстахъ), притомъ онъ признаетъ также, что самый счетъ ясачныхъ людей легко могъ быть неполонъ.

О томъ, какъ начиналось строеніе сибирскихъ городовъ и первое населеніе ихъ, даетъ понятіе, напримѣръ, исторія города Верхотурья и его уѣзда. Это былъ одинъ изъ первыхъ городовъ, построенныхъ по завоеваніи Сибири (въ 1598). Поводомъ къ постройкѣ было открытіе новой кратчайшей дороги изъ Россіи въ Сибирь. Два извѣстныхъ до того времени пути были слишкомъ длинны, требовалось отыскать болѣе короткую дорогу и она была дѣйствительно найдена; ее нужно было обезопасить, устроить на ней административный пунктъ для окрестныхъ земель, еще достаточно пустынныхъ, и такимъ образомъ возникъ городъ, который уже вскорѣ получилъ въ томъ краѣ большое значеніе. „Первоначально, — говоритъ г. Буцинскій, — былъ построенъ

острогъ, т.-е. его стѣны и башни, а въ немъ храмъ Живоначальной Троицы съ придѣломъ, воеводскій дворъ, дворъ другихъ служилыхъ людей, съѣзжая изба, дворъ попа и нѣсколько другихъ дворовъ. Эти строенія занимали самое ничтожное пространство... Даже послѣ расширенія острога въ 1606 г. вдвое противъ прежняго онъ имѣлъ въ окружности только 630 саженъ". Вскорѣ къ этому прибавились новыя постройки: въ 1600 году построенъ гостиный дворъ съ 4 избами и 20 амбарами, а на татарскомъ дворѣ— изба и амбаръ на пріѣздъ татарамъ, остякамъ и вогуламъ; явился и кабакъ. Мѣста подъ дворы давались небольшія, вообще городъ былъ тѣсенъ: жители жаловались, что въ „острогѣ тѣснота великая", и посадскіе люди, поселившіеся за стѣнами острога, вскорѣ уже, опасаясь нападеній инородцевъ, просятъ, чтобы ихъ жилецкой слободѣ быть въ острогѣ, т.-е. чтобы ихъ слобода была защищена стѣнами.

Любопытны и самыя обстоятельства строенія города. Когда получено было извѣстіе, что мѣсто для постройки найдено особо посланными для этого людьми, царь Ѳедоръ Ивановичъ велѣлъ ѣхать для постройки города въ Сибири Головину и Воейкову: имъ велѣно было заѣхать въ Пермь и взять тамъ на это дѣло *300 рублей* и на эти деньги нанять рабочихъ, конныхъ и пѣшихъ, со всей снастью, „и поруки по нихъ взять крѣпкія съ записями, чтобъ имъ городъ и острогъ дѣлать, и не додѣлавъ отъ городового и острожнаго дѣла не сбѣжать". Но оказалось, что нанять рабочихъ за такую цѣну было невозможно, Москва давала слишкомъ мало денегъ. Головинъ и Воейковъ писали, что наемъ людей для постройки на три мѣсяца обойдется въ 3.120 руб. „Получивъ такое донесеніе, правительство разочло, что лучше строить новый городъ „по указу", чѣмъ „по договору", и поэтому приказало вышеупомянутымъ лицамъ немедленно „доправить" на всей пермской землѣ посошныхъ, конныхъ людей и плотниковъ, назначивъ этимъ рабочимъ самую минимальную плату". Постройка города, пожалуй, и обошлась въ 300 рублей.

Въ то же время уничтоженъ былъ другой городъ, стоявшій на рѣкѣ Лозвѣ и который дѣлался ненужнымъ послѣ построенія Верхотурья, и жители его были переведены въ новый городъ. Эти первые жители Верхотурья, кромѣ его строителей, были служилые люди: „два человѣка боярскихъ дѣтей, 46 человѣкъ стрѣльцовъ и казаковъ, два подъячихъ, вогульскій толмачъ, мельникъ, кирпичникъ, банникъ и нѣсколько сторожей". Вскорѣ былъ присланъ попъ для служенія въ Троицкой церкви, казацкій атаманъ, затѣмъ появляются торговые люди и крестьяне, ямщики, плотники

и затѣмъ много охочихъ, гулящихъ людей (изъ такихъ людей воеводы набирали служилыхъ въ дальніе города Сибири; ими пользуются и частныя лица для заселенія разныхъ мѣстностей Сибири). Вскорѣ окрестъ города начинается хлѣбопашество. Въ первыя десятилѣтія XVII-го вѣка г. Буцинскій отмѣчаетъ уменьшеніе числа служилыхъ людей, получавшихъ хлѣбное жалованье, и объясняетъ это тѣмъ, что многіе изъ нихъ отказываются отъ хлѣбнаго жалованья и начинаютъ служить съ пашни, т.-е. получаютъ земельный надѣлъ и занимаются земледѣліемъ.

Въ одно время съ основаніемъ города сталъ заселяться верхотурскій уѣздъ—именно земледѣльческимъ народомъ. Кромѣ того, что это была наиболѣе распространенная форма труда, необходимость земледѣлія указывалась прямыми мѣстными нуждами. Въ первое время населеніе Сибири питалось подвозомъ хлѣба изъ Россіи: служилые люди получали кромѣ денежнаго и хлѣбное жалованье; между тѣмъ подвозъ хлѣба обходился правительству очень дорого, этотъ способъ продовольствія не всегда былъ вѣренъ, подвозъ иногда запаздывалъ и самое жалованье хлѣбное было мало; служилые люди жаловались, что хлѣба недоставало до срока и они бывали вынуждены занимать хлѣбъ изъ государственныхъ житницъ. О водвореніи хлѣбопашества заботилось и правительство и само населеніе, и мало-по-малу земледѣліе распространяется въ верхотурскомъ уѣздѣ, какъ потомъ и въ другихъ краяхъ Сибири. Къ городу приписано было извѣстное количество земли, но такъ какъ значительная часть ея была для хлѣбопашества неудобна, камениста или покрыта дремучими лѣсами, то верхотурскіе пашенные люди просили новыхъ земель вдали отъ города и уже вскорѣ было ими занято громадное пространство земли.

„На занятыхъ пашняхъ, — говоритъ г. Буцинскій,—верхотурцы ставили дворы, въ которыхъ поселяли своихъ свойственниковъ, или гулящихъ людей въ качествѣ половниковъ, и только немногіе жили тамъ сами; напримѣръ, по первой дозорной книгѣ, изъ верхотурскихъ жителей только десять человѣкъ посадскихъ людей жили по своимъ деревнямъ, а остальные имѣли дворы въ самомъ городѣ. Названіе „деревня“ не должно насъ вводить въ заблужденіе относительно количества населенія въ нихъ: это скорѣе хутора, состоящіе изъ одного, двухъ, трехъ дворовъ и принадлежащихъ большею частью одному семейству. Но эти хутора были зерномъ, изъ котораго развились цѣлыя села. Семейство вслѣдствіе естественнаго размноженія увеличивалось; нѣкоторые члены выдѣлялись, строили отдѣльные дворы, и хутора, такимъ образомъ, разростались. На такое происхожденіе сибир-

скихъ селъ указываетъ и то, что жители этихъ селъ иногда носятъ одну фамилію. Кромѣ того, правительство постоянно наказывало верхотурскимъ воеводамъ прибирать крестьянъ на государеву пашню „изъ охочихъ людей“, давая имъ льготу и подмогу. Новоприбранные или селились въ деревняхъ прежнихъ верхотурскихъ пашенныхъ крестьянъ, или основывали свои деревни“. За право пользованія землею старые и новые крестьяне обязаны были обработывать государеву пашню. О составѣ этихъ первоначальныхъ деревень можно судить по записямъ 1624 года: въ подгородней волости Верхотурья находилось 44 деревни, 2 починка и 6 пустошей, и въ нихъ во всѣхъ было только 80 дворовъ, въ которыхъ жило 102 человѣка (кромѣ женщинъ и дѣтей); такимъ же образомъ въ тагильской области въ огромномъ большинствѣ деревень было всего 1—2 двора и только одна деревня была въ 5 дворовъ.

Приведенныя нами свѣденія заключаются во II главѣ книги г. Буцинскаго, посвященной описанію города Верхотурья и верхотурскаго уѣзда. Слѣдующія главы заняты описаніемъ, по той же программѣ, городовъ Туринска, Тюмени, Тобольска, Тары, Пелыма, Березова и ихъ уѣздовъ: указываются время и обстоятельства постройки города, развитіе населенія, состояніе хлѣбопашества, государевы денежные и хлѣбные доходы и расходы, сборъ ясака, состояніе торговли. Послѣднія двѣ главы, VIII и IX, заключаютъ общіе выводы и наиболѣе интересны. Авторъ ставитъ общіе вопросы о заселеніи Сибири, о мѣрахъ правительства въ этомъ отношеніи; о ссылкѣ и ея колонизаціонномъ значеніи и положеніи ссыльныхъ; о народной колонизаціи Сибири; объ этнографическомъ составѣ сибирскаго населенія; объ управленіи и положеніи различныхъ классовъ населенія; о нравственномъ состояніи сибирскаго общества, наконецъ, объ инородцахъ, ихъ положеніи подъ русской властью и отношеніи къ русскому населенію. Свидѣтельства, извлеченныя изъ подлинныхъ документальныхъ источниковъ, въ первый разъ даютъ точные отвѣты по упомянутымъ вопросамъ и являются въ высшей степени интересными чертами стараго административнаго и народнаго быта въ московской Россіи вообще и въ Сибири въ частности. Получается оригинальная картина весьма первобытныхъ нравовъ, нерѣдко порядочно дикихъ, о которыхъ напрасно забываютъ новѣйшіе поклонники добраго стараго московскаго быта.

„Въ какія-нибудь пятьдесятъ лѣтъ послѣ завоеванія этой страны,—говоритъ авторъ,—въ ней возникло семь русскихъ городовъ, нѣсколько острожковъ, заставъ, слободъ, селъ, и сотни

деревень; русскія населенія сначала появились по главнымъ рѣкамъ, текущимъ въ передней Сибири: по Турѣ, Тоболу, Тавдѣ, Иртышу, Оби, а потомъ и по ихъ притокамъ. О постепенности заселенія, собственно говоря, не можетъ быть и рѣчи: русскіе города и различныхъ типовъ поселки появились почти одновременно на всемъ этомъ громадномъ пространствѣ... Постепенность въ заселеніи можно наблюдать только въ колонизаціи уѣзда извѣстнаго города, но не относительно всего покореннаго края... Количество русскаго населенія далеко не соотвѣтствовало обширности занятой имъ территоріи; оно было даже ничтожно сравнительно съ громаднымъ пространствомъ завоеванной страны. Но тѣмъ не менѣе русскаго населенія къ концу обозрѣваемаго нами періода все-таки было вдвое болѣе, чѣмъ туземнаго, инородческаго: въ 1645 году въ семи уѣздахъ количество русскихъ людей простиралось до восьми тысячъ семействъ, а инородцевъ не было и пяти тысячъ. Важно то, что русской колонизаціи открылись теперь просторъ и безопасность; теперь переселенцы изъ европейской Руси могли найти за Уральскимъ хребтомъ временный пріютъ и пропитаніе, а потому въ слѣдующій періодъ число ихъ должно значительно увеличиться".

Какими способами совершалось заселеніе?

„Заселеніе Сибири, какъ и другихъ окраинъ русскаго государства, было двоякаго вида—правительственное и вольно-народное. Съ самаго утвержденія русскаго владычества въ Сибири московское правительство переселяло туда русскихъ и не-русскихъ людей то „по прибору", то „по указу". Первыми, конечно, насельниками покореннаго края были тѣ служилые люди, которые и завоевали его. Воеводы и головы, назначенные на службу въ Сибирь, сами или черезъ другихъ правительственныхъ агентовъ набирали войско отчасти изъ служилаго класса, а отчасти изъ разныхъ вольныхъ „охочихъ людей"; каждую экспедицію сопровождало духовенство, а иногда и посадскіе люди и крестьяне, тоже „прибранные", а иногда и ссыльные... Едва только эти новые жители покореннаго края поставятъ свои дворы, какъ бьютъ челомъ государю, чтобы къ нимъ были перевезены изъ Руси ихъ семейства, а боярскія дѣти, духовныя лица, разные подъячіе такимъ же образомъ выписывали и своихъ крѣпостныхъ людей. Такъ что во второй годъ существованія города русскихъ жителей въ немъ было достаточное количество. Но, какъ мы упоминали въ предшествующихъ главахъ, не всѣ они оставались жить въ городѣ, а многіе селились на своихъ пашняхъ и такимъ образомъ начиналось заселеніе уѣзда".

Такими же способами, „по прибору“ и „по указу“, набирали въ Сибири духовенство. Въ попахъ долго чувствовался недостатокъ: немногіе соглашались добровольно оставлять родину для далекой Сибири, и ихъ отправляли насильно; иные бѣгали, но ихъ ловили и водворяли на назначенныя мѣста. Между прочимъ жизнь въ Сибири была непривлекательна по крайнему самоуправству воеводъ и приказныхъ людей. На жалобы духовенства изъ Москвы присылались воеводамъ грозныя грамоты, но это не помогало. Архіепископы продолжали писать въ Москву: „Въ сибирскихъ городахъ твои государевы воеводы и приказные люди во всякія наши святительскія и духовныя дѣла и суды вступаются, и церковниковъ поповъ, дьяконовъ, дьячковъ, пономарей и всякихъ причетниковъ къ твоему государеву всякому дѣлу и къ письму отъ твоего царскаго богомолья отъ Божіихъ церквей насильно берутъ, во всемъ ихъ судятъ и смиряютъ и отъ церквей Божіихъ отставляютъ и съ поповъ скуфью снимаютъ, въ тюрьму сажаютъ и батогами бьютъ и побиваютъ... И въ то время церкви стоятъ безъ пѣнія... и въ томъ попамъ... и причетникамъ въ Сибири отъ воеводъ и отъ приказныхъ людей обида и притѣсненія великія“. Изъ мѣстныхъ жителей въ то время также трудно было находить поповъ, потому что, — жалуется одинъ архіепископъ, — „въ Сибири всѣ люди ссыльные и въ попы ставиться охотниковъ мало“.

Набирались въ европейской Россіи и отправляемы были въ Сибирь и служилые люди „по прибору“. Изъ служилыхъ и охочихъ людей обыкновенно прибирался сначала сотникъ, затѣмъ онъ прибиралъ десятниковъ, а тѣ остальную команду; десятники съ рядовыми служилыми давали сотнику запись на себя, что будутъ служить, а не „воровать“, не красть и не бѣгать, и т. д. Прибранные получали изъ казны подмогу, рубля по два на человѣка, и на казенныхъ подводахъ отправляемы были въ Сибирь. Эти поѣзды служилыхъ людей представляютъ опять особенную картину старыхъ нравовъ; они сопровождались страшными разбоями и грабежами. „Для населенія тѣхъ областей, чрезъ которыя они проѣзжали, наступали тогда дни величайшихъ бѣдствій. Движеніе этихъ переселенцевъ напоминало русскимъ людямъ татарскихъ баскаковъ во времена монгольскаго ига, когда эти послѣдніе съ отрядами татаръ появлялись для сбора дани. Едва только дѣлалось извѣстнымъ приближеніе казаковъ и стрѣльцовъ къ городу или селу, какъ жители запирали дома, прятали женъ и дочерей, угоняли въ лѣса скотъ и съ ужасомъ ожидали этой орды. Вся забота населенія извѣстной области, въ которую вступали переселенцы, заключалась прежде всего въ томъ, чтобы по-

скорѣе спровадить ихъ далѣе, избавиться отъ ихъ продолжительной стоянки: поэтому подводы, которыя жители должны были выставить подъ переселенцевъ по проѣзжимъ грамотамъ, приготовлялись заранѣе и по недѣлѣ и по двѣ ожидали своихъ пассажировъ на извѣстномъ мѣстѣ. Наконецъ, орда прибывала, населеніе встрѣчало ее, поило и кормило, давало „поминки" натурой и деньгами въ видѣ откупа, словомъ, дѣлало все для этихъ ужасныхъ гостей, лишь бы подешевле и поскорѣе отъ нихъ отдѣлаться, но послѣднее не всегда удавалось: переселенцы не спѣшили, иногда жили на извѣстной стоянкѣ по недѣлѣ и болѣе и кутили столько и какъ имъ заблагоразсудится. Самый лучшій исходъ для населенія при отправкѣ переселенцевъ состоялъ въ томъ, если оно отдѣлывалось отъ нихъ только кормомъ, добровольными поминками и прибавкою нѣсколькихъ лишнихъ, сверхъ проѣзжихъ грамотъ, подводъ; подобные проводы можно было считать мирными, не выходящими изъ ряда обыкновенныхъ; жители такимъ исходомъ были довольны, даже въ томъ случаѣ, если во время гостепріимства переселенцы позволяли себѣ небольшіе грабежи и разныя насилія".

Обыкновенно бывало гораздо хуже.

Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ. Въ 1593 году „сынъ боярскій,—читаемъ въ царской грамотѣ къ воеводѣ Горчакову,—съ атаманомъ и съ казаками, ѣдучи въ Сибирь, воровали; въ отчинѣ боярина Д. И. Годунова крестьянъ били и грабили, женъ крестьянскихъ соромотили, убили изъ пищали крестьянина, а у иныхъ многихъ крестьянъ животину, коровъ, свиней побили и платье пограбили, да другія боярскія дѣти съ атаманомъ и казаками, которые отпущены изъ Москвы, по дорогѣ многихъ людей били и грабили, и ямщикамъ за подводы прогоновъ не давали" и пр. „Но, иногда,—продолжаетъ г. Буцинскій,—приходили въ Сибирь такія партіи служилыхъ людей, что опустошали цѣлые уѣзды, подобно тому, какъ дѣлали татары во время своихъ извѣстныхъ наѣздовъ". Жители, конечно, посылали жалобу къ царю; царь приказывалъ сибирскому воеводѣ, уже на мѣстѣ, наказать грабителей, — „сыскать на-крѣпко и виновныхъ бить батогами, сажать въ тюрьму до указу, животы ихъ ограбить, а пущаго вора повѣсить"; для воеводы это оказывалось, вѣроятно, и неудобоисполнимо, и нежелательно: „въ самомъ дѣлѣ, грабили и разбойничали всѣ—и головы, и сотники, и рядовые служилые люди; такимъ образомъ воеводѣ приходилось или всѣхъ грабителей наказывать, на что у него не хватило бы силы, или, какъ обыкновенно это дѣлалось, онъ отписывалъ въ Москву, что „въ тюрьму ви-

новныхъ по сыску сажалъ и изъ тюрьмы вынявъ кнутомъ билъ". Возможно, что грабители въ такихъ случаяхъ дѣлились съ воеводой своими прибылями; у г. Буцинскаго приведенъ примѣръ, что воевода прикрылъ цѣлую разбойничью шайку за приличный гонораръ.

Сибирская администрація съ самаго покоренія Сибири и почти до нашихъ дней славилась необычайными проявленіями самоуправства и грабежа. Молва о томъ шла по преданію и вполнѣ подтверждается изслѣдованіями „по источникамъ". Московское правительство, при тогдашнемъ порядкѣ вещей и особливо при отдаленности края, было совершенно безсильно противъ вопіющихъ злоупотребленій воеводской власти и вообще администраціи: самый законъ давалъ воеводамъ обширное полномочіе дѣйствовать „по высмотру"; жители были совершенно безправны. Послѣ, когда воеводы возвращались изъ Сибири въ Москву (ихъ вообще мѣняли очень часто), ихъ дѣла разбирались въ сибирскомъ приказѣ, но знаменитая „московская волокита" и, конечно, подкупъ дѣлали то, что ихъ сибирскіе подвиги проходили безнаказанно; ихъ преемники принимали это къ свѣденію и продолжали дѣйствовать совершенно такъ же.

Правительство тѣмъ не менѣе не могло не озаботиться этимъ безобразнымъ положеніемъ вещей и придумывало мѣры, чтобы пресѣчь грабительство воеводъ. При общемъ ходѣ вещей придумано было, конечно, не какое-нибудь ограниченіе воеводской власти расширеніемъ человѣческихъ правъ самаго населенія, а новая чисто канцелярская кляуза, ставившая самихъ воеводъ въ унизительное положеніе, прямо говорившая о недовѣріи къ нимъ правительства въ ту самую минуту, когда оно давало имъ столь важное назначеніе, и, въ концѣ концовъ, не достигавшая своей цѣли. „Болѣе или менѣе дѣйствительная мѣра, а во всякомъ случаѣ оригинальная, состояла въ томъ, чтобы поставить воеводъ и другихъ приказныхъ людей въ такія условія, при которыхъ нажива, обогащеніе въ Сибири были бы для нихъ безполезными. Имъ дозволялось вывезти изъ Сибири имущества только на опредѣленную сумму: напр., воеводѣ большого города на 500 руб., товарищу его и дьякамъ, а также воеводамъ малаго города только на триста рублей, и т. д. Остальное же имущество, если они везли, считалось неправильнымъ прибыткомъ и отбиралось въ царскую казну. Эта мѣра была обставлена такимъ образомъ. При выѣздѣ изъ Москвы въ Сибирь все имущество лица, получившаго, напр., мѣсто воеводы, самымъ тщательнымъ образомъ осматривалось въ приказѣ; это имущество

оцѣнивалось и цѣнность его записывалась въ проѣзжую грамоту, которую получало означенное лицо. Но воеводы могли эту мѣру обходить тѣмъ, что занимали у ростовщиковъ и знакомыхъ извѣстную сумму денегъ, лишь бы только показать въ приказѣ какъ свое имущество, а при выѣздѣ изъ Москвы возвращали. Узнавъ объ этомъ, правительство приказало верхотурскимъ таможеннымъ головамъ и цѣловальникамъ осматривать на заставѣ, которой нельзя было миновать, имущество всѣхъ проѣзжихъ, не исключая воеводъ и другихъ служилыхъ людей. И если, напр., воевода показывалъ имущества на меньшую сумму, чѣмъ значилось въ проѣзжей грамотѣ, выданной ему въ Москвѣ изъ приказа, то это означало фальшь и у него отбиралось въ царскую казну все имущество. Такимъ образомъ, всякій воевода являлся въ Сибирь съ имуществомъ, извѣстнымъ правительству. Такая же процедура производилась надъ всѣми служилыми людьми и при выѣздѣ ихъ изъ Сибири въ Москву". Когда воевода возвращался изъ Сибири, его на заставѣ встрѣчалъ таможенный голова, у котораго была насчетъ воеводы строгая и совершенно опредѣленная инструкція. Такъ какъ, кромѣ денегъ, была почти ходячею монетою мягкая рухлядь, т.-е. мѣха, то таможенный голова долженъ былъ особенно смотрѣть, не везетъ ли воевода этого товара, который понимался какъ награбленный. Таможенному головѣ вмѣнялось въ обязанность досматривать мягкую рухлядь: „въ возахъ, сундукахъ, въ коробьяхъ, въ сумкахъ, чемоданахъ, въ платьяхъ, въ постеляхъ, въ подушкахъ, въ винныхъ бочкахъ, во всякихъ запасахъ, въ печеныхъ хлѣбахъ... обыскивать мужской и женскій полъ, не боясь и не страшась никого ни въ чемъ, чтобы въ пазухахъ, въ штанахъ и въ зашитомъ платьѣ отнюдь никакой мягкой рухляди не привозили... а что найдутъ, то брать на государя". Само собою разумѣется, что всѣ эти строгія мѣры нисколько не достигали своей цѣли: воевода грабилъ и привозилъ награбленное въ Москву окольными путями или черезъ эту же самую заставу, дѣлясь добычей съ таможеннымъ головой. Система недовѣрія вела къ деморализаціи и государство вынуждалось впередъ смотрѣть на своихъ слугъ какъ на обманщиковъ и грабителей.

Не мало подобныхъ картинъ стараго сибирскаго быта, который былъ только отраженіемъ быта московскаго, заключается въ послѣднихъ двухъ главахъ сочиненія г. Буцинскаго. Между прочимъ, имъ затронутъ одинъ изъ главнѣйшихъ вопросовъ старой сибирской исторіи, сохраняющій и понынѣ важное значеніе въ складѣ сибирской жизни—вопросъ о значеніи ссылки. Для стараго

времени онъ еще не былъ изученъ документально, и полное изслѣдованіе его еще впереди, но и въ настоящемъ случаѣ г. Буцинскій сообщаетъ по этому предмету нѣсколько важныхъ замѣчаній. Вообще, значеніе ссылки въ дѣлѣ колонизаціи Сибири не было до сихъ поръ правильно оцѣняемо. Писатели наиболѣе компетентные полагали, что въ первое время ссылка имѣла только значеніе уголовной кары или политической мѣры, удалявшей отъ центра людей, подпавшихъ царской опалѣ, политически вредныхъ или опасныхъ; колонизаціонное значеніе ссылки принимали только съ болѣе поздняго времени, приблизительно съ конца царствованія Алексѣя Михайловича. Авторъ настоящей книги считаетъ это мнѣніе совершенно ошибочнымъ и доказываетъ фактами, что въ теченіе всего XVII-го вѣка дѣло было именно наоборотъ: только въ рѣдкихъ случаяхъ ссыльныхъ заключали въ тюрьму на мѣстѣ ссылки, а большею частью московское правительство велитъ сибирскимъ воеводамъ или верстать ссыльныхъ въ службу, или сажать на пашню. „Иначе и быть не могло,—пишетъ г. Буцинскій:—московскіе цари были слишкомъ разсчетливы, чтобы сотни преступниковъ, ссылаемыхъ въ Сибирь, держать въ заточеніи въ тюрьмахъ и кормить ихъ даромъ. Если они утилизировали такіе предметы своего хозяйства, какъ мякину, ухоботье, солому, если они не пренебрегали такими мелкими пошлинами, которыхъ цѣнность нельзя выразить никакою монетою, если, наконецъ, они собирали десятину съ „собачьяго корма“, привозимаго въ Сибирь промышленниками для своихъ „промышленныхъ собакъ“, или десятину съ поношенныхъ рубахъ и штановъ, ввозимыхъ русскими торговыми людьми, какъ предметы торговли съ остяками и вогулами, то трудно допустить, чтобы такіе разсчетливые хозяева, какими были всегда наши московскіе цари, не воспользовались дешевымъ трудомъ ссыльныхъ при своей хозяйственной дѣятельности въ „дальной сибирской вотчинѣ“, въ которой еще такъ мало было населенія. Даже для такихъ преступниковъ, какъ государственные измѣнники, разбойники и душегубцы, которыхъ правительство приказывало сибирскимъ воеводамъ „заключать въ тюрьму“, это тюремное заточеніе продолжалось годъ, два года и рѣдко болѣе, а потомъ служилые люди верстались въ службу съ государевымъ денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ, а крестьяне сажались на государеву пашню и притомъ получали отъ казны подмогу и ссуду, какъ и приборные изъ гулящихъ людей“. Авторъ приводитъ цифру ссыльныхъ за 1614—24 годы и оказывается, что изъ 560 человѣкъ, сосланныхъ тогда въ Сибирь, только 19 че-

ловѣкъ было посажено въ тюрьму, и то на короткое время. Что правительство не было очень злопамятно или придирчиво къ ссыльнымъ, обращеннымъ въ служилыхъ людей, можно видѣть изъ того, что въ тѣ годы въ Туринскъ назначенъ былъ воеводой человѣкъ, который за десять лѣтъ передъ тѣмъ пришелъ туда „въ колодникахъ". Такимъ образомъ съ самаго начала ссылка по видамъ самого правительства служила средствомъ колонизаціи. Бывали случаи, что когда нужно было набирать служилыхъ людей, московское правительство предпочитало, чтобы ихъ брали не изъ гулящихъ людей, а изъ ссыльныхъ — съ цѣлью бережливости, такъ какъ послѣднихъ и безъ того приходилось содержать.

Число всѣхъ ссыльныхъ за описываемый періодъ, т.-е. до конца царствованія Михаила Ѳеодоровича, авторъ считаетъ въ 1.500 человѣкъ, не считая женъ, дѣтей и всякихъ свойственниковъ (такъ какъ нерѣдко вмѣстѣ съ человѣкомъ, подпавшимъ этому наказанію, ссылалась и его ближайшая родня, или ссыльные, устроившись на мѣстѣ, просили, чтобы къ нимъ были высланы и ихъ семейства). Изъ этого числа было не-русскихъ подданныхъ около 650 человѣкъ: это были, во-первыхъ, военно-плѣнные, во-вторыхъ, иноземцы, служившіе въ русскомъ войскѣ и бѣжавшіе къ непріятелю, но захваченные въ плѣнъ; между этими военно-плѣнными были поляки, литвины, нѣмцы „цесарской земли", нѣмцы ливонскіе и шведскіе, латыши, черкасы, одинъ „французенинъ". Изъ числа русскихъ подданныхъ было до 100 семействъ инородцевъ, около 366 черкасъ, т.-е. „малороссіянъ".

Путемъ завоеванія, присылки служилыхъ людей, переселеній вольныхъ и невольныхъ (по прибору и по указу), ссылки и, наконецъ, разнообразнаго смѣшенія съ туземцами (въ первое время въ Сибири былъ крайній недостатокъ въ русскихъ женщинахъ) сталъ складываться особенный этнографическій составъ сибирскаго населенія. „Что касается этнографическаго состава сибирскаго населенія въ обозрѣваемый нами періодъ, — говоритъ г. Буцинскій,—то оно, помимо туземцевъ, представляло пеструю, разношерстную массу; оно состояло изъ нѣмцевъ австрійскихъ и ливонскихъ, шведовъ, поляковъ, литовцевъ, латышей, мордвы, черемисъ, русскихъ и даже французовъ; эта пестрота особенно замѣтна въ Тобольскѣ. Но само собою понятно, что значительное большинство этой массы принадлежало къ русскому народу и преимущественно къ жителямъ сѣверныхъ губерній. Въ спискахъ служилыхъ, посадскихъ людей и крестьянъ чрезвычайно

рѣдко можно встрѣтить „калужанина“, „путивльца“, „рыленина“, да и то большею частью изъ ссыльныхъ, а остальные насельники переведены или перешли изъ такъ-называемыхъ поморскихъ городовъ: Устюга Великаго, Сольвычегодска, Каргополя, Холмогоръ, Вятки и т. п. Гулящіе люди въ Сибири были исключительно изъ этихъ городовъ; напр., изъ 617 человѣкъ, присягавшихъ въ Верхотурьѣ царю Алексѣю Михайловичу, половина была родомъ „устюжанъ“, значительная часть „сольвычегодцевъ“ и „пѣнежанъ“, а другіе были: „вятчане“, „соликамцы“, „кайгородцы“, „важеняне“, „вычегджане“ и т. п.

Наконецъ, не мало любопытныхъ фактовъ представляетъ послѣдняя глава книги, посвященная объясненію отношеній инородцевъ къ русскому населенію.

Вообще вся работа г. Буцинскаго является давно желательнымъ началомъ разработки сибирской исторіи по документальнымъ архивнымъ матеріаламъ. До послѣдняго времени эти матеріалы были мало доступны и даже не приведены въ извѣстность и этимъ, безъ сомнѣнія, объясняется, что до сихъ поръ сибирская исторія такъ мало разработывалась. Трудъ г. Буцинскаго показываетъ, какъ много существенно важныхъ указаній можетъ быть извлечено изъ этого архивнаго источника; надо желать, чтобы работы въ этомъ направленіи были проведены дальше: онѣ раскроютъ многое не только въ исторіи этой страны, но и въ цѣломъ складѣ сибирской жизни и сибирскаго народнаго типа и еще разъ, исторически, объяснятъ современныя общественныя и народныя потребности этого края [1]).

А. Пыпинъ.

[1]) Автору не мѣшало бы нѣсколько болѣе позаботиться о внѣшней точности. На стр. 17 мы читаемъ выписку, въ кавычкахъ, изъ стараго акта 1599 года, и къ удивленію находимъ, что русскіе люди того времени говорятъ о *ремонтѣ* дорогъ. Само собой разумѣется, что они не могли употреблять подобнаго слова и въ подлинномъ актѣ его вовсе нѣтъ: авторъ внесъ въ старый актъ свои собственныя слова. Имя извѣстнаго изслѣдователя Сибири, г. Ядринцева, г. Буцинскій систематически пишетъ: Яндринцевъ, и т. п. Безъ такой невнимательности можно было бы обойтись.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1891 г.

Десятилѣтіе переселенческаго дѣла.

Переселенческій вопросъ вызываетъ у насъ давно уже самые разнообразные толки, причемъ высказываются различные взгляды на выселенія изъ внутреннихъ губерній. Многіе отнеслись къ переселеніямъ крестьянъ съ особымъ предубѣжденіемъ, полагая, что выселеніе крестьянъ изъ внутреннихъ губерній вредно, такъ какъ оно лишаетъ эти губерніи рабочихъ рукъ и разрѣжаетъ населеніе. Но переселенческое движеніе едва ли можно разсматривать въ интересахъ той или другой губерніи и притомъ исключительно съ точки зрѣнія тѣхъ, кто нуждается въ удешевленіи рабочихъ. Другіе пытались объяснить переселеніе крестьянъ безцѣльнымъ блужданіемъ и наклонностью къ бродяжеству, а потому являлись даже предложенія остановить колонизаціонное движеніе и поставить ему преграды.

Въ виду такихъ разнорѣчивыхъ сужденій считаемъ полезнымъ сдѣлать обзоръ движенія переселеній въ Сибирь за послѣднія десять лѣтъ и указать на тѣ явленія и послѣдствія, какими оно сопровождалось, а также перечислить тѣ мѣропріятія для учета и регулированія переселенцевъ, которыя предпринимались.

Очеркъ такого движенія можетъ выяснить то, что̀ слѣдуетъ сдѣлать для переселенцевъ, съ цѣлью предупрежденія тѣхъ бѣдствій, которымъ они подвергаются.

До 1880 года переселеніе крестьянъ и движеніе колонизаціоннаго потока на Востокъ весьма мало обращали вниманіе русскаго общества.

Послѣ 19-го февраля 1861 года стоялъ одинъ важный и капитальный для русской жизни вопросъ—устройства крестьянъ на новыхъ началахъ. Новыя условія быта, новая фаза народной жизни, хозяйственное устройство крестьянъ какъ собственниковъ, все это

устраняло вопросъ о переселеніяхъ. Только послѣ девяти-лѣтнихъ обязательныхъ отношеній, т.-е. къ 1870 г., предсказывали нѣкоторые, что бывшіе крѣпостные крестьяне воспользуются переселеніями. Предсказаніе это было сдѣлано въ 1868 году г. Колюпановымъ (статья его объ этомъ въ „Вѣстникѣ Европы", 1868). Движеніе, однако, началось не сразу и не въ громадномъ размѣрѣ; переселеніе мало-по-малу пролагало себѣ дорогу. До 1861 года существовалъ законъ о порядкѣ переселеній, прилагаемый къ государственнымъ крестьянамъ. Въ немъ было проведено начало опеки и попеченія о переселяющихся; на пути имъ выдавались кормовыя деньги, на мѣстѣ приселенія давались субсидіи на обзаводство хозяйствомъ; благодаря этому многіе переселенцы въ Сибири устроивались (см. Матеріалы для изученія экономическаго быта государств. крестьянъ и инородц. тобольской губ., А. А. Кауфмана, изд. мин. госуд. имущ., т. III, стр. 27). Послѣ 1861 года законъ о попеченіи переселенцевъ былъ отмѣненъ и переселеніе предоставлено самому себѣ. Переселенцы могли двигаться на собственный счетъ и устроиваться какъ хотятъ. Двадцать лѣтъ на переселеніе не обращалось никакого вниманія, и когда къ 1880 г., при помощи изслѣдованій и заявленій въ печати, обнаружилась картина добровольныхъ переселеній, то пришлось изумиться тому хаосу случайностей и тѣмъ бѣдствіямъ, которымъ подвергались движущіяся добровольно партіи переселенцевъ въ Сибирь. Самое переселеніе къ 1880 году получило уже внушительные размѣры, чтобы не обращать на него вниманія.

Въ 1876 и 1879 гг. генералъ-губернаторъ Западной Сибири разсылаетъ циркуляры по поводу самовольныхъ переселеній въ Алтаѣ. Къ 1880 г. накопляются свѣденія о переселеніяхъ въ министерствахъ и возбуждаются дѣла. Наконецъ, въ 1881 г. министерство внутреннихъ дѣлъ и министерство государственныхъ имуществъ рѣшаются подвергнуть пересмотру вопросъ о переселеніяхъ крестьянъ и выработать новыя правила. Къ 1881 г. относится образованіе особой коммиссіи при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и вызовъ „свѣдущихъ людей" отъ земствъ для обсужденія вопроса о переселеніяхъ, одновременно съ вопросомъ объ уменьшеніи пьянства. Разсматривая переселенческій вопросъ въ принципѣ, коммиссія „свѣдущихъ людей" пробовала оріентироваться въ движеніи переселеній, разсмотрѣть ихъ причины и установить грань въ переселеніяхъ, признавъ однѣ изъ нихъ неизбѣжными и вызываемыми дѣйствительно уважительными причинами, другія же менѣе уважительными и подлежащими контролю. Съ этою цѣлью предполагалось всѣ губерніи и весь составъ крестьянскаго населенія, имѣющій наклонность къ переселенію, раздѣлить на категоріи, для переселеній установить извѣстныя пра-

вила и переселяющимся на законныхъ основаніяхъ выдавать особыя „переселенческія свидѣтельства".

Въ это время коммиссія собрала обширный матеріалъ изо всѣхъ губерній Россіи о количествѣ выселеній; къ сожалѣнію, матеріалъ этотъ остался въ особыхъ запискахъ, напечатанныхъ, но не опубликованныхъ. Изъ опубликованныхъ изданій и изслѣдованій извѣстны любопытные матеріалы, собранные въ рязанскомъ земствѣ г. Григорьевымъ, и затѣмъ изслѣдованія о переселеніи изъ вятской губерніи. Работы свѣдущихъ людей и ихъ заключенія однако не получили практическаго осуществленія и законъ о переселеніяхъ изданъ только въ 1889 году. Не касаясь примѣненія этого закона, который долженъ проявить себя только въ будущемъ, мы можемъ дать только отчетъ о мѣрахъ, принимаемыхъ къ урегулированію переселенія съ 1881 г., а также о характерѣ переселенческаго движенія за послѣдніе года,—указавъ, какое участіе принимала печать въ разработкѣ этого вопроса. Ко времени созыва свѣдущихъ людей въ 1881 году вопросъ о переселеніяхъ въ литературѣ началъ играть видную роль. Это доказывали масса статей и горячее отношеніе къ этому вопросу печати. Съ этого времени въ теченіе девяти лѣтъ печать неослабно слѣдила за движеніемъ переселенческихъ партій, и по цѣлому ряду корреспонденцій можно было составить понятіе о движеніи и положеніи переселенцевъ. Переселенія и причины выселеній обсуждались съ различныхъ точекъ зрѣнія въ передовой печати. Нѣкоторые предѣлы этому обсужденію вопроса были положены только тогда, когда министерство внутреннихъ дѣлъ при покойномъ министрѣ графѣ Толстомъ начало опасаться, что обсужденіе этого вопроса въ печати и печатныя статьи могутъ искусственно вызывать переселеніе, а потому печати предложено было воздержаться отъ сужденій о переселеніи.

Несмотря на то, извѣстія о переселеніяхъ, какъ о совершившемся и совершающемся фактѣ, не могли не проникать въ печать, а движеніе переселенческое, вызываемое болѣе сильными экономическими стимулами, все болѣе росло. Обнаруживъ это явленіе, по мнѣнію нѣкоторыхъ, весьма вредное и опасное для внутренняго хозяйства губерній, лишающихся рабочихъ рукъ, сдѣлано было нѣсколько попытокъ и распоряженій остановить двигающіяся партіи переселенцевъ особенно въ виду ихъ бѣдствій на дорогѣ. Опытъ этой задержки и возвращенія переселенцевъ, однако, не привелъ ни къ чему, такъ какъ переселенцы, распродавъ имущество, не могли уже водвориться на прежнихъ мѣстахъ и составляли все равно кочующій элементъ. Волна же переселенческаго движенія не ослабѣвала, а усиливалась, направляясь изъ различныхъ губерній преимущественно на Востокъ.

Для урегулированія и упорядоченія этого движенія министерство внутреннихъ дѣлъ сочло необходимымъ на пунктахъ движенія учредить надзоръ. Такимъ образомъ, 10-го іюля 1881 года устроена была въ Батракахъ, сызранскаго уѣзда симбирской губерніи, переселенческая контора съ особымъ чиновникомъ, слѣдившимъ за переселенческими партіями. Отчеты этой конторы были опубликованы (въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" 1886 года, №№ 20 и 21). Дѣятельность конторы заключалась въ учетѣ переселенцевъ, въ дачѣ имъ совѣтовъ и направленій партіямъ. Первыя изслѣдованія и наблюденія обнаружили, что чрезъ Сызрань ежегодно проходитъ отъ 15 до 20.000 переселенцевъ. Въ теченіе шести лѣтъ прошло 55.213 лицъ впередъ и 1.760 обратныхъ переселенцевъ. Особой помощи имъ не могло быть оказываемо, но въ отчетѣ разсматриваются причины обратныхъ переселеній и бросается нѣкоторый взглядъ на положеніе переселенцевъ. Такъ какъ чрезъ Сызрань движеніе партій уменьшилось, то министерство для надзора за переселенцами назначило три новыхъ пункта въ Оренбургѣ, Тюмени и Томскѣ и командировало туда особыхъ чиновниковъ по переселенческой части, которые вели счеты и сообщали о движеніи переселенцевъ. Такіе отчеты появились за нѣсколько лѣтъ. Они показывали движеніе переселеній чрезъ Тюмень и Томскъ. Эти пункты были выбраны гораздо удачнѣе. Чрезъ Тюмень двигалось также до 15.000 переселенцевъ. Въ распоряженіе какъ тюменскаго, такъ и томскаго чиновника отъ министерства внутреннихъ дѣлъ отпускалось отъ 4.000 до 6.000 руб., для раздачи бѣдствующимъ переселенцамъ, но помощь эта была весьма ничтожной, а нужды и бѣдствія переселенцевъ до того были вопіющи и поразительны, что вызывали общественную благотворительность. Единичныя усилія чиновниковъ по переселенческой части, какъ видно изъ отчетовъ чиновника Чарушина за послѣднее время, не могли удовлетворить всѣмъ нуждамъ переселенія. Тѣмъ не менѣе, благодаря этимъ отчетамъ, освѣщалось состояніе переселенческихъ партій и положеніе переселенческаго дѣла. Бѣдствія переселенцевъ, ежегодно повторяющіяся, естественно должны были бы вызвать болѣе серьезную помощь при самомъ выходѣ партій и обезпеченіе переселенцевъ на все время пути; къ сожалѣнію, вопросъ этотъ, лишенный общественной иниціативы и при общемъ равнодушіи общества, не нашелъ никакого отклика. Облегченіе участи переселенцевъ и помощь имъ выпали всецѣло на одну Сибирь. Наша обязанность показать потому то участіе, которое принимаетъ сибирское общество въ переселенческомъ дѣлѣ единственно своими силами и средствами.

Польза колонизаціи и важныя практическія послѣдствія ея для Сибири въ продолженіе многихъ лѣтъ выяснялись мѣстной печатью,

но одна печать не могла вызвать сибирское общество къ какой-либо организаціи переселенческаго дѣла, когда этотъ вопросъ оставался безъ отвѣта въ Россіи. Однако, обстоятельства вывели Сибирь изъ бездѣйствія и ввели въ область практической дѣятельности.

Въ іюнѣ 1883 года бѣдствія проходящихъ чрезъ Тюмень и Томскъ партій произвели сильнѣйшее впечатлѣніе и вызвали обращенія къ мѣстному обществу. До 3.000 народу, отправившіяся на баржахъ изъ Тюмени въ Томскъ, терпѣли крайнюю нужду, причемъ среди нихъ открылась эпидемія. На баржѣ партія переселенцевъ привезла 5 труповъ и 83 больныхъ, изъ нихъ 6 взрослыхъ и 77 дѣтей больныхъ корью, кровавыми поносами и общимъ истощеніемъ отъ голода; во время пріема трое дѣтей умерло. На пути отъ Тюмени до Томска умерло 18 человѣкъ. Помѣщеніе баржи найдено было неудобнымъ, тѣснымъ и т. п. Помощь требовалась немедленная. Для облегченія участи переселенцевъ въ Томскѣ по случаю катастрофы была избрана особая городская коммиссія, которая построила баракъ, могущій вмѣстить до 70 больныхъ; въ баракѣ устроена кухня. Въ распоряженіе коммиссіи было отпущено градскимъ головою до 1.000 руб.; 23-го іюня устроилось въ Томскѣ народное гулянье, давшее нѣсколько сотъ рублей. Изъ Восточной Сибири генералъ-губернаторомъ выслано было на помощь переселенцамъ 3.000 руб. Одновременно въ г. Тюмени также былъ принятъ рядъ мѣръ, и 2-го іюля образованъ „временный комитетъ для помощи переселенцамъ" подъ предсѣдательствомъ И. И. Игнатова, частнаго пароходовладѣльца.

10-го іюля въ Тюмени прочтена была публичная лекція А. И. Ефимовымъ и сдѣлано предложеніе организовать постоянную помощь переселенцамъ. Г. Ефимовъ старался во всей широтѣ показать значеніе колонизаціоннаго вопроса для Сибири и необходимость участія сибирскаго общества. Въ его рѣчи былъ сдѣланъ сводъ всего, что̀ говорилось въ это время въ печати о значеніи переселеній. Затѣмъ г. Ефимовъ указалъ задачи временнаго тюменскаго комитета. Живое и энергичное слово, произнесенное во̀-время, сослужило службу, и тюменскій переселенческій комитетъ нашелъ себѣ дѣло на нѣсколько лѣтъ Въ томъ же году мы узнаемъ изъ газеты „Сибирь" о лишеніяхъ проходящихъ чрезъ Иркутскъ амурскихъ переселенцевъ. Нужда и бѣдствія ихъ вызвали также общественную помощь. 19-го августа 1883 года въ Иркутскѣ данъ былъ спектакль и выручено 1.160 р. въ пользу переселенцевъ; независимо отъ этого устроена подписка въ 921 руб., для переселенцевъ куплена старая одежда, особенно для дѣтей. Помощь переселенцамъ производилась и въ другихъ попутныхъ городахъ Сибири, какъ напр. Красноярскѣ. Въ 1884 году

красноярскимъ комитетомъ выдано проходящимъ переселенцамъ 7.378 руб. и оказана помощь 792 семьямъ.

Въ 1883 г., 8-го сентября, въ Благовѣщенскѣ въ пользу бѣдствующихъ переселенцевъ было устроено гулянье и подписка, которыя дали 828 руб., „употребленныхъ на подкрѣпленіе физическихъ силъ ослабѣвшихъ и истощенныхъ переселенцевъ, а также на ихъ перевозку".

Въ 1887 году чрезъ Тюмень, по свѣденіямъ переселенческаго комитета, прошло 10.432 человѣка, причемъ на пароходахъ 4.371 и сухопутно 6.052 человѣка; чрезъ курганскій округъ 1.881, ялуторовскій 1.015 чел. и южныя волости 88,—итого 13.407 человѣкъ. 10.000 людей получали пріютъ въ переселенческомъ убѣжищѣ. Дѣятельность тюменскаго комитета продолжается и не ослабѣваетъ до послѣдняго времени („Русск. Вѣдомости" 1890, № 190, статья профессора Исаева). Въ 1889 году мы видимъ, что прошло чрезъ Тюмень уже 29.000 переселенцевъ. Наплывъ ихъ въ этотъ годъ былъ громаденъ. Переселенцы сильно нуждались и бѣдствія ихъ возбудили вновь общее вниманіе. Къ 20 мая 1890 г. скопилось въ Тюмени до 14.000 переселенцевъ, многіе изъ нихъ истратили послѣднія крохи, общее число заболѣвшихъ съ 25-го апрѣля по 8-е іюня достигало 1.223, среди дѣтей свирѣпствовали оспа и дифтеритъ, до 500 дѣтей пало жертвой ихъ въ теченіе 4 недѣль. Тюменскій комитетъ съ своими бараками и ничтожными средствами, конечно, не могъ удовлетворить всѣмъ нуждамъ бѣдствующихъ и предупредить несчастіе. Бараки могутъ принимать лишь опредѣленное число; они состоятъ изъ двухъ помѣщеній, гдѣ съ трудомъ еще можетъ размѣститься до 3.000 чел.—куда же должны дѣваться другіе? Переселенцы спасались лагерями подъ телѣгами, въ шалашахъ и страдали на холодѣ. Бараки принимали 1/10 переселенцевъ. Смертность дѣтей была такъ велика, что ежедневно ихъ привозили по 10—15 мертвыхъ. Для больныхъ отводили особые домики, купцы уступали сараи, кто могъ изъ переселенцевъ нанималъ помѣщеніе, но масса была обречена на безпріютность. Между тѣмъ тюменскій комитетъ израсходовалъ съ 1-го ноября 1888 г. по 1889 г. 3.918 р., хотя приходъ его былъ 3.300 р. Тюменскій комитетъ попеченія о переселенцахъ дѣлалъ что̀ могъ, и его дѣятельность заслуживала полнаго сочувствія. На одинъ сибирскій городъ выпала тяжесть помогать десяткамъ тысячъ переселенцевъ.

Ясно, что сибирскіе временные комитеты, даже не имѣющіе доселѣ права считаться постоянными, далеко не могли оказать помощи всѣмъ переселенцамъ и обречены были бороться съ такими трудностями при наплывѣ переселеній, какія имъ не подъ силу. Задачи,

выпадающія на сибирскіе города, слишкомъ непосильны и велики. Что касается помощи переселенцамъ со стороны чиновниковъ по переселенческой части, то они также ссылаются, что средства, имѣющіяся на ихъ рукахъ, слишкомъ недостаточны, чтобы помочь нуждѣ переселенцевъ. Изъ казенныхъ суммъ тюменскій переселенческій чиновникъ издерживалъ въ 1887—88 и 1889 гг. по 5 и 6.000 руб.; за 1889 г. было выдано въ видѣ ссудъ переселенцамъ 4.147 руб. 20 коп. и безвозвратно 41 руб. 10 коп. Какъ видно, бо̀льшая часть помощи идетъ какъ ссуда; нечего говорить, что положеніе бѣдствующихъ не позволяетъ думать, чтобы ссуда эта когда-либо возвратилась. При всемъ томъ на чиновника по переселенческой части возложены не только заботы объ учетѣ ссыльныхъ, о временной помощи, заботы о перевозкѣ, но на него возлагается обязанность рекомендовать мѣста, удобныя для поселенія, и, такъ сказать, направлять переселеніе. Между тѣмъ не только столь разнообразныя и многочисленныя обязанности въ ихъ совокупности, но и часть этихъ обязанностей, въ пору только цѣлому учрежденію, хорошо снабженному средствами,—одному же чиновнику онѣ являются, само собою, не подъ силу. Принимая во вниманіе, что до 6.000 переселенцевъ уже въ Тюмени предпочитаютъ идти на повозкахъ сухимъ путемъ, и что отъ Томска совершенно истощенные переселенцы должны пріобрѣтать еще телѣги и лошадей, мы поймемъ, какъ велики должны быть средства для ссуды или помощи—между тѣмъ средства, находящіяся въ рукахъ переселенческихъ чиновниковъ, далеко не соотвѣтствуютъ потребности [1]). На руки выдается помощь нуждающимся въ 3—15 руб., а покупка лошади требуетъ до 30—40 руб., да телѣга 15 руб. и т. д., не считая хлѣба на дорогу. Переселенцамъ продаютъ лошадей иногда по дорогимъ цѣнамъ; чиновникъ соображаетъ, что можно бы устроить гуртовую покупку для переселенцевъ, но на это нуженъ фондъ, и притомъ является вопросъ, насколько практиченъ будетъ чиновникъ для этой операціи. Предшественникъ г. Чарушина, чиновникъ по переселенческой части въ Томскѣ, г. Веселковъ, пробовалъ устроивать эту операцію покупки лошадей, но этихъ лошадей переселенцамъ приходилось навязывать насильно или привлекая переселенцевъ ссудой. Каждый крестьянинъ предпочитаетъ собственный выборъ. Такимъ образомъ, въ положеніи переселенцевъ обнаруживается все болѣе и болѣе такихъ нуждъ и функцій, которыя были бы подъ силу только цѣлому учрежденію и обществу.

Въ Томскѣ, въ которомъ скопляется не менѣе переселенцевъ, чѣмъ

[1]) Въ Томскѣ въ распоряженіе чиновника по переселенческой части въ 6 лѣтъ выдавалось для помощи 7—8.000 руб. Въ 1883 и 1884 г. распредѣлялась помощь по 35 и 45 руб. на семью; а нынѣ при наплывѣ переселенцевъ она доходитъ только до 3 и 5 р. на семью.

въ Тюмени, даже такого временнаго комитета долго не существовало, какъ и всѣ обязанности лежали на одномъ чиновникѣ; въ его же распоряженіи находится баракъ съ переселенцами. Здѣсь также чувствуется недостатокъ помѣщенія при накопленіи переселенцевъ, также свирѣпствуютъ дифтеритъ, корь и проч.; поэтому и заявленія о бѣдственномъ положеніи въ Томскѣ переселенцевъ не прекращаются. Кромѣ бѣдствій въ 1883 году, о таковомъ же положеніи переселенцевъ заявлялось изъ Томска въ 1886 году [1]). Отчетъ чиновника г. Чарушина 1887 и 1888 гг. показываетъ всѣ затрудненія, какія возникаютъ при организаціи дѣла помощи, и все безсиліе мѣстныхъ учрежденій. Въ 1888 году послѣдовалъ внезапно наплывъ въ Иркутскъ переселенцевъ, проходившихъ на Амуръ и находившихся въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Что̀ оставалось дѣлать? По иниціативѣ генералъ-губернатора графа А. П. Игнатьева, въ Иркутскѣ собрано было подпиской до 1.000 руб. пожертвованій и затѣмъ организованъ былъ временный комитетъ, который поставилъ задачей собраніе средствъ и распредѣленіе пособій между переселенцами. Комитетъ этотъ началъ свою дѣятельность въ 1888 г. и собралъ фондъ до 10.000 руб., но средства эти быстро уходили при наплывѣ партій. Между тѣмъ получена въ то же лѣто 1888 г. телеграмма отъ забайкальскаго губернатора къ главному начальству Восточной Сибири съ просьбою остановить партіи, двигающіяся за Байкалъ, такъ какъ на пути слѣдованія переселенцевъ обнаружились голодъ и безкормица. Но была ли возможность задерживать переселенцевъ и брать ихъ на содержаніе? Иркутскій комитетъ могъ только помочь переселенцамъ продолжать дорогу. Бѣдствіе и наплывъ переселенцевъ побудили образовать временный комитетъ въ Забайкальской области, но партіи, проходившія на Амуръ, во время движенія къ Благовѣщенску все-таки встрѣтили недостатокъ въ хлѣбѣ по Амуру и брели кое-какъ, измученныя и истощенныя.

Понятно, что указанные комитеты, организуемые въ сибирскихъ городахъ подъ вліяніемъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, притомъ имѣя временный характеръ, не могли и не могутъ удовлетворить всѣмъ нуждамъ и всѣмъ широкимъ задачамъ переселенія.

По вопросу о томъ, какое количество переселенцевъ составляютъ бѣдняки—интересны показанія и разсчеты, сдѣланные профессоромъ А. А. Исаевымъ въ его поѣздку для изученія быта переселенцевъ въ 1890 г. Изъ 300 семей, которыя скопляются въ Томскѣ для продолженія пути, онъ насчиталъ до 40 семей съ признаками достатка;

---

[1]) Въ 1888 г. бѣдствія и болѣзни постигли переселенцевъ на пароходѣ Функа: умерло до 30 дѣтей и привезено нѣсколько десятковъ больныхъ.

нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ отъ 300 р. до 1.000 р. деньгами; онѣ покупаютъ по 2 и по 3 лошади цѣною въ 30—40 р., хорошую телѣгу, сбрую и т. д. За этой группой слѣдуетъ другая, болѣе многочисленная; она покупаетъ лошадей, телѣги и проч., уже худшаго качества. За второй слѣдуетъ третья группа, образующая отъ 15 до 20% и также имѣющая лошадь; но эти люди могли пріобрѣсти средства передвиженія въ Томскѣ только продажей части взятаго съ собой имущества или при посредствѣ пособія отъ чиновника отъ 3 до 5 р. Если и этихъ отнести еще къ ненуждающимся, то получится никакъ не болѣе, а менѣе 50% обезпеченныхъ. Здѣсь вы видите много такихъ, которые исчерпали всѣ средства, и имъ недостаетъ все-таки нѣсколькихъ руб. (иногда отъ 5 до 7 руб.), чтобы купить самую слабосильную лошаденку. Далѣе слѣдуетъ много переселенцевъ, которые заложили и продали все, что̀ можно было продать и заложить, за душой не осталось ни полушки денегъ и ни фунта хлѣба. Эти получали пособія иногда по 5 р. на семью, чтобы продолжать путь, и разсчитываютъ по пути найти какой-нибудь заработокъ, хотя бы въ десятокъ, въ полтора рублей. Наконецъ, встрѣчается группа самыхъ бѣднѣйшихъ, бѣдствующихъ, положеніе которыхъ изслѣдователь описываетъ совершенно безвыходнымъ. Изнуренныя лица, приниженность, покорность судьбѣ, лохмотья, босыя ноги, прошеніе милостыни почти шопотомъ—вотъ ихъ отличительные признаки. Эти не имѣютъ уже положительно никакихъ рессурсовъ: рубище, которое прикрываетъ ихъ наготу и не защищаетъ отъ прохлады даже лѣтней ночи—вотъ вся ихъ одежда; пособіе, которое могло быть имъ выдано, уже получено и истрачено на хлѣбъ; не подвертывается никакой, даже самой грубой, работы; остается кое-какъ питаться подаяніемъ да получать небольшую поддержку отъ товарищей, столь же бѣдныхъ, какъ они сами. И эта послѣдняя группа считаетъ въ своихъ рядахъ добрыхъ 25%.

Принимая во вниманіе это наблюденіе, какъ и другія, должно заключить, что̀ крайне нуждающихся въ помощи на пути является не менѣе 50% общаго контингента переселенцевъ. Соображая же, что количество переселенцевъ равняется нынѣ уже нѣсколькимъ тысячамъ—30.000 прошло чрезъ одну Тюмень—и что число переселенцевъ должно увеличиваться, мы поймемъ, что помощь здѣсь не можетъ и не должна являться случайною. Еслибы и могли организоваться комитеты во всѣхъ попутныхъ городахъ сибирскихъ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ переселенцы распредѣляются, то, принимая во вниманіе слабыя средства мѣстнаго сибирскаго населенія, бѣдность и ничтожность городовъ, гдѣ были бы созданы эти комитеты, едва ли возможно питать надежду, чтобы они удовлетворили всѣмъ нуждамъ переселенія, при

большой массѣ переселяющихся. Ясно, что при организаціи переселенческаго дѣла, кромѣ добраго желанія и общественнаго почина, нужна еще болѣе солидная помощь со стороны государства и всего русскаго общества, заинтересованнаго въ переселеніяхъ.

Какъ велико число переселенцевъ, скопляющихся въ различныхъ районахъ Сибири, показываетъ приливъ переселенцевъ на Алтай и въ горные округа томской губ. Въ 1880 году мы указали число переселеній по годамъ на основаніи оффиціальныхъ свѣденій, но учетъ переселенцевъ съ тѣхъ поръ сдѣлалъ успѣхи. Оказалось, что списки объ оффиціально причисленныхъ переселенцахъ не даютъ полнаго понятія о количествѣ переселенцевъ, проживающихъ въ мѣстности, такъ какъ многіе живутъ до причисленія по паспортамъ. Послѣ алтайской ревизіи, свѣденія, собранныя по волостямъ алтайскаго округа Н. А. Вагановымъ, показали, что къ 1-му іюля 1882 года въ Алтаѣ находилось 17.860 человѣкъ, причисленныхъ къ селеніямъ переселенцевъ, 17.942 проживающихъ безъ перечисленія, и 8.824 приписанныхъ въ города Бійскъ, Барнаулъ и Кузнецкъ, всего 44.626. Это только на югѣ томской губерніи. Возростающее ежегодно переселеніе въ Сибирь увеличило эту цифру. Г. Чудновскій, на основаніи свѣденій, которыя сосредоточивались въ горномъ алтайскомъ правленіи, дѣлаетъ вычисленіе за 6-лѣтіе съ 1878 по 1884 г. и считаетъ въ алтайскомъ округѣ 9.727 человѣкъ перечисленныхъ переселенцевъ изъ 33 губерній Россіи, но, помимо этихъ, къ 1884 г. числилось 30.544 чел., живущихъ въ волостяхъ *по паспортамъ*. Г. П. Г—въ, взявшійся за исчисленіе переселенцевъ въ этомъ округѣ, до 1884 г., соображаясь съ предъидущими годами полагаетъ, что цифра за 3 шестилѣтія переселенія достигала 48.250 человѣкъ, т.-е. по 2.680 чел. на годъ. Эта цифра, однако, оказывается ничтожной по отношенію къ слѣдующему 6-лѣтію съ 1884 по 1889 годъ, за которые уже имѣются подобныя данныя. За одно это 6-лѣтіе явилось переселенцевъ изъ 50 губерній 95.501 человѣкъ, т.-е. вдвое болѣе, чѣмъ за весь предшествовавшій 18-лѣтній періодъ.

Ежегодная цифра переселеній въ 6 лѣтъ возросла съ 12.100 до 17.200. Въ общемъ, съ 1866 г. по 1890 годъ переселилось въ алтайскій округъ 143.751 переселенецъ обоего пола.

Принимая во вниманіе эти цифры, мы должны предугадывать, что переселеніе въ алтайскій округъ не перестанетъ возростать. До 1885 года переселеніе въ Алтай задерживалось въ силу того, что это былъ заводскій районъ, въ вѣденіи Кабинета Его Величества, и переселеніе вообще крестьянъ изъ европейской Россіи до 19-го фев-

раля 1861 года не было свободно, но затѣмъ оно уже явилось широкимъ потокомъ подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни и измѣненій экономическаго склада, побудившихъ искать новыхъ мѣстъ. Алтай явился излюбленнымъ мѣстомъ крестьянства, а измѣнившіеся взгляды горнаго алтайскаго управленія заставили не отталкивать, а привлекать переселеніе. Это измѣненіе взглядовъ сопровождалось тѣмъ обстоятельствомъ, что вначалѣ округъ этотъ считался горнозаводскимъ, съ постояннымъ приписаннымъ населеніемъ, и ревность заводскаго начальства клонилась къ тому, чтобы ограждать лѣса, земли и проч., какъ кабинетскую собственность. Въ послѣднее время разъяснилось, что этотъ округъ съ 400.000 крестьянъ бывшихъ горныхъ представляетъ территорію земледѣльческую, а что казенные заводы приносятъ только убытокъ. Оброкъ въ 4 р. 50 коп. съ души, собираемый въ пользу кабинета, составляетъ чистую прибыль и привлеченіе колонизаціи есть прямая выгода. Такимъ образомъ, открытыя двери для колонизаціи дали, принимая во вниманіе 143.751 чел. переселенцевъ, весьма опредѣленное увеличеніе дохода въ полмилліона рублей ежегодно. Имѣя въ виду такой оброкъ за землю, который составляетъ собственность кабинета, но находится въ пользованіи крестьянъ, признано было поощреніе колонизаціи весьма выгоднымъ [1]). Но рядомъ съ этимъ привлеченіемъ переселенія и получаемыми выгодами отъ переселенія естественно должна явиться и новая обязанность объ устройствѣ быта переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ.

Кромѣ Алтая, какъ мы видимъ изъ корреспонденцій и отчетовъ за послѣднее время, переселенцы направлялись въ Семирѣченскую и въ Акмолинскую области. Направленіе переселеній въ эти области совершается помимо Тюмени. Затѣмъ по главному тракту онѣ направляются въ излюбленный переселенцами Минусинскій округъ. Отчеты о переселеніяхъ сюда печатались также, какъ и очерки положенія быта переселенцевъ. Изъ нихъ видно, что переселеніе въ Минусинскій округъ также годъ отъ году усиливалось. Общаго учета переселенцевъ здѣсь, однако, не сдѣлано, потому что нѣтъ учрежденія, интересующагося этимъ движеніемъ; частныя же лица изслѣдовали жизнь переселенцевъ въ отдѣльности только по волостямъ и деревнямъ. Довольно подробное и внимательное описаніе быта минусинскихъ переселенцевъ мы встрѣчаемъ въ статьяхъ Петровича, помѣщавшаго очерки быта въ „Восточн. Обозрѣніи“, 1882-85, и въ газетѣ „Сибирь“. Далѣе потокъ переселеній слѣдовалъ сухимъ путемъ черезъ Восточную Сибирь на Амуръ. Слѣдованіе на Амуръ пред-

---

[1]) Объ удобствахъ переселенія и устройствѣ переселенцевъ см. статьи: „Что ожидаетъ переселенцевъ въ Алтаѣ“, Г. П. Г—ва Русск. Вѣд. 1890, №№ 144, 188 и 200.

ставляло самый трудный подвигъ для переселенцевъ; многіе шли около года и болѣе. Бывали случаи, что иные не достигали Амура и останавливались на полпути или разбродились по губерніямъ Сибири. Бѣдствія и лишенія амурскихъ переселенцевъ, а также ихъ истощеніе и обѣднѣніе, прежде чѣмъ они достигнутъ Амура, совершаются и теперь, какъ можно судить по корреспонденціямъ, отчетамъ и устройству переселенческаго комитета въ Иркутскѣ въ 1888 г. для помощи проходящимъ на Амуръ партіямъ. Въ 1882 г. появился проектъ перевозки переселенцевъ на Амуръ моремъ. Въ виду усиленія колонизаціи въ Уссурійскомъ краѣ предложено было перевозить переселенцевъ изъ Одессы на судахъ добровольнаго флота. Предположено было перевозить по 250 семей въ годъ и въ десять лѣтъ водворить весь комплектъ. При субсидіи правительства перевозка 250 семей должна была обойтись ежегодно въ 75.000 руб.; затѣмъ предполагалась выдача хлѣба на обсѣмененіе, на орудія; также долженъ былъ закупиться для нихъ скотъ, даже жернова. Въ итогѣ на каждый годъ по устройству переселенцевъ предполагалось 200.000 руб.; кромѣ того, имъ отводились земли по 15 дес. Для принятія и устройства переселенцевъ въ Владивостокѣ было устроено особое переселенческое бюро и управленіе со штатомъ служащихъ, которое занялось постройкой домовъ для прибывающихъ переселенцевъ, покупкой скота и проч. Такимъ образомъ, судьба переселенцевъ здѣсь должна была быть вполнѣ обезпечена. Перевозка эта дѣйствительно началась изъ года въ годъ и продолжается доселѣ. Перевозка моремъ, конечно, была удобнѣе, но и она, какъ показалъ отчетъ, не могла удовлетворить своеобразнымъ требованіямъ русскаго переселенія и, несмотря на то, что переселенцы крайне нетребовательны, дѣло не обошлось безъ разныхъ случайностей и недоразумѣній. Но любопытно было то, какъ отразился вызовъ переселенцевъ вообще на движеніи колонизаціи. Какъ всегда, слухи о переселеніи на Амуръ съ казеннымъ обезпеченіемъ произвели толки въ губерніяхъ Россіи и вызвали движеніе. Толпы крестьянъ, желающихъ переселиться, кинулись къ Одессѣ, но по сформированіи комплекта въ 250 семей въ перевозкѣ имъ отказывалось [1]). Затѣмъ послѣдовали заявленія въ разныхъ губерніяхъ о желаніи переселиться на Амуръ; крестьяне узнали, что обѣщано по 60 руб. на издержки въ пути и 100 дес. на душу на мѣстѣ и освобожденіе отъ повинностей на 20 лѣтъ. Можно представить себѣ, насколько обольстительны были эти надежды. Во внутреннихъ губерніяхъ не вездѣ имѣли опредѣленныя понятія объ

---

[1]) Въ послѣднее время въ Одессѣ отъ переселенцевъ требуется извѣстный цензъ въ сумму до 600 р.

условіяхъ переселенія на Амуръ; слышно было только, что переселенцевъ вызываютъ. Крестьяне, увлекаемые слухами, изъ многихъ губерній начали спрашивать даже телеграммами въ Благовѣщенскъ объ условіяхъ переселеній, и многіе, не выяснивъ себѣ будущаго, кинулись на-авось сухимъ путемъ. Чтобы помочь переселенію на Амуръ, разосланы были въ это время подробные маршруты и инструкціи, гдѣ указывалось, въ какихъ мѣстахъ идущіе на вызовъ могутъ получить субсидію на дорогу. Эти инструкціи произвели болѣе всего впечатлѣнія. Получивъ ихъ, крестьяне приняли ихъ за пропускные билеты и считали судьбу свою обезпеченной во все время пути. Здѣсь былъ цѣлый рядъ прискорбныхъ недоразумѣній, какъ видно изъ нѣкоторыхъ печатныхъ извѣстій, о прохожденіи переселенцевъ чрезъ Сибирь. Напримѣръ, полтавскіе переселенцы въ 1883 г., 61 семья въ 250 человѣкъ, получивъ увѣдомленіе, что въ Благовѣщенскѣ они могутъ устроиться, двинулись въ путь, собравъ ничтожныя средства. Мѣстный исправникъ увѣрилъ ихъ, что въ Харьковѣ они получатъ казенную субсидію на дорогу, но изъ Харькова ихъ побудили отправиться въ Москву на свои средства, въ Москвѣ помогло купечество, въ Нижнемъ-Новгородѣ губернаторъ Барановъ облегчилъ условія перевозки на пароходахъ—съ нихъ взяли вмѣсто 2 руб. по 1 руб.,—но въ Тюмени собственныя средства ихъ истощились и движеніе было невозможно. Такъ какъ въ инструкціяхъ переселенцамъ на Амуръ говорилось, что за помощью они могутъ обращаться на дорогѣ къ гражданскому губернатору въ Иркутскѣ, въ Читѣ и Благовѣщенскѣ, то они послали телеграмму въ Благовѣщенскъ, но получили отвѣтъ: „нѣтъ источниковъ выдать пособіе". Видя безъисходное положеніе, переселенцы двигаются въ Томскъ, взявъ пассажирскіе билеты и продавая холсты, которые везли на рубахи. Капитанъ парохода, видя безвыходность переселенцевъ, даетъ имъ нагружать дрова и платитъ по 75 и 30 коп. на брата. На это они покупаютъ сухарей, которыми питаются. Въ Томскѣ на пристани они опять безъ всякихъ средствъ и обращаются къ томскому начальству. Въ такое трудное положеніе ставились сухопутные переселенцы, обольщаемые вызовами на Амуръ. Сухопутное переселеніе на Амуръ чрезъ Сибирь продолжалось все время независимо отъ морской перевозки на Уссури и бѣдствія ихъ вызвали учрежденіе въ Иркутскѣ комитета въ 1888 г. На дорогѣ имъ субсидій не выдавали, и мѣстная сибирская администрація должна была такъ или иначе помогать перевозкѣ переселенцевъ. Устройство уссурійскихъ переселенцевъ на мѣстѣ въ первое время также не было особенно благополучно; для переселенцевъ, прибывшихъ кругомъ свѣта моремъ, нужно было

устроить помѣщенія на зиму. Переселенческое депо взялось заготовить скота, но потерпѣло неудачу.

Мнѣнія объ амурской колонизаціи въ настоящее время рѣзко расходятся. Одни увѣряютъ, что сѣверные берега Амура весьма негостепріимны и сплошная тайга. Удобныя земли оказались только близь Благовѣщенска и въ Уссурійскомъ краѣ; послѣдній-то и составляетъ pia desideria переселенцевъ. По послѣднимъ свѣденіямъ, извлеченнымъ изъ памятной книжки Амурской области, видно, что съ 1880 г. по 1889 годъ въ область явилось 19.240 переселенцевъ, что̀ на годъ даетъ 1.924 человѣкъ. Переселенцы являлись изъ 23 губерній. Памятная книжка говоритъ, что изъ приведенныхъ въ извѣстность земель оказывается 561.444 дес., на которыя можетъ быть поселено до 6.000 семей, т.-е. въ полтора раза болѣе переселенныхъ уже (4.070 семей). Если предположить, что переселеніе будетъ продолжаться въ томъ же размѣрѣ, то указаннаго запаса земли хватитъ на 22 года. Изъ особенностей амурскаго переселенія мы должны упомянуть о продажѣ земель въ собственность. Теперь уже обнаружились и результаты этой продажи. Продано до 25.000 десятинъ въ теченіе 22 лѣтъ и предназначено къ продажѣ нынѣ еще 10.000. Изъ статистическихъ данныхъ памятной книжки видно, что изъ 25.000 дес., проданныхъ 240 собственникамъ, по сословіямъ земля распредѣлялась такъ: на долю крестьянъ 35,4% (85 собственниковъ), на долю привилегированныхъ 2,9% (13 собственниковъ). По количеству земля распредѣлялась такъ: у мѣщанъ 12.514 дес. (50,1%), крестьянъ 8.746 дес. (34,1%), дворяне пріобрѣли 3.743 дес. (15%). Нѣкоторая тенденція водворить крупное землевладѣніе, какъ заявлялось не разъ, выразилась въ томъ, что одному лицу, дворянину Бенкендорфу, продано 1.006 дес. 588 саж., что̀ составляетъ 1/25 общихъ земель. Большее же число земель попадаетъ въ руки мѣщанъ. Принимая во вниманіе тѣ упорныя стремленія на Амуръ, которыя выразились въ крестьянской колонизаціи, и тѣ жертвы, которыя переносятъ переселенцы своими лишеніями, идя на Амуръ, само собою ясно, кому слѣдуетъ дать преимущество и гдѣ можно ожидать болѣе прочнаго обзаведенія. Если мы представимъ себѣ теперь общій переселенческій потокъ до 30.000 человѣкъ, проходящихъ ежегодно чрезъ Тюмень по главному тракту, и до 5.000 по побочнымъ на Оренбургъ, Курганъ и Омскъ, и затѣмъ до 2.000 д. ежегодно, выселяющихся на Амуръ, до 250 семей въ Уссурійскій край, то въ общемъ получится до 40.000 переселенцевъ на все населеніе Европейской Россіи. Вдумываясь спокойно, это вовсе не будетъ громадный процентъ на 90.000.000. Поэтому опасенія, что выселеніе повліяетъ на экономическую жизнь цѣлыхъ губерній Россіи, едва ли основательны.

Распредѣленіе переселенцевъ по Сибири составляетъ важное условіе колонизаціи. Люди, незнакомые съ географическими условіями Сибири, думаютъ, что переселенцы, ѣдущіе въ Сибирь, находятся вездѣ въ одинаковыхъ условіяхъ; подобныя же весьма неопредѣленныя представленія господствуютъ и у большинства переселяющихся. У нихъ вся Сибирь сливается въ общее понятіе „новыхъ незанятыхъ земель"; иногда они избираютъ по слухамъ какую-либо мѣстность, въ которую стремятся, но о которой имѣютъ совершенно ложное или преувеличенное понятіе. Иногда переселенецъ говоритъ: „ѣдемъ въ томскую губернію", „ѣдемъ въ Бійскъ", но въ какую часть томской губерніи, въ дѣйствительности превосходящей по величинѣ Францію, онъ попадетъ—онъ не знаетъ; точно также не знаетъ, что̀ его встрѣтитъ въ Бійскѣ [1]). О разстояніяхъ до Амура сплошь и рядомъ переселенцы не имѣютъ понятія. Вѣроятно, только это совершенное отсутствіе представленія объ отдаленности края и о предстоящихъ лишеніяхъ на дорогѣ придаетъ имъ рѣшимость въ столь дальнихъ странствіяхъ. Опытъ переселеній въ теченіе десяти лѣтъ, наблюдаемый въ разныхъ мѣстахъ Сибири, и положеніе переселенцевъ показали, какія мѣстности болѣе благопріятны для переселенія и какія менѣе благопріятны. Кромѣ того, нужно принимать во вниманіе привычки переселенцевъ и мѣста прежней жизни: переселенецъ изъ степныхъ губерній не уживается въ лѣсахъ—и наоборотъ.

Западная полоса Сибири съ южными округами тобольской губерніи представляетъ черноземную полосу съ благопріятнымъ климатомъ (курганскій, ялуторовскій, тюменскій, ишимскій округа); но въ настоящее время она ужъ столь заселена, что переселенцу весьма трудно здѣсь устроиться (въ курганскій округъ въ нѣкоторыхъ обществахъ приходится по 2 и 3 десятины на душу). По этой причинѣ причисленіе въ тобольскую губернію почти прекратилось. Сѣверные округа: тобольскій, сургутскій и березовскій положительно неблагопріятны для земледѣлія. Въ томской губ. средняя степная полоса (Барабинская степь) хотя и представляетъ условія, возможныя для земледѣлія, но она уже значительно заселена и производительность почвы ея годъ отъ году ухудшается въ виду засухъ и недостатка воды. Этотъ районъ бывшей урало-каспійской низменности представляетъ признаки постепеннаго обсыханія и исчезновенія озеръ. Сѣверная полоса каинскаго округа покрыта лѣсами и тайгою и потому для земледѣльческаго населенія не представляетъ удобствъ, точно также какъ тундристая и болотистая полоса между Иртышомъ и Обью, тянущаяся на огромное разстояніе подъ названіемъ „Вельюганскихъ

[1]) Бійскъ, уѣздный городъ томской губерніи.

болотъ". Въ нарымскомъ краѣ климатическія и почвенныя условія крайне неблагопріятны для земледѣльца, и потому, несмотря на пустынность этого района, переселеніе сюда не направляется. Остаются округа томскій и маріинскій, томской губерніи, гдѣ земледѣліе возможно и есть еще свободныя земли для переселенцевъ. Затѣмъ горный алтайскій районъ съ округами томскимъ, кузнецкимъ, барнаульскимъ и бійскимъ по климатическимъ условіямъ и почвеннымъ весьма благопріятные и потому соблазнительные для переселенцевъ. Но значительная часть этихъ округовъ заселена старожилами, и потому переселенцу предстоитъ выбирать здѣсь мѣста. Уже эта характеристика и разнообразіе условій въ двухъ земледѣльческихъ губерніяхъ Сибири показываетъ, что переселеніе не всюду можетъ направляться и не всюду найдетъ свободныя и удобныя земли. Наконецъ, укажемъ на свободные и незанятые обширные районы на югѣ Сибири. Прежде всего обращаютъ на себя вниманіе киргизскія степи, занятыя кочевниками.

Въ послѣднее время нѣкоторые возбудили вопросъ, почему бы эти степи не могли быть заселены русскимъ земледѣльческимъ населеніемъ, а также исключительное пользованіе этими землями киргизами не служитъ ли задержкой и предѣломъ русской культуры въ Средней Азіи. На вопросъ этотъ можно было бы отвѣтить только послѣ обстоятельнаго изслѣдованія природы степей и ихъ агрономическихъ условій. Къ сожалѣнію, вопросъ этотъ, разрѣшаемый заочно и гадательно, повелъ ко многимъ практическимъ затрудненіямъ. Въ 1878 году, по иниціативѣ бывшаго генералъ-губернатора Казнакова, предпринято было заселеніе акмолинскихъ степей русскими земледѣльцами. Для этого на почтовыхъ и торговыхъ трактахъ избраны были и отмежеваны до 30 участковъ, каждый на 40 ревизскихъ душъ съ 30 десятинами надѣла. Киргизовъ, владѣвшихъ этими участками, склоняли къ уступкѣ по общественнымъ приговорамъ. 18 изъ этихъ участковъ заселены, а 12 и до сихъ поръ остаются пустынными. На многихъ участкахъ вмѣсто 40 душъ поселилось въ половинномъ числѣ и менѣе и, несмотря на вызовы и старанія администраціи, охотниковъ занять эти мѣста не явилось по причинѣ дурного качества земли; крестьяне же, заселившіе 18 казенныхъ участковъ, какъ заявила оффиціально акмолинская администрація въ 1885 г., за небольшимъ исключеніемъ бѣдствуютъ отъ неурожаевъ, вслѣдствіе тѣхъ же почвенныхъ и климатическихъ условій. Ближайшее изслѣдованіе степей показываетъ, что Акмолинская область чисто степная, солонцоватая, безлѣсная и скудно надѣленная водою, съ озерами высыхающими и солоноватыми, въ большинствѣ весьма мало удобна для земледѣльческаго населенія, но приспособлена болѣе для паст-

бищъ и скотоводства при условіяхъ перекочевокъ и выбора мѣстъ въ различные сезоны года. Степи во время засухъ и жаровъ подвергаются болѣе всего бѣдствіямъ; кобылка до того наполняетъ поля, что онѣ бываютъ черны [1]). Лучшіе участки, орошенные рѣкою Ишимомъ и находящіеся около прѣсныхъ озеръ въ кокчетовскомъ округѣ, принадлежатъ казачьимъ станицамъ. Карта казачьихъ участковъ, приложенная къ „Статистическому описанію западно-сибирскаго казачьяго войска", показываетъ значительныя земли во владѣніи казаковъ. Эти районы обладаютъ всѣми задатками для осѣдлыхъ поселеній. Эти земли, щедро вырѣзанныя изъ полосы степей, дали по 80 дес. на душу казачьимъ поселеніямъ, но онѣ вмѣстѣ съ 10-верстнымъ нейтральнымъ пространствомъ по Иртышу составили все лучшее, чт̀о могла дать область. Кочевое населеніе съ отрѣзкою и изъятіемъ этихъ земель до того потерпѣло въ ограниченіи пастбищъ, что киргизы начали заходить въ районъ тобольской и томской губерній и арендовать пастбища и покосы у сосѣднихъ крестьянъ. Если и находились гдѣ удобныя и снабженныя водою земли, такъ это по Ишиму, но онѣ были заняты киргизскими „зимовками" [2]). Между тѣмъ вызовъ на вырѣзанные казенные участки крестьянъ въ Акмолинскую область произвелъ свое дѣйствіе, и къ Акмолинской области потянулись переселенцы даже изъ вятской губерніи, мечтая о разныхъ льготахъ и небываломъ плодородіи въ степяхъ. Наплывъ переселенцевъ произвелъ то, что крестьяне, не находя свободныхъ земель, располагались у казаковъ, арендуя земли и выжидая лучшихъ нарѣзовъ надѣла. Они долго бѣдствовали, страдали отъ неурожаевъ, пока не ушли изъ области искать другихъ мѣстъ. Точно также въ слѣдующіе года обнаружился слѣдующій примѣръ заселеній въ степи, бросающій свѣтъ на степную колонизацію. Ишимскіе крестьяне явились въ петропавловскій уѣздъ на урочища Муссино, Кресты, Груздяная Дубрава и Плоское, гдѣ образовали поселки. Они же вступили въ договоры съ киргизами объ уступкѣ земель около урочища Муссино. Образовавъ поселки, крестьяне начали вызывать и другихъ переселенцевъ. Ходоки крестьянъ увѣряли, что желающихъ находится до 7.000 душъ. Но уѣздное начальство, узнавъ объ этихъ поселкахъ и ожидаемомъ приливѣ крестьянъ-переселенцевъ и опасаясь, что они могутъ отнять у киргизовъ пастбища, нашло поселенія эти незаконными и выдворило крестьянъ. Крестьяне, образовавшіе поселки, начали жалобы; ходоки ихъ явились даже въ Петербургѣ. Вопросъ осложнялся еще тѣмъ, что если крестьяне и могли выбрать кое-гдѣ

---

[1]) Таковыя бѣдствія постигли степи Зап. Сибири, какъ извѣщали газеты за 1890 г.

[2]) Киргизы кочуютъ лѣтомъ, но на зиму остаются въ опредѣленныхъ мѣстахъ неподвижно; на зимовкахъ стоятъ деревянныя жилища, избы и скотные дворы.

удобные участки, то они должны были быть отняты у киргизовъ; между тѣмъ, ни степное положеніе, ни покровительство киргизамъ, какъ нашимъ подданнымъ, не могло поощрять такого захвата. Мы видимъ, такимъ образомъ, два взгляда на заселеніе степей, совершенно противоположные, и мѣстная администрація должна была встать, въ концѣ концовъ, на защиту киргизовъ при всемъ желаніи русской колонизаціи. Къ подобнымъ же результатамъ и столкновеніямъ привелъ опытъ вырѣзки участковъ и поселеній въ кочевомъ районѣ алтайскаго горнаго округа, когда генералъ-губернаторъ Казнаковъ, подобно акмолинскимъ участкамъ, испросилъ разрѣшеніе у Кабинета Его Величества образовать поселеніе на чуйскомъ трактѣ. Образованіе поселеній въ горныхъ мѣстностяхъ и среди неблагопріятныхъ условій потерпѣло, съ одной стороны, неудачу, и на отрѣзанные участки желающихъ не явилось, въ другихъ же мѣстахъ явился самовольный захватъ земель у горныхъ кочевниковъ калмыковъ и вызвалъ жалобы со стороны послѣднихъ. Алтайскіе калмыки послали зайсанговъ съ жалобами также въ Петербургъ. Дѣйствительно, захватъ лучшихъ участковъ у кочевниковъ, гдѣ находятся ихъ зимовки, не могъ быть терпимъ. Мы видимъ, такимъ образомъ, что и въ кочевыхъ районахъ русская колонизація далеко не вездѣ можетъ разсчитывать на успѣхъ, а гдѣ она можетъ существовать и водвориться, тамъ она входитъ въ столкновеніе съ кочевниками и лишаетъ послѣднихъ необходимыхъ пастбищъ и средствъ къ существованію. Столкновенія исчезаютъ только тамъ, гдѣ заключаются договоры между пришельцами и аборигенами и гдѣ крестьяне арендуютъ земли у инородцевъ за плату, но эта аренда не даетъ права на постоянную осѣдлость. Такимъ образомъ, при изученіи мѣстныхъ условій Сибири мы видимъ, съ одной стороны, неудобства и совершенную непригодность нѣкоторыхъ районовъ къ заселенію, съ другой—столкновенія въ этихъ районахъ съ инородческимъ элементомъ.

Вопросъ водворенія является не столь простымъ даже и тамъ, гдѣ переселенцы селятся среди русскаго населенія. Въ послѣднее время обнаружены весьма недружелюбныя отношенія крестьянъ-старожиловъ къ переселенцамъ. Затрудненія при пріемѣ въ общество дали поводъ обвинять сибиряковъ въ притѣсненіи „новосёловъ". По этому поводу въ 1883 году томскимъ начальствомъ въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ" была напечатана особая записка объ устройствѣ переселенцевъ въ мѣстахъ ихъ водворенія, „въ *устраненіе* тѣхъ *стѣсненій*, какія они терпятъ отъ старожиловъ"; записка эта касалась тѣхъ мѣръ, которыя могли бы быть приняты къ облегченію переселенцевъ. На старожиловъ и ихъ крестьянскія общества взводились обвиненія, что они запрашиваютъ значительныя суммы за пріемные

приговоры и этимъ затрудняютъ приписку. Дѣйствительно, обнаружилось, что въ алтайскомъ округѣ съ приселяющихся крестьянскія общества иногда требовали отъ 10 до 30 руб. за пріемный приговоръ; переселенцы жаловались, что старожилы неохотно даютъ имъ земли, выдѣляютъ покосы и т. д. Новое начальство алтайскаго управленія, съ 1881 г., заинтересованное привлеченіемъ переселенцевъ, стало на сторону послѣднихъ. Предполагалось даже „причислять переселенцевъ безъ пріемнаго приговора крестьянскихъ обществъ". Всѣ сторонники новоселовъ привыкли обвинять сибирскихъ крестьянъ въ стѣсненіяхъ прибывающихъ. Но скоро безпристрастное изслѣдованіе выяснило и другую сторону дѣла, а именно причину столкновеній. Крестьянскія общества въ Алтаѣ принимали членовъ въ круговую поруку, съ обязательствомъ отвѣчать за ихъ исправность. Переселенцы въ то же время просились въ деревни и села, лучшія по положенію, вполнѣ населенныя, гдѣ удобныя земли подѣлены, какъ и покосы, и надѣлами дорожатъ. Естественно, что общества въ счетъ будущихъ податныхъ гарантій ставили извѣстныя требованія. Запросъ обществъ съ переселенца въ разныхъ районахъ былъ различный: гдѣ простору было больше, крестьянскія общества требовали меньше. Надо было принять въ соображеніе, что пріемъ въ общество новыхъ членовъ сокращалъ общій районъ запасныхъ земель и ограничивалъ распредѣленіе земель по семьямъ. Приселеніе строптивыхъ переселенцевъ вело къ спорамъ, жалобамъ. Крестьянская община старожиловъ несетъ тяжелыя повинности, имѣетъ множество „темныхъ поборовъ" и дѣлитъ всѣ тяжести между собою по душамъ. По отношенію къ переселенцу она не могла поступать филантропически. Переселенцы, между тѣмъ, являлись въ самообольщеніи, какъ бы на „свободныя земли". Подавъ прошеніе о перечисленіи, они считаютъ себя въ правѣ претендовать на земли общинъ. Надобно прибавить земельную неурядицу и постоянные споры изъ-за земли между мѣстными обществами. Притокъ переселенцевъ только увеличивалъ эту неурядицу. Поэтому обвинять безусловно старожиловъ, что они иногда не принимаютъ переселенцевъ въ круговую поруку и не отводятъ имъ земель въ ущербъ себѣ, было бы безразсудно. Крестьянская община, подчиняющая и дисциплинирующая каждаго отдѣльнаго члена, поступала послѣдовательно, согласно общинному мірскому началу. Плата за приговоры колебалась, смотря по мѣстностямъ, и переселенецъ всегда могъ выбрать общину по средствамъ. Мѣстное крестьянство часто желало, чтобы переселенцы, вступая въ общину, исправно несли только „общественныя повинности", и до приписки ихъ не обращало никакого вниманія на „податную исправность". Стало быть, община въ этомъ случаѣ далеко не стояла

на почвѣ формальностей и придирокъ. Доказательствомъ, что общины старожиловъ относились терпимо къ переселенцамъ, служитъ то, что до 1884 года въ алтайскихъ селеніяхъ проживало *до 17,900 переселенцевъ по паспортамъ и присутствіе ихъ до оффиціальной переписи не было обнаружено.* Еслибы крестьяне-старожилы были безусловно враждебны къ переселенцамъ, то этимъ 17.900 непричисленнымъ и ничѣмъ негарантированнымъ, считающимся „самовольными" переселенцами, жить бы въ селеніяхъ не позволили. Но мы видимъ обратное. Отношенія къ переселенцамъ обострились и вражда разрослась только съ 1881 г., когда переселенцы начали являться въ огромномъ числѣ въ алтайскій округъ и тѣсниться въ волости и общины, гдѣ земель едва хватало на потребности старожиловъ, и самовольно занимали крестьянскія угодья; понятно, что старожилы не могли охотно принимать ихъ; между тѣмъ переселенцы, наслышавшись о сибирскомъ просторѣ, считали земли не крестьянскими, а государственными, и старались взять ихъ захватомъ. Новые алтайскіе чиновники, пріѣхавшіе въ Сибирь съ предубѣжденіемъ противъ старожиловъ, поощряли переселенцевъ къ занятію земель, почему послѣдніе явились еще болѣе смѣлыми и требовательными. Такая политика покровительства переселенцу въ Алтаѣ, являвшаяся какъ реакція прежнему направленію, съ 1884 года повела къ ожесточенію старожиловъ и къ крайне невыгодному антагонизму, кончившемуся прискорбными столкновеніями изъ-за земли. Мировые посредники въ Алтаѣ пробовали разъяснить эти недоразумѣнія и причины столкновеній, но горное алтайское управленіе въ это время было заинтересовано въ привлеченіи бо́льшаго числа переселенцевъ, въ виду получаемаго съ каждаго прибывшаго переселенца оброка (по 4 руб. 50 коп. съ души). Положимъ, что переселеніе въ послѣдніе годы въ Алтаѣ дало полмилліона рублей доходу, но надо было принять во вниманіе, что переселенецъ приселялся къ крестьянскимъ обществамъ, которыя также платили оброкъ и повинности и имѣли свои права на земли. Поэтому мировые посредники алтайскаго района предлагали, во избѣжаніе стѣсненій, не брать оброка съ приселяющихся, а обращать платежъ его въ пользу крестьянскихъ обществъ, которыя отдавали новоселамъ часть земель, бывшихъ въ ихъ пользованіи. Второю мѣрою было предложеніе причислять переселенцевъ въ тѣ волости и общины, гдѣ находится земель болѣе 15 десятинъ на душу съ возложеніемъ на ихъ личную отвѣтственность уплаты установленнаго оброка безъ круговой поруки (Томская записка о мѣрахъ къ устраненію притѣсненій переселенцевъ).

Все это показываетъ, что самое причисленіе переселенцевъ въ районы колонизаціи, при обширномъ наплывѣ переселенцевъ и ихъ

смутныхъ представленіяхъ и требованіяхъ, должно совершаться съ крайней осмотрительностью и разсчетомъ, не нарушая хозяйственнаго строя старожиловъ и обычныхъ поземельныхъ отношеній въ общинахъ.

Вопросъ о помощи переселенцамъ, при обзаведеніи ихъ хозяйствомъ на мѣстахъ поселенія, составляетъ весьма важный вопросъ въ дѣлѣ колонизаціи.

До 1861 года, при переселеніи государственныхъ крестьянъ въ Сибирь подъ управленіемъ министерства государственныхъ имуществъ, на время пути выдавались переселенцамъ кормовыя по 3 р. на душу и по приходѣ на мѣсто отъ 50 до 60 рублей на обзаведеніе и по 1 четв. ржаной муки. Точно также при вызовѣ переселенцевъ въ Акмолинскую область имъ предположена была выдача субсидій на обзаведеніе и льготы отъ податей на 10 и 20 лѣтъ. Льготы еще болѣе распространились на переселенцевъ амурскихъ; по вызову въ Уссурійскій край, переселенцамъ выдавалась субсидія на обзаведеніе, на скотъ, на обсѣмененіе полей; кромѣ того, имъ положенъ надѣлъ до 100 д. на душу и переселенцы на 20 лѣтъ избавлены отъ повинностей.

Такимъ образомъ, правительственная помощь осталась и до сихъ поръ для нѣкоторыхъ переселенцевъ. Помощь переселенцу при колонизаціи была традиціонной и необходимость этой помощи сознавалась давно. Помощь переселенцамъ при обзаведеніи практиковалась съ самаго начала заселенія Сибири, т.-е. съ XVI и XVII ст., когда людей „садили на пашню", выдавали имъ орудія, скотъ, мѣры хлѣба на посѣвъ. Изъ этого видно, что казна сознавала издавна обязанность поддержки переселенца въ новыхъ мѣстахъ. Помощь эта вызывалась стремленіемъ упрочить дѣло колонизаціи окраинъ, предупредить бѣдствія, бродяжничество и безпорядки при переселеніи. Чѣмъ скорѣе переселенецъ обзаведется, тѣмъ выгоднѣе для казны; чѣмъ менѣе будетъ потрачено времени при устройствѣ новосела, тѣмъ скорѣе начнется производительная жизнь и работа крестьянина; чѣмъ тверже и прочнѣе будетъ обезпечено хозяйство переселенца, тѣмъ болѣе гарантій въ его платежной исправности. Прекращеніе помощи переселяющимся съ 1861 г., т.-е. послѣ 19-го февраля, обусловливалось прекращеніемъ опеки надъ крестьянами государственныхъ имуществъ и уничтоженіемъ „устава о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ", гдѣ находились параграфы объ устройствѣ переселенцевъ. Кромѣ того, новыя права, предоставленныя освобожденному отъ крѣпостной зависимости крестьянству, вызывали опасенія огромныхъ передвиженій массами изъ внутренней Россіи

въ Сибирь. Такія опасенія особенно усилились по истеченіи первыхъ 9 лѣтъ обязательныхъ отношеній, но опасенія эти не оправдались. Крестьянство послѣ 19-го февраля 1861 г. не хлынуло массами въ Сибирь. Переселеніе бывшихъ крѣпостныхъ и освобожденныхъ крестьянъ началось послѣ 1863 года, когда введены были уставныя грамоты и получились надѣлы. Переселеніе обнаружилось прежде всего, какъ показало нынѣ изслѣдованіе, среди крестьянъ, получившихъ minimum надѣловъ (напримѣръ, даровыхъ надѣловъ) и страдавшихъ отъ малоземелья, сдѣлавшихъ уже усилія на мѣстахъ къ борьбѣ за существованіе и не могшихъ вынести новыхъ условій труда [1]). Словомъ, переселеніе началось не зря, но вызвано было крайне затруднительными обстоятельствами и экономическимъ положеніемъ. Крестьянинъ не легко разстается съ родными мѣстами, гдѣ онъ обжился. Онъ разставался съ ними не безъ горечи, не безъ сожалѣнія и не безъ слезъ. Поэтому потокъ переселенія начался медленно, исподволь, и въ первые года повышался медленно. По томской губ. до 80-хъ годовъ переселялось всего по 1.000 человѣкъ; въ Алтаѣ оффиціально перечислялось до 2.000. Переселенцы изъ бывшихъ крѣпостныхъ и государственныхъ крестьянъ послѣ 1862 года принуждены были идти на свой счетъ, также какъ и устроиваться на новыхъ мѣстахъ. Съ этого времени начинается рядъ переселенческихъ бѣдствій.

Множество формальностей при переселеніи, а также круговая порука членовъ во всѣхъ обществахъ затрудняли переселеніе. Эти затрудненія уничтожали всякія опасенія того, что губерніи Россіи опустѣютъ и что переселеніе отразится чувствительно на внутреннемъ хозяйствѣ земледѣльческихъ губерній. Ничего подобнаго не оправдалось до сихъ поръ. Поэтому переселеніе не можетъ быть разсматриваемо какъ явленіе и фактъ вредный, убыточный для государства. Переселенецъ переносится только изъ одной мѣстности Россіи въ другую въ предѣлахъ того же государства, сохраняя всѣ обязательства. Поэтому на него нельзя смотрѣть какъ на эмигранта и бѣглеца. „Самовольныя переселенія", какъ ихъ называли въ отличіе отъ переселеній по приказу и вызову, столь же легальны, какъ и другія.

Яснѣе говоря, послѣ 19-го февраля и по прекращеніи субсидіи переселенцамъ отъ казны, всѣ переселенія явились самовольными, т.-е. не по вызову. Но вѣдь эти самовольныя переселенія узаконялись перечисленіемъ переселенцевъ въ другія губерніи. Переселенія, какъ показали изслѣдованія на мѣстахъ, совершались двумя путями:

[1]) См. изслѣдованіе Янсона о малоземельи, статьи о переселенцахъ Гурвича, наконецъ, перечень губерній, изъ которыхъ идетъ переселеніе, въ таблицахъ Н. А. Ваганова, изслѣдованіяхъ г. Чудновскаго и нашихъ изслѣдованіяхъ 1880 г.

1) переселенцы, снимаясь съ мѣста, заранѣе брали приговоры отъ общества, отпускной и пріемный, или, начавъ съ мѣста ходатайство, рѣшали заранѣе переселеніе; подобные переселенцы не пользовались субсидіями, но и не терпѣли особыхъ притѣсненій; 2) другая и болѣе значительная часть переселенцевъ, какъ показала статистика—до 17.900 въ одномъ Алтаѣ, отправлялась съ обыкновенными паспортами и жила по этимъ паспортамъ до пріисканія мѣстъ. На этихъ отлучающихся по паспортамъ выпала самая тяжкая доля испытаній въ послѣднія десять лѣтъ. Съ приведеніемъ въ извѣстность числа переселенцевъ въ Сибири, мѣстная администрація начала строже контролировать переселенія, и всѣхъ явившихся по паспортамъ, а не по увольнительнымъ приговорамъ стала считать *самовольными* и какими-то контрабандными бѣглыми переселенцами, которые не выполнили разныхъ формальностей. На этомъ основана была цѣлая масса циркуляровъ въ 1871—84 г., предписывавшая слѣдить за тѣмъ, чтобы переселенцы имѣли всѣ нужные документы по перечисленію—иначе имъ не позволятъ водвореніе и обзаведеніе; это значило, что предоставлялось право высылать ихъ на мѣсто жительства этапнымъ порядкомъ. Исправники, какъ, напримѣръ, минусинскій, также разсылали подобныя распоряженія по волостямъ. Статистика горнаго вѣдомства старалась выловить и разузнать этихъ переселенцевъ. Ей удалось это; впослѣдствіи мы и видимъ обнаруженное число скрывавшихся переселенцевъ. Между тѣмъ переселенцы жили по 15 и по 17 лѣтъ съ одними паспортами и обзаводились давно хозяйствомъ. Впослѣдствіи взглядъ на нихъ измѣнился и измѣнился именно въ алтайскомъ районѣ. Уступки начались съ того, что по обнаруженіи цѣлыхъ сотенъ семействъ неприписанныхъ пришлось разрѣшить дилемму—„дать ли имъ причислиться, или выслать обратно". Сначала начались ходатайства чрезъ высшія инстанціи о причисленіи ихъ, а потомъ и о взысканіи накопившейся недоимки уже въ новыхъ мѣстахъ поселенія, безъ высылки обратно. Затѣмъ, какъ мы видимъ, взглядъ на явившихся по паспортамъ совершенно выяснился, и они нынѣ какъ алтайскимъ вѣдомствомъ, такъ и чиновниками, слѣдящими за переселеніемъ, далеко не считаются совершающими что-либо противозаконное. Такое переселеніе по паспортамъ на практикѣ давно было усвоено народомъ и крестьянскія общества на новыхъ мѣстахъ не препятствовали проживать такимъ переселенцамъ. Многія мѣстности, какъ Семирѣчье, Амуръ и часть Алтая, заселялись именно благодаря этимъ переселенцамъ по паспортамъ, легальное существованіе которыхъ было впослѣдствіи заподозрѣно. Теперь, если мы сообразимъ тѣ успѣхи, которые здѣсь сдѣлала колонизація, благодаря *самовольнымъ* переселенцамъ, мы должны будемъ признать, что эти

переселенцы, совершенно безпомощные и подъ ежеминутнымъ опасеніемъ быть высланными, выполняли ту роль, которую совершали другія партіи переселенцевъ подъ вліяніемъ вызова, поощренія и особыхъ льготъ. Остается вопросомъ, почему это подвижничество колонизаторовъ, давшее видныя послѣдствія для государства въ смыслѣ заселенія пограничныхъ мѣстъ и пустынь Сибири, обречено было остаться безъ поддержки и помощи въ тѣхъ случаяхъ, когда колонизаторъ истощалъ собственныя средства? Мы видимъ, что всѣ категоріи переселенцевъ выполняли однѣ функціи въ заселеніи, какъ дѣйствующія по вызову, такъ и безъ вызова, съ тою разницею, что послѣднія брали и содержаніе въ пути на свой счетъ. Переселеніе по паспортамъ, не заключающее ничего незаконнаго, нынѣ вполнѣ признано, и среди двигающихся въ Сибирь партій, подлежащихъ наблюденію переселенческихъ чиновниковъ, не дѣлается болѣе этого различія. Послѣ первыхъ попытокъ возвращенія переселенцевъ на прежнія мѣста, съ распродажею имущества послѣднихъ,—что̀ повело еще къ бо̀льшимъ затрудненіямъ,—пришлось нынѣ признать весь контингентъ переселяющихся по паспортамъ какъ совершившихъ переселеніе на законныхъ основаніяхъ, а не самовольнымъ бѣгствомъ съ мѣстъ. Опытъ послѣднихъ лѣтъ обнаружилъ такимъ образомъ: 1) что *возвращеніе переселенцевъ съ дороги и еще худшее, съ мѣстъ водворенія, было бы слишкомъ несправедливо*, *неразсчетливо для государства* и привело бы къ огромнымъ затрудненіямъ и потерямъ; 2) *помощь бѣдствующимъ переселенцамъ во время движенія оказалась* настолько *настоятельною*, что администрація вполнѣ признала эту необходимость.

Послѣ этого само собою разрѣшается принципіально и вопросъ объ облегченіи переселенцу водворенія и обзаведенія, разъ онъ достигъ мѣста назначенія. Исторія переселеній въ Сибирь и изслѣдованіе быта переселенцевъ показываютъ, что когда казна и правительство оказывали пособіе переселенцамъ и отводили земли, то водвореніе совершалось быстрѣе; переселенцы весьма быстро строили поселки, обзаводились и являлись вполнѣ исправными въ податныхъ платежахъ; когда же не получали помощи, примѣры являются обратные. До 1858 года въ западной Сибири, и особенно въ тобольской губерніи, по вызову было водворено до 50.000 переселенцевъ, которымъ оказано было пособіе. Изслѣдованіе показало, что селенія эти достигли значительнаго благосостоянія наравнѣ съ старожилами, напр. селенія бывшихъ панцырныхъ бояръ и воронежцевъ въ ишимскомъ округѣ. Бѣдствія и нищенство переселенцевъ являлись въ тѣхъ случаяхъ, когда они устроивались сами и не получали пособій. Такъ, рязанцы и орловцы, явившіеся въ пѣтуховскую волость ишим-

скаго округа въ 1884 году, безъ всякой помощи, на свой счетъ, начали жизнь съ бѣдствія и теперь въ деревнѣ Чистовой живутъ очень бѣдно. Бѣдность и нищета переселенцевъ, являвшихся безъ пособія, засвидѣтельствованы даже въ Алтаѣ, въ мѣстностяхъ въ высшей степени благопріятныхъ для устройства переселенцевъ. На оффиціальный запросъ объ устройствѣ переселенцевъ вотъ что̀, напримѣръ, отвѣчало чарышское волостное правленіе бійскаго округа алтайскаго вѣдомства. „Такъ какъ преобладающее число переселенцевъ изъ бѣднаго класса, то они занимаются на полевыхъ и домашнихъ работахъ у старожиловъ, плату же получаютъ, по нерасторопности своей и непривычкѣ къ сибирскимъ нравамъ и порядкамъ, противъ сибирскихъ работниковъ, въ большинствѣ случаевъ, менѣе на одну часть стоимости; поселились они на пустолежащихъ земляхъ и устройство ихъ съ старожилами самое незавидное. Никакихъ ремеслъ, кромѣ плотничьяго, переселенцы не знаютъ. Изъ причисленныхъ многіе, проживъ годъ, полгода въ купленныхъ домикахъ и землянкахъ, уѣзжаютъ искать новыя мѣста, иногда совсѣмъ бросая домъ, если не удастся продать его".

Въ послѣднее время дѣлаются указанія, какъ быстро переселенцы достигаютъ благосостоянія въ Алтаѣ; значительное число обзаводится домами, какъ показали изслѣдованія, въ полтора года по прибытіи, —но все это относится къ переселенцамъ, явившимся въ Алтай съ своими средствами. По статистическимъ свѣденіямъ за 1884 г., было до 6.921 переселенцевъ *бездомовныхъ*. Переселенцу безъ средствъ при указанныхъ условіяхъ пониженнаго заработка у мѣстныхъ крестьянъ весьма долго приходится добиваться самостоятельности, и обзавестись хозяйствомъ въ новыхъ мѣстахъ не всегда легко. Первобытное переложное хозяйство требуетъ иногда не менѣе 5 лошадей, цѣнность которыхъ значительна. Въ то время, когда переселенецъ копитъ средства, чтобы обзавестись избой и рабочимъ скотомъ, за нимъ накопляются недоимки. При нашемъ изслѣдованіи въ Алтаѣ мы имѣли въ рукахъ документъ, изъ котораго видно, что за 25 душами переселенцевъ накопилось и взыскивалось 2.097 руб. 33 коп., хотя они ничего не имѣли, а многіе изъ нихъ умерли. Для подтвержденія свѣденій объ устройствѣ переселенцевъ служатъ также недавно опубликованныя свѣденія о недоимкахъ въ Алтаѣ.

Недоимки здѣсь быстро возросли въ послѣдніе годы, а именно съ 120.000 р. въ 1881 г. окладныхъ сборовъ; въ 1883 г. недоимка достигла 396.000, т.-е. болѣе чѣмъ утроилась; въ слѣдующій годъ уменьшилась, въ 1887 году опять возросла. Всего больше недоимки приходится по оброку въ Кабинетъ; уже въ 1885 г. она составляла $^{1}/_{3}$, а въ 1886 г. чуть не вся недоимка приходилась на оброкъ,—около $^{4}/_{5}$.

Причиной накопленія недоимки, кромѣ неурожаевъ и падежей, унесшихъ 12% головъ скота въ 1883 г. и отразившихся на мѣстномъ населеніи, считается и *переселеніе*. Изъ подробностей мы видимъ, что въ барнаульскомъ округѣ въ верхъ-чумышской волости недоимка въ 1872 г. числится за переселенцами, которые принесли ее еще изъ мѣстъ прежней приписки. Въ бійскомъ округѣ за другою волостью числится 947 р., которые принесены переселенцами изъ прежнихъ мѣстъ. Въ третьей волости, исключая числящихся за умершими мастеровыми 6.182 руб., недоимка числится за переселенцами и т. д. Авторъ изслѣдованія, П. Г., дѣлаетъ изъ этого слѣдующее заключеніе. „Этотъ нѣсколько утомительный переченъ недоимочныхъ волостей и селеній мы привели для того, чтобы показать, что *недоимка* по преимуществу является *за переселенцами*; это и понятно. Являясь сюда въ огромномъ большинствѣ случаевъ безъ всякихъ средствъ, доходя иногда до мѣстъ своего поселенія почти Христовымъ именемъ, переселенецъ первые годы по неволѣ обреченъ на лишенія. Такимъ образомъ, чѣмъ быстрѣе идетъ переселенческое движеніе, тѣмъ сильнѣе ростутъ недоимки страны. Разсматривая подробнѣе недоимки 1881 и 1887 годовъ, мы видимъ, что въ 1881 г., когда переселеніе еще не приняло массоваго характера, съ какимъ оно является съ средины 80-хъ годовъ, дѣйствительныя недоимки населенія почти ничтожны; бóльшая часть числившейся тогда недоимки подлежала сложенію и проистекала отъ растратъ волостныхъ начальниковъ и по другимъ обстоятельствамъ, не зависѣвшимъ отъ экономическаго положенія населенія. Совсѣмъ другое мы видимъ въ 1887 г.: недоимка дѣйствительная по величинѣ много превосходитъ недоимки 1881 г. Вникая въ подробности распредѣленія этихъ недоимокъ, нельзя не придти къ заключенію, что за оба года недоимщиками являются если не исключительно, то въ громадномъ числѣ случаевъ *переселенцы*.

Накопленіе недоимокъ обусловливается, однако, только ненормальными условіями переселенія и есть результатъ того времени, которое употреблено на переселеніе. На самомъ дѣлѣ колонизація имѣетъ такое же врачующее и исцѣляющее значеніе, какое имѣетъ воздухъ съ перемѣною климата для больного, съ той разницей, что здѣсь истощенныя экономическія силы народа возстановляются многоземельемъ, просторомъ и плодородіемъ почвы. При благопріятныхъ условіяхъ переселенецъ обстроивается въ одинъ годъ и засѣваетъ поля. На 30.544 человѣка переселенцевъ въ Алтаѣ, не успѣвшихъ еще перечислиться, къ 1884 г. 23.623 человѣка жили уже въ своихъ домахъ. По изслѣдованіямъ г. Чудновскаго, въ смоленской волости бійскаго округа зажиточность переселенцевъ и ихъ экономическій бытъ превосходилъ старожиловъ. У старожиловъ было безлошадныхъ 14,3%,

а у новоселовъ—10,8%; безскотныхъ у старожиловъ было 13,1%, а у новоселовъ—10,9%; безпосѣвныхъ у первыхъ 12%, у вторыхъ—12,2%.

Переселенцы уступаютъ старожиламъ въ количествѣ посѣвовъ, но далеко превосходятъ послѣднихъ въ количествѣ скота. По изслѣдованіямъ оказалось также, что дворы и семьи старожиловъ менѣе многолюдны, чѣмъ у новоселовъ, что́ даетъ перевѣсъ послѣднимъ въ хозяйственной производительности. Малолюдные дворы у старожиловъ, по изслѣдованіямъ г. Чудновскаго (отъ 1 до 5 наличн. душъ), составляютъ 60,6%, у новоселовъ—только 33,6%; дворы отъ 6 до 10 душъ у первыхъ составляютъ 36,6%, у вторыхъ—47,6%; дворы отъ 11 до 15 душъ у старожиловъ 2,3%, у новоселовъ—14,1%; затѣмъ дворы отъ 16 до 23 душъ у старожиловъ 0,5%, у переселенцевъ—0,9. Мы имѣемъ основаніе думать, что у новоселовъ по вынесеннымъ ими традиціямъ семейственные союзы крѣпче и менѣе дѣлятся, тогда какъ сибирскія семьи наклонны къ раздѣламъ. Большее трудолюбіе переселенцевъ также способствуетъ ихъ быстрому обзаведенію на новыхъ мѣстахъ. Это наблюденіе сдѣлано въ различныхъ мѣстахъ Сибири и, между прочимъ, надъ ишимскими переселенцами А. А. Кауфманомъ. Старожилъ болѣе наклоненъ къ комфорту; онъ строитъ себѣ домъ чище, заводитъ платье, пиджаки, картузы; новоселъ въ Сибири остается первое время при прежнихъ своихъ привычкахъ, живетъ въ грязной избѣ, носитъ свой армякъ и копитъ деньги на хозяйственное обзаведеніе. Только чрезъ поколѣніе новоселъ осибирячивается; онъ переходитъ къ мѣстнымъ обычаямъ, къ обработкѣ полей по сибирскому способу, обстроивается, подражаетъ одеждѣ сибирской, надѣваетъ сапоги, кумачныя рубахи и совершенно измѣняетъ характеръ. Малороссы и бѣлоруссы также быстро теряютъ въ Сибири свои особенности, свой языкъ и обычаи; увеличивающееся благосостояніе ихъ скоро уже не дастъ возможности отличать ихъ деревни отъ старожиловъ. Затѣмъ по отношенію къ устройству переселенцевъ замѣчено, что хотя они первоначально и приселяются къ обществу старожиловъ, но дѣлаютъ это изъ крайности; вслѣдствіе споровъ изъ-за земель они впослѣдствіи предпочитаютъ селиться отдѣльно своими поселками. Точно то же замѣчается и въ алтайскомъ округѣ. Въ стремленіи къ образованію поселковъ сказываются особенности переселенцевъ различныхъ губерній, говоритъ П. Г. объ алтайскихъ переселеніяхъ. Свѣденія эти имѣются за послѣднее шестилѣтіе, въ которое явилось ²/₃ всѣхъ переселенцевъ съ открытіемъ для нихъ алтайскаго округа; оказывается, что за этотъ періодъ изъ 95.501 человѣка всѣхъ переселенцевъ 41.293 человѣка, или болѣе 43%, поселились во вновь образованныхъ селеніяхъ и

участкахъ. Наиболѣе наклонности къ отдѣльнымъ поселеніямъ выразили харьковцы, полтавцы, курскіе переселенцы (отъ 90% до 67%). Воронежцы на половину селились въ новыхъ поселкахъ, другая половина—при деревняхъ. Изъ вятичей 33% селились отдѣльно, изъ пермяковъ 27%, тоболяковъ около 25%, оренбуржцевъ 21%, рязанцевъ 17%, орловцевъ 13%. Замѣчается болѣе приселенія къ старожиламъ изъ восточныхъ губерній Россіи, и такое сближеніе съ сибирякомъ показываетъ родство обычаевъ и привычекъ; зато хохлы и южане вообще стремятся селиться отдѣльно. Поселенію отдѣльными деревнями и поселками въ Алтаѣ много способствовали также вымежеванные и заготовленные участки для переселенцевъ. Переселенцы, какъ видно, неохотно селились сначала на эти приготовленные участки и предпочитали сами выбирать мѣста. Въ 1884 г. изъ 12.001 переселенца на новые участки пошло только 1.838 человѣкъ, или 15%. Въ 1885 г. изъ 16.890 человѣкъ въ новыхъ поселкахъ остановилось уже 6.646 человѣкъ, или почти 40%. Въ 1886 г. изъ 16.828 человѣкъ въ новые поселки направилось 6.941 человѣкъ, или 42,6%; въ 1887 г. изъ 15.821 переселенца 6.647 человѣкъ, или также 42%. Въ 1888 г. изъ 17.201 переселенца пошло на отдѣльныя мѣста болѣе половины—9.541 человѣкъ, или 55,5%; въ 1889 г. изъ всѣхъ 17.206 переселенцевъ 9.680 человѣкъ, или 56,3% избирали новые поселки. Такимъ образомъ, въ Алтаѣ переселенцы въ послѣдніе года все болѣе и болѣе пріучались пользоваться вымежеванными участками и направляться въ указанныя мѣста. Сначала къ подобной опекѣ переселенцы обыкновенно питаютъ недовѣріе. При случайномъ переселеніи нѣсколько лѣтъ назадъ переселенцы предпочитали сами ходить и разыскивать удобныя и свободныя мѣста. Это приводило иногда къ многолѣтнимъ исканіямъ, а иногда и къ обратнымъ переселеніямъ. Съ учрежденіемъ чиновниковъ по переселенческой части начали снабжать переселенцевъ указаніями, гдѣ находятся свободныя земли; это производилось въ центральныхъ пунктахъ скопленія переселенцевъ въ Екатеринбургѣ, въ Тюмени и Томскѣ. Совѣты и рекомендаціи со стороны чиновниковъ въ первое время, конечно, встрѣчались недовѣрчиво, и едва ли имѣли большое значеніе для переселенцевъ. Къ тому же переселенцамъ нужны слишкомъ подробныя хозяйственныя свѣденія и свой глазъ. Едва ли переселенцевъ удовлетворило бы даже печатное руководство, о которомъ нѣкоторые думали, такъ какъ большинство переселенцевъ неграмотные, но маршруты, выдаваемые оффиціально, иногда помогали имъ въ пути. При дальнѣйшемъ развитіи дѣла переселенческимъ чиновникамъ и на пункты, гдѣ останавливались партіи, напримѣръ, въ Тюмени, Томскѣ, разсылались публикаціи и листки, въ которыхъ обо-

значались свободныя мѣста въ алтайскомъ округѣ, предназначенныя для переселенцевъ. Но настоятельную пользу подобныя указанія оказали всего болѣе на мѣстахъ прибытія, гдѣ этотъ вопросъ явился для переселенца на-лицо. Алтайское управленіе, желая оказать особое содѣйствіе переселенію, сдѣлало *подробное хозяйственное описаніе* вымежеванныхъ участковъ по волостямъ. Ежегодно эти свѣденія съ правилами о порядкѣ приписки какъ на особые участки, такъ и къ крестьянскимъ обществамъ, раздавались партіямъ переселенцевъ, останавливавшихся въ Томскѣ и Барнаулѣ. Эта помощь переселенцу оказала свою услугу: переселенцы осматриваютъ предварительно эти мѣста и тогда уже подаютъ прошенія объ избраніи того или другого участка. Помогло дѣлу то, что переселенцевъ не стѣсняли, не навязывали участки, но помогали выбору, имъ позволялось селиться и въ большемъ числѣ душъ сверхъ надѣла въ 15 десятинъ, предоставляется также по волѣ приселяться и къ обществамъ. Такая непринудительная система дала свои плодотворные результаты. Переселенецъ началъ пользоваться отмежеванными участками, убѣдившись, что они годны. Въ другихъ мѣстахъ Сибири бывали примѣры, что на отмежеванные участки переселенцы не шли, такъ какъ нельзя полагаться на показанія межевщиковъ. Изъ этого видно, что при оказаніи содѣйствія переселенцу на мѣстахъ водворенія весьма важно не стѣснять его свободу выбора земель и обществъ, но подготовить все, чтобы онъ скорѣе воспользовался удобными мѣстами.

Необходимость свободы выбора мѣстъ въ противоположность насильственному водворенію переселенца на отведенный участокъ обусловливается многими вѣскими соображеніями. Какъ межевщику, землемѣру, такъ и агроному трудно ручаться, что извѣстный участокъ будетъ удовлетворять хозяйственнымъ условіямъ крестьянина. Надо предоставить это чутью земледѣльца, его навыку, его соображенію. Есть много ускользающихъ отъ посторонняго взгляда обстоятельствъ, которыя усмотритъ только хозяинъ; есть такія крестьянскія потребности, которыя упускаются нами изъ виду. Тамъ, гдѣ старались усадить переселенца, помимо его желанія, на отводимые участки, оказывалась прискорбная ошибка. Это доказала казенная колонизація Амура и искусственное заселеніе трактовъ въ акмолинской степи. Поэтому переселенцу слѣдуетъ предлагать на выборъ удобные участки, но не обязывать на нихъ селиться во что бы то ни стало.

Указанные факты изъ исторіи переселеній и матеріалъ, доставленный наблюденіями почти за десять лѣтъ, даетъ намъ право на нѣкоторые опредѣленные выводы, а не гадательныя предположенія.

Намъ кажется, что нѣкоторый опытъ можетъ намъ дать руководящую нить при примѣненіи новыхъ правилъ и законоположеній о переселеніяхъ. Опытъ нашей колонизаціи и переселеній вообще указалъ, что переселенія едва ли могутъ быть задерживаемы; по крайней мѣрѣ самыя энергичныя мѣры въ этомъ отношеніи не вели ни къ чему. Задержка отдѣльныхъ партій и возвращеніе ихъ назадъ ведетъ къ новымъ затрудненіямъ, такъ какъ переселенцы, ликвидировавшіе землю и имущество, являются уже совершенно безземельнымъ и блуждающимъ элементомъ, увеличивая на родинѣ число голодающихъ и нищенствующихъ. Такой контингентъ никоимъ образомъ не можетъ почесться выгоднымъ и прибыльнымъ. Положеніе возвращенныхъ и задержанныхъ переселенцевъ составитъ только обратно-патологическое явленіе сравнительно съ тѣми сотоварищами, которые, благодаря удачѣ, успѣли переселиться, колонизоваться, пустить корни и достигли осѣдлости и обзаведенія на новыхъ мѣстахъ. Если первые, вытѣсненные жизненными условіями, будутъ обречены на бѣдность и скитаніе, ища заработковъ, если ихъ роль будетъ сбивать заработную плату, то вторые, достигнувъ осѣдлости и извѣстнаго благосостоянія, не только будутъ споспѣшествовать заселенію новыхъ мѣстъ, принесутъ огромныя выгоды государственной колонизаціи, но путемъ переселенія получатъ новые жизненные соки, бо̀льшую экономическую производительность и представятъ элементъ болѣе надежный въ смыслѣ государственнаго обложенія и выполненія повинностей.

Участь движущихся переселенческихъ партій заслуживаетъ особеннаго вниманія, а всякія бѣдствія и лишенія требуютъ помощи и поддержки во время тяжкаго пути переселенцевъ. Помощь идущимъ на переселеніе вызывается, помимо всякихъ теорій сочувствія или несочувствія выселеніямъ, практической жизненной необходимостью. Разъ переселенецъ въ пути, съ этимъ слѣдуетъ примириться какъ съ фактомъ. Всякое обвиненіе переселяющагося въ легкомысліи и непредусмотрительности, разъ фактъ совершился, неумѣстно и запоздало. Обреченіе переселенца на бѣдствія, какъ возмездіе за его рѣшимость, будетъ холодной жестокостью. Чѣмъ бы ни мотивировались переселенія, но когда пускаются въ переселенія и вынуждаются къ нему десятки тысячъ народа—ясно, что мотивы были достаточно сильны и причины уважительны. Постоянно повторяющіяся несчастія съ переселенцами и ихъ семьями изъ года въ годъ, представляютъ столь вопіющее явленіе, предъ которымъ закрывать глаза уже невозможно. Такія несчастія должны разсматриваться, какъ всякія другія бѣдствія, подобно эпидеміямъ, пожарамъ и пр., для которыхъ невозможно быть глухимъ ни государству, ни обществу.

Прискорбныя явленія эти въ послѣдніе года уже обратили на себя такъ или иначе вниманіе. Принципъ невмѣшательства и бездѣйствія нарушенъ. Въ силу необходимости пришлось приходить на помощь переселенію и этимъ самымъ признать принципъ государственной помощи переселенцу. Это выразилось въ облегченіи переселенцамъ проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ, выразилось направленіемъ партій, доставленіемъ переселенцамъ необходимыхъ свѣдѣній и попеченіемъ о нихъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ учреждены конторы. Наконецъ, оно выразилось и тѣми, хотя небольшими, пособіями, которыя выдаются нынѣ бѣдствующимъ переселенцамъ чрезъ руки чиновниковъ по переселенческой части, назначаемыхъ отъ министерства [1]). Необходимость попеченія о судьбѣ переселенца признана и въ тѣхъ инструкціяхъ, какія даны этимъ чиновникамъ: заботиться о порядкѣ и удобствахъ во время передвиженія переселенцевъ на баржахъ, во время заболѣваній и открывающихся эпидемій среди новоселовъ. Разъ установлены были конторы и учреждены агенты правительства, въ лицѣ особыхъ чиновниковъ для упорядоченія переселенческаго движенія, обстоятельства и жизнь развернули предъ ними такую массу обязанностей и открыли имъ столько дѣла, что, какъ видимъ, по ихъ сознанію, они не могутъ одни съ ними справиться. Снабженіе бѣднѣйшихъ переселенцевъ необходимыми средствами въ пути, созданіе пріютовъ, возведеніе бараковъ на пунктахъ остановокъ, содержаніе ихъ, облегченіе переселенцамъ закупать нужные припасы, посредничество въ закупкѣ лошадей и телѣгъ болѣе выгоднымъ способомъ, огражденіе переселенцевъ отъ вліянія кулаковъ, устройство больницъ при пріютахъ на случай заболѣванія, снабженіе переселенцевъ необходимыми совѣтами и указаніями, разумное направленіе партій—вотъ тѣ многочисленныя заботы, которыя развернулись предъ агентами по надзору за переселеніемъ и которыя наложили на нихъ тяжкія обязанности. Къ числу мѣръ, которыя вызвало устройство быта переселенцевъ со стороны министерства государственныхъ имуществъ, было подготовленіе земель, вырѣзка участковъ для переселеній и образованіе особыхъ межевыхъ отрядовъ въ Сибири, занятыхъ этимъ дѣломъ, на что было отпущено недавно 40.000 руб. Отводъ земель для переселенцевъ въ Алтаѣ, какъ видимъ, принесъ уже значительную пользу. Опытъ примѣненныхъ попеченій и содѣйствія переселенцу въ послѣднія десять лѣтъ, рядъ мѣръ, принимаемыхъ для облегченія судьбы его, намѣчаетъ и показываетъ программу дальнѣйшихъ улучшеній въ организаціи переселенческаго

---

[1]) Чиновники по переселенческой части выдавали нуждающимся переселенцамъ пособія отъ 3 до 5 р. и иногда болѣе на семью. Сумма, которой они располагали, была отъ 4 до 6.000, но, какъ видимъ, ея не хватало.

дѣла. Какъ видимъ, для этого выдвинуты уже жизнью цѣлые органы (переселенческіе чиновники, переселенческіе комитеты), и остается желать, чтобы дѣятельность этихъ органовъ и агентовъ приняла болѣе цѣлесообразное направленіе, чтобы благотворная дѣятельность ихъ не встрѣчала препятствій и они снабжены были бо̀льшими средствами для своихъ цѣлей.

При трудности организовать переселенческое дѣло и удовлетворить всѣмъ нуждамъ переселенцевъ, на помощь правительству явилась въ послѣднее время общественная инииціатива, развитіе которой желательно. Увеличеніе переселеній обнаружилось явленіями, къ которымъ не могло относиться безучастно мѣстное общество. Образованіе временнаго комитета для помощи переселенцамъ въ Тюмени было прекраснымъ примѣромъ образованія комитетовъ и для другихъ сибирскихъ городовъ. Дѣйствительно, нигдѣ подобныя учрежденія не могли быть болѣе умѣстны, какъ тамъ, гдѣ бѣдствія переселенцевъ были нагляднѣе, гдѣ болѣзни и смертность совершались во-очію, гдѣ язва переселенческаго страданія обнаруживалась во всей наготѣ, а стонъ несчастія раздавался явственнѣе. Здѣсь невозможно было оставаться уже сложа руки. Образованію этихъ комитетовъ способствовало и то сознаніе, которое проникло въ послѣднее время въ сибирское общество о важности и пользѣ колонизаціи для края. Оно нѣсколько лѣтъ поддерживалось мѣстной печатью. Для этихъ комитетовъ открылась широкая задача помогать тысячамъ нуждающихся, истощенныхъ и надорвавшихся въ пути; на нихъ выпало созданіе бараковъ, устройство санитарной части, больницъ, пріютъ запоздавшихъ на зиму, забота объ ихъ семьяхъ и дѣтяхъ—все это высокая и человѣколюбивая обязанность, до которой могло только возвыситься общество и которая дѣлаетъ честь ему.

Дѣятельность подобныхъ комитетовъ должна поощряться, и желательно, чтобы существованіе ихъ перешло изъ временнаго въ постоянное. Къ сожалѣнію, при всемъ изученіи нуждъ переселенія, эти комитеты съ своими ничтожными средствами и силами рѣшительно остановились предъ массою нуждъ переселенческихъ. Подписки и сборы въ небольшихъ сибирскихъ городахъ безсильны помочь тысячамъ людей. Въ этомъ отношеніи на города бѣдной окраины выпала тяжелая задача излечивать боли русскаго переселенія. Какъ бы судьбою предназначено нашей окраинѣ цѣлыя столѣтія нести всѣ тяжести направляемой сюда уголовной ссылки, и, выполняя это безпрекословно, какъ новую повинность, Сибирь взяла на свою заботу и прокормленіе идущихъ переселенцевъ. Пора, однако, раздѣлить этотъ трудъ и эти тягости во имя справедливости; необходимость помощи, какъ пока-

зываютъ обстоятельства, будетъ увеличиваться по мѣрѣ увеличенія переселеній и наплыва переселенцевъ.

Для устройства переселенческаго дѣла давно было необходимо центральное общество, какое, наконецъ, и было основано въ 1890 г. въ Петербургѣ, поставивъ себѣ задачей помощь правительству въ дѣлѣ устройства переселенія, облегченіе переселенцамъ самаго пути и водворенія на мѣстахъ, и т. д. Общество для осуществленія всего этого сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ добровольныя пожертвованія и образуетъ капиталъ изъ взносовъ членовъ и сносится съ разными учрежденіями и лицами, завѣдывающими переселенческимъ дѣломъ. Изъ нашего очерка видно, сколько настоятельныхъ нуждъ у переселенцевъ; число же ихъ доходитъ до 30.000 человѣкъ только черезъ Тюмень. Конечно, отъ энергіи общества будетъ зависѣть накопленіе бо́льшихъ средствъ,—однако на одну филантропію и случайные сборы трудно положиться. Общество должно будетъ снестись также и съ земствомъ, привлекая его къ этому дѣлу. На обязанности общества будетъ лежать также изученіе переселенческаго дѣла, собираніе свѣденій о движеніи партій ежегодно и представленіе ихъ правительству съ тѣмъ, чтобы къ предупрежденію бѣдствій были приняты мѣры.

Въ Англіи, благодаря содѣйствію государства и его фондамъ, совершилось заселеніе Новой Голландіи, упрочены владѣнія, пріобрѣтены острова и создалась могущественная колоніальная имперія. Сѣверо-американскіе штаты, сознавая всю важность колонизаціи для эмигрантовъ и переселенцевъ, облегчили доставку и перевозку эмигрантовъ на дальній западъ, устроили конторы, гдѣ они получаютъ нужныя свѣденія и покупаютъ участки, — отого такъ быстро идетъ заселеніе пустынь Америки. Будемъ надѣяться, что при организаціи подобныхъ учрежденій и при проведеніи желѣзной дороги колонизація Сибири станетъ на ту же дорогу, и тогда не пройдетъ столѣтія, какъ страна эта сдѣлается неузнаваемой.

Въ настоящее время, при изученіи переселенческаго вопроса, при многолѣтнихъ наблюденіяхъ за движеніемъ переселеній уже не трудно выяснить и число переселяющихся, и число нуждающихся ежегодно въ помощи, не трудно высчитать и минимумъ этой помощи, точно также какъ предусмотрительно равномѣрно и справедливо направлять ее [1]).

---

[1]) Конечно, переселеніе милліоновъ людей потребуетъ затратъ въ сотни милліоновъ, но содѣйствіе въ тѣхъ предѣлахъ, которыми теперь ограничиваются переселенія (5—6.000 семей), требуетъ совершенно ничтожныхъ затратъ,—говоритъ профес-

Траты на переселеніе такъ или иначе будутъ производиться; онѣ производятся и теперь. Раздаются вспомоществованія переселенцамъ чиновниками отъ министерствъ, дѣлаются выдачи на переселенія изъ государственныхъ суммъ генералъ-губернаторствъ иркутскаго, амурскаго, семирѣченскаго и туркестанскаго; амурская колонизація на Уссури по вызову правительства потребовала въ 10 лѣтъ значительныхъ издержекъ. Теперь все это тратится въ отдѣльности безъ всякой организаціи. Между тѣмъ эти суммы, сосредоточенныя въ одномъ источникѣ, были бы вполнѣ достаточны для переселенческаго фонда, причемъ получило бы поддержку все переселеніе, а не одинъ Амуръ, колонизація котораго, какъ видимъ, при всѣхъ субсидіяхъ все-таки требуетъ снабженія помощью идущихъ сухимъ путемъ на Амуръ переселенцевъ.

Раціональныя мѣры по отношенію къ общему переселенію, правильное направленіе переселенческаго потока, распредѣленіе его на окраинахъ и своевременная помощь можетъ быть выполнена при единой и согласной организаціи всѣхъ переселенческихъ учрежденій. Всѣ существующіе комитеты и агенты по наблюденію за переселеніями, также какъ мѣстныя начальства, удовлетворяющія нуждамъ переселенія, дѣйствуютъ разрозненно и безъ взаимныхъ сношеній. Между тѣмъ, при развивающихся нуждахъ переселенческаго дѣла, подобныя сношенія неизбѣжны. Переселенческіе комитеты доселѣ дѣйствуютъ врознь, какъ и переселенческіе чиновники. Неизвѣстно, когда будутъ на данномъ пунктѣ партіи переселенцевъ, а между тѣмъ по тракту есть телеграфъ, который заранѣе могъ бы извѣщать о приходѣ партій. Неизвѣстно, при раздачѣ пособій, гдѣ ожидаетъ переселенцевъ новая поддержка,—и ожидаетъ ли. Въ Тюмени и Томскѣ учрежденія, поставившія цѣлью заботу о переселенцахъ, не знаютъ, какъ дойдутъ они до Амура. Даже комитетъ, отправляющій партіи изъ Иркутска за Байкалъ, заботится только, чтобы переселенцы дошли до Читы, но что̀ встрѣтитъ ихъ за Читою—неизвѣстно. Собственно, переселенецъ только сбывается съ извѣстнаго пункта, ему дается толчокъ продолжать дорогу то тамъ, то здѣсь, но что̀ съ нимъ будетъ далѣе и что̀ случится во всю дорогу до мѣста водворенія—это не входитъ въ текущую дѣятельность патронирующихъ учрежденій: отъ этого—непредвидѣнныя катастрофы то въ той, то въ другой мѣст-

соръ Исаевъ, дѣлавшій нынѣшнимъ лѣтомъ наблюденія надъ переселеніями („Русск. Вѣдом.“, № 262, 1890 г.). Изъ числа идущихъ переселенцевъ развѣ половина (около 3.000 семей) нуждается въ помощи, причемъ нѣкоторымъ нужна прибавка нѣсколькихъ рублей на лошадь или телѣгу. Трудно представить болѣе скромныя требованія, чѣмъ предъявляетъ русскій колонистъ.

ности. Переселенца гдѣ-нибудь атакуетъ бѣдствіе, хотя бы онъ прошелъ Тюмень, Томскъ и Иркутскъ. Оно можетъ постигнуть его около Срѣтенска или на Шилкѣ, иногда въ пустынѣ, на пути къ Амуру, гдѣ никто ему не придетъ на помощь и гдѣ нельзя достать хлѣба даже за большія деньги.

Переѣздъ переселенца только отчасти обезпеченъ по желѣзнымъ дорогамъ. Здѣсь, какъ извѣстно, достигнуто соглашеніе съ желѣзнодорожными компаніями, но недостаетъ одного, чтобы эти компаніи относились къ передвиженію переселенцевъ и размѣщенію ихъ съ большею человѣчностью, а не относились къ нимъ съ той небрежностью и жестокостью, съ какой привыкли относиться къ жалкимъ, неимущимъ бѣднякамъ, которымъ дѣлается уступка, но отнимается всякое право на человѣческое обращеніе. Если въ скотскихъ вагонахъ существуетъ опредѣленное размѣщеніе и на быковъ и лошадей полагается извѣстное пространство, а не сваливаются они въ кучу и не давятъ другъ друга, если при провозѣ заботятся, чтобы скотъ былъ напоенъ и накормленъ, то, кажется, можно желать, чтобы та же предусмотрительность прилагалась и къ людямъ и положеніе ихъ не было худшимъ. Кто видѣлъ, какъ наталкиваются въ вагоны переселенцы съ женщинами и дѣтьми, съ какой давкой, съ какой борьбой захватываются мѣста при тѣснотѣ и экономіи вагоновъ,—до того, что иногда затаптываются и задушаются маленькія дѣти,—тотъ пойметъ справедливость этихъ требованій. Такъ же необходимо огражденіе переселенца и во время движенія на баржахъ и пароходахъ. Переселенцевъ везутъ цѣлыми недѣлями, то подъ палящими лучами солнца, то въ непогоду суроваго сибирскаго лѣта и осени по пустыннымъ сибирскимъ рѣкамъ. Пароходовладѣльцы, удешевивъ плату за провозъ, уже не церемонятся и часто наталкиваютъ людей на баржи такъ, что тѣ напоминаютъ сходство съ рабовладѣльческими кораблями, которые возили негровъ въ Америку, не обращая вниманія даже на смертность. Мы видимъ, какимъ катастрофамъ и болѣзнямъ подверглись переселенцы въ 1863 году отъ этой перевозки на баржахъ. Жалобы эти до послѣдняго времени не умолкаютъ, какъ свидѣтельствуютъ наблюденія; даже удешевленный проѣздъ на баржахъ не всѣмъ переселяющимся облегчаетъ путь, и переселенцы изъ Тюмени отправляются иногда на телѣгахъ.

Все это можетъ быть поставлено разумно при правильной организаціи переселенческаго дѣла.

Отъ правительства будетъ зависѣть, сочтетъ ли оно необходимымъ сосредоточить всѣ переселенческія дѣла въ одномъ центральномъ учрежденіи или даже создать „переселенческое управленіе“;

наша задача, по крайней мѣрѣ, указать способы устройства переселенческаго дѣла сообразно требованіямъ времени.

Помощь переселенцамъ въ пути не составляетъ еще всего дѣла колонизаціи. Вслѣдъ за прибытіемъ на мѣсто является цѣлый рядъ новыхъ заботъ. Необходимо облегчить пріисканіе удобныхъ мѣстъ и подготовленіе такихъ земель особымъ отмежеваніемъ, въ предупрежденіе споровъ и недоразумѣній съ старожилами. Наконецъ, надо способствовать перечисленію и помочь скорѣйшему обзаведенію хозяйствомъ при помощи ссудъ и кредита [1]).

Опытъ показалъ, что отводъ особыхъ участковъ переселенцамъ въ алтайскомъ округѣ и вымежеванные участки въ томской губерніи отъ министерства государственныхъ имуществъ принесли свою долю пользы. Горное правленіе облегчило перечисленіе переселенцевъ. Остается этому дѣлу дать прочную организацію при посредствѣ *конторъ*, образованныхъ въ главныхъ пунктахъ колонизаціи, напр. въ Бійскѣ, Барнаулѣ, въ Минусинскѣ, на Амурѣ и въ Семирѣченской области, въ Вѣрномъ; задачи и организація такихъ конторъ точно также указывались лицами, изучавшими переселенческое дѣло на мѣстахъ. Въ конторахъ этихъ прибывшіе переселенцы могли бы получать всѣ необходимыя свѣденія о свободныхъ участкахъ; чрезъ нихъ могло облегчаться переселеніе, затягивающееся при нынѣшнихъ обстоятельствахъ на много лѣтъ. Наконецъ, эти конторы могли бы завѣдывать благоустройствомъ поселковъ и деревень, которые возводятся переселенцами.

Рядомъ съ вопросомъ хозяйственнаго обзаведенія и переселенческаго устройства является и вопросъ о кредитѣ, который долженъ явиться, въ противоположность „путевой помощи“, ссудою на нѣсколько лѣтъ. Такая ссуда и организація народнаго кредита, по примѣру крестьянскихъ банковъ, есть такая же потребность колонизаціи, такъ какъ далеко не всѣ переселенцы на новыхъ мѣстахъ могутъ подняться и сразу устроиться. Такія ссуды и такой кредитъ прекратитъ блужданіе переселенцевъ и предупредитъ нищенство, бродяжество и батрачество у мѣстнаго населенія. Кромѣ того, оно положитъ конецъ тѣмъ недоимкамъ, которыя накопляются годъ отъ году, какъ обнаружило мѣстное изслѣдованіе, и которыя служатъ признакомъ ненормальнаго положенія переселенцевъ.

Вотъ рядъ мѣръ, которыя намѣчаются жизнью и опытомъ на-

---

[1]) Помощь на пути и трактахъ партіямъ должна быть выдѣлена отъ помощи и ссудъ на обзаведеніе хозяйствомъ на мѣстахъ водворенія. Между тѣмъ многіе смѣшиваютъ эти два дѣла; каждое потребуетъ своей особой организаціи.

шихъ переселенiй и которыя однѣ могутъ вывести изъ хаоса безпорядка переселенческое движенiе.

Послѣ обнаруженныхъ нуждъ переселенiя и послѣ вопiющихъ фактовъ переселенческихъ бѣдствiй, перiодически повторяющихся, невозможно долѣе примиряться съ нынѣшнимъ положенiемъ вещей. Точно также, указываемое жизнью рѣшенiе переселенческаго вопроса не позволяетъ болѣе говорить, что мы не знаемъ, что̀ дѣлать съ нашими переселенiями и переселенцами.

Н. Ядринцевъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го августа 1891.

Оживленіе международной политики въ Европѣ. — Пребываніе французской эскадры въ Россіи.—Вопросъ о франко-русскомъ союзѣ.—Газетныя толкованія и предположенія по этому предмету.—Споры о внѣшней политикѣ въ Италіи и во Франціи.

Въ международной политикѣ замѣчается сильное оживленіе въ послѣднее время; шумныя политическія манифестаціи повторяются одна за другою, и вся европейская печать вновь обсуждаетъ вопросы о союзахъ и сближеніяхъ между державами, о гарантіяхъ прочнаго мира и равновѣсія въ Европѣ. Тройственный союзъ возобновленъ формально на шесть лѣтъ, и всякія сомнѣнія относительно образа дѣйствій Италіи исчезли. Новое министерство Рудини подтвердило обязательства, принятыя на себя кабинетомъ Криспи, и надежды французовъ на перемѣну въ политикѣ Италіи оказались по меньшей мѣрѣ преждевременными. Въ то же время къ тройственному союзу присоединилась отчасти и Англія, хотя и безъ подписанія какого-либо договора. Германскій императоръ посѣтилъ Голландію, гдѣ былъ принятъ съ обычною торжественностью, и газеты серьезно заговорили о возможномъ присоединеніи Голландіи къ могущественной „лигѣ мира“. То же самое повторилось по отношенію къ Швеціи послѣ пріѣзда туда Вильгельма II, и наконецъ еще больше матеріала для догадокъ давало пребываніе его въ Англіи, гдѣ онъ гостилъ, между прочимъ, у маркиза Сольсбери, въ его помѣстьѣ Гатфильдѣ. Незадолго предъ тѣмъ англійская броненосная эскадра была съ восторгомъ встрѣчена австрійскими властями въ Фіуме и удостоилась посѣщенія со стороны императора Франца-Іосифа, причемъ не обошлось безъ оффиціозныхъ намековъ на возможныя совмѣстныя дѣйствія флотовъ Англіи и Австріи въ случаѣ европейской войны.

Какъ бы въ отвѣтъ на эти разнообразныя проявленія силы и важности тройственнаго союза, Франція послала своихъ броненосцевъ на сѣверъ, къ Кронштадту, чтобы показать степень взаимнаго сочувствія, соединяющаго французскую націю съ Россіею при современныхъ политическихъ обстоятельствахъ. Французская эскадра была предметомъ овацій и въ Копенгагенѣ, и въ Стокгольмѣ, но спеціальною миссіею ея было оживить и укрѣпить дружбу съ великимъ русскимъ государствомъ, дать этой дружбѣ наглядное и яркое выраженіе, которое убѣдило бы Европу, что Франція не изолирована, что она можетъ

еще разсчитывать на сильныхъ и надежныхъ союзниковъ, вопреки враждебнымъ усиліямъ Германіи. Цѣль французскаго правительства можетъ считаться достигнутою: пріемъ, оказанный эскадрѣ адмирала Жерве въ Кронштадтѣ и Петербургѣ,—какъ оффиціальный, такъ и еще болѣе неоффиціальный,—превзошелъ всѣ ожиданія французовъ. Съ самаго дня прибытія въ русскіе предѣлы (11-го іюля), французскіе моряки должны были непрерывно испытывать на себѣ значеніе русскаго гостепріимства; это былъ непрерывный рядъ празднествъ, оффиціальныхъ обѣдовъ и торжествъ, создававшихъ атмосферу энтузіазма и общаго патріотическаго одушевленія. Столь непривычные у насъ звуки республиканской марсельезы раздавались съ полною свободою и получили временно право гражданства; возгласы въ честь Франціи и Россіи повторялись ежедневно въ той или другой формѣ и служили почти исключительною темою разсужденій нашихъ газетныхъ патріотовъ. Въ чествованіи французскихъ гостей, какъ и слѣдовало ожидать, приняла дѣятельное участіе и петербургская городская дума, ассигновавшая на этотъ предметъ довольно значительную сумму (15.000 р.). Требованія гостепріимства и политики соблюдены подобающимъ образомъ; обѣ стороны выказали столько горячихъ взаимныхъ чувствъ, что картина сближенія получаетъ какой-то особенный характеръ. Можно было бы подумать, что Франція и Россія не только находятся въ тѣсномъ союзѣ, но связаны также общностью интересовъ и стремленій, сходствомъ нравовъ, понятій и идей. Однако въ оффиціальныхъ привѣтствіяхъ и тостахъ не было ничего такого, что намекало бы на вѣроятность союза или объясняло бы политическій смыслъ франко-русской дружбы; говорилось только о симпатіяхъ, безъ болѣе точнаго указанія, къ чему именно относятся эти симпатіи и чѣмъ онѣ вызываются и поддерживаются.

Очень многое въ политической жизни и общественномъ строѣ нынѣшней Франціи должно вызывать рѣшительное осужденіе среди нашихъ патріотовъ; важнѣйшія черты французскаго политическаго быта, самыя основы его и руководящіе принципы, которыми наиболѣе дорожатъ французы, старательно забываются или оставляются въ сторонѣ, когда идетъ рѣчь о нашихъ сердечныхъ отношеніяхъ къ французской націи. Точно также и для французовъ остаются совершенно чуждыми и непонятными многія существенныя особенности нашего внутренняго положенія и развитія. Въ дѣйствительности, трудно придумать болѣе рѣзкія противоположности, чѣмъ тѣ, которыя существуютъ между обоими народами и государствами. Въ судьбахъ Франціи и Россіи нѣтъ ничего общаго ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ. Французская республика, праздновавшая еще недавно съ обычнымъ блескомъ день взятія Бастиліи (14-го іюля, нов. ст.), пред-

ставляетъ собою крайнее осуществленіе политическихъ началъ, которымъ у насъ присвоивается названіе западно-европейскихъ. Французы несомнѣнно являются самымъ западнымъ народомъ въ Европѣ въ томъ спеціальномъ смыслѣ, который придается слову „Западъ“ въ нашей политической литературѣ. Если наши публицисты говорятъ о „гніеніи Запада“ и ведутъ борьбу съ этимъ разлагающимся будто бы западно-европейскимъ міромъ, то при этомъ они прежде всего должны имѣть въ виду передовую представительницу западныхъ идей и учрежденій, Францію. Какъ же совмѣстить этотъ коренной антагонизмъ, неустанно и усердно разъясняемый въ нашей охранительной печати, съ тѣми взрывами сочувствія, которые должны свидѣтельствовать о нашей полной солидарности съ наиболѣе яркими представителями „гнилого Запада“? Говорить о безотчетныхъ народныхъ влеченіяхъ было бы едва ли справедливо въ данномъ случаѣ. Если не считать небольшого верхняго слоя нашего общества, то громадное большинство нашего населенія имѣетъ только весьма смутныя понятія о французскомъ народѣ; многіе знаютъ лишь, что въ былое время французы нападали на Россію, брали Москву и Севастополь, а затѣмъ побиты были нѣмцами. Еще менѣе свѣденій имѣетъ большинство французовъ о нашемъ отечествѣ; для нихъ Россія—отдаленная, невѣдомая, отчасти варварская страна, обладающая громадною и хорошею арміею. Гдѣ же почва для взаимнаго сближенія и серьезной дружбы? Разумѣется само собою, что эта почва заключается въ извѣстныхъ всѣмъ обстоятельствахъ современнаго международнаго положенія въ Европѣ, а вовсе не въ особыхъ внутреннихъ симпатіяхъ между французами и русскими. Эти симпатіи не мѣшали намъ враждовать съ Франціею при Наполеонѣ III и не будутъ и впредь мѣшать французамъ участвовать въ какихъ-либо непріязненныхъ дѣйствіяхъ противъ Россіи, если того потребуютъ измѣнившіяся политическія условія.

Послѣ несчастной войны 1870-71 годовъ Франція оказалась вполнѣ изолированною и безпомощною по отношенію къ Германіи; естественныя попытки возрожденія французскихъ военныхъ силъ разсматривались въ Берлинѣ какъ посягательство на кровные германскіе интересы, чѣмъ и вызванъ былъ извѣстный планъ 1875 года—добить французовъ окончательно, чтобы не дать имъ возможности подняться въ будущемъ. Перспектива полнаго владычества германской имперіи въ западной Европѣ не могла быть желательна для Россіи, которая очутилась бы тогда лицомъ къ лицу съ черезъ-чуръ сильнымъ сосѣдомъ, увѣреннымъ въ своемъ военномъ превосходствѣ и не сдерживаемымъ никакими посторонними соображеніями. Существованіе независимой и достаточно могущественной Франціи было

дѣломъ общаго интереса; оно было особенно необходимо для обезпеченія прочнаго мира и для предупрежденія дальнѣйшихъ воинственныхъ предпріятій Германіи, которыя могли быть направлены и противъ Россіи. Понятно поэтому, что русская дипломатія должна была употребить всѣ усилія, чтобы отвести отъ Франціи грозившій ей ударъ, хотя и рисковала при этомъ возбудить неудовольствіе берлинскаго кабинета. Система оборонительныхъ союзовъ, къ которой прибѣгла затѣмъ Германія, имѣла цѣлью оставить въ одиночествѣ Францію и сдѣлать безвреднымъ противодѣйствіе Россіи. Противъ Россіи выдвинута Австро-Венгрія, играющая видную роль въ тройственномъ союзѣ и придающая ему спеціально анти-русское направленіе въ области балканскихъ дѣлъ. Противъ Франціи, для болѣе вѣрнаго изолированія ея, выдвинута Италія, морскія силы которой могутъ отчасти уравновѣсить преимущества французскаго флота передъ германскимъ. Наконецъ, соглашеніе съ Англіею направлено одинаково и противъ Франціи, и противъ Россіи. При такомъ двойственномъ характерѣ „лиги мира" является совершенно естественнымъ и неизбѣжнымъ взаимное сближеніе тѣхъ двухъ державъ, противъ которыхъ эта лига предназначена дѣйствовать въ случаѣ надобности. Франко-русская дружба имѣетъ поэтому чисто оборонительное значеніе; она крѣпко держится лишь въ силу существованія и распространенія тройственнаго союза, угрожающаго, повидимому, одновременно и Франціи, и Россіи, хотя и въ различной мѣрѣ. И тройственный союзъ имѣетъ вполнѣ оборонительныя цѣли, какъ можно судить не только по категорическимъ заявленіямъ его руководителей, но и по опыту послѣднихъ лѣтъ: лига мира дѣйствительно соблюдаетъ миръ и до сихъ поръ не обнаруживаетъ еще никакихъ наступательныхъ замысловъ, опасныхъ для спокойствія другихъ народовъ. Было бы однако ошибочно думать, что такая оборонительная лига не должна давать повода къ образованію столь же оборонительнаго и мирнаго противовѣса со стороны государствъ, косвенно или прямо задѣваемыхъ политикою союзовъ. Германія и группирующіяся около нея державы могутъ добросовѣстно охранять миръ, не угрожая непосредственно ни Франціи, ни Россіи; но союзъ имѣетъ силу не только на случай войны, но и въ мирное время, и уже самый фактъ формальнаго соглашенія между кабинетами предполагаетъ совмѣстныя дѣйствія ихъ по текущимъ международнымъ вопросамъ, независимо отъ соображеній о гарантіяхъ прочнаго мира. Союзъ доставляетъ выгоды участникамъ и ослабляетъ положеніе разъединенныхъ противниковъ, даже при заботливой охранѣ общаго европейскаго status quo. Если австрійская дипломатія имѣетъ возможность дѣйствовать на востокѣ за-одно съ представителями Германіи и

Англіи, то она, конечно, достигнетъ несравненно бо̀льшихъ результатовъ, чѣмъ дипломатическіе дѣятели, опирающіеся на авторитетъ только одной какой-нибудь державы. При возникновеніи разногласій по какому-либо общему политическому вопросу вѣрнѣе всего побѣда останется за тою стороною, которая поддерживается дипломатами тройственнаго союза. Вліяніе одной Россіи или Франціи не можетъ быть съ успѣхомъ противопоставлено дѣйствіямъ соединенныхъ кабинетовъ Германіи, Австро-Венгріи, Англіи и Италіи. Краснорѣчивый примѣръ этого подавляющаго значенія среднеевропейской лиги мира мы видѣли въ новѣйшей исторіи Болгаріи—въ безпрепятственномъ водвореніи принца Кобургскаго на болгарскомъ престолѣ, вопреки всѣмъ нашимъ протестамъ, благодаря покровительству Австро-Венгріи и ея союзниковъ. По той же причинѣ все болѣе падаетъ наше вліяніе въ Константинополѣ за послѣдніе годы; о степени этого упадка можно судить по такимъ фактамъ, какъ недавняя оффиціальная аудіенція, данная впервые султаномъ двумъ представителямъ болгарскаго правительства (или „лже-правительства", по терминологіи нашихъ газетъ). Оставляя въ сторонѣ Болгарію, гдѣ наше дѣятельное вмѣшательство въ сущности не вызывалось дѣйствительною потребностью, легко представить себѣ случаи, когда политическая изолированность Россіи можетъ оказаться для нея весьма неудобною.

Очевидно, франко-русское соглашеніе имѣло бы большой практическій смыслъ, еслибы оно было простымъ противовѣсомъ чрезмѣрному преобладанію тройственнаго союза, направляемаго Германіею. Но едва ли думаютъ о такомъ мирномъ соглашеніи французскіе патріоты, столь восторженно относящіеся къ Россіи; они не скрываютъ своихъ истинныхъ надеждъ, для осуществленія которыхъ необходимо активное участіе милліонной русской арміи. Нельзя отрицать, что мысль объ обратномъ отнятіи Эльзаса и Лотарингіи у нѣмцевъ составляетъ завѣтную мечту французскихъ политическихъ дѣятелей и патріотовъ, къ какой бы партіи они ни принадлежали. Для нихъ дружба съ Россіею служитъ лишь предисловіемъ къ болѣе серьезному военному сближенію для совмѣстныхъ дѣйствій противъ Германіи. Французы, конечно, не имѣютъ въ виду быть нарушителями мира; они не ждутъ также внезапнаго нѣмецкаго нападенія, но они основательно готовятся къ событіямъ, которыя могутъ наступить совершенно неожиданно, въ каждый данный моментъ, подъ вліяніемъ какого-нибудь случайнаго конфликта. Франція располагаетъ теперь такими военными силами, что она можетъ не бояться разгрома со стороны Германіи; но шансы побѣды значительно увеличились бы, еслибы къ французской арміи могли примкнуть русскія войска. Мечтанія французовъ вполнѣ законны и естественны, съ точки зрѣнія

односторонняго патріотизма; вопросъ только въ томъ, соотвѣтствуютъ ли они интересамъ Россіи и можно ли серьезно говорить объ ея активномъ содѣйствіи, на которое, повидимому, твердо разсчитываютъ наши друзья. Никто не скажетъ у насъ, что Россія должна отдать своихъ солдатъ въ распоряженіе Франціи, съ цѣлью помочь ей возвратить подъ свою власть Эльзасъ и Лотарингію; подобнаго самоотверженія не ожидаютъ отъ насъ и самые легкомысленные изъ французовъ. Между тѣмъ идея о военномъ союзѣ противъ Германіи находитъ себѣ точку опоры въ томъ предположеніи, что у насъ господствуетъ ненависть и вражда къ нѣмцамъ и что эти чувства должны побудить насъ соединиться съ французами для общей борьбы съ германской имперіею. Что общая ненависть къ нѣмецкому народу составляетъ именно ту почву, на которой будто бы сходятся французы и русскіе,—это высказывается часто не только во французской печати, но и въ нашихъ патріотическихъ газетахъ, по крайней мѣрѣ косвенно и намеками. Такого рода недоразумѣнія должны быть своевременно и энергически устраняемы, для избѣжанія роковыхъ ошибокъ. Не слѣдуетъ давать укорениться убѣжденію, что русское общество проникнуто недоброжелательными чувствами къ мирной сосѣдней націи, которой мы столь многимъ обязаны въ области культурнаго и умственнаго развитія. Было бы крайне несправедливо относить къ нѣмецкому народу то раздраженіе или недовольство, которое вызывалось у насъ одно время двусмысленной политикою Бисмарка и нападками его оффиціальныхъ газетъ; матеріалъ для раздраженія исчезъ съ перемѣною канцлера, и теперь едва ли есть какое-либо основаніе приписывать генералу Каприви или самому Вильгельму II коварные планы противъ Россіи, о которыхъ столь часто говорилось въ прежнее время. Охлажденіе, установившееся между Россіею и Германіею за послѣдніе годы, не имѣетъ ничего общаго съ ненавистью или враждою; нѣтъ только союза или тѣсной дружбы, но взаимныя мирныя связи не ослабѣли, и твердое желаніе мира оставалось съ обѣихъ сторонъ руководящимъ принципомъ, отъ котораго не предвидятся уклоненія и въ ближайшемъ будущемъ. Подобно тому, какъ мы не претендуемъ на Германію за старанія ея заручиться возможно бо̀льшимъ числомъ союзниковъ, такъ и германская дипломатія не имѣетъ повода удивляться попыткамъ франко-русскаго сближенія; такъ же точно въ недавнихъ торжественныхъ проявленіяхъ франко-русской дружбы нѣмцы могутъ видѣть только скромный и довольно сдержанный отвѣтъ на неоднократныя шумныя манифестаціи, которыя устроивались германскимъ правительствомъ или вѣрнѣе императоромъ Вильгельмомъ II для подтвержденія великой роли и крѣпости тройственнаго союза.

Нѣмецкая печать отнеслась вообще довольно спокойно къ извѣстіямъ о празднествахъ, происходившихъ въ Кронштадтѣ и Петербургѣ по случаю прибытія французской эскадры. Въ разсужденіяхъ главныхъ берлинскихъ газетъ мы не замѣтили слѣдовъ того безпокойства, о которомъ усердно телеграфировали собственные корреспонденты одной здѣшней газеты изъ Вѣны и Берлина; скорѣе можно было замѣтить оттѣнокъ ироніи при оцѣнкѣ отдѣльныхъ эпизодовъ, но въ общемъ преобладали безпристрастные отзывы, иногда даже какъ бы благосклонные къ французамъ. Берлинская „National Zeitung“, вспоминая плачевныя блужданія французскаго флота около нѣмецкихъ береговъ лѣтомъ 1870 года, выражаетъ удовольствіе по поводу оваций, выпавшихъ на долю „храбрыхъ французскихъ моряковъ“ со стороны русскихъ властей и русскаго общества; жаль только, — говоритъ газета, — что бывшій начальникъ злополучной эскадры 1870 года не можетъ присутствовать при этомъ зрѣлищѣ. „Чѣмъ полнѣе французскій флотъ испытываетъ радость своего мирнаго соединенія съ русскимъ флотомъ,—продолжаетъ „National Zeitung“, — тѣмъ лучше для французовъ, ибо военная прогулка въ Балтійское море, вѣроятно, окончилась бы для нихъ болѣе печально. Нѣмецкіе крейсеры и миноноски не пропустили бы ихъ на этотъ разъ безъ крупныхъ поврежденій. Но несправедливо было бы портить имъ нынѣшнее возвышенное настроеніе. Нѣмцы, англичане, итальянцы, австрійцы и венгерцы обмѣнивались столь многочисленными тостами въ теченіе послѣднихъ недѣль, что и русскіе и французы должны наконецъ получить право слова. Это нужно уже ради возстановленія реторическаго равновѣсія, которое въ сущности соотвѣтствуетъ и политическому. Народъ, подобный французскому, опасенъ только тогда, когда ему не даютъ высказываться свободно. Онъ облегчаетъ свое сердце, когда имѣетъ возможность говорить о своей прошлой славѣ и переносить ее въ будущее. Тѣмъ охотнѣе можно предоставить русскимъ наслаждаться звуками марсельезы и дѣлать возгласы въ честь республики, въ теченіе нѣсколькихъ дней“. По мнѣнію „National-Zeitung“, первымъ послѣдствіемъ дѣйствительнаго союза между Франціею и Россіею было бы прямое присоединеніе Англіи къ тремъ средне-европейскимъ державамъ. Такое усиленіе тройственнаго союза не можетъ быть желательно ни французамъ, ни русскимъ; „но—замѣчаетъ газета — русскіе — народъ столь могущественный, а французы — народъ столь горячій, что никто не позволитъ себѣ давать имъ добрые совѣты“. Въ другой статьѣ той же газеты обсуждается столь же сдержанно политическое значеніе кронштадтскихъ празднествъ, причемъ указываются мотивы, побудившіе будто бы русское правительство согласиться на предположенную морскую демонстрацію.

„Впрочемъ,—прибавляетъ газета,—оборонительный союзъ между Франціею и Россіею, какъ хорошо извѣстно русскому правительству, остается по прежнему излишнимъ, а союзъ наступательный представлялъ бы такія опасности, что русская дипломатія, конечно, не думаетъ о немъ. Но русскому правительству можетъ доставить нѣкоторое удовлетвореніе то обстоятельство, что кронштадтскія и петербургскія празднества служатъ какъ бы противовѣсомъ посѣщенію Лондона Вильгельмомъ II, пребыванію англійской эскадры у береговъ Италіи и Австріи, рѣчамъ лорда Сольсбери, сэра Джемса Фергюссона и маркиза ди-Рудини о тройственномъ союзѣ".

Французскіе публицисты—если не считать сотрудниковъ бульварныхъ листковъ и уличныхъ патріотовъ — стараются избѣгнуть преувеличеній, которыя могутъ быть вызваны внѣшнимъ эффектомъ послѣднихъ франко-русскихъ манифестацій. „Между Франціею и Россіею,—говоритъ „Temps", — нѣтъ прямого союза, нѣтъ формальнаго договора. Русскія традиціи, какъ извѣстно, не допускаютъ такихъ положительныхъ обязательствъ. Россія достаточно ясно доказала съ 1856 года, что она ведетъ только русскую политику. Эта политика была поочередно благопріятна самымъ различнымъ державамъ,—сначала Пруссіи, пока не совершилось ея превращеніе въ единую и могущественную Германію, а потомъ, послѣ 1870 года и особенно послѣ берлинскаго конгресса, — Франціи, представляющей даже во время полнаго мира весьма значительную силу и опору для уравновѣшенія союза центральныхъ державъ и для противодѣйствія ихъ стремленіямъ подвигаться все болѣе къ морю, по направленію къ востоку. Группировка, образовавшаяся такимъ образомъ, привела Францію и Россію къ молчаливому соглашенію, не писанному, но реальному. Ни въ одномъ пунктѣ Европы и Азіи эти державы не имѣютъ противоположныхъ интересовъ, и обѣ онѣ проникнуты сознаніемъ одной высшей потребности—равновѣсія и мира. Эта политика, не обусловленная формальнымъ трактатомъ, дѣлала меньше шуму, чѣмъ другая, но она была не менѣе дѣйствительна. Она не перестанетъ дѣйствовать и въ будущемъ, къ великому благу спокойствія Европы и въ частности восточной державы, находящейся съ нами въ дружбѣ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ" (т.-е. турецкой имперіи).

Неожиданное указаніе на вѣковую дружбу съ Турціею и на пользу франко-русскаго сближенія для этихъ старыхъ друзей Франціи вполнѣ правильно освѣщаетъ истинныя стремленія и взгляды французовъ относительно внѣшней политики. Газета „Temps" находится, какъ извѣстно, въ близкихъ отношеніяхъ къ французскому министерству иностранныхъ дѣлъ, и ея слова о „вѣковой союзницѣ" сказаны не

на вѣтеръ. Серьезные политическіе дѣятели и публицисты Франціи вовсе не расположены отказаться отъ традиціонной политики ея на востокѣ и допустить расширеніе русскаго вліянія въ ущербъ Турціи. Молчаливое соглашеніе существуетъ, но оно распространяется лишь на западныя дѣла, а не на восточныя. Мечта нѣкоторыхъ нашихъ патріотовъ о завоеваніи Константинополя при помощи Франціи или по соглашенію съ нею есть совершенно напрасная иллюзія, ни на чемъ не основанная. Въ этомъ долженъ убѣдиться всякій, кто внимательно слѣдилъ за французскою политическою литературою и журналистикою послѣднихъ лѣтъ. Въ основѣ французскихъ сужденій о Россіи лежитъ все-таки значительный остатокъ недовѣрія къ русской политикѣ и къ ея предполагаемымъ честолюбивымъ планамъ. Французы, при всѣхъ своихъ разсчетахъ на русскую дружбу и поддержку, не забываютъ ни на минуту, что Россія—страна мало культурная, что она болѣе богата будущимъ, чѣмъ настоящимъ, и что способствовать увеличенію ея внѣшняго могущества было бы по многимъ причинамъ нежелательно съ западно-европейской и, слѣдовательно, также французской точки зрѣнія. Они согласны пользоваться содѣйствіемъ Россіи въ будущей борьбѣ съ Германіею, предполагая, что къ этой борьбѣ стремится будто бы русскій народъ. Это послѣднее заблужденіе не должно быть пропускаемо безъ вниманія, когда оно встрѣчается въ отзывахъ французской печати; необходимо избавить нашихъ французскихъ друзей отъ опасныхъ иллюзій, значеніе которыхъ хорошо оцѣнивается такими газетами, какъ „Temps“. Нужно положительно и разъ навсегда установить тотъ фактъ, что намъ нѣтъ никакого дѣла до территоріальныхъ счетовъ между Франціею и Германіею и что мы имѣемъ столь же мало основаній помогать французамъ въ дѣлѣ отобранія Эльзаса и Лотарингіи у нѣмцевъ, какъ французы—содѣйствовать намъ въ дѣлѣ завоеванія Константинополя и изгнанія турокъ изъ Европы. Не слѣдуетъ забывать, что франко-русская политическая дружба вызвана и питается лишь франко-германскою враждою: пусть сегодня Вильгельмъ II рѣшится устроить прочный компромиссъ съ французами посредствомъ отдачи имъ части Лотарингіи и нейтрализаціи Эльзаса, и наши отношенія съ Франціею тотчасъ станутъ опять такими, какими они были въ прежнее время. Подобный поворотъ вполнѣ возможенъ при частыхъ перемѣнахъ политической атмосферы въ Европѣ. Этого не отрицаютъ и сами французы, какъ видно изъ постоянно возникающихъ и серьезно обсуждаемыхъ въ парижской печати проектовъ примиренія и соглашенія съ Германіею.

Если ближе присмотрѣться къ фактамъ, возбудившимъ замѣтное движеніе въ области международной политики за послѣднее время,

то нельзя не убѣдиться, что это движеніе есть болѣе кажущееся, чѣмъ дѣйствительное. Все осталось какъ было: тройственный союзъ сохранилъ свою силу и значеніе; Англія по прежнему сочувствуетъ этому союзу, видя въ немъ гарантію общаго мира, и съ своей стороны признаетъ за собою обязанность заботиться о сохраненіи въ Средиземномъ морѣ существующаго status-quo, которому никто тамъ не угрожаетъ. Франко-русская дружба по прежнему не выходитъ за предѣлы простого выраженія обоюдныхъ симпатій; а чтобы лучше оттѣнить безобидный характеръ пребыванія у насъ французской эскадры, французское правительство посылаетъ ту же эскадру къ берегамъ Англіи, въ Портсмутъ, гдѣ выразила намѣреніе посѣтить ее королева Викторія. Газетные толки по поводу новыхъ доказательствъ оффиціальнаго сближенія между Франціею и Россіею не прибавили ничего новаго къ тому, что̀ было извѣстно и раньше. Общее политическое положеніе не подверглось никакимъ перемѣнамъ, но вопросы внѣшней политики едва не породили министерскихъ кризисовъ въ Италіи и Франціи.

Въ Италіи давно уже происходитъ дѣятельная агитація противъ системы союзовъ, усвоенной при министерствѣ Криспи и вовлекшей страну въ непосильныя вооруженія и затраты. Оппозиція справедливо указывала на ненужность и разорительность предпріимчивой внѣшней политики для Италіи, гдѣ большинство населенія страдаетъ отъ хроническихъ хозяйственныхъ кризисовъ и гдѣ чувствуется настоятельная потребность въ цѣломъ рядѣ элементарныхъ реформъ на пользу народа. Желаніе сблизиться съ Германіею и слѣдовать за нею въ области высшей европейской политики очень дорого обошлось Италіи; оно испортило старыя отношенія съ Франціею, увеличило требованія военнаго бюджета и совершенно разстроило финансы страны. Эти печальные результаты были настолько ясны и осязательны для всѣхъ, что Криспи не могъ удержаться на мѣстѣ, несмотря на свою ловкость и искусство. При новомъ министерствѣ Рудини предполагался нѣкоторый поворотъ въ сторону внутреннихъ задачъ и вопросовъ, которымъ правительство должно было удѣлить наибольшее вниманіе; внѣшняя политика должна была сдѣлаться болѣе умѣренною, и самое возобновленіе союза съ Германіею считалось сомнительнымъ. Значительная часть общественнаго мнѣнія въ Италіи была рѣшительно противъ этого союза; дѣятели оппозиціи устроивали публичные митинги для обсужденія вопроса, и многіе надѣялись, что министерство не рѣшится пойти противъ этого общаго, повидимому, теченія. Надежды, однако, не оправдались. Министръ внутреннихъ дѣлъ Никотера запретилъ созывать публичныя сходки для обсужденія внѣшней политики правительства. По этому поводу сдѣланы были

въ парламентѣ два запроса: депутатъ Колаянни, отъ имени пятнадцати членовъ крайней лѣвой, требовалъ объясненія, по какому праву министерство запрещаетъ публичное обсужденіе дѣла, представляющаго первостепенный публичный интересъ; съ другой стороны депутатъ Кавальотти требовалъ болѣе точныхъ и положительныхъ свѣденій о содержаніи обязательствъ, принятыхъ на себя Италіею относительно Германіи и Австро-Венгріи, а также объ основахъ новѣйшаго соглашенія съ Англіею. Министерство думало воспользоваться запросомъ Кавальотти, чтобы дать нужныя объясненія о состоявшемся возобновленіи тройственнаго вопроса и избѣгнуть подробнаго обсужденія перваго запроса, затрогивавшаго нѣкоторыя щекотливыя стороны внутренней политики. При прежнихъ кабинетахъ неоднократно высказывались упреки министрамъ за то, что правильное дѣйствіе конституціи нарушается ради соображеній международной дипломатіи, и это же обвиненіе выражалось косвенно въ запросѣ Колаянни. Бурное засѣданіе палаты депутатовъ (27-го іюня, н. ст.) было почти исключительно посвящено горячимъ спорамъ о томъ, который изъ предъявленныхъ запросовъ долженъ быть разсмотрѣнъ раньше. Оппозиція не хотѣла дать правительству возможности уклониться отъ отвѣта по поводу распоряженій Никотеры, и съ этою цѣлью, чтобы очистить мѣсто запросу Колаянни, депутатъ Кавальотти взялъ назадъ свой запросъ о тройственномъ союзѣ. Тогда одинъ изъ бывшихъ членовъ кабинета Криспи, Бринъ, предъявилъ этотъ же запросъ отъ своего имени, по соглашенію съ министерствомъ. Шумныя сцены, которыя произошли вслѣдствіе этого въ палатѣ, сдѣлали невозможнымъ какое бы то ни было обсужденіе, и президенту Біанкери пришлось закрыть засѣданіе. Тѣ же сцены повторились на слѣдующій день, 28-го іюня, когда Бринъ безуспѣшно пытался мотивировать свой запросъ, а министръ Рудини пробовалъ отвѣчать извѣстнымъ заявленіемъ о поддержаніи и укрѣпленіи союзовъ, заключенныхъ при прежнемъ министерствѣ. Никто не разслышалъ этого важнаго заявленія, прочитаннаго среди невообразимаго шума, какого не запомнятъ старѣйшіе дѣятели итальянскаго парламента. При такихъ печальныхъ обстоятельствахъ возвѣщенъ былъ Италіи важный фактъ возобновленія тройственнаго союза на дальнѣйшія шесть лѣтъ. Говорили о министерскомъ кризисѣ; но кабинетъ рѣшилъ отложить спорные вопросы до осени, а засѣданія парламента закрылись.

Что касается положенія министерства Фрейсинэ во Франціи, то оно подверглось серьезной опасности по поводу запроса Франсиса Лора о затрудненіяхъ въ выдачѣ паспортовъ французскимъ торговымъ агентамъ, имѣющимъ надобность въ разъѣздахъ по Эльзасъ-Лотарингіи. Министръ Рибо просилъ палату отсрочить обсужденіе

этого запроса, а палата, вопреки требованію министра, признала обсужденіе неотложнымъ, въ засѣданіи 16-го іюля (н. ст.). Впрочемъ, на слѣдующій же день, послѣ подробныхъ объясненій министра, палата поправила свою ошибку и отложила запросъ Лора на неопредѣленное время. Французская палата приняла также одно важное рѣшеніе, несогласное съ доводами и объясненіями министра Рибо, по внѣшней политикѣ: она не согласилась утвердить акты брюссельской конференціи о мѣрахъ къ уничтоженію торга невольниками, такъ какъ постановленія этихъ актовъ допускали контроль иностранныхъ военныхъ кораблей относительно судовъ, возбуждающихъ противъ себя почему-либо подозрѣніе въ прикосновенности къ означенной преступной торговлѣ. Англія, господствующая на моряхъ, пріобрѣла бы такимъ образомъ для своихъ броненосцевъ и крейсеровъ весьма существенное право задерживать и осматривать чужіе коммерческіе корабли, подъ предлогомъ предупрежденія торговли невольниками, и французская палата, большинствомъ 439 голосовъ противъ 104, оставила безъ утвержденія предложенные ей акты прошлогодней брюссельской конференціи, равно какъ и протоколъ, подписанный въ Парижѣ 9-го февраля текущаго года. Такъ какъ рѣшеніе это не касается общей политики кабинета, то оно не повліяло на его прочность, и при настоящихъ обстоятельствахъ нѣтъ основанія ожидать скорой перемѣны министерства въ Парижѣ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го августа 1891.

— *Джьованни Боккаччьо. Декамеронъ.* Переводъ Александра *Веселовскаго*, съ этюдомъ о Боккачьо. Иллюстраціи французскихъ художниковъ: Баронъ (а?), Жоанно, Эми, Нантейля и пр. Томъ I. М. 1891.

Въ послѣднее время мы не однажды указывали на появленіе у насъ переводовъ знаменитыхъ произведеній всеобщей литературы отъ греческихъ и римскихъ классиковъ до литературы средневѣковой и восемнадцатаго вѣка, и говорили о томъ, какое значеніе имѣетъ на нашъ взглядъ перенесеніе этихъ произведеній на почву нашей словесности. Если наша литература должна служить просвѣщенію великаго народа, если ей самой суждено внести нѣкогда и свой вкладъ въ общее умственное и поэтическое достояніе человѣчества (начатки этого мы, кажется, можемъ видѣть въ послѣднее время), то однимъ изъ необходимыхъ условій для этого является усвоеніе тѣхъ общечеловѣческихъ результатовъ просвѣщенія, какіе заключены во всемірной литературѣ, а это усвоеніе требуетъ возможно широкаго изученія этихъ результатовъ не только въ современномъ состояніи литературъ, но и въ ихъ прошедшемъ. То, что̀ нѣкогда было великимъ пріобрѣтеніемъ данной эпохи у того или другого изъ руководящихъ народовъ Европы, что̀ оказало сильное вліяніе или цѣлый переворотъ въ общемъ развитіи идей литературныхъ, общественныхъ, нравственныхъ, не должно остаться чуждымъ нашей литературѣ; напротивъ, для того, чтобы сознательно, органически воспринимать движенія новѣйшей европейской мысли и поэзіи и воспользоваться въ нихъ тѣмъ, что̀ есть въ нихъ высокаго и общечеловѣческаго, мы должны знать ихъ антецеденты, ихъ прошедшее развитіе, такъ какъ только при этомъ мы въ состояніи будемъ понять ихъ въ полномъ историческомъ составѣ и значеніи. Историческая слава давно отмѣтила въ литературѣ тѣ произведенія, которымъ принадлежало нѣкогда такое

основное вліяніе на развитіе европейскаго просвѣщенія и поэзіи: онѣ до сихъ поръ у всѣхъ на устахъ; онѣ постоянно цитируются, какъ историческое воспоминаніе, какъ глубокая мысль, какъ поэтическая картина; онѣ являются дѣйствительно общимъ достояніемъ просвѣщенныхъ народовъ: Гомеръ, Софоклъ, Аристофанъ; Виргилій, Горацій, Цицеронъ, Тацитъ; Дантъ и Боккаччьо; Шекспиръ; Расинъ, Корнель и Мольеръ и т. д., бываютъ знакомы, иногда хотя по имени, со школьной поры; знать ихъ обязательно для образованнаго человѣка и усвоить ихъ въ переводѣ обязательно для большой литературы. Мы видимъ дѣйствительно, что произведенія этого всемірнаго значенія появляются въ переводѣ на всѣхъ языкахъ, имѣющихъ сколько-нибудь значительную литературу. Простая инстинктивная любознательность побуждала дѣлать переводы подобныхъ произведеній и къ этому еще болѣе должно побудить сознательное пониманіе историческаго значенія подобныхъ произведеній. Когда въ прошломъ столѣтіи наша литература впервые вышла изъ своего тѣснаго патріархальнаго горизонта, она прежде всего представила цѣлую массу переводовъ — не только такихъ эфемерныхъ произведеній, которыя были любопытны читателямъ въ данную минуту, но и произведеній классическихъ, древнихъ и новыхъ. Особенное оживленіе нашей литературы прошлаго вѣка, ея первые опыты самостоятельнаго творчества сказались во времена Екатерины II, и именно на этотъ періодъ приходится множество переводовъ того рода, о какомъ мы говоримъ. Торопились познакомиться съ знаменитыми произведеніями иноземныхъ литературъ, слава которыхъ дошла и до людей средняго уровня образованія. Знанія было еще не много; тонкости были пока мало понятны, и потому не затруднялись переводить и греческаго классика, и писателя итальянскаго и англійскаго съ французскаго языка, который былъ наиболѣе извѣстенъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и эти переводы, при всемъ ихъ съ разныхъ сторонъ несовершенствѣ, принесли немалую пользу въ общемъ счетѣ нашего образованія.

Въ настоящее время, когда сильно развилось кромѣ литературнаго вкуса и языка историческое чувство, переводъ получаетъ, конечно, иное значеніе. Если старые переводы восемнадцатаго вѣка имѣли, такъ сказать, смыслъ элементарнаго обученія, теперь переводъ извѣстнаго классическаго произведенія является вмѣстѣ фактомъ историческаго изученія эпохи и народа, трудомъ въ области стиля и языка, которые должны передать особенный колоритъ подлинника. Послѣднее почувствовано было уже давно. Когда въ первый разъ являлось то историческое сознаніе, о которомъ мы говорили, и переводъ переставалъ быть дѣломъ одной элементарной любознательности и въ немъ стала чувствоваться другая сторона—что онъ какъ бы возстановлялъ

общечеловѣческое и историческое родство разныхъ эпохъ, племенъ и цивилизацій,— дать выработанный и изящный переводъ чужого классическаго произведенія стало считаться особой литературной заслугой, не только въ томъ смыслѣ, что литературѣ усвоивалось содержаніе знаменитаго произведенія, но и въ томъ, что дѣлалось пріобрѣтеніе для своего собственнаго языка, въ которомъ искусный переводчикъ находилъ средства для передачи чужой рѣчи, чужого содержанія съ колоритомъ иного вѣка, иныхъ нравовъ, иной внѣшней природы. Такой переводъ считался равнымъ самостоятельной литературной заслугѣ: такъ въ прошломъ столѣтіи цѣнили въ Германіи Фоссовъ переводъ Гомера или „Stimmen der Völker“ Гердера; такъ цѣнили у насъ переводъ „Иліады“ Гнѣдича и т. д. Это стремленіе уловить „колоритъ“ мѣста и эпохи, передать народную особенность казалось на первое время достоинствомъ стилистическимъ; но за этимъ внѣшнимъ достоинствомъ шло достоинство внутреннее—умѣнье перенестись въ другую эпоху, воспринять ея нравственное, общечеловѣческое содержаніе, пережить въ немъ долю той исторіи, результатъ которой унаслѣдованъ нами въ произведеніяхъ давней чужой литературы. Это послѣднее въ особенности сознается въ наше время, когда самыя изученія литературы получили небывалые прежде размѣры и по обширности ихъ объема, и по многосторонности точекъ зрѣнія. Какъ мы замѣтили, многое изъ древнихъ и новѣйшихъ иностранныхъ литературъ являлось въ русскихъ переводахъ еще съ прошлаго столѣтія; но это могли быть только первые опыты, когда и самыя переводимыя произведенія не были достаточно ясны по неразвитости нашей собственной литературы, не былъ выработанъ и нашъ литературный языкъ настолько, чтобы свободно и стройно передать чужое содержаніе и особенности стиля; наконецъ, быстрое развитіе нашей литературы дѣлаетъ то, что не только книги конца прошлаго столѣтія, но и книги 30-хъ и 40-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія являются для насъ устарѣлыми. Запасъ литературнаго опыта и знаній такъ увеличился, языкъ настолько обогатился, что вопросъ о переводѣ классическаго произведенія можетъ быть поставленъ въ наше время вновь—уже съ гораздо болѣе широкимъ пониманіемъ его значенія, и отъ исполненія требуется гораздо больше, чѣмъ бывало въ прежнее время. Тѣ переводы, какіе начинаютъ появляться въ послѣднія десятилѣтія, бываютъ нерѣдко капитальнымъ пріобрѣтеніемъ нашей литературы, обогащая ея историческое содержаніе.

Къ числу такихъ пріобрѣтеній принадлежитъ знаменитый „Декаметронъ“, являющійся теперь въ переводѣ г. Веселовскаго. Пока вышелъ одинъ первый томъ, и мы теперь отмѣтимъ только появленіе книги, чтобы подробнѣе остановиться на ней по окончаніи изданія,

когда долженъ появиться и спеціальный этюдъ о Боккаччьо г. Веселовскаго. Въ первомъ томѣ переводчикъ помѣстилъ только „вмѣсто предисловія“ замѣтки о томъ, какъ являлся до сихъ поръ Боккаччьо въ русской литературѣ, какъ должно смотрѣть на итальянскаго писателя, произведенія котораго считали часто безнравственными, и въ чемъ должна состоять задача переводчика такого произведенія. По историческимъ справкамъ оказывается, что нѣсколько новеллъ изъ Декамерона впервые появились на русскомъ языкѣ еще въ концѣ XVII-го вѣка, въ переводѣ съ польскаго. Затѣмъ въ XVIII вѣкѣ двѣ повѣсти „Ивана Бокація, славнаго флорентинца“, были помѣщены въ одномъ журналѣ 1764 года. Въ нашемъ столѣтіи опытъ переводить Боккаччьо сдѣланъ былъ Батюшковымъ и ограничился двумя эпизодами Декамерона и, наконецъ, въ послѣднее время появилось въ разныхъ изданіяхъ нѣсколько разрозненныхъ повѣстей. Такимъ образомъ, Декамеронъ, несмотря на его славу, остается у насъ очень мало извѣстенъ и настоящее изданіе является тѣмъ болѣе важнымъ вкладомъ въ историческій запасъ нашей литературы, что переводъ сдѣланъ извѣстнымъ спеціалистомъ по средневѣковой литературѣ и, вѣроятно, лучшимъ у насъ знатокомъ стараго итальянскаго языка.

О пріемахъ своего перевода г. Веселовскій говоритъ: „Предлагаемый нынѣ переводъ—первый у насъ опытъ полной (за незначительными пропусками) передачи Декамерона. Переводчикъ задался цѣлью возможно точно передать фразу подлинника, насколько то позволили средства русскаго языка и снаровка переводчика—не художника стиля, не избѣгая нѣкоторыхъ шероховатостей, накопленія эпитетовъ, длинно вьющейся фразы. Такимъ образомъ, онъ надѣялся уловить „манеру Боккаччьо“, въ которой заключается не послѣднее обаяніе Декамерона для тѣхъ, кто читаетъ его въ подлинникѣ.

„Боккаччьо — своеобразный стилистъ; заставляетъ ли онъ свои дѣйствующія лица обмѣниваться летучею фразой въ будничной бесѣдѣ, или періодизируетъ, его рѣчь всегда нѣсколько торжественно поднята; его цицероновскіе періоды нравились современникамъ, надолго опредѣлили преданіе итальянской прозы и теперь еще привлекаютъ итальянца вычурной прелестью архаизма. Это впечатлѣніе и хотѣлось сохранить; далѣе этого мы никогда не пойдемъ, потому что не въ состояніи пережить впечатлѣнія, которое Декамеронъ производилъ на современниковъ“.

Относительно репутаціи безнравственности, какую нерѣдко даютъ этому произведенію, г. Веселовскій замѣчаетъ:

„Въ торжественной оправѣ стиля рядомъ съ новеллами героическаго характера откровенныя картинки быта выглядываютъ наивно, вызывая веселье и смѣхъ заявленіемъ извѣстнаго, иногда нескром-

наго факта, не пряча его, но и не анализуя любовно, всего менѣе зазывая воображеніе за тотъ флёръ, который предательски набрасываетъ на него неумытный протоколизмъ современнаго французскаго романа. Сравненіе съ нимъ сниметъ съ Декамерона роковую репутацію безнравственности,—репутацію, сложившуюся отчасти вслѣдствіе смѣшенія нравственнаго съ пристойнымъ. Въ первомъ отношеніи мы не далеко ушли отъ Декамерона: тѣ же необойденные вопросы и та же неясность рѣшеній волнуютъ и насъ, только усиленные накопившимся матеріаломъ рефлексіи. Въ смыслѣ пристойности мы усовершенствовали декорумъ до ханжества, все окутывающаго и все позволяющаго разглядѣть. Въ этомъ Боккаччьо неповиненъ, онъ не бередитъ воображенія; здоровый протоколистъ жизни, онъ даетъ одинаковое мѣсто на солнцѣ и движеніямъ чувственности, и проявленіямъ той человѣчности, въ которой полагалъ источникъ истиннаго благородства. Онъ ждетъ себѣ и читателей съ такою же широтою жизненнаго взгляда".

Г. Веселовскій приводитъ еще въ томъ же смыслѣ слова извѣстнаго итальянскаго писателя Кардуччи, сказанныя въ 500-лѣтнюю годовщину Боккаччьо (нѣсколько лѣтъ тому назадъ): „Кто сталъ бы проповѣдовать, что онъ испортилъ нравы, лишилъ женщину вѣры и цѣломудрія, что онъ унижаетъ любовь и посягаетъ на семью, тотъ забылъ, либо сознательно скрываетъ многое; забылъ беззавѣтную любовь бѣдной Лизы и принцессы Гисмонды, благородную щедрость Федериго дельи Альбериги и состязаніе въ великодушіи Тито и Джизиппо; забылъ неземныя страданія Гризельды, пастушки, до муки испытанной супругомъ маркизомъ, Гризельды, образу которой не въ состояніи противопоставить подобнаго вся поэзія рыцарства,—тотъ человѣкъ сознательно скрываетъ, что лишь въ очень немногихъ новеллахъ царитъ голая чувственность, что чувственность болѣе грубая господствовала и ранѣе даже въ народной пѣснѣ, вызванная ханжествомъ рыцарской мистики и крайностями аскетизма... Боккаччьо былъ поэтъ здоровый, и появленіе порнографіи въ литературѣ было дѣломъ другихъ временъ и другихъ писателей".

— *Домра* и сродные ей музыкальные инструменты русскаго народа. Балалайка, кобза, бандура, торбанъ, гитара. Историческій очеркъ съ многочисленными рисунками и нотными примѣрами. Ал. С. *Фаминцына*. Спб. 1891.

Мы имѣли случай говорить о трудахъ г. Фаминцына, посвящаемыхъ исторіи русской народной музыки или, на первый разъ, ея музыкальнымъ инструментамъ и исполненію. Таковы были его книги

о „Гусляхъ“ и о „Скоморохахъ“. Въ настоящемъ случаѣ онъ останавливается на объясненіи инструмента, о которомъ сохранились въ источникахъ только самыя неопредѣленныя указанія: „домра̀“ только названа, безъ всякаго объясненія, въ старыхъ памятникахъ, — но, собравъ упоминанія объ этомъ инструментѣ у русскихъ, и поставивъ это въ связь съ извѣстіями о подобныхъ инструментахъ у другихъ народовъ, г. Фаминцынъ далъ весьма интересное изслѣдованіе, представляющее цѣлый обширный эпизодъ изъ исторіи нашей народной музыки. Дѣло въ томъ, что онъ прослѣдилъ исторію всѣхъ инструментовъ того типа, къ которому принадлежала „домра̀“,—какъ балалайка, кобза, бандура, торбанъ и гитара, съ ихъ разнообразными международными формами и историческими связями.

Старая наша письменность съ ея господствующимъ аскетическимъ направленіемъ, какъ извѣстно, относилась вообще съ суровымъ осужденіемъ къ тѣмъ формамъ народнаго быта, которыя по ея мнѣнію были въ противорѣчіи съ церковнымъ благочестіемъ. Во всей древней письменности нашей нѣтъ ни одного описанія народнаго быта, которое составлено было бы въ тонѣ спокойнаго фактическаго описанія, съ какимъ-либо интересомъ къ народному обычаю, преданію, поэзіи, —обо всемъ этомъ говорится только случайно, съ единственною цѣлью изобличенія „поганскаго“ обычая. Вслѣдствіе того мы можемъ вообще реставрировать древній народный обычай только по случайнымъ упоминаніямъ старыхъ памятниковъ и по сохранившемуся обычаю современному. Древній книжникъ считалъ ниже своего достоинства описывать народный обычай, который на его взглядъ былъ только дѣломъ дьявольскаго соблазна; отъ всей нашей древней письменности не осталось ни одной записанной пѣсни — только къ концу московскаго періода являются первыя записи былинъ, получившихъ къ тому времени значеніе сказки. Такимъ же образомъ не осталось никакихъ ясныхъ указаній о народной музыкѣ и музыкальныхъ инструментахъ. Письменныя упоминанія объ инструментѣ, называвшемся домра̀, начинаются съ XVI-го вѣка, продолжаются въ XVII, кончаясь въ XVIII столѣтіи, такъ что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ какой-нибудь очень далекой стариной, и между тѣмъ историкъ нашей народной музыки встрѣчаетъ въ ея объясненіи такія трудности, какъ еслибы шла рѣчь о X—XI вѣкѣ: не сохранилось ни описанія домры, ни ея изображенія, ни тѣмъ менѣе археологическаго экземпляра въ нашихъ музеяхъ. Г. Фаминцынъ указываетъ въ первыхъ строкахъ своего изслѣдованія это смутное положеніе вопроса, когда наши наиболѣе компетентные археологи не умѣли даже составить себѣ понятія о томъ, какой это былъ инструментъ—струнный, духовой или ударный.

„Несмотря на довольно частыя упоминанія о домрѣ, — говоритъ

г. Фаминцынъ,—до насъ не дошло ни изображенія, ни даже описанія этого инструмента, вслѣдствіе чего представленія о немъ до послѣдняго времени были самыя шаткія, гадательныя: не знали даже въ точности, къ какому роду инструментовъ должна быть отнесена домра̀, и въ то время какъ нѣкоторые признавали ее за инструментъ струнный, другіе предполагали, что она была инструментъ духовой, причемъ пытались объяснить названіе его изъ санскритскаго корня... Костомаровъ, наконецъ, очевидно причислялъ домру къ разряду инструментовъ ударныхъ. Къ счастью, въ нѣкоторыхъ старинныхъ дворцовыхъ записяхъ первой половины XVII столѣтія сохранились свидѣтельства о домрачеяхъ, т.-е. игрецахъ на домрахъ, и о выдававшихся имъ деньгахъ на покупку *домерныхъ струнъ*, изъ чего съ полною несомнѣнностью заключаемъ, что домра была *инструментъ струнный*".

Не находя никакого объясненія этого инструмента въ нашихъ источникахъ, ни объясненія его названія въ русскомъ языкѣ, нашъ изслѣдователь обращаетъ свои поиски къ нашимъ ближайшимъ сосѣдямъ на востокѣ и западѣ: на западѣ онъ не находитъ ничего подобнаго, но у сосѣдей восточныхъ оказывается очень распространенный инструментъ съ названіемъ весьма близкимъ къ нашему, даже тождественнымъ, и этотъ инструментъ вполнѣ разрѣшаетъ вопросъ о русской домрѣ. Инструментъ съ подобнымъ названіемъ: домръ, домра, дунбура, думбра, домбуръ, весьма распространенъ и до сихъ поръ существуетъ у нашихъ восточныхъ сосѣдей—татаръ, калмыковъ, киргизовъ, монголовъ, и съ нѣкоторыми видоизмѣненіями вообще очень распространенъ на востокѣ. Это инструментъ—двухъ-струнный, трехъ-струнный, въ родѣ балалайки, и пришелъ къ намъ, очевидно, отъ этого восточнаго сосѣдства: всего скорѣе отъ сосѣдства ближайшаго, т.-е. отъ татаръ. Разыскивая происхожденіе этой восточно-азіатской домры, г. Фаминцынъ находитъ ея прототипъ въ далекой древности въ арабско-персидскомъ тумбурѣ или танбурѣ, который былъ родоначальникомъ позднѣйшихъ формъ этого инструмента, въ томъ числѣ и русской домры. Поиски г. Фаминцына въ исторіи восточной музыки едва ли оставляютъ въ этомъ сомнѣніе. Въ старыхъ письменныхъ памятникахъ нашихъ, домра̀, по словамъ г. Фаминцына, должна пониматься какъ извѣстная форма струннаго инструмента рядомъ съ гуслями (инструментомъ арфообразнымъ) и смыками (инструментами смычковыми); восточные инструменты съ ихъ названіями, подходящими къ старому русскому названію (домбуръ—дунбура—думбра—домбра—домръ—домра), объясняются упоминающими о нихъ писателями, какъ „азіатская балалайка". „Всѣ вышеизложенныя обстоятельства,—говоритъ г. Фаминцынъ,—приво-

дятъ насъ къ вѣроятному предположенію, что русская домра была такимъ же потомкомъ древняго арабско-персидскаго танбура, какъ и только-что перечисленныя „азіатскія балалайки“, а равно и южно-славянская танбура. Если это предположеніе справедливо, то домра̀, вѣроятно, подобно азіатскимъ собратьямъ своимъ, имѣла только двѣ струны, какъ и древній танбуръ, а равно и позднѣйшая, очевидно замѣстившая домру, двуструнная же балалайка“ (стр. 45).

Разсматривая однородные струнные инструменты русской народной музыки, г. Фаминцынъ между прочимъ съ большою подробностью останавливается на малорусскихъ кобзѣ и бандурѣ. Это—два различные инструмента, которыхъ названія перемѣшались однако въ народномъ употребленіи, какъ это нерѣдко случалось съ народными инструментами, такъ что кобзой стали называть и бандуру, которую употребляли пѣвцы народныхъ эпическихъ думъ, и этихъ пѣвцовъ безразлично называли и бандуристами, и кобзарями. Кобза — инструментъ несомнѣнно тюркскаго происхожденія. Слѣдя ея исторію, г. Фаминцынъ находитъ ее у древнихъ половцевъ, у татаръ, турокъ, венгерцевъ, румынъ, чеховъ, поляковъ, литовцевъ, наконецъ малоруссовъ. Старѣйшее извѣстіе о кобзѣ у малороссовъ встрѣчается въ XVI столѣтіи; козаки, по словамъ г. Фаминцына, могли заимствовать кобзу отъ сосѣднихъ татаръ черноморскихъ, съ XV в. образовавшихъ на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря крымскую орду (стр. 100). Съ другой стороны, родиной бандуры была Англія, гдѣ она была изобрѣтена, какъ говорятъ, въ царствованіе Елизаветы въ 1561 году (Pandorra, Bandoer). Затѣмъ мы видимъ ее у испанцевъ, итальянцевъ, французовъ, нѣмцевъ, наконецъ въ Польшѣ и Малороссіи. „Замѣчательно,—говоритъ г. Фаминцынъ,—что инструменту, изобрѣтенному въ Англіи, обошедшему всю западную Европу, гдѣ онъ болѣе или менѣе укоренялся (напр. въ Италіи), или, вслѣдъ за появленіемъ своимъ, исчезалъ изъ употребленія, что этому инструменту суждено было сдѣлаться народнымъ инструментомъ малоруссовъ. Конечно, нынѣшняя малорусская бандура во многихъ отношеніяхъ существенно отличается отъ старинной англійской бандоры, но какъ имя ея, совпадающее съ именемъ западно-европейскаго инструмента, такъ и приблизительное время ея появленія въ рукахъ народныхъ пѣвцовъ украинскихъ, прямое отождествленіе малорусской бандуры съ соименнымъ ему западно-европейскимъ инструментомъ у писателей прошедшаго и начала нынѣшняго столѣтія, въ особенности же нѣкоторыя спеціальныя черты въ строѣ, названіяхъ струнъ и нѣкоторыхъ частей инструмента—убѣждаютъ въ томъ, что украинская бандура не есть наслѣдіе древнѣйшихъ временъ, о которомъ мечтаютъ нѣкоторые авторы, что она не тождественна съ классической пандурой (о кото-

рой мы никакого понятія не имѣемъ), а представляетъ заимствованіе уже въ позднѣйшія времена новѣйшаго изобрѣтенія западно-европейскаго“ (стр. 119—120). Возможность проникновенія бандуры въ Малороссію г. Фаминцынъ объясняетъ тѣмъ наплывомъ западно-европейскихъ элементовъ, какой совершился здѣсь черезъ Польшу въ XVI—XVII столѣтіи. При старомъ польскомъ дворѣ процвѣтала иностранная музыка, между прочимъ съ итальянскими музыкантами, и у польскихъ писателей упоминается бандуристъ еще въ концѣ XVI столѣтія. Читатель найдетъ у г. Фаминцына любопытную исторію этого инструмента, который между прочимъ занялъ не послѣднее мѣсто и въ русской придворной музыкѣ прошлаго столѣтія. Изъ Украйны бандуристы проникли ко двору и въ дома русскихъ вельможъ, въ качествѣ домашнихъ музыкантовъ. Извѣстный Штелинъ въ „Извѣстіи о музыкѣ въ Россіи“ (1769), разсказываетъ объ этомъ распространеніи бандуры: Украйна, по его словамъ, отличается въ Россіи особенною музыкальностью народа, какъ Провансъ во Франціи. „Наиболѣе употребительный инструментъ—бандура, на которой искусные украинцы играютъ прекраснѣйшіе польскіе и украинскіе танцы и звуками которой они умѣютъ сопровождать многочисленныя, весьма нѣжныя свои пѣсни. Вслѣдствіе того, что очень многіе люди въ Украйнѣ съ особеннымъ прилежаніемъ обучаются игрѣ на этомъ инструментѣ, издавна уже тамъ бываетъ изобиліе въ бандуристахъ. Изъ нихъ въ прежніе годы многіе время отъ времени отправлялись въ Москву и Петербургъ, гдѣ они принимались въ домахъ русскихъ вельможъ въ качествѣ домашнихъ музыкантовъ... Я зналъ нѣсколько отличнѣйшихъ бандуристовъ, умѣвшихъ при пѣніи и игрѣ, подъ звуки своихъ мелодій, прекрасно плясать по комнатѣ по-украински и, не прерывая игры, подносить ко рту и выпивать поставленный на бандуру полный стаканъ вина. Они постоянно отличаются въ знатныхъ домахъ отъ прочихъ слугъ своимъ одѣяніемъ, такъ какъ они носятъ не французское или нѣмецкое платье, а длинную и легкую украинскую одежду съ разрѣзными и висящими рукавами верхняго платья, подобно польскому, при чемъ они во время игры и пляски обыкновенно поднимаютъ переднія полы и подсовываютъ ихъ подъ кушакъ“ (стр. 133—134). Штелинъ замѣчаетъ, что „въ послѣднія двадцать съ небольшимъ лѣтъ“, т.-е. съ начала царствованія Елизаветы, эти бандуристы постепенно стали убывать изъ домовъ русскихъ вельможъ, по мѣрѣ того, какъ являлись новые инструменты (между прочимъ „клавиръ“) и распространялась любовь къ итальянской музыкѣ.

Одинъ изъ интереснѣйшихъ вопросовъ заключается здѣсь въ характерѣ той музыки, для исполненія которой служили (въ послѣднее время) кобза и бандура, музыки эпическихъ думъ и религіозно-поучи-

тельныхъ стиховъ. Въ первый разъ привлекли вниманіе къ этому вопросу думы и пѣсни извѣстнаго кобзаря Остапа Вересая, бывавшаго и въ Петербургѣ. По поводу его музыки, записанной г. Лисенкомъ, г. Фаминцынъ говоритъ, что эти думы и пѣсни религіозно-нравственнаго содержанія „рѣзко отличаются отъ чисто-народныхъ пѣсенъ малорусскихъ. Мелодіи Вересая основываются по большей части на своеобразныхъ гаммахъ, хроматически украшенныхъ. Эти гаммы, съ ихъ напряженными чрезмѣрными интервалами, совсѣмъ неизвѣстны и чужды великорусскому слуху и мало свойственны малорусскому народному пѣнію".

Указавъ нѣкоторые виды такихъ гаммъ, свойственныхъ также ново-грекамъ, южнымъ и отчасти западнымъ славянамъ и венграмъ, г. Фаминцынъ говоритъ, что въ нихъ „несомнѣнно обнаруживается вліяніе востока" и дѣлаетъ предположеніе, что они могли быть заимствованы у сербскихъ пѣвцовъ, которые въ XVI и XVII столѣтіи доходили до Польши и Малороссіи (стр. 151—152). Упоминая затѣмъ другую особенность пѣсенъ Вересая, состоящую въ употребленіи мелкихъ, украшающихъ мелодію голосовыхъ фигуръ, г. Фаминцынъ находитъ, что „это опять черта чисто восточная, свойственная южнымъ славянамъ, грекамъ, цыганамъ, туркамъ, но отсутствующая въ чисто-народныхъ пѣсняхъ малорусскихъ и великорусскихъ, голосовыя украшенія которыхъ имѣютъ совсѣмъ иной характеръ" (стр. 154). Авторъ заключаетъ, что „стиль пѣсенъ слѣпцовъ-бандуристовъ является результатомъ извѣстной школы, проявляющей *какія-то* иноземныя вліянія".

Такимъ образомъ, вопросъ остается пока вопросомъ. Выше говоря о томъ, что въ гаммахъ пѣсенъ Вересая обнаруживается вліяніе востока, г. Фаминцынъ остается въ недоумѣніи, было ли это вліяніе турокъ или традицій древне-греческихъ (стр. 151). Дальше авторъ предполагалъ вліяніе сербскихъ пѣвцовъ, музыка которыхъ опять остается невыясненной. Очевидно, однимъ словомъ, что въ этомъ пунктѣ мы пока остаемся въ потьмахъ. Впослѣдствіи авторъ намѣревается остановиться на этомъ предметѣ въ особомъ изслѣдованіи о мелодическихъ основахъ славянскихъ народныхъ пѣсенъ...

Рѣшеніе вопроса, конечно, должно принадлежать спеціалистамъ. Намъ кажется только, что при этомъ не должны быть забыты, кромѣ техническаго изученія музыки, тѣ культурныя условія, въ какихъ возникала поэзія эпическихъ думъ и духовно-нравственныхъ стиховъ, которыхъ напѣвы, по словамъ г. Фаминцына, не имѣютъ ничего общаго съ обыкновенной малорусской пѣсней. Малорусскія думы, какъ извѣстно, представляютъ форму эпическаго творчества, совсѣмъ не похожую на форму великорусской (и, вѣроятно, древне-русской) бы-

лины. Въ ея содержаніи мы находимъ не древнее преданіе, къ которому пѣвецъ можетъ относиться съ обычнымъ эпическимъ спокойствіемъ, быть можетъ, величавымъ, но холоднымъ; напротивъ, сюжетъ ея есть недавній фактъ, свѣжій въ народномъ воспоминаніи, изображенный еще съ неостывшимъ возбужденіемъ народной борьбы: отсюда драматическое оживленіе, отличающее думы, отсюда примѣсь лиризма, обыкновенно совершенно чуждаго эпосу. Дума создавалась подъ такимъ наплывомъ чисто народнаго возбужденія, что трудно, кажется, принять здѣсь воздѣйствіе какихъ-нибудь внѣшнихъ *случайныхъ* вліяній, какимъ представлялось бы, напримѣръ, вліяніе сербскихъ пѣвцовъ, о которомъ упомянуто выше. Если тѣмъ не менѣе надо признать въ музыкѣ этой поэзіи присутствіе „какихъ-то иноземныхъ" вліяній,—это могли бы быть только вліянія, которыя существовали бы въ самомъ быту. Такого рода вліянія дѣйствительно были. Южная Русь въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ была въ сосѣдствѣ, въ торговыхъ встрѣчахъ и военныхъ столкновеніяхъ съ черноморскими тюрками; эти связи продолжались съ половецкихъ временъ и до крымскихъ татаръ. Южно-русское козачество приняло извѣстную окраску восточнаго наѣздничества; пребываніе множества южно-русскихъ плѣнниковъ въ Крыму, откуда имъ удавалось возвращаться, знакомило съ обычаями татаръ, и извѣстное культурное ихъ вліяніе оставило свой слѣдъ въ малорусскомъ языкѣ; если могъ быть заимствованъ у татаръ музыкальный инструментъ (кобза), не было бы ничего мудренаго, что была бы при этомъ усвоена та или другая музыкальная манера, въ родѣ тѣхъ музыкальныхъ украшеній, о которыхъ упоминаетъ г. Фаминцынъ. Эти восточныя особенности могли бы съ одной стороны отличить музыку думъ отъ музыки другихъ пѣсенъ; а съ другой стороны своеобразное содержаніе козацкаго эпоса могло само по себѣ создать новый музыкальный пріемъ, отличный отъ стараго традиціоннаго пріема. Во всякомъ случаѣ намъ кажется, что объясненіе музыки думъ, — какъ можно полагать, сравнительно позднѣйшей,— необходимо должно принять въ соображеніе бытовыя условія народной жизни.

Какъ можно видѣть изъ приведенныхъ образчиковъ, новое изслѣдованіе г. Фаминцына можетъ представить интересъ не для однихъ спеціалистовъ музыки или археологовъ: исторія музыкальныхъ инструментовъ дополняется подробностями изъ исторіи быта и сопровождается многочисленными рисунками, гдѣ воспроизведены старинныя изображенія предметовъ и самаго исполненія. Въ концѣ находится музыкальное приложеніе съ нотами для балалайки, бандуры и гитары.

Къ страницѣ 5—6 замѣтимъ, что относительно инструментовъ съ названіями: „замара", „самара", „зомры"—собраны были различныя

сопоставленія въ изслѣдованіяхъ г. Веселовскаго, которыхъ авторъ, кажется, не имѣлъ въ виду.

— *О студенческой жизни въ Дерптѣ.* (Съ эпиграфомъ: „Quieta non movere!"). Спб., 1891.

Небольшая книжка неизвѣстнаго автора, съ эпиграфомъ, совѣтующимъ не трогать того, что̀ спокойно существуетъ, разсказываетъ не мало интереснаго о студенческой жизни въ Дерптѣ, совсѣмъ не похожей на жизнь студентовъ въ другихъ нашихъ университетахъ, разсказываетъ съ цѣлью защитить этотъ студенческій бытъ Дерпта отъ упраздненія, которое представляется возможнымъ при современныхъ преобразованіяхъ учебнаго дѣла въ Прибалтійскомъ краѣ въ духѣ обрусенія. Авторъ описываетъ съ большими подробностями студенческіе нравы и обычаи въ Дерптѣ, которые съ нѣкоторыми видоизмѣненіями представляютъ повтореніе студенческихъ нравовъ въ Германіи; эти послѣдніе болѣе или менѣе извѣстны, и въ Дерптѣ мы встрѣчаемъ опять тѣ же корпораціи, тотъ же студенческій уставъ, тѣ же обязательные кнейпы, дуэли и т. п. Авторъ, соглашаясь, что, быть можетъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ студенческая жизнь въ Дерптѣ нуждалась бы въ нѣкоторыхъ улучшеніяхъ, остается, однако, ревностнымъ защитникомъ того общаго принципа, который въ упомянутыхъ формахъ студенческой жизни доставляетъ юношеству драгоцѣнныя условія нравственнаго и общественнаго воспитанія: юноша, покинувъ собственно школьную скамью гимназіи, въ университетѣ—съ его корпораціями, съ обязательнымъ на первый годъ повиновеніемъ каждому старшему студенту, съ его собраніями въ кнейпахъ, съ его судомъ чести и даже дуэлями—въ этомъ университетѣ впервые встрѣчаетъ подобіе общественной жизни, получаетъ извѣстную свободу, можетъ вдоволь повеселиться, но вмѣстѣ съ тѣмъ обязанъ сообразоваться съ извѣстными уставами и общественными требованіями, и во всемъ этомъ проходитъ нѣкоторую школу общественной жизни, причемъ, однако, строго исключается всякая политика. Шумная жизнь въ корпораціяхъ не мѣшаетъ, однако, занятіямъ наукою и авторъ приводитъ на основаніи точныхъ исчисленій любопытную цифру ученыхъ людей, выходящихъ изъ этой среды: дерптскій университетъ поставилъ цѣлую массу ученыхъ профессоровъ, академиковъ и т. п. въ русскихъ и иностранныхъ университетахъ, академіяхъ и высшихъ школахъ, такъ что каждый пятидесятый студентъ есть будущій профессоръ, академикъ и т. д.

Начиная свою защиту дерптскихъ университетскихъ обычаевъ,

авторъ приводитъ слѣдующее соображеніе: „Въ то время, какъ всѣ наши университеты хронически подвержены болѣе или менѣе серьезнымъ волненіямъ и безпорядкамъ среди студентовъ, пытающихся принять участіе въ соціальной и политической жизни общества, одинъ только дерптскій университетъ остается спокойнымъ; всеобщее, столь свойственное юношескому возрасту возбужденіе и безпокойное желаніе дѣятельности какъ будто не касается его питомцевъ, и невольно зарождается мысль, не должно ли такое явленіе приписать оригинальному устройству въ немъ студенческой жизни. Интересно, поэтому, прослѣдить, какъ именно удается дерптскимъ студенческимъ корпораціямъ превращать пылкіе и до извѣстной степени необузданные порывы молодежи въ благонадежныя стремленія и какимъ образомъ молодые студенты постепенно научаются отъ своихъ старшихъ товарищей, что истинная свобода состоитъ не въ необузданности и своеволіи, а въ точномъ исполненіи ими самими признанныхъ правилъ и законовъ“.

Безъ сомнѣнія, превращеніе пылкихъ порывовъ молодежи въ благонадежныя стремленія очень желательно, и весьма прискорбно видѣть, когда эти порывы въ извѣстныхъ случаяхъ влекутъ за собою тягостныя послѣдствія для всей остальной жизни человѣка,—но объясненія автора не совершенно точны. Дерптскій университетъ въ послѣднія лѣтъ тридцать, къ счастію, дѣйствительно не испыталъ треволненій, происходившихъ въ остальныхъ нашихъ университетахъ; но причина этого заключалась не въ одномъ складѣ студенческой дерптской жизни, или вовсе не въ немъ, а въ общихъ условіяхъ этого университета. Во всякомъ случаѣ это былъ университетъ нѣмецкій, съ порядками внутренними и внѣшними, скопированными съ университетовъ германскихъ, и съ большинствомъ студентовъ-нѣмцевъ. Историческая жизнь Остзейскаго края шла очень долго, до самаго послѣдняго времени, совершенно особнякомъ отъ русской жизни—до такой степени, что настоянія, производимыя теперь относительно распространенія русскаго государственнаго языка въ Остзейскомъ краѣ, представляются людямъ, выросшимъ въ прежнемъ порядкѣ вещей, какъ бы насиліемъ. Остзейскій край привыкъ къ своей обособленности; остзейскіе нѣмцы со временъ Петра, и особливо при его преемникахъ, игравшіе большую роль и въ высшей правительственной сферѣ, и въ администраціи гражданской и военной, и своимъ вліяніемъ поддерживавшіе эту обособленность, считали себя людьми привилегированными—и во многихъ случаяхъ дѣйствительно представляли болѣе высокій культурный уровень въ сравненіи съ той русской средой, гдѣ имъ приходилось дѣйствовать; съ другой стороны, однако, съ самаго начала и донынѣ, эти дѣятели Остзейскаго

края всего чаще оставались чужды внутреннимъ инстинктамъ и стремленіямъ русской жизни, народной и общественной. Остзейскій край считалъ себя нѣмецкимъ; поэтому именно и въ новѣйшее время русскія внутреннія волненія остались чужды и ему, и дерптскому университету: дерптскіе студенты не только заняты были дѣлами корпорацій, коммершами, дуэлями и т. д., но и не имѣли понятія о томъ, чѣмъ волновалась тогда русская жизнь, общество, литература, самые университеты. Это и была существенная причина, почему среди волненій и безпорядковъ въ русскихъ университетахъ „одинъ только дерптскій университетъ оставался спокойнымъ".

Что сами по себѣ дерптскіе студенческіе порядки не составляютъ средства для водворенія академическаго спокойствія, объ этомъ проговаривается самъ авторъ, когда замѣчаетъ (стр. 33), что „въ настоящее время, быть можетъ, вредно и опасно примѣнить академическую свободу ко всѣмъ русскимъ университетамъ". Очевидно, что самыя условія внутренней жизни университетовъ весьма различны и что студенческіе дерптскіе обычаи, повторенные изъ Германіи, не составляютъ послѣдняго средства для нормальной организаціи университетскаго быта.

Мы, впрочемъ, вовсе не думаемъ оспаривать тѣхъ добрыхъ вліяній, какія авторъ указываетъ въ защищаемыхъ имъ порядкахъ нѣмецкаго студенческаго быта. Авторъ немного идеализируетъ ихъ, но есть правда въ томъ, что въ жизни корпорацій есть свой психологическій смыслъ и своя педагогическая цѣлесообразность. „Дерптскій университетъ, — говоритъ авторъ, — предоставляетъ образованнымъ юношамъ полный просторъ счастливо пережить этотъ трудный переходный періодъ между дѣтствомъ и возмужалостью, гораздо болѣе трудный, чѣмъ самое дѣтство, такъ какъ тутъ, и именно при условіи большой даровитости, большемъ количествѣ знаній, происходитъ наиболѣе опасное столкновеніе съ дѣйствительною жизнью. Въ Дерптѣ сознаютъ необходимость дать студенту возможность выказывать и обнаруживать свой внутренній міръ. Заботятся лишь о томъ, чтобы дѣлаемые имъ опыты не могли повредить ни ему самому, ни окружающему его обществу, ни государству. Все тотъ же самими студентами поставленный законъ строго воспрещаетъ имъ заниматься какими бы то ни было политическими вопросами. Имъ довольно того, что они могутъ осуществить свои любимыя политическія и соціальныя начала въ небольшомъ кругу своихъ сверстниковъ. Въ предѣлахъ корпораціи, въ изображеніи подобія государственной жизни, находятъ примѣненіе идеальныя стремленія и расходуется избытокъ юношескихъ силъ студента" (стр. 30—31).

Надо сказать правду, что у насъ, судя по бывшимъ примѣрамъ,

очень мало понимается эта психологія юношеской жизни или не понимается совсѣмъ.

Въ заключеніи брошюры авторъ говоритъ, ссылаясь на то, что порядки студенческой жизни въ Дерптѣ не давали мѣста противогосударственнымъ явленіямъ и нигилизму: „Отмѣнить тѣ начала, которыя оказались столь хорошими и полезными для студенческаго строя, значило бы отнять у дерптскаго университета ту основу, на которой зиждется его порядокъ и благонадежность. Съ точки зрѣнія государственнаго порядка такой образъ дѣйствія имѣлъ бы характеръ самоубійства".

Выше мы объясняли, что говорить здѣсь о волненіяхъ въ русскихъ университетахъ не совсѣмъ вѣрно и не усиливаетъ аргументаціи автора, но тѣмъ не менѣе согласимся съ его совѣтомъ и пожеланіемъ: „Quieta non movere",—потому что ломка всякаго обычая, установившагося въ жизни и имѣющаго въ ней свой смыслъ, всегда наноситъ ущербъ здоровому теченію этой жизни, подрывая въ ней ту нравственную силу, какая дается преданіемъ. Но замѣтимъ еще одно. Самъ авторъ находитъ, что дерптская академическая жизнь нуждается въ нѣкоторыхъ исправленіяхъ и улучшеніяхъ. Въ самой Германіи, родоначальницѣ этихъ дерптскихъ порядковъ, складъ студенческихъ нравовъ (какъ можно было видѣть недавно, когда поднятъ былъ этотъ вопросъ по поводу рѣчи германскаго императора) начинаетъ вызывать весьма скептическое отношеніе: эти нравы, кромѣ тѣхъ сторонъ, какія указываетъ авторъ настоящей брошюры, имѣютъ свою оборотную сторону, — студенческая веселость переходитъ въ разнузданность, а удаленіе отъ „политики"—въ безпринципность. Едва ли не происходитъ нѣчто подобное и въ Дерптѣ: въ послѣднее время газеты приводили весьма неприглядные эпизоды дерптскихъ академическихъ нравовъ.—А. П.

— *Сборникъ отвѣтовъ на вопросы церковной жизни*, протоіерея церкви Императорскаго Петергофскаго Дворца, *А. А. Автономова*. Спб. Тип. Муллеръ и Богельманъ. 1891. Стр. 21.

Подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ появились въ печати отвѣты на вопросы, „предложенные въ 1890/91 г. слушателями внѣ-богослужебныхъ собесѣдованій, веденныхъ въ петергофской придворной Крестовоздвиженской церкви протоіереемъ церкви Имп. Петергофскаго Дворца А. А. Автономовымъ". По объясненію автора, въ предисловіи къ брошюрѣ, она служитъ откликомъ на одну изъ мѣръ, предпринятыхъ св. синодомъ „для расширенія предѣловъ проповѣднической

дѣятельности пастырей", а именно, въ послѣднее время священнослужителямъ было разрѣшено дѣлать внѣ-богослужебныя вечернія собранія для собесѣдованія съ народомъ. Конечно, этой превосходной мѣрѣ не соотвѣтствуетъ, быть можетъ, во многихъ случаяхъ, степень подготовленности къ такой важной новой области въ дѣятельности самихъ пастырей, — но если бы никогда такая мѣра не была принята, то тѣмъ самымъ никогда нельзя было бы ожидать и подготовленности къ сближенію священнослужителя съ его паствою. Не ограничиваясь формою, предложенною св. синодомъ, авторъ „Сборника" ввелъ особый пріемъ, а именно, предложилъ своимъ слушателямъ обращаться къ нему письменно съ различными вопросами, имѣющими отношеніе къ духовной ихъ жизни, и не только потомъ отвѣчалъ на такіе вопросы во время собесѣдованій, но и рѣшился издать свои бесѣды въ вышедшей нынѣ брошюрѣ, въ которой, безъ сомнѣнія, онъ выбралъ предметы, на его взглядъ наиболѣе существенные.

Этотъ первый опытъ заслуживаетъ, конечно, всесторонняго разсмотрѣнія, но въ настоящемъ случаѣ мы должны ограничиться только указаніемъ на одно его болѣе или менѣе существенное содержаніе. Какъ мы слышали, эта брошюра получила самое широкое распространеніе, благодаря счастливой для нея случайности. Изъ 15 вопросовъ, отвѣты на которые составляютъ все содержаніе брошюры, послѣдній вопросъ выраженъ такъ: „Не противно ли христіанской вѣрѣ и нравственности распространяющееся за послѣднее время страхованіе жизни?" Ссылаясь на различные тексты Новаго Завѣта, почтенный авторъ доказываетъ то, въ чемъ большинство нашихъ читателей, вѣроятно, всегда было убѣждено, а именно, пользу страхованія жизни, одобряемаго и благоразуміемъ, и простымъ народнымъ здравымъ смысломъ, сложившимъ извѣстное изреченіе: „береженаго и Богъ бережетъ!" Одно изъ страховыхъ обществъ, въ виду этого послѣдняго отвѣта (другіе отвѣты, конечно, меньше интересовали его), распространило эту брошюру въ огромномъ числѣ экземпляровъ. Но въ ней есть много и другихъ интересныхъ вопросовъ; такъ, напримѣръ, благодаря новому ученію гр. Л. Н. Толстого, одинъ вопросъ можетъ занять тѣхъ, которые причастны „грѣху куренія". Кто-то изъ слушателей,—можетъ быть, смущенный извѣстною статьею нашего талантливаго писателя,—предложилъ вопросъ: „Откуда взялся табакъ и грѣхъ ли его курить?" Ссылаясь на тексты св. Писанія, почтенный авторъ особенно напоминаетъ то, что „извнѣ входящее въ человѣка не можетъ осквернить его... Такъ надлежитъ относиться,—говоритъ онъ, — и къ табаку, который, какъ одно изъ растеній, созданныхъ Богомъ, самъ по себѣ добро (Быт. I, 31)... Словомъ, куреніе табаку,—заключаетъ авторъ, — излишенство (sic!), ко-

торое, разъ оно не вредитъ здоровью (что̀, впрочемъ, — по мнѣнію автора,—вопросъ нерѣшенный), грѣхомъ назвать нельзя, потому что не имѣетъ того пагубнаго вліянія на нравственное состояніе и поведеніе человѣка, какъ напримѣръ — питье водки, особенно неумѣренное". Многіе изъ курильщиковъ, прочтя такую почти апологію куренія, вздохнутъ съ облегченною совѣстью, а продавцы табаку, пожалуй, обрадуются не менѣе страховыхъ обществъ; но мы предвидимъ и опасаемся одного возраженія со стороны гр. Л. Н. Толстого; онъ, сдается намъ, непремѣнно скажетъ:—вѣрно, авторъ самъ куритъ!..

Въ брошюрѣ есть, впрочемъ, и болѣе серьезные вопросы, какъ напримѣръ: „Слѣдуетъ ли православнымъ христіанамъ ходить въ храмы католическіе или лютеранскіе для знакомства съ богослуженіемъ католиковъ и лютеранъ?" Или: „Въ какихъ отношеніяхъ надлежитъ быть намъ къ евреямъ и позволительно ли христіанину трапезовать съ ними?"—При рѣшеніи этихъ вопросовъ, почтенный авторъ не ссылается больше на то, на что сейчасъ ссылался по другому поводу, а именно, что „извнѣ входящее въ человѣка не можетъ осквернить его". Имѣя въ виду другіе тексты, авторъ, по первому вопросу, „не рекомендуетъ ходить въ иновѣрные храмы" и дѣлаетъ исключеніе только для тѣхъ случаевъ, когда есть „полезная цѣль", или „надобность", или, наконецъ, когда того требуетъ „обязанность служенія" (?). Что касается до второго вопроса, то авторъ, между прочимъ, ссылается на то, что „одиннадцатое правило VI-го вселен„скаго собора, подъ страхомъ отлученія отъ церкви, запрещаетъ хри„стіанамъ вступать въ содружество съ іудеями, въ болѣзняхъ при„зывать ихъ, врачевства принимать отъ нихъ, и въ баняхъ купно съ „ними мыться". Но ка̀къ все это согласовать съ ученіемъ Спасителя, не разъ упрекавшаго евреевъ того времени, и особенно фарисеевъ, за ихъ презрительное отношеніе къ иновѣрцамъ—напримѣръ, къ самаритянамъ—почтенный авторъ не объясняетъ этого въ настоящемъ своемъ отвѣтѣ.—М. Э.

Въ теченіе іюля мѣсяца въ редакцію были доставлены слѣдующія книги и брошюры:

Абаза, К. К. Героическіе разсказы. Народы Востока и Запада. Съ рисунками, картами и планами. Спб. 1891. 8°. VI и 379 стр. Ц. 1 р. 50 к.

——— Отечественные героическіе разсказы. Съ рисунками, картами и планами. Спб. 1891. 8°. IV и 395 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Боккаччьо, Джьованни. Декамеронъ. Переводъ Александра Веселовскаго, съ этюдомъ о Боккаччьо. Иллюстраціи французскихъ художниковъ Баронъ,

Жоанно, Эми, Нантейля, Гранвилля, Пино, Жирардэ, Лепуатвенъ, Покэ, Гольфельди и др. Изданіе т-ва И. В. Кушнерева и К° и книжнаго магазина П. К. Прянишникова. М. 1891. Больш. 8°. XV и 417 стр. Цѣна съ билетомъ на 2-й томъ 10 руб.

Бѣляевъ, Д. Θ. Byzantina. Очерки, матеріалы и замѣтки по византійскимъ древностямъ. Книга I. Обзоръ главныхъ частей большого дворца византійскихъ царей. Приложеніе: Матеріалы и замѣтки по исторіи византійскихъ чиновъ. Съ планомъ (Лабарта) большого дворца, ипподрома и храма св. Софіи. Спб. 1891. Больш. 8°. 200 стр. Ц. 2 р.

Велизарій, Евгеній. Стихотворенія. Одесса. 1891. 8°, 34 стр.

Викторовъ, П. Броунъ-Секаровскій способъ подкожныхъ впрыскиваній и его значеніе въ леченіи нервныхъ больныхъ, старческаго ослабленія и чахотки (бугорчатки легкихъ). Изданіе автора. М. 1891. 8°. VIII, 238 стр. и таблица.

Галіани, аббатъ. Бесѣды о торговлѣ зерномъ. Перевелъ съ французскаго М. Драгомировъ. Кіевъ. 1891. 8°. III, 209, XXII стр. Ц. 1 р. 50 к.

Гейнце, Н. Э. Малюта Скуратовъ. Историческій романъ въ двухъ частяхъ. Съ портретомъ и факсимиле автора. Изданіе М. И. Троянскаго. Спб. 1891. 12°. IX и 459 стр. Ц. 1 р.

Горяиновъ, С. М., издатель. Общій уставъ о воинской повинности. Изданіе второе (неоффиціальное). Спб. 1891. 12°. V и 238 стр. Ц. 60 к., съ пер. 70 к., въ коленкоровомъ переплетѣ цѣна 75 к., съ пер. 90 к.

Гюйо, М. Искусство съ точки зрѣнія соціологіи, съ предисловіемъ Альфреда Фулье. Переводъ ко 2-му французскому изданію подъ редакціей А. Н. Пыпина. Спб. 1891. 8°. XXXV, 353 и IV стр. Ц. 2 р. 50 к.

Карамзинъ, Н. М. Переводы (Семейная библіотека, № 19). Спб. 1891. Мал. 8°. 63 стр. Цѣна всего изданія, 12 кн. въ годъ—2 р., полгода—1 р.; отдѣльные томики по 25 к. (Редакторъ изданія А. Чудиновъ, издатель Θ. Трозинеръ).

Корсаковъ, Д. А. Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII вѣка. Казань. 1891. 8°. II непомѣч., 448 и XIX стр. Ц. 3 р.

Лучицкая, М. В. Сборникъ произведеній скандинавскихъ писателей. Выпускъ I. Норвежскіе писатели. Переводъ съ норвежскаго (Б. Бьернсонъ, А. Гарборгъ, Г. Ибсенъ, А. Килландъ). Кіевъ. 1891. 12°. II и 292 стр. Ц. 1 р.

Николайчикъ, Θ. Д. Городъ Кременчукъ. Историческій очеркъ. Спб. 1891. 8°. 217 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Покровскій, Н. Простѣйшій способъ введенія у насъ новаго стиля. Спб. 1891. 8°. 13 стр.

Пыпинъ, А. Н. Исторія русской этнографіи. Томъ III. Этнографія малорусская. Спб. 1891. 8°. VIII и 425 стр. Цѣна за все сочиненіе (въ четырехъ томахъ) 10 р.

Рейнботъ, Е. Ф., инженеръ-технологъ. Отвѣты на вопросы: какъ и изъ чего „это“ дѣлается? изъ области техническихъ производствъ. Изданіе седьмое, вполнѣ переработанное. Съ алфавитнымъ указателемъ и 125 рисунками въ текстѣ. Спб. 1891. 8°. XVII и 463 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Романовъ, Е. Р. Бѣлорусскій сборникъ. Выпускъ пятый. Заговоры, апокрифы и духовные стихи. Витебскъ. 1891. 8°. XV и 448 стр. Ц. 2 р.

Салтыковъ, М. Е. (Н. Щедринъ). Полное собраніе сочиненій, т. II. Господа Головлевы (1872—1876 г.). Сатиры въ прозѣ (1860—1862 г.). Изданіе наслѣдниковъ автора. Спб. 1891. 8°. 569 стр. Ц. по подпискѣ на 12 томовъ—20 р., съ пер. 22 р. 50 к. Каждый томъ отдѣльно—2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Соколовъ, Корнилій, докторъ-медицины. Хирургія для фельдшеровъ. Томъ

первый. Хирургія собственно. Съ 94 рис. въ текстѣ и 2 таблицами хирургическихъ инструментовъ. Спб. 1891. 8°. XXII и 336 стр. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Спасовичъ, В. Д. Сочиненія. Томъ IV. Спб. 1891. 8°. 432 стр. Ц. 2 р.

Сукачевъ, В. П. Иркутскъ. Его мѣсто и значеніе въ исторіи и культурномъ развитіи Восточной Сибири. Очеркъ, редактированный и изданный иркутскимъ городскимъ головой В. П. С—мъ. М. 1891. 8°. 268 стр. Ц. 2 р.

Фаминцынъ, Ал. С. Домра и сродные ей музыкальные инструменты русскаго народа. Балалайка. Кобза. Бандура. Торбанъ. Гитара. Историческій очеркъ съ многочисленными рисунками и нотными примѣрами. Спб. 1891. 4°. 218 и 14 стр. „Музыкальнаго приложенія". Ц. 3 р.

Чугуевецъ, П. А. Изъ украинскаго уголка. Повѣсти и разсказы. Харьковъ. 1891. 12°. 298 стр. Ц. 1 р. 20 к.

— Баку и его окрестности. Тифлисъ. 1891. Приложеніе къ справочной книгѣ старожила „Кавказъ"—№ 34. Съ планомъ.

— Батумъ по однодневной переписи 17-го іюня 1890 г. Изданіе Батумской Городской Управы. Батумъ. 1891. 8°. 154 и 68 стр., съ планомъ. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

— О студенческой жизни въ Дерптѣ. „Quieta non movere!" Спб. 1891. 16°. 35 стр. Ц. 30 к.

— Протоколы съѣзда врачей Александровскаго уѣзда за 1890 г. Александровскъ. 1891. 8°. 623 и VIII стр.

— Труды Общества русскихъ врачей въ Петербургѣ съ приложеніемъ протоколовъ засѣданій Общества за 1890—1891 годъ. Апрѣль и Май. Годъ пятьдесятъ седьмой. Спб. 1891. 8°. 36 стр.

— Ученыя Записки Импер. Казанскаго университета. Годъ LVIII. Книга четвертая. Іюль—Августъ. Казань. 1891. 8°. 216, 9, 769—901 стр.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Ein Rückblick aus dem Jahre 2037 auf das Jahr 2000. Aus den Erinnerungen des Herrn Julian West. Herausgegeben von *Dr. Ernst Müller.* Berlin, 1891.

Извѣстный романъ Беллами, содержаніе котораго было въ свое время обстоятельно разобрано въ нашемъ журналѣ проф. И. И. Янжуломъ, появился у насъ почти одновременно въ двухъ переводахъ (въ изданіяхъ гг. Суворина и Павленкова), изъ которыхъ первый (г. Гея) успѣлъ уже выйти вторымъ изданіемъ. Изъ этого можно видѣть, что книга талантливаго американца пользуется и у насъ большимъ и вполнѣ заслуженнымъ успѣхомъ. Описаніе новыхъ экономическихъ условій, среди которыхъ очутился герой романа, Юліанъ Вестъ, проспавшій болѣе ста лѣтъ въ летаргическомъ снѣ, дѣйствуетъ на читателя своимъ искреннимъ, убѣжденнымъ тономъ, и читатель невольно заражается оптимизмомъ автора, его глубокою вѣрою въ свѣтлую будущность человѣчества. Но многое въ книгѣ остается недосказаннымъ и неяснымъ. Новое общественное устройство, объясняемое авторомъ устами доктора Лита и его дочери Юдиѳи, оказывается вполнѣ идеальнымъ, свободнымъ не только отъ всякихъ слѣдовъ соціальнаго неравенства и несправедливости, но и отъ проявленій какихъ-либо человѣческихъ слабостей и пороковъ; всѣ съ одинаковою преданностью служатъ обществу, работаютъ для націи и получаютъ отъ нея съ избыткомъ необходимыя средства къ спокойному культурному существованію. Въ книгѣ говорится часто о высшей распорядительной власти государства надъ отдѣльными гражданами, но сами распорядители, дѣйствующіе столь полновластно и справедливо отъ имени цѣлой націи, остаются гдѣ-то за кулисами, и весь механизмъ управленія, достигающаго столь удивительныхъ результатовъ, совершенно скрытъ отъ читателя. Въ романѣ Беллами дается понять, что распоряженія правителей всегда безукоризненны и непогрѣшимы при соціальномъ строѣ XX-го вѣка; но откуда берутся и чѣмъ обезпечиваются эти идеальныя качества многочисленныхъ

агентовъ власти? Какъ устраняется возможность злоупотребленій и произвола, крупныхъ ошибокъ и увлеченій, разногласій и конфликтовъ, вызываемыхъ естественными недостатками человѣческаго характера? На эти вопросы нѣтъ отвѣта въ книгѣ Беллами; они почему-то не приходили въ голову герою романа, Юліану Весту, когда докторъ Литъ расписывалъ ему яркими красками благодѣянія осуществившагося золотого вѣка.

Этимъ важнымъ пробѣломъ въ трудѣ Беллами воспользовался нѣмецкій писатель, Эрнстъ Мюллеръ, чтобы представить теорію, прямо противоположную взглядамъ американскаго автора, въ видѣ разсказа о позднѣйшихъ испытаніяхъ и разочарованіяхъ Юліана Веста. Продолженіе романа, придуманное Мюллеромъ, касается почти исключительно тѣхъ закулисныхъ пружинъ и особенностей новаго соціалистическаго строя, которыя остались незатронутыми въ книгѣ Беллами. Разсказъ самъ по себѣ довольно интересенъ, но онъ грѣшитъ недостаткомъ логики и явнымъ неправдоподобіемъ многихъ существенныхъ эпизодовъ.

Юліанъ Вестъ получилъ въ Бостонѣ профессорскую каѳедру по исторіи XIX-го вѣка. Проникнутый идеями доктора Лита и своей молодой жены Юдиѳи, онъ не имѣлъ понятія о способахъ практическаго примѣненія высокихъ принциповъ, положенныхъ въ основу всей окружающей жизни; онъ впервые узналъ объ оборотной сторонѣ медали отъ одного изъ своихъ слушателей, который жаловался ему на невыносимыя преслѣдованія администраціи, желавшей почему-то закрыть ему дорогу къ ученой карьерѣ и заставить его сдѣлаться простымъ рабочимъ. Отецъ молодого Норберта, честный и популярный правительственный врачъ, возбудилъ противъ себя гнѣвъ и мщеніе одного вліятельнаго семейства, которому удалось лишить его практики и погубить его въ общественномъ мнѣніи; мстительныя интриги направились и противъ сына, начиная съ его первыхъ школьныхъ лѣтъ, и весь учебный персоналъ былъ почему-то послушнымъ орудіемъ этого фантастическаго преслѣдованія. Эта наивная исторія показываетъ, что, по мнѣнію Мюллера, люди XX-го вѣка будутъ поступать хуже и глупѣе нашего; но такое своеобразное пророчество не имѣетъ, конечно, никакой связи съ вопросомъ о достоинствахъ или недостаткахъ извѣстнаго общественнаго строя. Самъ Вестъ дѣлается жертвою общей глупости и непониманія; ему запрещаютъ чтеніе лекцій за то, что въ характеристикѣ французской революціи онъ будто бы позволилъ себѣ нѣкоторые намеки на недобросовѣстныя дѣйствія и пріемы правительства, чего, однако, у него и въ мысляхъ не было. Оставаясь горячимъ поклонникомъ новыхъ по-

рядковъ, онъ былъ заподозрѣнъ въ несочувствіи къ нимъ, и у него отнята каѳедра, безъ объясненія причинъ; никто не желалъ даже выслушать его оправданій, всѣ отворачивались отъ него, и даже собственная его жена, Юдиѳь, стала относиться къ нему недовѣрчиво. Вестъ поѣхалъ въ Вашингтонъ, чтобы добиться защиты у президента; по дорогѣ онъ встрѣтилъ нѣкоего добродушнаго и разговорчиваго члена національнаго конгресса, который тутъ же сообщилъ ему много поразительныхъ свѣденій о печальныхъ послѣдствіяхъ системы равенства, о распущенности и лѣности работниковъ, о невозможности найти достаточное число добровольцевъ для исполненія непріятныхъ или опасныхъ работъ, о неизбѣжномъ произволѣ распорядителей и о деспотическомъ режимѣ президента. Во главѣ правительства стоитъ человѣкъ съ выдающимся государственнымъ талантомъ и съ желѣзною силою воли, но крайне неразборчивый въ средствахъ. Такъ какъ доступъ къ президенту открытъ для всѣхъ, то Вестъ могъ объясниться съ нимъ тотчасъ по прибытіи въ Вашингтонъ; но всѣ усилія его убѣдить президента въ своей невинности были напрасны: президентъ имѣлъ уже подробные отчеты объ его превратныхъ идеяхъ, и на столѣ лежалъ печатный экземпляръ преступной лекціи, записанной, очевидно, тайными агентами правительства. Какъ могло заниматься подобными пустяками правительство, обремененное всѣми общественными и хозяйственными дѣлами цѣлаго народа,—этого не объясняетъ Мюллеръ. Президентъ пускается въ длинные разговоры съ Вестомъ, излагаетъ ему принципы своей многолѣтней коварной политики и доказываетъ необходимость крутыхъ мѣръ для сдерживанія народнаго стада подъ прикрытіемъ возвышенныхъ и популярныхъ идей; въ заключеніе онъ предлагаетъ собесѣднику отказаться отъ оппозиціи и примкнуть къ правительству, причемъ ему легко будетъ сдѣлать себѣ блестящую карьеру. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній Вестъ принимаетъ мѣсто шерифа въ небольшомъ провинціальномъ городкѣ. Прежде чѣмъ ѣхать туда, онъ проводитъ нѣсколько дней въ имѣніи упомянутаго выше члена конгресса, Чеклъби, и застаетъ тамъ многихъ усердныхъ слугъ, которые оказываются потомками китайскихъ поселенцевъ, не допущенныхъ къ пользованію общими правами гражданъ. Семейство пользуется имѣніемъ только временно, и по этому поводу дочь Чеклъби, Флоретта, съ горечью вспоминаетъ о той счастливой эпохѣ, когда существовала еще частная собственность, когда дѣвушки не должны были думать объ общественныхъ обязанностяхъ, а могли заниматься только домашнимъ хозяйствомъ, подготовляясь къ спокойному и отрадному подчиненію волѣ мужа, и когда можно было устроиться прочно на своемъ собственномъ участкѣ земли, въ

своемъ собственномъ домѣ. Размышленія, влагаемыя Мюллеромъ въ уста Флоретты, отличаются прозаическимъ, хозяйственнымъ духомъ, довольно неожиданнымъ въ поэтической дѣвицѣ, какою выставляетъ ее авторъ.—Тѣмъ временемъ Вестъ подвергается тяжкимъ ударамъ судьбы. Жена несогласна слѣдовать за нимъ къ мѣсту его назначенія, въ виду общественныхъ дѣлъ, удерживающихъ ее въ Бостонѣ. Онъ ѣдетъ одинъ, съ твердою рѣшимостью водворить законные порядки въ городѣ, ввѣренномъ его управленію; но тамъ онъ встрѣчаетъ открытое противодѣйствіе въ лицѣ своего оффиціальнаго помощника, привыкшаго распоряжаться дѣлами самовластно. Онъ видитъ массу злоупотребленій: всѣ уклоняются отъ работы подъ разными предлогами, и національные продукты свободно расхищаются контролерами. Вестъ затѣваетъ борьбу, пробуетъ дѣйствовать круто, по примѣру президента, но вызываетъ вооруженный бунтъ радикаловъ, подъ предводительствомъ того самаго Норберта, который обращался къ нему за помощью и которому онъ доставилъ затѣмъ должность фабричнаго надзирателя. Норбертъ сталъ честолюбивымъ агитаторомъ, безъ совѣсти и чести; онъ съумѣлъ пріобрѣсть сочувствіе жены Веста, Юдиѳи, и послѣдняя сообщила мужу, что она нашла человѣка, съ которымъ болѣе сходится въ убѣжденіяхъ и симпатіяхъ. Семейное несчастье, постигшее Веста, вытекало будто бы изъ того отрицанія семейной жизни, которое господствуетъ въ XX вѣкѣ. Норберту также не повезло: бунтъ его не удался; большинство населенія было на сторонѣ Веста,—оно давно страдало отъ неурядицы и стремилось освободиться отъ тягостнаго безправія. Президентъ бездѣйствовалъ, разочаровавшись окончательно въ преимуществахъ установленнаго соціальнаго строя; передъ смертью онъ составилъ политическое завѣщаніе, въ которомъ убѣждалъ народъ возвратиться къ индивидуализму. Вестъ, тяжело раненый Норбертомъ, нашелъ себѣ пріютъ въ семействѣ Чекльби; когда онъ впервые очнулся отъ долгаго лихорадочнаго состоянія, онъ узналъ о паденіи всего существовавшаго порядка и о повсемѣстномъ торжествѣ принциповъ личной свободы и личной собственности. Народъ ликовалъ, такъ какъ всякій опять получилъ возможность пользоваться плодами своего труда и называть ихъ своими, безъ посторонняго вмѣшательства и контроля. Само собою разумѣется, что мечтательная индивидуалистка Флоретта утѣшила Веста своею любовью и устроила ему законное семейное счастье. Злой Норбертъ погибъ, не успѣвъ соединиться съ Юдиѳью; послѣдняя застрѣлилась или отравилась. Такъ закончился соціалистическій опытъ, восхищавшій доктора Лита и нашедшій такого искренняго поклонника въ Юліанѣ Вестѣ.

Исторія, придуманная Мюллеромъ, производитъ впечатлѣніе плохого „ужаснаго“ романа, съ таинственными, но эффектными подробностями. Разнообразные эпизоды, доказывающіе несостоятельность новаго порядка, усвоеннаго XX вѣкомъ, вызываютъ недоумѣніе своею очевидною произвольностью и ненатуральностью. Непонятно напримѣръ, почему въ будущей республикѣ окажется уничтоженною свобода мнѣній, свобода слова, печати и преподаванія, съ которою давно свыклись и сжились народы даже въ современныхъ республикахъ. Непонятно также, почему въ государствѣ будущаго должны возродиться и процвѣтать старинные пріемы политическаго шпіонства и преслѣдованія въ столь безсмысленныхъ формахъ, какія не существуютъ теперь даже при консервативномъ монархическомъ режимѣ. Откуда явятся злодѣи, подобные Норберту, среди общественнаго быта, основаннаго,—по крайней мѣрѣ, въ теоріи,—на началахъ справедливости и равенства? Какъ можетъ установиться крутой деспотизмъ правительства, не располагающаго вооруженною силою? Въ разсказѣ Мюллера излагаются обстоятельства, противорѣчащія природѣ вещей и могущія служить скорѣе образчиками несообразностей, чѣмъ доводами противъ идей Беллами. Между прочимъ, относительно семейной жизни можно замѣтить, что нѣтъ надобности забираться въ XX-й вѣкъ, чтобы видѣть примѣры разрыва между супругами вслѣдствіе несходства убѣжденій; а что касается хозяйственно-разсудительной Флоретты, мечтающей о полномъ подчиненіи мужу и о сладости мирныхъ домашнихъ занятій, то никакой будущій вѣкъ не помѣшаетъ процвѣтанію женщинъ этого типа. Но,—повторяемъ,—при всей логической слабости содержанія, книжка Эрнста Мюллера о воспоминаніяхъ Юліана Веста или о „взглядѣ на 2000 годъ съ точки зрѣнія 2037 года“ написана живо, не безъ таланта, и можетъ быть прочитана съ интересомъ.

II.

Die Weltgeschichte ein Zufall? Ein Wort an die Gebildeten des deutschen Volkes, von Prof. Dr. *B. Kneisel*. Berlin, 1891.

Авторъ этой книги находитъ, что религіозный духъ все болѣе падаетъ въ нѣмецкомъ народѣ и что господствующій матеріальный взглядъ на жизнь составляетъ величайшую опасность для будущности германской націи. Чтобы противодѣйствовать этому пагубному матеріалистическому направленію, онъ пытается вновь доказать истинность

идеи, которая доказывалась уже множество разъ съ несравненно бо́льшимъ талантомъ и остроуміемъ,—идеи о разумной цѣлесообразности всего совершающагося въ природѣ и въ исторіи. Профессоръ Кнейзель перечисляетъ преимущества людей передъ животными, говоритъ о духовныхъ стремленіяхъ и идеалахъ человѣка, дѣлаетъ изъ нихъ выводъ объ участіи высшихъ руководящихъ силъ въ нашей жизни и переходитъ затѣмъ къ обзору историческихъ судебъ культурнаго человѣчества, съ точки зрѣнія христіанской религіи. Въ послѣдовательномъ ходѣ событій, сопровождающихъ возростаніе и паденіе государствъ, онъ видитъ подтвержденіе того принципа, что добродѣтель торжествуетъ, а порокъ наказывается. Дурные инстинкты, отсутствіе вѣры и нравственности, надменность и тщеславіе, приводятъ къ неудачамъ и даже къ гибели; смиреніе и честность, при твердомъ сознаніи долга, награждаются успѣхомъ. Когда хорошія начала все-таки подавляются дурными, то при этомъ бываетъ одно изъ двухъ: или побѣжденная сторона имѣетъ за собою какіе-нибудь явные или скрытые грѣхи, или самая побѣда зла имѣетъ свои выгодныя послѣдствія, болѣе или менѣе отдаленныя.

При такой несложной философіи можно, конечно, извлечь изъ всемірной исторіи какіе угодно выводы. Паденіе Константинополя подъ ударами турокъ было, напримѣръ, печальнымъ событіемъ; „однако,—говоритъ авторъ,—даже это нашествіе варварскихъ полчищъ повлекло за собою весьма важные результаты для культуры и просвѣщенія запада. Только черезъ посредство греческихъ ученыхъ, переселившихся въ Италію, достигло тамъ полнаго расцвѣта изученіе классической литературы. Великіе мастера итальянскихъ школъ живописи также слѣдовали древнимъ образцамъ. Искусство и наука Греціи получали благотворное и полезное значеніе для міра только черезъ вытѣсненіе ихъ изъ родныхъ мѣстъ. Какъ чудесны пути исторіи!—восторгается далѣе проф. Кнейзель:—Турки, неоднократно угрожавшіе западу, часто оказывали этимъ большое вліяніе на развитіе внутреннихъ отношеній Германіи. Позднѣйшее движеніе реформаціи едва ли могло бы сохранить свою силу безъ этой постоянной опасности, побуждавшей католическихъ государей заботиться о внутреннемъ мирѣ“ (стр. 126). Авторъ забылъ только о судьбѣ народностей, непосредственно подпавшихъ подъ вѣковое турецкое иго: для нихъ не было никакого утѣшенія въ томъ, что турки были будто бы косвенно полезны для нѣмцевъ. Говорить о пользѣ турецкаго владычества для распространенія знаній и культуры, въ виду бѣгства ученыхъ грековъ въ другія страны,—значитъ уже быть слишкомъ снисходительнымъ въ оцѣнкѣ кровавыхъ историческихъ катастрофъ.

Профессоръ Кнейзель смотритъ на новѣйшую исторію Европы съ точки зрѣнія развитія и укрѣпленія нѣмецкаго народа, что̀ и понятно; даже религіозный взглядъ его есть соціально-нѣмецкій, и само божественное вмѣшательство изображается имъ въ видѣ особой охраны интересовъ германской націи и ея великаго культурнаго призванія. Какъ авторъ подбираетъ факты для проведенія своей теоріи—можно видѣть изъ того, что̀ высказывается имъ о роли Пруссіи послѣ разгрома при Іенѣ въ 1806 году. „Освобожденіе Германіи и, можно сказать, Европы отъ ига корсиканца, — замѣчаетъ онъ, — должно было совершиться преимущественно усиліями маленькой презираемой Пруссіи. Богъ любитъ показывать свою силу возвышеніемъ тѣхъ, которые передъ нимъ смирились. Какая рѣзкая противоположность между прусскимъ королемъ и Наполеономъ! Противъ власти императора, которая держалась лишь механическими средствами и опиралась на низшія человѣческія побужденія, Фридрихъ-Вильгельмъ III находилъ силу въ нравственныхъ началахъ. Бѣдствія возвратили народу нравственное мужество и довѣріе къ Богу; безъ этого немыслимо было бы вырваться изъ безотрадной и повидимому безнадежной дѣйствительности. Выступили патріотическіе люди, ожившіе надежду на будущее. Человѣкъ матеріалистическаго направленія разсчитываетъ силу государствъ по количеству жителей, по финансамъ, по вооруженіямъ. Такъ считалъ Наполеонъ, и во всѣхъ этихъ отношеніяхъ превосходство было несомнѣнно на его сторонѣ. Какъ ничтожна должна была ему казаться эта незначительная Пруссія, истощенная страна съ четырьмя милліонами жителей, безъ денегъ, безъ кредита, безъ оружія! И однако въ его разсчетахъ была ошибка. Маленькая Пруссія имѣла одного помощника, котораго онъ не зналъ (?), и онъ былъ побѣжденъ, хотя матеріальныя условія предвѣщали противное“ (стр. 155). Авторъ хочетъ сказать, что Пруссія спаслась своею добродѣтелью, идеализмомъ короля и нравственною вѣрою подданныхъ; но всякому извѣстно, что прусская монархія была тогда спасена исключительно войсками и дипломатіею Россіи, и что возстановленіе Пруссіи, обреченной Наполеономъ на гибель, было главнѣйшимъ предметомъ усилій и заботъ Александра I при заключеніи тильзитскаго договора 1807 года. Уже былъ написанъ декретъ о томъ, что „династія Гогенцоллерновъ перестала существовать“, и не будь рѣшимости тогдашней оффиціальной Россіи жертвовать всѣмъ для спасенія Пруссіи—послѣдняя не поднялась бы. Добродѣтели короля Фридриха-Вильгельма III не мѣшали ему играть крайне жалкую, плачевную роль передъ Наполеономъ и Александромъ I, послѣ неудачъ 1806 года; а нравственныя качества его под-

данныхъ были безсильны противъ французскихъ армій, пока за Пруссію не вступилась Россія, обнаружившая въ этомъ случаѣ непонятное и совершенно ненужное самоотверженіе. Забывать или умалчивать объ этихъ фактахъ всего менѣе подобало бы писателю, стоящему за высокіе религіозные идеалы, за нравственныя блага правды и честности; но узкій національзмъ вообще не уживается съ культомъ справедливости и съ истинно-христіанскими воззрѣніями и чувствами, такъ что попытка профессора Кнейзеля сводится къ желанію совмѣстить несовмѣстимое и потому должна быть признана по существу несостоятельною и безплодною. — Л. С.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 (13) августа 1891.

Недостатокъ въ народномъ продовольствіи.—Распространеніе законоположеній 12 іюля 1889 г. на новыя 12 губерній, съ нѣкоторыми измѣненіями въ нихъ и дополненіями.— Начало новаго учебнаго года въ столичныхъ начальныхъ училищахъ. — Училищное дѣло въ Одессѣ за послѣднія 15 лѣтъ, и одесская городская публичная библіотека.— По поводу министерскаго каталога книгъ для общественныхъ библіотекъ; его неудовлетворительность. — Новые толки въ западной печати о русской культурѣ.

Недостатокъ въ народномъ продовольствіи, всегда и вездѣ возможный, обыкновенно является результатомъ такихъ физическихъ бѣдствій, которыхъ нельзя ни предвидѣть, ни устранить; но не всегда и не вездѣ встрѣчается болѣе важный недостатокъ, чѣмъ самый недостатокъ въ народномъ продовольствіи, а именно,—недостатокъ или иногда и полное отсутствіе мѣръ къ тому, чтобы своевременно предвидѣть такое надвигающееся бѣдствіе, какъ голодъ, и имѣть наготовѣ цѣлый рядъ мѣръ для успѣшной борьбы съ нимъ. Дѣйствительно, въ нынѣшнемъ году неурожай, вслѣдствіе дурной зимы и весны, обнаружился не въ одной Россіи, но недостатокъ продовольствія вызвалъ опасенія голода и даже представилъ, если вѣрить газетнымъ сообщеніямъ, въ нѣкоторыхъ нашихъ мѣстностяхъ жестокіе случаи его послѣдствій,—и притомъ въ такихъ мѣстностяхъ, которыя по всей справедливости называются „житницами" Россіи.

Между тѣмъ, еще въ началѣ прошедшей зимы, вѣроятно въ виду дурныхъ всходовъ озими, въ одномъ изъ отчетовъ министерства финансовъ уже ставилось на видъ, что мы позади себя оставляемъ одинъ неурожайный годъ, а впереди—насъ ожидаетъ другой, такой же; все это было уже тогда сказано въ оправданіе нѣкоторой осторожности, необходимой въ финансовомъ отношеніи, и такимъ образомъ нельзя утверждать, чтобы нынѣ наступившій недостатокъ продовольствія не былъ у насъ предвидѣнъ заблаговременно. Были ли также, заблаговременно, т.-е. еще съ начала нынѣшняго года, приняты и мѣры противъ ожидаемаго бѣдствія — мы знать не можемъ; хотя, судя по тому, что только въ самое послѣднее время начали энергически обсуждаться подобныя мѣры,—и нѣкоторыя изъ нихъ, въ качествѣ экстренныхъ, какъ, напримѣръ, уменьшеніе провозной платы

за хлѣбъ по желѣзнымъ дорогамъ, уже и приняты,—можно думать, что до начала іюня насъ не озабочивалъ тяжелый вопросъ о способахъ борьбы съ недостаткомъ продовольствія и о недопущеніи его до степени голода, и такимъ образомъ, вышеупомянутое заблаговременное предвидѣніе значительнаго неурожая въ текущемъ году не повлекло, повидимому, за собою столь же заблаговременнаго принятія мѣръ, и особенно такихъ, къ которымъ прибѣгать теперь было бы уже поздно.

Болѣе всего любопытно при этомъ, что въ первый разъ произнесено было слово о „недостаткѣ" продовольствія въ Петербургѣ. Въ одномъ изъ самыхъ послѣднихъ засѣданій столичной городской Думы, 29 мая, отчетъ о которомъ появился недавно въ іюньскихъ нумерахъ ея „Извѣстій" (№ 26), сдѣлано было заявленіе, „что въ послѣднее время (т.-е. въ концѣ мая) значительно вздорожала мука, такъ что за куль, стоившій 8 руб., приходится платить 10 руб., и причиною этому служатъ: большой спросъ хлѣба за границу, истощеніе запасовъ, а также плохой урожай въ южныхъ губерніяхъ. Такое возвышеніе цѣны на муку ложится бременемъ на различныхъ торговцевъ хлѣбомъ, которые, вслѣдствіе распоряженія г. градоначальника, не могутъ возвысить цѣны на печеный хлѣбъ и принуждены продавать его съ различною примѣсью",—иначе, дѣйствительно, имъ приходилось бы или изъ своихъ средствъ доплачивать въ общую пользу 2 рубля за каждый куль и отчасти вести торговлю съ благотворительною цѣлью, или увеличить продажную цѣну печенаго хлѣба; но послѣднее, какъ объяснено выше, было невозможно. Такое заявленіе въ Думѣ подало поводъ въ то время къ однимъ обычнымъ соображеніямъ о жадности торговцевъ, наклонности ихъ къ обману, и о необходимости усиленія надзора за ихъ промысломъ; но только теперь, заднимъ числомъ, сдѣлалось яснымъ, что злоупотребленія со стороны торговцевъ были только результатомъ запретительныхъ мѣръ, которыя вообще чаще загоняютъ болѣзнь внутрь, нежели излечиваютъ отъ нея; настоящимъ же мотивомъ служило то, что торговцы, какъ люди, стоящіе очень близко къ дѣлу, имѣли, очевидно, уже тогда весьма точныя свѣденія о томъ, что́ публикѣ не было еще извѣстно —да и не одной публикѣ. Вотъ они заблаговременно и начали принимать мѣры,—правда, весьма неодобрительныя (какъ „посторонія примѣси"), но обусловленныя административнымъ запрещеніемъ.

Въ началѣ 80-хъ годовъ, не прибѣгая къ запрещеніямъ повышать цѣну на хлѣбъ, городская Дума распорядилась весьма раціонально: она ассигновала 300.000 р. для закупки хлѣба—съ цѣлью заставить тѣмъ скупщиковъ понизить цѣну до нормальнаго размѣра,

и провела это дѣло съ такимъ блестящимъ успѣхомъ, что цѣна на хлѣбъ не могла повыситься, а въ концѣ операціи всѣ 300.000 р. оказались въ городской кассѣ на-лицо, и еще осталась небольшая прибыль около 6.000 р., которыя пошли на улучшеніе городского санитарнаго дѣла. Въ виду возможныхъ послѣдствій нынѣшняго неурожая городская Дума возвратилась къ этой же самой благоразумной мѣрѣ, и есть основаніе ожидать отъ того такихъ же счастливыхъ результатовъ.

Въ настоящее время, конечно, слѣдуетъ заботиться о борьбѣ съ наступившимъ уже зломъ тамъ, гдѣ оно наступило, а потому всякія практическія мѣры надобно предпочесть общимъ, которыя въ будущемъ могли бы предупреждать подобное зло. Въ этомъ смыслѣ и дѣйствуетъ теперь какъ правительственная администрація, такъ и общественная— земства и города. Но въ печати—извѣстнаго рода—воспользовались и такою серьезною минутою, чтобы удовлетворить своимъ инстинктамъ. „Гражданинъ" усмотрѣлъ въ недостаткѣ продовольствія вину земства и конечный результатъ 25-лѣтней его дѣятельности; по соображеніямъ этой газеты, земство попустому тратило общественныя деньги на такой „второстепенный" предметъ, какъ народныя школы, вмѣсто того, чтобы устроивать запасные магазины хлѣба. Правда, „Правительственный Вѣстникъ", опубликовавъ цѣлый рядъ мѣръ, предпринятыхъ и предпринимаемыхъ земствомъ для народнаго продовольствія, далъ такимъ образомъ какъ бы опроверженіе хитросплетеніямъ газеты, да и кромѣ того, кому неизвѣстно изъ надмывательствъ той же самой газеты надъ статистическими работами земства, какую услугу оно оказало уже однѣми такими работами въ настоящую минуту, когда, опираясь только на эти работы, можно сколько-нибудь разсчитывать на сознательную борьбу съ голодомъ. „Гражданинъ" вспомнилъ о запасныхъ хлѣбныхъ магазинахъ изъ эпохи крѣпостного права, когда не было еще такой, какъ нынѣ, сѣти желѣзныхъ дорогъ, и когда, дѣйствительно, эта мѣра была и первая и послѣдняя. За отсутствіе нынѣ такихъ магазиновъ газета особенно и винитъ земство; но мы не думаемъ, чтобы и теперь, приступивъ, по окончаніи борьбы съ голодомъ, къ обсужденію и принятію на будущее время раціональныхъ предупредительныхъ мѣръ противъ возможности голода, возвратились къ такой мѣрѣ, какъ запасные магазины, и притомъ въ той формѣ, какъ они существовали прежде. Въ старину не было другого средства и для сохраненія денегъ, какъ кубышка, зарываемая въ землю; нѣчто подобное могутъ представлять изъ себя и тѣ запасные хлѣбные магазины, о какихъ такъ много толковалъ „Гражданинъ". Регулированія хлѣбнаго дѣла вообще нельзя требовать, особенно въ наше

время, отъ мѣстныхъ ȯрfalseвъ управленія; не можетъ земство остановить, напримѣръ, по своимъ соображеніямъ вывозъ хлѣба изъ губерніи, или повліять тѣмъ или другимъ способомъ на его цѣну, какъ напримѣръ то могло сдѣлать нынѣ министерство финансовъ пониженіемъ провознаго тарифа по желѣзнымъ дорогамъ на хлѣбъ; не можетъ земство воспретить водочное производство или ограничить его нормою изъ опасенія недостатка народнаго продовольствія и т. п. Такой недостатокъ, какъ недостатокъ продовольствія, требуетъ для устраненія его, въ большинствѣ случаевъ, мѣръ, которыя съ успѣхомъ можно обсуждать и принимать при совмѣстномъ ихъ обсужденіи какъ со стороны тѣхъ мѣстностей, которыя страдаютъ, такъ и тѣхъ, которыя предвидятъ остатки; а наше земское управленіе и прежде дѣйствовало всегда изолированно, каждое въ предѣлахъ своей губерніи, а потому самыя существенныя и серьезныя мѣры къ устраненію недостатка въ народномъ продовольствіи и не могли быть въ его компетенціи.

Съ 1-го числа истекшаго іюля мѣсяца, извѣстныя законоположенія „о преобразованіи мѣстныхъ крестьянскихъ и судебныхъ учрежденій“, Высочайше утвержденныя два года тому назадъ, распространяются на новыя двѣнадцать губерній (вологодскую — за исключеніемъ пяти ея юго-западныхъ уѣздовъ—воронежскую, вятскую, казанскую, орловскую, пензенскую, с.-петербургскую, самарскую, саратовскую, тамбовскую, тверскую и ярославскую). За симъ, остаются, такимъ образомъ, еще около 10 губерній, гдѣ пока еще сохраняется прежнее устройство крестьянскихъ и судебныхъ учрежденій.

Уже при началѣ введенія новаго преобразованія, какъ въ шести губерніяхъ первой очереди, такъ и въ десяти—второй очереди, оказалось необходимымъ сдѣлать въ немъ извѣстныя, болѣе или менѣе существенныя измѣненія, поправки, дополненія, а иногда и отступленія отъ главныхъ основаній, послужившихъ мотивами самаго преобразованія. Точно также и нынѣшній разъ, при введеніи земскихъ начальниковъ въ 12 вышеупомянутыхъ губерніяхъ потребовалось сдѣлать опять „нѣкоторыя измѣненія и дополненія“ въ законоположеніяхъ 12-го іюля 1889 года. Самое существенное отступленіе состоитъ въ томъ, что не только въ самихъ губернскихъ городахъ, Казани и Саратовѣ, но также и въ ихъ пригородныхъ слободахъ, сохраненъ прежній порядокъ: мировые судьи и мировые съѣзды будутъ въ упомянутыхъ городахъ и ихъ пригородахъ дѣйствовать на основаніяхъ, опредѣленныхъ судебными уставами имп. Александра II.

Такое же исключенiе изъ законоположенiя 12-го iюля 1889 г. сдѣлано: для столичныхъ пригородовъ г. С.-Петербурга, состоящихъ въ вѣденiи петербургскаго градоначальства; для селенiй Сестрорѣцка, Шувалова и Озерковъ; для парголовской волости,—но изъ этого послѣдняго исключенiя сдѣлано опять обратное исключенiе, а именно, новоселковское сельское общество вѣдается земскимъ начальникомъ; далѣе, для полюстровской, усть-ижорской и ново-саратовской волости, и, наконецъ, не для всей, а для части такъ-называемой московской волости петербургскаго уѣзда отъ взморья до линiи петергофской желѣзной дороги, включая и станцiю Лигово. Исключены также и пять юго-западныхъ уѣздовъ вологодской губернiи (никольскiй, сольвычегодскiй, устьсысольскiй, устюгскiй и яренскiй), съ тою только особенностью, что, за упраздненiемъ, съ 1-го iюля, въ этой губернiи губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствiя, обязанности его по отношенiю къ тѣмъ пяти уѣздамъ, гдѣ остаются въ прежней силѣ общiя нынѣ дѣйствующiя крестьянскiя и судебныя учрежденiя, будутъ исполняться вологодскимъ губернскимъ присутствiемъ, но на основанiяхъ, опредѣленныхъ положенiемъ о губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденiяхъ.

При введенiи законоположенiя 12-го iюля 1889 г., въ 10 губернiяхъ второй очереди было сдѣлано въ такомъ же смыслѣ, какъ нынѣ для Казани и Саратова, исключенiе также для двухъ губернскихъ городовъ, Харькова и Нижняго-Новгорода. Вѣроятно, по какимъ-нибудь соображенiямъ совершенно мѣстнаго характера, мировой судъ будетъ продолжать дѣйствовать на основанiи уставовъ имп. Александра II въ такихъ селенiяхъ какъ Сестрорѣцкъ, или Шувалово, Озерки, и въ нѣкоторыхъ волостяхъ петербургскаго уѣзда; но сохраненiе въ силѣ этихъ уставовъ въ губернскихъ городахъ Казани, Саратовѣ, Нижнемъ-Новгородѣ и Харьковѣ наводитъ на мысль, что законоположенiя 12-го iюля 1889 г. не признаются пригодными для большихъ городовъ, съ значительнымъ развитiемъ торговли и промышленности, а потому „Русскiя Вѣдомости“ весьма послѣдовательно пришли къ заключенiю, что, вѣроятно, при дальнѣйшемъ ростѣ другихъ городовъ, какъ губернскихъ, такъ и уѣздныхъ, можно ожидать возстановленiя мирового суда и въ другихъ городахъ, съ цѣлью поддержать въ нихъ торговлю и промышленное развитiе. Исполнить это будетъ тѣмъ легче, что для того не потребуется никакихъ отступленiй отъ законоположенiй 12-го iюля 1889 г. и никакихъ измѣненiй въ немъ, такъ какъ въ пунктѣ XIII мнѣнiя государственнаго совѣта министру юстицiи предоставляется входить въ обсужденiе вопроса о томъ, не оказывается ли возможнымъ сохранить въ большихъ губернскихъ

городахъ существующія тамъ судебныя учрежденія на основаніи уставовъ имп. Александра II.

Во второй половинѣ наступающаго мѣсяца августа вновь повсюду откроются начальныя народныя училища — для пріема новыхъ учащихся на открывшіяся въ маѣ мѣсяцѣ вакансіи, а затѣмъ начнутся и учебныя занятія. Въ Петербургѣ, въ его 267 училищахъ, съ 14.000 учащихся, въ маѣ окончили курсъ около 2.400 дѣтей обоего пола, и кромѣ того въ теченіе года выбыло около 800, такъ что школы, оставаясь въ прежнемъ своемъ числѣ, могутъ вновь принять до 3.200 дѣтей; сверхъ того, съ августа мѣсяца откроется 14 новыхъ училищъ на 700 учащихся; такимъ образомъ, городъ будетъ въ состояніи помѣстить въ начальныя народныя училища всего около 4.000 дѣтей обоего пола,—и тѣмъ не менѣе, вѣроятно, дѣло не обойдется безъ отказовъ. Городскія средства, очевидно, развиваются не въ томъ размѣрѣ, въ какомъ распространяется даже въ самыхъ низшихъ общественныхъ слояхъ убѣжденіе въ необходимости выростить дѣтей, по крайней мѣрѣ, грамотными. Прежде усматривали въ этомъ убѣжденіи одинъ результатъ разсчета родителей, имѣвшихъ въ виду льготу по воинской повинности для дѣтей грамотныхъ; но теперь, какъ извѣстно, такого мотива нельзя и предполагать, ибо фактически сроки службы для всѣхъ сдѣлались коротки; а потому стремленіе родителей устроить дѣтей въ начальныя училища слѣдуетъ объяснять скорѣе довѣріемъ, какое внушаютъ къ себѣ городскія училища, а также крайнею дешевизною платы за обученіе. Въ Петербургѣ городъ беретъ 1 р. за полугодіе, а въ Москвѣ—1 р. 50 к.; въ земскихъ школахъ, въ огромномъ большинствѣ, обученіе вовсе безплатное. Министерскія начальныя народныя училища, гдѣ они еще существуютъ, берутъ несравненно высшую плату; такъ, мы недавно читали въ московскихъ газетахъ объявленіе директора народныхъ училищъ въ Москвѣ, гдѣ, кромѣ начальныхъ училищъ, содержимыхъ Думою, есть также и казенныя начальныя училища,—объ условіяхъ пріема учениковъ въ послѣднія съ платою за обученіе въ годъ сорока (40) рублей. Программа этихъ училищъ, надобно думать, одинакова съ начальными училищами, содержимыми на счетъ города въ Петербургѣ, такъ какъ въ объявленіи говорится, что ученики казенныхъ начальныхъ училищъ могутъ поступать въ 1-й классъ гимназій и реальныхъ училищъ; то же можно сказать объ ученикахъ начальныхъ училищъ, содержимыхъ городомъ, и права ихъ тѣ же, а именно: они даютъ право на льготу по воинской повинности 4-го разряда.

Плата, взимаемая за обученіе въ петербургскихъ начальныхъ народныхъ училищахъ, содержимыхъ на счетъ города, такъ ничтожна, что едва покрываетъ собою 4% всѣхъ расходовъ на начальное народное образованіе: сумма, собранная за ученіе, въ послѣднее время дошла до 20.000 рублей, а весь расходъ на этотъ предметъ превышаетъ 500.000 руб. Можно подумать, что городъ, назначая,—15 лѣтъ тому назадъ, когда были имъ приняты въ его вѣденіе 16 казенныхъ начальныхъ училищъ,—подобную плату за ученіе, какъ 1 руб. въ полугодіе, желалъ во что̀ бы то ни стало, чтобъ обученіе никакъ не считалось безплатнымъ; и дѣйствительно, мотивомъ къ назначенію такого размѣра платы, какъ извѣстно, послужило то соображеніе, что людямъ достаточнымъ могло бы показаться унизительнымъ для нихъ обучать своихъ дѣтей на счетъ города, а это стѣснило бы ихъ посылать дѣтей въ даровую школу. Но никому не пришло тогда на мысль, что, съ другой стороны, люди столь самолюбивые, должны были бы не менѣе стѣсняться тѣмъ, что имъ обходится обученіе ребенка 2 руб., а городу—42 рубля въ годъ! Развѣ подобное обученіе можно назвать платнымъ?! Такъ какъ по всѣмъ училищамъ освобождается до 16% бѣдныхъ учащихся отъ всякой платы, и еще по 3 рубля отпускается на снабженіе ихъ учебными пособіями, а въ нѣкоторыхъ бѣднѣйшихъ городскихъ кварталахъ освобождается до 25% учащихся, — то каждое училище обходится городу свыше 1.800 рублей въ годъ, а городъ собираетъ въ возвратъ такого расхода не болѣе 75 рублей! Кромѣ того, какъ мы слышали, за всѣ 15 лѣтъ существованія училищъ городскихъ не было ни одного случая, чтобы кто-нибудь изъ родителей достаточныхъ, для которыхъ плата за ученіе 2 рубля въ годъ дѣйствительно ничтожна, не пожелалъ, чтобы городъ приплачивалъ къ этимъ 2 рублямъ своихъ сорокъ рублей—и добровольно увеличилъ бы плату; а между тѣмъ именно предполагаемое въ родителяхъ самолюбіе, какъ мы видѣли, заставило Думу назначить за ученіе хотя бы самую ничтожную плату. Итакъ, 15-лѣтній опытъ доказалъ, что никто не огорчается тѣмъ, что съ него берутъ слишкомъ мало; годовой сборъ въ 75 рублей въ каждой отдѣльной школѣ никакъ не можетъ быть названъ пособіемъ городу при его собственномъ годовомъ расходѣ на эту же школу въ 1.800 руб.,—а потому городское общественное управленіе могло бы, повидимому, теперь отказаться вовсе отъ платы за ученіе въ своихъ училищахъ, или, по крайней мѣрѣ, установить ее совершенно на другихъ основаніяхъ, какъ, напримѣръ, то практикуется въ Москвѣ. Тамъ взимается плата за ученіе и притомъ нѣсколько высшая сравнительно съ петербургской —3 рубля въ годъ; бѣдные также освобождаются вовсе отъ платы, а

слѣдовательно, освобождаются и въ большемъ числѣ, но общая сумма сбора чрезъ то, вѣроятно, не уменьшается, если сравнить ее съ петербургской, — только она не поступаетъ въ московскую городскую кассу, а остается въ распоряженіи училища на его собственныя нужды; къ числу такихъ нуждъ прежде всего нужно отнести помощь бѣднымъ дѣтямъ пищею, одеждою и т. п.

Кромѣ Петербурга и Москвы, есть еще одинъ городъ, обращающій на себя вниманіе успѣхами начальнаго народнаго образованія, именно, Одесса.—Намъ до сихъ поръ почти не случалось говорить о положеніи этого дѣла въ Одессѣ, а въ нынѣшнемъ году кстати появился въ печати очеркъ, подъ заглавіемъ: „Народное образованіе въ Одессѣ въ вѣденіи городского общественнаго управленія—1873-1889 гг.“. Этотъ очеркъ составленъ мѣстнымъ городскимъ статистическимъ бюро, основаннымъ года полтора тому назадъ. Изъ этого очерка видно, что начальное народное образованіе въ Одессѣ въ рукахъ городского общественнаго управленія, въ теченіе менѣе 20 лѣтъ, сдѣлало, также какъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ, весьма значительные успѣхи: лѣтъ 20 тому назадъ, при введеніи нынѣ еще дѣйствующаго городового Положенія 1870 г., Одесса издерживала на начальное народное образованіе всего 47 тысячъ рублей, а въ 1889 г. этотъ расходъ увеличился до 127 тысячъ, что́ составляетъ безъ малаго 10% всего нынѣшняго городского бюджета (въ Петербургѣ и въ Москвѣ—около 8%). Весь же расходъ на образованіе въ Одессѣ достигъ въ 1889 г. до 206 тысячъ рублей. Городъ Одесса принялъ въ 1873 г. въ свое вѣденіе, кромѣ 22 начальныхъ народныхъ училищъ, маріинскую женскую гимназію и сиротскій домъ, а нынѣ въ вѣденіи города состоятъ: до 50 народныхъ школъ и еще вторая женская гимназія и „городское“ училище, мужское и дѣвичье (по Положенію 1862 г., которымъ г. Петербургъ до сихъ поръ не могъ воспользоваться, а потому и до сихъ поръ не имѣетъ ни одного своего „городского“ училища, ни мужского, ни женскаго, гдѣ могли бы продолжать ученіе окончившіе курсъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ).

Изъ того же очерка видно, что въ Одессѣ, какъ, впрочемъ, и во всѣхъ городахъ, дѣло начальнаго народнаго образованія есть, можно сказать, совершенно новое: въ Одессѣ первое начальное народное училище было открыто только въ 1835 году! До 60-хъ годовъ это дѣло стояло почти неподвижно, и только въ 60-хъ годахъ оно начало развиваться, но все же въ теченіе 35 лѣтъ было открыто не болѣе какъ 22 училища; только со времени введенія городового Положенія 1870 г. число училищъ начинаетъ возростать быстро и въ теченіе 19 лѣтъ болѣе чѣмъ удвоивается (50 училищъ въ 1889 г.).

Несмотря на то, однако, и въ Одессѣ число школъ далеко не соотвѣтствуетъ существующей въ нихъ потребности, и отказы въ пріемѣ дѣтей далеко превышаютъ 1.000 въ годъ. Устройство смѣнъ учащихся, къ которому прибѣгаютъ въ Одессѣ, оказываетъ нѣкоторую услугу, но эта мѣра представляетъ и нѣкоторыя неудобства въ другихъ отношеніяхъ.

Особенное вниманіе обращаетъ на себя въ Одессѣ городская публичная библіотека, основанная еще въ 1829 г., при князѣ М. С. Воронцовѣ; поступивъ въ вѣденіе города съ 1865 г., она получила и собственное помѣщеніе, сооруженное на средства городского головы г. Маразли. Въ 1889 г. библіотека города Одессы состояла изъ 58.800 томовъ (27.300 названій) и нынѣ обходится городу ежегодно свыше 6.600 р. (городъ Петербургъ расходуетъ почти столько же на 2 городскія читальни). Въ теченіе послѣднихъ 50 лѣтъ число посѣщеній возросло съ 2.300 почти до 37.500. Лѣтъ 50 тому назадъ число посѣтителей въ годъ не составляло и 3% всего городского населенія, а въ 1889 г. оно дошло до 18%. Такое же постоянное увеличеніе числа лицъ, пользующихся общественными библіотеками, замѣчается вездѣ и свидѣтельствуетъ о возростающей въ нихъ потребности. Возможно-широкое ея удовлетвореніе особенно необходимо у насъ, гдѣ только въ послѣднія десятилѣтія начало развиваться „начальное народное образованіе“, а такъ-называемое „городское“ образованіе, какое можно получать въ „городскихъ“ училищахъ, и до сихъ поръ находится почти въ зачаточномъ состояніи, за недостаткомъ—а иногда и за полнымъ отсутствіемъ—общественныхъ „городскихъ“ училищъ. Въ Петербургѣ, какъ мы сказали, нѣтъ совсѣмъ ни одного; въ Москвѣ 3 или 4, а въ Одессѣ 2. Такимъ образомъ, огромный процентъ дѣтей въ городахъ оканчиваетъ свое ученіе въ 12 лѣтъ и остается на всю жизнь при начальномъ образованіи; вотъ почему общественныя публичныя библіотеки могутъ быть разсматриваемы какъ вспомогательное средство для самообразованія. Съ другой стороны, казна была бы не въ состояніи, при всемъ ея добромъ желаніи, сдѣлать для каждаго города то, что̀ сдѣлано въ Петербургѣ, имѣющемъ для себя Публичную Библіотеку; да и въ Петербургѣ такая библіотека не представляетъ удобствъ для окраинъ города, а потому общественныя библіотеки могутъ имѣть и здѣсь значеніе подспорья для нея, уменьшая въ ней приливъ читателей.

Новыя правила о допущеніи въ общественныхъ и, слѣдовательно, даровыхъ библіотекахъ только тѣхъ книгъ, которыя одобрены министерствомъ народнаго просвѣщенія, должны будутъ измѣнить вышеуказанное ихъ значеніе. Частныя, но платныя библіотеки, конечно, много выиграютъ отъ новаго порядка, но обще-

ственныя безплатныя читальни потеряютъ свое назначенiе и превратятся въ училищныя библiотеки для малолѣтнихъ. Нельзя отрицать пользу послѣднихъ, но эта польза нисколько не исключаетъ пользы безплатныхъ общественныхъ читаленъ для взрослыхъ. Если при введенiи новаго порядка руководились какимъ-нибудь принципомъ,—напримѣръ, что книги могутъ раздѣляться на полезныя и вредныя,—то и въ такомъ случаѣ останется неяснымъ, почему тогда дозволяется „вредную" книгу читать въ платной библiотекѣ или купить, но нельзя ее прочесть даромъ, какъ будто въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ и заключается весь вредъ. Мало понятно также и то обстоятельство, почему „вредную книгу", т.-е. недопущенную въ общественныхъ читальняхъ, какъ даровыхъ,—нельзя получить, а эту же книгу и тотъ же обыватель Петербурга можетъ получить даромъ въ императорской Публичной Библiотекѣ? Намъ кажется, что во всемъ этомъ надобно видѣть нѣкоторое недоразумѣнiе: городу нужны и даровыя *народныя* читальни, и даровыя *общественныя* читальни. Если правила министерскiя отнести къ первымъ, то противъ этого въ принципѣ трудно было бы возражать, но отнести ихъ безразлично и ко вторымъ значило бы не допускать различiя между ними,—различiя очевиднаго,—и вмѣстѣ съ тѣмъ свести общественныя библiотеки на степень народныхъ, т. е. уничтожить первыя.

Но, допуская въ принципѣ возможность исключительныхъ правилъ и каталоговъ для „народныхъ" читаленъ, мы, однако, не можемъ не согласиться съ обстоятельнымъ изслѣдованiемъ г. В. Якушкина, доказавшаго весьма убѣдительно, по нашему мнѣнiю, всю неудовлетворительность новаго министерскаго каталога народныхъ книгъ [1]). Первый и главный его недостатокъ происходитъ, какъ оказывается, отъ физической невозможности для ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенiя своевременно разсмотрѣть всю массу вновь появляющихся книгъ и новыхъ изданiй—прежнихъ. Примѣры, приводимые г. Якушкинымъ, казались бы баснословными, еслибы авторъ не подтверждалъ своихъ словъ фактами: такiя громкiя произведенiя, какъ „Тарасъ Бульба", „Ночь предъ Рождествомъ", „Майская ночь", Гоголя, изданныя въ 1874 г., были одобрены комитетомъ въ 1883 г., т.-е. 9 лѣтъ спустя; повѣсть Григоровича „Четыре времени года" издана въ 1871 г., а одобрена въ 1882 г.—11 лѣтъ спустя; поэма Жуковскаго „Агасверъ", въ изданiи 1870 г., одобрена лишь въ 1887 г.—17 лѣтъ спустя!!.

Не менѣе поразителенъ и другой фактъ, указываемый г. Якуш-

[1]) См. статью: „Министерскiй каталогъ народныхъ книгъ", В. Якушкина,—„Русск. Вѣдомости", iюнь 1891, №№ 165 и 168.

кинымъ: за послѣднія 30 лѣтъ (1860—1890 гг.) комитетомъ было одобрено 1.600 книгъ для народныхъ библіотекъ, и въ томъ числѣ еще значительное количество учебниковъ (450), а въ дѣйствительности за этотъ періодъ времени появилось до 12.000 книгъ, не считая учебниковъ. Такимъ образомъ, министерствомъ было одобрено всего 10%; значитъ, остальные 90% книгъ слѣдуетъ отнести къ числу неодобренныхъ, что́, конечно, немыслимо, такъ какъ изъ этихъ 90% добрая половина, конечно, была бы одобрена, еслибы только комитетъ могъ прочесть своевременно всѣ вышедшія 12.000 книгъ, а не ограничился однѣми 1.600 книгъ. По этому поводу г. Якушкинъ указываетъ на печальную участь, постигшую даже нашего „народнаго“ поэта Пушкина; съ окончаніемъ срока литературной собственности въ 1887 г., какъ извѣстно, появилась масса народныхъ дешевыхъ изданій Пушкина, а по каталогу министерства 1891 г. оказывается, что такихъ изданій явилось не болѣе 7, и названныя семь изданій принадлежатъ далеко не къ лучшимъ и не къ самымъ дешевымъ: такъ, нѣтъ такого изданія, каково изданіе спб. комитета грамотности; указана „Полтава“ въ 10 коп., а не упомянуты другія ея изданія въ 5, 3 и 1½ коп., и т. д.

Въ виду такого положенія дѣла относительно каталоговъ, представляющаго, повидимому, непреодолимыя затрудненія и для самого ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, нельзя не согласиться съ вполнѣ справедливымъ, по нашему мнѣнію, предложеніемъ г. Якушкина: „нужно,—говоритъ онъ,—чтобы министерство издавало не каталогъ книгъ, разрѣшенныхъ (какъ это теперь дѣлается, а какъ дѣлается—мы видѣли выше), а, напротивъ, каталогъ книгъ, запрещенныхъ для народныхъ библіотекъ“. Въ подкрѣпленіе своего предложенія и въ доказательство его практичности, г. Якушкинъ ссылается на тотъ фактъ, что такой списокъ запретительнаго характера тоже существуетъ для всѣхъ частныхъ библіотекъ для чтенія; этимъ спискомъ указываются тѣ книги, которыя запрещены для выдачи, а не тѣ, которыя дозволены. И ученый комитетъ народнаго просвѣщенія могъ бы выполнить такую задачу несравненно легче той, которая на него возлагается теперь, безъ возможности осуществленія ея, да и развитіе народныхъ читаленъ не встрѣчало бы себѣ никакихъ препятствій. Что же касается до даровыхъ общественныхъ библіотекъ, то онѣ могли бы быть ограничены только тѣмъ вышеупомянутымъ спискомъ, какой уже существуетъ для всѣхъ частныхъ библіотекъ для чтенія.

Весьма основательно потому г. Якушкинъ заключаетъ свой трудъ слѣдующимъ соображеніемъ:

„Потребность въ чтеніи все ростетъ и ростетъ среди нашего на-

рода. Вопросъ о народномъ чтеніи—одинъ изъ самыхъ важныхъ и существенныхъ вопросовъ современной русской жизни. Это живое дѣло, для блага Россіи, не должно быть стѣсняемо сухими формальностями. Обращаясь съ совѣтомъ къ составителямъ народныхъ книгъ, покойный Достоевскій вполнѣ справедливо говорилъ: „прежде непремѣнной, немедленной пользы народныхъ книжекъ, кромѣ всѣхъ солей, искорененій и нравоученій, очень бы не худо было имѣть въ виду просто распространеніе въ народѣ чтенія, постараться заохотить народъ къ чтенію—занимательностью книги, и потому пусть вещь будетъ хоть и безъ соли, да если чуть-чуть занимательна и положительно *невредна* (надѣюсь, поймутъ, что̀ мы подразумѣваемъ подъ словомъ „невредна"), такъ и спасибо за нее"... Этотъ справедливый совѣтъ до сихъ поръ имѣетъ значеніе для нашихъ народныхъ писателей и издателей; но и взглядъ контролирующей власти долженъ быть тотъ же: *невредная книга полезна*. И этотъ справедливый взглядъ можетъ получить осуществленіе въ дѣятельности ученаго комитета лишь тогда, когда въ ней будетъ сдѣлана указанная выше перемѣна".

Въ послѣднее время не одна наша политика, но также и наша общественная жизнь, наша литература, обращаютъ на себя вниманіе иностранныхъ читателей, а соотвѣтственно тому все чаще и чаще появляются за границей спеціальныя изслѣдованія нашего историческаго и современнаго быта. На основаніи такихъ изслѣдованій создается на западѣ общественное мнѣніе о Россіи, какъ извѣстно, въ рѣдкихъ случаяхъ благопріятное намъ; но такъ какъ самыя изслѣдованія остаются въ большинствѣ неизвѣстны русскому читателю, то онъ и лишенъ возможности знать причины такого нерасположенія къ намъ и судить о степени ихъ основательности; онъ видитъ предъ собою одни ихъ послѣдствія, отражающіяся на иностранныхъ газетахъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ одна изъ петербургскихъ газетъ („Гражданинъ", № 165) сама познакомилась съ подобнымъ произведеніемъ одного изъ новѣйшихъ публицистовъ, сдѣлавшагося извѣстнымъ подъ именемъ H. v. Samson-Himmelstjerna (Victor Franck), чрезъ посредство газеты „Pester Lloyd", и привела ея отзывъ о Россіи на основаніи послѣдняго произведенія упомянутаго автора: „St.-Petersburger Schilderungen und Briefe, mit Rückblicken auf die jüngste Vergangenheit" („Петербургскіе очерки и письма, съ обзоромъ недавняго прошлаго"). Нашимъ читателямъ имя этого публициста нѣсколько знакомо по его книгѣ, разобранной нѣкогда въ „В. Е." покойнымъ К. Д. Кавелинымъ, и по другому его произведенію: „Revanche ou

ligue douanière" [1]); новая его книга, посвященная петербургскому обществу, характеризуется въ упомянутомъ органѣ иностранной печати такимъ образомъ (какъ излагаетъ въ русскомъ переводѣ „Гражданинъ"):

„Какъ грозный древній сфинксъ, — говоритъ „Pester Lloyd",— стоитъ Россія на порогѣ Европы. Если когда-нибудь явится новый Эдипъ, который съумѣетъ дать настоящій отвѣтъ на восточный вопросъ, то было бы желательно, чтобы вслѣдъ за этимъ провалился въ преисподнюю и московскій сфинксъ, что было бы искупленіемъ за тѣ безчисленныя жертвы, которыя теперь истекаютъ кровью въ его когтяхъ.

„Русскій, по всей вѣроятности балтійскій нѣмецъ, финнъ или лифляндецъ, г. Самсонъ-Химмельстьерна, издалъ объемистую, хорошо написанную книгу, въ которой онъ снова обращаетъ вниманіе западной Европы на опасность, грозящую ей со стороны Россіи. Не слѣдуетъ убаюкивать себя, не слѣдуетъ надменно отворачиваться отъ „русскихъ дѣлъ". Судьба Европы тѣсно связана съ берегами Невы. Страшнѣйшаго изъ враговъ всегда слѣдуетъ знать хорошо, и всегда слѣдуетъ быть готовымъ къ нападенію съ его стороны. Болѣе четырехъ милліоновъ солдатъ стоятъ на-готовѣ въ Россіи; этому громадному сонмищу можетъ противостоять только Европа, соединенная ради общей цѣли. Но Химмельстьерна, авторъ упомянутой книги, считаетъ насильственное сохраненіе мира не особенно выгоднымъ, потому что Россіи дается только время еще больше усилиться и воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, когда Европа снова будетъ разъединена, для приведенія въ исполненіе своихъ вандальскихъ намѣреній.

„Авторъ,—говоритъ „Pester Lloyd",—выдаетъ себя за русскаго, и мы не имѣемъ никакого основанія считать его врагомъ Россіи. Какъ онъ ни либераленъ и какъ ни расположенъ къ нѣмцамъ, а все же въ его разсужденіяхъ проглядываютъ русскія когти и монгольскіе буйвольи рога. Онъ ратуетъ за культуру и права Финляндіи—этого перла русской короны—и за выдающееся положеніе, которое должны занимать Остзейскія провинціи въ Россіи, и не забываетъ постоянно настаивать на томъ, что у Русскаго Царя никогда не было вѣрнѣйшихъ (!), благороднѣйшихъ и преданнѣйшихъ подданныхъ, какъ финны и остзейскіе нѣмцы (!!). Очевидно, авторъ готовъ примириться съ какими угодно деспотическими мѣрами въ Россіи, лишь бы только онѣ не примѣнялись къ этимъ не-русскимъ народностямъ. Съ такими партикуляристскими воззрѣніями, готовыми равнодушно смотрѣть на порабощеніе милліоновъ, лишь бы какая-нибудь кучка „лучшихъ людей" ничего не потеряла отъ этого, мы не можемъ быть солидарны и не можемъ быть согласны съ авторомъ, когда онъ жалуется на то, что абсолютный славянофильскій принципъ старается о томъ, чтобы пригнать къ общему шаблону Финляндію и Остзейскія провинціи, и не видитъ никакой бѣды въ торжествѣ этого принципа въ другихъ мѣстахъ Россіи. Авторъ, слѣдо-

[1]) См. „Новости иностранной литературы" въ іюнѣ 1891 г.

вательно, дѣлаетъ огромное различіе между тѣми и другими русскими подданными и, являясь либераломъ и прогрессистомъ въ отношеніи однихъ, становится реакціонеромъ въ отношеніи другихъ. Изъ всѣхъ разсужденій автора мы невольно приходимъ къ заключенію, что онъ принадлежитъ къ консервативно-либеральной партіи конца прошлаго царствованія въ Россіи, уступившей мѣсто славянофиламъ въ настоящее время, но не теряющей надежды снова вернуть свою прежнюю силу.

„Въ Россіи господствуютъ славянофилы, говоритъ авторъ; ихъ лозунгъ — единая русская нація и во главѣ единая Православная Церковь. Они стремятся къ подчиненію Европы русскому самодержавію и Восточной Православной Церкви. Но Русскій Государь признаетъ только одни честныя средства и, управляя всѣмъ самолично, видитъ въ самодержавіи единственный путь ко благу Россіи.

„Никто въ Россіи не можетъ похвалиться, что имѣетъ рѣшающее вліяніе: вся политика въ рукахъ Русскаго Царя, и никто не направляетъ ея согласно своимъ воззрѣніямъ. Самодержавіе для Россіи дѣйствительно является необходимостью, и парламентъ въ Россіи былъ бы, по меньшей мѣрѣ, смѣшнымъ или явился бы началомъ конца. Съ этой стороны перемѣны въ Россіи нежелательны, лишь бы не было нарушенія правъ Финляндіи и Лифляндіи и была бы дарокана автономія Остзейскимъ провинціямъ. Но авторъ сильно осуждаетъ дѣйствія славянофиловъ, которыя въ концѣ концовъ таки-поведутъ къ столкновенію съ Европой и, по мнѣнію автора,—лучше, если это столкновеніе произойдетъ раньше, нежели позже. Очевидно, авторъ желаетъ войны, но войны съ увѣренно-несчастливымъ исходомъ для Россіи, которая бы прекратила панславистскія мечтанія, водворила бы просвѣщенный абсолютизмъ съ космополитическою окраской въ Россіи. Тогда для нея наступятъ счастливыя времена... Авторъ возлагаетъ большія надежды при этомъ на русское духовенство; реформированное и просвѣщенное, оно поведетъ русскій народъ къ прогрессу. Поэтому въ этомъ направленіи должны дѣйствовать усилія цивилизаторовъ въ Россіи“...

Петербургская газета, приведя въ русскомъ переводѣ такую статью „Пештскаго Ллойда“, оставляетъ ее безъ всякихъ замѣчаній съ своей стороны, если не считать такими нѣсколькихъ восклицательныхъ знаковъ отъ редакціи. Но пештская газета, какъ оказывается, не столько имѣла въ виду книгу г. С.-Химмельстьерна, сколько усматривала въ ея появленіи случай еще разъ повторить то, что́ въ ней уже не разъ говорилось о русской культурѣ. Другія иностранныя газеты отнеслись иначе къ этой же книгѣ, а именно, болѣе объективно, и изъ ихъ отзывовъ видны несравненно лучше ея существенные недостатки которые могутъ однако неправильно и нежелательно воздѣйствовать на общественное мнѣніе западной Европы, сбивая его окончательно съ толку. Изъ выдержекъ, приведенныхъ въ одной изъ нѣмецкихъ газетъ, видно, что авторъ, задавшись мыслью дать читателю „петербургскіе“ очерки, собственно ведетъ полемику съ „славянофилами“

и притомъ прежнихъ эпохъ, а потому борется съ славянофильствомъ, которое не существуетъ, и, повидимому, вовсе незнакомъ съ существующимъ—положеніе, для изслѣдователя по меньшей степени неудобное! Но хуже всего то, что авторъ, въ пылу борьбы à l'outrance, самъ, только въ другой формѣ, приходитъ незамѣтно для себя къ одному заключенію съ славянофилами, взгляды которыхъ онъ какъ будто оспариваетъ. Онъ упрекаетъ славянофиловъ главнымъ образомъ за то, что они считаютъ русскій народъ какимъ-то исключительнымъ въ общечеловѣческой семьѣ и потому идущимъ необыкновенными путями, которые недоступны для другихъ народовъ. Авторъ книги, собственно говоря, утверждаетъ то же самое, съ тою только разницею, что славянофилы, по его словамъ, приписываютъ русскому народу прирожденныя добродѣтели, а г. С.-Химмельстьерна находитъ въ немъ прирожденные пороки, которые не дозволяютъ даже обсуждать вопросы русской культуры съ точки зрѣнія другихъ народныхъ культуръ. Такимъ образомъ, и авторъ книги дѣлаетъ свои послѣдніе выводы, какъ оказывается, съ той же точки зрѣнія, которую онъ съ большимъ пыломъ осуждаетъ, говоря объ основахъ ученія славянофиловъ, какъ оно имъ понято. Впрочемъ, авторъ самъ взялъ на себя трудъ опредѣлить значеніе своей книги, когда онъ въ концѣ ея, какъ бы резюмируя собственные взгляды, вывелъ на сцену какого-то собесѣдника—и надобно отдать справедливость безпристрастію автора — онъ далъ возможность своему собесѣднику возражать автору такъ умно, что этотъ собесѣдникъ, т.-е. самъ же авторъ, рѣшительно прижалъ автора, т.-е. самого себя, какъ говорится, къ стѣнѣ.

Выслушавъ заключительное слово г. С.-Химмельстьерна, невидимый его собесѣдникъ прервалъ его рѣчь восклицаніемъ:—„Но вы—совершеннѣйшій пессимистъ! Существующее вы безусловно осуждаете и не ждете отъ него никакого добра; отъ всякаго другого порядка, который вы считаете лучшимъ, вы не ожидаете также ничего, кромѣ еще худшаго зла! Но такъ какъ при этомъ ничего третьяго не можетъ быть, то по вашему въ результатѣ во всякомъ случаѣ является нуль!“

Авторъ возражаетъ на это своему собесѣднику не чѣмъ другимъ, какъ повтореніемъ всего того, что̀ пространно изложено въ его книгѣ и что̀ подало основательный поводъ его собесѣднику привести всѣ его соображенія къ нулю, а въ заключеніе и самъ „сознается къ собственному сожалѣнію“ (ich muss vielmehr leider bekennen), что и его идеи не имѣютъ „большихъ шансовъ успѣха“. Спрашивается: стоило ли писать цѣлую книгу только для того, чтобы заключить сожалѣніемъ о томъ, что въ результатѣ ея оказался—нуль?

„Гражданинъ“, какъ мы видѣли, почтилъ помѣщеніемъ у себя,

безъ всякихъ возраженій или замѣчаній, статью „Пештскаго Ллойда" о Россіи; но вскорѣ объяснилось все: взгляды „Гражданина" на нашу культуру и ея отношенія къ культурѣ міровой, какъ оказалось, мало чѣмъ отличаются отъ такихъ же взглядовъ „Ллойда" и даже оставляютъ пештскую газету позади себя. Приведя въ одномъ изъ слѣдующихъ своихъ нумеровъ еще другой, такой же неблагосклонный отзывъ о Россіи французскаго сенатора Бартелеми Сентъ-Илера, всѣмъ извѣстный по газетамъ, „Гражданинъ" не только нашелъ автора подобнаго отзыва „правымъ", но счелъ долгомъ съ своей стороны подкрѣпить его, дѣйствительно, „варварскими" соображеніями: „Наша сила, — поучаетъ петербургская газета, — именно въ гордомъ (?!) сознаніи себя *варварами* (курсивъ авторскій) въ Европѣ... Насъ, русскихъ, должно воспитывать въ убѣжденіи, что нѣтъ *умнаго человѣка* въ Европѣ, который не считалъ бы насъ своимъ заклятымъ врагомъ, своимъ ненавистнымъ монстромъ (!)—варварскимъ народомъ". Повидимому, „Гражданинъ и взялъ на себя тяжелый трудъ воспитать русское общество въ такомъ счастливомъ убѣжденіи; но кому же, какъ не „Гражданину", знать, за кого принимаютъ тѣхъ, кому удалось наконецъ сдѣлаться врагомъ всѣхъ умныхъ людей"...

ИЗВѢЩЕНІЯ.

Отъ Комитета Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

Историческое Общество при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ предприняло изданіе періодическаго сборника подъ названіемъ „Историческаго Обозрѣнія“, поручивъ редактированіе его своему предсѣдателю, проф. Н. И. Карѣеву. Желая, чтобы въ этомъ изданіи были сосредоточены извѣстія о всѣхъ вновь выходящихъ въ Россіи историческихъ книгахъ, Комитетъ Общества обращается къ авторамъ-издателямъ историческихъ книгъ съ покорнѣйшей просьбой присылать въ Общество свои труды (начиная съ помѣченныхъ 1891 г.) съ краткими, ими самими составленными, замѣтками (Selbstanzeigen) объ этихъ трудахъ, размѣрами отъ нѣсколькихъ строкъ до печатной страницы, дабы въ „Историческомъ Обозрѣніи“ могла вестись систематическая библіографія съ краткими указаніями на содержаніе обозначаемыхъ въ ней трудовъ; въ томъ случаѣ, если присланная книга не найдетъ рецензента, будетъ напечатана (цѣликомъ, въ изложеніи или сокращеніи) замѣтка ея автора, для чего такія замѣтки должны содержать въ себѣ то, что̀ обыкновенно авторами пишется въ предисловіяхъ. Самыя книги будутъ поступать въ библіотеку Общества. Посылки могутъ быть адресованы (заказными бандерольными отправленіями) на имя Н. И. Карѣева въ С.-Петербургскій Университетъ (въ августѣ—на Воскресенскую почтовую ст. смоленской губ., сычовскаго уѣзда).

ПОПРАВКА:

Въ „Библіографическомъ Листкѣ“ іюльской книги, по недосмотру, остались неисправленными два мѣста въ первой его колоннѣ: строк. 1 сн., напечатано: „дополнительное“—слѣдуетъ: *дополненное*; 11 строк. сн., напечатано: „законодательства“—слѣдуетъ: *доказательства*.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

ІЮЛЬ — АВГУСТЪ, 1891.

Книга седьмая. — Іюль. стр.

Артистка.—Романъ въ 4-хъ частяхъ. — Часть вторая: XI-XIX.—МАР. КРЕСТОВСКОЙ 5
Долголѣтіе животныхъ, растеній и людей.—V.—И. Р. ТАРХАНОВА . . . 77
Послѣдній романъ Генриха Сенкевича.—„Безъ догмата", современный романъ, перев. съ польскаго В. М. Лаврова.—ВЛАД. КАРЕНИНЪ 112
Добрые люди.—Разсказъ изъ давно минувшихъ лѣтъ.—V-VIII.—Окончаніе.—И. Н. ПОТАПЕНКО 144
Мои воспоминанія.—IX-X.—Ѳ. И. БУСЛАЕВА 177
Неудачникъ.—Романъ, перев. съ франц.—IV-VIII.—А. Э. 220
Пауперизмъ въ Соединенныхъ Штатахъ.—I-III.—В. МАКЪ-ГАХАНЪ . . . 274
Бѣдные люди.—Изъ Виктора Гюго.—О. МИХАЙЛОВОЙ 298
Новѣйшая русская литература.—По поводу книги А. М. Скабичевскаго.—А. В—НА 305
Хроника.—Наша внѣшняя торговля въ 1890 г.—О. 351
Внутреннее Обозрѣніе.—Правила 4-го мая 1891 г. о школахъ грамоты.—Отзывы о нихъ въ печати; полемика между „Гражданиномъ" и „Церковными Вѣдомостями".—Опредѣленіе св. синода о мѣрахъ взысканія въ церковно-приходскихъ школахъ.—Церковно-приходскія школы въ тверской губерніи.—Новые законы.—Пятидесятилѣтіе службы В. А. Арцимовича и Н. И. Стояновскаго 360
Иностранное Обозрѣніе.—Консервативныя партіи въ западной Европѣ.—Внутреннія реформы въ Пруссіи.—Новое положеніе консерваторовъ.—Консервативныя реформы въ Англіи.—Англійская политическая жизнь.—Процессъ сэра Гордона-Кемминга.—Принцъ уэльскій и общественное мнѣніе 379
Литературное Обозрѣніе.—Сборникъ писемъ Герберта, какъ историческій источникъ, Н. Бубнова.—Н. И. КАРѢЕВА.—Церковный расколъ въ Петербургѣ въ связи съ обще-россійскимъ расколомъ, Н. Н. Животова.—Винкельманъ и позднія эпохи греческой скульптуры, Н. М. Благовѣщенскаго.—Св. Димитрій Ростовскій и его время (1651—1709), И. А. Шляпкина.—А. П. 395
Запоздалая вылазка изъ одного литературнаго лагеря. (Письмо въ редакцію).—ВЛ. С. СОЛОВЬЕВА 416
Новости иностранной литературы.—I.—Émile Faguet. Politiques et moralistes du dix-neuvième siècle.—II.—Leopold von Kunowski, Wird die Socialdemokratie siegen? Ein Blick in die Zukunft dieser Bewegung.—Л. С. 421
Изъ Общественной Хроники.—Практическіе выводы, къ которымъ приходитъ новѣйшее анти-западничество или псевдо-славянофильство.—Г. Астафьевъ и Иванъ Грозный, г. Ярошъ и „званіе человѣка", г. К. Леонтьевъ и „вовсе иной путь".—Нѣчто объ „унаслѣдованныхъ навыкахъ".—Законъ и „непосредственное чувство"; „право и справедливость", „оставляемыя въ силѣ", но теряющія руководящее значеніе 429
Извѣщенія.—Отъ Комитета Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 444
Библіографическій Листокъ.—Энциклопедическій Словарь, п. р. И. Е. Андреевскаго, т. III, А.—Настольный энциклопедическій Словарь, изд. А. Гарбель и К°, вып. 16, 17 и 18.—Національный вопросъ въ Россіи, Влад. Соловьева, вып. 1.—Современные сельско-хозяйственные вопросы, А. С. Ермолова, вып. 1.—Государственный банкъ, изданіе Судейкина.

Августъ. — Книга восьмая.

стр.

Артистка.—Романъ въ 4-хъ частяхъ.—Часть третья.—I-VIII.—МАР. КРЕСТОВСКОЙ 445

Долголѣтіе животныхъ, растеній и людей.—VI.—ИВ. Р. ТАРХАНОВА . . . 486

Малорусское дворянство и его судьба.—Историческій очеркъ.—I-VIII.—АЛЕКСАНДРЫ ЕФИМЕНКО 515

Пауперизмъ въ Соединенныхъ Штатахъ.—IV-VII.—Окончаніе.—В. МАКЪ-ГАХАНЪ 570

Неудачникъ.—Un raté, par Gyp.—IX-XV.—Окончаніе. — А. Э. 606

На далекомъ сѣверѣ.—Изъ поѣздки на Бѣлое море и на океанъ.—I. Кандалакша.—II. На китобойномъ заводѣ.—III. Островъ Килдинъ.—В. ФАУСЕКА 665

Схоластика подъ фирмой науки.—„Юридическая Энциклопедія", Н. К. Ренненкампфа. — „Лекціи по общей теоріи права", и „Сравнительный очеркъ государственнаго права иностранныхъ державъ", Н. Коркунова.—Л. З. СЛОНИМСКАГО 715

Стихотворенія.—I. Изъ Лонгфелло.—II. Свѣтъ и тѣнь.—О. МИХАЙЛОВОЙ. . 740

Первыя извѣстія о Сибири и русское ея заселеніе.—А. Н. ПЫПИНА . . . 742

Хроника.—Внутреннее Обозрѣніе.—Десятилѣтіе переселенческаго дѣла. — Н. М. ЯДРИНЦЕВА 790

Иностранное Обозрѣніе.—Оживленіе международной политики въ Европѣ.—Пребываніе французской эскадры въ Россіи. — Вопросъ о франко-русскомъ союзѣ.—Газетныя толкованія и предположенія по этому предмету.—Споры о внѣшней политикѣ въ Италіи и во Франціи 827

Литературное Обозрѣніе.—Джьованни Боккаччьо, Декамеронъ; переводъ Александра Веселовскаго, томъ I.—Домра и сродные ей музыкальные инструменты русскаго народа. Историческій очеркъ, Ал. Фаминцына.—О студенческой жизни въ Дерптѣ.—А. П. — Сборникъ отвѣтовъ на вопросы церковной жизни, прот. А. А. Автономова. — М. Э. 839

Новости иностранной литературы. — I. Ein Rückblick aus dem Jahre 2037 auf das Jahr 2000. Aus den Erinnerungen des Herrn Julian West. Herausgegeben von Dr. Ernst Müller. — II. „Die Weltgeschichte ein Zufall?" Ein Wort an die Gebildeten des deutschen Volkes, von Prof. Dr. B. Kneisel. — Л. С. 858

Изъ Общественной Хроники.—Недостатокъ въ народномъ продовольствіи.—Распространеніе законоположеній 12 іюля 1889 г. на новыя 12 губерній, съ нѣкоторыми измѣненіями въ нихъ и дополненіями. — Начало новаго учебнаго года въ столичныхъ начальныхъ училищахъ.—Училищное дѣло въ Одессѣ за послѣднія 15 лѣтъ, и одесская городская публичная библіотека.—По поводу министерскаго каталога книгъ для общественныхъ библіотекъ; его неудовлетворительность.—Новые толки въ западной печати о русской культурѣ 866

Извѣщенія.—Отъ Комитета Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 882

Библіографическій Листокъ.—Что такое научная философія? Этюдъ В. Лесевича. —И. Иванюковъ, Основныя положенія теоріи экономической политики съ Адама Смита до настоящаго времени.—Джонъ Ингремъ, Исторія политической экономіи. Пер. съ англ. И. И. Янжула. — М. Горенбергъ, Теорія союзнаго государства въ трудахъ современныхъ публицистовъ Германіи.—Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ, С. А. Венгерова.

№ 195. ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ № 195

КНИЖНАГО СКЛАДА и МАГАЗИНА

ТИПОГРАФІИ М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 5-я л., 28.

Книжный складъ и магазинъ типографіи М. Стасюлевича принимаетъ на коммиссію постороннія изданія, подписку на всѣ періодическія изданія и высылаетъ иногороднымъ всѣ книги, публикованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ *).

NB. Книжные магазины и частныя лица могутъ обращаться съ заказами, безъ высылки при этомъ денегъ, и получать книги по почтѣ съ наложеніемъ платежа.

I. БОГОСЛОВІЕ—ФИЛОСОФІЯ—ПСИХОЛОГІЯ—АНТРОПОЛОГІЯ.

Барсуковъ, Николай. Источники русской агіографіи. Библіографія. Житія Святыхъ угодниковъ Божіихъ. Спб. 1882 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50.

☛ **Блэкки**, Джонъ Стюартъ. Четыре фазиса нравственности: Сократъ, Аристотель, христіанство и утилитаризмъ. Москва. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Нордовъ, В., протоіер. Сѣятель благочестія или полный курсъ церковныхъ бесѣдъ, поученій и словъ. Въ 2-хъ томахъ. Съ портретомъ автора. Изданіе второе. Спб. 1891 г. Ц. 5 р., съ пер. 6 р.

Ольденбергъ, Г. Будда, его жизнь, ученіе и община. Переводъ со второго исправленнаго изданія П. Николаева. Москва. 1890 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

☛ **Платоновъ**, И. В. Проф. Патріархъ Фотій. 891—1891. Москва. 1891 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

☛ **Разумовскій**, Алексѣй. Святой Пророкъ Даніилъ и его книга. Спб. 1891 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Рѣдкинъ, П. Г., Проф. Изъ лекцій по исторіи философіи права въ связи съ исторіей философіи вообще. Томъ седьмой. Спб. 1891 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к. Находятся въ продажѣ т. 1, 2, 3, 4, 5 и 6. Ц. каждаго тома 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

☛ **Терлецкій**, Г. Секта пашковцевъ. Спб. 1891 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Троицкій, Иванъ. Обличеніе заблужденій штундизма. Опытъ подробнаго разбора лжеученія сектантовъ-штундистовъ. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Кіевъ. 1891 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Фарраръ, Ф. В. Жизнь и труды свв. отцовъ и учителей церкви. Очерки церковной исторіи въ біографіяхъ. Переводъ съ англійскаго А. П. Лопухина. Спб. 1891 г. Ц. 4 р., пересылка по разстоянію.

Шопенгауеръ, Артуръ. О духовидѣніи. Перевелъ съ нѣмецкаго Р. Кресинъ. Харьковъ, 1890 г. Ц. 60 к., съ пер. 80 к.

II. СЛОВЕСНОСТЬ—КУЛЬТУРА.

Абаза, К. К. Отечественные героическіе разсказы. Съ рисунками, картами и планами. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 85 к.

——— Героическіе разсказы. Народы Востока и Запада. Съ рисунками, картами и планами. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 85 к.

Арендаренко, Г. А. Досуги въ Туркестанѣ 1874—1889. Спб. 1889 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

---

*) Книги, вновь поступившія въ складъ въ теченіе послѣдняго мѣсяца, указаны: ☛

Арсеньевъ, К. К. Критическіе этюды по русской литературѣ. 2 тома. Спб. 1888 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Байронъ, Донъ-Жуанъ. Переводъ П. А. Козлова. (Размѣръ подлинника). Изд. 2-е, съ предисловіемъ В. П. Буренина и примѣчаніями П. И. Вейнберга. Въ двухъ томахъ. Спб. 1889 г. Цѣна за оба тома 4 р., съ пер. 4 р. 50 .

Веселовскій, А. Н. Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. XVIII—XXIV Выпускъ шестой. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Бурже, Поль. Очерки парижскихъ нравовъ. Отрывки изъ сочиненія Клода Ларше. Переводъ С. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Гёте. Фаустъ. Трагедія. Переводъ Н. Голованова. Москва. 1889 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Данилевскій, Г. П. Сочиненія (1847—1889 г.). Въ восьми томахъ съ портретомъ автора. Изданіе шестое, дополненное. Спб. 1890 г. Ц. 10 р., въ изящномъ перепл. 15 р., пересылка по разстоянію.

Данилевскій, Г. П. Черный годъ. (Пугачовщина). Романъ. Москва. 1889 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Достоевскій, Ѳ. М. Полное собраніе сочиненій. Въ 12-ти томахъ. Съ портретомъ автора. Изданіе третье. Спб. 1888 г. Ц. 12 р., съ пер. 14 р.

Дьяковъ, А. (Житель). Наши дамы. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Златовратскій, Н. Собраніе сочиненій. Въ двухъ том. Съ портр. автора. Москва. 1891 г. Ц. за два тома 3 р., съ пер. 4 р.

Золя, Эмиль. Молодая любовь. Романъ изъ жизни молодежи. Переводъ Э. К. Лебедевой. Спб. 1890 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Золя, Эмиль. Убійцы. Уголовный романъ. Переводъ Е. Э. Лебедевой. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Золя, Э. Человѣкъ-звѣрь. Переводъ съ француз. 2-е изд. Спб. 1891 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

Золя, Эмиль. Деньги. Романъ, переводъ съ французскаго Н. А. Шульгиной. Спб. 1891 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Ибсенъ, Генрикъ. Докторъ Штокманъ. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. Переводъ Н. Мировичъ. М. 1891 г. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

Искандеръ. Кто виноватъ? Романъ въ двухъ частяхъ. Спб. 1891 г. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

Иркутскъ. Его мѣсто и значеніе въ исторіи и культурномъ развитіи Восточной Сибири. Очеркъ редактированный В. П. Сукачевымъ. Москва. 1891. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Карамзинъ, Н. М. Переводы. Спб. 1891 г. Ц. 25 к., съ пер. 40 к.

Котъ-Мурлыка. Темный путь. Романъ-хроника (въ четырехъ частяхъ). Въ двухъ томахъ. Спб. 1890 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Котъ-Мурлыка. Повѣсти, сказки и разсказы. Пять томовъ. Спб. 1891 г. Цѣна каждаго тома отдѣльно. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. 20 к.

Кудрявцевъ, П. Н. Сочиненія. Съ портретомъ и факсимиле автора. Въ трехъ томахъ. Москва. 1889 г. Цѣна за три тома 9 р., пересылка по разстоянію.

Левитовъ, А. И. Полное собраніе сочиненій. Съ портретомъ автора и статьею о жизни его Ф. Д. Нефедова. Въ двухъ томахъ. Москва. 1884 г. Цѣна за оба тома 2 р. 50 к., пересылка по разстоянію.

Ледерле, М. М. Соловушко. Сборникъ русскихъ художественныхъ и народныхъ пѣсенъ. Съ рисунками барона М. П. Клодта. Спб. 1891 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Лермонтовъ, М. Ю. Полное собраніе сочиненій подъ редакціей Арс. И. Введенскаго. Въ 4-хъ томахъ. Съ біографическимъ очеркомъ, факсимиле и портретомъ Лермонтова, гравированнымъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ, изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

——— Полное собраніе сочиненій въ одномъ томѣ подъ редакціей А. Скабичевскаго. Съ портретомъ Лермонтова, его біографіей и 115 рисунками художника М. Е. Малышева, изд. Ф. Павленкова. Спб. 1891 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к. То же самое изданіе въ 4-хъ томахъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к.

——— Сочиненія. Провѣренное по рукописямъ изданіе. Съ портретомъ автора, подъ редакціей и съ примѣчаніями И. М. Болдакова. Изданіе Е. Гербекъ въ 5-ти томахъ. Москва. 1891 г. Ц. 2 р., съ пер. 3 р.

——— Сочиненія. Первое полное изданіе В. Ѳ. Рихтера. Подъ редакціею Пав. Ал. Висковатова. Шесть томовъ съ семью портретами и приложеніями. Москва. 1891 г. Ц. 3 р., съ пер. 4 р.

——— Собраніе сочиненій съ портретомъ, автографомъ, біографіей и примѣчаніями подъ редакціею Д. П. Сильчевскаго. Спб. 1891 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р. 20 к.

——— Собраніе сочиненій съ портретомъ автора и статьею о Лермонтовѣ К. И. Арабажина. Изд. книгопродавца-издателя Ф. А. Іогансона. Кіевъ. 1891 г. Ц. 60 к., съ пер. 80 к.

Либбахъ. Искуситель. „Wüstling". Иллюстрированный романъ изъ жизни червонныхъ валетовъ. Въ трехъ частяхъ съ эпи-

логомъ. Спб. 1891 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

☞ **Лучицкая**, М. В. Сборникъ произведеній скандинавскихъ писателей. Выпускъ I. Норвежскіе писатели: Б. Бьернсонъ, А. Гарборгъ, Г. Ибсенъ, А. Килландъ. Переводъ съ норвежскаго. Кіевъ. 1891 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Львова, А. Д. (Шидловская). Поэмы и пѣсни. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Максимовъ, Н. В. На досугѣ. Беллетристическій сборникъ сочиненій. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

☞ **Мачтетъ**, Г. Бѣлая панна. Поэма въ прозѣ. Москва. 1889 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

☞ ——— По бѣлу свѣту (Очерки американской жизни). Москва. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

☞ ——— Повѣсти и разсказы. Второе изданіе. Москва. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Михайловъ, М. Собраніе стихотвореній. Спб. 1890 г. Ц. 3 р., съ пересылкою.

Надсонъ, С. Я. Стихотворенія, съ портретомъ, факсимиле и біографическимъ очеркомъ. Изданіе десятое. Спб. 1890 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к. Въ изящномъ каленкоровомъ переплетѣ съ перес. 3 руб.

Немировичъ-Данченко, Вас. Святочные разсказы. Воскресшая пѣсня.—Щеглы.—Забытый рудникъ.—Махмудкины дѣти.—Иродъ. — Глупый Ѳедька. — Богданъ Шибкинъ. — Черный рыцарь.—Трефовый король.—Чума. Спб. 1890 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 40 к.

☞ **О студенческой жизни въ Дерптѣ**. Спб. 1891 г. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.

Полное собраніе сочиненій Вилліама Шекспира въ переводѣ русскихъ писателей. Н. В. Гербеля. Съ біографіей, fac-simile и портретомъ Шекспира. Въ трехъ томахъ. Четвертое изданіе. Спб. 1888 г. Цѣна за всѣ три тома 12 р., съ пер. 14 р.

Пыпинъ, А. Н., и **Спасовичъ**, В. Д. Исторія славянскихъ литературъ. Изд. второе, вновь передѣланное и дополненное. Спб. 1880 г. Т. II. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 40 к. Т. 1. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 20 к.

Пыпинъ, А. Н. Характеристика литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ. Историческіе очерки. Изд. второе, съ исправленіями и дополненіями. Спб. 1890 г. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Розенгеймъ, М. П. Стихотворенія. Въ двухъ томахъ, съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ. Изд. четверт., дополн. (первое посмертное). Спб. 1889 г. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к., въ перепл. съ пер. 7 р.

Русскіе писатели послѣ Гоголя. Чтенія, рѣчи и статья Ореста Миллера. Съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ, составленнымъ Б. Глинскимъ. Въ двухъ частяхъ. Часть первая.—И. С. Тургеневъ, Ѳ. М. Достоевскій. Часть вторая.—И. А. Гончаровъ, А. Ѳ. Писемскій, М. Е. Салтыковъ, Гр. Л. Н. Толстой. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. Спб. 1890 г. Цѣна за обѣ части 4 р., съ пер. 5 р.

☞ **Саліасъ**, Е. А. Гр. Донскіе Гишпанцы (Историческая повѣсть). Москва. 1888 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

☞ ——— Самозванка (Принцесса Володимірская). Историческій романъ. Въ четырехъ частяхъ. Москва. 1888 г. Цѣна за два тома 3 р., съ пер. 3 р. 75 к.

☞ ——— Фрейлина Маріи Лещинской. Повѣсть. Москва. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

☞ ——— Философъ. Историческая повѣсть. Москва. 1891 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

☞ ——— Яун-Кундзе. Романъ въ двухъ частяхъ. Москва. 1887 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

☞ ——— Искра Божія. Повѣсть. Второе юбилейное изданіе съ портретомъ автора. Москва. 1888 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

☞ ——— Камеръ-юнгфера. Повѣсть. Москва. 1888 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

☞ ——— Кудесникъ. Романъ въ двухъ частяхъ. Москва. 1887 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Салтыковъ, М. Е. (Н. Щедринъ). Пошехонская старина. Жизнь и приключенія Никанора Затрапезнаго. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Сарматъ (Баранцевичъ К.). 80 разсказовъ (Юмористическій сборникъ). Спб. 1891 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

Семейная жизнь въ ея радостяхъ и печаляхъ. Составлено по англійскимъ, русскимъ и французскимъ писателямъ. Спб. 1888 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пересылкою, въ изящномъ переплетѣ съ пересылкою 2 р.

Сенкевичъ, Генрикъ. Безъ догмата. Современный романъ. Переводъ съ польскаго В. М. Лаврова. Москва. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Слѣпцовъ, В. А. Полное собраніе сочиненій. Съ портретомъ автора. Спб. 1888 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Соловьевъ, Владиміръ. Стихотворенія. Москва. 1891 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

——— Національный вопросъ въ Россіи. Выпускъ первый. Изданіе третье. Спб. 1891 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Спасовичъ, В. Д. Сочиненія, т. IV. Пережитое.—Полемика.—Путевыя замѣтки.—Критика. Спб. 1891 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Спасовичъ, В. Д. Сочиненія. Т. I. —

Литературные очерки и портреты. Съ портретомъ автора. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к. Т. II.—Литературные очерки и портреты. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к. Т. III.—Статьи, диссертаціи, лекціи юридическаго содержанія. Спб. 1890 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Станюковичъ, К. М. Не столь отдаленныя мѣста. Романъ изъ сибирской жизни. Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Станюковичъ, К. М. (М. Костинъ). Морскіе разсказы. Спб. 1888 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Тикноръ. Исторія испанской литературы. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей Н. И. Стороженка. Томъ III. Москва. 1891 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. Цѣна тома I 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.: т. II—ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Толстой, А. К., графъ. Полное собраніе сочиненій. Въ четырехъ томахъ съ портретомъ. Т. I и II.—Стихотворенія. Ц. 3 р. Т. III. — Драматическая трилогія. Ц. 2 р. 50 к. Т. IV.—Князь Серебряный, повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Ц. 1 р. 50 к. Спб. 1890 г. Ц. за всѣ 4 тома 7 р. съ пер. Въ изящномъ каленкор. переп. 10 р. съ перес.

Шаховъ, А. Гёте и его время. Лекціи по исторіи нѣмецкой литературы XVIII в., читанныя на высшихъ женскихъ курсахъ въ Москвѣ. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Штейнбергъ, О. Н. Міръ и жизнь. Афоризмы изъ всемірной литературы, избранные и переведенные. Вильна. 1891 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Щепкина, Е. Старинные помѣщики на службѣ и дома. Изъ семейной хроники (1578—1762). Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Эркманъ-Шатріанъ. Лѣсничій Фредерикъ. Воспоминанія одного француза о бѣдствіяхъ и страданіяхъ въ трагическіе дни присоединенія Эльзаса къ Пруссіи. Переводъ съ французскаго А. В. Успенской. Спб. 1891 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р. Въ переплетѣ 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

III. ИСТОРІЯ—БІОГРАФІЯ—ЭТНОГРАФІЯ.

Адріановъ, А. В. Г. Томскъ въ прошломъ и настоящемъ. Томскъ. 1890 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

Архивъ князя Воронцова, книга 37-я. Содержаніе: Автобіографія князя М. С. Воронцова. Его письма къ разнымъ лицамъ (1814—1815). Письма къ нему барона Николаи, графа Закревскаго, графа Каподистрія (1804—1829). Москва. 1891 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Барсуковъ, Иванъ. Графъ Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій по его письмамъ, оффиціальнымъ документамъ, разсказамъ современниковъ и печатнымъ источникамъ (Матеріалы для біографіи). Въ двухъ томахъ. Москва. 1891 г. Ц. за оба тома 5 р. 50 к., съ пер. 6 р. 50 к.

Барсуковъ, Александръ. Родъ Шереметевыхъ. Въ пяти книгахъ. Со многими портретами. Спб. Ц. каждой книги 4 р.

Барсуковъ, Николай. Жизнь и труды П. М. Строева. Спб. 1878 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Барсуковъ, Николай. Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга I. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. Книга II. Ц. 2 р. 50 к. съ пер. 3 р. Книга III. Спб. 1890 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Барсуковъ, Николай. Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга четвертая. Спб. 1891 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Бобринскій, Александръ, гр. Дворянскіе роды, внесенные въ общій гербовникъ всероссійской Имперіи. Часть I (До конца XVI столѣтія). Часть II (Отъ начала XVII стол. до 1885). Спб. 1890 г. Цѣна за двѣ части 8 р., перес. за фунтъ по разстоянію.

Геродотъ. Исторія въ девяти книгахъ. Переводъ съ греческаго Ѳ. Г. Мищенка, съ его предисловіемъ и указателемъ. Томъ I—Предисловіе.—Книги I—IV.—Три карты. Ц. 2 р. 75 к., пересылка по разстоянію. Томъ II—Предисловіе.—Книги V—IX.—Указатель съ примѣчаніями. Двѣ карты. Изданіе 2-е, исправл., добавленное въ предисловіи и снабженное картами. Москва. 1888 г. Ц. 4 р., пересылка по разстоянію.

Васильчиковъ, А. А. Семейство Разумовскихъ. Въ четырехъ томахъ со многими портретами въ текстѣ. Спб. 1887 г. Ц. за всѣ четыре тома 10 р.

Веберъ, Георгъ. Всеобщая исторія. Томъ тринадцатый—Восемнадцатое столѣтіе. Переводъ Э. Циммермана. Москва. 1891 г. Ц. 5 р. 50 к.; цѣна за всѣ тринадцать томовъ 63 р., пересылка по разстоян.

Веберъ, Георгъ. Всеобщая исторія. Томъ второй—Исторія Эллинскаго народа. Перевелъ Андреевъ. Переводъ со второго изданія, пересмотрѣннаго и переработаннаго. Москва. 1891 г. Ц. 5 р. 50 к. Всѣ 12 томовъ 57 р. 50 к.; перес. по разст.

Карѣевъ, Н. Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи. Спб. 1890 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

——— „Паденіе Польши“ въ исторической литературѣ. Спб. 1888 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

——— Литературная эволюція на Западѣ. (Изъ теоріи и исторіи литературы). Воронежъ. 1886 г. Ц. 2 руб., съ пер. 2 р. 50 к.

——— Историческій очеркъ польскаго сейма. М. 1888 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

——— Личное начало и роковыя силы въ исторіи. Спб. 1889 г. Ц. 20 к., съ пер. 35 коп.

——— Основные вопросы философіи исторіи. Въ двухъ томахъ 2-е изд. Спб. 1887 г. Цѣна за оба тома 4 р. 25 к., съ пер. 5 р.

——— Историческая философія гр. Л. Н. Толстого въ „Войнѣ и мирѣ". Спб. 1888 г. Ц. 50 коп., съ пер. 75 коп.

Корсаковъ, Д. А. (Проф.). Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII вѣка. Казань.

——— Объ историческомъ значеніи поступательнаго движенія великорусскаго племени на востокъ. Рѣчь. Казань. 1889 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Костомаровъ, Николай. Богданъ Хмельницкій. Историческая монографія. Изданіе четвертое, исправленное и дополненное. Въ трехъ томахъ. Спб. 1884 г. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Костомаровъ, Н. И. Литературное наслѣдіе. Автобіографія. Стихотворенія. Сцены. Историческіе отрывки. Малорусская народная поэзія. Послѣдняя работа. Съ портретомъ, факсимиле, тремя рисунками и библіографическимъ указател. Спб. 1890 г. Ц. 3 р. 50 к. съ пер. 4 р.

——— Мазепа и мазепинцы. Историческая монографія. Изданіе второе. Спб. 1885 г. Ц. 3 р. съ пересылкою.

——— Послѣдніе годы Рѣчи-Посполитой. Историческая монографія. Изд. третье, исправленное и дополненное. 2 тома. Спб. 1886 г. Ц. 5 р., съ пер. 6 р.

——— Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Томъ первый. Господство дома Св. Владиміра X—XVI столѣтія. Третье изд. Спб. 1888 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. Томъ второй. Господство дома Романовыхъ до вступленія на престолъ Екатерины II, XVII-е столѣтіе. Третье изданіе. Спб. 1886 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 40 к. Томъ второй (Продолженіе). Господство дома Романовыхъ до вступленія на престолъ Екатерины II. XVIII столѣтіе. Изд. второе. Спб. 1886 г. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 1 р. 85 к. Томъ второй. (Окончаніе). Господство дома Романовыхъ до вступленія на престолъ Екатерины II. XVIII-е столѣтіе. Выпускъ седьмой. Спб. 1888 г. Ц. 1 р. 90 к., съ пер. 2 р. 25 к. Ц. всѣхъ томовъ 9 р., съ пер. 10 р. 50 к.

Костомаровъ, Н. И. Черниговка, быль второй половины XVII вѣка. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

☛ **Кулишъ**, П. А. Отпаденіе Малороссіи отъ Польши (1340—1654). Въ 3-хъ томахъ. М. 1890 г. Ц. 6 р., съ пер. 6 р. 60 к.

Лависсъ, Э. Общій очеркъ политической исторіи Европы. Переводъ П. Д. Первова. Москва. 1891 г. Ц. 50 к., съ пер. 70 к.

Лихачева, Е. Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи (1086—1796). Спб. 1890 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Николайчикъ, Ѳ. Д. Городъ Кременчукъ. Историческій очеркъ. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Полибій. Всеобщая исторія въ сорока книгахъ. Переводъ съ греческаго Ѳ. Г. Мищенка, съ его предисловіемъ, примѣчаніями, указателемъ, картами. Томъ I. Федеративная Еллада и Полибій. Всеобщая исторія. Книги I—V. Двѣ карты. Москва. 1890 г. Ц. 6 р., пересылка по разстоянію.

Файфъ, Ч. А. Исторія Европы XIX в. Т. III съ 1848 по 1878 г. Переводъ М. В. Лучицкой. Подъ редакціей проф. И. В. Лучицкаго. Москва. 1890 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

IV. ГЕОГРАФІЯ — ТОПОГРАФІЯ — ПУТЕШЕСТВІЯ.

Максимовъ, С. В. Годъ на Сѣверѣ. Четвертое, дополн. издан. Москва. 1890 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к., съ фототипіями 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Марковъ, Евгеній. Путешествіе на Востокъ. Царьградъ и Архипелагъ. Въ странѣ фараоновъ. Спб. 1890 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 коп.

Марковъ, Евгеній. Путешествіе по Святой землѣ. Іерусалимъ и Палестина, Самарія, Галилея и берега Малой Азіи. Спб. 1891 г. Ц. 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 75 к.

V. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ — ФИНАНСЫ—СТАТИСТИКА.

Батюшковъ, Н. Къ какимъ послѣдствіямъ можетъ привести подъемъ цѣнности кредитнаго рубля. Спб. 1891 г. Ц. 60 к., съ пер. 80 к.

☛ **Галіани**. Аббатъ. Бесѣды о торговлѣ зерномъ. Перевелъ съ французскаго М. Драгомировъ. Кіевъ. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Зиберъ, Н. И. Давидъ Рикардо и Карлъ Марксъ въ ихъ общественно-экономическихъ изслѣдованіяхъ. Опытъ критико-экономическаго изслѣдованія. Спб. 1885 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Ингрэмъ, Джонъ. Исторія политической экономіи. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей проф. И. И. Янжула. Москва. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

☛ **Лурье**, О. Д. Дубровнинскіе евреи-кустари. Москва. 1890 г. Ц. 25 к., съ пер. 40 к.

Мейеръ, Морицъ, Д-ръ. Главныя тече-

нія въ современой политической экономіи. Историко-критическое изслѣдованіе. Переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Смоликовскій, С. Изложеніе началъ позитивной философіи и соціологіи Огюста Конта. Варшава. 1886 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Судейкинъ, В. Государственный банкъ. Изслѣдованіе его устройства, экономическаго и финансоваго значенія. Спб. 1891 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 75 к.

Судейкинъ, В. Т. Возстановленіе въ Россіи металлическаго обращенія (1839—1843 г.). Историческій очеркъ. Москва. 1891 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Ходскій, Л. В. Политическая экономія въ связи съ финансами. Магистра пол. экономіи. 2-е издан., пересмотрѣнное и дополн. Спб. 1887 г. Ц. 3 р. 50 к. съ пересылкою.

Ходскій, Л. В. Земля и земледѣлецъ. Экономическое и статистическое изслѣдованіе. Въ двухъ томахъ. Спб. 1891 г. Цѣна за два тома 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Янжулъ, И. И. Профессоръ. Основныя начала финансовой науки. Ученіе о государственныхъ доходахъ. Спб. 1890 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 40 к.

VI. ПЕДАГОГІЯ—УЧЕБНИКИ—ДѢТСКІЯ И НАРОДНЫЯ КНИГИ.

Агаповъ, Д. Собраніе наиболѣе трудныхъ задачъ по математикѣ, служившихъ темами на испытаніяхъ зрѣлости во всѣхъ учебныхъ округахъ Россіи, съ подробнымъ рѣшеніемъ и объясненіемъ ихъ. Вып. I—Ариѳметика. Вып. II—Алгебра. Вып. III—Геометрія. Оренбургъ. 1891 г. Ц. каждому выпуску 65 к., съ пер. 85 к.

Анненская, А. Н. Анна. Романъ для дѣтей. Съ рисунками Е. М. Бемъ. Спб. 1881 г. Цѣна книги 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.; въ папкѣ 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 45 к.; на веленевой бумагѣ въ папкѣ 1 р. 80 к., съ пер. 2 р. 10 к.

——— Мои двѣ племянницы. Повѣсть для дѣтей. Рисунки Е. М. Бемъ. Спб. 1881 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

——— Гринвудъ, Джемсъ. Маленькій оборвышъ. Романъ. Передѣлка съ англійскаго для дѣтей. Изд. 2-е. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

——— Зимніе вечера. Разсказы для дѣтей. Изд. 2-е, значительно дополненное. Спб. 1887 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

——— Своимъ путемъ. Повѣсти и разсказы для дѣтей старшаго возраста. Съ силуэтомъ Е. М. Бемъ: „Младшій братъ". Спб. 1889 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Баранцевичъ, К. С. Христосъ воскресъ! Разсказъ. Съ рисункомъ. Спб. 1891 г. Ц. 5 к., съ пер. 15 к.

Баженовъ, Николай. Учебникъ русской исторіи для III класса среднихъ учебныхъ заведеній Мин. Нар. Просвѣщ., для старшихъ классовъ Маріинскихъ женскихъ училищъ Мин. Нар. Просв., для старшихъ классовъ городскихъ училищъ и иныхъ учебныхъ заведеній. Изданіе третье, исправлен. Кронштадтъ. 1891 г. Ц. 50 к., съ пер. 70 к.

Бизлей. Разсказы изъ римской исторіи. Для дѣтей отъ 8 до 11 лѣтъ. Переводъ съ англійск. М. 1880 г. Ц. 45 к., съ пер. 60 к.

Бураковскій, С. М. Ю. Лермонтовъ. Біографическія свѣденія и разборъ его сочиненій для учащихся. Новгородъ. 1891 г. Ц. 45 к., съ пер. 60 к.

Бураковскій, С. „Ревизоръ" Н. В. Гоголя. Опытъ разбора для учащихся. Издан. второе. Новгородъ. 1889 г. Ц. 35 к., съ пер. 50 к.

——— „Мертвыя души" Н. В. Гоголя. (Опытъ разбора). Изд. второе. Новгородъ. 1890 г. Ц. 45 к., съ пер. 60 к.

Быковой, М. Первые разсказы изъ естественной исторіи. Для дѣтей, только-что научившихся читать. Изд. третье. Спб. 1891 г. Ц. 30 к., съ пер. 45 к.

Васильевъ, П. Г. Первая классная книга для чтенія, при начальномъ обученіи родному языку. Изданіе шестое, значительно исправленное и дополненное. Спб. 1891 г. Ц. 50 к., съ пер. 70 к.

Васильевъ, П. Г. Сиротка. Сцены изъ народн. быта. Дѣтскій театръ. Изд. 2-е. Спб. 1887 г. Ц. 40 к., съ пер. 60 к.

Вольфсонъ, Вл. Человѣческій организмъ и его жизнь. Краткій курсъ анатоміи и физіологіи человѣка для среднихъ учебныхъ заведеній и учительскихъ институтовъ и семинарій. Второе, исправленное изданіе. Съ 98 политипажами въ текстѣ. Москва. 1887 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Въ дебряхъ сѣвера. Сост. по финскимъ народн. сказкамъ Э. Гранстремъ. Съ 21 картин. Спб. 1888 г. Ц. въ роскошн. каленкор. перепл. 1 р. 50 к.

Де-Амичисъ, Эдмондъ. Дневникъ школьника. Книга для дѣтей. Редакція перевода и предисловіе В. Крестовскаго (псевдонимъ). Рисунки русскихъ художниковъ. Изд. 2-е, дополненное. Спб. 1891 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Dictées sur toutes les parties du discours. Спб. 1890 г. Ц. 45 к., съ пер. 65 к.

Дожъ, Ф. Методологія ариѳметики. Спб. 1886 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Дмитріевъ, М. Д. Первыя страницы алгебры (По программѣ IV-хъ классовъ кадетскихъ корпусовъ). Спб. 1890 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Ершовъ, П. Конекъ-Горбунокъ. Русская сказка. Изд. 13-е. Съ семью рисунками и портретомъ автора. Спб. 1889 г. Ц. 40 к., съ пер. 60 к., въ изящномъ перепл. 60 к., съ пер. 85 к.

Жизнь дѣтей. Собраніе разсказовъ и повѣст. изъ англійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ дѣтскихъ книгъ. Содержаніе: Виѳлеемиты (рождественскій разсказъ) —Дикая роза. Спб. 1884 г. Ц. 30 к., съ пер. 45 к.

Ивановъ, П. Д-ръ. Теоретическія основанія тѣлесныхъ упражненій. Съ 24-мя рисунками въ текстѣ. Спб. 1891 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Изданія для народнаго чтенія С.-Петербургскаго Комитета Грамотности; съ картинками:

Аксаковъ, С. Т. Аленькій цвѣточекъ, сказка. 2-е изданіе. Ц. 10 к.

Басни Хемницера, Дмитріева, Измайлова и Крылова. Ц. 9 к.

Григоровичъ, Д. В. Прохожій. Святочный разсказъ, 4-е изд. Ц. 10 к.

Коваленской. Крутиковъ. Разск. 4-е изд. Спб. 1890 г. Ц. 10 к.

Погосскій, А. Ѳ. Злодѣй и Петька. Повѣсть. 3-е изд. Ц. 10 к.

Толстой, А. К., графъ. Былины и стихотворенія. 2-е изд. Ц. 10 к.

Толстой, Л. Н., графъ. Чѣмъ люди живы. 2-е изд. Ц. 5 к.

Григоровичъ, Д. В. Пахарь. Повѣсть. 3-е изд. Спб. 1890 г. Ц. 9 к.

Толстой, Л. Н. Разсказы о Севастопольской оборонѣ. Ц. 20 к.

Григоровичъ, Д. В. Свѣтлое Христово Воскресеніе. Ц. 10 к.

Толстой, Л. Н., графъ. Кавказскій плѣнникъ. Ц. 10 к.

——— Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ. Ц. 5 к.

Петрушевскій, А. Ѳ. Сказаніе о св. благовѣрномъ, великомъ князѣ Александрѣ Невскомъ. Ц. 10 к.

Бекетовъ, А. Н. Бесѣды о звѣряхъ. 2-е изд. Ц. 10 к.

Погосскій, А., и **Полисадовъ,** Г. Судъ людской и Божій. Ц. 10 к.

Толстой, Л. Гдѣ любовь, тамъ и Богъ. Ц. 5.

——— Два старика. Ц. 6 к.

Толстой, Л. Н., графъ. Разсказы о Севастопольской оборонѣ. Изд. 2-е. Изданіе Спб. Комитета грам. Спб. 1890 г. Ц. 18 к.

Пушкинъ, А. С. Полтава. Ц. 10 к.

Сказъ объ Ильѣ Муромцѣ. Подъ редакціей проф. Ор. Ѳ. Миллера. Ц. 15 к.

Коваленская, А. Г. Назарычъ. Разсказъ. Ц. 15 к.

Немировичъ-Данченко, В. И. Соловки. Ц. 12 к.

Короленко, В. Г. Невольный убійца. Ц. 10 к.

Данилевскій, Г. П. Царь Алексѣй съ соколомъ. Ц. 5 к.

——— Вечеръ въ теремѣ царя Алексѣя. Ц. 5 к.

Исторія одного маленькаго человѣка. Мари-Робера Гальта. Переводъ съ французскаго М. Гранстремъ. Роскошное изданіе съ 18-ю картинами и 72 рисунками. Спб. 1887 г. Ц. въ изящномъ каленкоровомъ перепл. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Комаровъ, А. Ф. Простые разсказы о садоводствѣ, огородничествѣ и полеводствѣ. Съ двѣнадцатью рисунками (изложеніе для народа). Изд. 3-е, значительно дополненное. Воронежъ. 1891 г. Ц. 30 к., съ пер. 30 к.

Кругловъ, А. В. Зеленый домикъ. Правдивая исторія. Спб. 1891 г. Ц. 5 к., съ пер. 15 к.

Качулкова, О. Робинзонъ въ русскомъ лѣсу. Разсказъ для дѣтей. Съ 17 рисунками въ текстѣ. Москва. 1890 г. Цѣна книги въ папкѣ 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Лавровъ, Алексѣй. Записки по предмету Закона Божія для III, IV и V классовъ мужскихъ гимназій. Изданіе восьмое. Москва. 1889 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Либровичъ, Сигизмундъ. Гроза гимназіи. Разсказы изъ школьной жизни. Спб. 1891 г. Ц. 75 к., въ папкѣ 95 к. съ пер.

Лонгфелло, Генри. Гайавата. Сказка изъ жизни сѣверо-американскихъ индійцевъ. Книга для дѣтей. Переводъ и предисловіе Д. Л. Михаловскаго. Съ 50-ю рисунками Н. Н. Каразина. Спб. 1880 г. Ц. книги въ папкѣ 2 р., въ переплетѣ 2 р. 30 к., съ пер. 2 р. 70 к.

Лоначевскій, А. И. Грамотность и грамота. Гомель. 1891 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Мало, Гекторъ. Подкидышъ. Романъ для дѣтей. Въ 2-хъ томахъ. Переводъ съ французскаго. Москва. 1886 г. Цѣна за два тома 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 90 к.

Лѣтопись Несторa. „Учебная библіотека". Редакція и примѣчанія В. А. Яковлева. Спб. 1891 г. Ц. 35 к., съ пер. 50 к.

Михельсонъ, С. Первые уроки ариѳметики. Задачи, примѣры и вопросы. Практическое руководство для семьи и школы. Спб. 1891 г. Ц. 40 к., съ пер. 60 к.

Наталія, Королева Сербская. Мать. Сказка. Спб. 1891 г. Ц. 10 к., съ пер. 20 к.

Новиковъ, Николай Ивановичъ. Редакція и примѣчанія В. Кузницкаго. Спб. 1891 г. Ц. 35 к., съ пер. 50 к.

Обломковъ, П. Краткій учебникъ географіи. Курсъ I. — Общій обзоръ земного шара. Съ рисунками въ текстѣ и съ приложеніемъ краткаго обозрѣнія Россійской Имперіи. Спб. 1891 г. Ц. 60 к., съ пер. 80 к.

☛ **Огарковъ**, В. В. Жемчужина востока. Христіанская легенда. Спб. 1891 г. Ц. 5 к., съ пер. 15 к.

Острогорскій, А. Матеріалы по методикѣ геометріи. Пособіе для начинающихъ преподавателей. Спб. 1884 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Порфирьевъ, И. Краткій курсъ исторіи древней русской словесности. Изданіе 2-е. Казань. 1891 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 40 к.

——— Исторія русской словесности. Часть I—Древній періодъ. Устная народная и книжная словесность до Петра В. Изд. 5-е, пересмотрѣнное и дополненное библіографическими указаніями. Казань. 1891 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 40 к.

Разсказы для дѣтей младшаго возраста, съ картинками, удостоенные преміи С.-Петербургскаго Фрёбелевскаго общества: **Шарикъ**. Разсказъ В. Куликовой. Ц. 50 к., съ пер. 70 к. **Гнѣдко**. Разсказъ Н. П. Ахшарумовой. Ц. 50 к., съ пер. 70 к. **Эмеля охотникъ**. Повѣсть Д. Н. Мамина. Ц. 50 к., съ пер. 70 к. **Бѣлячекъ**. Разсказъ А. М. Сливицкаго. Ц. 50 к., съ пер. 70 к. **Подпасокъ**. Разсказъ Ил. Дм. Смирнова. Ц. 30 к., съ пер. 50 к. **Макаръ**. Разсказъ Клавдіи Лукашевичъ. Ц. 50 к., съ пер. 70 к. **Веселая зима**. Разсказъ О. Т. Сергіевской. Ц. 50 к., съ пер. 70 к. **Лиса Патрикѣевна**. Разсказъ А. М. Сливицкаго. Изданіе второе. Спб. 1889 г. Ц. 50 к., съ пер. 70 к.

Рейнботъ, Е. Ф. (Инженеръ-Технологъ, преподаватель). Отвѣты на вопросы. какъ и изъ чего это дѣлается? Изъ области техническихъ производствъ. Изданіе седьмое, вполнѣ переработанное. Съ алфавитнымъ указателемъ и 125 рисунками въ текстѣ. Спб. 1891 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 85 к.

Русскимъ дѣтямъ. Въ память бабушки Пассекъ. Спб. 1891 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Санчурскій, П. Краткая грамматика латинскаго языка. Примѣнительно къ учебнымъ программамъ 1890 года. Часть 1-я. Этимологія и начальныя правила синтаксиса. Спб. 1891 г. Ц. 60 к., въ перепл. 80 к.

Семека, В. А. Диктовки, статьи для изложенія и ариѳметич. задачи. Матеріалъ для письменныхъ испытаній въ начальныхъ училищахъ. Спб. 1891 г. Ц. 40 к., съ пер. 60 к.

Сиповскій, В. Д. Родная старина. Отечественная исторія въ разсказахъ и картинахъ. Въ помощь учащимся. Томъ I. (Съ IX по XIV ст.). 3-е изд. Спб. 1887 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к. Томъ II (съ XIV до XVI ст.). 3-е дополн. издан. Спб. 1888 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к. Т. III (съ XVI до XVII ст.). 2-е дополн. издан. Спб. 1888 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Сказки проф. З. Топеліуса. Переводъ съ шведскаго М. Гранстремъ. Изданіе второе дополненное, съ 15-ю рисунками. Спб. 1887 г. Ц. книги въ роскошн. перепл. 1 р. 50 коп.

Слово о полку Игоря. Текстъ памятника съ примѣчаніями, прозаическій и поэтическій его переводы, матеріалы для сравнительнаго изученія, объяснительныя статьи и словарь. Изданъ подъ редакціей. А. Н. Чудинова. Спб. 1891 г. Ц. 30 к., съ пер. 45 к.

Снѣжный король. Сцены изъ тридцатилѣтней войны по Шиллеру, Лодброку и Старбеку. Заимствовалъ съ шведскаго Э. Гранстремъ. Съ рисунками В. Крюкова, М. Михайлова и др. Ц. въ папкѣ 2 р. 50 к.

Тодгентеръ. Сборникъ примѣровъ и задачъ элементарной физики. Переводъ съ англійскаго. Кіевъ. 1887 г. Ц. 60 к., съ пер. 80 к.

Туръ, Евгенія. Сережа Боръ-Раменскій. Повѣсть въ двухъ частяхъ. 2-е изд. Москва. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

——— Три разсказа для дѣтей. I—Жемчужное ожерелье. II—Звѣздочка. III—Хрустальное сердце. Изд. второе. Москва. 1891 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

——— Мученики колизея. Историческій разсказъ для дѣтей. Москва. 1890 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

——— Катакомбы. Повѣсть изъ первыхъ временъ христіанства. Съ англійскаго. Изданіе шестое. Москва. 1890 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

——— Княжна Дубровина. Повѣсть въ трехъ частяхъ. Москва. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

——— Семейство Шалонскихъ. Изъ семейной хроники. Повѣсть въ трехъ частяхъ. Москва. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

——— Послѣдніе дни Помпеи. Передѣлано для отроческаго возраста. Второе изданіе. Спб. 1887 г. Цѣна книги въ перепл. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

——— Борьба испанцевъ съ маврами и завоеваніе Гренады. Изданіе шестое. Спб. 1887 г. Цѣна книги въ перепл. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Шелгуновой, Л. П. Въ странѣ контрастовъ (изъ жизни и природы Туркестанскаго края). Составлено по Каразину, Иванову, Костенко, Семенову и другимъ. Съ картинками. Спб. 1890 г. Ц. книги въ папкѣ 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

Шмидтъ, К. А. Руководство гимнастики для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній духовнаго и гражданскаго вѣдомствъ. Съ 233 гравированными политипажами въ текстѣ. Изд. 3-е. Съ дополненіемъ „Подго-

товка къ военной службѣ", съ 21 гравированнымъ политипажемъ. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 1 р. 85 к.

Элпатьевскій, К. Учебникъ русской исторіи съ приложеніемъ родословной и хронологической таблицъ и указателя личныхъ именъ. 2-е изд., исправл. и дополненное. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 30 к., съ пер. 1 р. 80 к.

VII. ЯЗЫКОЗНАНІЕ—АРХЕОЛОГІЯ.

Камской, А. Опытъ объясненія звуковыхъ измѣненій рѣчи измѣненіемъ работъ органовъ. Воронежъ. 1890 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Клеменцъ, Д. Древности Минусинскаго музея. Памятники металлическихъ эпохъ. Съ атласомъ. Томскъ. 1886 г. Цѣна книги съ атласомъ 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Сравнительное языковѣденіе и первобытная исторія. Лингвистическо-историческіе матеріалы для изслѣдованія индо-германской древности. Д-ра О. Шрадера, Перев. съ нѣмецкаго. Спб. 1886 г. Цѣна 3 р. съ пересылкою.

VIII. МАТЕМАТИКА — АСТРОНОМІЯ — ФИЗИКА—ХИМІЯ—МЕТЕОРОЛОГІЯ.

Винклеръ, Клеменсъ. Практическій курсъ объемнаго анализа. Руководство къ изученію титрирнаго метода. Переводъ В. Ижевскаго, подъ редакціей, съ предисловіемъ и примѣчаніями проф. В. В. Марковникова. Съ рисунками въ текстѣ. Москва. 1889 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Денисьевскій, М. Гальваническіе сухіе элементы. Изд. второе, исправленное и дополненное. Спб. 1891 г. Ц. 40 к., съ пер. 60 к.

Кошельковъ, К. Предварительный курсъ физики въ объемѣ среднихъ учебныхъ заведеній. Со многими политипажами въ текстѣ. Часть I. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к. Часть II. Новгородъ. 1891 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Курсъ аналитической механики. Составилъ проф. Д. Бобылевъ. Въ четырехъ выпускахъ. Спб. 1889 г. Ц. 10 р. съ пер. Отдѣльно каждый выпускъ по 2 р. 50 к.

Максуэлль Клеркъ. Электричество въ элементарной обработкѣ. Переводъ подъ редакціей проф. М. П. Авенаріуса. Кіевъ. 1886 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Основы химіи. Д. Менделѣева. Пятое изданіе, вновь пересмотрѣнное и дополненное. Съ рисунками и 12-ю портретами. Спб. 1889 г. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

☛ **Серре**, А. Курсъ ариѳметики съ нѣкоторыми измѣненіями; перевелъ Н. Юденичъ. Четвертое изданіе. Москва. 1883 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

IX. ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ—СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Богдановъ, С. М. Проф. Иллюстрированный сельско-хозяйственный словарь. Энциклопедія сельскаго хозяйства. Кіевъ. 1891 г. Подписная плата 6 р. съ пер. Вышелъ вып. I. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Богдановъ, М. Н. Проф. Изъ жизни русской природы. Зоологическіе очерки и разсказы. Съ 8-ю рисунками и многими политипажами, въ текстѣ, съ портретомъ, біографическимъ очеркомъ и предисловіемъ Н. П. Вагнера. (Посмертное изданіе.) Спб. 1889 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Ермоловъ, А. С. Организація полевого хозяйства. Система земледѣлія и сѣвообороты. Изданіе второе, значительно дополненное и исправленное. Спб. 1891 г. Ц. 3 р. 75 к., съ пер. 4 р. 50 к.

Иностранцевъ, А. А. Проф. Геологія. Общій курсъ. Лекціи, читанныя студентамъ С.-Петербургскаго Университета. Томъ I—Современныя геологическія явленія (динамическая геологія), петрографія и стратиграфія. Съ 301 политипажемъ въ текстѣ. 2-е изд., значительно дополненное. Спб. 1889 г. Ц. 4 р., съ пер. 5 р. Томъ II—Историческая геологія. Съ 591 политипажемъ въ текстѣ. Спб. 1887 г. Ц. 4 р. 50 к., съ пер. 5 р. 50 к.

Кирпотенко, А. П. Руководство къ наблюденію природы и собираніе естественно-историческихъ коллекцій. Изданіе четвертое, исправленное и дополненное. Спб. 1891 г. Ц. 30 к., съ пер. 45 к.

Лебедевъ, Л. Учебникъ минералогіи. Выпускъ 2-й. Часть описательная (Физіографія минераловъ). (Съ 314 политипажами въ текстѣ). Спб. 1891 г. Ц .2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

☛ **Леонтьевъ**, А. Истощеніе почвы, и о томъ, какъ поправить ее хорошей обработкой и удобреніемъ. Чтеніе для народа. Спб. 1891 г. Ц. 20 к., съ пер. 30 к.

Леонтьевъ, А., и **Мещерскій**, И. Лѣсъ. Значеніе лѣса. Какъ хозяйствовать въ лѣсу и какъ разводить его. 3-е дополненное изд. Спб. 1891 г. Ц. 10 к., съ пер. 20 к.

Маевскій, П. Злаки средней Россіи. Иллюстрированное руководство къ опредѣленію среднерусскихъ злаковъ. Москва. 1891 г. Ц. 85 к., съ пер. 1 р. 10 к.

Мушкетовъ, И. В. (Проф.). Физическая геологія. Курсъ лекцій, читанныхъ студентамъ горнаго инстит. и инстит. инженеровъ путей сообщенія. Часть первая. Общія свойства земли, вулканическія, сейсмическія и дислокаціонныя явленія (тектоническіе процессы). Съ 3 картами и 420 политипажами въ текстѣ. Спб. 1891 г. Ц. 8 р., съ пер. 8 р. 50 к. Часть вторая. Геологи-

ческая дѣятельность атмосферы и воды (денудаціонные процессы). Съ 8 физическими и геологическими картами и 300 политип. въ текстѣ. Спб. 1888 г. Ц. 9 р., съ пер. 9 р. 50 к.

Программы и наставленія для наблюденій и собиранія коллекцій по геологіи, почвовѣдѣнію, зоологіи, ботаникѣ, сельскому хозяйству, метеорологіи и гидрологіи. Составлены особой коммиссіей по порученію Об-ва естествоиспытателей при импер. с.-петерб. университетѣ. Третье, значительно дополненное и исправленное изданіе съ 11 таблицами и 35 рисунками въ текстѣ. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 40 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Россмесслеръ, Э. А. Значеніе естественныхъ наукъ въ образованіи и преподаваніе ихъ въ школѣ. Переводъ съ нѣмецкаго съ предисловіемъ А. Пыпина. Спб. 1864 г. Ц. 65 к., съ пер. 85 к.

Сѣченовъ, И. Физіологія нервныхъ центровъ. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер 1 р. 80 к.

Тенишевъ, В. Дѣятельность животныхъ. Изслѣдованіе. Со многими рисунками въ текстѣ. Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

☞ **Тимирязевъ**, К. Проф. Публичныя лекціи и рѣчи. Изъ области физіологіи растеній. Москва. 1888 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

X. МЕДИЦИНА — ГИГІЕНА.

Андре, Г. Проф. Гигіена старческаго возраста. Съ предисловіемъ автора къ русскому изданію. Переводъ съ примѣчаніями и дополненіями д-ра Л. О. Финкельштейна. Спб. 1891 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

☞ **Roblot**. Д-ръ. Основныя начала анатоміи и физіологіи въ примѣненіи къ гимнастикѣ (Для преподавателей гимнастики и самообученія). Съ предисловіемъ д-ра Е. Monin. Переводъ съ французскаго д-ра В. К. Панченко. Съ 45 рисунками въ текстѣ. Спб. 1891 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Вернеръ, Карлъ. Д-ръ. Массажъ, его техника, примѣненіе и дѣйствіе. Переводъ съ нѣмецкаго. 4-е русское, значительно дополненное изданіе. Съ 21 рисункомъ въ текстѣ. Спб. 1891 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Галанинъ, М. И. Д-ръ. Письма къ матерямъ объ уходѣ за здоровымъ и больнымъ ребенкомъ. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Съ прибавленіемъ діэтетики беременности, родовъ и послѣродового періода,—женщины-врача Никольской-Щечкиной. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Icard, S. D-r. Женщина въ періодѣ менструаціи. Этюдъ по психопатологіи и судебной медицинѣ. Переводъ съ французскаго, подъ редакціей приватъ-доцента Александра Дохмана. Казань. 1891 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Cullerc. A. Dr. Границы сумасшествія. Переводъ К. Н. Ковалевской и Е. Н. Герстфельдъ, подъ редакціей проф. П. И. Ковалевскаго. Харьковъ. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Ковалевскій, П. И. Проф. Сифилисъ мозга и его леченіе. Харьковъ. 1891 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

——— Пьянство, его причины и леченіе. Изд. второе, дополненное. Харьковъ. 1889 г. Ц. 50 к., съ пер. 70 к.

Ковалевскій, П. И. Проф. Компендіумъ по нервнымъ и душевнымъ болѣзнямъ. Харьковъ. 1891 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Ли, Вильямъ. Французская водка съ солью, какъ лечебное средство. Спб. 1891 г. Ц. 50 к., съ пер. 70 к.

Лунинъ, врачъ. Краткій учебникъ для военно-фельдшерскихъ учениковъ. Москва. 1888 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

——— Полный учебникъ для фельдшеровъ, фельдшерицъ и фельдшерскихъ учениковъ. Въ двухъ частяхъ. Полное изданіе. Москва. 1888 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Morel, Jul. Dr. Электротерапія при душевныхъ болѣзняхъ. Переводъ А. Н. Герстфельдъ, подъ редакціей проф. П. И. Ковалевскаго. Харьковъ. 1889 г. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.

☞ **Повторительный курсъ дѣтскихъ болѣзней**. Составленъ примѣнительно къ программѣ испытанія на званіе лекаря въ медицинской коммиссіи (по руководствамъ Багинскаго, Геноха и друг.). Кіевъ. 1891 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Prochownick, L. D-r. Массажъ въ гинекологіи. Переводъ съ нѣмецкаго д-ра И. А. Воффа. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 80 к.

☞ **Оксъ**, Б. А. Д-ръ. Практика оспопрививанія. Спб. 1891 г. Ц. 30 к., съ пер. 45 к.

Ростовцевъ, П. В. О молокѣ по отношенію къ здоровью человѣка и животныхъ. Москва. 1891 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Тарновскій, В. М. Половая зрѣлость, ея теченія, отклоненія и болѣзни. Общедоступное изложеніе. 2-е изд., исправленное и дополненное. Спб. 1891 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

☞ **Филатовъ**, Нилъ. Клиническія лекціи о распознаваніи и леченіи катарровъ кишекъ у дѣтей, въ особенности у грудныхъ. Третье дополненное изданіе. Москва. 1891 г. Ц. 60 к., съ пер. 80 к.

Френкель, Карлъ. Д-ръ. Основы ученія о бактеріяхъ. Перевелъ съ нѣмецкаго И. Ѳ. Клейнъ. Москва. 1887 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 40 к.

Шрейберъ, Іосифъ. Д-ръ. Практическое руководство къ леченію массажемъ и методическимъ мышечнымъ упражненіемъ. Переводъ подъ редакціей Ю. Гольдендаха. Съ 150 рисунками. Москва. 1890 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Schuster. Д-ръ въ Ахенѣ. Когда сифилитики могутъ вступать въ бракъ? Переводъ съ 3-го нѣмецкаго изданія 1890 года. Д-ра медицины А. М. Гольберга. Спб. 1891 г. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.

XI. ЗАКОНОВѢДЕНІЕ—ПОЛИТИКА—СОЦІОЛОГІЯ.

Адамовичъ, В. Пособіе къ лекціямъ русскаго гражданскаго судопроизводства. I. Спб. 1891 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Анисимовъ, А. (спб. нотаріусъ). Домашнія духовныя завѣщанія. Практическое руководство, съ приложеніемъ образцовъ. Спб. 1891 г. Ц. 40 к., съ пер. 45 к.

Алфавитный указатель вопросовъ, разрѣшенныхъ уголовнымъ касс. и общимъ собр. касс. д-товъ правит. сената съ 1878—1888 гг. Составилъ Г. И. Трахтенбергъ. Спб. 1889 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 коп.

Боровиковскій, А. Отчетъ судьи. Томъ первый: I. Чиншевое право. II. Третьи лица въ процессѣ. III. Законъ и судейская совѣсть. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Вербловскій, Г. Движеніе русскаго гражданскаго процесса, изложенное на одномъ примѣрѣ. Второе, пересмотрѣнное и дополненное изданіе. Спб. 1889 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Вербловскій, Г. Систематическій сборникъ положеній и извлеченій изъ рѣшеній гражд. кассац. и общаго собранія 1-го, 2-го и кассаціонныхъ департам. правит. сената за 1883—1888 годы, по гражд. праву и судопроизводству (X т., I ч. изд. 1887 г., Уст. гражд. суд. и Полож. о нот. ч. изд. 1883 г.). Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пер.

Вербловскій, Г. Законоположенія о преобразов. мѣстныхъ крестьянскихъ и судебныхъ учрежденій и правило о производствѣ судебныхъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ земскимъ начальникамъ и городскимъ судьямъ, съ изложеніемъ узаконеній, на которыя сдѣланы ссылки въ „Законоположеніяхъ". Съ объясненіемъ. Въ двухъ частяхъ. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пересылкою.

Вербловскій, Г. (членъ окружн. суда) Судопроизводство гражданское и уголовное въ новыхъ судебно-административныхъ учрежденіяхъ. Объясненія къ правиламъ 29 декабря 1889 г. о производствѣ судебныхъ дѣлъ, основанныя на теоріи и практикѣ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер.

Болконскій, В. А. Князь. Очерки польской ипотеки. Въ двухъ частяхъ. Спб. 1891 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Горяиновъ, С. М. Общій уставъ воинской повинности, заключающій текстъ Законовъ по изд. 1886 г. и сводн. продолж. 1890 г. и также позднѣйшія узак. по 1-е іюня 1891 г. Изданіе второе. Спб. 1891 г. Ц. 60 к., съ пер. 70 к. Въ каленкоровомъ перепл. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Джаншіевъ, Гр. Основы судебной реформы (къ 25-ти-лѣтію новаго суда). Историко-юридическіе этюды. Москва. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Еленевъ, Ѳ. Финляндскій современный вопросъ по русскимъ и финляндскимъ источникамъ. Спб. 1891 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Коркуновъ, Н. Сравнительный очеркъ государственнаго права иностранныхъ державъ. Часть первая. Государство и его элементы. Спб. 1890 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Куницкій, В. И. Юрисконсультъ. Законъ 3-го іюня 1891 года объ упрощенномъ судопроизводствѣ съ мотивами и разъясненіями. Составлено по порученію г. Министра Юстиціи. Спб. 1891 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Лутковскій, В. Руководство для судебныхъ слѣдователей и исполняющихъ ихъ обязанности кандидатовъ на судебныя должности. Съ рѣшен. Прав. Сен. и циркулярами М. Ю. Изд. неофиціальное. М. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Мартыновъ, Н. Новый законъ о дѣтяхъ узаконенныхъ и усыновленныхъ, съ приложеніемъ относящихся къ нему постановленій, разъясненій правительствующаго сената и образцовъ прошеній. Изданіе неофиціальн. Спб. 1891. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Новиковъ, Я. А. Протекціонизмъ. Спб. 1890 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Нолькенъ, А. Баронъ. Сводъ разъясненій гражданскаго кассаціоннаго департамента правит. сената по вопросамъ гражданскаго права губерніи Царства Польскаго. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Носенко, Д. А. Томъ XI, ч. 2 св. зак. (изд. 1887 г.). Уставъ вексельный, съ разъясненіями по рѣшеніямъ гражданскаго кассаціоннаго, четвертаго д-товъ и общихъ собраній правительствующаго сената. Изд. второе, исправленное и дополненное. Ц. 1 р. съ пер. Уставъ торговый Ц. 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 50 к. Уставъ судопроизводства торговаго (вкл. уставъ о торг. несостоят.). Ц. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р.

Повторительный курсъ по исторіи русскаго права. Составленъ примѣнительно къ программѣ Юридической коммиссіи. Кіевъ. 1891 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Рабиновичъ, И. М. (Присяж. повѣр.)

Теорія и практика желѣзнодорожнаго права по перевозкѣ грузовъ, багажа и пассажировъ. Спб. 1891 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

☛ **Сборникъ рѣшеній правит. сената** по гражданскому кассаціонному департаменту за 1886 по 1890 гг. и общему собранію перваго и касс. деп. за 1869 по 1889 гг. по вопросамъ гражд. права и судопроизводства. Изд. неоффиціальное. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

☛ **Соколовъ**, Л. А. (членъ виленскаго окр. суда). Практическое руководство для судебныхъ слѣдователей. Т. I. Руководство согласовано съ законами и распоряженіями по 1-е іюля 1891 г. Вильно. 1891 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Слонимскій, Л. З. Охрана крестьянскаго землевладѣнія и необходимыя законодательныя реформы. Спб. 1891 г. Ц. 60 к., съ пер. 80 к.

Слонимскій, Л. З. Основные вопросы политики. Спб. 1889 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Случевскій, В. (Препод. угол. судоп. въ Имп. уч. прав. и товар. оберъ-прок. угол. кас. д-та). Учебникъ русскаго уголовнаго процесса. Судоустройство. Спб. 1891 г. Ц. 2 р.

Таганцевъ, Н. С. Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1885 г. Изданіе шестое, пересмотрѣнное и дополненное. Спб. 1889 г. Ц. 4 р. 50 к., съ пер. 5 р.

Тальбергъ, Д. Г. Проф. Русское уголовное судопроизводство. Пособіе къ лекціямъ. Томъ II, вып. I. Кіевъ. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к. Т. I. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Тарасовъ, И. Т. Учебникъ науки полицейскаго права. Выпускъ первый. Москва. 1891 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Фойницкій, И. Я. Ссылка на Западѣ въ ея историческомъ развитіи и современномъ состояніи. Спб. 1881 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

——— Ученіе о наказаніи въ связи съ тюрьмовѣдѣніемъ. Спб. 1889 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

——— Курсъ уголовнаго права. Часть особенная. Посягательства на личность и имущество. Спб. 1890 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Щегловитовъ, С. Г. Уставъ уголовнаго судопроизводства. Четвертое исправленное, дополненное и переработанное изданіе. Разрѣшено министромъ юстиціи. Спб. 1890 г. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к. Въ прочномъ и красивомъ перепл., съ перес. 6 р. 50 к.

Южаковъ, С. Н. Соціологическіе этюды. Изданіе пересмотрѣнное и дополненное. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ пер. 1 р. 75 к.

XII. ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

Боклевскій, П. Альбомъ Гоголевскихъ типовъ съ предисловіемъ В. Я. Стоюнина. Изд. 6-е. Спб. 1890 г. Ц. 60 к., съ пер. 80 к.; въ перепл. 85 к., съ пер. 1 р. 10 к.; большого формата на веленевой бумагѣ 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Гюйо, М. Задачи современной эстетики. Переводъ А. Н. Чудинова. Спб. 1891 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Гюйо, М. Искусство съ точки зрѣнія соціологіи, съ предисловіемъ Альфреда Фулье. Переводъ по 2-му французскому изданію подъ редакціей А. Н. Пыпина. Спб. 1891 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Либровичъ, Сигизмундъ. Пушкинъ въ портретахъ. Исторія изображеній поэта въ живописи, гравюрѣ и скульптурѣ. Съ 70 иллюстраціями. Спб. 1890 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к., въ перепл. 4 р. съ пересылкой.

Моженъ, Ж. и **Мень**, В. Скрипка. Альтъ, віолончель, контръ-басъ и гитара. Смычки, канифоль и струны. Новое полное руководстро къ устройству струнныхъ музыкальныхъ инструментовъ и къ изготовленію смычковъ, канифоли и струнъ, съ прибавленіемъ особыхъ статей о починкѣ и храненіи смычковыхъ инструментовъ и о скрипкахъ знаменитыхъ италіянскихъ мастеровъ. Переводъ съ французскаго И. Инякина. Въ 4-хъ частяхъ. съ пояснительными чертежами. Тверь. 1891 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Петрушевскій, Ѳ. Краски и живопись. Пособіе для художниковъ и техниковъ. Спб. 1891 г. Ц. 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 50 к.

☛ **Серебряковъ**. П. Ученіе о душевныхъ движеніяхъ въ примѣненія къ сценическому искусству. М. 1891 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Фрикенъ, фонъ, А. Италіянское искусство въ эпоху возрожденія. Часть первая. Москва. 1891 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

XIII. ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

Абаза, Конст. Конст. Казаки, Донцы, Уральцы, Кубанцы, Терцы. Очерки изъ исторіи и стародавняго казацкаго быта въ общедоступномъ изложеніи, для чтенія въ войскахъ, семьѣ и школѣ. Съ рисунками и виньетками. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

☛ **Дубенскій**, Шт.-кап. Книжка для ратниковъ. Спб. 1891 г. Ц. 30 к., съ пер. 50 к.

Сухотинъ, Н. Н. Бесѣды о конницѣ. 1600 верстъ похода 1-й бригады 12-й кавалерійской дивизіи. Опытъ подготовки конницы къ походно-боевой работѣ. Спб. 1891 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Коссинскій, В. Д. Дополненіе (11-е ко

2-му изд. и VI-е къ 1-му изд.) къ Систематическому Сборнику приказовъ по военному вѣдомству и циркуляровъ главнаго штаба (за время съ 1-го іюля 1888 г. по 1-е января 1890 г.). Составлено и издано съ разрѣшенія военнаго министра. Изданіе второе. Спб. 1891 г. Ц. 5 р., съ пер. 6 р.

Фроловъ. Что долженъ знать солдатъ (развѣдчикъ). Съ чертежами. Спб. 1890 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

XIV. ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНОЕ ДѢЛО—ТЕХНОЛОГІЯ—СТРОИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО—РЕМЕСЛА.

Бронишъ, Л. и **Фишеръ**, В. Краткое руководство къ строительному искусству и архитектурѣ. Выпускъ I. Матеріалы и работы. Къ тексту приложено 18 листовъ чертежей. 2-е изд., исправленное и дополненное. Спб. 1891 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Денисьевскій, М. Примѣненіе электричества къ домашнему быту. Изданіе третье, исправленное и дополненное. Съ 63 политипажными рисунками въ текстѣ. Спб. 1891 г. Ц. 90 к., съ пер. 1 р. 15 к.

Королевъ, Ф. Н. Сельское строительное искусство. Съ 418 чертежами въ текстѣ. Спб. 1888 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 25 к.

Мальцовъ, П. И. Справочная книга для инженеровъ, механиковъ и строителей. Изд. 2-е, вполнѣ переработанное. Болѣе 3000 рис. въ текстѣ и 48 таблицъ. Въ трехъ частяхъ. Часть I—Общая механика. Часть II—Построеніе машинъ. Часть III—Паровые котлы. Москва. 1890 г. Цѣна за три тома 6 р., съ пер. 7 р. 50 к.

Маслянниковъ, К. И. Дешевое деревенское и дачное водоснабженіе посредствомъ гидравлическаго тарана („Самокачки"). Изданіе третье, дополненное (9 рисунковъ въ текстѣ). Спб. 1891 г. Ц. 35 к., съ пер. 50 к.

Труды коммиссіи по техническому образованію 1890—1891. Выпускъ I. Спб. 1891 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Шостакъ, М. Горный инженеръ. Гидравлическая разработка золотоносныхъ породъ, въ примѣненіи къ сибирскимъ пріискамъ. Съ чертежами, таблицами для разсчетовъ и 9 фототипіями. Спб. 1891 г. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

XV. СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Андреевъ, А. Отъ Владикавказа до Тифлиса (Военно-Грузинская дорога). Владикавказъ.—Дорога.—Тифлисъ.—Справочный указатель. Спб. 1891 г. Ц. 60 к., съ пер. 80 к.

Горбуновъ. Новые учебные планы и примѣрныя программы (утвержд. 20 іюля 1890 года) классическихъ гимназій и прогимназій, съ новыми объяснительными записками министерства народнаго просвѣщенія, вышедшими къ уставу дополненіями и преобразовательными распоряженіями. Москва. 1891 г. Ц. 50 к., съ пер. 70 к.

Денисьевскій, М. Противопожарныя мѣры. Спб. 1891 г. Ц. 25 к., съ пер. 40 к.

Кавосъ, Е. Ц. Элементарныя общія основанія для плаванія подъ парусами. Спб. 1889 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Скворцовъ, Ѳ. Охотникъ и Рыболовъ. Записная и справочная книжка для молодыхъ охотниковъ и рыболововъ. Съ рисунками. Спб. 1891 г. Ц. 50 к., съ пер. 70 к. Въ перепл. 65 к., съ пер. 80 к.

7,500 словъ. Словарь иностранныхъ словъ, наиболѣе употребительныхъ въ русскомъ языкѣ. Составленъ подъ редакціей М. З-скаго. 2-е изданіе. Кіевъ. 1891 г. Ц. 35 к., съ пер. 55 к.

КАТАЛОГЪ

журнала

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЗА ДВАДЦАТЬ-ПЯТЬ ЛѢТЪ

1866 — 1890 гг.

Съ алфавитнымъ указателемъ именъ авторовъ.

Спб. 1891. Стр. 166.—Цѣна 1 р., съ пересылкою.

LIVRES NOUVEAUX

en vente à la librairie de C. RICKER

St.-Pétersbourg, Perspective de Nevsky, № 14. Téléphone № 776.

BACOURT, de. Souvenirs d'un diplomate. Lettres intimes sur l'Amérique. 1 r. 40 k.

BERNHARD, Z. Formale Logik für Gymnasien. 1 r.

BEWER, M. Rembrandt u. Bismarck. 50 k.

BIER, Th. Glaube u. Wissenschaft. Eine Streitschrift. 50 k.

БЛЕККИ, Дж. Самовоспитанiе умственное, физическое и нравственное. Совѣты юношамъ. Перев. I. Паульсона. 3 русск. изданiе. 75 к.

БРЭМЪ, А. Жизнь на сѣверѣ и югѣ (отъ полюса до экватора). Съ портр. и 53 рисунк. 2 р.

БУТСЪ, В. Въ трущобахъ Англiи (In darkest England and the Way out). Перев. съ англ. Р. Сементковскаго. 1 р.

CERVANTÈS, de. Rinconète et Cortadillo. Trad. de L. Viardot. Avec illustrations. 12 r.

DAUDET, A. Robert Helmont. Journal d'un solitaire. Avec illustrations. 1 r. 40 k.

DRUMMOND, H. La plus grande chose du monde. Traduit de l'anglais. 40 k.

DRUMMOND, H. Das Schönste im Leben. 50 k.

EITNER, R. Quellen u. Hilfswerke beim Studium d. Musikgeschichte. 1 r.

ЭКЗЕМПЛЯРСКIЙ, А. В. Великie и удѣльные князья сѣверной Руси въ татарскiй перiодъ съ 1238 по 1505 г. Томъ I и II. 3 р. 20 к.

ЭЛЬПЕ, Калейдоскопъ изъ области теоретическаго и прикладного знанiй. 2 серiя. 1 р. 20 к.

ERZIEHUNG u. Entwickelung d. preussischen Offizierstandes vom grossen Kurfürsten bis Kaiser Wilhelm I. 50 k.

FRANK, R. Naturrecht, geschichtliches Recht u. sociales Recht. 40 k.

GAUTIER, Z. La conquête du Paradis. 1 r. 40 k.

ГЕЙНЦЕ, Н. Э. Малюта Скуратовъ. Историч. романъ, съ портретомъ и факсимиле автора. 1 р.

ГЕЙНЦЕ, Н. Э. Петербургъ и Сибирь. Очерки и разсказы изъ жизни сѣверной столицы и страны изгнанiя. 75 к.

GLASER, Ad. Schlitzwang. Roman aus d. 8-ten Jahrhundert. 1 r. 50 k.

ГНѢДИЧЪ, П. П. Новые разсказы. Т. I и II, по 1 р.

GONCOURT, Edm. de. Les frères Zemganno. 1 r. 40 k.

GOETTE, R. Das Zeitalter d. deutschen Erhebung 1807—1815. 3 r. 50 k.

HEIMBURG, W. Gesammelte Romane u. Novellen. Band II: Lumpenmüllers Lischen. 1 r. 50 k.

HOLLAND u. Rockstro, Jenny Lind, ihre Laufbahn als Künstlerin 1820—51. Uebers. v. H. Schoell. 2 Bde. 9 r.

HOLZHAUSEN-GABLENZ, A. v. Erinnerungen einer oesterreich. Offiziersfrau aus d. Kriegsjahr 1866. 50 k.

JELLINEK, H. Beiträge zur Erklärung d. germanischen Flexion. 1 r. 40 k.

JUBILÄUMS Festschrift d. Vereins Berliner Künstler zum 19 Mai 1891. 5 r.

KÄHLER, M. Die Universitäten u. d. öffentliche Leben. 1 r. 20 k.

KOLDE, Th. Ueber d. Grenzen d. histor. Erkennens u. d. Objectivität d. Geschichtsschreibers. 30 k.

MICHELET, J. Rome. 1 r. 40 k.

MITSUKURI, G. Englisch-niederländische Unionsbestrebungen im Zeitalter Cromwells. 1 r.

НОРДАУ, М. Въ поискахъ за истиной. (Парадоксы). Перев. Э. Зауеръ. 1 р.

PUDOR, H. Kaiser Wilhelm II u. Rembrandt als Erzieher. 40 k.

RATZEL, Fr. Anthropogeographie II: Die geograph. Verbreitung des Menschen. Mit 1 Karte u. 32 Abbild. 9 r.

ROBIDA, A. Mesdames nos aïeules. 10 siècles d'élégances. Avec illustrations. 1 r. 40 k.

СКАБИЧЕВСКIЙ, А. М. Исторiя новѣйшей русской литературы (1848—1890). 2 р.

SUDERMANN, H. Frau Sorge. Roman. 1 r. 75 k.

ULRICH, W. Tafeln d. französ. Litteratur nach chronolog. Ordnung. 60 k.

VALLOTTON, P. Die Bibel, ihre Autorität, ihr Inhalt u. ihr Wert. Aus d. Französischen v. W. Müller. 3 r.

САМЫЙ ЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ ВЪ РОССІИ СКЛАДЪ

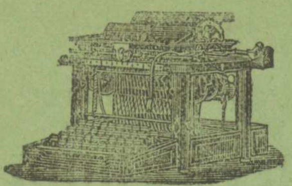
ВЕЛОСИПЕДОВЪ,

ПИШУЩИХЪ МАШИНЪ,

ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ,

ВѢСОВЪ,

ВЯЗАЛЬНЫХЪ МАШИНЪ.



Пишущая машина
РЕМИНГТОНА № 5
новѣйшая изо всѣхъ существующихъ системъ.
ПРИЗНАНА ЛУЧШЕЮ ВЪ СВѢТѢ.
Сотни въ употребленіи въ правительственныхъ учрежденіяхъ.

КЕРОСИНОВЫЕ ОСВѢТИТ. АППАРАТЫ „УЭЛЬЗЪ“
для ночныхъ работъ, рудниковъ, копей, туннелей, сооруженія мостовъ и проч.

ВСѢ ПРЕДМЕТЫ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ВЫСШАГО КАЧЕСТВА.

Болѣе 500 велосипедовъ въ наличности.

!!НОВОСТЬ!!
КЕРОСИНОВЫЕ
двигатели „ПРИСТМЭНЪ“.

АМЕРИКАНСКІЕ:
вѣтряные двигатели **ЭКЛИПСЪ,**
насосы **ДУГЛАСЪ,**
пилы **ДИСТОНЪ**
и пр., и пр.

ШВЕЙНЫЯ И ВЯЗАЛЬНЫЯ МАШИНЫ ВСѢХЪ СИСТЕМЪ.

ВСЕМІРНО-ОБРАЗЦОВЫЕ

ВѢСЫ-ФЕРБЭНКСЪ

ИМѢЮТСЯ ВЪ НАЛИЧНОСТИ
отъ ПИСЬМЕННЫХЪ до ВАГОННЫХЪ.

Общій прейсъ-курантъ спеціальностей ТОРГОВЫМЪ ДОМОМЪ высылается безплатно.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

Ж. БЛОКЪ

МОСКВА, Кузнецкій Мостъ, уг. Лубянки.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Б. Морская, 21.
ВАРШАВА, Сенаторская, 27.
ЕКАТЕРИНБУРГЪ, Соборная.

ВЫШЕЛЪ И ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖН. МАГАЗИНАХЪ

томъ третій полнаго собранія сочиненій **М. Е. Салтыкова:**

ПОМПАДУРЫ И ПОМПАДУРШИ

и

НЕВИННЫЕ РАЗСКАЗЫ.

Изд. наслѣдниковъ автора въ 12 томахъ обыкн. формата.

С.-Петербургъ, 1891. Стр. 574. Ц. 2 р., съ перес.—2 р. 20 к.

По подпискѣ на 12 томовъ—20 р.; съ пересылкою—22 р. 20 к.; въ отдѣльной продажѣ каждый томъ—2 р., съ перес.—2 р. 20 к.

Складъ изданія: въ книжн. маг. типографіи М. Стасюлевича—Спб., Вас. О., 5 л., 28. Вышли и продаются: Томъ I. **Губернскіе очерки** и Матеріалы для біографіи М. Е. Салтыкова, съ портретомъ автора, его факсимиле и могильнымъ памятникомъ и съ приложеніемъ „Хронологическаго Указателя“ къ изданію сочиненій М. Е. Салтыкова въ 12 томахъ. Томъ II. **Господа Головлевы** и **Сатиры въ прозѣ**.

„КНИЖНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

ЖУРНАЛЪ, ИЗДАВАЕМЫЙ РУССКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ И ИЗДАТЕЛЕЙ

VIII-й г. ВЫХОДИТЪ ОДИНЪ РАЗЪ ВЪ МѢСЯЦЪ. 1891 г.

ВЪ ЖУРНАЛѢ ПЕЧАТАЮТСЯ: Перечень новыхъ книгъ. — Отзывы о книгахъ.—Книжная хроника.—Rossica.—Указатель отзывовъ періодической печати о книгахъ.—Правительственныя распоряженія и т. п.

Съ безплатнымъ приложеніемъ: **„Наша періодическая печать“.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкою и пересылкою **3** руб. въ годъ.

Ж. III-12819.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Что такое научная философія? Этюдъ В. Лесевича. Спб. 91. Стр. 256. Ц. 2 р.

Въ трудѣ г. Лесевича подробно излагается ходъ новѣйшей философской литературы, преимущественно нѣмецкой, выработавшей тотъ взглядъ на научную философію, который кажется автору наиболѣе основательнымъ. Послѣ небольшого введенія и двухъ главъ объ Огюстѣ Контѣ и объ англійскомъ позивитизмѣ, авторъ переходитъ къ своей главной задачѣ—къ изученію воззрѣній главныхъ представителей современной научной философіи въ Германіи, причемъ наибольше мѣста удѣлено Эрнсту Лаасу и Рихарду Авенаріусу. По словамъ г. Лесевича, положеніе философіи, какъ отдѣльной науки, потеряло почву, и теперь философія становится „такимъ знаніемъ дѣйствительности, при которомъ представленіе цѣлаго привлекается для изученія единичнаго, а единичное охватывается взглядомъ, устремленнымъ на цѣлое"; она перестала „играть обманчивую роль отдѣльной отрасли познанія" и должна сдѣлаться „знаніемъ общимъ: она проникаетъ во всѣ отдѣльныя дисциплины, всѣмъ имъ сообщаетъ присущій ей духъ и такимъ образомъ завершаетъ то движеніе, которымъ испытующая критическая мысль свершала процессъ своего развитія; она придаетъ окончательную устойчивость тому положенію, которое подготовлялось всѣмъ предшествующимъ развитіемъ и которое, ранѣе окончательнаго распаденія всей совокупности познанія на отдѣльныя самостоятельныя группы, было невозможно, немыслимо" (стр. 241 и 250—1). Философія „сдѣлалась мѣрою высоты и захвата познающей силы; она не отдѣляетъ себѣ особой области, не претендуетъ на отдѣльный объектъ и свой собственный методъ; но ей и не нужно всего этого: она опять стала наукою въ широкомъ значеніи этого слова, она опять получила значеніе познанія въ возвышеннѣйшемъ и прекраснѣйшемъ значеніи этого слова" (стр. 8)—съ тѣхъ поръ какъ перестала быть отдѣльною самостоятельною наукою. Нельзя сказать, чтобы эти опредѣленія „научной философіи" отличались ясностью; но главная цѣнность книги г. Лесевича заключается въ обиліи собраннаго имъ и систематически излагаемаго литературнаго матеріала.

И. Иванюковъ. Основныя положенія теоріи экономической политики съ Адама Смита до настоящаго времени. Третье изданіе, исправленное и дополненное. М. 91. Стр. 235. Ц. 2 р. 50 к.

Книга проф. Иванюкова даетъ живую и поучительную характеристику главныхъ школъ и направленій политической экономіи, съ точки зрѣнія общихъ соціальныхъ вопросовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ останавливается на попыткахъ практическихъ программъ въ видахъ лучшей организаціи народнаго хозяйства и посвящаетъ особую главу оцѣнкѣ значенія берлинской конференціи по рабочему вопросу (стр. 192—235). Всѣ симпатіи автора принадлежатъ нѣмецкой реалистической или соціальной школѣ экономистовъ, все болѣе вытѣсняющей прежнія абстрактныя теоріи и выдвигающей на первый планъ необходимость преобразованія народно-хозяйственной жизни согласно потребностямъ народныхъ массъ. Крупныя достоинства книги г. Иванюкова доставили ей вполнѣ заслуженный успѣхъ, о которомъ свидѣтельствуетъ теперь выходъ ея третьимъ изданіемъ.

Джонъ Ингрэмъ. Исторія политической экономіи. Переводъ съ англійскаго подъ редакціею И. И. Янжула, проф. моск. унив. Изданіе К. Т. Солдатенкова. М. 91. Стр. XI, 322 и IV. Ц. 1. 50 к.

Авторъ этого сочиненія пріобрѣлъ большую извѣстность въ качествѣ рѣшительнаго противника тѣхъ научныхъ пріемовъ и взглядовъ, которые почти безраздѣльно господствовали въ трудахъ такъ-называемой классической школы политической экономіи. Въ брошюрѣ Ингрэма, появившейся около десяти лѣтъ тому назадъ, были сжато и убѣдительно изложены главнѣйшіе доводы противъ отвлеченнаго, дедуктивнаго направленія въ экономической наукѣ и въ пользу необходимаго преобразованія ея, въ духѣ положительныхъ изслѣдованій хозяйственной и соціальной жизни. Сознаніе неразрывной связи хозяйственнаго быта съ другими сторонами общественной жизни народовъ должно побудить экономистовъ разсматривать политическую экономію какъ часть болѣе обширной науки—соціологіи. Въ этомъ заключается главная мысль Ингрэма, которая положена также въ основаніе его небольшой, сжато и интересно написанной „Исторіи политической экономіи". Изданіемъ этой книги въ русскомъ переводѣ проф. Янжулъ оказалъ несомнѣнную услугу всѣмъ занимающимся и интересующимся у насъ вопросами экономической науки. Въ небольшомъ предисловіи И. И. Янжула указано значеніе трудовъ Ингрэма, и сверхъ того прибавлены къ тексту нѣкоторыя примѣчанія, преимущественно библіографическаго характера.

М. Горенбергъ. Теорія союзнаго государства въ трудахъ современныхъ публицистовъ Германіи. Спб. 91. Стр. V и 221. Ц. 1 р. 25 к.

Вопросъ о союзномъ государствѣ въ отличіе отъ союза государствъ (Bundesstaat и Staatenbund) давно уже служитъ предметомъ разработки и обсужденія въ спеціальной нѣмецкой литературѣ, такъ какъ онъ представляетъ особый интересъ для Германіи, въ виду ея своеобразнаго политическаго устройства. Г. Горенбергъ обстоятельно знакомитъ насъ съ новѣйшимъ научнымъ движеніемъ въ этой области, причемъ выставляетъ на видъ общіе успѣхи нѣмецкой науки въ разработкѣ государственнаго права, со времени возстановленія германскаго единства.

Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ, отъ начала русской образованности до нашихъ дней. С. А. Венгерова. Вып. 30. Спб. 91. Стр. 383—422.

Настоящимъ выпускомъ заканчивается второй томъ, и дальнѣйшее изданіе словаря будетъ выполняться не отдѣльными выпусками, какъ то было до сихъ поръ, но законченными томами, изъ которыхъ каждый будетъ равенъ 10 выпускамъ. Значительная часть настоящаго выпуска посвящена большой статьѣ о поэтѣ старыхъ временъ Бенедиктовѣ; авторъ статьи не отрицаетъ того, что Бенедиктовъ въ свое время пользовался значеніемъ, но полагаетъ, что такимъ значеніемъ пользовался лишь у „умственной (?) черни"; впрочемъ, вспомнивъ поэзію ближайшаго времени, авторъ уменьшилъ въ концѣ статьи свою требовательность по отношенію къ Бенедиктову, и призналъ, что все-таки у него „есть мысли и чувства, облагораживающія всякаго, кто къ нимъ приближается".

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. . .	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза . .	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе.— Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается—**безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

☛ Съ перваго іюля открыта подписка на второе полугодіе 1891 года. ☚

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ:* 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера, на Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго моста (бывшій Мелье и К°), и Н. Фену и К°, Невскій просп., 42;—въ *Москвѣ:* 1) въ книжн. магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи.— *Иногородные* и *иностранные*—обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Спб., Галерная, 20; и 2) лично—въ Контору журнала.—Тамъ же принимаются ИЗВѢЩЕНІЯ и ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе.—1) *Почтовый адрессъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адресса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адресса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе—40 коп.— 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала.—4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.

КАТАЛОГЪ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“ за 25 лѣтъ: 1866—90 гг., съ алфавитнымъ указателемъ именъ авторовъ. Спб. 1891 г. Стр. 166. Цѣна 1 р., съ пересылкою.